ШЕСТНАДЦАТЬ ЗАВОДОВ

ИЗ

Зак по ск № 14-5
3 бокс.

ШЕСТНАДЦАТЬ ЗАВОДОВ

ГЛАВЫ ИЗ ИСТОРИИ

ОГИЗ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗД-ВО «ИСТОРИЯ ЗАВОДОВ»

Редакция „Истории заводов" просит читателей все коллективные и индивидуальные отзывы, всякого рода замечания и предложения, относящиеся к содержанию и внешности книги, направлять по адресу: Москва, ул. Горького, 15, редакции «Истории заводов».

ПРЕДИСЛОВИЕ

Работа по созданию истории заводов, развернувшаяся по инициативе М. Горького на основе решения ЦК ВКП(б), мобилизовавшая тысячи рабочих, сотни писателей и историков, входит к началу 1934 г. в полосу качественного роста. Приуроченный к этому времени выпуск первых типовых книг по истории заводов намечает определенные формы исторического изложения, закрепляет тип большевистской истории предприятия.

Однако признать законченным период исканий, период творческих опытов в области истории заводов значило бы совершить серьезную, трудно поправимую ошибку. Решение центральной задачи, встающей на этом этапе перед работниками истории заводов — задачи повышения художественного качества, — самым тесным образом связано с умением воспроизвести особенности данного предприятия. История пролетариата должна быть показана во всей своей жизненности, во всей красочности, во всем разнообразии. Одним из худших врагов истории заводов является трафарет. Настойчивая творческая учеба, настойчивое овладение марксистско-ленинской методологией истории, снова и снова возобновляющаяся работа над художественной формой — непременные условия создания большевистской истории заводов.

Именно поэтому не только для актива рабочей интеллигенции, образовавшегося и растущего на работе по истории заводов, но и для широкого круга читателей представляют интерес промежуточные формы, первоначальные варианты, пробные главы и отрывки, встающие вехами по пути создания научно-художественной истории. В этом больше, чем в литературной или исторической ценности отдельных отрывков — подлинный смысл издания сборника «Шестнадцать заводов».

Сборник был задуман почти год назад. Вместе с ростом всего дела «Истории заводов», вместе с постоянным повышением требований к качеству истории менялся и облик предполагавшегося собрания отрывков. Появилась возможность внести в сборник элементы внутренней связи, исторической последовательности. Расположенные в хронологиче-

ском порядке отрывки приобрели некоторое подобие единства, сложились в книгу, отдельные звенья которой то крепче, то слабее спаяны единством общей большой темы исторического роста пролетариата СССР, пришедшего через десятилетия борьбы и побед к построению бесклассового общества.

Речь идет не о полноте исторического изображения. Перед читателем возникают только отдельные контуры исторического процесса, но и они величавы. В глухой ночи крепостничества зарождаются стихийные вспышки протеста военно-ремесленников на Ижорском заводе, крепостных ткачей на Ярославской мануфактуре. Спустя долгие десятилетия закладываются основы пролетарского классового сознания. Читатель вместе с М. И. Калининым поступает на Путиловский завод, проходит через рабочие кружки, через споры Ленина с экономистами. Его захватывает героизм железнодорожников Казанки, активных, самоотверженных участников декабрьского восстания 1905 г. Он видит борьбу рабочих с черной сотней в годы реакции, физически ощущает систему угнетения рабочих при капитализме, читая о быте лесснеровских рабочих или о массовых отравлениях на фабрике «Треугольник», ставших одним из побудительных поводов колоссального подъема рабочего движения перед войной. Читатель знакомится с хозяйской политикой насаждения шовинизма и национальной розни в среде многонационального пролетариата Урала в годы империалистической войны. Он видит заводский коллектив в борьбе за власть советов, читает об октябрьских боях гужоновцев и амовцев, вместе с Алтайской коммуной семянниковцев, вместе с железнодорожниками Казанки он входит в горнило гражданской войны и военного коммунизма. На его глазах совершается переход к мирному строительству, к восстановлению народного хозяйства, к организации сложнейших отраслей промышленности, которых не могли наладить капиталисты. Возникает автостроение, растет инструментальная промышленность. Вместе с первыми шагами реконструктивного периода начинается напряженная борьба за овладение высотами техники. На материале истории фабрики «Красный Перекоп» читатель видит, как преодолеваются пережитки капитализма в сознании трудящихся, как выковываются новые формы быта. Читая сжатую, проникнутую пафосом борьбы хронику Сталинградского тракторного, читатель пробегает путь, победоносно пройденный первенцем пятилетки, первым заводом в СССР, освоившим передовую технику массового поточного производства.

Таковы страницы истории шестнадцати заводов.

Подборка пробных глав стала книгой, представляющей известный (местами существенный) интерес для широкого

читателя. Было бы однако ошибкой видеть в сборнике объединение лучших, наиболее удачных отрывков из истории. Необходимо учесть, что многие главы, даже большинство их, отражают вчерашний день «Истории заводов». Их ценность — в соответствии определенному, многими авторскими коллективами уже пройденному этапу. Ведь на этих удачах и ошибках учатся и еще будут учиться сотни участников общего дела. На этом опыте поднялись и еще поднимаются достижения сегодняшнего и завтрашнего дня «Истории заводов».

Представленные в сборнике тексты не являются окончательными. Прежде чем войти в книги по истории заводов, многие из них подвергнутся доработке и прямой переработке. Почти не введен в сборник и так называемый научный аппарат (точные ссылки, указатели источников) — составная часть ряда книг по истории заводов. Далеко не исчерпан в сборнике и список предприятий, успешно ведущих работу. Однако и в части этих отрывков поднят и разработан материал, важный для исторической науки, интересный для публициста и писателя.

* * *

Российский капитализм зародился, как неоднократно подчеркивал Ленин, в эпоху крепостничества и развивался в тесном переплетении с крепостническими пережитками. В условиях господства феодально-крепостной системы купеческий капитал, направлявшийся в промышленность, создавал крепостную промышленность. Именно эта крепостная мануфактура показана в главе из истории Ярославской большой мануфактуры «Затрапезновский застенок».

Автор нарисовал картину положения крепостных рабочих на затрапезновской мануфактуре, дал портреты хозяев. Однако некоторые существенные моменты в его изложении оказались затушеванными. Техника производства скорее упоминается, чем описывается. Не дано в отрывке и необходимого анализа состава крепостных рабочих. Несмотря на это работа тов. Н. Паялина представляет существенный интерес, во многом способствуя разрешению спорных вопросов зарождения и развития крепостной мануфактуры.

Оригинальную страницу истории казенных заводов, вообще мало изученных, открывает работа тов. С. Завьялова — глава из истории Ижорского завода «Шпицрутены, палки и кошки». Завьялов показывает здесь казенную мануфактуру периода возникновения капитализма. Как известно, Ленин придавал важнейшее значение переходу от мануфактуры и первых стадий капитализма в промышленности к капиталистической фабрике. Капитализм старше фабрики, но фабричный способ производства представляет собой именно

ту стадию капитализма, на которой окончательно формируются классы капиталистического общества. В работе Завьялова показана казенная мануфактура, которая в новой исторической обстановке бьется в неразрешимом противоречии, пытаясь крепостническими методами разрешить задачу своей перестройки. Показана и стихийная борьба крепостных рабочих, побеги, смиренные просьбы, жестоко караемые начальством. Показаны первоначальные формы еще не организованной, еще не осознанной классовой борьбы. В то же время в работе Завьялова, как и в некоторых других работах о казенных предприятиях, недостаточно четко сформулировано сочетание крепостничества и капитализма, особенно характерное для казенных предприятий.

Крымская война сделала очевидным крах крепостной системы. Необходимо было открыть клапан для развития капиталистических отношений. Крестьянские, а вместе с крестьянскими и рабочие волнения толкали к этому крепостников. Реформа 1861 г. дала известный простор капиталистическому предпринимательству, росту российской черносотенной буржуазии, заключившей союз с помещичьим самодержавием.

Меньшевизм, утверждавший идею гегемонии буржуазии в буржуазно-демократической революции, фальсифицировал всю историю России. Правые оппортунисты, вроде Слепкова, говорившие о буржуазном перерождении самодержавия после 1861 г., продолжали ту же меньшевистскую, ликвидаторскую фальсификацию, фактически оправдывая задним числом политику меньшевиков, поддерживавших идею кадетского думского министерства. Материалы истории заводов, отражающие историю промышленности в пореформенный период, ярко опровергают меньшевистско-троцкистских фальсификаторов, отрицающих классовую помещичью природу российского самодержавия.

История двух совершенно различных предприятий, представленных в этом сборнике — Обуховского завода (ныне «Большевик») и Трехгорной мануфактуры, отчетливо показывает черты российского капитализма, переплетавшегося с крепостничеством, с самодержавием.

История русской тяжелой индустрии вообще изучена слабее, чем история текстильной промышленности. Тем любопытнее данные, приводимые тов. М. Розановым в главе из истории Обуховского завода. Здесь все характерно: и предоставление инициативы основания военного завода компании из трех капиталистов и неумение этой компании справиться в конце концов с делом. Ярко показана капиталистическая техника как орудие эксплоатации. «Людей не жалеть» — вот лозунг, который дает Морское министерство директору завода. И недаром в 90-х годах рабочие сплачи-

ваются для борьбы, на заводе появляются агитаторы руководимого Лениным петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса.

Работа тов. П. Парадизова «Трехгорная мануфактура в пореформенную эпоху» показывает влияние экономического кризиса 60-х годов на переоборудование Трехгорной мануфактуры. Капиталистический цикл развертывается далее — мануфактура вступает в период депрессии 80-х годов и промышленного подъема 90-х годов, окончательно превращаясь в крупную фабрику.

В работах по истории Обуховского завода и Трехгорной мануфактуры ставится также проблема взаимоотношений русского и иностранного капитала. Явственно вырисовывается технико-экономическая зависимость царской России от иностранного капитала, и вместе с тем отчетливо прощупываются туземные корни российского капитализма, уходящие, как указывал Ленин, в дореформенную деревню.

Картину развития капитализма в России дополняет статья тов. А. Гайсиновича «Экономическое развитие Коломенского завода до 1905 г.», показывающая, что Коломенский завод развивался прежде всего на базе паровозостроения, в связи с общим ростом капитализма в России и в связи с военной политикой самодержавия. Интересны также данные, относящиеся к промышленному подъему 90-х годов и кризису 900-х годов.

На фоне роста капитализма, роста пролетариата возникает массовое рабочее движение, зарождается революционная социал-демократия, появляется гигантская фигура Ленина. От стихийности рабочее движение переходило все больше к сознательности. Связывая экономическую борьбу с политическими задачами пролетариата, Ленин всегда решительно боролся с принижением рабочего движения до уровня «экономизма». Ленин подчеркивал руководящую роль партии, необходимость создания партии нового типа, какой и явилась большевистская партия.

В своей статье о Бабушкине Ленин подчеркнул, что все достигнутое революционной социал-демократией завоевано с помощью передовых рабочих, одним из лучших представителей которых являлся Бабушкин. В главе тов. М. Левберг о 90-х годах на Путиловском заводе показано появление нового типа революционных рабочих — социал-демократов, будущих большевиков.

«В современной России, — писал Ленин в 1905 г.[1], — не две борющиеся силы заполняют содержание революции, а две различных и разнородных социальных войны: одна в недрах самодержавно-крепостнического строя, другая в недрах бу-

---

[1] Ленин, Собр. соч. т. VIII, стр. 255.

дущего, уже рождающегося на наших глазах буржуазно-демократического строя. Одна — общенародная борьба за свободу (за свободу буржуазного общества), за демократию, т. е. за самодержавие народа, другая — классовая борьба пролетариата с буржуазией за социалистическое устройство общества». Ленин выдвигал возможность перерастания в 1905 г. буржуазно-демократической революции в России в революцию социалистическую. Это ярко подчеркнул тов. Сталин в своем известном письме в редакцию журнала «Пролетарская революция» и других предшествующих работах.

Анализируя революцию 1905 г., Ленин подчеркивал гегемонию в ней пролетариата. Недаром в революции 1905 г. такую исключительную роль играл пролетарский метод борьбы — стачка. Экономическая стачка перерастала в стачку политическую, стачка политическая — в вооруженное восстание. Ленинскую постановку вопроса удачно иллюстрирует публикуемый в сборнике отрывок из истории Московско-казанской ж. д. «Казанцы в боях с самодержавием в 1905 г.». Материалы истории Казанки отчетливо показывают, что восстанием руководили большевики, что восстание было организовано большевистским комитетом, что только благодаря большевистской партии революция 1905 г. могла подняться до вооруженного восстания. Мужественная борьба рабочих Казанки, расправа Дубасова и Римана отражены в отрывке из истории Казанки. В нем однако недостаточно четко выявлены особенности движения железнодорожного пролетариата, не всегда достаточно увязывается восстание на Казанке с общероссийским вооруженным восстанием.

Пролетариат в период ущерба революции рисует отрывок «Борьба с черной сотней», написанный тов. Паялиным. Здесь показаны попытки черносотенцев овладеть избирательной кампанией в I Государственную думу, показаны бойкотистские настроения широких слоев сознательного пролетариата, борьба с черносотенством и конституционными иллюзиями.

Два отрывка рисуют положение рабочих в эпоху подъема.

«Выборгская петля»—глава, написанная тов. М. Шкапской, вскрывает положение рабочих и отношения между рабочими, хозяевами и администрацией на заводе «Новый Лесснер» (ныне завод имени К. Маркса в Ленинграде). Из отрывка однако не видно, в чем заключались новые черты положения рабочих и рабочего движения в эпоху подъема сравнительно с периодом реакции. Не показано, чему научил рабочих опыт революции и реакции.

Борьба нелегальной большевистской организации, использовавшей возможности легальной работы в Думе, профсоюзах, страховых организациях, нашла свое отражение в от-

рывке из истории фабрики «Красный треугольник» «Отравления на Резиновой», написанном тов. Э. Выгодской.

Массовое отравление работниц на «Треугольнике», вызванное применением крайне ядовитого, но зато дешевого американского бензина, стало революционизирующим фактором большой силы, оно открыло глаза на эксплоататорскую сущность капитализма многим несознательным рабочим, многих из них приблизило к революционному авангарду. Дело об отравлениях еще раз показало ведущую революционную роль большевистской фракции Государственной думы, обнажило классовую роль российского государственного аппарата, юстиции, «парламентаризма», воплощенного в третьеиюньской Думе, роль и тактику буржуазных партий.

Новый в значительной мере материал содержат главы, посвященные империалистической войне. В отрывке из истории Надеждинского металлургического завода в годы империалистической войны показан ряд особенностей в положении рабочих на предприятиях с многонациональным составом пролетариата. На Надеждинском заводе в годы войны работали и подвергались дикой эксплоатации помимо русских, татар и башкир также военнопленные австрийцы и привезенные с Дальнего Востока китайцы. Рабочее движение в этих условиях оказалось чрезвычайно своеобразным, в особенности движение рабочих-китайцев.

Интересные проблемы выдвинуты, хотя и не всегда четко сформулированы, тов. А. Правдичем в отрывке из истории фабрики «Скороход». Наглядно показывая лицо представителей буржуазного «прогрессивного блока» и не нарушенное войной единство классовых интересов капиталистов разных наций, обрисовывая разложение самодержавия и мародерскую роль буржуазии в годы войны, отрывок подводит читателя к пониманию неизбежности краха капиталистической системы.

Необходимо со всей серьезностью подчеркнуть, что не только в отрывке из истории фабрики «Скороход», но и в ряде рукописей по истории заводов общие моменты, в частности характерные особенности русского военно-феодального империализма и узловые задачи пролетариата, на каждом данном этапе не всегда осознаются и еще реже формулируются авторами. Разумеется, не следует в каждой рукописи одинаковыми словами излагать общие вопросы, но без учета этих общих проблем, без понимания того, как на материале отдельных предприятий можно выдвинуть новые научно-значимые проблемы, хотя бы и неразрешимые в рамках изучения одного предприятия,—рукопись исто-

рии заводов не может отвечать предъявляемым к ней научным требованиям.

Период Октябрьской революции представлен в сборнике двумя главами. Работа тов. В. Меллера «На путях к Октябрю» посвящена периоду июнь—октябрь 1917 г., периоду подготовки вооруженного восстания против Временного правительства. При существенных недостатках изложения и недостаточной доработанности периодизации сам материал истории завода «Гужон» содержит ряд интересных моментов, характеризующих эпоху перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

Вопреки троцкизму, отрицавшему внутренние силы российской революции, вопреки фальсификаторам истории 1917 г. типа Шляпникова, отстаивавшим стихийный характер движения, мы отчетливо видим революционные творческие силы пролетариата и организующую, ведущую руку партии. Рабочий контроль, выдвигавшийся большевиками как ближайшая задача еще в начале революции, стал первым этапом на пути к захвату предприятий пролетариатом [1].

Саботаж предпринимателей, их нежелание наладить производство являлись на заводе «Гужон», как и везде, средством борьбы с революцией. Капиталисты сознательно разрушали производительные силы. Соглашатели предлагали передать завод «Гужон» государству. «Но какому государству? — спрашивал Ленин в статье «Кризис назрел». — Государству тех же соглашателей».

Единственным выходом была национализация пролетарским государством, государством советов, государством диктатуры пролетариата фабрик, заводов, банков. От рабочего контроля к рабочему управлению — таков путь пролетарской революции. В этом скоро убедились массы.

Борьба за завод переплеталась с борьбой за политическую власть. И здесь, так же как и в борьбе за завод, руководили большевики, создавая Красную гвардию, возглавляя стачечное движение рабочих, подготовляя их к захвату власти. Так подходил пролетариат Москвы и пролетариат всей России к Октябрю.

Отрывок из истории автозавода им. Сталина, бывшего АМО, рисует октябрьские дни в Симоновском районе Москвы и в Москве вообще. Правильно уловив черты своеобразия в ходе Октябрьской революции на автосборочном и ремонтном заводе, каким был АМО в 1917 г., автор тов. С. Гинзбург оценил важность овладения средствами передвижения, в частности значение автомобильного парка, для успеха вооруженного восстания.

---

[1] См. И. Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 95.

Гражданская война представлена в сборнике двумя главами. Первая из них — «Алтайская коммуна» тов. А. Дымщица—рисует чрезвычайно оригинальный и малоизвестный эпизод из истории пролетарского руководства крестьянством. История коммуны, организованной рабочими-семянниковцами на Алтае, показывает, как рабочий класс в обстановке гражданской войны мобилизовывал крестьянские резервы, как он уже в первые годы революции подготовлял будущие формы социалистического труда. Коммунарами-семянниковцами, питерскими пролетариями, в условиях колчаковского подполья была проделана огромная работа в одном из самых глухих национальных районов.

Пролетариат на фронтах гражданской войны показан и в главе тов. И. Плугова «Борьба железнодорожников Казанки с чехо-словаками». Борьба рабочего класса под руководством большевиков против интервентов, борьба партии против оппортунистического влияния на пролетариат, борьба за использование всех технических средств для защиты революции — таково содержание этого периода.

Гражданская война кончилась. Началась пора восстановления и реконструкции народного хозяйства. «Из России нэповской, — говорил Ленин, — будет Россия социалистическая».

Восстановление народного хозяйства большевиками нельзя понимать как простое восстановление хозяйства царской и капиталистической России. На социалистических предприятиях — новые производственные отношения. По-иному, по-новому ставится и вопрос о восстановлении производства. Большевики уже в 1924 г. начинают овладевать таким передовым производством, как автомобильное, которого не могли наладить российские капиталисты. Первые десять машин амовцы выпустили под лозунгом «Да здравствует РКП(б) — авангард рабочего класса! Рабочий-хозяин строит автопромышленность, которой не было у капиталиста-хозяина».

В наши дни, когда лозунг освоения техники является ведущим, чрезвычайно поучительно ознакомление с тем, как еще десять лет назад под руководством партийной организации бились амовцы над вопросами освоения новой техники.

Почти об этом же говорит и посвященная овладению производством советского инструмента глава тов. С. Черняка «Советская марка» (из истории Московского инструментального завода).

Пролетариат, взявший власть в стране, отсталой в технико-экономическом отношении, должен в кратчайшие исторические сроки догнать и перегнать передовые капиталистические страны; должен доказать и блестяще доказывает

превосходство советского социалистического планового хозяйства над хозяйством осужденной на гибель капиталистической системы. Борьба за качество советского инструмента, за производительность труда, за пролетарскую дисциплину есть борьба классовая, борьба против контрреволюционного троцкизма, против всех видов оппортунизма. Не случайно троцкисты агитировали на заводе против социалистического производства, против повышения производительности труда. В борьбе против троцкистов растет рабочий коллектив завода, растет производственно-техническая интеллигенция рабочего класса, растет большевистская закалка всего рабочего коллектива.

Дальнейшие ступени этого роста—борьба против правого оппортунизма, борьба за социалистические формы труда, за наступление по всему фронту — показаны в главе тт. В. Перцова и В. Апресяна из истории того же Инструментального завода.

Вместе с реконструкцией производства, с изменением форм труда меняется и быт. Этим процессам посвящены: глава тов. В. Федоровича из истории фабрики «Красный Перекоп» (бывш. Ярославской мануфактуры) и глава тов. С. Лапицкой из истории Трехгорной мануфактуры. Рабочий быт в условиях капитализма сопоставлен здесь с новым бытом, новыми потребностями социалистического пролетариата, завоеваниями рабочего класса Советского союза в области культурного строительства и улучшения материально-бытового положения рабочих масс.

Наконец пафос строительства первой пятилетки находит выражение в точных справках и документальных свидетельствах краткой хроники Сталинградского тракторного завода.

Разумеется, далеко не все существенные проблемы поставлены публикуемыми здесь главами, не все даже важнейшие темы отражены в этом сборнике, не все периоды освещены, но опубликование даже этих первых вариантов и отрывков дает авторским коллективам, работающим над историей заводов, работникам различных областей науки и искусства, широкому кругу читателей представление о характере проводимой работы, о путях и методах разрешения поставленной партией задачи — создания большевистской научно-художественной истории заводов.

* * *

Представленные в сборнике главы и отрывки неодинаково ценны в научном и художественном отношении. Нельзя ожидать и того, чтобы все они были написаны в одинаковом стиле — Главная редакция предоставила авторам значительную свободу в поисках формы изложения. Наряду с наиболее желательным, научно-художественным ти-

пом книги, к которому приближаются лучшие рукописи, вполне допустимы и книги другого рода — научно-популярные монографии, художественные произведения на темы истории заводов, автобиографии, портреты живых людей, сборники исторических статей или очерков. Но основной задачей Главной редакции остается создание высококачественных, научно-художественных книг, проникнутых большевистской идейностью, отличающихся глубиной в постановке научных проблем, фактической достоверностью, полнотой охвата материала, связностью и художественной яркостью изложения.

Разнообразие будущих книг значительно. Оно во многом обусловлено исторической, хозяйственной, технической индивидуальностью предприятий. На форму изложения накладывает также отпечаток литературная направленность авторов—писателей, журналистов, историков, рабочих авторов. В одних отрывках сделан упор на обрисовке быта, в других — на показе революционного движения или техники. Различны степень и методы творческой переработки материала, различен подход к изображению живых людей — участников исторических событий. В сборнике представлены и научно-популярные очерки по истории заводов («Серп и молот», Трехгорная мануфактура) и главы, приближающиеся к научно-художественному типу (Ижорский завод, Московский инструментальный завод), и промежуточные формы (Коломенский завод, завод им. Ленина, автозавод им. Сталина).

На примере главы тов. Меллера «На путях к Октябрю» («Серп и молот») видно все значение литературного оформления истории заводов. Тов. Меллером поднят и изучен интересный материал борьбы гужоновцев с саботажем капиталистов. Но сухое изложение, отсутствие показа живых людей и бытовых, жизненных моментов, злоупотребление цитатами и ссылками приводят к тому, что от читателя ускользает историческая проблематика, перестает ощущаться драматизм событий, о которых сообщает автор. Из-за неудачной формы изложения работа, содержащая весьма интересный и важный материал, почти пропадает для читателя-неспециалиста.

В отрывке тов. Парадизова из истории Трехгорной мануфактуры черты «академизма», некоторая перегрузка цифрами и таблицами возмещаются четкостью анализа и строгой последовательностью изложения, концентрирующего внимание читателя на процессе превращения Трехгорной мануфактуры в капиталистическую фабрику. Несомненно однако, что и экономический анализ был бы более закончен-

ным, политически острым и впечатляющим, если бы автор сумел показать конкретное отражение экономических сдвигов в быту рабочих, если бы, по выражению Горького, «цифры, убедительно говорящие о том, как просто наживались деньги, дополнялись картинами того, как легко и быстро истощались люди».

В отрывке тов. Гайсиновича из истории Коломенского завода удачно введены некоторые бытовые иллюстрации — «истинно-русские» патриотические празднования в честь выпуска сотого и трехсотого паровоза, в честь укрепления «отечественной» промышленности, организованные хозяевами-немцами для скорейшего получения новых заказов и культивирования среди рабочих иллюзий классового сотрудничества. Сходные моменты отражены в главе «Хозяева» из истории фабрики «Скороход». «Патриотические» комбинации фабрикантов-немцев, владельцев «Скорохода», освещены тов. Правдичем последовательнее и с большей художественной полнотой, чем в отрывке тов. Гайсиновича. В известной мере это объясняется темой главы, дающей больше простора для художественного изображения. Несомненно однако, что и процесс экономического развития Коломенского завода богат бытовыми подробностями, позволяющими обрисовать судьбы живых людей, участников и творцов истории. Задача автора — найти этот материал и построить свое повествование так, чтобы в истории завода был показан весь живой комплекс исторического процесса, а не расщепленные отдельные стороны жизни и развития завода. К пониманию этого приходят в процессе своей творческой работы лучшие авторские коллективы и отдельные авторы.

Характерны в этом отношении главы, написанные тов. Паялиным, одним из талантливых рабочих авторов, вырастающим на работе по истории заводов в научного работника-историка. Если в первой своей книге — истории завода им. Ленина (в настоящем сборнике она представлена главой «Борьба с черной сотней») — тов. Паялин не ставил перед собой специальной задачи — показать бытовую обстановку и живых людей, то в следующей своей работе по истории фабрики «Красный Перекоп» (в сборнике помещен отрывок «Затрапезновский застенок») тов. Паялин, обогащенный творческим опытом ряда авторских коллективов, стремится воссоздать колорит эпохи. Он мобилизует для этого большой материал, рисующий людей, быт и нравы описываемых периодов, создает портреты основателей Ярославской мануфактуры — Тамеса и Затрапезнова, характеризует бытовой уклад крепостной мануфактуры, условия труда и т. п.

Воссоздать с необходимой полнотой образ крепостного рабочего тов. Паялину пока не удалось. Разрешить эту задачу нелегко. В сохранившихся материалах лицо помещика или купца запечатлено значительно полнее, нежели лицо крепостного рабочего. Образ крепостного рабочего приходится восстанавливать на основе фактов, рассеянных по архивным, мемуарным, литературным и всяким иным документам целой эпохи, а не только одного завода. Сам тов. Паялин пользуется материалами фабричного фольклора, широко привлекает различные вспомогательные источники для характеристики телесных наказаний и т. п. Делается это однако недостаточно последовательно. Порой, как например в биографиях Тамеса и Затрапезнова или в описании ассамблеи у Затрапезнова, воссоздание из деталей целой картины подменяется их механическим нагромождением.

Слабое место в главе «Затрапезновский застенок» — показ техники. Термины «батан», «уточина» и «зев» не пояснены, цельная картина производства не нарисована, и для читателя-нетекстильщика рассказанное остается мало понятным.

Заслуживают внимания в этой связи страницы, посвященные показу техники, в работе тов. Розанова по истории Обуховского завода (теперь завод «Большевик»). История технико-экономического развития капиталистического предприятия на протяжении всей главы показана как история эксплоатации рабочих, орудием которой и является капиталистическая техника. Из описания производственного процесса на технически отсталом предприятии, не знающем вдобавок почти никаких мер предосторожности, вырастает страшная картина ранений, травм и смертельных увечий, предусмотренных, кстати сказать, во всех деталях заводской администрацией, создавшей специальную таблицу для определения и расценки увечий, получаемых рабочими.

Менее удачны у тов. Розанова разделы о работе первых революционных кружков. Здесь (как отчасти и в отрывке из работы тов. Левберг по истории «Красного путиловца») материал еще недостаточно освоен автором. Отдельные факты, отдельные имена загромождают повествование. В то же время отсутствие единой, связывающей всю книгу линии приводит к неровности, нередко к чрезмерной беглости изложения, мешающей углубленной характеристике, наглядному показу.

Изображение исторического процесса во всей его полноте и конкретности обусловливает привлечение огромного материала, грозящего затопить историка. Овладеть этим материалом можно только на основе научного и художественного осмысления его, на основе тщательного продумывания художественной композиции.

Сюжетный замысел не должен привноситься в историю

извне. Задача автора — найти магистральную линию в развитии предприятия, нащупать узловые моменты истории и на них построить свой план наиболее отчетливого, наиболее впечатляющего расположения материала.

Работа тов. Завьялова по истории Ижорского завода выделяется из ряда других работ стремлением вывести художественный прием из самой природы исторического материала, из его специфики. Творческое отношение автора к документам истории Ижорского завода возникло на основе серьезного их изучения. Документ для тов. Завьялова — не только отражение факта, заключенного в нем, но еще и метод характеристики эпохи и ее людей, стоящих за этим документом и создавших его. Стилизацией отдельных оборотов речи, присущих документам той или иной эпохи, вкрапливанием целых отрывков их в текст тов. Завьялов пользуется для характеристики отдельных людей и общественных прослоек, для передачи колорита эпохи. Сырой материал, архивный документ, серьезно осмысленный, сопоставленный с другими источниками, становится важнейшим элементом художественной работы. Автор почти не прибегает к беллетристическому «подкрашиванию» научно-исторического материала, к внешнему уподоблению художественной литературе, когда художественная деталь превращается из средства раскрытия исторического содержания в беллетристическое разукрашивание «скучного» материала. Элементы такого рода «беллетризации» порой пробиваются в главе тов. Выгодской «Отравления на Резиновой».

Образные описания, передача событий через восприятие действующих лиц, диалоги—таковы приемы художественного изложения, которыми широко пользуется тов. Выгодская. Там, где художественная деталь не надумана, не искажает исторической правды, не приобретает самодовлеющего значения, там, где она неразрывно связана с историческим содержанием главы,— метод тов. Выгодской оправдывает себя. Таков эпизод заседания Государственной думы, на котором разбирается дело об отравлении. Широко используя стенограммы думских заседаний, тов. Выгодская драматизировала речи большевистского депутата Бадаева, черносотенцев Маркова II и Пуришкевича, расцветила их множеством деталей, наглядно показывающих сущность думской комедии.

Но в работе тов. Выгодской историческое содержание не всегда является определяющим. Порой желание во что бы то ни стало использовать ту или иную деталь берет у автора верх. Чрезвычайно подробно описывается например вынужденный переезд большевика Чижова, раздававшего пособия бастующим рабочим, на другую квартиру и избиение им шпика, хотя эти факты не имеют значения

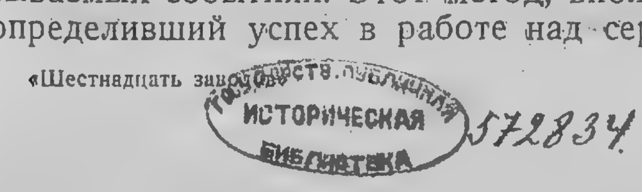
для истории отравления и не вносят ничего нового в характеристику самого Чижова. Художественная деталь здесь берется, как «выигрышная», отдельно, вне связи с тем основным, по отношению к которому она и является «деталью». Такая деталь в общей системе главы оказывается ненужной.

В помещенной в сборнике главе из истории завода им. К. Маркса (бывш. «Лесснер») тов. Шкапская, изображая путь, проходимый массой лесснеровских рабочих, пришла к художественному показу системы порабощения рабочего класса при капитализме. «Пристав над околоточным, околоточный над городовым, городовой над дворником, а дворник над всеми нами, рабочими...»

Тов. Шкапская создает обобщенный образ рабочего-лесснеровца, на каждом шагу своей жизни сдавленного «выборгской петлей», угнетенного на заводе, на улице, дома, в быту. В отдельных эпизодах тов. Шкапская показывает конкретных рабочих и мастеров, но господствует в изложении обобщенный образ «лесснеровца». Главу «Выборгская петля» тов. Шкапская строит преимущественно на материале воспоминаний. Для нее воспоминание является такой же почвой, выращивающей и определяющей приемы художественной работы, как для тов. Завьялова — документ.

Если тов. Шкапская осмысливает и художественно перерабатывает преимущественно уже собранный материал, то тов. В. Федорович (глава «Первый дом коллектива» из истории фабрики «Красный Перекоп») само собирание материала, самый опрос вспоминающего ведет, исходя из уже наметившегося научно-художественного замысла; это дает возможность получать воспоминания, органически укладывающиеся в повествование.

Это в известной мере и удается тов. Федоровичу. Однако образцом такой организации собирания материала до сих пор остается работа авторского коллектива, создавшего книгу «Люди Сталинградского тракторного». Здесь собиратели воссоздавали по предварительным данным образ рассказчика, контуры событий, о которых он может и будет рассказывать, наметки тем, на которых нужно концентрировать его внимание, и т. п. Здесь самое собирание воспоминаний является художественно-творческой работой. Полученный в результате такой работы материал носит характер почти готового историко-бытового, производственного очерка, портрета, отражающего не только самое событие, но и людей, вынесших на себе главные трудности борьбы, игравших существенную роль в рассказываемых событиях. Этот метод, вполне оправдавший себя, определивший успех в работе над серией портретов, сбор-

ником очерков, очень важен и в работе над связной историей завода. Важно отметить однако, что здесь нельзя ограничиваться только суммой очерков, хотя бы и отражающих в конечном счете существенные стороны заводской жизни. Общность темы не может заменить исторического и художественного единства повествования.

Помещенные в сборнике отрывки из истории Московского инструментального завода представляют существенный интерес. Здесь авторы без надуманности, без поверхностной «беллетризации» сумели в самом существе исторического материала найти ведущие линии, крепко стягивающие повествование. Борьба с троцкизмом, с правым оппортунизмом, борьба за качество, за освоение техники инструментального производства — все эти проблемы показаны конкретно, в связном повествовании. В главах истории Московского инструментального завода даны живые образы рабочих, представителей новой производственно-технической интеллигенции, образы старых производственных кадров, находящихся еще во власти кустарных методов работы, образы троцкистов, пробующих сыграть на шкурнических настроениях и терпящих полное поражение, правых оппортунистов, составляющих очковтирательские планы, и образы большевиков, борющихся против враждебных сил, ведущих коллектив завода на основе генеральной линии партии к новым победам.

* * *

В «Истории заводов» научно-художественной обработке подвергается почти не затрагивавшийся раньше материал. Работа над ним требует новых методов и приемов, заставляет пересматривать многие устоявшиеся и в исторической науке и в искусстве представления, вплотную подводит к новым проблемам. Центральная проблема советского искусства — проблема социалистического реализма — стоит перед работниками «Истории заводов» во всей своей четкости. Историки, литераторы, экономисты, специалисты по истории науки и техники могут и должны принять в работе над историей заводов СССР несравненно большее участие, чем они принимали до последнего времени.

Работа по «Истории заводов» поднимается на высшую ступень. Вопросы качества, в частности художественного качества, ставятся во главу угла. Вся дальнейшая работа должна итти под знаком всестороннего повышения требовательности к авторам «Истории заводов», под знаком напряженного идейного и творческого роста.

Сборник «Шестнадцать заводов» отражает лишь первые его этапы.

Секретариат редакции «ИСТОРИИ ЗАВОДОВ»

Н. Паялин

ЗАТРАПЕЗНОВСКИЙ ЗАСТЕНОК

Из первых глав истории фабрики «Красный Перекоп» (б. Ярославская большая мануфактура)

ПЕТРОВСКИЕ ФАБРИКАНТЫ — ТАМЕС И ЗАТРАПЕЗНОВ

В 1698 г. из Амстердама на четырех наемных кораблях были отправлены в Россию до 1 000 различных мастеров-иноземцев. Среди них находился некий гравер Павел Тамес, славившийся своими гравюрами. То был отец Ивана Тамеса, знаменитого полотняных дел мастера.

Иван Тамес своими талантами во многом превзошел своего отца. Познаниями в области промышленности, торговли и финансов он выделялся из среды петровых «птенцов». Он был чрезвычайно инициативным человеком и вырабатывал различные промышленные проекты, которые приводили в восторг царя. «Сей господин Тамес был подлинно муж великого сведения не только в коммерции, но и во многих других делах» — так восторженно аттестовал его П. И. Рычков, которого Тамес обучил бухгалтерии.

Это был плотный мужчина, вечно сосущий трубку, одетый в бархат и кружева, пронырливый и услужливый, нахальный и жестокий, смотрящий на все русское с высоты своего «голландского» превосходства. «Герр» Тамес пользовался особой любовью Петра и его жены Екатерины. Первого — услужливый голландец задобрил всевозможными «проектами» и веселыми пирушками, а вторую — одаривал полотняными подарочками, выделываемыми на его фабриках крепостными «девками».

Желая удержать около себя талантливого голландца, Петр давал ему различного рода преимущества, льготы. Петр дарил своему любимцу целые села со всеми приписными крестьянами, как например село Кохму. Он дал ему право передавать казне старую иностранную монету для переделки ее на новую; назначил его директором московской казенной полотняной фабрики; наконец запросто являлся к нему на дом, на пирушки, во время которых напивался вместе со своим «гостеприимным хозяином».

Герр Тамес широко пользовался всеми предоставленными ему правами и привилегиями, а также тем, что находился на короткой ноге с Петром.

Получив от державного друга в дар село Кохму «с деревнями», с жившими там крестьянами[1], «просвещенный» голландец, не стесняясь в выборе средств, постарался нажить изрядный капитал. Крестьяне в ту пору были обложены различными сборами «по частным случаям и нуждам государственным». Сборов было такое количество, что трудно их все перечислить. Сборы были «корабельные», «рекрутские», «драгунам на жалование», «на корм лошадям», «ямские», «на известковое жжение», «на дело кирпичное», «на пустые дворы», «для турецкой войны», «за смоленский провиант» и т. д. Оброки на крестьян с каждым годом росли и росли. В 1709 г. положено было собрать с кохмовских крестьян 262 руб., а в следующем году с них уже содрали 798 руб., в 1712 г. разные сборы и оброки выросли до 1 059 руб., в 1715 г.—до 1 192 руб., а в годы владения Тамесом кохмовскими крестьянами «разные» сборы достигли 3 000 руб., причем хитроумный голландец так поставил дело с оброками, что большая часть из них «застревала» у него в кармане. На его жаловались «великому государю» и местное начальство в лице воеводы, и монахи, и белое духовенство, но в результате страдали одни жалобщики, голландец же выходил сухим из воды.

Для того чтобы еще более расположить к себе могущественного друга, Иван Павлович Тамес пускался на всякие хитрости. Зная, что Петр мнил о себе, как о хорошем хирурге, и любил «до страсти» испытывать на ком бы то ни было свои воображаемые способности доморощенного хирурга, Тамес стал приставать к Петру, чтобы он вырвал зуб у его «девки», страдавшей зубной болью. «Царь по всем правилам и своими собственными инструментами выдернул зуб у той тамесовой долговязой голландской девки, потому что считает себя хорошим зубным врачом и всегда охотно берется вырвать кому-нибудь зуб».

Но этого мало. Для державного приятеля можно пожертвовать и самим собою. Царь-хирург произвел и над Тамесом хирургическую операцию, более опасную, чем выдергивание зуба. Операция была сделана «в паху», где образовалась большая опухоль, очень мучившая Тамеса. Во время операции, по собственным словам Тамеса, он был в «смертельном» страхе, отказать приятелю не решился.

После смерти тамесова друга Петра дела Тамеса продолжали процветать и при Екатерине I. Но при царе Пет-

[1] Указом 18 января 1721 г. Петр разрешил покупать крестьян к фабрикам и заводам, но с тем условием, чтобы прикупаемые крестьяне уже навсегда состояли при фабрике, к которой они были куплены. Кроме того правительство само прикрепляло к частным фабрикам и заводам крестьян. Так образовались так называемые посессионные фабрики (см. В. И. Семевский, Крестьяне в царствование Екатерины II, СПБ, т. I, стр. 463).

ре II дела Тамеса пошатнулись. Петр II почему-то не взлюбил голландца. В 1728 г. был издан именной указ, по которому Тамес со своей полотняной фабрикой должен был «очистить» занимаемое место в Белом городе, переходившее к наследникам Абрама Лопухина, любимца Петра II. Все оборудование (свыше 200 станов) было спешно перемещено в другую часть Москвы, в «Хамовники», и сложено «на поле без кровли», где и лежало целый год, так как «толикому множеству станов потребных мастерских изб построить вскоре было невозможно. Многое число веретен погнило, станов переломано и инструментов и машин истеряно». Фабрика была таким образом разгромлена. Это так повлияло на Тамеса, что он в следующем 1729 г. умер.

Первое деловое знакомство голландца с Иваном Максимовичем Затрапезновым произошло, когда царь Петр I отдал Тамесу в управление московскую фабрику с одним непременным условием, чтобы он вел дела не единолично, а с привлечением для развития этой фабрики «кумпанейства» из купечества, кто только пожелает добровольно. Исключение было сделано только ярославскому купцу Максиму Затрапезнову с сыновьями, которым было предложено именным приказом вступить в компанию с именитым голландцем. Они внесли в дело московской полотняной фабрики всего 250 руб. на общую сумму 46 000 руб., разложенных между Тамесом и другими компаньонами. Ясно, что столь малый взнос был сделан не для участия в прибылях фабрики, а лишь для получения права «входа» на фабрику Тамеса, для «изучения на ней полотняного дела». По-видимому различные привилегии, данные государем этой компании, соблазнили Затрапезновых.

Новый сотоварищ в компании — Иван Затрапезнов, сын Максима Семеновича, нисколько по своему «купецкому нутру» не отличался от именитого голландца Ивана Тамеса. То же стремление «зашибить малую толику», те же торговые принципы — «не обманешь — не продашь». Это был крупный и жестокий купец-мироед.

Двух Иванов, Тамеса и Затрапезнова, сближало еще то обстоятельство, что у них был общий приятель и покровитель — Петр I. В одно из посещений Затрапезновых в Ярославле Петр заприметил бойкого мальчика, сына Максима Семеновича, «Ивашку». Он «восхитил» царя своими удачными ответами и затейливыми играми. У Петра тогда же явилась мысль приучить к себе этого подающего надежды мальчика. «Озабочиваясь» подготовкой лиц из русского купечества, способных самостоятельно вести и распространять какое-либо мануфактурное дело, Петр направил в Голлан-

дию обучаться холщевому делу и сметливого мальчика Ивана Затрапезнова.

Целых семь лет пробыл Иван в чужих странах. Там он научился многому.

Из прежнего «Ивашки» он обратился в Ивана Максимовича Затрапезнова, любимца царя, который подарил ему по возвращении из Голландии 5 000 «душ» крестьян.

С возвращением на родину Ивана Максимовича многое в нравах и обычаях, царивших в Ярославле, было нарушено. В городе появился молодой человек с совершенно бритым лицом, в напудренном завитом парике, одетый настоящим немцем. Вместо рубахи и короткого зипуна на нем был надет «немецкий камзол», под ним виднелся ярко расшитый цветами жилет. На шее было «навернуто» кружево. Такое же кружево виднелось из рукавов камзола. На нем были короткие бархатные штаны. На ноги были «напялены» чулки и надеты башмаки с пряжками. Вся внешность молодого Затрапезнова поражала каждого ярославца. Простой народ стал смотреть на него как на слугу царя-антихриста, который «весь мир переел, которого немцы обошли, который постов не соблюдает, бреет бороду, одевается в короткое платье, ввел новые налоги, который народ мучает, клеймит его печатью антихриста». Последующие действия Ивана Затрапезнова, отличавшиеся к тому же большой жестокостью, все больше убеждали народ, что он — «слуга антихриста» [1].

По возвращении из Голландии Иван Затрапезнов стал один всецело управлять делами отца, ведя торговлю под старой фирмой «Максим Затрапезнов с сыновьями». Все сделки по торговле совершались через него одного и его именем. После смерти отца, в 1731 г., Иван Максимович унаследовал от него большую часть состояния, которая считалась «во многих тысячах».

В начале 1722 г. Иван Максимович Затрапезнов и Иван Тамес подали в мануфактур-коллегию прошение о разрешении устроить полотняную фабрику на родине Затрапезнова, в Ярославле. Они просили мануфактур-коллегию об отводе им двух участков земли: «двора пустого, на котором делали полотна шведские арестанты, и пустопорожнего места в Ярославском уезде, за рекою Которосль, в угодьях Спасо-ярославского монастыря, за слободкою Новофедоровской, за речкой Кавардаковской».

---

[1] См. «Чтения общества истории и древностей» за 1862 г., № 4, смесь, стр. 2; «Русский архив», 1873 г., № 10, столбец 2068—2074, № 11, столбец 2296—2297; Есипов, Раскольничьи дела XVIII века, т. I, стр. 59—84 и т. II, стр. 159—185.

Время было самое подходящее для подачи различных прошений «на высочайшее имя». Как раз в тот момент Сенат и Синод в лице восьми стариков преподнесли Петру титул «отца отечества, всероссийского императора и великого». Царь принял все «титулы» и на радостях стал одаривать своих любимцев — кому орден, кому целые вотчины с приписными крестьянами, а кого просто одарил деньгою. Были одарены и двое любимцев Петра — Тамес и Затрапезнов. Петр повелел мануфактур-коллегии немедленно удовлетворить прошение Тамеса и Затрапезнова и «отдать им, по описи, безденежно в Ярославле двор пустой, на котором делали широкие полотна шведские арестанты». Приказ на устройство полотняной фабрики был выдан мануфактур-коллегией 28 июня 1722 г. Эта дата должна служить временем основания Ярославской большой мануфактуры, а ныне фабрики «Красный Перекоп».

По тем временам фабрика быстро расцвела. В течение девяти лет вырос целый промышленный городок.

Нужно принять во внимание, что место, отведенное для фабрики, представляло собой непроходимое топкое болото при ручье. На осушку местности были согнаны со многих деревень крестьяне, арестанты и беглые люди. Они вырыли «пруды и каналы довольные», устроили три грандиозных по размерам плотины, остатки которых сохранились и по настоящее время; вырубили мелкий кустарник, выровняли местность и произвели другие подготовительные работы для устройства фабрики.

На осушенном участке земли была построена крепостная фабрика. Фабрика строилась основательно. Материала на нее не жалели. Для того чтобы деревья, предназначенные для фундамента, никогда не обсыхали, для сохранения их от гниения рвы выкапывались ниже уровня грунтовых вод. По дну этих рвов забивались в три ряда сваи, на которые укладывались толстые, обтесанные с двух сторон бревна. О толщине бревен можно судить по тому, что на их поперечном разрезе можно было насчитать до 300 годичных колец. Эти бревна образовали деревянную раму, на которой был выложен фундамент. О прочности фундамента можно судить по такому факту. Когда незадолго до Февральской революции 1917 г. понадобилось для устройства подвала разобрать одну из стен оставшегося затрапезновского здания, оказалось, что деревянное основание фундамента еще сохранилось.

При плотинах были устроены три мельницы — бумажная, масляная и мукомольная. Затем были сколочены домики для рабочего люда, возведены две церкви, открыты кабацкие заведения.

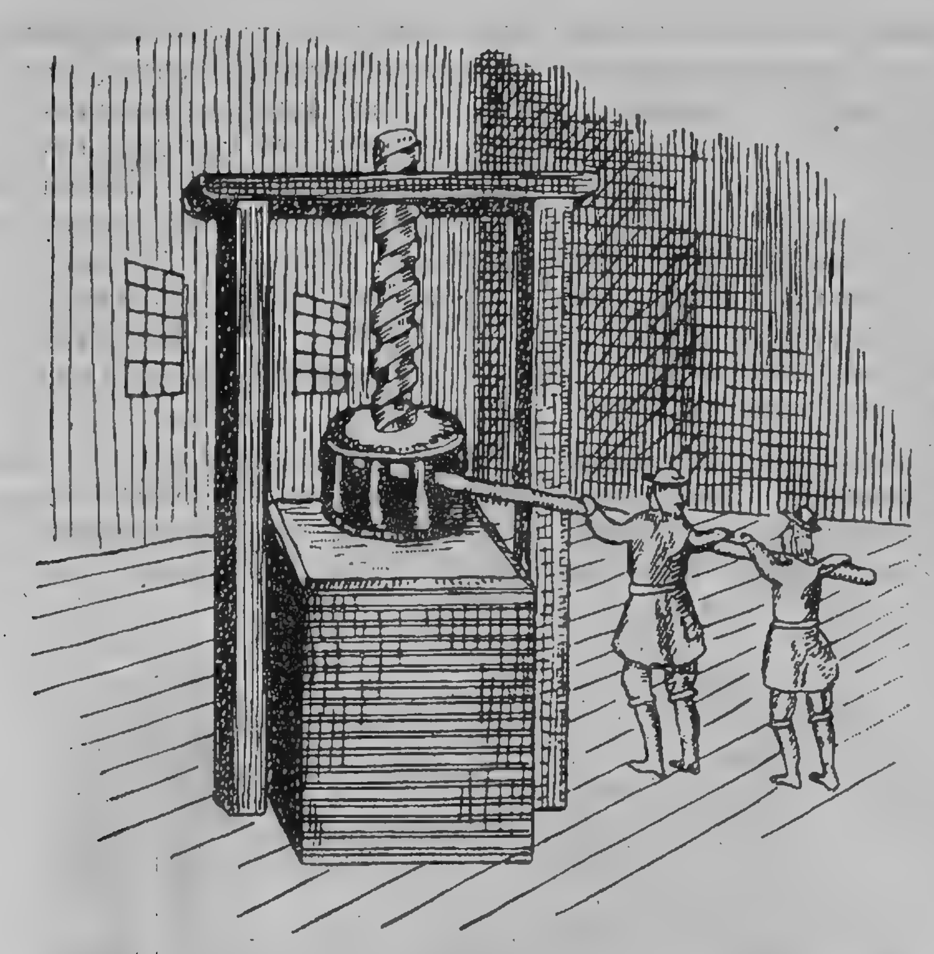
После возведения всех построек, как «производственных», так и «исправительных», типичная для петровского времени крепостная фабрика, под фирмой «Ярославская большая мануфактура Затрапезновых», была пущена в ход. Первоначально фабрика была небольших размеров. В ней находилось 172 стана, на которых работало:

Ткачей	386 чел.
Прядильщиков	38 »
Белильщиков	40 »
Чесальщиков	14 »
Переборщиков	30 »
Витильщиков	10 »
Шпульников	24 »
Мануфактурных складочных мастеров	1 »
Вытяжников пряжи	1 »
Нитовщиков	3 »
Каламянковых ткачей	1 »
Каламянковых подмастерьев	1 »
Сновальщиков	4 »
Красильщиков	1 »
Белильных подмастерьев	1 »
Полотняных мастеров	1 »
Вешальщиков	1 »
Скатертных мастеров	1 »
Полотняных подмастерьев	1 »
Трапезных мастеров	1 »
Бердовых мастеров	1 »
Складовальщиков полотняных	2 »
Складовальщиков скатертных	1 »
Вертельщиков	1 »
Всего	565 чел.

Кроме названных работников, непосредственно работавших на станах, были и такие, на обязанности которых лежало изготовлять части станов и прялиц, чинить берды и «щеки», точить шпули и пр. Таких работников на мануфактуре в первое время было:

Инструментальщиков	2 чел.
Столяров	1 »
Инструментальных слесарей	1 »
Учеников-инструментальщиков	13 »
Токарей	1 »
Без указания ремесла	33 »
Всего	51 чел.

Для охраны зданий и всего имущества на мануфактуре было нанято двое караульщиков. На обязанности их лежало зорко следить, в особенности в ночное время, чтобы на мануфактуре не случился, боже сохрани, пожар от «лихих людей».

Прессовочное отделение Ярославской большой мануфактуры

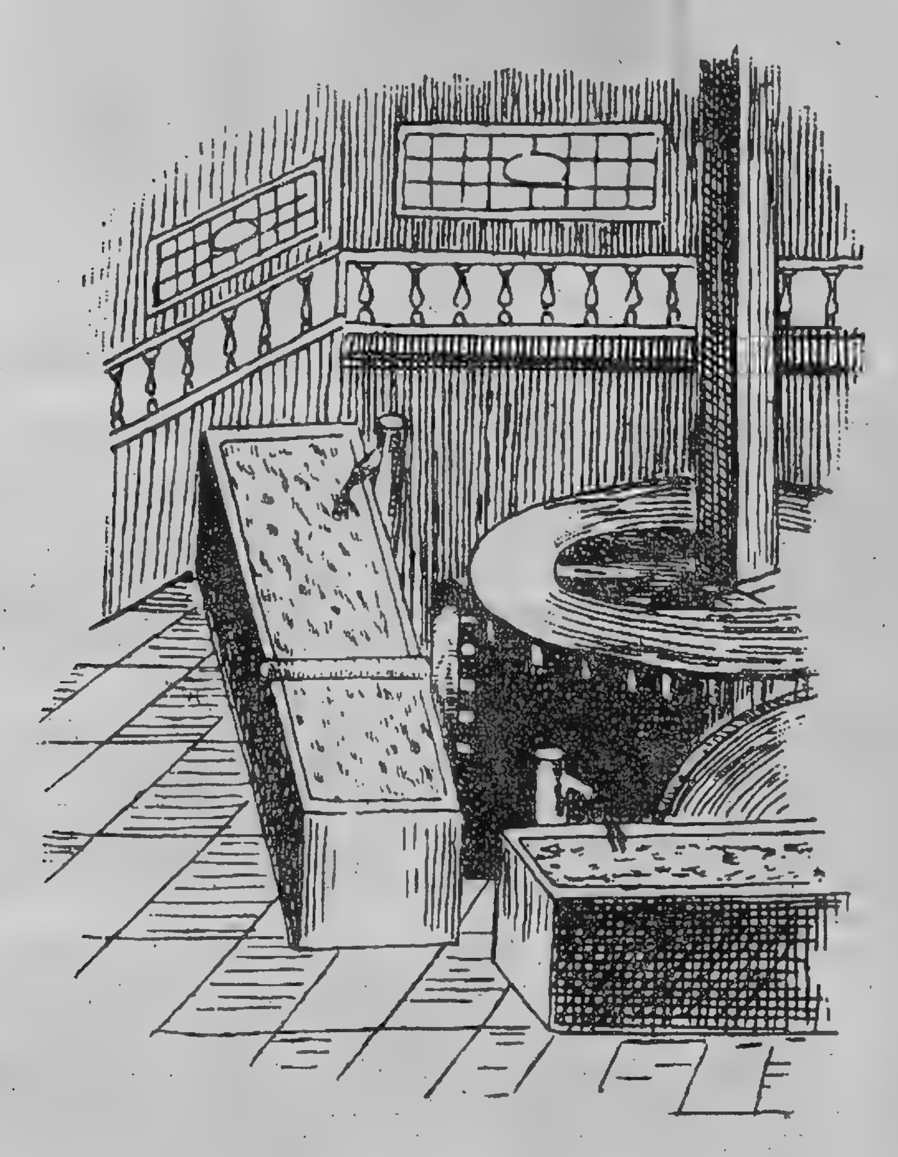
Станы на фабрике были самые простые, деревянные, похожие на те, которые кое-где и по сей день применяются в деревнях. Станы были двух типов: «подножечные» и «переборные». Первые из них служили для выработки полотен, каламянки, тика, чешуек и прочих тканей, вторые же предназначались для выработки скатертей, салфеток и прочего так называемого камчатного белья, с выработкой на них различных узоров, цветов, гербов и пр.

Работа на этих станах велась двумя, тремя и даже четырьмя рабочими одновременно в зависимости от ширины ткани и сложности узора. Один из работающих — ткач — считался старшим. Он отвечал за правильность рисунка и вообще за всю работу, другие же считались его «подручными», «переборщиками».

Работа была сложная. Ткач, сидя за станом, держал перед глазами рисунок, который нужно было выткать. Следя за рисунком, ткач «считал», произнося вслух число нитей основы, которые нужно было поднять и опустить, например один, три, четыре, двадцать и т. д. Слыша счет, переборщики тянули за концы тех веревочек, которые должны были расположиться вверху «зева», пропуская те, которые долж-

ны быть внизу, и таким образом мало-помалу образовывали по всей ширине ткани «зев». Когда «зев» готов, один из переборщиков прокидывал в него челнок. Вслед за тем ткач прибивал уточину, ударяя по ней батаном раз или два в зависимости от плотности вырабатывающейся ткани. Затем ткач вновь начинал диктовать свой счет, чтобы получить новый «зев», прокинуть уточину, вновь ее прибить, и так до конца изготовления ткани. Такая работа продолжалась неделями и даже месяцами. Некоторые сорта скатертей ткач с тремя переборщиками успевал сработать в день при 14 часах работы не более полуаршина.

Работа на этих станах была крайне утомительна, легко подвержена всевозможным ошибкам, начиная с дыр и кончая удлинением или укорочением рисунка, отчего узоры на тканях получались обезображенными. За «бракован-

Рольное отделение Ярославской большой мануфактуры

ную» работу ткача нещадно пороли или иногда отсылали в мануфактур-коллегию для отправки на каторжные работы.

Мануфактура душила не только всех, кто непосредственно работал на ней, но и тех «домашних» прях, которые работали в ближних и дальних ярославских деревнях. Там скупалась для мануфактуры главным образом пряжа. Ее пряли крестьянские женщины в свободное от полевых работ время, в долгие осенние и зимние вечера при свете лучинок. Женщины сидели за своим веретеном почти в рубище. «Нам некогда для себя прясть», говорили они.

По всем деревням, где занимались прядением и ткачеством, по базарам сновали затрапезновские скупщики и за бесценок скупали так называемые «тальи», или «мотки», с намотанной на них пряжей. Где нужно, перекупщики «задабривали» деревенских прях различными подарочками или небольшой ссудой, накидывали таким образом петлю, которая медленно, но наверняка душила в конце концов жертву.

Фабрика Затрапезнова была воспета фабричными того времени. В народных песнях XVIII века легко можно проследить начатки фабричной поэзии. Фабричники не умели писать, но зато умели «слагать» песни, которые передавались устно из поколения в поколение.

Близко, близко городочка,
Близ зеленого садочка,
Близко зеленого сада,
Близ города Ярославля,
Недалече от реки,
Початой слободы,
На прекрасе-красоте,
На высокой на горе,
Стоял фабричок большой.

Во том фабричке ребята —
Удалые молодцы,
Удалые, молодые.
Собиралися ребята
С того фабричка гулять
На прекрасу-красоту,
На высокую гору.

Садилися на краю,
Близ зеленого сада,
Близко зеленого сада,
Близ города Ярославля,
Садилися, песни пели,
Соловьям свистеть велели:
«Соловьюшки, свищи,

Разгуляться к вам пришли».
Соловьюшки свистали,
Молодцов всех утешали и т. д.

Фабрикант Затрапезнов богател. Вскоре после устройства первых корпусов фабрики, в 1725 г., «в Ярославле полотняная мануфактура между Тамесом и Затрапезновым была разделена полюбовно по равным частям, и в контракте их с Тамесом о разделении той мануфактуры написано: «оброк с монастырской земли платить пополам» [1].

После же того как «волею божею» Тамес «помре», значение ярославского богатея, фабриканта Затрапезнова, еще более возросло. Иван Максимович уже не пожелал жить в дедовских хоромах, на улице Железной, в Духовском посаде.

Он построил себе особые хоромы у самой фабрики. Хоромы далеко не походили на те, которые обычно устраивало себе богатое купечество того времени.

Новый дом был устроен на «голландский манир», двухэтажный, с широкими окнами, с частыми переплетами и со ставнями, с высокими печами из прекрасных изразцов, выписанных из Голландии, и с прочими «заморскими» затеями. Убранство комнат было также необычно для купечества. Амфилада парадных комнат была обтянута китайскими шелковыми обоями, уставлена зеркалами в бронзовых рамах. На полу везде были разостланы мягкие ковры, по стенам расставлены резные шкафы со стеклянными дверцами, сквозь которые виднелись не тяжелые чары, братины и ковши из серебра и золота, а различные фарфоровые иноземные безделушки. При доме был устроен огромный парк, посредине которого находился фонтан. По углам парка, к общему ужасу православных мирян, были поставлены четыре мраморных оголенных статуи, которые послужили для народа доказательством того, что Затрапезнов является «слугой антихриста».

Через два года в ознаменование открытия полотняной мануфактуры Иван Затрапезнов в загородном доме устроил пышную ассамблею, которую «почтила» своим присутствием жена Петра I Екатерина. Во время торжественного обеда пели девять человек слепых, которым было дано за это по рублю. Затем под звуки скрипки, альта, гобоя и литавр ярославские купеческие дочки в пышных, как бочки, фиж-

---

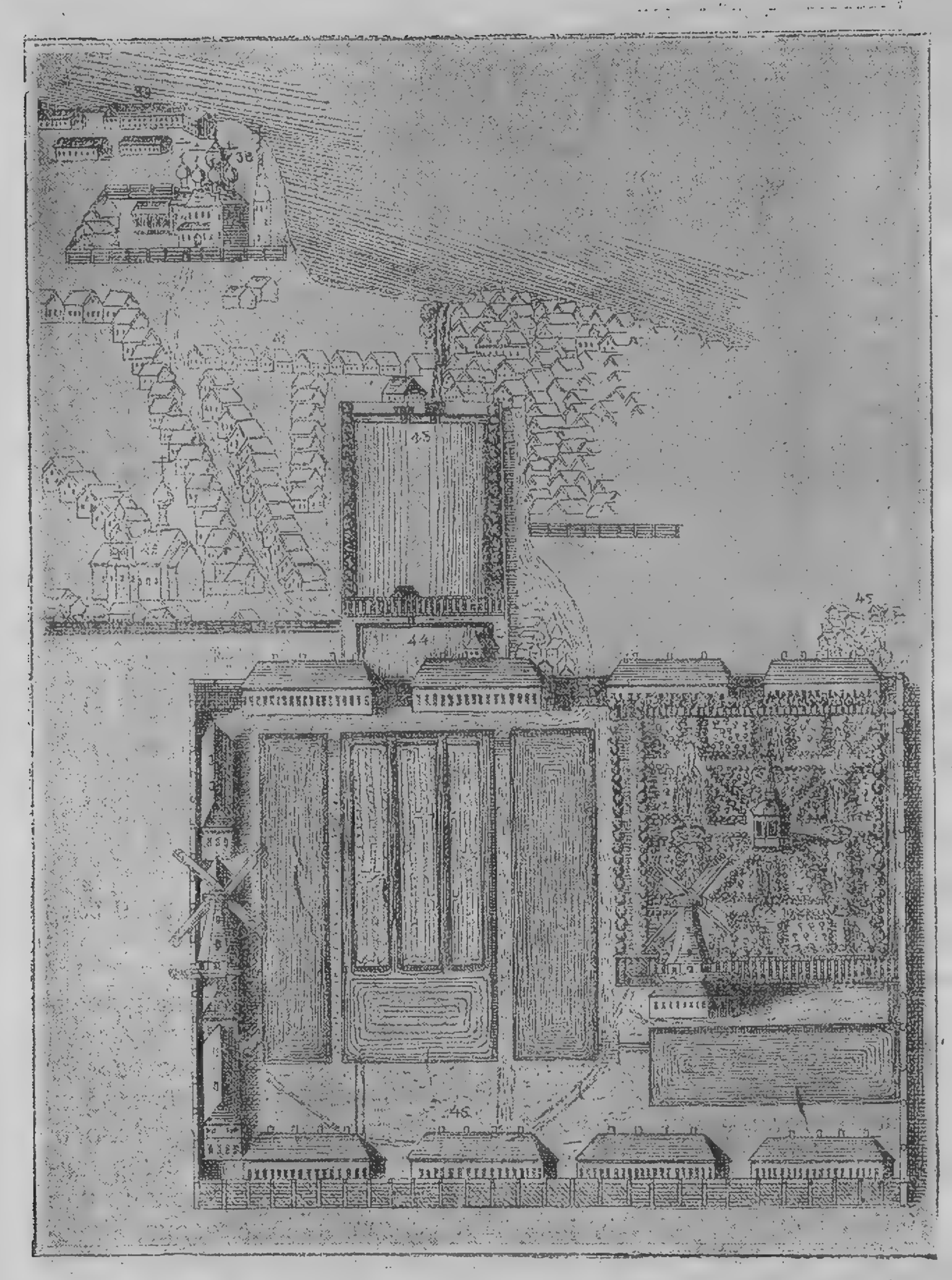
[1] Фонд Сената, кн. 12/916, лл. 186—193 и кн. 2/324, лл. 8—9; Гос. арх. XIX, д. № 379, лл. 14—15 и 68—69 (Древлехранилище), см. также указ от 7 сентября 1731 г. и «Ярославские губернские ведомости» за 1844 г., № 25.

Скатерть работы Ярославской большой мануфактуры (XVIII века)

мах, шелках и драгоценностях, нарумяненные и напудренные, вытанцовывали перед своею «владычицей» «менуэт» и веселый «контр-данс». Чтобы оградить «ее величество» от непредвиденных неприятностей, был назначен особый караул. На карауле были «Ростовского, Невского, Петербургского, Рязанского, Выборгского, итого от пяти батальонов: сержантов два, каптенармус один, фурьер один, подпрапорщик один, капралов шесть, рядовых солдат 144 человека, барабанщиков два, писарь один, профос один, фаршар один; всем по указу ее величества отдано 15 рублев, 8 алтынок и 2 денежки».

Было картинно, пышно, богато. В память открытия Ярославской фабрики Иван Затрапезнов заказал весьма искусному граверу XVIII века А. И. Ростовцеву громадных размеров гравюру на меди длиною 55 и шириною 22 дюйма. На ней изображена не только его мануфактура со всеми постройками, пышным парком, фронтоном и голыми мраморными статуями, но и общий вид тогдашнего Ярославля.

Вид Ярославской большой мануфактуры в 1731 г.

(Из гравюры на меди А. Ростовцева, изображающей вид города Ярославля в 1731 г).

Какой это поразительный документ! В гравюре, как в зеркале, отображено полное содружество капитала с духовенством. Искусный гравер тонким и метким резцом изобразил на берегах рек Волги и Которосли громадное количество церквей, построенных в большинстве на средства ярославского купечества. Длинной лентой растянулись эти церкви

с обнесенными каменными оградами, с башенками по углам, с узенькими оконцами и многочисленными главами с крестами — символом «всепрощения».

Гравер пронумеровал каждую церковь, пометил каждую часовенку, внизу гравюры под соответствующими номерами выгравировал их названия. В углу же гравюры изобразил мануфактуру Затрапезнова.

Роскошный парк Затрапезнова сохранился и по настоящее время. Сохранилась и «сторожка», этот затрапезновский застенок, в котором многие из ткачей находили преждевременную смерть... Ткач влачил беспросветную жизнь под затрапезновскими башмаками, подбитыми петровскими гвоздями.

ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ

Социальное и экономическое положение страны при Петре было таково, что вести производство, основанное на наемном труде, было почти невозможно, так как в России не было свободных рабочих. Все сельское население было закрепощено помещиками, а городское население было немногочисленно и в значительной мере слагалось из тех же крепостных.

Поэтому петровские фабриканты, которые подобно Ивану Затрапезнову вышли из купечества или подобно голландцу Тамесу из иностранцев, страшно нуждались в рабочих руках.

Вольнонаемных рабочих в то далекое время найти было очень трудно, но не «невозможно», как утверждают некоторые историки. Фабрикантам давалось право брать для работы или обучения мастерству «из бедных и малолетних, которые бродят по улицам и просят милостыню», или «набирать учеников из убогих людей», или наконец из «солдатских» детей.

Правительство также не запрещало фабриканту набирать на свою фабрику всякий сброд, бродяг и нищих, но и таких рабочих было мало. В своем большинстве такие рабочие же были пригодны для ручного «мануфактурного» труда, требовавшего обученного и ловкого работника. К тому же бродяги и нищие, порвавшие всякую связь с трудовой жизнью и хозяйством, представляли не только негодный, но и опасный для фабрики элемент.

Затрапезнов принужден был принимать на фабрику и таких рабочих, которые были присуждены к принудительным работам. По петровскому указу 1699 г. повелено было всех «татей, мошенников, пропойцев», скованных по два человека «шейными и ножными железами», отсылать на полот-

няные и ткацкие фабрики. Недаром фабрику в те времена называли каторжной. В ней работа зачастую происходила в цепях. По указу 1719 и 1721 гг. на фабрики отсылали «для пряжи льна и прочих работ баб и девок, которые... по делам за вины свои наказаны». На фабрику принимались и «праздношатающиеся публичные женщины» и наконец «уличенные в нетрезвом поведении» [1].

Фабриканты, в том числе и Иван Затрапезнов, набирали также рабочих из так называемых «беглых» крепостных и казенных людей. Но владельцы, узнав местонахождение своих крепостных, имели право во всякое время затребовать их к себе обратно и взыскать с фабриканта денежный штраф. К тому же беглый имел возможность при желании во всякое время уйти с фабрики.

Иван Затрапезнов изыскивал всевозможные средства, чтобы найти нужных ему рабочих-ткачей. Он обращался во все правительственные учреждения, которые ведали «рабочим вопросом». Так 23 ноября 1731 г. Затрапезнов обратился в Сенат с просьбой об оставлении при его мануфактуре «мастеровых помещичьих из крестьян» с обязательством «уплаты за них по окончании ученья оброка помещикам» и «об отдаче на Ярославскую мануфактуру шатающихся нищих и приписных, которых велено указом в Сибирь посылать».

Таким образом кадр работающих на мануфактуре Затрапезнова был самый разношерстный. Кого-кого только не было в сохранившихся списках коммерц-и мануфактур-коллегий.

На фабрике Затрапезнова работали «посадские люди» [2] из различных городов: из Соли-Вычегодска, и Романова, и Старой Руссы, и Устюжны-Железнопольской, и Казани, и Суздали, и Архангельска, и Костромы, и Москвы, и Тулы, и Тотьмы, и Мологи, и Новгорода, и Рыбной слободы, и Вологды, и Мурома, и Калуги и т. д.

Работали на фабрике и «крестьянские сыны». Среди них имелись дети разного рода крестьян — и монастырские, и дворцовые, и помещичьи, и заводские и др. Попадались в списке и такие работники, которые числились под рубрикой «дворовый человек», «бобыльный сын», «солдатский сын». Работников на фабрику Затрапезнова выделил и «духовный

---

[1] Б. И. Сыромятников, Очерк истории русской текстильной промышленности в связи с историей русского народного хозяйства, изд. «Основа», 1925 г., стр. 26.

[2] Общину посадских людей составляли мелкие торговцы, промышленники, ремесленники и пр. на тех же основаниях, как и в сельских волостях. В общем посадские люди — горожане — были самые несчастные люди в городах.

мир», преимущественно из беднейших слоев. В списках упоминаются сыновья «понамарей», «служебников», «сельских попов», даже «ректорские сынки», «причетчики» и «дьячки», очевидно потерпевшие на «духовном поприще» неудачу или не чувствовавшие «призвания» к карьере «священнослужителей».

На предприятии Затрапезнова работали и из более зажиточных слоев населения, как например «дети подъячих», «купцов сын», вероятно из неудавшихся купеческих сынков, на которого родители махнули рукой. Попадались в списке и дворянские дети, но такие считались единицами, были исключением.

Труд малолетних довольно широко применялся на полотняной фабрике Затрапезнова. При составлении списков многие работники заявляли, что «за малолетством не помнят» или «не знают, откуда они родом». Малолетний работник Кузьма Матвеев Дербенев заявил, что «которого города и уезда и чьей вотчины, того он за малолетством не знает», а Иван Иванов Сметанин все время твердил: «а чей прежде сего он был, подлинно не знает, понеже снесен в Ярославль в пеленках и воспитан в богадельне».

На мануфактуре работали и иностранцы, или, как их раньше называли, «иноземцы». Здесь фигурировал и «чухонский сын», и «города Черкасова — черкасской природы», и «поляков сын», и татарин, новокрещенного Зиновия сын, которого отец жил у князя Василья Барятинского». Имелись отметки: «шведской нации солдатский сын», «саксонской нации», «финской нации» и «дети пленных шведов» вроде рабочего по фамилии «Шведкина», родившегося от «девки шведки, ныне за солдатом».

Были работники также из среды ремесленников: сыновья каменщиков, токарей, «кирпищиков», «оружейных дел мастеров», плотников, «вывезенный из Москвы на Воронеж корабельного плотника сын»; были и сыновья ямщиков, солдат, матросов и пр.

В дальнейшем развитии фабрики стали появляться, так сказать, и «потомственные пролетарии». При той или другой фамилии затрапезновского работника стали появляться и такие отметки: «скатертного ткача сын», «умершего ткача сын, а родился при мануфактурах», а то просто «ярославской фабрики фабричный сын».

Уже в 1733 г. на мануфактуре Затрапезнова числилось 1 674 человека, из которых 1 003 были мужчины, а 671 — женщины. Крайне интересны данные о составе этих работников, которые приведены в следующей таблице[1] (см. стр. 34).

---

[1] «История пролетариата СССР», т. I, см. М. Ф. Злотников, К вопросу о формировании вольнонаемного труда в крепостной России.

Состав рабочих Ярославской мануфактуры в 1733 г.

	Мужск. пола	Женск. пола	Всего
Дворцовые крестьяне	135	97	232
Монастырские „	182	85	267
Помещичьи „	108	66	174
Синодальные „	73	47	120
Посадские разных городов	226	170	396
Солдатские и драгунские дети	98	72	170
Дворянские дети	1	—	1
Ямщиковы „	10	7	17
Каменщиковы „	3	2	5
Рейтарские „	1	1	2
Подьяческие „	1	—	1
Стрелецкие „	3	—	3
Недействительные церковники	50	39	89
Из матросов	15	14	29
„ рекрутов	2	1	3
Купленные к мануфактуре	14	15	29
Вольные с отпусками	3	1	4
Из каких чинов, показать не знают	16	4	20
Запорожские казаки	2	1	3
Компанейщиковы люди	2	2	4
Из кормовых татар	6	4	10
„Черкасской" природы	1	2	3
Польской нации	29	19	48
Шведской „	3	4	7
Саксонской „	1	2	3
„Чухонской" природы	2	2	4
Из адмиралтейских плотников	11	12	23
Всего	998	669	1667

Как видно из таблицы, наибольшая группа рабочего люда состояла из крестьян разных групп. Их было 47,4%. Вторую по численности группу составляли посадские люди — 23,6%. Третью группу — солдатские дети, матросы и рекруты — 12,4%. Из таблицы видно, что на мануфактуре Затрапезнова широко применялся и женский труд.

Таким образом кадр рабочих-ткачей на фабрике Затрапезнова, как и вообще на крупной купеческой мануфактуре того времени, формировался главным образом из трех основных разрядов населения — крестьян, солдатских детей и посадских. «Потомственных рабочих» было еще ничтожное количество. Большая часть из них были люди вольнонаемные, что крайне невыгодно было фабрикантам, в том числе и Ивану Затрапезнову. Приходилось платить таким работникам и платить изрядную сумму. Да и справляться с вольнонаемными рабочими было трудно. Каждый вольнонаемный рабочий мог уйти с мануфактуры, когда только пожелает. Необходимо было добиваться более выгодных условий для эксплоатации рабочих, добиваться от правитель-

Одежда рабочих Ярославской большой мануфактуры (в XVIII веке)

ства согласия на прикрепление вольнонаемных рабочих к предприятиям.

Долго не решались фабриканты просить правительство о прикреплении рабочих к своим фабрикам. Наконец Иван Затрапезнов и некоторые другие фабриканты решили выступить инициаторами. Они стали хлопотать через своих многочисленных друзей «при дворе» о том, чтобы вольнонаемных рабочих прикрепить «навеки» к фабрикам, на которых они работают. После долгих хлопот «интересы» купцов были удовлетворены. Долгожданный указ вышел при царице Анне, 7 января 1736 г.

В указе говорилось:

«Мы для пользы государственной и чтоб те фабрики от разорения мастеровых и работных людей в упадок и разорение не пришли, учинить [повелеваем] нижеследующее: всех, которые поныне при фабриках обретаются и обучались какому-нибудь мастерству, принадлежащему к тем фабрикам и мануфактурам, а не в простых работах обретались, тем быть вечно при фабриках» [1].

Теперь Иван Затрапезнов мог не бояться, что мастера, прошедшие известную школу на его мануфактуре, перейдут к своему прежнему владельцу или уйдут по собственному желанию. Таких ждало жестокое наказание.

[1] Фонд Сената, кн. 20/924 1732, лл. 24—29 (Древлехранилище); М. Чулков, История коммерции российского государства т. VI, кн. III, стр. 340.

«А буде, кто из вышеписанных же, определенных ныне на фабрике, явится невоздержанными, и ни к какому учению не прилежные, о тех самим фабрикантам по довольном домашнем наказании объявлять в камер-коллегию или в конторе, а оттуда, по свидетельству фабрикантскому, за такое их непотребное житие ссылать в ссылки в дальние города или на Камчатку в работу, чтобы другим был страх. А ежели в ссорах или драках или пьяные где взяты будут, а в воровстве ни в каком не показались и к тяжному розыску не подлежат, тех не держать нигде ни одного дня и отсылать на фабрики, а оным фабрикантам самим чинить им наказания при других из их братии».

Более 1 000 ткачей одного только мужского пола, считавших себя свободными, по этому указу внезапно лишились свободы. Они оказались прикрепленными к мануфактуре «на вечные времена».

Но проведение указа 7 января 1736 г. в жизнь встретило серьезное сопротивление со стороны помещиков и синодальных, архиерейских и монастырских властей. Им крайне невыгодно было, что бывшие их крепостные люди должны были оставаться на «вечные времена при мануфактурах». Многие из них даже отказывались получать за своих крепостных деньги, следуемые за прикрепленного к фабрике человека. Помещики и духовные власти судились, брали силой своих людей, чинили другие неприятности фабрикантам и тем наносили «в мануфактурных делах остановку и помешательство». Такие «неприятности» причиняли и Ивану Затрапезнову.

В своем «всеподданнейшем» прошении «полотняных и других мануфактур директор» Иван Затрапезнов 12 февраля 1740 г. «доносил, а о чем, тому следуют пункты».

В первом пункте Иван Затрапезнов жаловался, что несмотря «на именной ее величества указ», данный по предписанию царицы в «собственные его руки», синодальные чиновники, архиереи, монастыри и помещики отказываются принимать деньги за обученных на его мануфактуре людей несмотря на то, что «по силе того указа при мануфактурах моих художники в Ярославле по мастерствам свидетельствованы и переписаны камер-коллегией».

Во втором пункте шла жалоба на то, что годные и обученные мастерству люди из подушного оклада не только не выключены, но некоторые помещики, «уводя с фабрики ученых людей, отдают в рекруты».

«Того ради всенижайше прошу», писал в третьем пункте Иван Затрапезнов: «дабы ее императорского величества указом повелено было камер-коллегии в Ярославской провинции за написанных в мастерстве людей по освидетельствованию крепостей денежную плату производить, не

дожидаяся от всех фабрик собрания ведомостей. Того ради же большая часть реченных людей при мануфактурах моих имеется Ярославского посаду и уезда. Прошу о сем решение учинить. Февраля 12 дня 1740 г., Иван Затрапезнов руку приложил».

Ответ был дан незамедлительно. 21 февраля того же 1740 г. Иван Затрапезнов получил за подписью Андрея Остермана и Артемия Волынского сенатский указ, которым было предписано местным властям не чинить никаких препятствий «полотняному и других мануфактур» директору и чтобы деньги были немедленно приняты и все выписи на нужных ему людей выданы [1].

Иван Затрапезнов на радостях, что ему удалось добиться дешевых и покорных для эксплоатации рабов, в том же 1736 г. совершил закладку при своей «крепостной» фабрике большого храма, названного в честь своего бывшего благодетеля — Петра — во имя «апостолов Петра и Павла». Ткачи-крепостные должны были сами, собственными руками, выткать запрестольные «одежды» с художественной отделкой и такой же занавес для царских врат церкви. Бедняки, отныне «вечно» прикрепленные к постылой фабрике, выткали богатые ткани с бархатными цветами. В этих «запрестольных» одеждах особенно бросаются в глаза вытканные из бархата жирные, упитанные и краснощекие ангелы и херувимы.

Ткачи своим видом далеко не походили на этих «небожителей». Серое, испитое лицо, впалая грудь, апатия ко всему окружающему, хмельной задор до драки «в кровь» — вот типичные черты затрапезновского ткача. Ткач той эпохи имел вид жалкого, забитого нищего, одетого в рваную, грязную рубаху. Такой «рваный» вид был отмечен в официальном отчете правительственной комиссии в 1741 г., которая была назначена для расследования причин плохой выделки полотна и сукна. Комиссией «накрепко» было наказано фабрикантам «людям всех суконных фабрик, всем сплошную ровную одежду на известное число годов по усмотрению своему вскоре сделать» [2].

Беспросветная была жизнь ткача. Рабочий день на фабрике тянулся по 14 часов, а когда нужно было для хозяина, день длился и до 20 часов подряд. Были такие работники, которые должны были в наказание работать круглые сутки. Лучший ткач мог при самой усиленной работе заработать в год 15—20 руб. Женский труд оплачивался и того меньше. Ткач-женщина-набитница имела в год

---

[1] Именной указ 1740 г., кн. 57, кабинет Анны Иоановны.

[2] Б. И. Сыромятников, Очерк русской текстильной промышленности, стр. 29—37.

в среднем 15 руб. В день женщина зарабатывала 6—9 коп. Дети же получали в месяц от 32 коп. до 1 р. 58 к. Нередко такая ничтожная плата заменялась просто голодным содержанием, так называемой «месячиной».

За малейшую провинность, за малейшую ошибку в работе, за «дыру» в изготовляемой ткани Иван Затрапезнов применял «в сторожке» самые тяжелые наказания, о которых в многочисленных указах царей, Сената, камер-берг-мануфактур-коллегии почти всегда упоминалось: «драть домашним порядком».

В эпоху Петра телесные наказания достигли на Руси пышного расцвета. Устрашить, напугать, уничтожить непокорного — вот принцип законодателя, который «Россию вздернул на дыбы».

Стремясь создать новый уклад жизни в России, Петр совершенно не обращал внимания в своих указах и в различных «регламентах» на размер преступления. Тяжкое ли преступление или простой проступок — для него было все равно. Для Петра главным злом было непослушание его воле, противодействие его желанию. Били например кнутом за первую и вторую кражу, били и не соблюдавших правил городского благоустройства — за бросание мусора на улицу и т. п. Петр вместе с различными новшествами привез из-за границы и всевозможные новые орудия для истязания человека: шпицрутены, хождение по кольям, прожжение языка, прибитие рук под виселицею и т. д. От истязания не отказались и «птенцы гнезда Петрова», капиталисты-фабриканты вроде Тамеса и Затрапезновых [1]. Вся жизнь рабочего и крестьянина проходила под вечным страхом наказания «домашним порядком». Порол помещик на конюшне, порол воевода в канцеляриях, судья у себя в камере, подъячий на съезжей. Пороли все, с кем приходилось рабочему и крестьянину соприкасаться.

В фабричных песнях того времени отразилась вся безотрадная жизнь ярославского фабричного молодца. Сколько в этих песнях слышится тоски!

Вы, леса ль мои, лесочки, леса мои темные!
Вы, кусты ль мои, кусточки, кустики ракитовы!

---

[1] Н. Евреинов, История телесных наказаний в России, изд. В. К. Ильинчика, СПБ, стр. 48 и 52; М. Ступин, История телесных наказаний в России; Тимофеева А. Г., История телесных наказаний в русском праве; Д. Н. Жданов и В. И. Яковенко, «Телесные наказания в настоящее время; В. Л. Винтшек, Из недавнего прошлого; гр. Джаншиев, Из эпохи великих реформ; М. Пыляев; Застенок, пытки и палачи («Труд» за 1890 г., кн. 1, стр. 68) и др.

Всего каких-нибудь 70 лет назад (17 апреля 1863 г.) был издан указ об отмене тягчайших телесных наказаний. Порку женщин на каторге отменили только в 1889 г., после самоубийства политической каторжанки Сигиды, а мужчин-каторжан пороли вплоть до 1917 г.

Уж что вы, кустики, да все призаломаны,
У молодцов, у фабричных глаза все заплаканы.

Как навстречу им, фабричным, главные хозяева...
«Вы не плачьте-ка, молодчики, молодцы фабричные:

Я поставлю вам, ребятушки, две светлицы новые,
Станы самолетные, основы суровые,

Нанесу я вам, ребятушки, ценушку высокую,
Ценушку высокую, салфетки по рублику»,

Но не радует фабричного молодца такая хозяйская подачка. Он знает истинную цену этим «станам самолетным» и «салфеткам по рубликам». И фабричный молодец грустно повторяет свой припев:

Вы, леса ль мои лесочки, леса мои темные!
Вы, кусты ль мои, кусточки, кустики ракитные!

Уж что вы, кустики, да все призаломаны,
У молодцов, у фабричных, глаза все заплаканы [1].

Фабриканты Иван Тамес и Иван Затрапезнов в истязаниях ткачей стояли далеко не на последнем месте. Они зверски расправлялись со своими рабочими. Один из инженеров Ярославской большой мануфактуры А. Ф. Грязнов поместил в своем сочинении по истории фабрики снимок, на котором заснята роскошная скатерть работы затрапезновских ткачей, с изображением плетки с тремя «хвостами». Под этим снимком имеется надпись: «Плеть, употреблявшаяся при наказаниях». И автор указывает: «...видно, что жизнь рабочих на мануфактуре, во время нахождения ее во владении Затрапезновых, была далеко не красна: всюду плети, плети и плети...» [2]

На фабрике Затрапезнова наказание батогами [3], а не кнутом считалось «легким». Наказание происходило следующим способом. Провинившегося рабочего клали на землю лицом вниз, один из исполнителей наказания садился ему на ноги, а другой на голову, охватывая коленями шею. Каждый из них брал по два прута с обрезанными концами и бил по спине и по задней части виновного до тех пор, пока распоряжавшийся наказанием не кричал «полно» или «стой» или пока не переламывались прутья. Но ярославские ткачи, как и все прочие ярославцы, смотрели на батоги както «нежно», благодушно, считая их орудием очень легким,

---

[1] В. Зельцер, У истоков фабричной поэзии («Литература и марксизм» за 1928 г., № 5 стр. 107—114).

[2] А. Ф. Грязнов, Ярославская большая мануфактура за время с 1722 по 1856 г., М., 1910 г., стр. 193.

[3] Батоги — два прута с обрезанными концами.

каким они и были в действительности по сравнению с кнутом»[1].

Кнута же ткачи боялись. Кнут означал нередко смерть. В то время как подвергнутый наказанию батогами оставался в живых, под кнутом многие из ткачей умирали. Исход зависел не столько от количества ударов кнутом, сколько от их силы. Иногда наказываемый выдерживал по 300 ударов, а иногда погибал после 2—3 ударов от перелома спинного хребта.

Наказывали кнутом по определенным правилам, и это требовало большого «искусства». Обыкновенно тот, на которого была возложена обязанность «драть нещадно кнутом», отходил на несколько шагов от «провинившегося», взмахивал кнутом обеими руками над головой и затем с громким криком подбегал и опускал кнут на спину наказуемого. Раздавался удар кнута и стон истязуемой жертвы. К телу по правилу должен был прикасаться только хвост кнута, чтобы не перебить спинной хребет. Удары должны были ложиться вдоль всей спины, параллельно, причем линия одного удара не могла пересекаться линией другого. Рубцы должны были ложиться по порядку, выложенные на спине, как красные веревки. Ударив, кнутовщик-палач, или, как называли его рабочие, «живодер», смахивал приставшие к кнуту кровь и кожу. Скоро кнут размягчался. Обыкновенно после 10 ударов его меняли. Нередко удары ложились на спину с такой силой, что с каждым ударом обнажались кости. Тело наказуемого оказывалось растерзанным буквально от плеч до пояса. Мясо и кожа висели клочьями. Если же наказание происходило зимой, то кровь в ранах тотчас же замерзала и становилась твердой, как лед.

Иван Затрапезнов и его почтенный компаньон-иностранец Иван Тамес не гнушались бить кнутом своих ткачей и ткачих. За малейшее ослушание, за отказ «разделить ложе с хозяином», за неподчинение распоряжениям мастеров женщин беспощадно драли, а за побег нередко рвали ноздри.

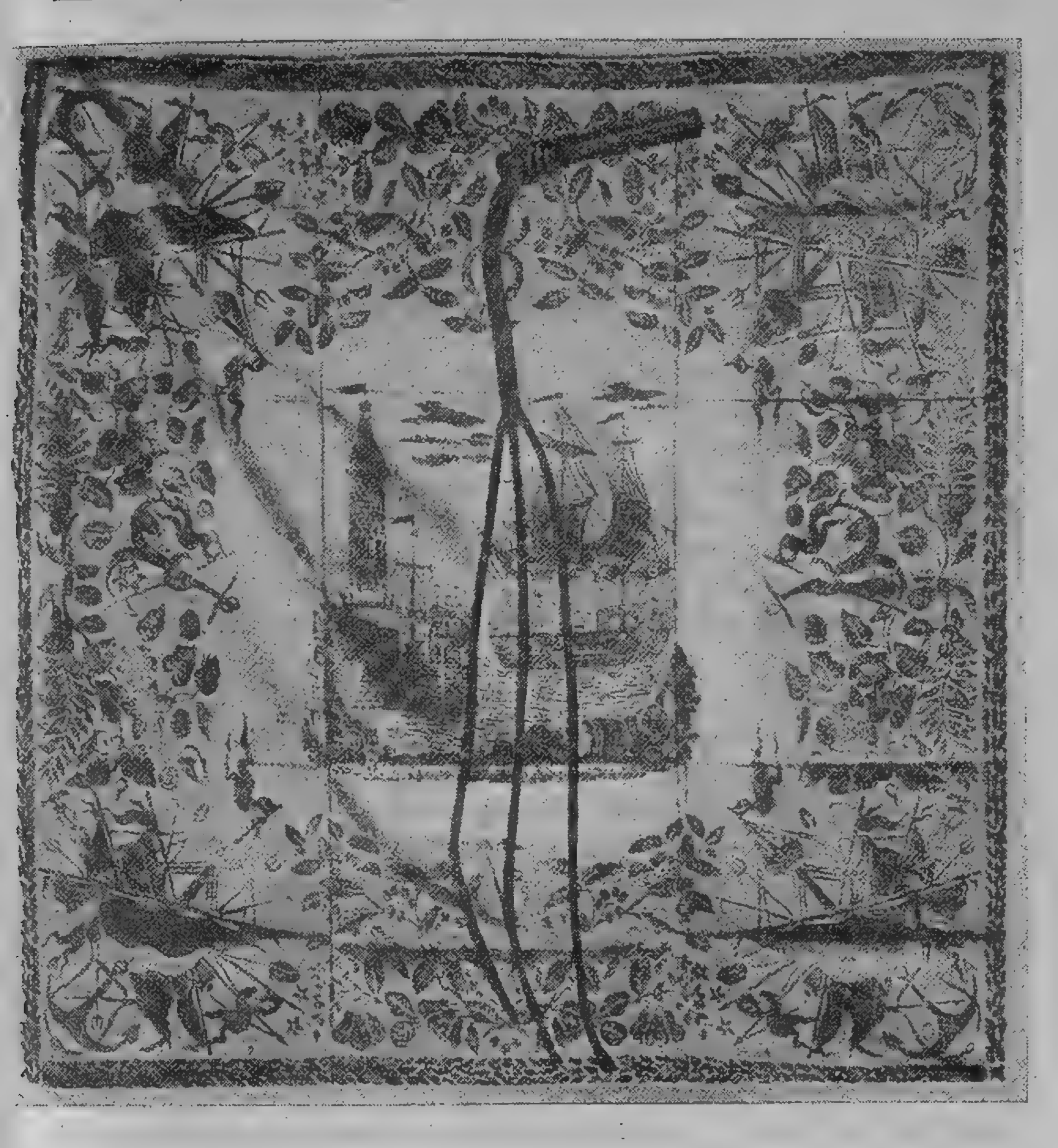
В 1721 г. был издан указ: «баб и девок по делам, за вины свои наказанные», отправлять на полотняные фабрики. Контингент работниц пополнялся публичными женщинами и вообще «праздношатающимися и способными к работе солдатскими, матросскими и другими служилых людей женами»[2]. Положение таких работниц-ткачих было ужасное.

Сохранилось интересное описание Ярославской мануфактуры в «дневнике» камер-юнкера Берхгольца, которому

---

[1] Л. Н. Трефолев, Ярославль при императрице Елизавете Петровне («Древняя и новая Россия», 1877 г., № 4, стр. 355).

[2] Первое полное собрание законов, т. V, № 3313, т. VI, № 3303, т. XV, № 11485 и XIX, № 13664.

Плеть, употреблявшаяся Затрапезновым при наказаниях рабочих. Плеть снята на фоне скатерти, вытканной в XVIII веке на Ярославской большой мануфактуре.

пришлось сопровождать герцога Голштинского при осмотре им полотняной фабрики Ивана Тамеса и Ивана Затрапезнова. Среди рабочих, особенно в женском отделении, оказались «девушки», отданные на прядильню в наказание лет на десять и более, а некоторые и навсегда, причем, как свидетельствует Берхгольц, «между ними было несколько с вырванными ноздрями». Были на фабрике и «свободные работники», заработная плата которых «почти не превышала того, во что обходится содержание арестанта». Несмотря на то, что фабрика Тамеса, по словам Берхгольца, находилась в «цветущем состоянии», в мастерских «воняло почти нестерпимо». Впрочем они видели на фабрике одну комнату, «где сидело до 30 самых молодых и хорошень-

ких девушек, одетых чисто и даже очень красиво». Они имели «белые камзолы, обшитые зелеными лентами». Это особое «отделение» фабрики и изящный маскарад девушек находят свое неожиданное объяснение в последующем описании Берхгольца. После осмотра мануфактуры и обильной закуски с выпивкой Голштинскому герцогу и прочим «высоким» гостям было предложено и другое «угощенье». Две девушки-работницы, из самых младших, по приказанию Тамеса должны были танцовать, прыгать и делать разные «бесстыдные» движения. Затем фабрикант заставил их проплясать одну пляску, которая была замысловата, но не отличалась грацией по причине непристойности движения. Характер танца был таков, что заключительного самого циничного «номера» несчастные девушки «из стыда» не могли даже закончить. Тогда пьяный голландец приказал «помочь» какому-то мальчику закончить танец. Тот «вспрыгнул» на лежавшую на полу танцовщицу и к общему «удовольствию» гостей несколькими бесстыдными движениями довершил пляску...[1].

Каторжная фабрика XVIII века играла таким образом роль «увеселительного дома». В ней хорошенькие фабричные крепостные девушки под страхом наказания должны были выполнять весьма своеобразную «сверхурочную» работу для забав развращенных до мозга костей различных почетных гостей, вкусы которых хорошо были известны владельцу фабрики. Хорошенькие «танцовщицы» и «рваные ноздри» — такова жуткая обстановка крепостной мануфактуры XVIII века[2].

Имеются весьма любопытные данные о ткачах Тамеса и Затрапезнова, выступавших иногда и в качестве профессиональных актеров на народных гуляньях. Фабриканты в данном случае заимствовали «затею» у помещиков, которые из числа дворовых людей составляли оркестры музыкантов и труппы актеров. Затрапезновские и тамесовские ткачи нередко в рогожных балаганах исполняли различные иногда совершенно бессмысленные пьесы.

Иногда на фабрике Затрапезнова в угоду своим гостям заставляли ткачей раздеваться донага и драться «на кулаках». Ткачи, «не щадя себя», наносили друг другу жестокие удары, «нисколько не обращая внимания, куда били их огромные кулаки».

Невыносимо тяжелые условия, в которых находились ткачи затрапезновской фабрики, вызывали непреодолимое

---

[1] Ф. В. Берхгольц. Дневник камер-юнкера с 1721 по 1725 г., перевод с немецкого И. Ф. Аммона, М., 1902 г., стр. 65.

[2] Б. И. Сыромятников, Очерк истории русской текстильной промышленности, стр. 26—27.

стремление освободиться от своего поработителя, протестовать тем или иным способом против издевательств Затрапезнова. Но случайность и разношерстность состава рабочих-текстильщиков, темнота, отсталость и вера в то, что их «рабство» освящено «господом богом», не давали им возможности осознать общность своих интересов против угнетателя-капиталиста. Рабочий был не столько «субъектом», сколько «объектом» и по отношению к государственной власти и по отношению к частным фабрикантам вроде Ивана Затрапезнова. Все это до крайности затрудняло выявление самостоятельности интересов рабочих.

Тем не менее отдельные ткачи на фабрике Затрапезнова пробовали протестовать в той или иной форме против произвола хозяина. «Бегство» было одной из форм пассивного протеста против тяготевшего над ткачами хозяйского гнета. О таких побегах с фабрики Затрапезнова свидетельствуют многочисленные дела Сената о возвращении беглецов.

Бегство с фабрики Ивана Затрапезнова началось чуть ли не с момента ее основания. В 1728 г., т. е. через 5 лет после основания фабрики, при царе Петре II с фабрики бежали двое ткачей — Афиноген Крылов и Гаврила Плескин. Они упросили одного из своих товарищей, Алексея Чирикова, написать два «воровских», т. е. подложных, паспорта для бегства. Тот согласился выполнить это за «три алтына». Получив «воровские паспорта», Крылов и Плескин «бежали с женами и детьми и имели-де намерение ехать в С.-Петербург; и ехали от Ярославля водяным путем в купленной своей лодке». В догонку были посланы два верных Затрапезнову ткача, Григорий Рыгунов и Иван Алексеев, которые настигли беглецов уже под городом Угличем. «Бегуны» были отданы под суд в ярославскую провинциальную канцелярию. Суд был короткий: «Ткачам Афиногену Крылову и Гаврилу Плескину за побег с оной мануфактуры, а Алексею Чирикову — за письмо подлогом воровских двух пашпортов на вышепоказанной мануфактуре при собрании всех мастеровых и работных людей учинить наказание — бить кнутом нещадно, дабы, на то смотря, впредь другим мастеровым и работным людям с вышенареченной мануфактуры бегать и подложных пашпортов писать было неповадно».

После учиненного жестокого наказания при «собрании всех мастеровых и работных людей» беглецы были отданы Ярославской мануфактуры «содержателю». Неизвестно, вынесли ли наказание ткачи Чириков и Плескин, но Афиноген Крылов, «солдатский сын», числился в списке рабочих фабрики еще в 1736 г.

Несмотря на то, что наказание было сделано публично для запугивания «других мастеровых и работных людей», через месяц в провинциальной канцелярии разбиралось другое дело о побеге с Ярославской фабрики. На этот раз бежал рисовальный мастер Михаил Татаринов, записавшийся в 1723 г. на работу к Андрею и Ивану Затрапезновым еще при «кумпанействе» их с Тамесом.

Провинциальная канцелярия определила Михаила Татаринова за побег «вместо кнута батогами бить нещадно». Несмотря на то, что «дядя» Татаринова оправдывался тем, что он держал на дому у себя «племянника» как своего свойственника, причем «не знал и не ведал», что «племянник» находился «в бегах», и что он просил у него, Попова, только разрешения побыть «малое время, чтобы дописать недописанные картины», провинциальная канцелярия определила: «за то, что он, приказный человек, ведая его императорского величества указы, что беглых людей и крестьян без пашпорта принимать не велено», укрыл беглого племянника, подвергнуть и Попова такому же наказанию, как и Татаринова: «бить батогами нещадно при собрании всех канцелярских служителей, дабы, на то смотря, других беглых принимать и без пашпортов держать было неповадно».

А сколько было таких «бегунов», которые не были разысканы! Бежать, бежать, куда глаза глядят, только бы избавиться от издевательств хозяина, от непосильной работы, от постылой жизни. По лесам, по привольной равнине русской земли, через горы, брели эти «бегуны», укрываясь от злого хозяина. Привольной была жизнь беглеца. Сам себе хозяин. И не без основания в те времена даже зародилась особая секта «бегунов», которая имела своих многочисленных последователей именно в Ярославской губернии. Сектанты «бегуны» выражали протест против тягот крепостного состояния, подушной подати, рекрутчины, злого хозяина, всего «мира», в котором воцарился «антихрист». Это он, «Петр-антихрист», учинил «описание народное» (перепись населения), ввел подушную подать, размежевание земли, которую бог создал «общей», жестокими насилиями прикрепил людей к фабрике. Надо, надо бежать от власти «антихриста», чтобы не подчиняться его законам. Эта секта безусловно имела место и среди ткачей Ярославской затрапезновской фабрики[1].

Но были протесты более серьезного характера. Бывали случаи, когда выведенный из терпения кто-либо из затра-

---

[1] П. С. Смирнов, Бегство от антихриста, СПБ, 1903 г., стр. 5; Н. М. Никольский, Религиозное движение в XVIII веке; Русская история М. Н. Покровского, М., 1920 г., т. III; Н. Ивановский, Старообрядческое бегунство в его прошедшем и настоящем, «Странник», 1892 г., июнь-июль, стр. 151.

пезновских ткачей выходил на улицу и кричал страшное для того времени «государственное слово», или «слово и дело». Кто «выкрикивал» эти слова, того немедленно хватали и тащили к воеводе, при котором «крикун» должен был дать показания «в государственном преступлении». За обвинением, хотя бы оно и являлось явно нелепым и клеветой, неизбежно следовала пытка. Ярославские ткачи, выкрикивая «государево слово», намеревались загубить не только себя, но и своего палача — Затрапезнова.

Такое «слово и дело» было произнесено служителем Михаилом Кузнецовым, «приставленным» при сыне Ивана Затрапезнова, Алексее. «Государево слово» было сказано им «при наказании за пьянство и неисправность должности своей». Будучи схваченным и привезенным в провинциальную канцелярию, обвиняемый показал, что «содержатель Алексей Затрапезнов взял его в свои руки и, незнаемо за что, безвинно, беспощадно бил плетьми; и не стерпя-де такого бесчеловечного наказания и для единого от того избавления, ее императорского величества слово и дело за собою он, Кузнецов, сказывал».

Провинциальная канцелярия, выслушав это сознание Кузнецова и подобрав приличные случаю законы, в том числе «всемилостивейший ее императорского величества июня 25 дня 1742 г. указ», по которому «за ложное за собою слово и дело сказывание... чинить жестокое наказание: вместо кнута — бить плетьми нещадно», и узнав от присутствовавшего на разбирательстве Затрапезнова, что он «помянутого Михаила Кузнецова попрежнему на свою фабрику принять желает, но чтобы повелено было оному Кузнецову надлежащее по указу, за вины его, наказание учинить на фабрике его на страх другим фабрики его фабришникам», приказал: «оному Михаилу Кузнецову за ложное им за собою ее императорского величества слово и дело сказывание... учинить вместо кнута жестокое наказание плетьми и отдать на помянутую фабрику с роспискою»[1].

Другое дело, ярко рисующее жестокое обращение Затрапезновых со своими людьми, возникло по доносу одного из служителей Затрапезнова, Бориса Попова, на фабришника Волкова. Попов, придя к своему хозяину Затрапезнову, заявил ему, что он был «в Толчковском кабаке и слышал той же его мануфактуры от служителя Якова Волкова некоторые речи и надлежащие важности». Попов и Яков Волков были схвачены и отправлены в провинциальную канцелярию на допрос. Оказалось, что «в Толчков-

---

[1] А. Ф. Грязнов, Ярославская большая мануфактура, стр. 183—189.

ском кабаке» Волков рассказал Попову, что их хозяин Затрапезнов... сек «нещадно» плетьми фабришников Михаила Кузнецова и Андрея Шидматова. Михаил Кузнецов просил под «плетьми» смиловаться над ним «для бога», но его продолжали пороть; тогда он стал просить «для пресвятой богородицы», но и она не помогла ему — порка продолжалась; когда же Михаил Кузнецов стал просить прекратить порку ради «ее императорского величества», то и это будто бы не помогло. Попов же, услышав слова «ее императорское величество», побежал к хозяину объявить, что Волков сказывает «слово и дело».

При допросе Волков передавал несколько иначе. Он рассказал, что хозяин их, Затрапезнов, бил нещадно плетьми своего служителя Андрея Шидматова и приговаривал: «для кого ради помилования просить хочешь?» Наказываемый стал просить сначала ради бога, но это не помогло. На вторичный опрос хозяина он отвечал: «ради пресвятой богородицы», но и это не помогло, и хозяин продолжал экзекуцию. На третий опрос Затрапезнова Андрей Шидматов стал просить «ради Купидона да Эктора, охотничьих его, Затрапезнова, собак». Тогда хозяин смиловался и прекратил порку, так как повидимому любил своих борзых собак больше «бога» и «пресвятой богородицы».

Начался настоящий сыск. Были допрошены свидетели, которые подтвердили, что Михаил Кузнецов действительно просил во время порки простить его «ради бога, богородицы и ее императорского величества», но когда это не помогло и наказание продолжалось, то Кузнецов «за собою ее императорского величества «слово и дело» сказывал». Служитель же Андрей Шидматов, по показанию свидетелей, просил «помилования для бога и пресвятой богородицы, а потомде он, Шидматов, незнамо для чего, или по глупости, для того, что он еще малолетен, для его, Затрапезнова, борзых собак». Свидетели указали, что Шидматов «от наказания был оставлен, как достойно наказанный», а вовсе не ради собак Купидона и Эктора».

«Приняв» все эти показания во внимание, провинциальная канцелярия вынесла такое «соломоново» решение:

«За то, что оные Попов и Волков теми всеми вышеписанными недельными объяснениями и показаниями не только что хозяина своего, Затрапезнова, привели к ответу, но и ярославской провинциальной канцелярии нанесли напрасное затруднение и в настоящих делах помешательство, и того ради за такие их не только нерезонные, но и ни с каким порядком не сходные объявления и дабы впредь (они) таких же заводить не отваживались, и на страх другим фабришникам учинить им, Попову и Волкову, жесто-

кое наказание плетьми публично и отдать на фабрику оного Затрапезнова с роспискою».

Обыкновенно «возвращаемого» на фабрику «провинившегося» ткача просто-напросто затравливали. Ему давали непосильную работу, нередко приковывали цепями к станку, чтобы он вновь не сбежал или не крикнул на улице «слово и дело». Такими методами Затрапезнов богател и расширял свою каторжную фабрику.

С. Завьялов

ШПИЦРУТЕНЫ,
ПАЛКИ И КОШКИ

Вторая глава истории Ижорского завода

ПОДСВЕЧНИКИ И МЕДНЫЕ ПУШКИ

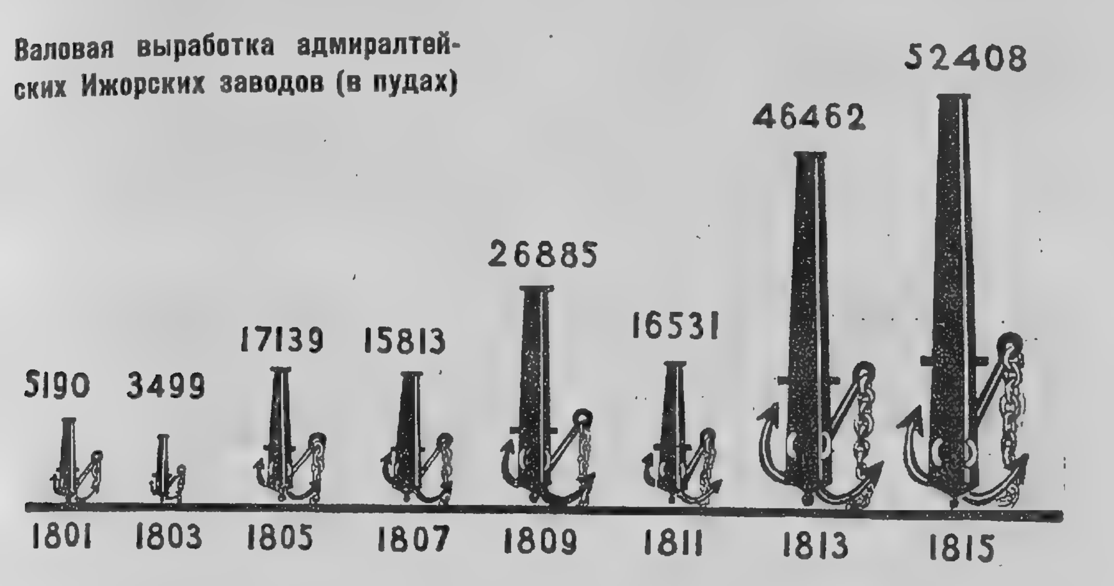
Деревянная плотина, деревянные вододействующие колеса, деревянные лесопильни и другие заводы — все строилось из дерева. Пожары поэтому часто уничтожали примитивные заводские сооружения. То, что не трогал огонь, разрушала река. Весной она вздымала лед и, как бы играя, прорывала плотину, рвала русла, крушила все, что попадалось на пути. Сооружения, не тронутые ни огнем, ни взбунтовавшейся рекой, сами по себе быстро старились и приходили в ветхость.

Дряхлым стариком вступил Ижорский завод в XIX век — век паровой машины, крупной индустрии, капитализма.

Семь пильных амбаров еще стояли на левом берегу реки, примыкая к плотине. Но не вращались больше в руслах колеса, и лесопильные рамы застыли в бездействии. Лесопильни не работали.

Десяток различного рода заводов занимал правый берег за плотиной. Здесь еще ковались якоря, делались гвозди, втулки и кольца, плавилась медь, изготовлялись камбузы, ружейные шомпола, брандспойты. Эти заводы работали, но производительность их очень быстро падала: 5 190 пудов в 1801 г., 4 000 пудов в следующем, 1802 г. — вот вес всех медных и железных изделий, приготовленных для адмиралтейства, вот в сущности вся продукция Ижорского завода.

Почти ручное производство требовало искусных и ловких рук, опытных мастеров, художников — их не было на заводе, так же как не было в стране. Попрежнему работали казенно-служащие, неквалифицированные и подобно крепостным не заинтересованные в производстве, и выработка их была ничтожна, а произведения рук их отличались самым

низким качеством. Часто изделия, сработанные Ижорским заводом, полностью шли в брак. Так например случилось в 1802 г., когда медные листы, отправленные адмиралтейству для обшивки кораблей, оказались совершенно негодными.

А между тем верфи Российской империи требовали брусьев и досок, медных листов и огромного количества различных железных предметов, необходимых для строительства и оборудования военных кораблей. Ижорский завод не мог удовлетворять этих все возрастающих потребностей морского флота.

Он отстал от жизни и нуждался в переустройстве, как говорили тогда, в реконструкции, как сказали бы мы сейчас. Переустройству предшествовала полоса бумажного творчества.

Представлялись доклады, разрабатывались проекты, составлялись планы и сметы. Первый проект реконструкции составил сам директор Ижорских заводов — Юнг. Когда этот проект попал в Морское министерство, там прежде всего поинтересовались:

— А какая именно сумма потребна будет на оное переустройство?

Юнг назвал цифру, которая привела в ужас морское начальство.

— 1 125 723 руб. 23½ коп., — просил составитель проекта на постройку плотины и мастерских.

— Слишком много,— решило Морское министерство и передало юнговский проект на просмотр авторитетов.

Среди них был англичанин Гаскойн, наладивший на Олонецких заводах пушечное производство и тем стяжавший себе громкую славу. Гаскойн в пух и прах раскритиковал

проект Юнга и получил от правительства поручение разработать новый.

Юнг вышел в отставку. Переустроитель Олонецких заводов занял его место. Новый директор составил свой проект и новую смету. Последняя была значительно скромнее, чем у Юнга.

Проект и смету Гаскойна Морское министерство представило самому Александру I. «Быть по сему», начертал на плане Гаскойна молодой монарх, интересовавшийся в то время больше проектами новых мундиров, чем переустройством заводов. Собственно в написании приведенных слов и заключалось все монаршее участие в реконструкции завода. Но это не помешало заводским начальникам объявить впоследствии Александра I переустроителем Ижорских заводов.

Строительство новых заводов началось осенью 1803 г. Им руководил немец архитектор Хест, помогавший Гаскойну разрабатывать проект. Следует отдать Хесту должное: строительные работы велись весьма энергично, темпами, небывалыми для того времени.

В 1805 г. был прорыт полукруглый отводный канал, на конце его устроена плотина. В следующем году закончили главную плотину. За плотиной устроили бассейн, на берегах которого вырастали новые заводы. Здания располагались симметрично, ровными рядами, вообще все возводимые сооружения отличались правильностью форм и красотой. О красоте строители заботились кажется больше всего. В жертву красивому виду они принесли многие технические требования.

«Хороший вид»—это было, по свидетельству современников, любимым выражением Гаскойна.

Однако самому Гаскойну не удалось полюбоваться видом новых заводов. Он умер в 1806 г. летом, в разгар строительства, умер как раз во-время. Смерть избавила поклонника «хорошего вида» от многих неприятностей.

Через несколько месяцев после смерти Гаскойна состоялся торжественный пуск новой плотины. Попы отслужили молебен, освятили воду. А еще через месяц освященная вода, поднявшись в реке — дело происходило весной, — прорвала плотину и начала сокрушать красивые и симметричные постройки. Каменные стены многих зданий оказались размытыми, заводской мост был сорван и унесен, сооружения, возведенные Хестом, потеряли свой «хороший вид».

Правительству пришлось снова развязать золотой мешок и выдать на восстановление плотины 176 555 руб.

Новый директор заводов Вильсон, наученный горьким опытом своего предшественника, не гнался за красивым видом. Перестроенная по его проекту плотина отличалась боль-

шой прочностью. С внутренней стороны ее ограждала толстая кирпичная стена. Между тремя рядами шпунтовых свай и кирпичной стеной была набита глина. Берег плотины обложили булыжным камнем. И все это сооружение сверху покрыли землей. Через плотину прошла дорога, соединившая две части Колпина, разделенные рекой.

Тогда же прорыли второй отводный канал — прямой — и на конце его устроили деревянную плотину. Канал, прорытый ранее, отводил воду из разлива в реку, которая продолжалась за заводским бассейном. Новый канал отводил воду в один из ручьев за селом. Каналы позволили регулировать уровень воды в реке, разлив которой от одного берега до другого теперь преградили деревянными кустовыми сваями.

Задерживая лед, сваи предохраняли плотину.

Столетняя борьба людей со стихийной силой реки закончилась. Люди победили. Вода покоренной реки, бурля, пошла в русло, устроенное в плотине. По руслам она устремлялась к мастерским и вращала водоналивные колеса, которые в свою очередь приводили в движение все несложные механизмы и приспособления, установленные на новых заводах.

Новые мастерские строили из камня и только русла, вододействующие колеса да плотины на конце отводных каналов первоначально сделали деревянными. Скоро однако и здесь дерево заменили чугуном и железом. Такая замена коснулась всех сооружений. Деревянные стропила, балки и другие части постепенно заменяли железными, чтобы придать прочность постройкам и обезопасить их от огня.

Переустройство адмиралтейских Ижорских заводов, предпринятое в начале XIX века, растянулось на много лет и поглотило значительные средства. За 25 лет, начиная с 1803 г., на строительство заводов было израсходовано 2 683 139 руб. 73 коп. Одного кирпича пошло двадцать пять с половиной миллионов штук.

Несколькими рядами тянулись по берегам бассейна корпуса переустроенных заводов. Что производили эти возведенные на одетых камнем берегах Ижоры мастерские? Все, что требовал морской флот.

Если бы морские корабли могли подниматься по Ижоре, то, дойдя до заводов совершенно голыми, они получили бы здесь все необходимые предметы. Они получили бы здесь якоря и якорные цепи. Получили бы тонкие мачтовые цепи. Палубу их украсили бы медные пушки. Капитан получил бы компас, а кок — корабельную кухню. Десятки других предметов получили бы морские корабли в Колпине и вы-

шли бы отсюда на простор Невы одетыми, украшенными, вооруженными, готовыми к бою.

Ижорский завод и позже отличался известной универсальностью, но никогда еще продукция его не была так разнообразна, как в первой половине XIX столетия. Все предметы, от подсвечников до тяжелых орудий, флот Российской империи получал в это время с Ижоры.

В расположении новых заводов не было необходимой по ходу производства последовательности. Ее не предусматривал план Гаскойна. Ее не могло еще быть и потому, что новые заводы сооружались в разное время и по разным планам.

Производство начиналось собственно с молотового завода. Он являлся сердцем всего заводского организма и занимал такое же место среди других мастерских, какое в наши дни занимают мартены. Здесь, в молотовом заводе, приготовлялось сварочное железо. Железный лом складывали на деревянные дощечки и восемь таких складов сажали в пламенную, или, как еще ее называли, отражательную печь, которую заранее разводили и нагревали каменным углем. Железо расплавлялось, шлак стекал по неровному поду. Тогда ломом, конец которого спаивался со складками, извлекали железные крицы из печи. Их обжимали под молотом, калили в печах и отправляли под валы прокатных и плющильных машин.

Из молотового завода сварочное железо шло в якорную и цепную кузницы, в камбузную и другие мастерские. В этих заводах из него ковали якоря, цепи, склепывали камбузы, снабженные приборами для превращения соленой воды в пресную, фонари, ковши и подсвечники.

В вагранках меделитейного завода плавили медь и разливали ее затем по изложницам. Медные брусья пропускали между плющильными валами и таким способом приготовляли листы для обшивки кораблей. Несколько раз в меделитейном заводе принимались чеканить монету, но в конце концов совсем забросили это производство.

Здесь же отливались медные пушки. За 30 лет после переустройства Ижорские заводы отправили в адмиралтейство 482 орудия. Часто на заводах устраивались опыты с отливкой новых орудий. В феврале 1825 г. Александр I, узнав из франкфуртской газеты о новом орудии, изобретенном Пексаном, «высочайше повелеть соизволил отлить на Ижорском заводе по чертежу его, Пексана, три пушки для бросания бомб в 150 фунтов, буде оные по испытании окажутся удобными, поставить их на дальние морские укрепления в Кронштадте и Ревеле».

В том же году отливались орудия из нового артиллерий-

Валовая выработка адмиралтейских Ижорских заводов (в тыс. пудов)

ского металла по проекту доктора философии Ламберти. Этот ученый муж сам приезжал в Колпино и здесь на месте занимался своей философией, т. е. руководил отливкой пушек. Различные опыты подобного рода продолжались и в последующие годы. Николай I еще больше своего покойного брата интересовался пушечными делами. Как видно из документов, он часто приезжал в Кронштадт, когда там производились испытания новых орудий, отлитых Ижорскими заводами.

В 1816 г. завод построил первую паровую машину. Она имела всего-навсего 32 лошадиных силы и была установлена на пароходе «Скорый». Через некоторое время в строй колпинских заводов вступила новая мастерская—сборочная, машинная. В большом трехэтажном здании установлены были токарные, строгальные, сверлильные и долбежные станки, на которых обрабатывались части паровых машин.

Ижорский завод начал строить паровые двигатели, но сам еще долгое время ехал на вододействующем колесе. Различные новые машины, установленные в это время в колпинских мастерских, были только рабочими, исполнительными механизмами—двигатель оставался старый — вода.

Медленно вращались водоналивные колеса, и обработка деталей на станках поглощала горы времени. В 1823 г. сборочная мастерская выпустила паровую машину в 80 лошадиных сил для парохода «Проворный». Чтобы обработать детали следующей машины и собрать их, потребовалось три года. Эта следующая машина была поставлена на пароходе «Ижора».

Адмиралтейские Ижорские заводы, в прежнее время пилившие лес да ковавшие якоря, после пожара на Охте стали изготовлять точные математические и физические приборы. С Охтенской верфи в Колпино перевели мастерскую мореходных инструментов и полный штат мастеровых. Компасы и песочные часы, лоты и лаги, термометры и барометры, чертежные инструменты и нивеллиры — все эти приборы, изготовляемые заводами, на русских выставках признавались лучшими. Даже Николай I, очевидно в руках никогда не державший циркуля, возымел желание получить с Ижорского завода чертежный инструмент «для собственного употребления». Сделанный из серебра инструмент в ящике красного дерева был отправлен во дворец и видимо понравился самодержцу. Он «всемилостивейше пожаловал» мастеру Самойлову «бриллиантовый с цветным камнем перстень», а «художникам и мастерам Ижорского завода, участвовавшим в изготовлении того инструмента, — 500 рублей».

В стороне от всех заводов, около плотины полукруглого отводного канала, расположились новые лесопильни. Окрестный лес давно вырубили, поэтому лесопильный завод работал на привозном материале, так же как все другие ижорские мастерские работали на привозном сырье.

Чугун и железо получались с Уральских заводов. Несколько месяцев гнали баржи по Чусовой и Каме, тянули по Волге, каналам и рекам Мариинской системы, прежде чем они попадали на Ижору. С Урала железо отправляли ранней весной, в Колпине его получали поздней осенью.

Лес конечно не проделывал такого длительного путешествия. Однако удельный вес брусьев и досок в продукции адмиралтейского Ижорского завода падал, и в более чем семисоттысячном годовом его выпуске в средине XIX столетия они составляли ничтожную долю — около четырех десятых процента. Металл вытеснял дерево.

Когда-то Ижорские заводы существовали при пильной мельнице. В первой половине XIX века положение изменилось. Лесопильни теперь были при заводах.

АНГЛИЙСКИЕ ХУДОЖНИКИ В КОЛПИНЕ

По новому штату, утвержденному в 1806 г., Ижорский завод имел 497 мастеровых, подмастерьев и мастеров. Кто были эти люди? Откуда они пришли в Колпино?

Сотни формулярных описаний мастеровых содержат одну и ту же историю и разница между отдельными описаниями только в подробностях — основное везде одинаково. Из крестьян в рекруты, из рекрут на завод — вот оно, это ос-

новное. Насильственно вырывали людей из привычных условий деревенской жизни, одевали всех, как одного, в синюю форму и загоняли в темные и мрачные мастерские,— так вербовали рабочую силу, так создавали кадры кузнецов, литейщиков, слесарей и других мастеровых адмиралтейских Ижорских заводов. Никаких перемен — на берегах Ижоры по-старому работали казенно-служащие, и это вполне понятно: страна была в оковах крепостного права.

Люди, одетые в темносиние мундиры, такие однообразные и так похожие один на другого, каждое утро проходили через заводские ворота. Сплошная масса текла сквозь ворота, и казалось, что не люди шли, а двигались мундиры, шинели, неодушевленные предметы.

Но за внешним и видимым однообразием уже тогда скрывалась известная неоднородность состава рабочих. Все они — из крестьян. Однако расстояние во времени между заводом и деревней не у всех было одинаково. Здесь наблюдалась большая пестрота. Это, разумеется, не только количественная разница.

Самую простую и короткую историю имели чернорабочие. Большинство из них вчера пахало землю, а сегодня, как рекруты, оказались на адмиралтейском заводе. Несколько иную и более сложную историю имели квалифицированные рабочие. Вот формулярное описание кузнеца первого класса, составленное в 1826 г.

«Антон Семенов, сын Якунин, 45 лет. В рекруты принят 1799 г. ноября 7. В партии из Костромской, флота лейтенанта Жегалова, прибывшей 1800 г. марта 26 дня. С начала определения в службу поступил в С.-Петербургскую экипажную команду экипажным работником и определен для изучения кузнечному мастерству к заводчику Берду. На адмиралтейские Ижорские заводы прислан 1806 г. февраля 10. Произведен в кузнецы второго класса 1810 г. января 10. Первого класса — 1818 г.— Костромской губ., Макарьевского уезда, Заборской волости, верхней половины Скугорина, из крестьян».

Типичная для большинства квалифицированных мастеровых история: до появления в Колпине Якунин побывал — пусть только учеником — на заводе Берда. Совершенно ясно, что Антон Якунин — это уже больше рабочий, чем те мастеровые, которые еще вчера пахали землю.

И наконец подмастерья, самые опытные и квалифицированные из мастеровых. Формулярные описания подмастерьев раскрывают особенно любопытную картину.

«Прокофий Якимов, сын Иванов, 46 лет. В службу вступил на адмиралтейские Ижорские заводы плотником третьего класса 1794 г. Произведен в слесаря второго клас-

са — 1806 г., первого класса—1810 г. ноября 2, в подмастерья — 1817 г. Из мастеровых детей Ижорских заводов».

Перед нами настоящий «наследственный» пролетарий! Отец — рабочий. Сам родился в Колпине и всю жизнь провел на заводах и в заводском селении. Здесь связь с деревней уже порвана. Формулярное описание Иванова — история почти всех подмастерьев Ижорских заводов.

Но какая бы ни была разница между чернорабочими и мастеровыми, между мастеровыми и подмастерьями, вся эта масса корнями своими уходит в деревню. Одни недавно были крестьянами, вторые — уже давно, у третьих — отцы из деревни. Другое дело — мастера.

Они составляли совершенно обособленную группу. Достаточно назвать их имена, чтобы сказать, откуда эти люди появились в Колпине. Кларк, Харди, Смит, Гезе, Эдмундс, Макартней, Томас Бейнон, Ишервуд, Джонстон, Пирсон, Вуд и много других — это представители самой промышленной в то время страны. Англия была не только «мастерской всего мира», она являлась школой, где готовились кадры мастеров, техников, специалистов, она являлась рассадником технического прогресса.

Новые способы производства, новые машины, мастерские, все нововведения на адмиралтейских Ижорских заводах были связаны с именами английских мастеров. Под чьим руководством построены на заводе первые паровые машины? Под руководством английского механика Ишервуда. Кто устанавливал привезенные из Англии станки и вводил в 1830 г. новый способ изготовления гвоздей? Английский мастер Эдмундс. А кто ввел на Ижорском заводе новый способ производства цепей? Англичане Смит и Гезе.

В тех случаях, когда надо было наладить новое производство, когда надо было пустить в ход новые машины, казенно-служащие оказались бессильными и заводское начальство обращалось за помощью за границу.

В 1821 г. Вильсон выписал из Англии образцы цепных канатов, а через несколько лет на заводах была установлена привезенная из той же Англии цепопробная машина. Попробовали ковать цепи по английским образцам. Они получались по наружному виду как будто бы и годными, но как только дело доходило до испытания на машине, то одно звено за другим разрывалось. Начальник завода Вильсон, который сам наблюдал за ковкой цепей, заключил, что виновник всех неудач — «неровность качества» сибирского железа. Решили ковать цепи из сварочного железа. Однако опыты с его приготовлением «не оказали желаемого успеха».

И после всех этих неудач Вильсон пришел к выводу, «что

единственным средством для преодоления сих затруднений будет выписка мастеров, привычных к проварке из старого отбора криц, проплющения оных и умеющих по новейшим способам ковать цепи». В 1830 г. из Англии были приглашены два мастера: Смит для проварки железа и Гезе для ковки цепей.

Иностранные мастера на Ижорском заводе являлись единственными носителями технических знаний. Они держали в своих руках все производственные рычаги, владели всеми производственными секретами. Когда мастер Смит получил на работе сильный ушиб и на некоторое время оказался неработоспособным, выделка сварочного железа на заводах приостановилась. Не работали проварочные печи, бездействовали молоты, под которыми обжимались железные крицы, были погашены горны в цепной кузнице. Остановка продолжалась до тех пор, пока Смит не выздоровел и не явился в молотовой завод.

Иногда заводские начальники пытались самостоятельно изготовлять новое оборудование, устанавливать его и вводить новое производство, не обращаясь за помощью к загранице и заграничным мастерам. Однако и в таких случаях дальше рабского копирования заграничных образцов не шли. Так в 1816 г. начальник завода привез из Англии чертежи и модели молотов для ковки и станков для резки гвоздей. Своими силами изготовили и установили новое оборудование, но пока налаживали производство, в Англии появились усовершенствованные станки, на которых вырабатывалось до 65 тысяч гвоздей в день. И опять пришлось заводскому начальству обращаться за помощью к английским заводчикам.

В Колпино привезли английские станки для резки гвоздей, а вместе с ними приехал и мастер гвоздильного дела — Эдмундс.

Английские художники (так называли в то время мастеров) весьма охотно ехали в Россию. Здесь они занимали привилегированное положение и получали колоссальные по тем временам оклады. С каждым из иностранных мастеров начальник завода заключал контракт.

«Тысяча восемьсот тридцать пятого года, октября в двадцатый день, я, нижеподписавшийся великобританский подданный машинного гвоздильного дела, мастер Веллиам Эдмундс, на основании высочайшего повеления, изъясненного в отношении кораблестроительного департамента от 17 октября 1835 г. за № 6439, заключил сие условие с начальником адмиралтейских Ижорских заводов, корпуса корабельных инженеров господином генерал-лейтенантом и кавалером Вильсоном в том, что обязуюсь я, Эдмундс, в

течение трех лет, считая с 1 сентября сего года, продолжать при адмиралтейских Ижорских заводах выделку всех родов медных и железных гвоздей машинной резки длиной до 3½ дюймов или сколько машины допустят, приготовлять и устанавливать потребные для сего машины и обучать мастерству своему заводских мастеровых, к делу сему предназначаемых, наблюдая за исправным и неленостным их занятием, с получением от казны жалованья по пяти тысяч рублей в год с квартирой, отоплением и освещением».

Три года прошли, но Эдмундс оставался в Колпине и, видимо не торопился особенно «обучать мастерству своему заводских мастеровых». А когда через 9 лет, накопив в России несколько десятков тысяч рублей, Эдмундс уехал все-таки обратно в Англию, заводское начальство пригласило на его место другого иностранного мастера.

Цепной мастер Гезе, получавший в год по 4 тыс. руб., прожил в Колпине шесть лет. И после его отъезда Вильсон вынужден был пригласить для ведения цепного дела иностранного специалиста — место Гезе занял Томас Бейнон.

Механик Ишервуд, управлявший машинной мастерской в течение 17 лет, получал в год по 10 тыс. руб. и подобно другим иностранцам пользовался казенной квартирой с отоплением и освещением. Когда в 1834 г. Ишервуд покинул Колпино, для управления машинной мастерской был приглашен англичанин Джонстон, прослуживший на Ижорских заводах 20 лет.

Почти во главе всех колпинских мастерских стояли иностранные мастера. В Колпине к ним привыкли и называли их Иванами и Данилами. Даже в официальных бумагах так и писали: «Иван Смит». К иностранным мастерам привыкли тем скорее и тем более, что и среди заводских чиновников было немало англичан. Данилы Даниловы Манли, Ричарды Егоровы — это все англичане, перешедшие, правда, на русскую службу и переменившие или имена или фамилии. Да и сам начальник адмиралтейских Ижорских заводов был англичанином по происхождению.

Иностранцы в свою очередь тоже быстро привыкали к жизни в Колпине. Занимая казенные квартиры, кушая дешевый российский хлеб с маслом, они совсем не торопились возвращаться на родину. Получая большие оклады, английские художники в течение десятка лет сколачивали некоторое состояние, обеспечив себе таким образом под старость безмятежную жизнь мелких буржуа, покидали Колпино, возвращались на родину, в страну туманов и капитализма, и увозили русское золото. Так царская Россия, огромная страна, скованная морозами и крепостным правом, расплачивалась за свою отсталость.

НИЖНИЕ ЧИНЫ 6-го РАБОЧЕГО ЭКИПАЖА

В каменном здании якорной кузницы было темно, как в тюрьме. Дым и чад наполняли мастерскую. Чудовищными призраками из облаков дыма выступали огромные, отлитые из чугуна вододействующие колеса и цилиндры воздуходувен. Печи дышали огнем. Чадили горны. А молот-гигант с грохотом опускался на раскаленное железо и потрясал стены мастерской.

— Самый шумный завод,— говорили про якорную кузницу современники. Обстановка внутри мастерской, как они ее описывали, действительно напоминает картинки, которые в прежнее время рисовали, изображая ад.

Такой же ад был и в цепной кузнице. Не лучше была обстановка и в молотовом заводе, и в меделитейной мастерской, и во многих еще других колпинских мастерских и заводах.

Ручная загрузка печей и вагранок, ручная разливка расплавленного металла по изложницам, ручная подача раскаленного железа под молоты и валы плющильных и прокатных машин — все это делало труд рабочих особенно тяжелым, изнурительным и опасным. Поднимая огромные тяжести, ворочая раскаленное железо, соприкасаясь с огнем, ничем не защищенные казенно-служащие получали на работе различные повреждения и заболевания. Ушибы и ожоги были обычным явлением. Многие рабочие страдали «воспалением глаз». Среди других заболеваний рабочих заводские лекаря называют такое, как «трепетание сердца».

Несчастные случаи на производстве происходили так часто, заболеваний среди рабочих было так много, что царские чиновники вынуждены были открыть при заводах лазарет. Они боялись, что мастеровые, получив увольнение под предлогом болезни, будут предаваться «праздности и лености»; никому из больных поэтому не разрешалось оставаться дома, все заболевшие рабочие должны были находиться в лазарете.

На заводах казенно-служащие проводили половину своей жизни — работали по 12 часов в сутки. Таков был рабочий день. «При огненных производствах», т. е. в плющильном, якорном, молотовом и меделитейном заводах, а также в лесопильнях работы производились «денно и нощно». Здесь работали в две смены.

Часто звонили в заводской колокол в воскресные и праздничные дни. В «правилах для управления адмиралтейского Ижорского завода», утвержденных в 1806 г. и действовавших до 1862 г., было сказано: «Свободу от работ давать во все воскресные, также праздничные и торжественные дни по

табелю, но в случае, когда даны будут наряды, исполнение коих потребовало бы крайней поспешности, то должно и в сии дни быть на работе».

Завод являлся военным, работал для флота, и подобные наряды давались постоянно. Каждый праздник кроме того производились работы по ремонту. А когда царское правительство затевало войну, тогда адмиралтейские Ижорские заводы работали безостановочно и беспрерывно, и казенно-служащие целые месяцы, не зная отдыха, отливали пушки, ковали цепи и якоря.

Эксплоатация рабочих была самая жестокая, безудержная и безграничная. Однако заводским и высшим морским чиновникам она казалась все еще недостаточной, и они изобретали различные средства, чтобы усилить ее. Казенно-служащим не разрешалось заниматься дома (в свободное от работы на заводе время) «ни железной, ни медной работой». И во время инспекторских смотров слесаря каждый раз жаловались, «что отняты у них собственные их инструменты». Столярам также запрещалось производить какую бы то ни было работу на дому. Всем рабочим строжайше было запрещено держать лошадей и ловить рыбу.

И все это делалось, по объяснению начальства, «для предотвращения мастеровых от изнурения». Какая заботливость! Может быть внимательное и заботливое начальство сократило рабочий день мастеровых, чтобы таким, самым простым и верным способом предотвратить их «от изнурения»? Может быть человеколюбивые заводские и морские чиновники действительно решили облегчить труд рабочих? Нет, конечно. На казенно-служащих они смотрели как на рабочий скот и хотели, чтобы мускулы и вся мускульная энергия этого скота принадлежали им полностью. Вот о чем думали, вот к чему стремились царские слуги.

Палка, каторжный режим, дикая и изощренная система насилия и принуждения — все средства пускались в ход для того, чтобы выжать из рабочего все, что только можно и даже больше того, хотя наиболее умные и дальновидные царские чиновники понимали, что для усиленной эксплоатации рабочих недостаточно одной только палки и палочной дисциплины.

«Ремесленникам назначался годовой оклад жалования, — писал в 1806 г. адмирал Чичагов, — невозможно ожидать от них таких успехов, каковыми обыкновенно сопровождается получение художником платы соразмерно числу и совершенству изделий рук его, и для того всем мастерам, помощникам их и мастеровым вместо жалования производить задельную от каждой вещи плату».

Чичагов предлагал перевести рабочих Ижорского завода

на сдельщину. Заводское начальство, привыкшее действовать палкой, долго не решалось на такой капиталистический шаг. Наконец в 1832 г. состоялась попытка ввести «задельную плату». Но бухгалтерия не сумела произвести своевременно расчеты, и в течение двух лет рабочие сидели без заработной платы. После неудачного такого опыта вновь была введена старая система оплаты труда.

Что особой представляла эта система? «Заводы в селе Колпино обеспечивают военно-ремесленников всем необходимым содержанием для спокойной их жизни», замечает автор появившейся в 1854 г. брошюры «Колпино — селение адмиралтейских Ижорских заводов». Что это было за содержание, обеспечивающее рабочим «спокойную жизнь»?

Только часть заработной платы мастеровые получали деньгами, остальное выдавалось натурой. В 1810 г. большинство рабочих получало по 12 руб. в год, и самые квалифицированные имели годовые оклады 18 или 24 руб. Помощник директора в это время получал 2 500, бухгалтер — 1 000, письмоводитель — 600 и казначей — 500 руб. в год. Эти оклады без значительных изменений продержались до средины XIX столетия.

Провиант всем мастеровым выдавался в одинаковом количестве, именно: муки по 3 пуда и круп по 10 фунтов в месяц. Семейные мастеровые получили еще некоторые количество провианта на детей, причем на «детей мужеского пола» выдавали больше муки, чем на «детей женского пола». Круп на последних вовсе не выдавалось. И здесь у царских чиновников был строгий расчет. «Дети мужеского пола» — это будущие мастеровые. Еще подростками их определяли в ученики к квалифицированным рабочим. Обучение они проходили в течение 3—5 лет. И провиант, который семейные рабочие получали на детей, являлся в сущности заработной платой этих самых детей, но платой ничтожной и мизерной даже в сравнении с тем, что получали казенно-служащие Ижорских заводов. На «детей мужского пола» от 6 лет выдавали по 2 четверика муки и по 5 фунтов круп в месяц.

Казенно-служащие получали обмундирование: мундир на три года и шинель — на четыре. Вот каким содержанием обеспечивались рабочие адмиралтейских Ижорских заводов для «спокойной их жизни».

Морскому министерству было выгодно расплачиваться с рабочими хлебом, так как стоил он пустяки. А для заводских чиновников такой способ расплаты был еще выгоднее, так как он позволял им обвешивать, обмеривать, всячески обкрадывать мастеровых. Почти каждый год рабочие жаловались инспектирующим чиновникам, что они не полу-

чают положенного провианта и особенно обмундирования.

Понятно, что полукрепостная масса казенно-служащих ни в какой степени не была заинтересована в производстве. И если производительность Ижорских заводов возрастала из года в год, то достигалось это благодаря неослабному надзору за рабочими на производстве, благодаря палочной дисциплине на заводах. Скоро однако царское правительство признало несовершенной и недостаточной применявшуюся на заводах Морского министерства систему надзора и насилия над казенно-служащими.

В 1827 г. рабочих адмиралтейских Ижорских заводов переодели в темнозеленые мундиры с черными воротниками и красными выпушками. На фуражках, погонах и светлых пуговицах новых мундиров стояла цифра «6». Колпинские мастеровые превратились в нижних чинов шестого рабочего экипажа.

Александр I, укрепляя крепостничество и самодержавие, создал в России военные поселения. Николай I, еще более ярый крепостник и душитель революционного движения, военизировал всю страну. Завоевательные планы требовали содержания огромной армии и мощного флота. Политика захвата новых рынков требовала новых военных кораблей и новых пушек. Николай учредил морские рабочие экипажи. Они были образованы из рабочих портов, адмиралтейств и заводов морского ведомства.

Тысячу восемьдесят девять мастеровых Ижорского завода разбили на восемь рот. Роты формировались, выражаясь современным языком, по производственному принципу: во главе каждой роты стоял командир, он же был мастером. Заниматься муштровкой и руководить производством — одинаково входило в обязанности этих мастеров — офицеров. Ближайшим и непосредственным начальством рабочих являлись унтер-офицеры, носившие также темнозеленые мундиры, но только с галунами на воротниках и рукавах.

Во главе всего рабочего экипажа стоял командир, подчинявшийся начальнику завода. Инструкция так определяла обязанности этого командира: «Командир экипажа управляет оным по внутренности, разумея под сим заведывание людей по довольствию их жалованьем, провиантом, также за точным исполнением всех обязанностей по прямой службе».

Кроме экипажного командира на заводах были еще чиновник для распределения команды по работам и надзиратель благочиния. Тридцать шесть унтер-офицеров, вооруженных тесаками, полтора десятка офицеров, ходивших обычно с дубинками, командир рабочего экипажа, особый чиновник и надзиратель благочиния — вся эта свора

командовала и приказывала, неотступно следовала за рабочими, наблюдала за поведением их на заводе и вне завода, следила за каждым их шагом. Военщина и раньше существовала на Ижорских заводах, но теперь, в царствование Николая Палкина, она достигла чудовищного развития и расцвета. Все и вся подчинялось диким военным порядкам, во всем была палочная дисциплина и мелочная регламентация. Даже в домашнем быту рабочие чувствовали эту новую неволю, это новое закрепощение. Завод стал каторжной тюрьмой, Колпино — военным поселением.

Рабочих поднимали — звонил колокол — в четыре часа утра. Из казарм и домов их выгоняли на площадь и выстраивали. Дежурный офицер производил перекличку, затем осматривал, все ли одеты по форме, и вел команду к главным заводским воротам. Здесь рабочих «принимал» по списку чиновник, который в свою очередь «отдавал» их мастерам и унтер-офицерам для распределения по работам. Мастеровых, не явившихся к заводу, дежурный офицер отыскивал и представлял «для употребления в работу».

В мастерских рабочие находились под двойным надзором. Кроме унтер-офицеров и мастеров за ними наблюдал чиновник, принимающий по утрам команду; как надсмотрщик, он ходил по мастерским и проверял, все ли рабочие на своих местах, все ли они оказывают послушание унтер-офицерам и мастерам. Особенно следил этот чиновник-надсмотрщик за тем, чтобы мастеровые работали «не леностно».

«Если кто из служителей будет сказываться больным, — предписывала чиновнику инструкция, — то осмотреть, имеет ли он наружные признаки болезни, буде таковые приметит, немедленно отправлять к экипажному командиру для препровождения к пользованию в лазарет». Заболевания без наружных признаков, как видно, во внимание не принимались.

В полдень звонил колокол, и дежурный офицер вел команду на обед, после которого рабочих вновь собирали, проверяли и гнали на работу. В 6 часов вечера последний раз звонил колокол, рабочих выводили из завода, но даже и теперь, отработав 12 часов, они не получали свободы.

Нижним чинам шестого экипажа строжайше запрещалось отлучаться из села. По вечерам особый отряд производил проверку по домам и казармам. А ночью по селу ходил патруль из четырех рядовых и унтер-офицера. Всех, кто показывался на улицах, патруль забирал и отправлял на гауптвахту.

За всякие даже самые мельчайшие отступления от этих каторжных правил и порядков рабочих судили заводские

чиновники и жестоко наказывали. За более крупные проступки предавали военному суду.

В 1835 г. Николай I, приезжая в Москву, посетил Колпино. Он обозрел заводы, зашел в госпиталь и, изъявив Вильсону «высочайшее свое удовольствие», отправился в дальнейший путь. Через несколько дней, уже в Москве, царь отдал следующий приказ.

«Государь император при посещении 26 апреля адмиралтейских Ижорских заводов, изволив усмотреть отличный в оных порядок, устройство мастерских, вновь возведенных, и хорошую выделку вещей, на сих заводах приготовляемых, объявляет высочайшее свое благоволение: начальнику оных, корпуса корабельных инженеров генерал-лейтенанту Вильсону, помощнику его того же корпуса полковнику Фуллону, командиру 6-го рабочего экипажа подполковнику Игнациусу и всем офицерам тех заводов, нижним же чинам жалует по два рубля, по два фунта мяса и по две чарки вина на человека.

Его императорское величество, относя такое положение заводов сих к примерной попечительности генерал-лейтенанта Вильсона, изъявляет ему особенное монаршее благоволение.

Подписал: начальник главного Морского штаба князь Меньшиков».

Николай знал, кому изъявлять свое «особенное монаршее благоволение».

С Олонецких заводов Гаскойн привез в свое время в Колпино скромного чиновника, из англичан, Александра Яковлевича Вильсона. Первоначально Вильсон исполнял различные поручения своего патрона, но через некоторое время после его смерти занял директорский пост и быстро пошел в гору.

Техник по образованию, человек холодный и жестокий, до конца дней своих живший одиноким холостяком, своей ревностной службой Вильсон очень скоро обратил на себя внимание Александра I. Чины и ордена буквально посыпались на Вильсона.

Новый государь еще больше оценил директора адмиралтейских Ижорских заводов. Уже в 1826 г. он произвел его в генерал-майоры и назначил в корпус корабельных инженеров. Через три года Вильсон сделался генерал-лейтенантом. Генерал-лейтенант и кавалер различных орденов, он оказался верным и достойным слугой венценосного жандарма. Александру помогал создавать военные поселения Аракчеев. Вильсон, исполняя волю Николая, превратил Колпино в военное поселение, а мастеровых Ижорских заводов — в военно-крепостных.

Он, этот колпинский Аракчеев, жил при Александровской мануфактуре, которой управлял, и на Ижорских заводах появлялся только несколько раз в неделю. Как гроза, показывался Вильсон в Колпине, и все эти командиры экипажа, надзиратели благочиния, спешили в его кабинет с докладами. И после каждого почти приезда Вильсона на заводы появлялись приказы...

«Наказать шпицрутенами через 500 человек один раз...» «Наказать при команде кошками пятидесятью ударами...» «Наказать при команде палками...» «Наказать при команде розгами...».

За что истязали людей?

Мастеровые Кузьма Петров и Антон Глыбин шли по набережной Фонтанки «в безобразном виде», т. е. в расстегнутых мундирах, когда мимо проезжал царь. Наказаны розгами.

Ефим Махаев отлучился от команды на несколько дней. Наказан палками, ста ударами.

Александр Яковлев пришел в Царское Село и пытался подать Николаю прошение о переводе с Ижорских заводов в другое место. Наказан розгами.

Гаврила Соколов отлучился от команды, чтобы повидаться со своими родственниками. Наказан шпицрутенами, один раз через 500 человек.

Наказания производились на площади, в центре села, в присутствии заводской команды. Оштрафившихся мастеровых пороли и били, а всем остальным как бы говорили: смотрите! вот что ожидает вас, если вздумаете повторить подобный поступок.

Такими методами Вильсон воспитывал дух послушания, повиновения и покорности в нижних чинах 6-го рабочего экипажа.

Многие из рабочих не выдерживали этой каторжной жизни и бежали, бежали, куда глаза глядят, лишь бы скрыться из Колпина. Так бежали крепостные от зверя-помещика. Так бежали люди из каторжной тюрьмы. Беглых мастеровых ловили, истязали шпицрутенами, но побеги от этого не прекращались и даже не уменьшались. Напротив, список находящихся в бегах все увеличивался и возрастал. Многие мастеровые бежали по нескольку раз.

Филипп Павлов Лепешкин, сын мастерового Ижорских заводов, был зачислен в пятую роту 6-го рабочего экипажа в 1853 г. Через четыре года за отлучку от команды наказан розгами, а через несколько месяцев после этого за второй побег наказан шпицрутенами, один раз через 100 человек. Прошло два года, и Лепешкин бежал третий раз. Его опять поймали и наказали шпицрутенами, три раза

через 100 человек. В том же году за четвертый побег Лепешкина наказали шпицрутенами, четыре раза через 100 человек. А через полгода Лепешкин бежал вновь в пятый и последний раз — теперь его не удалось поймать, и он был исключен из состава 6-го рабочего экипажа.

Андрей Васильев Стацюк бежал два раза. За первый побег в 1845 г. Стацюка наказали розгами, тремя стами лозанами; за второй побег, совершенный в 1849 г., его наказали шпицрутенами, через 500 человек два раза. В 1851 г., 4 июня, Стацюк бежал в третий раз. Четыре месяца скрывался он, пробираясь из одного места в другое, кормясь милостыней или поденной работой, ночуя в лесу. А когда сделалось холодно и «не имея для себя пищи», оборванный, полураздетый и голодный человек не выдержал, явился в Новгород и отдал себя в руки полиции. Стацюк был доставлен в Колпино и заводским начальством предан военному суду.

Военный суд решил «прогнать его шпицрутенами через 1 000 человек три раза и отправить в арестантские роты на четыре года». Стацюк был уже стариком и притом «здоровья слабого». Прогнать шпицрутенами через 1 000 человек да еще три раза — значило убить его, но тогда вторая часть дикого наказания теряла всякий смысл. И заводское начальство передало «на благоусмотрение» генерал-интенданта свое мнение по поводу приговора военного суда по делу Стацюка. «Полагал бы достаточным прогнать его, — писал Вильсон, — сквозь 500 человек один раз и отослать вместо назначенных по сентенции арестантских рот в какой-либо другой порт, откуда бы он не мог делать отлучек».

Возник вопрос о медицинском освидетельствовании Стацюка. Оно состоялось, и вот его результаты.

«...Оказалось, что он имеет лет от роду повидимому около шестидесяти, в верхней челюсти все зубы уничтожены, а в нижней только семь цельных зубов, лицо впалое, покрытое морщинами, тело приметно истощено, вся передняя часть груди покрыта густыми, темнобрунатными пятнами и поверхностными рубцами после ставленных нарывных пластырей, поверхностные вены левой нижней конечности, начиная от нижней половины бедра до самой стопы, сильно расширены, таковое же расширение заметно и на всем пространстве правой голени, мышцы верхних и нижних конечностей вялы, истощены, притом исследуемый жалуется на затруднительное удушливое дыхание, свойственное его старческому возрасту».

И этого забитого, замученного, истерзанного старика хотели «прогнать шпицрутенами через 1 000 человек три

раза». Врачи, осмотрев Стацюка, заключили, «что он без явной опасности жизни никакому телесному наказанию подвергнут быть не может, к работам в арестантских ротах и ни к какому роду военной службы не способен».

Генерал-интенданту пришлось изменить невыполнимый приговор военного суда. Стацюка решили выдержать месяц на гауптвахте на хлебе и воде и затем определить в одну из портовых рот Кронштадта.

Дальнейшая судьба Стацюка неизвестна. Уморили его царские чиновники на гауптвахте или, отбыв наказание, он умер на работе в порту? Не способный ни к работе, ни к военной службе, как выжатый лимон, Стацюк не интересовал больше заводское начальство. Правда, в 6-м экипаже на одного человека стало меньше, но ведь экипаж все время пополнялся рекрутами, присылаемыми Морским министерством, и кантонистами, школа которых находилась в Колпине.

Дети рабочих Ижорского завода буквально с колыбели, с двух лет, теряли свободу и зачислялись в кантонисты 7-й и 8-й рот учебного морского рабочего экипажа. Они не принадлежали больше родителям, ими распоряжалось Морское министерство, и за укрывательство кантонистов родители или воспитатели преследовались так же, как за укрывательство дезертиров.

Мальчиков с шести лет затягивали в мундиры, обучали чтению и письму и знакомили с розгами, палками и шпицрутенами. Детей военизировали и приучали к «послушанию» — они должны были сменить своих отцов. 12-и 13-летних подростков (а часто даже и 11-летних) из школы направляли в мастерские. Так приказом начальника заводов в 1832 г. 36 кантонистов были зачислены в мастеровые четвертого класса 6-го рабочего экипажа. Из этих 36 подростков 15 лет имел только один, 14 лет — пять, 13 лет — девятнадцать, 12 лет — восемь и 11 лет — трое.

Подростки исполняли такую же работу, как и взрослые мастеровые, столько же часов находились на производстве и подчинялись тем же военным порядкам — дети в сущности, они были «полноправными» нижними чинами 6-го рабочего экипажа.

ЖИЗНЬ МИРНАЯ, ДОБРОПОРЯДОЧНАЯ И БЕЗМЯТЕЖНАЯ

Состоявшее прежде всего-навсего из двух улиц заводское село постепенно разрасталось и застраивалось.

На площади, на противоположной заводу восточной стороне, стояли большие деревянные казармы, в которых жили холостые мастеровые. В четырех казармах помещалось

пятьсот с лишним человек. Здесь же находились общая кухня и столовая для одиноких рабочих. В эту кухню мастеровые сдавали свой провиант, и кроме того с каждого из них высчитывали за питание по 7—9 руб. в год.

Как питались холостые рабочие? Приводим меню столовой за неделю.

1 октября — щи с кислою серою капустою, размазня гречневая с постным маслом.

2 октября — щи с кислою серою капустою и свежим мясом.

3 октября — щи с кислою серою капустою, размазня гречневая с постным маслом.

4 октября — щи с кислою серою капустою, размазня гречневая с постным маслом.

5 октября — щи с кислою серою капустою, размазня гречневая с постным маслом.

6 октября — щи с кислою серою капустою, размазня гречневая с постным маслом.

7 октября — щи с кислою серою капустою, размазня гречневая с постным маслом.

Только раз в неделю, по воскресеньям, рабочие ели щи со «свежим мясом», которое часто издавало весьма неприятный запах. Все другие дни пища состояла из щей, приготовленных из крошева, да гречневой каши — и эту пищу рабочие получали из недели в неделю, из месяца в месяц, из года в год. В лазарете всегда находились десятки рабочих, страдавших по определению заводского лекаря желудочной лихорадкой, поносом и цынгой.

Нижние чины 6-го рабочего экипажа, вздумавшие обзавестись семьей, приходили к Вильсону, кланялись ему в ноги и просили:

— Разрешите, ваше превосходительство, жениться.

Женитьбе обычно предшествовало строительство дома. На это также требовалось разрешение начальника завода. Рабочим, которые получали такое разрешение, отводили кусок казенной земли длиной в 25 саженей и шириной в 8 саженей, и на этих клочках они воздвигали небольшие, одноэтажные домишки. Почти все женатые рабочие жили в собственных домах.

И дома эти, сложенные из старых барочных бревен, трехоконные, с двускатными крышами, были однообразны и так же походили один на другой, как походили друг на друга нижние чины 6-го рабочего экипажа, затянутые в темнозеленые мундиры. Небольшой двор примыкал к каждому дому: здесь находились сарай для дров и хлев для скота. За дворами тянулись огороды.

Если холостым мастеровым их заработной платы хвата-

ло на щи да гречневую размазню, то семейным заводского заработка недоставало и на это, и все они держали коров. Сам начальник завода признавал, что для семейных рабочих «содержание коров составляет важную статью собственного и детей их продовольствия».

Работа на огороде, уход за коровами, стряпня дома составляли главное занятие жен и дочерей колпинских рабочих. Женщины ходили еще в лес за дровами. Собирали летом также ягоды и грибы. Только в 1852 г. в Колпине открылось заведение, где впервые нашел себе применение женский труд. То была мастерская искусственных цветов, которыми украшали себя высокие особы, жившие в Царском Селе. Около восьмидесяти колпинских девиц работали в цветочном заведении с утра до ночи и получали за свой труд по 10—12 коп. в день.

Село расширялось, строились новые дома, вытягивались прямые, ровные новые улицы. Многие новые улицы были без названий, и летом здесь зеленела травка и паслись телята, которых еще не пускали в стадо. Только две улицы имели несколько иной вид и напоминали даже городские. Одна, самая старая, Никольская, проходила между заводом и площадью и представляла собой дорогу в Петербург. На площади находилась церковь, все богомольцы из столицы всегда проходили и проезжали по Никольской улице. По сторонам ее стояли старые, напоминавшие огромные шатры дома, покрытые четырехскатными крышами. На Никольской улице находилось около десятка лавочек. Здесь же была Колпинская гостиница.

Никольская улица являлась главной в Колпине, она была как бы центром села. В домах, расположенных вдоль этой улицы, жили чиновники, мастера, трактирщики, торговцы, вся местная знать и некоторые коренные колпинские мастеровые. Никольская улица господствовала в заводском селе, и жители ее считались самыми почтенными в Колпине.

Но вот мимо адмиралтейских Ижорских заводов прошла, протянулась Петербург-московская железная дорога, а в 1847 г. в Колпине открылся «пассажирный дом», и гегемония старой улицы пошатнулась. От железнодорожной станции к площади, где стояла церковь, шла Троицкая улица. По ней теперь направлялся главный поток богомольцев и всех приезжающих. Новая и совсем еще молодая улица стала быстро застраиваться большими двухэтажными домами, хозяева которых гостеприимно предоставляли приют приезжающим. Но Никольская улица, тяжело и смертельно раненая, не сдавала своих позиций. Завязалась борьба. Скоро однако несколько торговцев, по-

кинув старую улицу, перекочевало на Троицкую, сюда же переехала Колпинская гостиница, и это решило исход борьбы. Новая улица стала центром села.

Впрочем в обычные дни колпинские улицы пустовали. Только изредка, громыхая телегой, проезжал окрестный крестьянин или проходил грузный поп. И чаще других показывался на улице надзиратель благочиния. Он обходил село и бдительно смотрел, «дабы не учинилось чего в нарушение общего спокойствия». Он наблюдал, «чтобы все живущие в заводском селе вели жизнь мирную, добропорядочную и безмятежную».

Надзиратель благочиния заходил в дома и казармы мастеровых, и ничто не ускользало от его внимания и взора Не родила ли чья-нибудь женка, а если родила, то кого именно? Не помер ли кто-нибудь, а если помер, то как именно? В надлежащей ли исправности содержится назначенный дому пожарный инструмент, с которым хозяин в случае пожара должен явиться на помощь? И нет ли в доме беспашпортных или бродяг каких? А если случалось, что находились такие, то надзиратель благочиния немедля действовал.

«1843 г., марта 17 числа.

Рапорт начальнику адмиралтейских Ижорских заводов.

В здешнее заводское селение в дом к мастеровому 6-го рабочего экипажа Ивану Краеву вчерашнего числа явилась его падчерица Костромской губернии, Галичского уезда, села Ступина, господина Ивашинцова, крестьянская женка Ольга Яковлева, по мужу Васильева, которая по неимению паспорта как беглая мною задержана и отправлена на гауптвахту под караул, о чем вашему превосходительству имею честь донести.

При сем долгом почитаю присовокупить, что с вышеписанной крестьянки взят допрос, который при сем прилагается.

1843 г., марта 17 дня надзирателем благочиния адмиралтейских Ижорских заводов подпоручиком Федоровым нижеписанная спрашивана и показала:

Ольга Яковлева, по мужу Васильева, от роду 25 лет, веры православной, на исповеди и у святого причастия была тому назад два года, грамоте не знает, под судом и в штрафах не находилась, Костромской губернии, Галичского уезда, села Ступина, господина Ивашинцова, жена крестьянина Кирилла Васильева, жительство имеет в вышеписанном селе Ступине и недели три тому назад возымела желание свидеться с своей родной матерью Марфою Васильевой, женой мастерового 6-го рабочего экипажа Ивана Краева, но знала, что для сего господин Ивашинцов ее

не уволит, то она и решилась без позволения своего господина, но с согласия своего мужа уйти тайно и пришла прямо в заводское селение Колпино, явилась в дом к родной своей матери Марфе Васильевой, во время дороги от своего места до села Колпина шла нищенским образом и никаких законопротивных поступков не сделала, более ничего не знает, в чем и показала самую сущую правду».

Следить за всеми приезжающими в село, привести в исполнение приговор уездного суда и солдатскую вдову Елизавету Андрееву Иванову при собрании здешнего селения жителей розгами двадцатью ударами наказать, исследовать преступления и все происшествия, которые за день учинятся, и утром в 8 часов доносить обо всем начальнику заводов — сложны и многообразны были обязанности надзирателя благочиния, этого полицмейстера заводского. Но особенно многотрудной была деятельность его в воскресные и праздничные дни.

В те воскресенья и праздники, когда не работал завод, мастеровых в 8 часов утра выводили на площадь, выстраивали во фрунт, и после обычных переклички и проверки заводские чиновники читали им «из воинского устава и других узаконений касающиеся до службы статьи». А когда раздавался благовест, рабочих вели в церковь.

Надзиратель благочиния во время службы находился в церкви, так как в его обязанности входило «иметь бдение, чтобы всякий из заводских чинов и служителей, также и прочие, приходящие во храм божий, во время службы пребывали со страхом в молчании и чтобы соблюдена была тишина и благоговение». Вообще о душах мастеровых заводское начальство заботилось очень много — больше, чем о теле. Всех, кто не являлся в церковь или ускользал из нее во время службы, наказывали розгами. Во время поста нижним чинам 6-го рабочего экипажа приказывали «исполнять долг религии, т. е. быть у исповеди и святого причастия, и ни под каким видом от сего не уклоняться под опасением законного за сие взыскания».

Заводские офицеры и попы действовали единым фронтом. Первые загоняли рабочих в церковь, а вторые следили и шпионили за рабочими и доносили заводскому начальнику о тех из них, которые уклонялись от исповеди. Таких мастеровых объявляли «раскольщиками» и жестоко наказывали. Усердие колпинских священнослужителей не знало границ. Среди рекрутов, присылаемых на завод со всех концов Российской империи, встречались и татары, и евреи, и представители многих других наций и вероисповеданий. Их заставляли... «добровольно» принимать православную веру и крестили.

Деятельность церкви все время расширялась. Кладбище из церковной ограды перенесли за село, туда же перенесли деревянную церковь. Площадка вокруг каменной церкви нужна была для другой цели. Здесь в праздничные дни раскидывали свои шатры торговцы.

9 мая, в николин день, из столицы и окрестностей в Колпино стекались тысячи богомольцев. Разные люди собирались в этот день за оградой колпинской церкви. Одни приезжали в каретах, колясках, на дрожках, другие на телегах, а большинство приходило пешком.

Вокруг божьего храма шла бойкая торговля.

— Подходите, красные девицы! — выкрикивал продавец румян и белил, колец и серег.

А рядом другой торговал маленькими иконками, крестами и портретами Николая-чудотворца. И здесь же кричал третий:

— Крендели, выборгские крендели!

На лотках носили различные лакомства, а в палатках трактирщики угощали праздничную публику кислыми щами, хлебом, квасом и горячими напитками.

Впрочем Николай-чудотворец приносил доходы не только торговцам. Попы также пожинали обильную жатву. Церковь никогда не могла вместить всех жаждущих поклониться чудотворной иконе. Быстро наполнялись серебром и медью кружки возле иконы, а чтобы они наполнялись еще быстрее, попы время от времени устраивали чудесные исцеления. Обычно исцелялись купчихи. И после очередного чуда попы поднимали шум, произносили проповеди, которые всегда начинали так:

— И в наши дни, скудные, можно сказать, верой, господь проявляет иногда чудодействующую силу, ходатайством святых угодников своих, сколько для видимого и осязательного вразумления неверующих, столько же для подкрепления душ слабых и колеблющихся.

— Дивны дела твои, господи! — восклицали попы, и молва об очередном чудесном исцелении расходилась далеко за пределы села и долго гремела в окрестностях.

Каждое исцеление строго учитывалось и подробно записывалось. Зато никто не учитывал, сколько людей заражалось, прикладываясь к чудотворной иконе. Хотя заразу распространял не только божий угодник — ее разносили многочисленные «монашки», стекавшиеся 9 мая со всех концов в Колпино. Холостые мастеровые с крестным ходом отправлялись к часовне и там разбирали монашек. А через некоторое время в заводской госпиталь поступали больные, диагноз которых лекарь определял словами: «трудное мочеиспускание» и «любострастная».

Особенное оживление наступало по вечерам. Это была самая лучшая пора для сидельцев питейных заведений, трактирщиков и харчевников.

«Обыкновенно крестьяне зажиточных сел на больших дорогах в праздник забираются в чайные, харчевные, пивные и другие заведения, которых там много конечно потому, что более празднующих таким образом, и возвращаются домой к ночи в расстройстве сил, лишь для ночлега. Здешние жители ничего подобного не позволяют; ведут себя гораздо сознательнее как в домашнем, так и в общественном кругу под страхом прогневить начальство, справедливое и кроткое, от свидетельства которого зависят единственно все их способы к жизни; и раньше оканчивают свой праздник потому, что на другой день утром им должно быть уже за делом».

Неизвестный автор приведенных строк, человек видимо законопослушный, скромный и кроткий, наделяет нижних чинов 6-го рабочего экипажа добродетелями, которых в действительности они не имели. Редко кто из мастеровых не напивался по воскресеньям и праздникам, а тем более в такой день, как 9 мая — старый колпинский праздник.

Пьянство приняло в Колпине такие размеры, что заводское начальство вынуждено было начать борьбу с ним. Сначала запретили рабочим, купив вино, оставаться в питейных заведениях, другими словами, разрешали пьянствовать только дома. Но от этого пьянство нисколько не уменьшилось. Тогда совсем запретили нижним чинам 6-го рабочего экипажа заходить в питейные дома. Но ни приказы, ни розги, ни гауптвахта, ни шпицрутены — ничто не помогало. Пьянство продолжалось.

Если не удавалось напиться в Колпине, мастеровые отлучались от команды и предавались пьянству в окрестных селах или в Петербурге. Многие из мастеровых пили запоем, по нескольку дней подряд, беспробудно, а так как денег для этого не имели, то пропивали мундиры, брюки, сапоги. Часто пьяных и почти голых мастеровых офицеры забирали в питейных домах и отправляли на гауптвахту, а потом предавали военному суду.

Забить и запугать рабочих удалось, но пьянство прекратить — нет.

«1856 г., февраля 10 числа.

Рапорт господину начальнику заводов.

Сего числа в семь часов утра из числа находящихся в ночном обходе по здешнему заводскому селению квартирмейстер Ян Таго и матрос Устин Кошелев объявили мне, что в 11 часов ночи усмотрено часовым на притинке по наружности заводского дровяного двора около реки Ижоры,

что какой-то человек, шедший от Николаевской железной дороги по пути, ведущему к здешнему заводскому селению, опустился на реку Ижору близ заводского забора у проруби, из которой берут воду, и, остановившись у оной будто бы для естественной надобности, но в то же время этот человек тотчас скрылся, оставивши свою одежду у проруби».

Это Иван Бугаев, отлучившийся накануне от заводской команды, пропивший полученную за четыре месяца заработную плату и просрочивший время вечерней переклички, бросился в воду, «чтобы избегнуть ответственности».

Через три месяца волны прибили к берегу обезображенный труп. Ивана Бугаева вычеркнули из списка находящихся в бегах, а тело его, как самоубийцы, бросили в болото.

«ДУХ НЕПОВИНОВЕНИЯ»

Вильсон уже не показывался больше в Колпине, он находился в отставке и, щедро одаренный деньгами и прочими царскими милостями, жил в своем доме возле Александровской мануфактуры, когда на Ижорских заводах вспыхнула первая забастовка.

Долго сдерживаемое недовольство рабочих в июле 1857 г. вылилось наконец в форму стихийного протеста.

Поводом к первому выступлению послужило следующее обстоятельство: воскресенье 14 июля было объявлено рабочим днем, команде было приказано в этот день в полном составе явиться на работу.

Движение началось с чугунолитейной мастерской. Когда здесь в субботу рабочие узнали, что на следующий день надо выходить на работу, они подняли ропот и стали открыто выражать свое недовольство.

— Боже мой, боже мой, работаешь в будень и праздник, а заработных денег все не выдают, — говорил, обращаясь к товарищам, Николай Лишенков.

Не активный и смелый протест, не призыв к борьбе против существующего порядка — нет, отчаяние забитого и придавленного мастерового звучит в этих словах. Нижние чины 6-го рабочего экипажа еще не поднялись, не выросли до сознательных пролетариев, и самое большое, на что они были способны, — это стихийное выступление. Рабочие чугунолитейной мастерской решили «принести жалобу самому экипажному командиру».

После вечернего шабаша, выйдя из заводских ворот, они нестройной, но сильно возбужденной и шумной толпой направились к дому полковника Ломена. По дороге

к литейщикам присоединялись рабочие других мастерских. Толпа росла.

Что произошло возле дома экипажного командира?

РАПОРТ

«Вчерашнего числа после вечернего шабаша в 6½ часов подошла к канцелярии экипажа и к моему дому часть команды около 500 человек, в это время я не был дома и ходил по селению Колпино, о чем мне дал знать дежурный ординарец унтер-офицер Никита Петров. Когда я подошел к оной толпе, то один из них на правом фланге закричал: «фуражки долой, смирно», и когда я их спросил, что им нужно, то они объявили свою претензию: что их высылают в праздничные дни на работу, и когда я стал им представлять, что это есть воля высшего начальства, после сего, не внимая моим убеждениям, совершенно вышли из дисциплины и стали с неистовством и дерзостью кричать, что не будут ходить в праздничные дни на работу, и стали меня окружать, что заставило меня послать за караулом. Когда я хотел взять из них наиболее шумевшего с дерзостью 5-й роты мастерового Петра Васильева, другие бросились защищать и вырвали его из рук моих, в то время вся толпа стала разбегаться по разным направлениям с шумом и криком. О чем вашему высокоблагородию имею честь донести и покорнейше прошу о сем происшествии донести высшему начальству, при сем имею честь представить именной список о нижних чинах, более замеченных в оной толпе».

Не на шутку перепуганный и рассвирепевший полковник многое преувеличил и переврал в своем рапорте. Рабочих собралось около его дома не 500 человек, а только 400. Неверно также, что толпа кричала «с неистовством и дерзостью». В действительности произошло вот что. Мастеровой Александр Иванов начал изъяснять Ломену просьбу рабочих — не высылать их в воскресные дни на работы, но полковник запретил Иванову говорить и стал на него кричать. Тогда заговорил Лишенков. Он указал, что работа в воскресные дни лишает мастеровых возможности заняться хозяйством и исправить обмундировку. Лишенкова Ломен схватил за борт мундира и ударил палкой. Никто не решился защищать Лишенкова. Он сам вырвался из рук разъяренного экипажного командира.

После этого Ломен пытался схватить Петра Васильева, вместе с другими продолжавшего просить его рассудить просьбу рабочих, но Васильев увернулся из рук командира и скрылся. Тогда Ломен приказал вызвать караул, и

мастеровые стали расходиться по домам. На этом собственно все выступление и закончилось. Вот факты, установленные впоследствии генеральной комиссией военного суда, которую никак нельзя конечно заподозреть в симпатиях к рабочим.

Взбесившийся командир 6-го экипажа решил жестоко расправиться с рабочими, осмелившимися обращаться к нему со своими просьбами. Он отдал приказ немедленно схватить и посадить под караул мастеровых, которых считал зачинщиками выступления, главарями рабочих. Арестованными оказались Яков Коровин, Павел Кучин, Николай Лишенков, Матвей Ладыгин и Петр Васильев.

На другой день, в воскресенье, все мастеровые явились на работу. Однако заводское начальство не успокоилось. Еще рано утром Швабе, начальник заводов, отправил рапорт о случившемся накануне высшим морским чиновникам. Не ожидая ответа и распоряжений из Петербурга, Швабе приказал арестовать и посадить под строгий караул еще 13 мастеровых к тем, которые накануне были арестованы Ломеном. «Для предварительного исследования дела» Швабе назначил комиссию из заводских офицеров. Комиссия немедленно приступила к «исследованию». Начались допросы арестованных. Они производились ежедневно, и после каждого допроса арестовывались все новые мастеровые. После нескольких дней деятельности комиссии под арестом содержалось уже двадцать четыре человека.

Как заводская комиссия производила допросы находящихся под караулом рабочих, какими методами она «исследовала» дело — по этому поводу прямых указаний в документах не имеется. Но показательны следующие факты. Из двадцати четырех арестованных мастеровых четырнадцать даже вовсе не были в толпе, собравшейся 13 июля возле квартиры Ломена. И комиссия военного суда, прибывшая позже на завод, вынуждена была запросить Швабе по поводу этих рабочих: «По каким уважительным основаниям наряженная по распоряжению заводского начальства комиссия, производившая предварительное следствие, арестовала поименованных людей?» После допросов один из арестованных стал обнаруживать признаки умопомешательства. И та же самая комиссия вынуждена была отправить его для испытания во второй военно-сухопутный госпиталь. Таковы результаты «исследования» дела заводской комиссией, «исследования», продолжавшегося всего несколько дней. Арестованных очевидно оказалось бы не двадцать четыре человека, а значительно больше, и в госпиталь пришлось бы отправлять возможно не одного, а несколько человек, если бы «работа» усерд-

ных заводских следователей не была прервана приездом генеральной комиссии военного суда.

«Стачка была кошмаром царского правительства с тех самых пор, как появилась в России крупная промышленность», замечает М. Н. Покровский. В данном же случае дело происходило в 1857 г., когда волны крестьянского движения вздымались особенно высоко, когда росло оппозиционное движение среди буржуазии и революционное движение среди мелкобуржуазной интеллигенции. В это время и в такой обстановке царское правительство больше чем когда-либо боялось «рабочих беспорядков». Понятно поэтому, какое неприятное действие произвело в Петербурге известие о первом выступлении рабочих Ижорского завода. Беспорядки да еще на военном заводе — царские чиновники сильно встревожились.

16 июля Швабе получил уведомление, что для «обнаружения беспорядков, происшедших между нижними чинами 6-го рабочего экипажа, назначена по приказанию его высочества генерал-адмирала генеральная комиссия военного суда под председательством вице-адмирала Балка, для действия которой» инспекторский департамент просил назначить писарей.

Комиссия Балка прибыла на завод, и завязалась бесконечная переписка. Инспекторский департамент недаром упомянул про писарей. Им пришлось поработать больше всех. Комиссия запрашивала. Швабе и Ломен отвечали. Ответы заводского начальства служили предлогом для новых запросов, в течение нескольких недель тянулась переписка местных чиновников с чиновниками, присланными из Петербурга.

Из этой переписки между прочим выяснилось, что, отправляя утром 14 июля рапорт морскому начальству, Швабе еще не имел донесения Ломена, которое он получил только пополудни. Выяснилось дальше, что Швабе прекрасно знал о намерении рабочих вечером 13 июля итти жаловаться Ломену, знал это и даже отдал приказание записать тех, кто будет «вести себя не с должным уважением». Любопытен особенно один момент в переписке. Швабе указал, что «дух неповиновения» был им «замечен в команде» еще до 13 июля. На предложение комиссии обосновать это свое мнение начальник завода не мог привести ни одного факта и вынужден был всячески увертываться от прямого ответа.

Допросив арестованных мастеровых, комиссия Балка почти всех их из-под ареста освободила. За освобожденными, правда, установили строгий надзор. Под караулом остался один Петр Васильев.

Комиссия военного суда столкнулась с очень неприят-

ными для заводского начальства фактами. Раскрылась картина многочисленных злоупотреблений. «Женатые нижние чины всех рот единогласно показали, что провиант на детей им выдается не в полном весе и что дрова отпускаются не в полном количестве». Холостые рабочие, живущие в казармах, жаловались на плохое качество пищи. Все рабочие жаловались, что не получают полностью заработанных денег.

В 1857 г. на заводе проводился инспекторский смотр, после которого инспектирующий чиновник доложил высшему начальству: «Команда при этом смотре найдена в совершенной исправности, мундирные и амуничные вещи в надлежащей целости, и претензий никаких не объявлено». Комиссия Балка столкнулась с фактами, которые показали, в какой обстановке проводился смотр. Оказывается, во время смотра около инспектирующего генерала все время находились начальник заводов и командир экипажа. Здесь же были ротные командиры. А некоторые из рабочих вовсе не ходили на смотр. И претензий объявлено не было!

Исписав горы бумаги, комиссия военного суда закончила наконец расследование и уехала в Петербург. А в сентябре морской генерал-аудиториат рассмотрел «дело о беспорядках, возникших 13 июля между нижними чинами 6-го рабочего экипажа».

«По произведенному следствию не обнаружено, чтобы мастеровые 6-го рабочего экипажа, собравшиеся 13 минувшего июля в числе 393 человек перед квартирой экипажного командира, оказали ему дерзость или отказались явиться в следующий день, т. е. в воскресенье, на работу в завод. Что эти нижние чины не выходили из повиновения, доказывается тем, что по приказанию полковника Ломена они немедленно разошлись по домам и на следующий день явились на работу». К такому заключению пришел военный суд. Казалось бы, что оно совершенно исчерпывало все дело. Никаких беспорядков в сущности не было, бесполезно искать поэтому виновников, бессмысленно в таком случае кого бы то ни было судить и тем более наказывать.

Но ведь не зря же в течение нескольких недель работала комиссия Балка на Ижорском заводе. Правда, комиссия обнаружила много фактов, которые показывали, что судить надо не нижних чинов 6-го экипажа, а его командиров. Правда, и генерал-аудиториат не мог не упомянуть о некоторых из этих, слишком уж вопиющих и возмутительных фактах, хотя от выводов он воздержался, предоставляя их сделать управляющему Морским министерством. А этот последний вынужден был объявить Ломену

выговор и отстранить его от должности командира 6-го рабочего экипажа.

Но не для того, чтобы разбираться в злоупотреблениях начальников, не для того, чтобы судить Ломена и других заводских командиров, нет конечно, расследование и суд — все это требовалось для другой цели. Надо было проучить рабочих, осмелившихся протестовать против распоряжений своего начальства. Надо было запугать рабочих и застраховать себя от повторения событий 13 июля. Ведь при повторении эти события могли принять и другой оборот, более неприятный для заводского начальства и не только для него одного.

«Не обнаружено...» «Не выходили из повиновения...» «Но означенные нижние чины нарушили порядок службы, составив для предъявления их просьбы запрещенное сходбище».

Преступление найдено. Остается только отыскать преступников. Собственно все 393 мастеровых, собравшихся у дома Ломена, в таком случае преступники. Десятки квалифицированных литейщиков, кузнецов и слесарей, сотни мастеровых — они нужны были Морскому министерству для того, чтобы отливать пушки, ковать цепи и якоря, изготовлять и собирать сложные механические внутренности кораблей. Надо было найти несколько человек, ответственных за события 13 июля. Военный суд их находит:

«Хотя зачинщиков сего беспорядка не открыто, но в подговоре других мастеровых итти с просьбой к экипажному командиру упадает подозрение на мастерового 5-й роты Николая Лишенкова.

Мастеровой Александр Иванов виновен более других в том, что, будучи послан ротным командиром, прапорщиком Сучковым, чтобы узнать, нет ли в собравшейся толпе людей их роты, не исполнил приказания ротного командира, сам присоединился к толпе и первый начал предъявлять экипажному командиру претензию мастеровых.

Петр Васильев по собственному сознанию оказывается виновным еще в том, что несмотря на приказания экипажного командира молчать он, Васильев, в то время, когда командир взял Лишенкова за борт мундира, в числе других стал представлять экипажному командиру рассудить их просьбу. Сверх того Петр Васильев по показанию экипажного командира обвиняется в том, что когда он, командир, хотел взять его, то он увернулся и ушел.

Мастеровой Константин Финогенов виновен в том, как изобличается по собственному сознанию, что когда он стоял на углу у завода, то приглашал итти вместе с ним с жалобой к экипажному командиру Матвея Ладыгина и этим его увлек».

Преступники налицо. Остается их примерно наказать, так наказать, чтобы убить у рабочих всякую мысль о каких бы то ни было выступлениях. Военный суд определяет:

«Мастерового Петра Васильева прогнать шпицрутенами через 100 человек три раза и отослать в арестантские роты на два года.

Мастерового Александра Иванова прогнать шпицрутенами через 100 человек два раза и отослать в арестантские роты на два года.

Мастерового Константина Финогенова прогнать шпицрутенами через 100 человек два раза и отослать в арестантские роты на один год.

Всем остальным мастеровым 6-го рабочего экипажа, собравшимся 13 июля перед домом полковника Ломена, было объявлено, что, обращаясь прямо к высшим начальникам, они нарушают порядок службы и что за повторение таких проступков они будут подвергнуты суровому наказанию».

Так царское правительство расправилось с рабочими, осмелившимися обратиться с просьбой к командиру экипажа. Жестоко были наказаны участники первого стихийного выступления рабочих Ижорского завода, поднявших свой голос еще недостаточно смело, дружно и мужественно против каторжной и беспросветной жизни нижних чинов 6-го рабочего экипажа.

Только один Николай Лишенков из четырех обвиненных мастеровых избежал шпицрутенов и не попал в арестантские роты. Его постигло другое наказание. 11 октября второй военно-сухопутный госпиталь уведомил заводское начальство, что «Николай Лишенков действительно находится в состоянии умопомешательства, соединенного с меланхолическим направлением мыслей».

М. Розанов

СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ НАЗАД

Отрывок из истории завода «Большевик» (б. Обуховский)

ИНИЦИАТИВНАЯ «ТРОЙКА»

Обуховский завод начал свое существование как частный завод. Царское правительство, основывая его для государственных нужд, все же не решается делать его с первых дней казенным.

Во-первых, потому, что у правительства было твердое убеждение в том, что частнособственнический принцип, положенный в основу всякого предприятия, с наибольшей гарантией может обеспечить ему успех и развитие. Во-вторых, недостаток технических сил и капиталов заставлял правительство обратиться к частным лицам и за тем, и за другим.

Для постройки завода Морское министерство привлекло трех лиц — Обухова, Путилова и Кудрявцева, из которых впоследствии составилось «товарищество Обуховского завода».

П. М. Обухов — дворянин, высокообразованный по своему времени горный инженер. Приобрел мировую известность удачными опытами над производством литых орудий. Новатор артиллерийского дела в России и достойный конкурент знаменитого пушечного короля — германского заводчика Круппа, Обухов представлял одну из сильнейших фигур, которую продвигала старательная русская военщина в интересах молодой буржуазии и помещиков.

В 1859 г. Обухов организует первый в России сталепушечный завод на Урале. Через год он испытывает первую русскую пушку, отлитую из обуховской стали. Вскоре после этого переводится в Петербург. Один за другим щедро сыпались на грудь Обухова кресты и звезды различных степеней почета и святости.

Для широкого применения своей стали Обухов заключает договор на 25 лет с техником-практиком (и капиталистом) Н. И. Путиловым.

Этот договор делал их равноправными участниками всех сталелитейных производств, которые Путилов на протяжении 25 лет (контрактного срока) возьмется организовывать и строить, применяя обуховскую сталь.

Другой участник «товарищества», Николай Иванович Путилов, был широко известен как талантливый техник-практик, как организатор, строитель и хозяин крупнейших в России промышленных предприятий. С ранней молодости дворянин Путилов энергично служил своему правительству и своему... карману.

Более ценного и старательного технического деятеля-практика, чем Путилов, русская военная промышленность в то время не имела. Лихорадочные военные строительства в период крымской войны и после проходили при самом активном участии Путилова, который был назначен в те годы царским указом на должность уполномоченного главного начальника военно-морских и сухопутных сил русской армии. Экстренное создание новой флотилии канонерок и корветов на Кронштадтском рейде, постройка 3 пловучих доков и ремонтной мастерской, участие в постройке 14 пловучих батарей, паровых клиперов, канонерских лодок — во всем этом проявлялась руководящая роль Путилова.

После крымской войны Путилов, работая в горнозаводской и металлургической промышленности, разрешает вопрос о поставке для парового флота котельных листов из своего собственного железа. До этого железные листы привозились из Англии.

О третьем члене «товарищества»—Кудрявцеве»—нечего сказать кроме того, что он петергофский купец 1-й гильдии.

Ум и громаднейший авторитет изобретателя стали горного инженера П. М. Обухова, организаторские способности лучшего техника-практика и опыт крепкого капиталиста Н. И. Путилова и толстый карман купца Кудрявцева — таков «треугольник» первых «учредителей» Обуховского орудийного завода.

Но настоящим хозяином завода было Морское министерство. В его руках находились те ниточки, дергая за которые, оно заставляло действовать каждое из этих трех лиц и всех их вместе.

Теоретически и небольшой практикой сталепушечной фабрики на Урале Обухов доказал возможность развития в широких размерах производства стальных орудий без помощи иностранных держав. Путилов взялся на новом заводе осуществить возможность, доказанную Обуховым. Купец Кудрявцев «приложил» к этому делу свой капитал.

В 1863 г. 5 апреля Путилов заключил договор с Кудрявцевым, по которому тот обязался внести сумму не менее 300 тыс. руб. на постройку нового завода. С Обуховым у Путилова, как известно, был другой договор.

На Обухове лежало руководство технической частью сталелитейного дела с ручательством за доброкачественность стали и изделий из нее.

Четвертого мая 1863 г. учредители завода заключили контракт с артиллерийским управлением Морского министерства на изготовление для флота стальных нарезных орудий из стали полковника Обухова на следующих условиях:

«Первое. В течение пяти лет, считая со дня подписи сего контракта, обязываемся мы, Путилов и Кудрявцев, построить в С.-Петербурге или окрестностях оного сталелитейный завод и изготовить на оном стальных, вполне отделанных орудий, заряжающихся с дула, весом в общей сложности до сорока двух тысяч пудов ценою по 24 руб. пуд; всего на сумму до одного миллиона рублей, с тем чтобы в течение первого года контрактного срока окончить все устройство к отливке, прокове и окончательной отделке орудий, в последующие же четыре года изготовить и сдавать готовых орудий по 10½ тысяч пудов ежегодно...»

При подписании контракта Морское министерство выдало учредителям 500 тыс. руб. Кроме этого главное артиллерийское управление военного ведомства предложило свой заказ на сумму 2 700 000 руб.

Нужда в орудиях была большая. В том году, когда заключали этот контракт, русская артиллерия разбойничала в Средней Азии. Впоследствии «Нива» следующим образом описывала один из таких «подвигов» русской артиллерии: «Русская армия осадила хивинскую армию у урочища Уч-Чугак на противоположном берегу Аму-Дарьи. Командующий русской армией генерал Кауфман выставил длинной линией по гребню берега свои орудия и открыл убийственный огонь по неприятельской позиции.

Результат был блестящий. Массы хивинцев буквально сметены со своих позиций, и к ночи того же дня русская армия была на том берегу, в пределах когда-то недоступного Хивинского ханства. Участь этого грозного, слывшего непобедимым государства, существовавшего тысячелетия, была решена бесповоротно».

Первая продукция Обуховского завода предназначалась для подобного «решения» участи свободных народов Азии.

«НА ДВЕНАДЦАТОЙ ВЕРСТЕ ОТ СТОЛИЦЫ»

На другой день после заключения контракта начались первые работы по постройке Обуховского завода.

Отданная царским указом под завод императорская Александровская мануфактура находилась на 12-й версте от столицы по Шлиссельбургскому тракту, в селе Александровском. Западной границей ее был тракт (из Петербурга в Архангельск), восточной — река Нева. Местность занимала 72 тысячи квадратных саженей.

Шурфовка почвы для отыскания подходящего места под молот началась 5 мая 1863 г. под руководством Путилова.

Предстояла грандиозная работа.

Большая (южная) часть местности, отданной под завод, была покрыта стоячей водой, которая годами скапливалась в глубоких ямах и впадинах, образуя болото. Северная же часть местности — наиболее отдаленная от реки — представляла собой низменное, покрытое наносной землей пространство, которое по всем признакам в прошлом было руслом отошедшей вправо Невы.

Большая слабость, почти текучесть, подпочвенного слоя земли в этой части делала немыслимым изыскание твердой опоры (скалы) для фундамента к наковальне.

Поэтому организатор работ Путилов направил изыскания в южную часть. Но и там почва пугала своей болотистостью и обилием поверхностной воды.

Соседство такой огромной реки, как Нева, было особенно грозно, так как предстояло рыть углубление ниже ее русла.

И вот в стоячую ржавую воду, в болотистую зыбь вошла первая партия рабочих.

По колено в вязкой, холодной грязи, насквозь мокрые и грязные до того, что грязь залепляла уши, глаза, склеивала мужицкие бороды и набивалась вонючим тестом в рот, работали первые рабочие, отыскивая наиболее твердое место для установки фундамента.

Конечно люди, вошедшие 70 лет назад в болото, не были еще пролетариями в современном понимании этого слова. В большинстве своем это были посессионные рабочие Александровской мануфактуры и крестьяне ближайших сел, недавно получившие «волю». «Волю» от помещика, волю от земли, волю от всяких средств существования.

Здесь же в числе первых рабочих были и военнообязанные: солдаты, отбывающие царскую службу, и рекруты. Правительство не упускало удобного случая пользоваться даровым трудом.

* * *

Ко времени постройки Обуховского завода его окружало несколько сел и деревень.

Вплотную к заводу южной частью примыкало село Александровское, населенное потомственным рабочим людом бывшей Александровской мануфактуры, бывшими дворовыми людьми и крепостными крестьянами многочисленных барских владений.

В 4 верстах от завода вверх по Неве было расположено большое село Рыбацкое, с населением, занимающимся

Общий вид Обуховского завода с Невы

рыбной ловлей и лесным промыслом. Между селом Александровским и Рыбацким были две деревни: Бугорки и Мурзинка.

Леса, река и болота диким кольцом окружали эти села. Население их «воспитывалось» шпицрутенами неистового Вильсона, управляющего императорскими мануфактурами.

Полудикий, бесправный народ, запуганный царским правительством и его усердными слугами, ненавидел заводы, как и своих господ помещиков и управляющих.

Условия работы не только изнуряли его материально и физически, но и уродовали нравы звериным полуголодным бытом.

Нищету, каторжный труд на земле, на фабрике, на реке и в лесу нудно тащили люди, время от времени оживляя его пьянством, кулачными боями, праздничными молитвами в церквушках да редкими-редкими — в год раз или реже — поездками на лошадях в столицу.

Бывало и так: запряжется рабочий или жена его в легкие санки или повозку и айда в город за покупками.

Сельские паразиты — богатые крестьяне-промышленники, купцы, лавочники, попы и многочисленный «чиновный люд» императорских мануфактур — ухудшали и без того беспросветную жизнь в этих четырех селах.

На постройку нового завода люди шли неохотно. Вербовщикам приходилось обращаться за помощью к сельской власти. Совместными усилиями, пуская в ход, где можно, угрозы и водку, гнали людей на болото. Заодно с этими вербовщиками действовал самый сильный, самый ужасный «вербовщик» — безземелье и нужда.

Вербовку и прием на работу производили различные «служивые» люди, в обилии терщиеся около «товарищества» нового завода.

Они предлагали свои услуги десятников, подрядчиков и

просто «надсмотрщиков» над рабочими. Все они искали теплого места.

Кроме них приходили к заводу «промышленные» и «купецкие» люди. Заключали сделки с «товариществом» завода на поставку строительных материалов, рабочих людей и других товаров.

Досужие целовальники, булочники, мясники и молочники разбрасывали сети — лавочки и кабаки, собирая с рабочего дорогую копейку, вымученную тяжелым трудом на болоте.

ПЕРВЫЙ ПРОТЕСТ

Когда было найдено подходящее место, стали рыть «шахту» — углубление — для установки фундамента под наковальню.

Это была трудная и опасная работа.

В 189 футах от «шахты» протекала мощная, многоводная река. Давно уже дно «шахты» углубили ниже реки, а твердый грунт (скала) все еще не был достигнут.

Жутко было спускаться в эту глубокую яму. А вдруг вскроешь лопатами одну из извилин реки Невы. А вдруг сроешь всю корку, которая отделяет дно колодца от реки. И тогда... мощно ударит вода через прорытое углубление на десяток футов вверх, и в водяном провале исчезнут и люди и их работа.

Серьезно опасался этого Путилов, а больше всего боялись те, кому приходилось спускаться в яму. Из-под ног у них постепенно просачивалась вода. Тягостное чувство не оставляло их ни на минуту.

И однажды, когда люди уже находились на глубине 64 футов, была вскрыта водяная жила.

Столбом взметнулась вода, опрокинула, смяла, завертела в водовороте рабочих, и полуживых, захлебнувшихся, их еле вытащили наверх. Вода вскоре иссякла. Ее вычерпали ведрами с помощью ручных блоков. Но это обстоятельство лишний раз напомнило о том, какой большой опасности подвергаются люди, работая в близком соседстве с дном многоводной реки.

Если на 64-м футе разрезали только жилу воды, то на большей глубине легко прорыть ход в самое русло реки. И тогда?

В тот же день на 69-м футе несчастье повторилось. Воды было излито в 2 раза больше. Выведено из строя несколько робочих.

Тревога усилилась. Рабочие не хотели рисковать жизнью.

И однажды ноябрьской ночью (работы производились днем и ночью. Ночью «шахта» освещалась газовыми фона-

рями), когда просачивающаяся из-под ног рабочих вода стала достигать почти до колен, со дна шахты раздались крики. К краю «шахты» сбежались рабочие.

Несмотря на запрещение «распорядителей», быстро заработали ручные блоки, и вскоре мокрые, дрожащие от холода и страха рабочие были вытащены наверх. На вопрос распорядителя, почему они самовольно прекратили работу, рабочие настойчиво заявили: «Погибать не хотим. Не полезем больше...»

Взбешенный «начальник» ударом кулака сшиб с ног первого попавшегося под руку рабочего. Но это не помогло. Поднимаясь с мерзлых кочек, пострадавший сплюнул кровью в сторону «шахты» и еще настойчивее произнес: «Не полезу... не полезем мы...»

Остальные, сбившись в кучу и отогревая дыханьем красные от ноябрьского мороза руки, молчали, и только злой, непокорный взгляд выдавал их волнение.

Наутро, не заплатив ни копейки, прогнали с постройки 5 человек. Многие, не взяв расчета, скрылись.

Но нашлись и такие, которым некуда было бежать, которые спустились в «шахту» и каторжным, нечеловеческим трудом докопались до твердой скалы. Это было на глубине 80 футов. На 28 футов ниже дна Невы.

Остаток работ был особенно тяжел. Последние пласты земли имели характер и признаки морского дна. 20 рабочих не успевали выкачивать воду. На одно ведро вырытой земли приходилось одно, а потом и два ведра воды. За целые сутки едва успевали вытащить только 30 ковшей земли.

На случай большого притока воды на дно шахты и на одну из ее платформ сбоку поставили бочки цемента, щебня, песку и т. д. Все это находилось наготове, чтобы в любой момент задержать воду, пока рабочие успеют выбраться из «шахты». За эту работу конечно рабочих никто в герои не произвел. А такие «историки», как В. Колчак, отец известного адмирала Колчака, в своей книге «История Обуховского сталелитейного завода» всю честь и геройство этой грандиозной работы приписал... таланту Путилова. Император Александр II, осматривавший 16 апреля 1864 г. фундамент, возведенный на Обуховском заводе, тоже «от души благодарил» только учредителей завода.

Между тем работа еще не кончилась. Не меньше трудности представляла и последующая работа по укладке бетонного фундамента в вырытую шахту.

Стояли декабрьские морозы. А для получения из цементного бетона однородного монолита, способного сопротивляться ударам молота, нужно было работать при температуре не меньше 5° тепла по Реомюру. Пришлось над «шах-

Общий вид Обуховского завода конца 60-х годов

той» выстроить деревянный барак и отапливать его 6 железными печами. Около печей разместили месильные ящики, в которых приготовляли бетон.

Но мороз все же проникал в барак. На дне «шахты» и в ее откосах от мороза сжималась глина, отчего лопались поперечные балки, выпибались внутрь целые рамы.

В «шахте» стоял треск промерзшего дерева.

Девяносто шесть человек было занято на приготовлении и укладке бетона. Одни подносили к платформе щебень и песок, подкатывали бочки цемента, вскрывали их и отмеривали необходимые пропорции; другие оттаивали горячей водой смерзшийся песок, подносили к месильным ящикам горячую воду, перемешивали бетон и подносили его к ковшам; третьи спускали бетон вниз, расстилали его на дне «шахты», качали и нагревали воду, днем и ночью топили печи. Здесь же было несколько надсмотрщиков и распорядителей. Два сторожа постоянно следили, чтобы всегда были затворены двери. Дни и ночи шла эта напряженная работа: торопились кончать ее к прибытию 35-тонного молота из Англии.

В марте фундамент был заложен. Он представлял собой искусственный однородный монолит высотой в 80 футов. Во всю высоту «шахты» был поставлен огромный конус из листов котельного железа, наполненный бетоном.

Сталелитейная мастерская

Этот 80-футовый монолит с поставленной на него чугунной наковальней в 28 тысяч пудов в течение долгих лет стойко принимал страшные удары многотонного молота.

На постройку фундамента потратили бешеные деньги. Триста тысяч рублей. Весь пай «толстосума» Кудрявцева ухлопали на это дело.

И это в то время, когда покупка молота и устройство всего необходимого для него, как-то: наковальни, кранов, котлов и печей, стоили всего 200 тыс. руб. Лишь в конце 80-х годов, когда были изобретены и введены в производство гидравлические ковальные прессы, необходимость в таких бешеных расходах на фундаменты была устранена.

«ПО-СТАРИНКЕ СКАЗАТЬ»

Огромные трудности встретились также при постройке сталелитейной мастерской. Наконец она была отстроена. После довольно торжественных и смешных процедур «освящения» ее попами и речей «бдительных» министерских чиновников 15 апреля 1854 г. была произведена первая на Обуховском заводе отливка стали в 294 пуда, причем было отлито семь болванок для 4-фунтовых орудий, по 42 пуда каждая. Очевидно присутствовавшим при отливке «чинам»

из царских ведомств пришлась по душе картина, виденная в обуховской сталелитейной. В результате их доклада Александру II царь лично посетил Обуховский завод. 30 апреля 1864 г. в «высочайшем» присутствии производят отливку болванки в 96 пудов для пушки.

Так понемногу стало налаживаться на заводе сталелитейное производство. Но что это было за производство?

Первые годы деятельности завода это производство проходило в полудиких и мучительных для рабочих условиях. Единственным в то время способом литья стали был тигельный. Высокие горшки-тигли, сделанные из глины и цейлонского графита, наполняют кусочками пудлинговой стали по 2 пуда в тигель. После этого их закладывают и ставят в особые плавильные горны, расположенные в два ряда вдоль мастерской по 4 тигля в каждый. В горнах разжигают кокс (впоследствии кокс был заменен торфом), и таким образом кусочки стали в тиглях расплавляются.

Часа через 3—4 длинными клещами тигли вынимают из горна, открывают крышки, и рабочие попарно несут их в литейный зал и опрокидывают в железные жолоба, обмазанные глиной. По жолобам огненным потоком, сверкая брызгами ослепительных искр, стекает сталь в чугунную цилиндрическую форму, с обоих концов открытую, установленную этажом ниже на чугунном поддоне.

Через 2—3 часа сталь остывает и, сжимаясь, отстает от стенок формы. Тогда мостовой кран поднимает эту форму, и на поддоне остается болванка из остывшей стали.

Такая работа требовала необычной спешки: нужно было успеть в 20—25 минут, чтобы не остыла сталь, отлить 2—3-тысячепудовую болванку. Для этого требовалось много рабочих рук. Когда производилась большая отливка, останавливали другие мастерские, и рабочие сгонялись в сталелитейную.

В день отливки сбегались на завод местные жители. Женщины, молодежь, даже дети густой толпой устраивались на верхней площадке сталелитейной и оттуда наблюдали необычайное жуткое зрелище...

Участвующие в разливке стали рабочие одевали высокие, до ушей, закрывающие всю шею войлочные фартуки, на руки одевали особые, тоже войлочные нарукавники, войлочные рукавицы, войлочные широкополые шляпы...

Каждый рабочий запасался свистком, так как в дыму и в нестерпимой жаре трудно было кричать, даже говорить.

И вот начиналась сказочная процедура. Сверху «зрителям» видно было, как в клубах дыма и пара, в прерывных вспышках разноцветных брызг проливаемой стали, разрезая тягучий, плотный воздух резкими предостерегающими свистками, метались закутанные в войлок фигуры.

Зрителям было не только интересно. Многие из них с болью и страхом искали внизу среди закутанных фигур отцов, братьев, детей.

Старики-обуховцы так рассказывают об этой работе:

«Картина эта была до того страшная, что с некоторыми женщинами, которые смотрели, как разливают сталь, делалось дурно» (Доммерт).

«Рабочие в дыму наталкивались друг на друга, плескали на сырой пол огненную сталь, а от этого поднималось целое облако пара. Если же сталь брызнет не на пол, а на ногу рабочему, он оставался без ноги, на руку плеснет — прощай рука. Один раз по неосторожности мастера сталь выплеснулась из жолоба и пролилась вниз прямо на людей: 7 человек сожгло и мастера вместе с ними» (Доммерт).

«Это, товарищи, была такая мастерская, в которой люди — по-старинке сказать — что черти в аду от жары сгорали, а чтоб рабочий не убежал с работы, двери запирали и около них охрану ставили. Здесь же в мастерской и фельдшер находился, потому что рабочим от жары дурно делалось. Если упадет какой, сейчас же к нему подбегают санитар и фельдшер — спирт в нос, спирт в рот — и опять отправляют в этот ад. Шатается человек, словно пьяный, а идет» (из воспоминаний старого литейщика Шилова).

В одном из журналов более позднего времени так описывалась эта работа:

«Множество людей попарно с раскаленными добела тиглями бегут друг за другом взад и вперед, испытывая мучительный жар и беспрестанно попадаясь один другому навстречу. Но в этой беспорядочной с виду тесноте они следуют строго определенному плану, что только и в состоянии предотвратить несчастные случаи столкновений, при которых пролитая сталь могла бы причинить смертельные ожоги и произвести общую панику» («Нива» № 17, 1890 г.).

Как видно из документов, никакой «строго определенный план», никакая дисциплина не могли все же предотвратить несчастных случаев при отливке стали.

Не менее тяжелые условия работы были при производстве тигельных горшков. Первые годы эти горшки привозили из Англии по 3 руб. 80 коп. за штуку. Но потом «освоили» это производство, и тогда горшок обходился наполовину дешевле.

После лепки эти горшки ставились для обжига в «сушилку», которая нагревалась до очень высокой температуры. Когда проходил известный срок, рабочие входили в «сушилку» и брали щипцами горячие тигли. От раскаленного

Тигельные горы

воздуха «сушилки», которым нельзя дышать, который буквально жег лицо и тело, невозможно было спастись.

«Много испортила народу эта проклятая «сушилка»,— говорит в своих воспоминаниях старый рабочий.— И ведь мерзавцы, — говорит он, — совсем напрасно мучили людей. Инженер Нагров сделал предложение: за день или за два до вынимания тиглей сушилку охлаждать. Позднее прошло это предложение в жизнь, и легче стало рабочим из остывшей сушилки горшки эти таскать, только еще больше ненавидеть стали свое начальство. Не берегли рабочую жизнь, сволочи».

* * *

Отлитые в первый год работы Обуховского завода стальные болванки нечем было отковывать. Заказанный у английского заводчика Моррисона 35-тонный молот должен был прибыть на завод еще в начале весны 1864 г. К его прибытию бешено торопились с постройкой фундамента. Заставляли нечеловеческими усилиями зимой рыть углубление, воздвигать бетонный монолит. Все это было давно готово, а молот англичанин почему-то задержал.

Так сразу дала себя знать иностранная зависимость.

Свой русский 3-тонный, правда, стукал в новоотстроенной молотовой. Но на что годился этот игрушечный молот?!

Поэтому столь праздничной была встреча 35-тонного молота, прибывшего из Англии в Кронштадтский порт 28 июня 1864 г.

Из Кронштадта по Неве доставили молот на завод, и только в 1865 г. он был установлен и пущен в ход.

В 1864 г. Обуховским заводом были отлиты две больших болванки: одна в 780 пудов, другая в 800 пудов для пушек 24-фунтового калибра. «Три кита», на которых держался завод,— сталелитейная, молотовая и пушечноотделочная мастерские — были отстроены.

В молотовой мастерской было всего 4 молота, в пушечноотделочной мастерской — около 2 десятков станков и одна 40-сильная паровая машина. За первый год работы завод выпустил всего несколько пробных орудий мелкого калибра. Заказ Морского министерства еще нисколько не был выполнен.

Мировая артиллерийская техника лихорадочно прогрессировала. Вводились все новые и новые системы орудий. Старые системы коренным образом менялись и совершенствовались.

Между тем в деятельности Обуховского завода не чувствовалось того широкого размаха, который предполагалось ему придать. Уже к концу 1864 г. стало очевидным, что Обуховский завод, на который правительством возлагались огромные задачи, не выполняет их и выполнить не сможет, если не оказать ему значительной финансовой помощи.

Это «вполне патриотическое» предприятие, с существованием которого связывалась не только независимость России от иностранцев в вооружении флота и армии, но и сама безопасность государства, стояло перед опасностью «потерпеть крушение» (из «Отчета» управляющего Морским министерством).

«ДЕНЕГ И ЛЮДЕЙ НЕ ЖАЛЕТЬ»

Такова директива, которой снабдило Морское министерство контрадмирала А. А. Колокольцева, отправляя его в 1865 г. на Обуховский завод «спасать положение».

Учредители завода (товарищество) признаны были несостоятельными вести дела, и потому Морским министерством было выработано «Положение об управлении Обуховскими заводами», которое предоставляло А. Колокольцеву как начальнику завода неограниченную власть над обуховскими людьми и капиталами.

Рассказывают, что этот «неограниченный» обуховский «монарх» с первых же дней показал свое деспотическое лицо.

Приняв от учредителей по акту все движимое и недвижимое имущество завода, новый начальник пошел осматривать завод. А в 1865 г. только что отстроенное здание сталелитейного начинало разваливаться. Увидев подпертую бревном стену, Колокольцев спросил бывших с ним смотрителей и мастеров:

— Что это?

— Стена, ваше превосходительство, покосилась. Плохое скрепление кирпича.

— Так это же новая мастерская, — вскипел начальник, и бывшая в его руке палка со свистом заходила в воздухе.

— Так точно, новая, — отвечали ему испуганно.

— Болваны! Дураки! — взревел он. — Государевой казны им не жалко... Я научу их уму-разуму...

Визги палки усиливали эффект. Все почувствовали хозяина. И впоследствии, когда кто-либо вызывался к нему в кабинет или он сам делал обход мастерским, людей всегда пугала громоздкая, упитанная фигура в морской форме с эполетами-орлами на широких плечах, с разъяренной физиономией и палкой в белой волосатой руке.

Все его боялись и ненавидели.

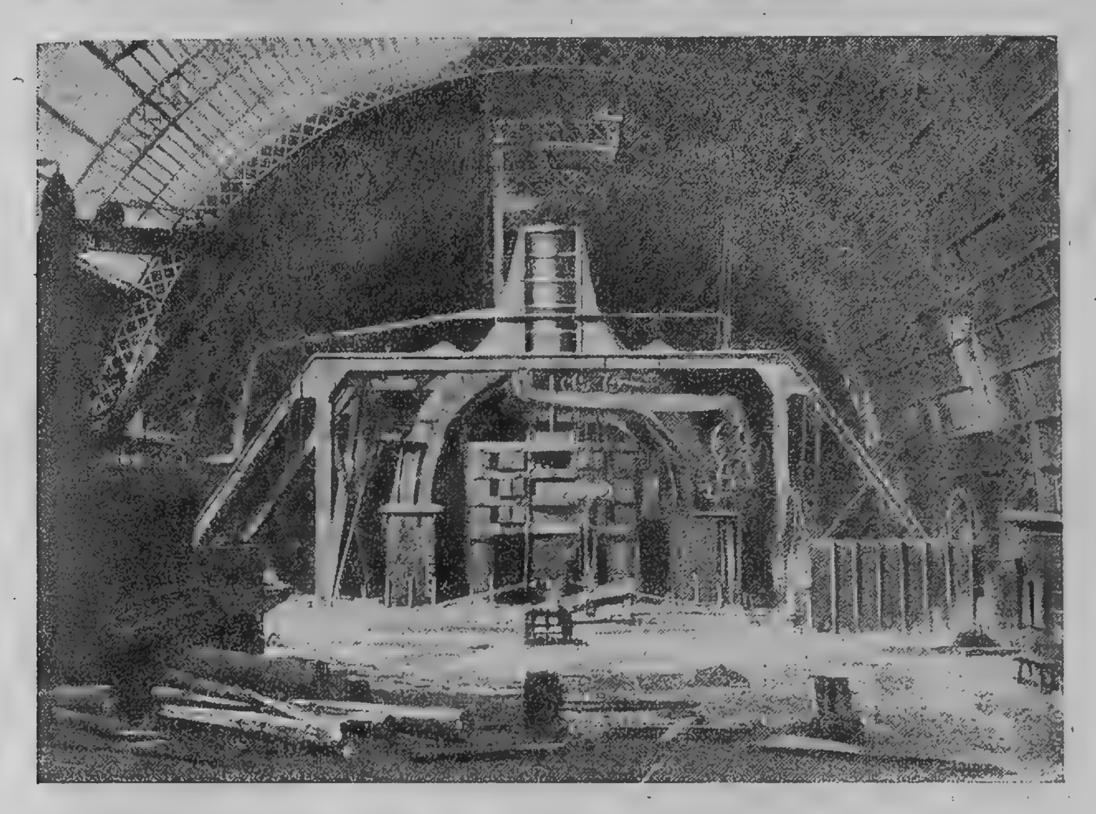
Особенно доставалось от него рабочим. Когда, заглядывая по ночам в мастерские, он обнаруживал у станков заснувших от усталости рабочих, Колокольцев не щадил их, и тогда неизменная палка рассекала уже не только воздух.

«Ведь вот какой ненавистник был, — рассказывает старый рабочий Доммерт. — Идет например по двору или по мастерской с гостями, чиновниками из министерства, и у него одна часть лица, которая обращена на гостей, — веселая, а та, которая на рабочих, — свирепая, как у собаки, как у Януса, что на картинках рисуют». Этот «Янус», или «Бурбон», как его чаще всего называли рабочие, прокомандовал на заводе 29 лет — до 1894 г.

«МОЛОТ-УБИЙЦА»

Наряду с развитием сталелитейного производства усовершенствовались хотя более медленно и ковальные средства завода. Царь молотовой — моррисоновский 35-тонный молот в 70-е годы был оставлен позади более крупными молотами, а затем и гидравлическим прессом.

Но ни о чем так тяжело не вспоминают рабочие, как о работе на 50-тонном молоте. В России в то время было толь-

Пятидесятитонный молот

ко два 50-тонных молота. Другой был на Пермском орудийном заводе.

«Этот много людей искалечил и отправил на тот свет», вспоминает старый обуховец Шилов про 50-тонный молот.

«Когда приступают к большой проковке под 50-тонным молотом, то в заводском лазарете кровати припасают» (Доммерт).

«Вся мастерская тряслась, когда работал этот молот, а его удары слышны были в соседних селах» (Доммерт).

В тяжелых условиях работало у 50-тонного молота до 70 человек. «Удары глушили рабочих и трясли их тела, словно городовой за шиворот» (Шилов).

Чтобы равномерно проковать тысячепудовую болванку, рабочие ее переворачивали на наковальне длинными железными шестами-вагами. Машинист, находившийся наверху, регулировал спуск и подъем молота. Снизу ему подавали сигналы рабочие или подмастерья. Но ни он рабочих, ни его рабочие не всегда могли видеть, так как облака пара застилали всю мастерскую, а особенно ее верх, где находился машинист.

И потому случилось так:

Удар молота... От сплющенной болванки в разные стороны летят ошметки искр — и вслед за этим, пряча лицо от палящего жара болванки, люди подсовывают ваги под ее раскаленные бока, стараясь перевернуть, налегают на ваги

животами и... неожиданно еще раз опускается молот... удар передается вагами... и люди летят вверх, падают на пол, иногда падают на груды острого металла, а иногда прямо на раскаленную болванку. Но вставали не все.

И не напрасно приготовляли в лазарете постели. Врачам была работа. Семьям — слезы и нужда.

Понятно, почему в архивах попадаются часто такие документы:

«Г. окружному инженеру Северного горного округа.

Контора Обуховского завода имеет честь уведомить ваше превосходительство, что 7 ноября сего года на Обуховском заводе у 50-тонного молота были серьезно ушиблены двое мастеровых завода: Яков Алексеев и Константин Васильев.

Управляющий конторою (подпись)»

Или:

«Череватовское волостное правление Ардатовского уезда, Нижегородской губернии, извещает контору Обуховского завода, что присланные вами деньги в сумме 100 руб. серебром за убитого под молотом крестьянина Ивана Федорова получены и вручены вдове Дарье Ефимовой...»

Часто, очень часто бедные семьи крестьян вместо родного сына и мужа получали с завода плату за его жизнь.

Для администрации же завода это было лишь небольшой расходной статьей. К тем 50 руб., которые они затрачивали на каждый час работы 50-тонного молота, время от времени приходилось прибавлять по нескольку рублей за отнятую человеческую жизнь.

Так в течение 10—15 лет действовал этот молот. Своими тяжелыми ударами мял тысячепудовые болванки, ломал кости, калечил, отбивал внутренности и убивал занятых около него рабочих.

Начальство смотрело сквозь пальцы, не принимая никаких мер для охраны труда. Дешево стоил на Обуховском заводе человек.

Рабочий Шилов придумал, как спасти людей... которые у молота работают. Он предложил «ваги к чортовой матери выбросить, пускай болванку не люди ворочают, а машина. Краны пусть за нас поработают».

К предложению Шилова отнеслись недоверчиво, и прошло много времени, прежде чем оно было проведено в жизнь. Торопливости в этом деле не проявляли. Даже в 1898 г. работа на другом участке, у крана по спуску 60-пудовых болванок, производилась «опасным способом». Из материалов окружного суда мы узнаем: «Рабочий Мейшкан был поставлен вместе с двумя другими рабочими у крана

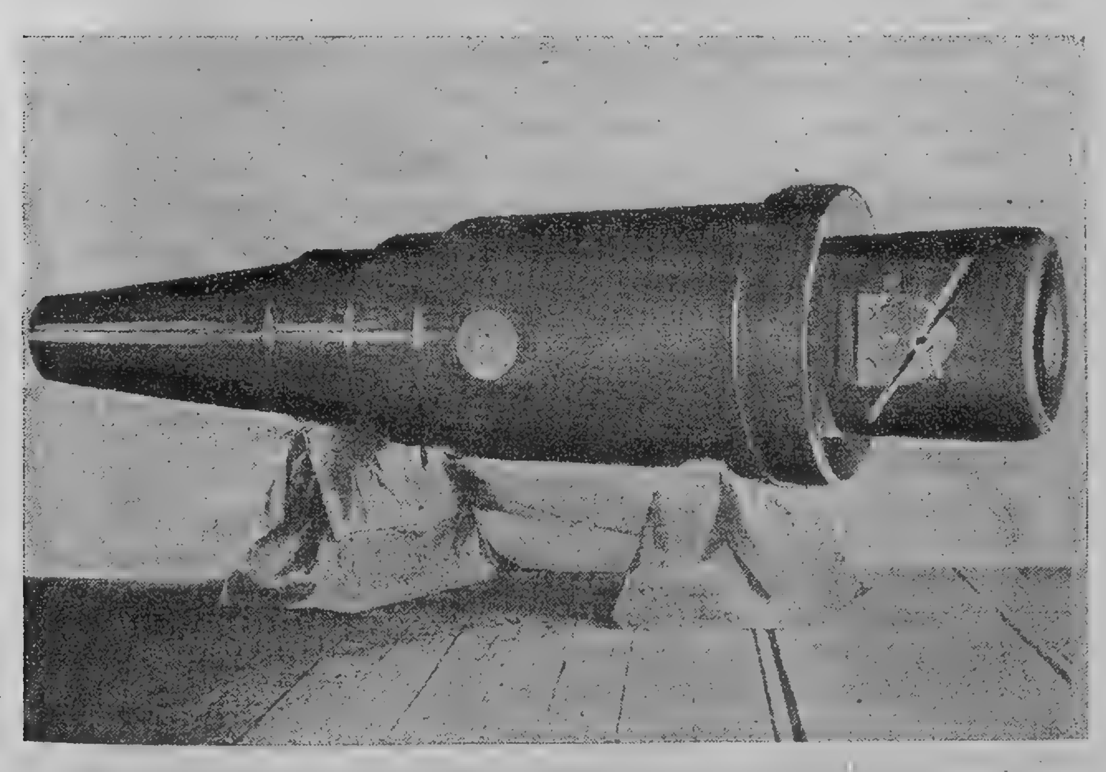
(ручки) для спуска 60-пудовой болванки, причем двое рабочих стояли и держали ручку с одной стороны, а с другой держал ее Мейшкан. Он не мог видеть, когда двое других рабочих пустили ручку. Он же, оставшись один, уже таковой удержать не мог, ручку у него вырвало из рук, и болванка, падая, переломила ему кисть и указательный палец правой руки».

Много прошло времени, много повторилось таких случаев, прежде чем «практиковавшийся до этого способ опускания болванок как опасный был изменен» (из материалов окружного суда).

35 ЛЕТ «НА ПОСТУ»

По мере развития Обуховский завод приобретал все большее значение для России. В течение первых 35 лет своей деятельности он выкатил из своих ворот во все концы русских границ, на все фронты 8 670 орудий, от 4-фунтовой, заряжающейся с дула пушки, до 16-дюймового гиганта — орудия, весившего 5 200 пудов. Если поставить в ряд на берегах Невы все пушки, сделанные Обуховским заводом за 35 лет, то от самого Ладожского озера до Финского залива могучая река оделась бы в броню из стальных пушек.

В эти годы многие морские суда русского военного флота были одеты Обуховским заводом в броневые рубашки, снаб-

Стальное 12-дюймовое орудие, скрепленное кольцами (производства Обуховского завода 70-х годов XIX века)

жены башенными установками, судовыми винтами, пушками разных систем и калибров, минами и прочим боевым снаряжением.

В странах Ближнего и Дальнего Востока, в ханствах Средней Азии, везде, где только проходила в эти годы тяжелая ступня армии «белого царя», показано было жителям искусство обуховских мастеров.

Торпедные мины с клеймом «Обуховский сталелитейный», бороздя толщу северных и южных морей, поднимали на воздух броневые громады «вражеских» кораблей и ничтожными кусками металла опускались на дно вместе с пловучими городами и тысячами человеческих жертв.

Кроме «почетной» работы на армию и флот Обуховский завод много поработал и на промышленность. От Москвы до Урала, на юге, в Сибири сквозь просеки неприступной тайги до берегов Тихого океана ложились в эти годы стальные рельсы обуховского производства. Большие тяжести товаров несли на своих плечах обуховские вагонные оси с одного конца страны в другой.

РУКАМИ ОБУХОВСКИХ ПУШКАРЕЙ

Из Сибири, с Урала, из Англии привозили на завод огромные массы чугуна и другого металла. Сложной, запутанной дорогой проходили они через переплеты цехов, прежде чем выкатиться из ворот красивыми и грозными «игрушками».

Всюду, шаг за шагом, за этой массой металла следуют опытный глаз и «золотые руки» обуховских пушкарей.

В тяжелых условиях сталелитейной наметанный глаз следит за выплавкой драгоценного металла. С опасностью для жизни искусные руки литейщиков отливают из капризной и страшной жижи тысячепудовые болванки.

В молотовой нечеловеческими усилиями, калечась и теряя жизнь, рабочий под молотами нарезает из этих болванок и проковывает конусообразные стволы с цилиндрическими утолщениями на конце для замочной части. В механических цехах, куда шли из молотовой прокованные стволы, их подвергают черновой обточке на токарных станках и на-грубо просверливают на сверловочных.

Затем стволы идут в отжигательную мастерскую, где на полу, задыхаясь в дыму, рабочий подогревает их, через известный срок поднимает кранами и ставит их в огромные 8-саженные вертикально-цилиндрические печи, заранее нагретые докрасна. Подбрасывая сверху дрова, продолжают начатый на полу нагрев стволов и через специальные отверстия, имеющиеся по всей высоте печи, наблюдают за равномерным действием огня.

Особыми приборами определяют их готовность, после чего раскаленные стволы вынимают и погружают на не-

сколько минут в чан с конопляным или льняным маслом вместимостью до 2 тыс. пудов. Охлажденные в масле стволы снова сажают в те же печи, плотно закрывают их и дают остыть.

После отжига стволы идут опять в механические цехи, где их тщательно строгают, обтачивают, просверливают. В горячем состоянии их скрепляют стальными кольцами, накрученными друг на друга. При охлаждении кольца сжимают стволы до известного точно определенного натяжения, делая их упругими. В 90-х годах способ скрепления был изменен, и стволы начали скреплять в холодном состоянии, накручивая на них особыми механизмами в несколько рядов тонкие и узкие стальные ленты.

Когда ствол готов, его отправляют на сборку, где он встречается с частями точных и капризных механизмов, станков и других орудийных деталей, изготовленных в цехах точных приборов. Все эти части собираются руками обуховских пушкарей в дальнобойные орудия. Затем их клепают, свинчивают, ставят на колеса, смазывают и наконец, выкрасив, вкатывают на особые платформы, выдерживающие до 6 тыс. пудов.

Большую часть пушек подвозят к Неве, где мощные береговые краны хватают их бесцеременно за блестящий от свежей краски шиворот и переносят на баржи, которые везут их в море на корабли.

Остальную часть катили к железнодорожной станции «Обухово», а оттуда — к Черноморскому флоту и на все российские границы.

ДЕШЕВАЯ ЖИЗНЬ

Нестерпимый жар и угроза попасть под «душ» расплавленного металла в сталелитейной, молот-убийца — в молотовой делали условия работы в этих цехах особенно тяжелыми.

В других мастерских было несколько легче, но везде чувствовалась дешевизна человеческой жизни.

В 1870 г. направленный из петербургского порта на Обуховский завод старшина рабочих Сливовский получил на заводе увечье: по его ноге прокатилась нагруженная тележка в 500 пудов. Доктор военного госпиталя, куда доставили пострадавшего, донес об этом командиру порта. Тот, возмущенный, что его работников портят чужие хозяева, написал на донесении врача: «Странно, что Обуховский завод, пользуясь средствами порта, так мало обращает внимания на людей из порта, ему назначаемых».

«Мало обращать внимания на людей» — было одной из характерных черт обуховского начальства. О большом коли-

честве несчастных случаев на заводе говорят воспоминания рабочих и множество архивных документов.

Обычно начальник завода свои годовые отчеты заканчивал: «Несчастных случаев с рабочими было — или не было» (причем далеко не все факты хозяева вносили в отчет).

Первый попавшийся отчет за 1883 г. имеет такой конец:

«Несчастных случаев с рабочими было:

От ушибов у молота	4 случая.
„ ожогов	4 „
„ перелома кости	1 „

Из коих окончившихся смертью — 6 случаев, остальные — увечьем, а именно:

1. Вылущением ногтевого фаланга пальцев левой руки	2 случая
2. Ампутацией правого бедра в средней трети	1 „

В отчете за 1885 г. зафиксировано:

«Несчастных случаев с рабочими было:

От ушибов	4 случая
„ перелома костей	10 „
„ вывиха	1 „

Окончившихся смертью — 7 случаев, остальные — увечьем, а именно:

1. Вылущением пальцев рук и ног	5 случаев
2. Ампутацией ноги и пальцев рук	3 „

Вслед за этими страшными цифрами следует успокоительная приписка: «каковые (т. е. ампутация ноги и вылущение пальцев) окончились без вреда для здоровья».

Начальнику ежегодно приходилось составлять такие «смертные» списки. Заботясь о техническом развитии завода как о «русской национальной гордости», он совсем не обращал внимания на охрану труда рабочих.

Первобытный способ литья стали (тигельный) в первые годы унес много рабочих жизней. Но и тогда, когда стали забывать о его трудностях, когда тысячи пудов клокочущего металла стали варить не в 2-пудовых горшках, а в огромных печах Сименс—Мартена, несчастные случаи не уменьшились.

Рабочие, получившие то или иное увечье, увольнялись с завода, «награжденные» подачкой в 20—40 руб. Пострадавшие обращались за помощью в суд, добирались даже до Императорской судебной палаты, но классовый суд был равнодушен к рабочему.

«...28 августа 1876 г. рабочему Корсакову отрезало три пальца правой руки при работе в пушечной мастерской Обуховского завода».

Результатом судебного разбора этого дела было: «За недоказанностью истцом упущений заводского начальства судебная палата просьбу Корсакова отклоняет».

Другое дело рабочего Кабанова.

«21 июня 1894 г. истец Кабанов, состоя на Обуховском заводе учеником машиниста, смазывал подшипники машины. Вертящейся шестерней ему захватило руку и отрезало два пальца...» Результат суда был тот же: «За недоказанностью упущений заводского начальства просьбу Кабанова отклонить».

Но иногда судебным следствием устанавливаются и обличающие факты. В деле рабочего Мейшкана имеются такие заключения:

«1. Обуховский завод всегда допускал смазывание подшипников на ходу машины, не запрещая этого ни на словах, ни в объявлениях.

2. Над шестеренками у него не бывает щитков, устраиваемых для безопасности на других заводах.

3. Мастерская, где находятся станки, слабо освещается...»

Охрана труда на Обуховском заводе не представляла чего-то необыкновенного по сравнению с другими заводами России. Русское законодательство обходило вопросы охраны труда. 70-е годы не дали ни одного закона, охраняющего сколько-нибудь труд рабочего, несмотря на то, что в это десятилетие работало много правительственных комиссий.

Рабочее движение 80-х годов вынудило правительство кое-что предпринять в этом отношении, но это «кое-что» было ничтожно. 90-е годы двинули дело дальше, но все же охрана труда на заводах была в загоне.

Царские чиновники и «бюрократы» ломали свои «мудрые» головы над тем, чтобы не столько помочь рабочему в его тяжелом труде, сколько узаконить постоянные убийства рабочих на производстве. Они стремились на вес золотого рубля перевести не только всю жизнь подвластного им рабочего, но и каждую отдельную часть его тела, как будто дело идет о деталях машины. Одним из «блестящих» результатов таких стремлений заботливых капиталистов явились, правда, немного позже описываемого времени «правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев» и такса на органы тела рабочего:

Таблица для определения степени ослабления или утраты трудоспособности вследствие телесных повреждений от несчастных случаев

Голова

1. Повреждение черепа, вызывающее душевные расстройства, параличи и т. д., оплачивается в размере 100 руб.
2. Сотрясение мозга — 85—60 руб. (в зависимости от последствий).
3. Неизлечимые душевные болезни . . . . 100 руб.
4 Более легкие повреждения головы . . . . 30 „

Глаза

1. Потеря зрения на оба глаза . . . . 100 руб.
2. " " на один глаз . . . . 35 "

Уши

1. Полная глухота . . . . 50 руб.
2. Глухота на одно ухо . . . . 10 "

Лицо

1. Повреждения лица (самые страшные при вывороте щек, сужении рта и т. д). . . . . 35 руб.

Шея

1. От повреждения гортани до потери речи—от 10 до 15 руб.

Грудь

1. От 15 руб. до 100 руб.

Живот

1. Грыжа . . . . 25 руб.
2. Выпадение матки и прямой кишки по . . . . . . 25 "
3. Надрыв мускулов живота . . . . 10 "

Мочевые и половые органы

1. Хроническое воспаление почек . . . . 50 руб.
2. Потеря полового члена в возрасте до 50 лет . . . 30 "
3. Потеря обоих яичек в молодом возрасте . . . . . 50 "

Спина

От 5 руб. (легкий надрыв и разрыв поясничных мышц) до 100 руб. (повреждение позвоночника).

Не представляет большого интереса подробное перечисление всех пунктов этого документа. В конце таблицы предусмотрительные авторы внесли общий пункт:

«При повреждениях множественных, происшедших от одного и того же несчастного случая, оценка производится не посредством простого сложения всех цифр, соответствующих по данной таблице отдельным видам повреждения, а по соображению того, насколько ослаблена или совсем утрачена способность к труду данного лица от совокупности всех имеющихся у него повреждений в связи с состоянием его здоровья и родом занятий. Во всяком случае оценка не может быть выше 100 руб.»[1].

Изувеченного рабочего выбрасывали за ворота, и на этом всякие счеты с ним кончались.

[1] В разъяснение «правил» и таблицы правительством была в феврале 1906 г. выработана и затем «высочайше» утверждена «инструкция к правилам о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев». Приказом № 330 по Морскому ведомству в С.-Петербурге за подписью морского министра вице-адмирала Бирилева было объявлено, что «для начальника Обуховского завода эта «инструкция» должна быть руководящим и основным девизом».

Из судебного дела рабочего Мейшкана узнаем о его мытарствах:

«Несмотря на многократные его письменные и словесные просьбы о принятии на службу на завод, ему в них было отказано, равно как было отказано заводом в выдаче Мейшкану скорбного листа из больницы завода и протокола о случившемся с ним несчастье. На все другие заводы, куда Мейшкан хотел поступить, ему по освидетельствовании ввиду постигшего его увечья на Обуховском заводе в приеме отказывали».

ВЫЧЕТЫ И ШТРАФЫ

Из скудного заработка обуховского рабочего производились вычеты по разным поводам.

Высчитывали за лазарет, за заводскую столовую, за заводскую баню, за квартиры, за школу, «на земские нужды», на церковь, на содержание полиции и т. д.

В 1866 г. на один только лазарет вычтено 1 600 руб., в 1872 г. вычеты на лазарет увеличились в три раза (4 823 руб.) при росте количества рабочих только в 2 раза и при сниженном уровне зарплаты. В 1876 г. вычли уже 5 700 руб. За пользование заводскими банями в 1876 г. вычтено с рабочих 4 900 руб.

Другой расходной статьей рабочего были штрафы. Штрафовали за опоздания, за невыход на работу, причем никакие причины в расчет не принимались, штрафовали за поломку инструмента, за испорченную деталь, даже и тогда, когда ясна была вина мастера или техника, штрафовали, если застанут у станка спящим, за отлучку с места работы, за грубость мастеру.

Сумма штрафных делает прыжок с 7 690 руб. в 1876 г. до 14 704 руб. в 1900 г. Увеличение почти в два раза.

Штрафы были одной из доходных статей завода и средством внушения рабочим чувства покорности и повиновения.

Морально истязали рабочего постоянные обыски. Обыскивали в мастерских, обыскивали при выходе из завода — все искали воров и «политических».

Начальство вмешивалось и в личную жизнь рабочих. Матросы, находящиеся на заводе, не имели права жениться на местных девушках. Сколько драм разыгрывалось на этой почве.

Нередко доставалось от начальника тем, кто не оказывал ему должного почтения во время прогулки по рабочим квартирам.

Рука злого хозяина просовывалась далеко за ворота завода и доставала рабочего даже у себя на квартире.

ПОД СЕНЬЮ «ЗЕЛЕНОЙ РОЩИ»

В то время когда взрослое мужское население отрабатывало 12—18 часов на заводе, семья находилась на поденных работах в лесу, на болотах и огородах или была занята домашней работой. В некоторых семьях женщины и девушки работали на Карточной фабрике, которая была рядом с Обуховским. Условия работы на Карточной фабрике были значительно хуже, чем на Обуховском заводе.

Двое работников — отец и мать — не всегда могли избавить семью в 4—5 человек от жизни впроголодь.

В тощий бюджет рабочей семьи приносили свои копейки также старики и дети, которые собирали грибы и ягоды и носили их в город.

Мало было каналов, по которым притекали деньги в рабочую семью, зато очень много — по которым они растекались.

Ко всем вычетам и штрафам прибавлялись расходы «на земские нужды» и кабак. Прямо против завода, как капкан, вытянулся целый квартал... кабаков и пивных с громкими именами: «Аркадия», «Александрия», «Надежда» и др. Напротив заводских ворот стоял самый популярный кабак — «Зеленая роща».

15 заведений блистают приветливыми огнями, из их дверей постоянно проникает дразнящий запах водки. Трудно удержаться, чтобы не зайти в эти заманчивые двери и «не раздавить стопочку с устатку». Хочется чем-то вознаградить себя за долгие часы изнурительного труда, хочется заглушить тяжелую обиду, что запала глубоко на сердце, против тех, кто уродует жизнь рабочего и его семьи. Куда еще пойти? Некуда. И рабочий заходил в кабак. Возвращался же оттуда с больной головой и с опустошенным карманом, а часто и с разбитым лицом.

Драки были довольно обычным явлением. Иногда они превращались в побоище, так называемые «кулачки». Стена на стену выходят александровские на рыбацких, или те и другие объединяются и дерутся со своими соседями с других заводов.

Животный, изнуряющий труд ограничивал стремления примитивными идеалами. Сильно разгорались страсти рабочей окраины в день получки.

Усиленно «работали» в эти дни кабаки, питейные и картежные заведения, которые позаботилась насадить чья-то «щедрая» и заботливая рука.

В дни получки около проходной двери всегда необыкновенное оживление. Жены и матери встречают выходящих с получкой рабочих. Целые недели они ждут этого дня. Надо расплатиться с ростовщиком и лавочником, выкупить заложенные вещи и закупить для семьи необходимое.

Но они знают привычки своих мужей: с завода — в кабак. И потому с большим страхом идут к проходной, где слезами, руганью и просто силой тащат своих кормильцев домой. Это не всегда удается. Часто избитая жена идет одна к своим голодным ребятишкам, а мужа поздней ночью приводят соседи пьяного, избитого, изорванного и без денег.

Наутро заплаканная жена, заслышав гудок, будит непроспавшегося мужа и, сунув ему в руки кусок черного хлеба, отправляет на работу.

Темнота и невежество были той почвой, на которой появлялись разные гадальщики и «блаженные». У женщин они пользовались большим успехом. К ним шли на «священные сеансы», несли им хлеба и денег.

В поселках было несколько церквей. Каждый из хозяев, побывавших здесь, считал своим долгом построить церковь. Не отставало в этом и обуховское начальство. Сломав старую дворовую церковь, стоящую на территории завода, и поставив на ее место паровую машину и станки, оно выстроило две новых церкви возле завода, которые помогали воспитывать рабочих.

Не все обуховцы отличались религиозностью. Большинство, преимущественно мужское население с. Александровского, относилось к церкви и попам снисходительно или вовсе равнодушно. Пришлый же состав и население села Мурзинки и Рыбацкого, особенно женщины, целиком находились под властью попов, всяческих пережитков и предрассудков.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ 90-х ГОДОВ

Застой в русской промышленности сменяется в 90-х годах ростом промышленного капитализма. Неурожай и голод 1891/92 г. гонят огромные массы деревенских полупролетариев и разорившихся крестьян в город, на фабрику. На крупнейших предприятиях концентрируются громадные массы рабочих. Пролетариат становится реальной общественной силой; вопрос о том, что в России возможно рабочее движение подобно западноевропейскому, разрешается жизнью. В первых рядах выступает отряд пролетариев металлистов, которые, будучи по своей численности на втором плане, придали движению наибольшую организованность и глубину.

Ворота Обуховского завода осаждались толпами голодных крестьян, искавших работы. Среди обуховских рабочих распространялись листовки. Одну из них — «Письмо голодающим крестьянам» — распространял активный член революционного кружка токарь Обуховского завода Кня-

зев М. Н. Поднялась волна стачек. Совсем недалеко от Обуховского завода на фабрике Торнтона в 1895 г. разражается стачка, в руководстве которой принимал активное участие В. И. Ленин. Социал-демократические прокламации об этой стачке заносили и на Обуховский завод.

ШКОЛА ОБУХОСВКИХ АГИТАТОРОВ

В 1891 г. после продолжительного упрашивания начальника завода вечерне-воскресная школа, находившаяся на фарфоровом заводе, была переведена в Обуховскую начальную школу. Строгий контроль и охрану от «преступных» идей взялся осуществлять помощник начальника завода Власьев, утвержденный в 1894 г. начальником завода. Вечерне-воскресные классы, считал Власьев, дадут мастеровым необходимые им для осмысленного отношения в работе познания.

Но «главное в любой школе — лектора», говорил в свое время Ленин. Лектора же обуховских вечерне-воскресных классов учили рабочего не только «осмысленному отношению к работам», как этого хотелось начальству завода, но и осмысленному отношению к окружающей его жизни. Через школьную библиотеку слушатели снабжались марксистской литературой. В этом отношении большая заслуга принадлежит библиотекарше Щепкиной.

Кто были преподаватели Обуховской вечерне-воскресной школы?

«Справка отделения по охране порядка и общественной безопасности» отвечает на это так:

1. Белошицкая О. Н. Учительница. Привлеченная к дознанию при С.-Петербургском губернском жандармском управлении по обвинению в 128-й статье Уголовного уложения и ныне состоит под особым надзором.

2. Кувшинская Е. А. Учительница. Находясь 20 февраля с. г. в театре «Невского общества народных развлечений», произнесла речь преступного содержания, закончив таковую словами: «Долой самодержавие».

3 и 4. Комлева М. И. и Ламбиева Л. Н. Обе известны по сношениям с политически неблагонадежными лицами.

5. Щепкина Е. Н. Ввиду обнаружения вредного ее влияния на обучающихся в школах «Русского технического общества», по распоряжению с.-петербургского градоначальника 4 ноября 1894 г. ей было воспрещено преподавание в означенных школах».

Несмотря на личный контроль начальника завода, несмотря на то, что Обуховский завод помимо всех расходов на содержание школы отпускал ежегодно на усиление над-

зора «специальному лицу еще 400 руб.», члены революционных организаций проникали в школу и соответствующим образом «обрабатывали» мозги и сердце обуховцев.

Василий Андреевич Шелгунов был «вечным студентом» Обуховской вечерне-воскресной школы. Он присматривался к каждому слушателю школы, старался понять, чем он дышит и что ищет в школе. Прощупывая таким образом каждого, Шелгунов отбирал наиболее надежных, подходящих ребят, сколачивал из них первые революционные кружки и с помощью местных учителей устраивал для них учебу по «расширенной» и боевой программе профессиональных революционеров. При этом не обходилось без борьбы... Состав слушателей школы был неодинаков. Некоторые из «рабочей аристократии» были увлечены чисто культурными стремлениями: одни мечтали стать инженерами, другие — артистами, третьи — просто образованными людьми... Все они сторонились занятий в кружках, боялись пропаганды и всячески отмахивались от политики.

В полицейской справке перечислены далеко не все преподаватели обуховских классов.

Старики-обуховцы с большой любовью вспоминают ряд учителей воскресной школы:

1) Учительницу русского языка Бурнову, или, как чаще ее называли, «Михевну», у которой был «штаб» революционной квартиры» (Бурнова — большевичка и сейчас еще не оставляет партийной работы).

2) Химика Мальчевского, который приезжал каждый раз с Выборгской стороны, нагруженный мешками с кислородом и увлекший своими опытами всех слушателей.

3) Григорьева, проводившего интересные лекции по физике.

4) Калмыкову, превратившую свою «историю» в политическую экономию и собиравшую переполненные классы рабочих. «Стены ломились, когда она читала», вспоминает рабочий Доммер.

5) Шнакен-Берг, которая была одним из активных организаторов местной интеллигенции.

Во время занятий в школе под окном бродили верные стражи общественного порядка — околодочные и жандармы. Часто околодочный неожиданно являлся на занятия. Его обыкновенно поджидал «дозорный»: кто-либо из учеников или чаще всего сторож школы Зельтон. Они успевали предупредить преподавателя, и тот быстро менял тему занятий...

Ни один из окружающих обуховских рабочих-интеллигентов не занимал четких политических позиций. В начале 90-х годов немногочисленные социал-демократические кружки не играли еще большой роли в рабочем движении Рос-

сии. Влияние их было невелико, а на Обуховском заводе совсем незначительно. Большой популярностью пользовались здесь ранние «экономисты», с которыми социал-демократам пришлось впоследствии выдержать нелегкую борьбу. Борьба выносилась на занятия вечерне-воскресной школы, в беседы на конспиративных квартирах, в которых принимали участие и рабочие.

Передовик-обуховец, познакомившись немного в социал-демократических кружках с марксистским революционным учением, инстинктивно сознавал неправильность точки зрения экономистов. Однако для успешной политической и экономической борьбы с хозяевами-капиталистами и самодержавием он еще не имел нужной подготовки. Некоторые интеллигенты, становившиеся на его сторону, сами не имели твердой базы марксизма и потому часто разменивались на мелочи: посылали от имени небольшой группы рабочих «петиции» или анонимные письма к начальству завода, в которых протестовали против снижения расценок, сверхурочных, частых обысков и т. д. Как правило эти «петиции» никогда не удовлетворялись.

Чисто-культурническая работа имела больше успеха. В стенах завода проводились «концерты», на которых выступали приезжавшие члены революционных организаций. Не один такой концерт кончался шумным скандалом и арестами.

«Станет жутко, — пишет учительница Бурнова, — при воспоминании о тяжелом прошлом. Не один ведь раз внезапно пропадали выступавшие на обуховских вечерних концертах приезжие из города товарищи».

Иногда учителей заставляли помогать попам. «Не могу без горечи вспоминать, — пишет Бурнова, — как пытались нас, народных учителей, сделать соучастниками в деле религиозного воспитания рабочих, используя нас на чтении с фонарем.

В великом посту проводились чтения на тему о «страстях христовых», поп был ленив и косноязычен и рад был снять с себя лишнюю обязанность. Приходилось умудряться вовсю, чтобы и «невинность сохранить и капитал приобрести». Изворачивалась я, помню, на наших классиках... Было тошно, но куда денешься».

Одна учительница, предшественница Бурновой, не выдержала работы в такой обстановке и повесилась. Позже (в 1905 г.) был еще один случай самоубийства учителя.

При всех недостатках местных просветителей школа оказывала несомненно положительное влияние на обуховских рабочих.

Для передовиков-обуховцев она была первой ступенью политического образования. Здесь получали квалификацию,

правда, очень низкую, первые агитаторы-рабочие, первые организаторы революционных выступлений обуховского пролетариата. Актив этой школы, занимаясь по «расширенной программе» на квартирах учителей, в кружках социал-демократов, бывая в обществе Ленина, Бабушкина и др., втягивался в общепролетарскую борьбу, выделил ряд профессиональных революционеров.

Роль Шелгунова, первого организатора обуховцев, особенно значительна. Ваня Токарев, мальчиком пришедший в школу, через несколько лет — уже горячий агитатор и умелый распространитель нелегальной литературы; Василий Поляков привлекается к дознанию как главный распространитель среди обуховских рабочих журнала «Рабочая мысль»; Яковлев, брат будущей героини первого сражения обуховцев с правительством, арестован в 1898 г. «за вредную агитацию» и распространение прокламации «Союза борьбы»; Гаврилов А. И., Вл. Чукаев, Бахвалов, Тетин С. М., Ермаков, Костя Иванов, Малышев С. В., Синицын, Машистов, Пернафорт и много передовых рабочих возглавляли многотысячный отряд обуховцев.

ОБУХОВЦЫ ИЩУТ ДОРОГУ

От центрального социал-демократического кружка в это время работали за Невской заставой: Кржижановский Глеб Максимилианович, В. В. Старков, Шелгунов и др.

Шелгунов, связавшись с фрезеровщиком станочного цеха Обуховского завода Василием Яковлевым, устроился на завод слесарем. Там он подобрал группу надежных рабочих — фрезеровщика Васильева, Антушевского, Проклова и др. — и с их помощью организовал 2 кружка, которые посещали рабочие не только Обуховского, но и соседних с ним завода Верда и Карточной фабрики. Источником новых членов кружка была вечерне-воскресная школа. Из кружковцев выковывался революционный актив. Часто этот актив во главе с Шелгуновым посещал конспиративную квартиру одного по тому времени широко известного за Невской заставой революционера Бабушкина. Туда приезжал Ленин. Активом кружка был произведен среди рабочих сбор в помощь забастовавшим в 1896 г. рабочим петербургских бумагопрядилен. Несмотря на то, что стачка на петербургских бумагопрядильных фабриках была силой полиции разгромлена, она произвела огромное впечатление на рабочих и на правительство. В январе 1897 г. забастовка текстильщиков повторилась, и на этот раз к ней примкнули некоторые механические заводы.

Идя на уступки, правительство издало закон об 11½-часовом рабочем дне.

Слева направо: С. М. Тетин, В. А. Шелгунов и С. В. Малышев

Но этой подачкой нельзя было остановить поднимавшегося революционного движения, которое во второй половине 90-х годов усиливается и принимает более планомерный в наступательный характер. В 90-х годах за 10 лет произошло 1 765 стачек, в которых участвовало 431 254 рабочих.

Кроме экономических результатов стачки имели и политическое значение: они призвали к борьбе не одиночек, а массу, способствовали пробуждению классового самосознания рабочих. Растущая социал-демократия помогала развитию и направляла оформление революционного мировоззрения рабочего класса.

В это время в рабочее революционное движение вступает В. И. Ленин, который в короткий срок делается руководителем и организатором пролетариата.

Появившись впервые в Петербурге в 1893 г., Ленин вместе с другими товарищами работает по организации социал-демократических кружков в рабочих районах. В 1895 г. он организует «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Из обуховцев к «Союзу борьбы» примыкали рабочие: В. А. Шелгунов, И. Бахалов, И, Шнитовский, С. М. Тетин, А. И. Ермаков, Петушков, Гаврилов. Анатолий Иванович Гаврилов, распространяя листовки «Союза борьбы», был пойман заводской полицией, но по суду оправ-

дан. Гораздо позднее он попадает снова в лапы полиции, и его вместе с другими ссылают на Сахалин. В 1895 г. арестовывают и слесаря станочного цеха Василия Андреевича Шелгунова, активного пропагандиста и организатора революционных рабочих Обуховского завода.

Шелгунов так рассказывает о своем аресте:

«Помню, 9 декабря 1895 г. я работал в ночную смену. В полночь во время обеденного перерыва, кое-как закусив, я лег немного соснуть. Машины остановились, и тишина быстро нагнала на меня дремоту. Вдруг слышу сквозь сон, трясет кто-то меня за плечо и испуганно говорит: «Василий Андреевич, к тебе пристав пришел». Дремоты как не было... Вскакиваю и вижу: около меня растерянный чернорабочий, а рядом 3 шпика, и человек 6—7 городовых уже роются в моем ящике: перетряхивают чертежи, верхнее платье и другие вещи.

Пристав, подойдя ко мне, сказал: «Ну, что ж, пойдем, расскажи нам, где ты берешь вот такие штучки...» И он вынул из кармана одну из нелегальных книжек, которую я нечаянно оставил на столе у себя на квартире, уходя на работу...

Меня повели в проходную контору, раздели донага и обыскали... Из проходной в «приятной» компании шпиков и городовых меня повезли в дом предварительного заключения.

В то время, как я позднее узнал, за Невской заставой было схвачено около 50 человек...»

Во второй половине 90-х годов среди обуховцев работают члены «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Они втягивают в работу своей организации актив обуховских рабочих. Мурзинский лес, укромные уголки в кабаках, частные квартиры — вот места тайных собраний. На таких собраниях отмечали международный день 1 мая, привлекая с каждым годом все большее число участников.

Но почти до самого конца 90-х годов движение не было массовым. Как «просветители», так и члены революционных организаций группировали вокруг себя небольшое количество рабочих завода. Не было ни одной попытки выступить от имени всей массы рабочих и предъявить начальству соответствующие требования.

Разъедала «кустарщина». Замкнутость и индивидуализм дробили силы. Часто революционный протест, недовольство и ненависть проявлялись отдельными лицами анархически и безрезультатно: анонимные письма к начальству, угроза наиболее ненавистным лицам из администрации и мастеров, битье стекол в их домах и т. д. Во второй половине 90-х годов намечается перелом.

Происходившее в последние 5—6 лет прошлого века

развитие и расширение Обуховского завода привлекло около 3 тысяч новых рабочих, сильно изменив социальный состав обуховцев.

С. М. Тетин так вспоминает об этом времени: «Пришлые рабочие были настоящие пролетарии. Они побывали во всех концах России, работая на многих заводах и севера и главным образом юга в новом промышленном районе. Они прошли хорошую школу борьбы с хозяевами, им нечего было терять кроме своих рабочих рук.

У наших же обуховцев у многих были свои домики, коровки. Поэтому они и дрожали за место на заводе, боялись, что им откажут и отнимут домик. Так начальство закабалило наших обуховцев. Вот почему на Обуховском заводе со дня основания и до 1901 г. не было ни одной забастовки».

Пришлый состав рабочих действительно внес в массу коренных обуховцев струю революционной активности. На заводе стала заметно оживляться революционная работа.

Все чаще стали появляться под станками, в дулах орудий, в шкапах и карманах рабочих прокламации и листовки. Забеспокоилось обуховское начальство, забеспокоилось Морское министерство.

Рассказывают, что, когда появилась первая листовка в районе Обуховского завода, пристав приказал: «Второй чтобы не было». Но появилась вторая. Тогда кричал: «Третью не допущу», но появилась и третья, и четвертая. Листовкам и прокламациям не знали счета. В это время группой рабочих был сделан печатный станок. Когда станок собрали, некоторые смеялись: «Теперь остается поставить на нем клеймо: «Сделан на Обуховском заводе». Все выше поднималась в обуховцах революционная смелость.

Начальник полиции Шлиссельбургского участка с тревогой сообщил градоначальнику:

«Весной 1898 г. я заметил, что революционная пропаганда направлена главным образом на казенные заводы, главным образом на Обуховский завод...» В конце «проницательный» политик из полиции удовлетворенно приписывает: «На Обуховском заводе она не имела того успеха, на который рассчитывали агитаторы, благодаря разумному и мирному настроению большинства рабочих, а также ряду административных мер».

На Обуховский завод полиция надеялась.

Как же! Там хорошие отряды заводской полиции, шпиков, матросов и офицеров! Там есть подкормленная верхушка рабочих.

Вопреки этому число недовольных с каждым годом увеличивалось. В 1898 г. в мурзинском лесу была проведена первая маевка, организованная группой рабочих с Тетиным во главе. Она собрала небольшое количество рабочих —

всего около ста человек, из которых обуховцев было человек 20—30. Остальные были с других заводов...

На маевку приезжали из города члены центрального социал-демократического кружка, выступали и местные рабочие.

В последующие годы каждое 1 мая несколько десятков обуховцев не выходило на работу. И с каждым годом их число росло. В 1900 г. их было уже свыше 100 человек.

Значительно увеличилось распространение нелегальной литературы. То в одной, то в другой мастерской обнаруживались прокламации. Оживление, вызываемое ими, стало охватывать новые слои рабочих. Смелее повелись разговоры на «преступные» темы. Настороженнее и зорче всматривались заводские полицейские в каждое «подозрительное» лицо.

Чаще стали приходить к приставу такие телеграммы: «Обяжите мастерового пушечно-отделочной мастерской Обуховского завода Петра Григорьева явиться в С.-Петербургское жандармское управление».

Или: «Обяжите работающих на Обуховском заводе в пушечно-отделочной мастерской мастеровых Евграфа Черткова, кранщика Якова Иванова, слесаря Коленкура и его ученика Борисова явиться в С.-Петербургское жандармское управление».

«В пушечной народ вольный», говорили обуховские рабочие. «Не потому ли им такая «честь от жандармского управления?!»

Вспыхивающие то и дело в разных концах Петербурга волнения рабочих подняли на ноги царские войска. Градоначальник и полицмейстер пускают в ход испытанное оружие — казаков.

Районные полицейские участки в рабочих районах начеку. От них к градоначальнику — тревожные звонки: «Вышлите солдат», «пришлите сотню казаков».

В мае 1900 г. было арестовано двое рабочих, захваченных с листовками. В этот же день при обыске в проходной двери у токаря пушечной мастерской нашли за пазухой книгу Гауптмана «Ткачи». Когда охрана стала отнимать ее, рабочий оказал сопротивление, избив одного из охранников. Он был также схвачен и арестован.

Когда сообщили об этом начальнику завода Власьеву, он, выйдя из обычного благодушия, забегал по кабинету и бормотал: «Что делается с обуховцами! Где их благоразумие! Не понимаю».

Так постепенно, теряя привитое ему «благодушие», робко волнуясь от неясных еще, бесформенных стремлений, толкаемый враждой к хозяевам и их порядкам, тяжелой жизнью, обуховский пролетарий вступал в новый, XX век.

П. Парадизов

ТРЕХГОРНАЯ МАНУФАКТУРА В ПОРЕФОРМЕННУЮ ЭПОХУ[1]

Глава из первого полутома истории Трехгорной мануфактуры. Первый полутом посвящен истории фабрики с момента ее основания в 1799 г. до октября 1917 г. включительно.

* *
*

К сожалению материалы за 60-е годы по Трехгорной мануфактуре сохранились далеко не в такой полноте, как за некоторые позднейшие периоды, и поэтому дать совершенно законченную, основанную на первоисточниках картину «Прохоровки» этой эпохи положительно невозможно.

Кое-где, что всякий раз будет соответствующим образом оговорено, автору приходилось прибегать к гипотетическим заключениям, более или менее близким к истине.

Не подлежит ни малейшему сомнению то обстоятельство, что дать сколько-нибудь удовлетворительный очерк истории Прохоровской мануфактуры, рассматривая ее изолированно, вне связи с эволюцией мировой и прежде всего русской текстильной промышленности,— нельзя. А так как эта последняя претерпевает на себе влияние общего хода развития страны, то естественно, что и оно не может быть совершенно обойдено молчанием. Из этого конечно вовсе не следует, что история Трехгорной мануфактуры должна превратиться в историю пореформенной России.

Для данной специальной цели важны два момента: реформа и хлопчатобумажный кризис 1861—1865 гг. Эти явления

---

[1] Считаю необходимым отметить, что все архивные данные о выработке продукции, оборудовании и движении основного капитала, приводимые в этой статье, принадлежат М. К. Рожковой, несколько лет работавшей над фабричным архивом Трехгорной мануфактуры.

Только личный архив владельцев фабрики (главным образом К. В. Прохорова), использованный здесь, был непосредственно в моих руках.

В целях сокращения текста ссылки на архивные источники в данной публикации не даются. Интересующиеся найдут их в первом полутоме истории Трехгорной мануфактуры.

В заключение приношу благодарность как М. К. Рожковой, так и всем тем товарищам, которые в чем бы то ни было способствовали написанию данной статьи. — П. П.

несомненно оказали могучее влияние на судьбы русской текстильной промышленности, а стало быть и на судьбы Трехгорной мануфактуры. Именно они окрашивают ее эволюцию в 60-х годах в определенный тон.

Мануфактура и до реформы была купеческим предприятием, непосредственно не опиравшимся на эксплоатацию крепостного труда. Поэтому естественно предположить, что самый факт ликвидации крепостного права не мог нанести такого сильного удара мануфактуре, как это было в тех отраслях промышленности, все благополучие и внешнее влияние которых покоилось до реформы на крепостных отношениях. Катастрофического падения производства по причине отсутствия рабочей силы, как это было например на Урале, хлопчатобумажная промышленность не знала.

Однако все же не следует забывать, что значительное большинство рабочих дореформенной «Прохоровки» составляли оброчные крестьяне Московской и подмосковных губерний. Несмотря на то, что здесь мы не имеем массового бегства рабочих после манифеста 19 февраля 1861 г., можно все-таки предположить, что в первое время, когда многое было еще не ясно, когда крестьянство мечтало о настоящей воле и не утратило еще иллюзий о возможности получения ее из рук самодержавия, те из рабочих «Прохоровки», которые были наиболее тесно связаны с деревней, и покидали фабрику. Во всяком случае в некоторых местах это случилось и с хлопчатобумажными предприятиями.

Правда, иллюзии рушились довольно быстро. Гонимые крушением надежд, перспективой огромных податей, голодом, такие беглецы от индустрии скоро возвращались назад.

Так что не в смысле потрясения в сфере кадров следует искать влияния реформ на «Прохоровке». Это влияние дало себя чувствовать с другой стороны.

Во-первых, реформа, означая решительный шаг по пути капиталистического развития России, по пути создания внутреннего рынка, сулила Прохоровым блестящие перспективы. Во-вторых, прежде чем эти перспективы стали действительностью, реформа несколько ущемила мануфактуру с рыночной стороны. В-третьих, стимулировала ускорение машинизации и наконец, в-четвертых, в самые годы ее проведения внесла новую струю в атмосферу фабричного режима. Времена были, как-никак, неспокойные. Хотя Прохоровы и не были помещиками, хотя они и имели дело с «вольнонаемными» по отношению к ним людьми, но вся социально-экономическая обстановка дореформенной, николаевской России окрашивала в соответствующий полукрепостнический тон жизнь и отношения на Трех горах.

Теперь смутно чувствовалась неизбежность каких-то перемен.

С другой стороны, в годы «великой реформы» на дальнем Западе, в другой части земного шара, разыгрались события, которые надолго повергли мировую хлопчатобумажную промышленность в состояние глубокого кризиса, резко отозвавшись и на России.

* * *

Анализируя происхождение хлопчатобумажного кризиса 1861—1865 гг., Маркс видел в нем «величайший пример перерыва в процессе производства вследствие недостатка и дороговизны сырого материала» [1].

Вздорожание хлопка началось значительно раньше американской войны. В основе его лежало громадное развитие хлопчатобумажной промышленности не только в Англии, но и во всех европейских странах, даже в России, в которой за десятилетие (1850—1860 гг.) потребление американского хлопка возросло в 2½ раза [2].

При таком стремительном развитии промышленности вполне естественно было возрастание цен на хлопок, но само по себе оно еще не останавливало этого развития. Немногие накануне кризиса предвидели его приход и гигантские размеры. Всего за несколько месяцев до начала кризиса пресса всего мира прославляла бешеный бег хлопчатобумажной индустрии. Для большинства современников кризис пришел неожиданно, налетел, как шквал, со страшной силой. Под его ударами падали не только мелкие фабриканты, но и крупнейшие старинные фирмы. Сотни тысяч рабочих были выброшены на улицу.

Мировым монополистом по производству хлопка в то время выступали Североамериканские соединенные штаты, на долю которых падало не менее 80% всей мировой продукции.

Это положение САСШ приобрели к тому времени почти вековой, безграничной эксплоатацией рабского труда негров на хлопковых плантациях. Ужасы этой эксплоатации, созданной капитализмом, породили огромную литературу. В пресловуто-знаменитой «Хижине дяди Тома» слащаво-сентиментальной Бичер-Стоу они нашли лишь очень бледное отражение. Янки довел эксплоатацию рабского труда до такого «совершенства», что многие российские помещики фарисейски проливали слезы над «несчастными неграми», почитая себя истинными благодетелями своих крепостных. Некоторые из этих духовных наследников знаменитой

[1] «Капитал», т. III, ч. 1-я, стр. 88, изд. 5-е.

[2] К. Лодыженский, История русского таможенного тарифа, СПБ, 1886 г., стр. 291.

Салтычихи не прочь были даже в публицистике защищать крепостное право кивками на Южные штаты Северной Америки.

За 60 лет XIX столетия количество производимого ежегодно САСШ хлопка увеличилось почти в 22 раза, достигнув в 1860 г. рекордной цифры в 3 841 416 кип[1].

В следующем году начинается война за «освобождение» негров, и производство хлопка сразу катастрофически падает. Насколько это падение было огромно, можно судить уже по одному тому, что, утеряв даровой рабский труд, владельцы хлопковых плантаций САСШ только через полтора-два десятка лет подняли производство хлопка до прежних размеров. Средний годовой сбор за десятилетие 1866—1875 гг. достигает только 3 250 000 кип[2].

Катастрофическое падение производства, а вместе с ним и вывоза хлопка на европейские рынки привели к стремительному росту цен на него. Нужно заметить, что главным потребителем американского хлопка выступала Англия, поглощавшая тогда этот вид промышленного сырья в размерах, значительно больших, чем все европейские страны, вместе взятые. Это было еще в те времена, когда название Англии — «мастерская мира» — не звучало иронически, как в наши дни. Английская хлопчатобумажная индустрия была самой мощной в мире. Английские изделия носили в Лондоне и Мельбурне, Индии, Бухаре и Китае, в России и Южной Америке. Но Англия выступала не только как фабрикант, но и как купец, снабжавший американским сырьем европейскую хлопчатобумажную промышленность, почти не связанную в то время с американским рынком непосредственно.

В полной зависимости от Англии находилась и русская хлопчатобумажная промышленность.

Итак гражданская война в Америке привела к жесточайшему «хлопковому голоду». 1861 г. был годом значительного напряжения, но настоящая катастрофа разразилась позже. Благодаря хорошему урожаю 1860 г. англичанам удалось сконцентрировать на своих базах огромные запасы хлопка, на которых они держались еще в 1861 г. и даже отчасти в 1862 г.[3].

По мере того как эти запасы таяли, иссякали, цены лихорадочно росли. Скачка цен еще более усиливалась безудержной спекуляцией, которая всегда сопровождает товарный голод.

---

[1] В. Зомбарт, Современный капитализм, т. III, 1-й полут., стр. 341.
[2] Там же, стр. 265.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, т. XXIV, стр. 143.

Вот данные о ценах на американский хлопок на ливерпульском рынке (за пуд):

1861 г.	5 р. 62 к.
1862 „	12 „ 97 „
1863 „	18 „ 60 „
1864 „	20 „ 12 „
1865 „	13 „ 92 „
1866 „	11 „ 17 „

Из приведенных данных видно, что максимальной остроты хлопковый голод в Англии достиг в 1863/64 г. С прекращением войны он начинает ослабевать, хотя положение еще достаточно напряженно.

Нужно заметить, что бешеный рост цен на хлопок не сопровождался таким же возрастанием цен на полуфабрикаты и готовые изделия. Это было обусловлено тем, что накануне кризиса, как это констатируют Маркс и Энгельс, наблюдалось несомненное перепроизводство в хлопчатобумажной промышленности [2].

Рост цен на пряжу отставал от роста цен на хлопок, цены на готовые изделия стояли ниже цен на пряжу. В таких условиях неизбежным следствием хлопкового голода было резкое сокращение производства на бумагопрядильных, ткацких и ситценабивных предприятиях, породившее огромную безработицу в Англии, Франции, Германии, Швейцарии, Богемии, Польше и России.

Летом 1862 г. среди манчестерских хлопчатобумажных рабочих было 15% полностью безработных и 35% лишь частично занятых в производстве [3].

В 1863/64 г. не менее половины всех английских хлопчатобумажных рабочих было выброшено на улицу. Так по двум важнейшим хлопчатобумажным округам Англии, Ланкаширу и Чеширу (за исключением Манчестера и Больстона), занятых полное время было только 8,5% рабочих, неполное — 38%, остальные полностью безработные[4].

Как и всегда, буржуа искал выхода в перенесении ударов кризиса на рабочих. Заработная плата резко падала. Сопротивление плохо организованных текстильщиков было тем легче сломить, что за воротами фабрик стояли огромные толпы безработных, доведенных до отчаяния, до способности к штрейкбрехерству голодом и ужасающей нищетой. Десятки тысяч этих безработных всякого рода «человеколюбивые» общества и городские самоуправления заставляли выполнять тяжелые изнурительные работы за жалкую плату, которая далеко не всегда способна была удержать их

1 М. А. Терентьев, Россия и Англия в борьбе за рынки, СПБ, 1876 г. стр. 112.

2 К. Маркс и Ф. Энгельс, т. XXIV, стр. 144.

3 К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 1-я, стр. 90.

4 Там же, стр. 91.

от вымирания. Аналогичную картину наблюдаем мы и в других европейских центрах хлопчатобумажной промышленности.

Лодзинский корреспондент петербургского «Голоса» сообщал в начале 1863 г. о влиянии хлопкового голода на польскую промышленность примерно следующее[1]. Одна за другой закрываются бумагопрядильные и бумаготкацкие фабрики и здесь. Самые мощные фирмы и те резко сокращают производство. Безработица принимает угрожающие размеры.

Как же отразился мировой кризис на России?

Для иллюстрации этого процесса достаточно привести несколько цифр[2].

Ввоз американского хлопка в Россию (тысячи пудов)

Каждый значок условно равен 250 тысячам пудов

Таким образом импорт американского хлопка в период наибольшего обострения кризиса упал по сравнению с последним предреформенным годом почти в 6 раз для 1862 г. и более чем в 4 раза для 1863 г. В этом отношении Россия одним ударом на время была отброшена почти на 20 лет назад.

Резко сократился и импорт английской пряжи и в особенности готовых хлопчатобумажных изделий: 1860 г.— на 4 273 000 руб., 1863 — на 1 696 000 руб.

Стремительное падение ввоза хлопка повлекло за собой острейший кризис в бумагопрядильной и бумаготкацкой промышленности, который естественно не мог не отразиться и на судьбах ситценабивного производства. Некоторые

[1] «Голос» № 11, за 1863 г.

[2] К. Лодыженский, цитир. соч., стр. 291.

Общий вид Трехгорной мануфа

признаки угнетенного состояния русской хлопчатобумажной индустрии наблюдались уже в 1860 г. Но это было только начало. Дела были просто «тихи», и до начала войны в Америке крупных потрясений не ждали.

«Тихая» торговля многими объяснялась как следствие реформы: дворянство обезденежило, мужик придерживал деньги в ожидании имеющих быть в его быту перемен. Хотя эта гипотеза в свете некоторых данных и не так уже безупречна, но ею тогда довольствовались.

В 1862 г. кризис уже начал развертываться. «Производство мануфактурными хлопчатобумажными изделиями в сем 1861 г., — писал в Мануфактурный совет К. В. Прохоров,— было много безвыгоднее против прошлого 1860 г. по случаю возвышения ценности на хлопок и затруднительных расчетов как в Москве, так и в украинских, нижегородской и ирбитской ярмарках. Цены на пряжу и все тканые и набивные изделия не соответствовали возвышению хлопка, так что многие фабриканты должны были сократить свои производства, а другие продавать без всякой пользы и даже с убытком и в большие сроки.

Хотя пряжа и повысилась ценой с Нижегородской ярмарки от 15 до 20%, но против стоимости хлопка бумагопрядильщики находят это еще невыгодным и сбыт весьма затруднительным, поэтому большая часть фабрики оставила ночные работы».

В 1863 и 1864 гг. кризис достиг наибольшей силы. «Производство ситцев и всех мануфактурных без смешения бумажных изделий в прошлом 1864 г.,— свидетельствует тот же Прохоров,— было против 1863 г. еще слабее... В Москве

...туры в 70-х годах XIX века

после Макарьевской ярмарки и до декабря месяца стояло в торговле бумажных товаров большое затишье. Против 1863 г. многие торговали менее половины. В декабре месяце хотя и показывались городовые покупатели, но в уменьшенном количестве... Ситцевые фабриканты сократили свое производство на большую часть, а другие и совсем остановились, чтобы избавиться от дальнейших убытков».

По данным современника, обследовавшего село Иваново с его окрестностями (ныне Иваново-Вознесенск) весной 1864 г.[1], русский Манчестер переживал быть может один из самых трагических, за исключением эпохи введения машин, моментов своей истории. На большинстве предприятий производство либо совсем замерло, либо значительно сократилось. Продукция всех действующих предприятий давала только около трети того, что вырабатывало Иваново накануне кризиса.

Безработица с ее неизбежной спутницей — нищетой рабочих масс — прогрессивно нарастала с 1862 г. Выброшенные на улицу ткачи, прядильщики и набойщики, в значительной мере уже разорвавшие связь с деревней, обрекались на медленное физическое вымирание. В России не было даже и той жалкой помощи безработным в виде организаций так называемых «общественных работ», которые существовали в Англии и дали английской буржуазии возможность в годы кризиса за бесценок поднять благоустройство буржуазных кварталов, городов, дорог и каналов.

---

1 «Голос», № 92, за 1864 г.

Заработная плата оставшихся на фабриках пала на 35—50%, в некоторых отдельных случаях — даже на 60%.

На падение заработной платы в России, как и в Англии, кроме всего прочего влияло и резкое ухудшение качества сырья, снижавшего выработку. В годы кризиса, как об этом будет подробнее сказано ниже, на русские фабрики широкой волной хлынул среднеазиатский и персидский хлопок. Низкокачественное сырье било не только прядильщика и ткача, но и рабочих набивных предприятий. Общеизвестно хотя бы из Маркса и Энгельса, что владельцы английских ткацких фабрик в период кризиса напали на счастливую идею смягчать его фальсификацией шлихта основы и огромным увеличением доли его в общем весе ткани. Рожденный в годы кризиса этот прием просуществовал довольно долго. Энгельс говорит о нем, как о широко распространенном даже в 1868 г. Английские власти вынуждены были бороться с этим явлением при помощи крупных штрафов.

Как явствует из ряда источников, и русские фабриканты, то ли распознав секрет, то ли совершенно самостоятельно пришли к английской идее и с большим усердием реализовали ее. Набойка по таким тканям, в которых, по выражению Энгельса, было до 25% прокисших мучных изделий, подслащенных тальком, естественно влекла за собой осложнение, частый брак, падавший штрафом на рабочих ситценабивных и красильных фабрик.

Картина московских фабрик в период кризиса мало чем отличается от Ивановской, разве только тем, что более крупные московские «воротилы», но не их рабочие несколько легче переносили удары кризиса. В целом на России кризис отразился очень сильно: в 1860 г. в ней было 57 прядильных и 659 ткацких фабрик (включая и мелкие). Из них в 1863 г. функционировало только 35 прядильных и 388 ткацких.

Прежде чем перейти к обрисовке методов борьбы с кризисом, следует упомянуть, что одним из его немаловажных следствий во всей Европе была гибель значительного числа мелких предпринимателей и концентрация производства. И в России кризис стимулировал концентрацию производства. И здесь «фабриканты» с примитивным или устаревшим оборудованием, с несколькими десятками рабочих были или совсем убиты кризисом или обескровлены им настолько, что утеряли и ту скромную роль, какую они играли до него.

Выше уже говорилось, что одним из средств преодоления кризиса было усиление эксплоатации. Но, во-первых, движение в этом направлении наталкивалось на естественные границы и на сопротивление рабочих, самое же главное — оно все-таки не давало хлопка и не создавало спроса. Вто-

рым средством выхода из данного кризиса было движение за расширение сфер торгового влияния и за создание собственных сырьевых баз. На этот последний путь и вступили крупнейшие европейские колониальные державы.

Идея, сильно подогреваемая классовыми интересами европейской буржуазии, пропагандируемая на Западе в парламентах, промышленных обществах и прессе (а в России по отсутствию первых только в двух последних) о разрушении американской монополии на мировом хлопковом рынке, именно в годы кризиса из области более или менее отдаленных мечтаний переходит в действительность, воплощается в некоторых реальных начинаниях, которые хотя и не убили американское хлопководство, но все же нанесли ему чувствительный удар.

Через постройку ряда железнодорожных магистралей в связи с прорытием Суэцкого канала транспорт ост-индского и египетского хлопка в Европу был облегчен. Вкладывая крупные средства в хлопководство Индии и Египта, Британия добилась того, что к 80-м годам значительная доля ее потребности в хлопке покрывалась производством в этих колониях. В 1880 г. Индия уже производила до 15 млн. пудов хлопка[1], а вывоз хлопка из Египта поднялся с 1 млн. 800 тыс. пудов в 1862/63 г. до 9 млн. пудов в 1884/85 г.[2].

Франция пыталась итти по тому же пути, правда, с значительно меньшим успехом.

За Англией двинулась и Россия. И так как сферы российского влияния, к великому сожалению отечественной буржуазии и самодержавия, не распространялись на территории, близкие к местам высокой культуры хлопка, то движение это устремилось в Среднюю Азию и отчасти в Закавказье. К счастью русской буржуазии кризис по времени совпал с активной экспансией России на Среднем Востоке и «блестящими успехами» русского оружия в так называемом Закаспийском крае.

Здесь не место входить в разбор сложных причин, толкавших самодержавие в Среднюю Азию. Достаточно сказать, что в рассматриваемую эпоху к старым причинам присоединилась новая — борьба за рынок текстильного сырья и сбыта. Несомненно, что с 60-х годов и это входит в «миссию» России на Востоке. Долгое время купец был агентом-разведчиком самодержавия в этих местах, о которых даже некоторые российские министры иностранных дел имели смутное, школьное представление. Официальные чины Российской империи еще в начале XIX века решались

---

[1] С. Гулишамбаров, Россия в мировом хозяйстве при вступлении на престол имп. Алекс. III и Николая II, стр. 20.

[2] «Русский вестник», 1886 г., т. VI, стр. 937.

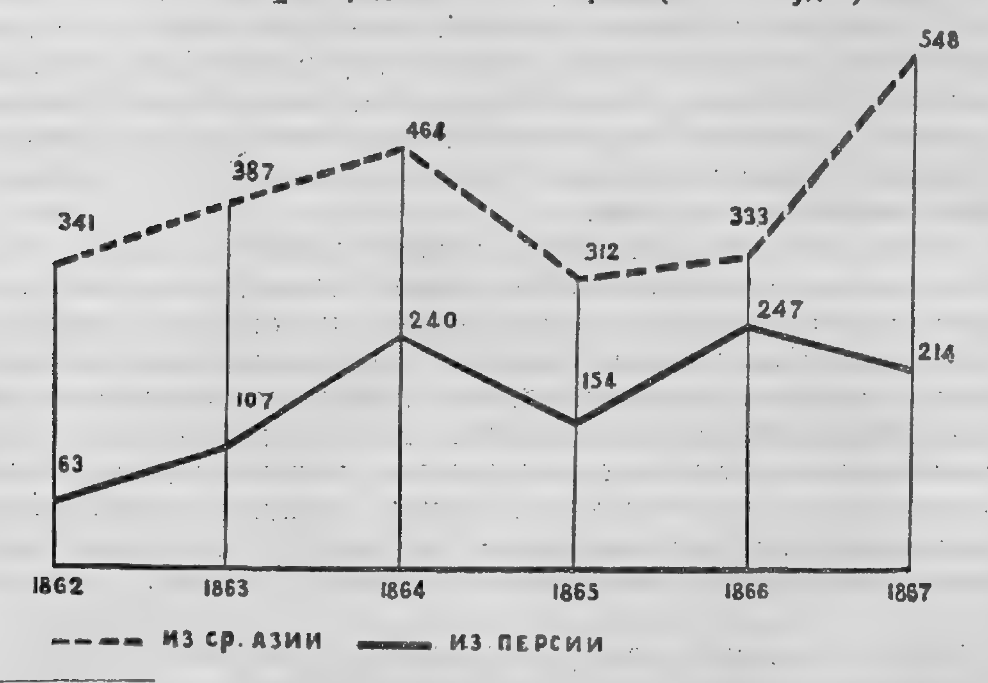
проникать сюда лишь «под видом купчины». Купец привел русских оккупантов в Ташкент, Хиву и Бухару, купец же и следовал за ними по пятам.

Всякий раз, когда русская промышленность попадала в полосу кризиса или депрессии, буржуазная пресса впадала в сентиментально-воспоминательный тон. Писались целые «ученые» трактаты на тему о древних правах государства российского на среднеазиатские города, разжигались аппетиты «воинов», искателей приключений, всякого сброда баснословными повествованиями о несметных богатствах Востока, развивались бредовые идеи Павла I о завоевании Индии и приводились даже наивные мечты Алексея Михайловича Романова о разведении хлопка на подмосковных полях. Так было в 80-х годах, так было и в период кризиса 60-х годов.

За последнее пятилетие перед началом кризиса обороты внешней торговли России со среднеазиатскими ханствами простирались от 8 до 13 млн. руб. со значительным превосходством ввоза в Россию над вывозом из нее. За это же пятилетие средний ежегодный привоз в Россию азиатского хлопка простирался до 150 000 пудов, по 4 руб. за пуд, т. е. составлял около 5,5% по отношению ко всему ввозу 1860 г. В русском экспорте этого периода в Азию главную массу (до 60% по ценности) составляли хлопчатобумажные ткани.

Резкое падение ввоза американского хлопка повело к стремительному росту вывоза этого сырья из Средней Азии и Персии[1].

Ввоз хлопка из Средней Азии и Персии (тысячи пудов)[1].

[1] М. А. Терентьев, цитир. соч., стр. 112.

Таким образом для 1864 г. среднеазиатский хлопок по отношению ко всему ввезенному в этот год хлопку (около 1 млн. 640 тыс. пуд.) составлял свыше 28%. Это огромное возрастание роли среднеазиатского хлопка обусловлено конечно ненормальными условиями рынка, вызванными кризисом. Однако все же обращает на себя внимание тот факт, что при падении всего ввоза по сравнению с 1860 г. менее чем в 2 раза роль среднеазиатского хлопка возросла более чем в 5 раз. Но даже в 1867 г., в начале нового подъема, когда весь импортированный в Россию хлопок превышал ввоз 1860 г. более чем на 400 тыс. пудов, а ввоз американского хлопка приближался к цифре 1860 г.,— доля среднеазиатского хлопка в общем потреблении России составляла 17%, т. е. в три раза больше, чем накануне кризиса. Однако в 70-х годах она снова пала.

Стимулируемое высокими ценами и устойчивым спросом в течение целого ряда лет население Кокана, Бухары и Хивы бросилось в хлопководство, запустив, а иногда и совсем забросив продовольственные культуры. Спекулятивная горячка, требовавшая во что бы то ни стало как можно больше хлопка, привела к тому, что среднеазиатский хлопок, и без того далеко уступавший по качеству американскому, стал еще хуже. Огромные пространства, отделявшие центральную промышленную Россию от Средней Азии, при отсутствии сколько-нибудь современных путей сообщения, при примитивной технике очистки хлопка на местах производства — своим неизбежным логическим следствием имели вытеснение его надолго с русского рынка американским, а с 70-х годов и ост-индским хлопком, как только исчезла та чрезвычайная конъюнктура, которая вызвала хлопковую лихорадку в Средней Азии в 60-е годы.

На этот раз поход за независимость не удался, однако он вызвал к жизни многочисленные проекты превращения Средней Азии в первоклассную сырьевую базу и емкий рынок для метрополии. Большинству этих проектов суждено было оставаться только мечтами, но кое-что из них позднее все же реализовалось.

Средняя Азия в 60-х годах спасала «животы» отечественных мануфактуристов не только поставкой хлопка, но и поглощением части готовой продукции. Русские мануфактуристы немедленно же извлекали из среднеазиатского населения за свои хлопчатобумажные изделия то, что платили ему за хлопок. А оперировали они там в 60-х годах достаточно энергично. Значительная доля территории Средней Азии в эти годы была ареной военных столкновений местного населения с русскими войсками. Торговля опиралась на успехи русского оружия в самом точном смысле этого слова. По выражению одного, достаточно осведомленного

и заинтересованного современника, русские «купцы идут вслед за войсками и не теряют времени» [1]. Что это была за торговля, достаточно красноречиво описывает тот же современник. Достаточно вспомнить хотя бы то, что среднеазиатскому населению сбывалась всякая дрянь по повышенным ценам. В 1866 г. сюда было продано хлопчатобумажных изделий на сумму свыше 7,5 млн. руб., а в 1867 г. одних только тканей — почти на 12 млн. руб. В свете этих манящих блестящими перспективами цифр становится более чем понятна комически-лютая ненависть русского буржуа к главному его конкуренту на среднеазиатских рынках — «всесветному эксплоататору» — Великобритании.

Превратить Среднюю Азию в настоящую «русскую Индию» — становится ее идеалом. Прикрыть этот неприглядный идеал приличным облачением в роде мессианской роли России на Востоке предоставлялось различным политическим и литературным деятелям, от министра иностранных дел до какого-нибудь «действительного члена Императорской академии наук» господина Безобразова. Для себя же буржуа предпочитал циничную и откровенную формулу: «Средняя Азия, — говорил он, — стоит к нам почти в таком же положении, в каком находимся мы сами относительно фабрик Западной Европы: отдай целую сырую шкуру и получи за нее назад один выделанный хвост» [2].

Вот в какой атмосфере существовала Трехгорная мануфактура в 60-е годы. Перейдем теперь непосредственно к ней самой.

Как упоминалось выше, некоторые симптомы угнетенного состояния рынка начали проявляться уже в 1860 г. Тогда же они дали себя чувствовать и на Трехгорной мануфактуре. Во главе ее стояли в то время Иван Яковлевич и Константин Васильевич Прохоровы. Первый был непосредственным, оперативным руководителем дела, второй, уже основательно престарелый, играл роль своеобразного «наблюдательного совета».

В ноябре 1860 г. Иван Яковлевич, собрав приближенных, обратился к ним с речью, в которой кроме обычных аппеляций к «воле божией» прозвучал иной мотив. Дотоле решительный молодой фабрикант призывал в ней к осторожности, к ставке на выработку максимально дешевых изделий, могущих рассчитывать на верный спрос. Это же затруднительное положение констатировал и старший Прохоров. «Прошедшая Макарьевская ярмарка, — писал он 29 ноября 1860 г. Мейендорфу, — не столько была худа производством товаров, сколько своим безденежьем и не-

---

1 М. А. Терентьев, цитир. соч., стр. 53.
2 Там же, стр. 33. Разрядка автора.

расчетами, от страха появившейся в ярмарке болезни. В Москве даже до сего времени торговля находится в застое, а в деньгах всеобщий недостаток. Благодарение богу, еще прошедшие две ярмарки в Украине... были для нас довольно удовлетворительны, не хуже прошедших годов, и поэтому мы питаемся надеждой поторговать в крещенской ярмарке, а то должны бы были убавить своих дел более нежели наполовину».

Однако надеждам владельцев мануфактуры не суждено было оправдаться. Вместо ожидаемого подъема в 1861 г. пришла война в Америке, а вместе с ней и кризис, едва не окончившийся для далеко не передовой в техническом отношении «Прохоровки» гибелью.

В 1862 г. товар шел медленнее, чем в предыдущем. Рост цен на хлопок обгонял их рост на все тканые и набивные изделия. Огромным до того барышам ситценабивных предприятий был нанесен первый удар. К концу 1862 г. дела на фабрике Прохоровых еще более пошатнулись.

В письме к старинному покровителю своей фирмы — барону Мейендорфу — Константин Васильевич с горечью сообщал, что вследствие кризиса и некоторых особенных причин, а именно неурожая на Украине и в Сибири, «торговцы не покупали и четвертой части товаров против прежних годов». На складах мануфактуры лежали значительные партии готового товара, не находившие сбыта. 1863 г. был годом, когда кризис уже основательно вступил в свои права, а в следующий за ним год дела Прохоровых решительно расстроились.

«Дела наши,— пишет Константин Васильевич Мейендорфу в конце 1864 г.,— идут очень худо. Торговли совсем нет, покупатели дожидаются мира в Америке, поэтому совсем не покупают, а у нас теперь в остатке большое количество товаров. Не знаем, что делать, фабрику совсем остановили и народ почти весь распустили. Таковой же участи и все ситцевые и бумажные фабриканты подвергаются. Неизвестно, что дальше будет!»

До ноября фабрика влачила жалкое существование, едва выпустив 31 тыс. штук товара, да и тот не находил рынка.

В это-то время фабрика и была остановлена. Весь наличный состав рабочих был немедленно выброшен на улицу и предоставлен самому себе, пополняя ряды нищенствующих безработных. Прохоровы спасали собственную шкуру и мало интересовались судьбой людей, на спине которых они поднялись из самых социальных низов до положения видных отечественных фабрикантов и «потомственных почетных граждан». Впрочем это не совсем так, по крайней мере по отношению к К. В. Прохорову.

Наблюдая в годы кризиса рост нищеты в промышленных центрах, и прежде всего в Москве, Константин Васильевич разрабатывал проект насильственной сдачи в рекруты всех не достигших сорокалетнего возраста «людей, праздношатающихся, проживающих без всякого дела и занятий». Ежели, размышлял этот «человеколюбец» и «истинный христианин», не принять решительных мер, «то столько может накопиться этой шушуры — зловредных людей в обществах, что впоследствии ожидать надо от них много неприятностей для всего народа и самого правительства, как некогда было в Париже от блузников, т. е. праздных людей». Не очень-то спокойно было повидимому в то время в Москве, в частности в купеческих особняках на Трех Горах, если Прохорову мерещились парижские инсургенты 1848 г.

Несколько мягче обошлись со старыми служаками. Наиболее испытанных из них оставили при фабрике с мизерной оплатой (от 5 до 25 руб. в месяц). Штаб искусных организаторов системы эксплоатации был таким образом сохранен на случай — а эта надежда никогда не угасала — благоприятного поворота дел в будущем.

Производство на Трех Горах временно замерло.

* * *

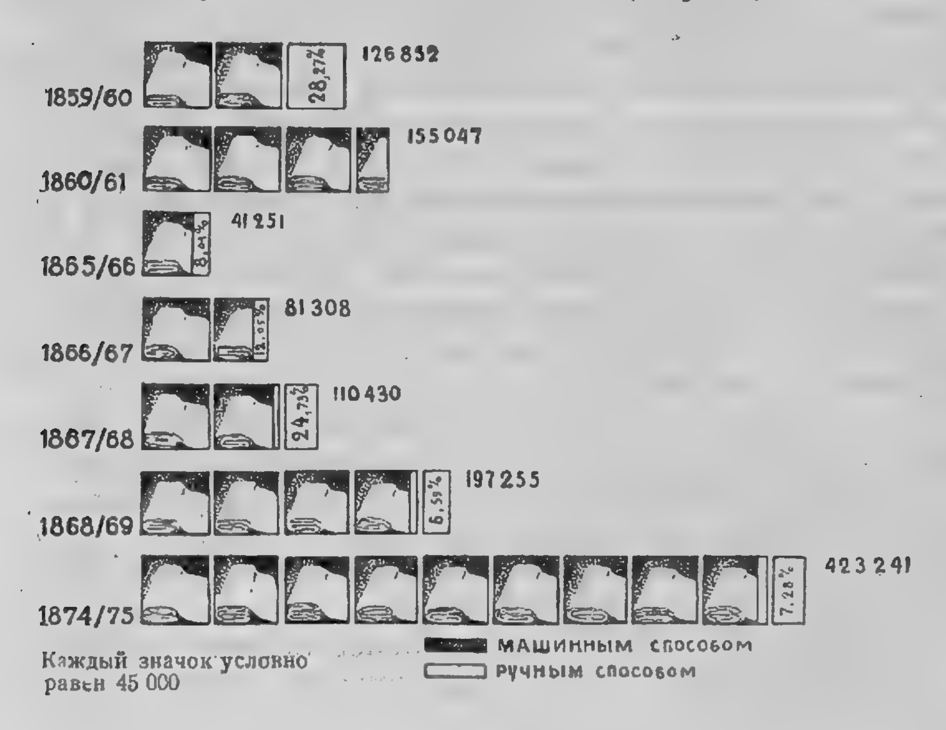
Приведем теперь некоторые сохранившиеся данные, которые более точно характеризуют деятельность мануфактуры в период кризиса.

К моменту реформы 1861 г. «Прохоровка» с громадным преобладанием ситценабивного и красильного производства над ткацким, с применением машинной техники в ситцепечатном деле, под ударами конкуренции более передовых предприятий, медленно и болезненно превращалась в настоящую капиталистическую фабрику. Это был именно длительный и болезненный процесс, а не мгновенный акт, причем развитие не шло по непрерывно восходящей линии, наоборот, в нем происходили задержки и даже отступления, иначе при капитализме развитие и не может совершаться. Так например в момент неблагоприятной конъюнктуры конца 50-х годов, последовавшей за искусственно стимулированным восточной войной подъемом, мануфактура сделала шаг назад.

Кризис 1861—1865 гг. в конечном счете в исторической, так сказать, перспективе сильно стимулировал развитие мануфактуры в направлении освоения ею более совершенной техники. Однако в самый момент его действия он привел к резкому падению всего производства. Вот данные, рисующие этот процесс (см. диаграмму на стр. 129).

Таким образом к середине 60-х годов общая выработка падает почти в 4 раза по сравнению с последним, предкри-

Производство изделий и тканей (в кусках)

зисным годом. С этого момента начинается восстановление производства, и к середине следующего десятилетия продукция фабрики превосходит продукцию конца 50-х годов более чем в 3 раза. Не лишенным интереса представляется и соотношение между машинной и ручной выработкой в рассматриваемый период.

Повидимому Прохоровы пытались бороться с кризисом снижением ручной набойки, но, как и следовало ожидать, — безуспешно. Безуспешно не потому, чтобы это вообще было невозможно. Не подлежит никакому сомнению, что в период резко выраженного угнетенного состояния рынка предприятия с более совершенной техникой — более жизнеспособны. Но Трехгорная мануфактура в этот период как раз далека была от технического совершенства.

Борьба с кризисом на основе устарелого по конструкции и изношенного оборудования была делом безнадежным. Однако едва ли верным будет рассматривать возрастание удельного веса ручной выработки в начале второй половины 60-х годов как признак регресса. Оживление в делах мануфактуры с конца 1866 г.— факт несомненнейший и падение ее в 1865/66 г. есть самое глубочайшее падение на протяжении всей ее более чем вековой истории, если не считать 1812 г. Но тогда было нашествие «двунадесяти языков». Временный подъем ручного производства — свидетельство не относительного технического регресса, а абсолютной технической отсталости самой

«Прохоровки» и благоприятной конъюнктуры конца десятилетия.

Прохоровы прекрасно понимали, что без машинизации производства им рано или поздно придет конец и, судя по положению вещей в годы кризиса, скорее рано, нежели поздно. Ставка на машинизацию была взята твердо. Но почему же им было не использовать благоприятной конъюнктуры, когда и ручные изделия, более дорогие, чем машинные, находили покупателя, тем более что машинная фабрикация ситца была временно прервана вследствие пожара 1866 г.? Этим повидимому и следует объяснять рассматриваемое явление.

В самом деле, как только Прохоровы ввели в эксплоатацию новое оборудование, а послекризисное торговое возбуждение сменилось так называемым нормальным состоянием рынка, доля ручной выработки начинает систематически падать. Начало этого упадка относится к 1868/69 г., в котором было приобретено машин и валов для них на 59 тыс. руб., тогда как в год наиболее острого кризиса для мануфактуры (1864/65) на оборудование было затрачено всего 5 000 руб.

Кризис 60-х годов на время вообще выбил Трехгорную мануфактуру из рядов мощных ситценабивных предприятий. Со второго, после Царевской мануфактуры места, какое она занимала до него, «Прохоровка» была к 1866 г. выбита. В этом году по объему производства она уступает уже и Цинделю (230 тыс. кусков) и Гюбнеру (200 тыс. кусков)[1]. Этот факт — лучшая иллюстрация того, что более механизированные предприятия легче перенесли кризис. То же самое свидетельствуют и качественные показатели в области например производительности труда.

В 1866 г. на ситценабивных фабриках на одного рабочего приходилось годовой выработки в кусках:

Средняя выработка ситценабивных фабрик на одного рабочего в 1866 г. (в кусках)

[1] Масленников, К вопросу о развитии хлопчатобумажной промышленности в России, Записки Импер. русск. географ. о-ва, т. VI, СПБ, 1889 г., стр. 296.

Кризис, с одной стороны, развитие механического ткачества в России — с другой, способствовали фактической ликвидации ручной ткацкой «Прохоровки». В начале 40-х годов истекшего столетия Трехгорная мануфактура была неполным комбинатом. Ее ручная ткацкая почти покрывала сырьевые потребности ее же ситценабивного дела. Но в течение 40-х и 50-х годов ткацкое дело падало и относительно и абсолютно. В 1858 г. ткацкий корпус оценивался всего только в 14 тыс. руб., а все его оборудование — в 1 692 руб. 85 коп.

Дальнейшая эволюция ткацкой Прохоровых рисуется из следующих данных:

Годы	Выработка ткацкой в кусках	Процентное отношение производства ткацкой к производству ситценабивной фабрики
1859/60	20 475	16,06
1860/61	20 905	13,48
1865/66	5 709	13,84
1866/67	11 859	14,58
1867/68	16 602	15,03
1868/69	10 926	5,34
1873/74	7 839	2,09
1874/75	7 194	1,70

Из этой таблицы явствует, что к началу 70-х годов Трехгорная мануфактура в сущности уже не была комбинатом. Полукустарная ручная ткацкая играла ничтожную роль в производстве, вырабатывая только некоторые специальные ткани. Предприятие перешло почти исключительно к работе по попутным миткалям. В 80-х годах машинные миткали приобретаются сразу огромными партиями по сотне тысяч кусков.

Даже при беглом взгляде на все вышеприведенные цифры 1868/69 г. выступает как год переломный в истории фабрики. Именно в этом году вдвое выросла продукция ситценабивной фабрики, резко сократилась выработка ручной ткацкой, пала на 10% ручная набойка и возросли в 12 раз по сравнению с 1864/65 г. затраты на оборудование, достигнув самого высокого уровня за время с 1858 по 1871 г.

Конечно во всех этих завоеваниях господ Прохоровых на «ниве народного труда» сказалась высокая конъюнктура на русском хлопчатобумажном рынке, установившаяся с 1867 г. Во время Нижегородской ярмарки этого года у Прохоровых «товару в амбаре совсем не было, весь из-под

рук шел». Однако далеко не все российские мануфактуристы, владевшие отсталыми, типа Прохоровской, фабриками, встретили эту высокую конъюнктуру во всеоружии. Некоторых из них кризис либо совсем «прикончил», разорил, либо настолько сильно расшиб, что оправились они только в начале 70-х годов.

Не так бы скоро поднялись и Прохоровы, стоявшие в 1865 г. накануне полного краха, если бы не одна странная случайность, а именно явно благожелательное вмешательство в дела их фирмы «божественного промысла». Вмешательство сие на этот раз произошло в форме «постигшего их пожарного случая» — выражаясь изящным языком Константина Васильевича Прохорова.

В ночь с 28 на 29 января 1866 г. огонь уничтожил все печатное отделение фабрики с товарами и машинами.

Подлинные причины пожара так и остались невыясненными, да и выяснять их было некому — разве только страховому обществу, уплатившему Прохоровым соответствующую сумму. Известно только, что там, где начался пожар, «никакого опасения от огня не имели,— все это строение нагревалось парами и в этот (накануне пожара. — П. П.) вечер с огнем не работали». Сам Константин Васильевич находил этот факт «удивительным». Известно также, что при начале пожара ни поблизости сгоревших корпусов, ни в них самих никого не было: «при окончании работы, около сумерек, народ спешил в церковь» для созерцания бракосочетания сына какого-то из прохоровских приказчиков. Итак очевидцев пожара не было. Впрочем в одном из своих писем К. В. упоминает какого-то «самовидца», показания которого о том, что огонь впервые появился около набивной машины, натолкнули его на мысль, что источником пожара была недокуренная сигара или папироса, небрежно брошенная на протянутое на цилиндре бумажное полотно кем-нибудь из спешащих на вышеупомянутое зрелище.

Развивая эту гипотезу происхождения пожара, Прохоров даже припомнил, как лет за 20 перед тем верх того же злополучного корпуса горел от сигары.

«Какое зло,— с горестным глубокомыслием заканчивал свое повествование о пожаре Константин Васильевич, — производит в нашем отечестве курение вообще табака!».

Где был прохоровский «самовидец» и почему он своевременно не забил тревоги и тем не спас хозяйского добра — неизвестно. Впрочем едва ли были приняты все меры к спасению. Корпуса были древни и ветхи, а оборудование их устарело и изношено. Страховая премия повидимому превышала ценность погибшего в огне. Соседние же за-

страхованные строения, дрова и торф огонь пощадил, «хотя на все и валились с пламенем чурки». В этом-то счастливом для Прохоровых выборе огненной стихией объекта уничтожения и сказалось вмешательство божественного промысла.

«При пожаре, — повествует Константин Васильевич, — вот что было удивительно: застрахованные два корпуса сгорели, а все незастрахованное... осталось несгоревшим». В обстоятельстве этом Прохоров усматривал столь недвусмысленное, поразительной силы доказательство существования божества, что, по его мнению, «даже самого неверующего нигилиста это (созерцание пожара на Трех Горах. — П. П.) привело бы к истинному уверованию в промысл всемогущего бога».

Но все это — скучная демагогия купца-проповедника, к которой ханжеобразный Константин Васильевич питал непреодолимое влечение, достигнув здесь таких высоких степеней, до которых не поднимался никто из рода Прохоровых ни до, ни после него, хотя род этот с полным основанием занимал почетное место в ряде российских ханжей. Значительно интереснее несколько фраз, оброненных Прохоровым в том же письме, из которого заимствованы вышеприведенные данные о пожаре. «От этого пожара особенных убытков мы не полагаем иметь, — пишет Константин Васильевич, — по случаю застрахования, потеря во времени на несколько месяцев; только остановилась ситцевая, машинная фабрикация, а для работы платков и ручных ситцев остановки никакой не последовало».

В 1866 г. ручная набойная была уже в полном ходу. Возобновление же машинной набойки на Трех Горах относится повидимому к поздней осени 1866 г. или даже к началу 1867 г. Но Прохоровы не желали упускать благоприятной конъюнктуры. Они покупали миткаль, отдавали его под машинную набивку соседу, затем, продавая ситцы, снимали в свою пользу торговую прибыль. «После бывшего у нас пожара, — писал Прохоров 10 сентября 1866 г., — дела наши понемногу начали итти; ситцы в цилиндрах печатаем у соседа и за это порядочно поплатимся». Естественно, что такое положение вещей не нравилось Прохоровым, да и просуществовало оно недолго. Получив страховую премию и закупив новое оборудование, они уже к весне 1867 г. возобновили машинное печатание. Дела пошли бойко. Быстрое развертывание производства сдерживалось только устарелостью и изношенностью сохранившейся после пожара части фабрики. Особенно сдерживала размах производства красильня.

Все оборудование «Прохоровки» за исключением зданий оценивалось к пасхе 1867 г. только в 109 150 руб. Все ее

энергетическое хозяйство сводилось к шести паровым машинам общей мощностью не свыше 79 сил, причем название машин заслуживали разве только две из них, одна в 50, другая в 12 сил, да и те были не первой молодости. Словом, технический базис мануфактуры в 1867 г. был далеко не блестящ. И будь вся фабрика застрахована до пожара 1866 г., едва ли Прохоровы были бы разорены, если бы огонь уничтожил ее начисто.

Итак пожар и благоприятная конъюнктура извлекли фабрику из небытия. Сколотив в начале нового подъема средства, Прохоровы энергично принялись за обновление оборудования. За период времени с 1867 по 1873 г. его было приобретено свыше чем на 300 тыс. руб., в том числе: 12 паровых машин, 2 паровых котла, 4 сушильных машины, 1 красильная, 7 промывных машин, 2 стригальных, 2 галандры, 8 или 9 набивных машин, ширительная машина, 3 железных запарных и одна хлоровая машина. В этом списке обращает на себя внимание приобретение железных запарных и набивной платочной машины.

Приобретение трех железных запарных свидетельствует о полном переходе фабрики от заварного к запарному способу закрепления краски на ткани, что означало крупный шаг вперед, так как в дореформенную эпоху этот способ применялся на Трехгорной мануфактуре в ничтожных размерах.

Чрезвычайно крупным шагом по пути технического совершенствования производства было приобретение хлоровой машины. Оно знаменовало для «Прохоровки» переход от примитивного, столь же древнего, как и самое производство тканей, беления тканей на лугу при помощи солнечного света к искусственному белению. Это последнее во много раз ускоряло процесс отбелки и значительно удешевляло его. На Западе этот способ, лабораторно примененный впервые вскоре после открытия хлора (1774 г.) французским химиком Бертоле (1784 г.) и упрощенный англичанином Тенаном (1799 г.), вскоре вышел из стадии лабораторных опытов и уже во второй четверти XIX столетия широко применялся на крупнейших фабриках. В русскую фабричную практику он проник повидимому не ранее начала 60-х годов [1]. Достойно внимания и применение ширительной машины. В России на эту машину в 1866 г. получил привилегию Циндель [2].

Характерным моментом было появление на Трехгорной мануфактуре в 1872/73 г. набивной платочной машины. Возможно, что машинная набивка платков началась и ранее, так как в 1868 г. Прохоровы уже приобрели 36 платоч-

[1] Технический сборник за 1865 г., стр. 232.
[2] Технический сборник за 1866 г., стр. 541.

ных валов. Это было началом конца ручного производства платков, шалей и т. п. Впрочем здесь роль новаторов для России принадлежит не Прохоровым, а Гучковым и Майкову, получившим в 1858 г. привилегию на 6 лет на такую машину. По мере развития машинной набойки изделий господствовавший в этой области ручной труд начинает вымирать.

Таким образом за время промышленного подъема (1867—1873 гг.) Трехгорная мануфактура прочно стала на ноги и в коммерческом и, что важнее всего, в техническом отношении, значительно приблизившись в этой последней области к передовым капиталистическим фабрикам Московского района — мануфактурам Гюбнера и Цинделя. Положение мануфактуры была настолько прочно, что даже кризис 1873—1875 гг. она пережила легко. Правда, последствия кризиса в конце концов сказались и на ней понижением продукции: в 1876/77 г. было выработано всего 369 741 кусок, следующий год принес новое снижение — 360 274 куска. Но, во-первых, снижение это незначительно, во-вторых, оно было кратковременным и для 1877/78 г.— случайным. В этом году Прохоровых снова «посетил господь».

За рассматриваемый период и в составе владельцев мануфактуры и в самой организации владения произошли некоторые знаменательные перемены, как нельзя более ярко подчеркнувшие характер нового времени и его влияние на увядание и крушение домостроевских основ прохоровского бытия.

Еще в декабре 1866 г., по внешности, все шло традиционным порядком, установленным за полстолетия перед тем самим Василием Ивановичем. В семье Прохоровых царили, казалось бы, самые патриархально - идиллические отношения. Иван Яковлевич управлял всем, Алексей Яковлевич «производил» торговлю, Константин Константинович ведал технической частью, а старший представитель рода Константин Васильевич наблюдал за всем и всеми. Так было в декабре 1866 г. А через год многое изменилось.

Началось с того, что в середине января 1867 г. Константин Васильевич «помолвил за сына Константина невесту, московского фабриканта Герасима Ивановича Хлудова дочку — Параскеву».

Иван Яковлевич насторожился. У Хлудова были свои предприятия, и, выдавая дочь за Константина Прохорова — хотя и молодого, но не лишенного некоторых технических познаний фабриканта, он мог кроме всего прочего иметь на него и «особые виды». 10 февраля 1867 г. отпразднова-

Общий вид Трехгорной ману

ли свадьбу, и молодая чета в подражание людям «благородного звания» отправилась в свадебную поездку в Париж. Впрочем в Париже в противовес обычаям аристократии молодой Прохоров долго не задержался и скоро перекочевал в Манчестер.

Участие Константина Прохорова в делах хлудовских фабрик, а затем и окончательный уход его на Норскую мануфактуру,— что противоречило семейным традициям и фирменному уставу,— было использовано Иваном Яковлевичем для того, чтобы вышибить престарелого Константина Васильевича из совладельцев Трехгорной мануфактуры. Его терпели только как отца молодого фабриканта в надежде использовать технический опыт последнего. Теперь ему предоставляли отдохнуть «от житейских забот».

Окончательный раздел был произведен на основе весеннего баланса 1867 г., когда чистый капитал фирмы достигал 222 тыс. руб. Константин Васильевич получил «в полное и безотчетное свое распоряжение торфяное болото», арендуемое им до раздела у княгини Вяземской, и 150 000 руб. серебром. Словом, с ним произошло то же самое, что некогда случилось при его горячем участии с его старшим братом Тимофеем.

Лишившись влияния и почета, которым он пользовался за Пресненской заставой в течение почти полувека, старый Прохоров «затосковал» и съехал с Трех Гор к сыну на Таганку. 29 ноября 1867 г. он под предлогом болезней и старческих немощей просил освободить его от обязанностей члена отделений Московского мануфактурного и коммерческого советов. Как практически далеко не глупый человек, он понимал весь комизм своего положения: ману-

фактуры 80-х годов XIX века

фактурный советник, устраненный от каких бы то ни было мануфактурных дел!

Огорченный Константин Васильевич собрался даже умирать, о чем письменно и известил своих многочисленных корреспондентов из духовенства и купечества. Однако прожил он еще почти 18 лет, в течение коих совершал немало героических деяний, к которым мы еще вернемся.

70-е годы известны в истории русской промышленности массовым образованием акционерных компаний. Разделавшись со старшим поколением, Иван Яковлевич решил придать своему владению модный и современный вид. Весной 1874 г. фабрика бр. Прохоровых была преобразована в товарищество Прохоровской трехгорной мануфактуры на паях с основным капиталом в 1½ млн. руб. Но — и это в те времена не было исключительным явлением — за новой вывеской скрывалось в сущности старое содержание. Упомянутый полутoрамиллионный основной капитал составлялся из следующих взносов: братья Прохоровы — Иван и Алексей Яковлевичи — внесли по 650 491 руб., Анна Александровна Прохорова — жена Ивана Яковлевича — 150 000 руб., Р. Келлер — прохоровский бухгалтер — 40 000 руб. и Васильев Н. В. — прохоровский управляющий — 9 000 руб.

Из этого видно, что «товарищество» было не более как личиной, под которой попрежнему орудовали потомки основателя фирмы, которым принадлежало не менее 86%, а ежели учитывать и супругу Ивана Яковлевича — 96% всех паев. В 1876 г., как только сыновья старшего Прохорова — Сергей и Николай — вышли из отроческого возраста, для развития в них духа стяжания и на них было переведено по 35 паев. В 1882 г. Келлер вышел из числа пайщиков.

По смерти обоих старших Прохоровых, уже в 1884 и в

1888 гг. все 500 паев «товарищества» были распределены следующим образом: Сергей и Николай Ивановичи Прохоровы получили по 179 паев каждый, мать их — 56 паев, Васильев — 5 паев. Остальные 81 пай принадлежали повидимому трем дочерям покойного Ивана Яковлевича и их мужьям.

Таким образом и в конце XIX века дело реально оставалось в руках прохоровской семьи, если не считать Васильева. Но какое влияние на дела мануфактуры мог иметь он со своими пятью паями? Да и «не посмел» бы он посягать на волю «благодетелей», у которых прослужил десятки лет.

Вот этот-то фиктивный характер «товарищества» лишний раз подчеркивает консервативную природу Прохоровых как дельцов.

* * *

В 70-х годах истекшего столетия мировая текстильная промышленность пережила один из крупнейших за все время своего существования переворотов, экономические последствия которого в некотором отношении быть может не уступают тому, что повлекли за собой великие изобретения конца XVIII и первой половины XIX веков.

На этот раз переворот пришел не из механических мастерских, а из химических лабораторий в виде синтетических красителей — анилина и ализарина. Применение этих красителей в фабричном производстве, равно как и фабричное производство их самих в свою очередь дали мощный толчок машино-и аппаратостроению.

Начало этому перевороту было положено анилином, который даже в России уже в 60-х годах проникает из лабораторий в производство. Однако анилин был только началом. Настоящий, смертельный удар марене и приготовлявшимся из нее крапу и гарансину нанес синтетический ализарин.

Значение изобретения ализарина не трудно оценить уже по одному тому, что он удешевил производство примерно на 50%. Полученный в лабораториях в 1869 г. синтетический ализарин к концу 70-х годов уже широко и прочно вошел в фабричную практику. Культура красильной марены, под которой были заняты значительные земельные площади в Европе, Египте, в Индии, Леванте, даже в Крыму, на Кавказе и в Самарканде, стала быстро сокращаться, и к концу XIX века марена уже играла ничтожную роль в ряду красителей.

Русская текстильная промышленность почти одновременно с европейской перешла на искусственные краски. Вначале конечно их освоили наиболее передовые предприятия. Затем капиталистическая конкуренция вынудила и осталь-

ных владельцев ситценабивных и красильных фабрик перейти к ним, буде они не хотели уходить с поля отечественной промышленности.

Естественно, что и «Прохоровка» поспешила ухватиться за новое изобретение. Наученные горьким опытом Прохоровы понимали, что попытка бороться с анилином и ализарином, опираясь на марену и индиго, кончится так же плачевно, как и борьба с ситцепечатной машиной при помощи ручных набойщиков с их «манерами». В 70-е и первой половине 80-х годов Трехгорная мануфактура осваивает синтетические красители. Освоение это повлекло за собой крушение еще одного устоя старой «Прохоровки», но об этом ниже.

В связи с освоением новых красителей на фабрике стоит появление на ней новых усовершенствованных английских машин и аппаратов, по сравнению с которыми оборудование, введенное в эксплоатацию в начале 70-х годов, в конце их представлялось уже устаревшим. Потребность в его обновлении ощущалась остро, но это требовало денег, а деньги в конце 70-х годов были дороги. Не забудем, что это был период высокой конъюнктуры. В таких условиях свободного капитала нет, все наличные средства пускаются в ход, ибо каждый пущенный в оборот рубль возвращается с изрядным «приращением». И вот тогда-то Прохоровых уже во второй раз со времени реформы «посетил господь».

В ночь с 22 на 23 декабря 1877 г. все фабричные здания Трехгорной мануфактуры, расположенные на берегу реки Москвы, со всеми находившимися в них машинами и товарами сгорели до тла. Уцелело только граверное да некоторые другие, второстепенные отделения.

Пожар начался вечером; в 8-м часу для ликвидации огня были вызваны пожарные команды многих частей города, работавшие, как видно, не особенно успешно. На утро 23 декабря то место, где за день перед пожаром кипела «трудовая жизнь» под недремным оком Прохоровых, представляло собой жалкое зрелище — груду полуразвалившихся корпусов с исковерканными машинами.

«Иван Яковлевич был в отчаянии», повествует автор семейной хроники Прохоровых[1]. Впрочем в этом опасном и недеятельном состоянии Прохоров пребывал недолго, да и причин к тому особенных не было. «Убыток от пожара, — сообщали «Русские ведомости», — громадный: по приблизительному исчислению он показан в миллион рублей». Сумма почтенная, но, во-первых, «показана» она «по приблизительному исчислению», а, во-вторых, — и это сильно вли-

---

[1] «Материалы к истории Прохоровской трехгорной м-ры, 1799—1915 гг.»; П. Н. Терентьев, стр. 243.

яло на глубину и длительность «отчаяния» Ивана Яковлевича, — «фабрика, товары и машины застрахованы были в пяти страховых обществах почти в два миллиона рублей».

«Причина пожара, — заканчивает та же газета, — не обнаружена». Кстати сказать, «необнаруженность причин» «пожарных случаев» не была фамильным преимуществом Прохоровых. Этой стереотипной фразой заканчивались столь многие газетные сообщения о пожарах на предприятиях, что по временам некоторые искательные люди даже в печати решались высказывать нескромные предположения о сем предмете[1]. Что же касается пожара 22 декабря, то и о нем на Трех Горах ходили тогда какие-то, не совсем удобные для хозяина слухи, дожившие до наших дней.

Во всяком случае утром 23 декабря 1877 г. Иван Яковлевич стал обладателем той суммы, в которую сгоревшее было застраховано. Но фабрики не было, а конъюнктура была благоприятна как никогда до того. Война 1877/78 г. за «освобождение братьев славян», не принося конечно никому никакого освобождения, временно внесла необычайное оживление в промышленное развитие страны и прежде всего в торговлю. «Как дальновидный и опытный промышленный деятель, — говорит автор «Материалов», — Прохоров «во что бы то ни стало решил не прерывать дела до постройки новых фабричных корпусов и оборудования фабрики из опасения потерять покупателей и заказчиков».

Точно в предвидении пожара еще в марте 1877 г. Прохоровы купили соседнюю с ними ситценабивную и красильную фабрику Балашовой. Собственно фабричка эта была древней и приобреталась ради округления земельных участков, но теперь ее ветхие здания и плохое оборудование на время пригодились. Однако это было все-таки мелочью, и Прохоровы приобретают «за хорошую цену» фабрику у Коншина в Серпухове.

Насколько быстро Иван Яковлевич справился с «отчаянием», свидетельствует тот факт, что в начале января 1878 г. Серпуховская фабрика была уже куплена и часть рабочих, немедленно же рассчитанных после пожара, была вновь принята и переброшена в Серпухов. По своим размерам новая фабрика была вдвое меньше сгоревшей, а в техническом отношении очень далека от совершенства. Произведя наскоро кое-какие дополнения в оборудовании, Прохоровы уже в марте пустили Серпуховскую фабрику на полный ход. В это-то время эксплоататорская натура Ивана Яковлевича и развернулась во всю ширь. На Трех Горах он спешно возводит новую мощную мануфактуру, где по мере окончания ее отдельных частей концентрируется некото-

[1] «Русские ведомости», № 324 за 1877 г. и «Статистика пожаров в Москве за 1870—1879 гг.», изд. Моск. гор. думы, 1882 г., стр. 137.

рые процессы обработки тканей, а в Серпухове организует необычайную даже для тогдашнего времени эксплоатацию.

О размерах этой последней говорит производственный эффект Серпуховской фабрики. Рассчитанная на максимальную производительность в 800—1 000 кусков в день, она в руках Прохорова вскоре же стала давать 2 000, затем 2 500 кусков в день, «а иногда и много более»,— с эпическим спокойствием сообщает автор «Материалов». Такой эффект обусловливался не только круглосуточной работой, но и постоянным личным надзором Прохорова, «глубоко полюбившего свою новую фабрику»[1]. Влияние этой «любви» на рабочих легко себе представить уже по одному тому, что даже и себя в безудержном стремлении к стяжанию Иван Яковлевич повидимому преждевременно загнал в гроб. В октябре 1881 г. он внезапно умер в том же Серпухове, не в пример предкам, всего на 45-м году жизни. В сохранившейся от пожара части фабрики на Трех Горах в эти годы также производились «усиленные работы».

Получив страховку и ссуду в Обществе взаимного кредита, Прохоровы, как уже отмечалось выше, сейчас же принялись за постройку новой фабрики. К 1879 г. отбельное отделение было уже готово, и в следующем году оно выпустило свыше полумиллиона кусков товара. В конце ноября 1881 г. все отделения новой фабрики были уже в ходу, а 1 марта 1882 г. Серпуховское отделение ликвидировали. Наиболее ценное из его оборудования начали перебрасывать в Москву еще с июля 1881 г.

Пожар и высокая конъюнктура, как и в 60-е годы, снова выдвинули Трехгорную мануфактуру в ряд крупнейших хлопчатобумажных предприятий России. Новая фабрика превосходила старую не только размерами производства, но и технически. К 1882 г. ее оборудование за исключением тех частей, которые уцелели от пожара и подверглись уже износу в Серпухове, состояло из усовершенствованных заграничных машин. За четырехлетие—1878/79—1881/82 гг.— в эксплоатацию было введено новых машин на 345 тыс. руб., а включая и медные валы (92 тыс. руб.) — на 437 тыс. руб. Основной капитал (машины здания) за это время вырос с 612 тыс. руб. до 1 700 000 руб., т. е. немногим менее чем в три раза.

Временное и относительное техническое превосходство мануфактуры сказалось и в производительности труда на ней. В 1879 г. на одного рабочего ситценабивных фабрик в среднем приходилось в кусках[2] (см. диаграмму на стр. 142).

---

[1] «Материалы к истории Прохор. трехгорн. мануфактуры», стр. 147.
[2] Цитированный выше том VI «Записок Имп. русского географ. о-ва», стр. 298—299.

Средняя выработка ситценабивных фабрик на одного рабочего в 1879 г. (в кусках)

Таким образом, отставая намного от фабрик Петербургского района, Трехгорная мануфактура после реконструкции сделала настолько крупный шаг вперед, что обогнала не только московские и общероссийские средние нормы, но и превзошла даже такую передовую московскую фабрику, как мануфактура Циндeля. Свою собственную норму 1866 г. она превзошла почти в четыре раза.

Но несомненное для 1879 г. техническое превосходство Трехгорной мануфактуры над фабрикой Цинделя было повидимому очень кратковременно. Не все ситценабивные фабриканты горели в конце 70-х годов, и потому не всем удалось получить тогда капитал, необходимый на реконструкцию, в виде страховой премии. Однако на грани 70-х и 80-х годов повидимому и Цинделъская фабрика пережила более или менее существенную реконструкцию, которая к лету 1882 г. снова выдвинула ее на положение технически самой совершенной ситценабивной мануфактуры в Москве.

Как известно, на подавляющем большинстве ситценабивных фабрик той эпохи не было центральной двигательной системы. На Трехгорной мануфактуре, как и на других аналогичных предприятиях, к каждой крупной машине ставился особый паровой двигатель. Это было не особенно рациональное устройство, но в силу целого ряда причин такая система в большинстве случаев просуществовала до середины 90-х годов.

По данным за 1879 г.[1] общая мощность паровых машин у Цинделя составляла 312 сил, а на Трехгорной мануфактуре — только 200. Составитель «Указателя» учитывал пови-

[1] Указатель фабрик и заводов Европ. России, сост. Орлов, 1881 г., стр. 73—80.

димому только то, что было у Прохоровых в Москве, не считая двигателей на Серпуховской фабрике, а вместе с ними в 1879 г. «Прохоровка» едва ли уступала фабрике Цинделя, а может быть и превосходила ее по силовым установкам. Однако также несомненно и то, что в начале 80-х годов Циндель в отношении общей мощности машин оставил «Прохоровку» далеко позади себя. В это время общая мощность машин у Цинделя достигает 1 200 сил, тогда как на Трехгорной мануфактуре она составит едва ли больше 400, принимая во внимание и покупки с 1879 г. и переброшенные из Серпухова паровые машины. Самая мощная машина на «Трехгорке» не превышала 50 сил по данным «Указателя» выставки 1882 г. Сколько таких машин было на мануфактуре — неизвестно. Может быть машин этой мощности вообще не было в то время у Прохоровых. Во всяком случае исследователю — М. К. Рожковой, работавшей над фабричным архивом, не встречались для этих лет машины более чем в 25 сил. Давая сведения, Прохоровы могли из патриотизма и приврать, что, как мы увидим ниже, широко практиковалось многими экспонентами на выставке 1882 г. и даже одобрялось начальством.

Впрочем, поскольку центральной двигательной системы не было и у Цинделя, самый факт отсутствия на «Прохоровке» мощных машин не может являться признаком отсталости. Вопрос решает общая мощность, и здесь превосходство Цинделя в 80-х годах уже констатировано. А так как при значительном превосходстве силовых установок Цинделя Трехгорная мануфактура и в 80-х годах превосходит его по размерам производства, то это значит, что Циндель шел намного впереди Прохоровых в механизации производства.

Косвенно о том же свидетельствует и протокол экспертной комиссии Всероссийской художественно-промышленной выставки в Москве. Признав «наивысшее достоинство» за обыкновенными ситцами обеих фабрик, эксперты несколько по-разному мотивировали присуждение им одной и той же награды [1].

Трехгорной мануфактуре: «За отличного качества ситцы обыкновенные при большом разнообразии их рисунков, чистоте красок, отчетливости печатания, за производство саксонских ситцев, платков, одеял высокого качества, а также за печатный полубархат, соответствующий саксонскому ситцу, за отличное качество двукубового, расцвеченного ситца. При обширном производстве фабрика эта замечательна не только разнообразием печатаемых тканей, но и

---

[1] «Отчет о всероссийской художественно-промышленной выставке 1882 г.», т. III, стр. 38.

Платочный рисунок ручной набивки (так называемый немецкий)

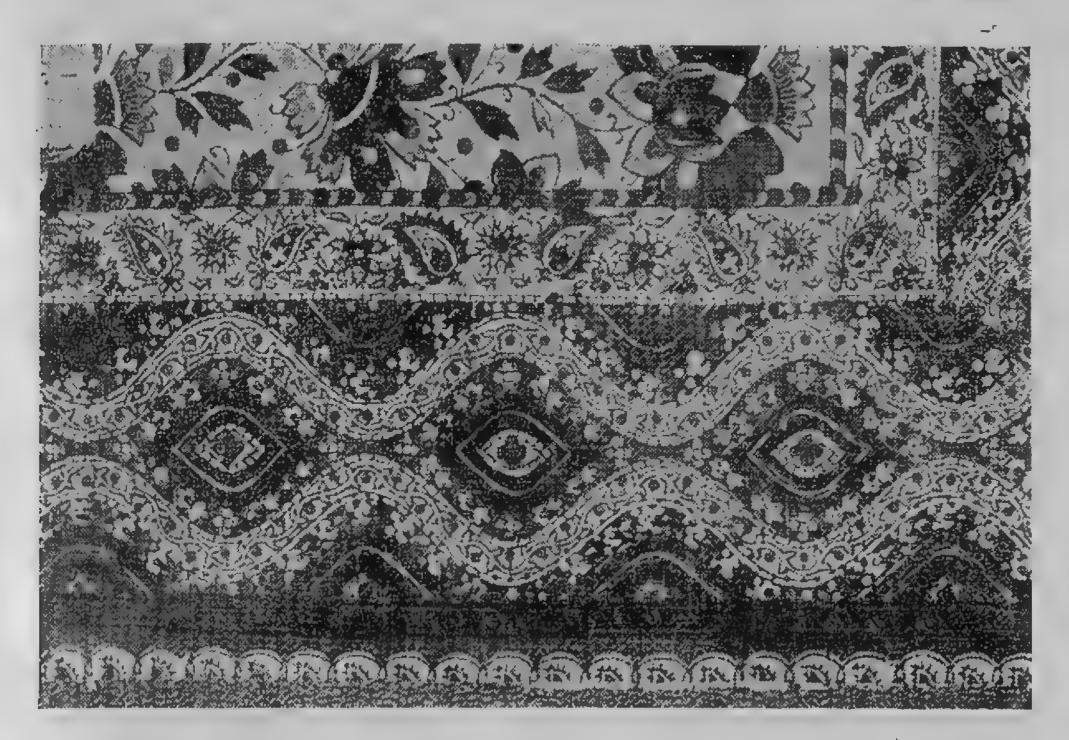
обширностью своего производства, простирающегося до 7 000 000 руб. в год».

Фабрике Э. Цинделя: «За оригинальность, изящество и разнообразие рисунков, за замечательную отчетливость печатания и отделки, за чистоту колеров при весьма значительном числе их, печатаемом одновременно, особенно на мебельных ситцах, за отличное исполнение кубового с расцветкой ситца, за бистр, за декосы, бордо, кординаль и вообще за плюсованные ткани. Произведения этой фабрики, постоянно улучшающиеся применением всех новейших приемов окраски в узор и новейших красильных веществ, составляли и составляют предмет подражания для многих из наших ситцевых фабрикантов».

Полагать, что подчеркивание технической прогрессивности Цинделя и умолчание об этом прогрессе у Прохоровых случайно, едва ли возможно. Акцепт на техническую прогрессивность эксперты по хлопчатобумажному отделу сделали только в отзывах о трех-четырех фирмах, и это как раз те фирмы, которые широко известны в качестве наиболее передовых[1].

Вырвавшись временно благодаря особенному стечению обстоятельств на первое место в Москве, Трехгорная мануфактура скоро отступила на свою обычную позицию крупнейшей в России по размерам производства ситценабив-

[1] «Отчет о всероссийской художественно-промышленной выставке 1882 г.», т. III, стр. 34—37.

Персидский рисунок для покрывал ручной набивки

ной фабрики и только несколько выше средней по уровню техники. И позже, по временам, в отдельных процессах производства она забегает вперед, но в целом сохраняет сказанный характер до своего конца в качестве «Прохоровки», т. е. до Октября 1917 г.

В отзыве экспертов любопытна похвала прохоровскому печатному полубархату. В действительности печатный полубархат в массовых размерах на Трехгорной мануфактуре тогда не производился, и представленный на выставке кусок (изготовленный специально для выставочных целей) был единственным. Чтобы придать этому фабрикату видимость массового производства, Прохоровы не постеснялись даже назвать его цену: «от 50 до 75 копеек за аршин», тогда как очевидно, что каждый аршин единственно существовавшего куска должен был стоить одинаково. Как уже отмечалось выше, на такие невинные проделки шли не только Прохоровы.

Так главный редактор выставочного отчета, академик Безобразов, обозревая общее состояние отечественной промышленности в свете выставочных данных, прямо констатировал, что выставленные экспонаты — это в большинстве случаев специально изготовленные вещи, рисующие предельные возможности.

Желающих видеть образцы массовой продукции Безобразов приглашал заглянуть на Нижегородскую ярмарку или в Московский гостиный двор.

«...Но,— продолжает тот же автор,— для нашего самопознания... было нужно взглянуть и на наилучшие наши возможности, узнать и наивысшие пределы нашей промышленной силы, чтобы их светлою картиною... освежить и ободрить унылый и поникший было дух общества» [1].

К великому сожалению Безобразовых воспрянувший было за время выставки «дух общества» очень скоро снова сменился унынием под влиянием глубокой депрессии 80-х годов. Но прежде чем перейти к влиянию этой последней на Трехгорную мануфактуру, приведем некоторые данные, рисующие ее деятельность в годы подъема.

Выработка материй в кусках изменялась на Трехгорной мануфактуре следующим образом:

Годы	Выработано всего	В том числе машинным способом	%	В том числе ручным способом	%
1874/75	423 241	392 396	92,71	30 845	7,29
1876/77	369 741	350 545	94,81	19 196	5,19
1878/79	500 238	471 340	94,22	28 898	5,78
1879/80	630 169	595 956	94,57	34 213	5,43
1880/81	688 073	654 664	95,14	33 409	4,86
1881/82	864 704	831 599	96,17	33 105	3,83

Итак, во-первых, за 6 лет производство мануфактуры возросло более чем в два раза. Во-вторых, «любовь» Ивана Яковлевича к Серпуховской фабрике была действительно столь велика, что в 1878/79 г. он выбил из нее почти полмиллиона кусков, превзойдя самые высокие нормы более крупной Трехгорной мануфактуры, как эти нормы определились до пожара 1877 г. В-третьих, эти данные свидетельствуют о том, что в год завершения постройки новой фабрики на Трех Горах производство сделало такой крупный скачок вперед, каких оно не знало до пожара, и наконец, в-четвертых, данные довольно четко выражают неуклонное падение ручной выработки. Некоторый ничтожный подъем ее в самом конце 70-х годов объясняется вышеупомянутыми «усиленными работами» ручных набойщиков на Трех Горах.

Любопытен и еще один момент. Тогда как за трехлетие 1876—1879 гг. производство ситценабивных и красильных предприятий по всей России возросло в среднем только на 17,3%, производство Трехгорной мануфактуры возросло за

[1] «Отчет о всероссийской художественно-промышленной выставке 1882 г.», т. VI, стр. 12—13.

тот же период на 35% — лишний штрих к марксову положению о более быстром росте крупных машинных предприятий, блестяще доказанному Лениным для России в его знаменитой работе.

Но особенно характерно для Трехгорной мануфактуры изучаемого периода быстрое падение ручного труда даже в тех областях, где он держался наиболее упорно. Нижеследующая таблица иллюстрирует это:

Ручная набойка в процентах

Годы	Материи	Платки
1878/79	3,89	7,11
1879/80	3,63	9,18
1880/81	3,39	5,89
1881/82	2,70	7,56

При неуклонном падении ручной набойки материй ручная набойка платков испытывает некоторые весьма незначительные колебания, причины которых выше уже объяснены. Но одно несомненно: ручная набойка платков к началу 80-х годов в сущности уже убита, роль ее ничтожна.

Постепенно вымирало на Трехгорной мануфактуре и производство тех изделий, опиравшихся исключительно на ручной труд, которые когда-то, во время расцвета таланта Марыгина, создали европейскую славу «Прохоровке». Шалей и покрывал в 1878/79 г. было произведено 104 618 штук, в 1879/80 — 113 934 штуки, в 1780/81г.— 112 501 и в 1881/82 г. — 90 856 штук.

Что касается так называемых «шлафоров», то производство их прекратилось в 1881/82 г., в котором в последний раз их было сделано всего 36 штук. Ситцевые шлафоры сходили со сцены почти одновременно с их потребителем.

Вымирала и ручная ткацкая. В 1881/82 г. она выработала только 13 145 кусков, что по отношению к ситценабивной составляет всего 1,52%.

В 1881/82 г. мануфактура вообще достигла кульминационного пункта развития за все предшествовавшие 80 лет своего существования. К этому времени она стала настоящей крупной машинной фабрикой, в которой в производственном отношении черты мануфактуры уж очень сильно поблекли и почти совсем стерлись.

* * *

Но всему бывает конец. В 80-х годах Европа вступила в полосу длительной и глубокой экономической депрессии, неизбежно втянув в нее и Россию. И здесь «процветание», временно стимулированное восточной войной и железнодорожным строительством, должно было смениться — это за-

кон капиталистического развития — и действительно сменилось к началу 1881 г. депрессией. С наибольшей силой она сказалась на металлургии и хлопчатобумажной промышленности. Эта последняя впрочем была втянута в депрессию несколько позже металлургии, в начале 1882 г.

Надежды апологетов российского капитализма на то, что процветанию, начавшемуся в 1877 г., не будет конца,— рушились. В печати появились сведения о том, что во многих местах предприятия начали значительно сокращать производство и даже совсем закрываться.

На улицах промышленных центров страны и прежде всего столиц все чаще и чаще стала встречаться «зловредная шушура», «люди праздношатающиеся, проживающие без всякого дела и занятий», словом — безработные. Точно в опровержение либерально-народнических теорий в деревню многие из них не уходили, повидимому давно уже порвав хозяйственные связи с ней.

Когда сытый обыватель ощущал на себе голодный и мрачный взгляд первого встречного из таких—«праздношатающихся»,— он торопел. Ему, как и Константину Васильевичу Прохорову в 60-х годах, начинали мерещиться парижские блузники и русские террористы. Обыватель начинал смутно догадываться, что безработица нечто, во-первых, уже не случайное в русской жизни, а, во-вторых, пожалуй и не безопасное.

Еще вчера кричавший «ура» отечественному капитализму за обильно уставленным яствами и питием столом какого-нибудь «именитого» фабриканта, обыватель присмирел и впал в легкое уныние. А если он к тому же был и «литератором», то даже печатно оповещал о своем унынии: «Мы, мол, предсказывали... мы давно обращали внимание всего русского образованного общества на то, что нашему горячо любимому отечеству угрожает опасность со стороны непомерно и искусственно развившейся у нас за последнее время за счет народного труда мануфактурной промышленности и т. д.». Словом, социальные идеалы широких кругов обывателей следовали за конъюнктурой.

Но в начале 80-х годов, как уже сказано, и экономическая и политическая конъюнктура была плоха, а потому значительные круги «общества» усвоили себе к российскому промышленному капиталу критическое и даже насмешливое отношение.

Художественно-промышленная выставка 1882 г., устроенная между прочим и для «поднятия духа доверия к силам отечественной промышленности», на время рассеяла уныние, но только на время. В середине 80-х годов оно вновь возродилось, захватив немалую часть и предпринимателей. Последние конечно нисколько не сомневались в законности

своего существования в пределах Российской империи и «унывали» просто по причине «плохих дел».

Однако «уныние» это было не из пассивных. Русские фабриканты развили очень энергичное давление — само собой разумеется в плаксиво-верноподданнической форме — на правительство и добились от него создания такой высокой таможенной стены, через которую на русский рынок с трудом пробирались даже Англия и Германия. Кстати сказать, никакого серьезного сопротивления и в этом своем стремлении русская промышленная буржуазия со стороны самодержавия и не встретила. Фритредеры и на русском троне и в русском правительстве к тому времени перевелись уж давно. В середине 80-х годов XIX столетия во всем мире происходит знаменательный поворот к системе так называемой «национальной экономической политики», тесно связанной с колониальной экспансией. В те годы и в России эту систему исповедывали не только Прохоровы, Морозовы, Путиловы, сердцу которых она была любезна по самой их социальной природе, с испокон веков, но и сам царь, министерство финансов и обширный литературный лагерь М. Н. Каткова [1].

Текстильные фабриканты Центрального и Петербургского районов добились даже кое-какой помощи со стороны правительства и в борьбе с польской конкуренцией. Опираясь на правительственную поддержку, они расширили свою торговлю и в Средней Азии, и в Пруссии, и в Закавказье и на Дальнем Востоке. В этом всеобщем движении на Восток приняли участие и Прохоровы, основавшие в 1889 г. собственную торговую базу в Баку, откуда часть товаров отправляли за Каспий.

Влияние депрессии на Трехгорную мануфактуру можно проследить по следующим данным (см. диаграмму на стр. 150).

Из этих данных видно, что в годы депрессии производство фабрики не только не возрастает, но, наоборот, в отдельные, наиболее острые моменты (1884/85 г.) даже падает более чем на 20% по сравнению с началом десятилетия. Характерна также колеблющаяся кривая ручной выработки. Эти колебания выступят еще рельефнее, если разделить всю ручную выработку по сортам (см. таблицу на стр. 150).

При продолжающемся неуклонном падении ручной набойки материи, при общей тенденции к уменьшению выработки шалей и покрывал ручная выработка платков испытывает за годы депрессии значительные колебания, достигая в наиболее острые для нее моменты почти 17—20%.

---

[1] См. например «Русский вестник» за 1882 г., т. III, 1885 г., т. III, 1886 г., т. VI, 1887 г., т. IV.

Выработка ситцевой фабрики (в кусках)

1881/82 — 864704
1882/83 — 803703
1883/84 — 879378
1884/85 — 673356
1885/86 — 757521
1886/87 — 775485
1887/88 — 717941
1888/89 — 766698
1889/90 — 811226

машинным способом
ручным способом

Движение основного капитала и затраты на оборудование в 80-е годы в свою очередь свидетельствуют о крупной заминке в делах. Так с 1882 по 1888 г. не было построено ни одного нового корпуса, и никаких пристроек или исправле-

Годы	Ручная набойка материй в %	Ручная набойка платков в %	Производство шалей и покрывал в штуках
1881/82	2,70	7,56	90 856
1882/83	2,51	8,79	124 687
1883/84	2,25	12,91	109 830
1884/85	2,02	15,91	75 430
1885/86	1,77	19,33	78 327
1886/87	1,16	9,84	64 793

ний старых корпусов не производилось. За все это шестилетие затраты на оборудование выразились в сумме всего 203 тыс. руб. против 437 тыс. руб. за предыдущее четырехлетие.

Таким образом по всем данным кривая 80-х годов в отличие от падающей кривой первой половины 60-х годов и быстро растущей кривой конца 70-х годов есть четко выраженная кривая, именно депрессии.

В борьбе с ней Прохоровы шли в двух направлениях. С одной стороны, они пытаются искать выхода на старых, уже заглохших путях повышения ручной выработки, что очевидно было делом временным и непрочным, с другой — в повышении уровня техники и, что не менее важно, в удешевлении производства через рационализацию топливного хозяйства. В течение именно 80-х годов дрова и торф на Трехгорной мануфактуре были вытеснены каменным углем и нефтью. Опыты с каменным углем производились и в 60-х годах, но были оставлены тогда «без последствий». В 1883/84 г. каменного угля было приобретено только на 15 000 руб., нефти — на 1 300 руб., в 1877/78 г. — угля уже на 192 000 руб., нефти — на 26 000 руб. А так как общие затраты на топливо в этом году составляли 249 000 руб., то стало быть минеральное топливо уже победило. На долю дров и торфа приходится всего около 12%.

Прежде чем перейти к 90-м годам, скажем несколько слов о том, откуда и какими путями фабрика приобретала свое оборудование. Как известно, в России той эпохи текстильное машиностроение только еще возникало. Да и вообще о машиностроительной промышленности России можно говорить только с начала 70-х годов. В таких условиях естественно, что за оборудованием для своей фабрики Прохоровы должны были обращаться к Европе, и прежде всего к Англии.

Так как непосредственные связи с заграницей в первые годы после реформы у Прохоровых были еще слабы, то им и пришлось приобретать оборудование через небезызвестную в истории русской текстильной промышленности комиссионную контору Кнопп. За конец 70-х и начало 80-х годов через эту контору прошло 78% всех закупок заграничных машин. В течение 80-х годов через Кноппа было куплено всего только 46% оборудования. Фабрика освобождалась от комиссии, вступая в непосредственное сношение с заграничными фирмами. Так например в 1887/88 г. английской фирме «Матер-Платт» было уплачено 1 000 руб. «за привилегию по устройству новой запарной».

Непосредственная связь с заграницей повлекла за собой и проникновение на Трехгорную мануфактуру иностранных мастеров, устанавливавших машины.

С конца 70-х годов мануфактура связывается и с мюльгаузенскими машиностроительными заводами, тогда как до того она пользовалась исключительно английскими машинами, а со второй половины 80-х годов — и с русскими предприятиями.

Так в 1886/87 г. на заводе Розенкранц были куплены медные валы для ситценабивных машин на сумму 3 500 руб. из общих затрат на валы в 12 000 руб. В следующих годах валы закупаются почти исключительно на русских заводах.

Таким образом наиболее несложное, элементарное оборудование начинает приобретаться уже в России. Большинство же сложных машин и в 90-е годы попрежнему закупается в Западной Европе, главным образом в Англии и Германии.

ТРЕХГОРНАЯ МАНУФАКТУРА В КОНЦЕ XIX ВЕКА

(Промышленный подъем)

Девяностые годы прошлого века известны в истории русского капитализма как эпоха его максимального подъема и процветания. Этот период является в некотором смысле переломным в истории капиталистического развития России.

Никогда после, даже в годы предвоенного подъема, русское капиталистическое хозяйство не знало такого лихорадочного темпа развития, как тогда. Наряду с этим именно в 90-е годы на русскую историческую арену грозно выступает могильщик буржуазии — пролетариат. С тех пор перед русским капитализмом открылась мрачная перспектива. Но острое осознание этого пришло позже, в дни революции 1905 г. Самый подъем 90-х годов, наступивший после длительной депрессии, буржуазия встретила с большим ликованием.

Не зевали и Прохоровы. Еще в 1889 г. при первых же признаках подъема они основывают на Трех Горах механическую ткацкую на 350 станков. Успех дела толкает их уже в следующем году к расширению ткацкой до 737 станков [1]. В самом конце XIX века она насчитывает до 1 500 механических ткацких станков, вырабатывающих преимущественно узорчатые ткани [2].

Ручная ткацкая как дореформенная тень перестала существовать в 1890 г.

Механическая ткацкая потребовала центральной двигательной системы. Не ставить же в самом деле к каждому станку карликовую паровую машину. Первоначально ткац-

---

[1] «Материалы к истории Прохоровской трехгорной мануфактуры», стр. 259.

[2] Там же, стр. 260.

кая обслуживалась горизонтальной паровой машиной завода Бромлей мощностью в 225 лош. сил.

В 1895 г. правительство разрешило «товариществу» увеличить основной капитал с 1,5 до 3 млн. руб. и, что в тот момент Прохоровым крайне улыбалось, пополнить устав «товарищества» пунктом о праве на выпуск облигаций.

Благожелательность правительства была немедленно использована на вышеупомянутое расширение ткацкого дела и главным образом на постройку и оборудование собственной прядильной на 40 тыс. веретен, пущенной в ход в 1897 г. На оборудование прядильной фабрики в 1896—1898 гг. было затрачено до 400 тыс. руб. В связи с пуском прядильни на Трех Горах была построена электростанция с оборудованием стоимостью в 220 тыс. руб. В конце века, расширившись, она стала энергетической базой всего комбината.

Концентрируя в 90-е годы внимание на создании комбината и новых силовых установках, Прохоровы не забывали использовать подъем и для некоторых усовершенствований ситценабивного дела. Так в начале рассматриваемого десятилетия было куплено пять ситцепечатных машин, в том числе две двенадцатиколерных, тогда как в предшествующий период более чем восьмиколерных машин не было. В конце XIX века на Трехгорной мануфактуре постоянно работало около 21 печатной машины против 10—12 функционировавших в 70-х годах.

Логическим шагом со стороны Прохоровых, стремившихся к созданию законченного комбината, было значительное расширение собственной механической мастерской. В этой последней производился не только ремонт оборудования, но и постройка несложных машин и аппаратов.

Естественным следствием энергичного строительства было быстрое возрастание основного капитала мануфактуры. За время с 1889 по 1900 г. он увеличился более чем втрое.

Всматриваясь пристальней в итоги этого строительства, в нем кроме несомненного бурного роста не трудно обнаружить и некоторые консервативные черты. Во-первых, уже самое создание комбината по тому времени было не совсем прогрессивным шагом. Тогдашняя европейская хлопчатобумажная промышленность опиралась на систему более специализированных предприятий. Даже в России, где комбинаты были очень распространены, наиболее передовые предприятия сохраняли более специальный тип. Невыгодность, нерациональность комбината на Трехгорной мануфактуре обнаружились довольно скоро, но об этом ниже.

Во-вторых, самая планировка комбината, поскольку он не был продуктом единого стройного замысла, осуществленного сразу, а возникал исторически, под влиянием конъюнктуры капиталистического рынка,— была очень далека от совершенства. Так прядильня, поставляющая сырье на ткацкую, стояла в одном конце фабричного двора, а самая ткацкая—в противоположном. Недостаток такой планировки почувствовали повидимому уже при завершении постройки прядильни, и тогда в одном из ее этажей устроили вторую ткацкую, ничтожную по размерам производства. Таким образом на одной и той же мануфактуре ткацкое дело не было централизовано.

В создании комбината и попытках устройства собственного машиностроения проглядывает давнишняя тенденция Прохоровых к «независимости». Эта же тенденция привела их в XX веке к освоению собственного каменноугольного дела[1]. Двигаясь последовательно по этому пути, они должны были бы основать собственные химические заводы для производства красителей и завести хлопковые плантации.

Может быть, не прерви революция их карьеры, Прохоровы и пришли бы к этому. Но и тогда их «независимость» была бы иллюзорной. Ведь оставался бы капиталистический рынок с его капризной стихией, равно как оставались и рабочие на этой универсальной мануфактуре. Первый по временам потрясал бы дело как в лихорадке, вторые, выходя из «повиновения», бастуя, превращали бы универсальную «Прохоровку» в груду мертвых корпусов и машин.

Движение продукции всех трех фабрик Трехгорной мануфактуры за 90-е годы видно из следующих данных:

Годы	Ситценабивной фабрики в кусках	в %	Ткацкой фабрики в кусках	в %	Прядильн. фабрики в пудах	в %
1889/90 . . .	785 431	100	14 605	—	—	—
1891/92 . . .	—	—	157 744	100	—	—
1892/93 . . .	887 843	113	207 178	131	—	—
1893/94 . . .	921 624	117	217 938	138	—	—
1894/95 . . .	946 319	120	246 470	156	—	—
1895/96 . . .	1 049 261	133	—	—	—	—
1897/98 . . .	—	—	489 938	310	35 286	100
1898/99 . . .	1 262 000	160	552 452	350	78 692	223
1899/900 . . .	1 312 509	167	501 106	311	88 072	249

1 «Материалы к истории Прохоровской трехгорной мануфактуры», стр. 286.

Таблица свидетельствует о непрерывном росте продукции всех трех частей мануфактуры. Некоторое исключение составляет ситценабивное дело. Жестокий, голодный 1891 г. отразился на нем временным снижением производства. По данным П. Н. Терентьева ситцевая фабрика в этом году выработала 756 тыс. кусков.

Продукция ткацкой фабрики за десятилетие выросла более чем в 3 раза, и к началу текущего века ткацкая поставляла на ситцевую фабрику более трети потребного ей сырья. Продукция прядильни за три года выросла в 2½ раза.

Старое и без того уже очень крупное ситценабивное дело не дает таких скачков, как прядильное и ткацкое. В тогдашних условиях было повидимому невыгодно расширять ситценабивную фабрику. Капитализм кладет известные пределы как размаху, так и технике производства. Отметим еще, что несколько ожившая было в годы депрессии ручная набойка снова пала. В последний год XIX века она составляла всего 1,45% от общей выработки ситцевой фабрики.

К моменту кризиса, охватившего Европу и Россию в начале XX столетия, на Трех Горах стояла огромная капиталистическая фабрика с тысячами рабочих, очень мало похожая на ту «фабрику», которую за сотню лет перед тем основал здесь благочестивый и предприимчивый пивовар Василий Прохоров.

А. Гайсинович

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КОЛОМЕНСКОГО ЗАВОДА до 1905 г.

Капитализм задыхался в рамках крепостного права. Крепостные «души» не могли по своей воле уйти от барина, наниматься на фабрики и заводы. Подневольный труд был мало производителен. Раб — плохой работник. Российские товары славились дурным качеством. Нищий мужик, прикованный к земле, мало покупал промышленных изделий. Спрос внутреннего рынка на фабричную продукцию был мал и беден, а на внешнем — господствовали передовые, капиталистические страны.

Зато хлеб, сельскохозяйственное сырье шли хорошо за границу. Там, в Европе, росли города, увеличивались кадры пролетариата и промышленного населения, падало земледелие. Казалось, что Запад проглотит сколько угодно хлеба. Только успевай, доставляй! И доставляли. Долгими зимами за сотни верст гнали дворяне на рынки бесконечные мужицкие обозы с продуктами земли. А по рекам черепашьим шагом шли груженные зерном баржи.

Но появился новый, молодой и сильный конкурент. Из заокеанских стран на быстрых пароходах хлынули в Европу массы сельскохозяйственного сырья. И пока скрипели мужичьи сани, пока бурлак под «Дубинушку» тянул баржу, свободный американский фермер забрасывал европейские порты пшеницей, овсом, ячменем и т. д.

Наперекор феодальным путам мучительно и трудно рос российский капитализм. Густела сеть городов, открывались фабрики, росли новые промышленные центры. Нужда в хлебе увеличивалась. И тащили его по бесконечным российским просторам, с волжских губерний, из Центрально-черноземной области на север, туда, где истощенная земля не давала урожая, где население, отпросясь у помещиков, все гуще собиралось в тесных фабричных помещениях.

Чем больше рос капитализм, чем большие массы товаров обращались на рынке, тем ясней становилось, что на одних мужицких телегах да бурлацких спинах далеко не уехать. Надо было строить железные дороги. Но для крепостной России то была непосильная задача. Тяжелая промышленность находилась в пеленках. Сложное машино-

строение даже и не родилось, отсутствовали технически обученные кадры, нехватало денег. Без средств, без машин, без квалифицированных рабочих железные дороги не строятся. Удивительно ли, что железнодорожная сеть крепостной России была ничтожна, имела не экономическое, а стратегическое и административное значение? Удивительно ли, что вместе с «освобождением» крестьян началось и усиленное строительство железных дорог?

А там, где железные дороги, там и заводы, делающие рельсы, паровозы, вагоны. Одним из таких заводов и был Коломенский.

Основатель и хозяин Коломенского завода Аманд Егорович Струве не был новичком в коломенских краях. В его послужном списке значилась постройка временного Москворецкого моста в Коломне и постоянного моста через Оку у села Щурова. Будучи начальником 1-й дистанции Общества Московско-саратовской ж. д. Струве перестроил размытый путь от ст. Конобеево до ст. Фаустово.

Попечение о нуждах российского транспорта не лишено было и материальных выгод. Сколотив деньгу, Струве решил совместить подчиненное положение инженера-служащего с ролью самостоятельного хозяина.

Началось с пустяков. Для нужд моста через Оку Московско-саратовской дороги Струве соорудил кузницу, чугунолитейную и механическую мастерские и навесы для сборки частей моста.

Чугунолитейная мастерская находилась в маленьком помещении. Ее обслуживал всего один деревянный поворотный кран. Суточная отливка не превышала 200—300 пудов. Место для завода выбрано как нельзя более удачно: в селе Боброве, вблизи Коломны, у линии железной дороги, верстах в 1½ от впадения Москвы в Оку.

Вскоре предприимчивый инженер начал строить товарные вагоны, платформы, поворотные круги, станционные баки и гидравлические разборные колонны.

Аманд Егорович построил все железнодорожные мосты и водокачки на пути от Москвы до Курска, от Коломны до Воронежа, Киевский и Кременчугский мосты через Днепр, ряд мостов в Москве.

Это было весьма удобно. Струве соединял в своем лице технического руководителя сооружаемых мостов и поставщика материалов для них. Материалы давал его же Коломенский завод. Надо полагать, немалая копейка перепадала при этом Аманду Егоровичу.

Пора была горячая. Он привлек в компанию брата, военного инженера Густава Струве, а также баварского подданного и московского 1-й гильдии купца А. И. Лессинга.

Густав Струве был весьма видным деятелем на поприще

усиления воинской мощи российской державы. Он укрепил подступы к Николаеву, переоборудовал Аккерманскую крепость, заведывал постройкой батарей Одесской гавани, посетил Америку, Египет, Турцию, Грецию, Италию, Англию, Францию, знакомясь всюду с военной техникой. Г. Струве имел обширные связи в правительственных сферах, что ему весьма пригодилось, когда он начал хозяйничать на собственном заводе.

Лессинг же был финансовой головой предприятия. Он знал хорошо заграничный денежный мир, был своим человеком на биржах и в банках Европы, устраивал всюду кредиты для завода.

Поворотный момент в истории завода, определивший его лицо на многие, многие годы, наступил вместе с началом паровозостроения.

Сам А. Е. Струве правильно объяснял этот момент следующим образом: «В первые 5 лет отстроены все окрестные мосты, и завод остается без работы, специальность мостовая уже не может прокормить его. Нужно было предоставить заводу другой круг деятельности, дать ему другую производительность, изготовление произведений, не прикованных к одному месту, а свободно передвигаемых по обширному нашему отечеству. И вот является необходимость взяться за постройку паровозов, этих колесниц прогресса, этого совершенства механического труда».

Ту же мысль, только в более «философской» форме, с «тонкими» политическими намеками выразил коломенский «общественный деятель» и туз Ильин: «К сожалению у нас механический завод не может посвятить себя какой-либо специальности и по недостатку заказов на специальное его дело и для того, чтобы не упускать возможной работы и не сидеть без дела». Работы же Коломенского завода, «раз законченные, не требуются постоянно в увеличивающемся размере. Братья Струве, вполне сознавая, что жизненная сила железных дорог заключается в паровозах, которые нельзя во всякое время года требовать из-за границы по нашим климатическим условиям (непонятно, почему «зловредный» кримат российский мешает ввозу паровозов.— А. Г.), а политические обстоятельства могут и вовсе мешать их доставке, решились увеличить завод, начать строить паровозы».

Время для паровозостроения было самое подходящее. Правительство, стоявшее на страже интересов помещика и чутко прислушивавшееся к голосу буржуазии, содействует железнодорожному строительству. Реформа 1861 г. застала в России 1488 верст железнодорожных путей, их стало 10 202 к 1871 г. и 21 115 верст к 1881 г.

Особенно бурной была вторая половина 60-х годов и

первая половина 70-х. Темные дельцы, биржевые спекулянты, окопавшиеся в железнодорожных концессиях, перекачивали огромные деньги из казны в собственные карманы.

Современники противоположных политических направлений рисуют одинаковую картину. Князь Мещерский писал: «Министерство путей сообщения в начале 70-х годов представило главный пункт, где тогда сосредоточивалась вся вакханалия железнодорожной горячки во всем ее разгаре. Тогда уже произносились имена железнодорожных Монтекристо, вчера нищих, а сегодня миллионеров».

То же говорит П. Кропоткин: «После освобождения крестьян открылись новые пути к обогащению, и по ним хлынула жадная к наживе толпа. Железные дороги строились с лихорадочной поспешностью... Акционерные компании росли, как грибы после дождя... Повсеместно в министерствах, и в особенности при постройке железных дорог и при всякого рода подрядах, грабеж шел на большую ногу. Таким путем составлялись колоссальные средства».

Но если рельсовые пути росли с большой быстротой, то с производством подвижного состава для них на российских заводах дело обстояло из рук вон плохо.

Паровозостроение переживало детский период. Первый русский паровоз был построен в 1833 г. на Нижнетагильском заводе. Знаменитый английский паровоз «Локомошен», спроектированный изобретателем этого дела Георгом Стефенсоном и начавший работать в 1825 г., не намного опередил своего русского потомка. Однако, в то время как «Локомошен» положил начало широкому развитию паровозостроения в Европе, нижнетагильский локомотив не мог похвастать обильным потомством. Первая в России дорога — Царскосельская — получила беспошлинно из-за границы не только железнодорожные принадлежности, но даже чугун и железо.

1 февраля 1842 г. Николай I возвестил о сооружении железной дороги Петербург — Москва. «Истинно-русскую» линию предполагалось строить из материалов русского производства. Случилось иначе. Приспособить Петербургский александровский механический завод для паровозо- и вагоностроения поручили американским техникам Гаррисону и Уайтненсу.

Александровский завод представлял собой только сборочную мастерскую, исключительно из иностранных материалов. Без них производство совершенно прекратилось бы. Пришлось разрешить беспошлинно получать из-за границы все приборы, машины, изделия и металлы в сыром виде.

В 1852 г. казна приступила к постройке Петербургско-варшавской железной дороги. Герцог Лейхтенбергский

приспособил свой гальванопластический завод к изготовлению паровозов для нее.

Крестьянская реформа застала паровозостроение в жалком состоянии, оно было совершенно ничтожно, находилось в полной зависимости от заграницы и едва справлялось с казенными заказами.

А дороги нужно было строить скорее. Помещики и буржуазия не хотели ждать, пока русская тяжелая промышленность станет на ноги. Тогда правительство разрешило всем образовавшимся железнодорожным компаниям выписывать из Европы беспошлинно паровозы, тендеры, вагоны, рельсы, скрепления, чугун и железо и вообще все металлические принадлежности.

Французско-русское «Главное общество российских железных дорог», взявшее на себя устройство ряда линий, одним из первых широко использовало предоставленные казной права. Оно пошло так далеко, что, купив в 1858 г. завод герцога Лейхтенбергского, вовсе прекратило производство паровозов на нем, предпочитая получать из-за границы.

В России остался один только паровозостроительный завод — Александровский. Примеру «Главного общества» следовали и другие компании. О горячей преданности русской индустрии можно было вещать со страниц «благонамеренных» журналов и газет, но нельзя же покупать подвижной состав в России, когда на Западе он дешевле и лучше. Наглядную иллюстрацию такого положения дадут несколько цифр. До 1865 г. русские железные дороги снабжались:

	Из-за границы	Русскими заводами
Паровозами . . .	485 шт.	87 шт.
Вагонами пассажирскими	1 140 „	98 „
Товарными и платформами	8 857 „	3 015 „

Таков подавляющий перевес заграницы. Фактически перевес этот был еще более значителен, так как выражался не только в импорте готового подвижного состава, но и в том, что русские заводы лишь собирали изготовленные за рубежом части и ввозили даже чугун и железо.

Это положение было чрезвычайно невыгодно представителям русской буржуазии, намеренным строить свои богатства на поставках всего необходимого для железных дорог. Крупнейший капиталист того времени Мальцев первым откликнулся на зов правительства — постараться на ниве отечественного паровозо-и вагоностроения. Он обязался поставлять русские до последнего винтика паровозы.

Для казны иностранная зависимость была также тяжела: она означала ежегодную утечку за границу миллионов

рублей, подрыв всей финансовой системы, и без того подорванной крымской катастрофой, неумелым, хищническим хозяйничанием. Самодержавие изыскивает средства к укреплению финансов.

6 октября 1866 г. министр финансов Рейтерн объявил «высочайшее повеление»: «С целью сокращения перевода денег за границу прекратить на будущее время правительственные заказы за границей... и затем все заказы как Военного министерства и Министерства путей сообщения, так и других ведомств исполнять внутри государства, несмотря ни на какие затруднения или неудобства, которые это могло бы представить на первых порах». Этим «повелением» и рядом связанных с ним мер правительство вступало на путь решительного покровительства внутреннему производству подвижного состава.

В 1867 г. министр путей сообщения сделал вызов лицам, желающим заняться производством подвижного состава. В ответ поступило 29 предложений, в том числе и от братьев Струве. Из всех предложений признаны были достойными внимания только семь. Коломенский завод внимания не удостоился.

Об этой «обиде» А. Струве вспоминал впоследствии исполненными горечи словами:

«С одной стороны, заграничная конкуренция, с другой — заводы в России, подкрепленные субсидиями и большими заказами, а молодому Коломенскому заводу отказывали даже в праве на название завода: да вы просто сборочная мастерская, не для вас хорошие заказы, не для вас преимущества».

Обида была тем ощутительнее, что еще в 1865 г. братья Струве, уверенные в успехе, начали строить паровозные мастерские, расширять и приспосабливать уже существовавшие отделы.

«Неприятности» уладились быстро. Да и вспомнил о них Струве позднее, на торжестве по случаю выпуска сотого паровоза.

Начались переговоры с семью заводами, заслужившими доверие правительства. Министр путей сообщения рассудил, что предположенный вначале заказ по 25 паровозов в год на каждый завод слишком обременителен для казны. Поэтому он предложил заводчикам уменьшенную норму заказов до 10 паровозов ежегодно. Он обещал за это денежные премии за паровозы, поставленные помимо казны частным заказчикам. Заводчики заявили, что согласятся на данные условия, если раньше предложенная за паровозы цена будет повышена на 25%. От премии они вовсе отказались.

Господа Макферсон и Карр (Балтийский завод), Семянников и Полетика (Невский завод), Мальцев (завод в Брян-

ском уезде) и Бернадаки (Сормовский завод) подобно многим и многим русским капиталистам привыкли жить под верным крылом казенных заказов. Они вполне резонно боялись, что частные дороги будут попрежнему предпочитать заграничные локомотивы русским, да и капиталов, свободных для изготовления паровозов на вольный рынок, у них нехватало. То ли дело казна, щедро раздающая авансы под заказы, исполнение которых нередко витает еще в туманной перспективе.

Только Мальцев изменил вскоре своему первоначальному решению и согласился на условия правительства. Пример Мальцева подействовал на других. Вдобавок в 1868 г. вышел покровительственный тариф на паровозы и вагоны, ввозимые из-за границы. Все это подхлестнуло рвение заводчиков, и они возобновили прерванные было переговоры. На сей раз переговоры кончились успешно. 5 заводов решили приспособить под паровозостроение и увеличить число вагоностроительных предприятий до 13. В числе пяти находился и Коломенский завод.

Тогда же, в 1868 г., завод получил первый заказ от казны. Не забывало правительство коломенское предприятие и в последующие годы. В 1874 г. он получил новый заказ на 150 паровозов, в 1876/77 г.—на 43 шестиколесных паровоза.

Кроме заказов паровозостроительные заводы, и Коломенский в том числе, получили премии за каждый локомотив, изготовленный для частных дорог. Живительный дождь долгосрочных ссуд на расширение предприятий, снабжающих транспорт подвижным составом, авансов, кредитов не прошел мимо Коломенского завода.

Одновременно правительство ограничивает право железнодорожных компаний, строящих новые линии, обращаться за границу за паровозами и вагонами. В уставах железнодорожных обществ, утвержденных до 1873 г., требовалось приобретение для действующих линий, обновляющих и увеличивающих свой подвижной состав, до половины пассажирских вагонов и паровозов в России. Начиная с 1873 г., по предложению министра путей сообщения Бобринского было введено постановление о приобретении их исключительно в России. Что касается товарных вагонов и платформ, то еще с 1870 г. старые линии обязались заказывать их только на «родине».

Не меньшее, если не большее значение имели заградительные пошлины. В 70-е годы иностранный паровоз стоил дешевле русского на 4—5 тыс. руб. Русское паровозостроение не устояло бы без крепких таможенных барьеров. В 1877 г. пошлины на заграничные паровозы увеличены с 75 коп. до 1 руб. 25 коп. за пуд, на тендеры — с 30 коп. до 50 коп. за пуд.

Политика правительства была однако подвержена колебаниям. Напирали на него железнодорожные компании. Они хотели приобретать все необходимое в Европе, где цены ниже и качество изделий выше по сравнению с русскими заводами. Патриотические заклинания были выгодны заводчикам, но не железнодорожным тузам, тем более что дороги строились преимущественно на иностранные капиталы. Казне часто приходилось разрешать компаниям ввозить подвижной состав из-за рубежа.

Но при всех колебаниях между различными группами капиталистов самодержавие весьма чутко откликалось на нужды предприятий, транспортного машиностроения. Оно даже отказывалось порой от собственных решений, грозивших принести ущерб транспортной буржуазии. В 1876 и 1877 гг. правительство постановило отказаться от заказов заводам, боясь, что некуда будет размещать их продукцию. Но сразу же пришлось отступить от этого намерения. В 1877—1878 гг. Россия воевала с Турцией. Усиленное передвижение войск и военных грузов, необходимость оживления внешней торговли, стесненной блокадой южных портов, ожидание дальнейших политических осложнений диктовали необходимость усиления мощности транспорта. Пришлось опять несмотря на принятое ранее решение дать заказы паровозо- и вагоностроительным заводам, в том числе и Коломенскому.

Недаром в период 1878—1880 гг. на этих заводах шла усиленная деятельность, царило оживление, превосходившее работу предыдущего и последующего десятилетия. Такая политика принесла ощутительные результаты. К 1895 г. почти половина паровозов, курсировавших на железных дорогах империи, была русского производства.

НАЧАЛО ЗАВОДА

Начало паровозостроения на Коломенском заводе связано с исключительно благоприятными обстоятельствами: небывалая железнодорожная горячка, необычайно благосклонное внимание правительства содействовали успехам молодого предприятия на новом поприще.

В 1869 г. завод выпустил первый товарный паровоз.

Хотели достойным образом отпраздновать сие знаменательное событие, да не пришлось: из двух цилиндров первенца коломенского паровозостроения один вышел короче другого.

Братья Струве приуныли, но духом не пали. Они скрепя сердце выписали из Германии и посадили на завод директором Бойе, управлявшего гигантом немецкой тяжелой индустрии — заводом Борзига.

Братья Струве не последовали примеру своего предшественника Мальцева, прогоревшего благодаря попытке поставить у себя паровозное производство без обращения к иностранным материалам.

В сущности первый коломенский паровоз был только собран на заводе. Важнейшие части — паровые цилиндры, оси с колесами, шатуны, части парораспределения, арматуру котла и т. д.— приобрели на стороне.

В первый период своего существования завод находился в огромной зависимости от заграницы. Оттуда получались все материалы: железо, чугун, сталь, медь, и пр. Основатели широко прибегали к заграничным кредитам для покупки металла.

Но хозяева намеревались поставить дело на широкую ногу. Это возможно было лишь путем постепенного освобождения от иностранных поставщиков. Поэтому соорудили механическую мастерскую с заграничными станками, паровозосборочную, котельную, тендерную, меднокотельную и др. Тогда же построили новые мастерские для вагонного цеха: вагоносборочную, столярную, малярную и лесопилку.

Вокруг Коломны теснились густонаселенные деревни и села. Они задыхались от лишних ртов. Земли было мало, да и та истощена веками хищнической обработки и давала скудные урожаи. Крестьяне бросали «куриные» наделы, уходили в город.

Победное шествие машинного производства губило «кустарей», лишало их последних остатков самостоятельности. Умолкали в избах коломенской округи ткацкие станки, бумажные и шелковые ручные прядильни, пустели «светелки».

Много фабрик, преимущественно текстильных, было тут же, под боком, в Коломенском уезде. Но они не поглощали крестьянской безработицы.

К услугам Коломенского завода было любое количество людей, готовых к фабричному труду на любых условиях. На казенных и частных заказах и поставках да на рабочем поте ширилось предприятие братьев Струве.

Доморощенный капитализм облекался в европейские одежды. Акционирование — вот последнее слово организации собирания денег, капиталистической мобилизации внутренних и внешних ресурсов. Растут акционерные общества в пореформенной России. Вывеска акционерного общества придает фирме солидность, внушает доверие к ней банков и всех власть имущих.

В 1871 г. Россия обогатилась «Акционерным обществом Коломенского машиностроительного завода» с основным капиталом в 3 млн. руб. в акциях и 800 тыс. руб. в облигациях. Новоявленное общество устроилось вполне по-семей-

ному: А. Струве забрал себе акций на 840 тыс. руб., Г. Струве — на 620 тыс. руб., Лессинг — на 540 тыс. руб. С облигациями устроились еще лучше. Их взяла чувствительная к запросам капиталистов казна, ссудившая таким образом новоявленное акционерное общество кругленькой суммой в 800 тыс. руб.

Договорились и о прибыли. Она должна была распределяться соответственно количеству паев каждого акционера: на долю А. Струве пришлось 35 паев, Г. Струве — 35 паев, Лессингу — 30 паев.

«Тройка» разделила между собой должности. Г. Струве назначили директором-распорядителем с жалованием в 2 000 руб. в год и «особым вознаграждением» в 10 000 руб. ежегодно. А. Струве и Лессинг стали директорами, Бойе — кандидатом директора. Каждому из них положили по 2 000 руб. годового оклада, кроме определенного процента из прибылей.

К 1872 г. имущество завода, его земли и леса, рельсовый путь и мосты, производствeные строения и жилые дома, водопроводы и газопроводы, машины и их принадлежности, материалы и инструменты оценивались примерно в два миллиона рублей.

Производство расширялось, и в марте 1873 г. сотый коломенский паровоз покатился по рельсам Московско-рязанской железной дороги. Случай весьма подходящий, чтобы его ознаменованием привлечь к заводу еще более благосклонное внимание властей предержащих и заправил московского капиталистического мира.

В ясное, весеннее утро 18 марта из Москвы в Коломну отправился разукрашенный флагами экстренный поезд с гостями — высокими чиновниками и железнодорожными дельцами, воротилами финансового мира и биржевыми спекулянтами.

Вот и старая Коломна с церквами, монастырями, купеческими лабазами. Еще несколько минут. Поворот — и поезд прошел в специально устроенные триумфальные ворота: на них колыхались флаги, высилось большое знамя с изображением локомотива. За воротами на платформе перед аналоем и образами собрались попы, и тут же в гирляндах из искусственных цветов и в ярких лентах стоял «виновник торжества — сотый паровоз».

Устроители оформили праздник в «истинно-русском», квасно-патриотическом духе. Еще бы! Русский патриотизм — штука прибыльная. Развитие «отечественной» промышленности принесло немцам-хозяевам немалые барыши. А для капиталиста отечество там, где доходы.

Паровоз окружала стража из восьми человек, одетых под древнерусских ратников, в медных шишаках, железных

кольчугах, с секирами, укрепленными на высоких древках. Позади паровоза, помахивая нагайками, гарцовали всадники в высоких гречневиках, плисовых поддевках поверх красных рубах, широких желтых шароварах и высоких лакированных сапогах. А за всадниками толпились рабочие со знаменами, изображавшими заводские орудия производства и знаки различных мастерств.

Попы отслужили молебен, провозгласили многолетие царю и хозяевам. Нашлись и «представители от рабочих». Они поднесли Струве «хлеб-соль» на серебряном блюде, а хозяин обратился к ним с благодарственной речью, где не преминул среди многих приличествующих случаю торжественных фраз сказать:

«Вы, старшие, покажите пример вашим юным собратьям. Пусть на будущее время мы останемся между собою в самых близких отношениях, в самом тесном объединении, и тогда будут всегда между нами царствовать согласие и довольство».

Роли были распределены и подготовлены заранее, и спектакль разыгрывался, как полагается.

На паровоз взобрался «заводской стихотворец и оратор» — рабочий Сурин и произнес длинную речь, пересыпанную дубовыми виршами собственного сочинения — «Святая Русь», «Паровозик № 100», и хозяева служили основным мотивом речи.

Вряд ли Сурин подозревал двусмысленность своих стихов, адресованных Струве:

Он в деле с нами воевал,
Трудился много, мало спал,
За любовь к делу сражался
И победителем остался.
Да кстати скажем в этот день:
При нем не знали слова лень,
Ему — вся честь, ему и слава,
Что боролся с делом браво.

И, обращаясь к паровозу, сказал: «Пусть будет место твоего рождения «Коломна» твоим именем. Хотя ты любишь воду, но мы желаем тебя вспрыснуть самым лучшим вином».

«При этих словах, — повествует корреспондент «Московских ведомостей», — Сурин поднял с паровоза бутылку шампанского, разбил ее о край тендера и вспрыснул локомотив вином».

Так окропленный «святой» водой да шампанским паровоз вошел в жизнь.

Праздник продолжался. От станции к заводу двинулась процессия. Впереди ехали конники, за ними рядами шли

1 800 рабочих, сборнолокомотивного, сборновагонного, столярного, малярного, модельного, тендерного, мостового, трубнолитейного, строительного цехов. Каждый цех возглавлялся старшими рабочими, несшими значки своего мастерства. Их нарядили в «русские» костюмы, на головы напялили шляпы с кокардами. Последние вместе с цеховыми значками являлись единственной данью хозяев своему немецкому происхождению и традиции средневековых ремесленных цехов. Остальное было оформлено в «истинно-русском» квасном духе.

Конники и ратники — весь этот патриотический маскарад выглядел довольно комично, зато привлекал всеобщее внимание и обнаруживал в хозяевах если не избыток вкуса, то приверженность к новому «отечеству», принесшему и сулившему немалые доходы.

Гости пошли подкрепиться. Пили шампанское и произносили речи. Подымали кубки за царя, «под благодетельной сенью которого так быстро растет заводская промышленность» и множатся доходы заводчиков, за министров путей сообщения — Бобринского и финансов — Рейтерна, ревниво оберегавших русскую индустрию от иностранной конкуренции и засыпавших заводы заказами, за хозяев.

Ильин выражал сожаление, что Коломна утратила свое прежнее торговое значение, и утешал себя надеждой, что Коломне, матери Москвы, предстоит промышленность техническая.

Дали кое-какую закуску и рабочим. Для них устроили балаган с Петрушкой и патриотическими панорамами, качели, карусели.

Вечером над зданиями завода зажглись плошки и газовые рожки. Вдруг поднялся сильный ветер, набежали тучи. Иллюминация не удалась, и праздник кончился. Гостям подали экстренный поезд, и они покатили домой. Топча весеннюю грязь, разбрелись по окрестным деревням за несколько верст от завода и рабочие. Завтра — будни, надо встать задолго до света, чтобы поспеть к гудку.

Маленькая мастерская превратилась в большой завод. Он обрастал подчиненными и вспомогательными предприятиями. Но капиталист капиталисту — волк. Сильный стремится прибрать к рукам слабых, обезопасить себя от разрушительного действия конкуренции.

Коломенские заводчики отлично учитывали это положение. Они старались построить дело на началах комбинированного предприятия, обеспеченного собственным сырьем и материалами, независимого от чужих российских и заграничных предприятий.

На это толкала их слабость русской металлургии: опутанный сетью крепостнических пережитков, Урал пережи-

вал затяжной кризис, украинская металлургия делала первые шаги.

Надо завести собственную металлургическую базу. В 1873 г. братья Струве взяли в аренду, а потом купили Кулебакский завод (в Нижегородской губернии). Вначале он прокатывал сортовое железо крупных размеров и спицы для вагонных колес. С 1877 г. на нем было введено производство стали. Вся стальная болванка для изготовления паровозных частей и для прочих надобностей шла исключительно на Коломенский завод. Тогда же начали катать паровозные оси, паровозные и вагонные бандажи, рессорную сталь. В 1887 г. на Кулебаках началась прокатка тонких сортов листового железа, а в 1894 г.— котельного железа и плит для паровозных и тендерных рам. Для доставки изделий Кулебакского завода, перевозившихся до постройки Нижегородской железной дороги на лошадях, проложили собственный железнодорожный путь до Оки. Отсюда на Коломенский завод материалы шли летом по воде, а зимой по железной дороге.

Стремясь к независимости, заводчики пустились на поиски собственного чугуна или руды для его изготовления. Руду искали в окрестностях Кулебакского завода, истратили на это громадные капиталы, но бесполезно. Тогда направились на Урал. На реках Лозово и Сосьве купили рудники и построили Сосьвинский завод. Ухлопали немалые суммы, понесли большие убытки и, ничего не добившись, в 1899 г. ликвидировали сосьвинское дело.

В конце концов успокоились на Кулебаках, добились того, что все потребности Коломенского завода по железу и стали всех видов удовлетворялись собственными изделиями за исключением дымогарных труб, кровельного железа, гвоздей и разных мелочей.

Все же отгородиться целиком от других поставщиков не удалось. Когда казна и частные лица загружали завод краткосрочными заказами, он обращался к помощи южнорусской металлургии. Это было особенно выгодно в годы кризиса начала XX в., когда южная промышленность продавала чугун и стальные изделия по очень дешевым ценам. Что касается меди в виде листов, труб и пр., то ее завод всегда покупал на других, сначала заграничных, потом русских предприятиях. То же самое с лесом для вагонного и других отделов. Дуб в обработанном и необработанном виде привозили издалека, из Казанской и Тамбовской губерний, а сосну — из Калужской, Нижегородской, Владимирской, Вологодской, Костромской и Симбирской губерний. Ценные же породы, вроде красного дерева, американского ореха и пр., выписывали из Гамбурга и иных заграничных портов.

Хозяева хотели добиться также топливной самостоятельности. В июле 1872 г. правление Коломенского завода, находя, что «торфяное производство на купленном от г. Гелинга торфяном болоте оказывается весьма выгодным», высказало пожелание «увеличить это производство до таких размеров, дабы употреблять на заводе как топливо исключительно только один торф».

Основным источником торфа была пустошь Васцы Зарайского уезда.

Пожелание все же осталось пожеланием. Исключительно на торфяное топливо завод не перешел, оно поглощало приблизительно четверть расходов предприятия на все виды топлива: на каменный и древесный уголь, кокс и в меньшей степени на дрова, а с 1888 г. и на нефтяные остатки, постепенно занявшие первенствующее значение в топливном балансе предприятия.

Еще меньшие результаты, чем торф, дали исследования и разработка подмосковного угля. К началу XX века его расход на заводе не превышал 100—150 тыс. пудов в год.

Паровозостроение определяло лицо предприятия. Уже в 1874 г. с завода на Моршанско-сызранскую железную дорогу вышел 200-й паровоз, а 500-й паровоз поступил на Лозово-севастопольскую железную дорогу в 1879 г. Паровозный отдел был величайшим на заводе: в 1878 г. в его цехах работало 1 700 рабочих, а в 1901 г. — 3 000.

Ширится товарное вагоностроение. 764 вагона изготовил завод в 1875 г., 1 185 — в 1876 г., 1 283 — в 1877 г., 1 282 — в 1878 г., в следующем 1879 г.—падение, завод сделал всего 822 вагона, вслед затем новый подъем: в 1880 г. завод выпустил 1 176 вагонов. Вагонный отдел был вторым по величине: в 1878 г. в нем работало 666, а в 1901 — 1 876 чел.

КРИЗИС 80-х ГОДОВ

Как всякое детище капитализма, завод испытывал на себе всю тяжесть кризисов. В начале 80-х годов Европу охватила депрессия. Она перекинулась в Россию. Здесь кризис усугублялся влиянием страшного аграрного кризиса, потрясшего экономические основы феодальнс-капиталистической страны с небывалой силой. Закрывались предприятия тяжелой и легкой промышленности, тысячи рабочих оказались без работы и без средств к существованию.

Удары кризиса не миновали и железнодорожное дело. Оно носило в предыдущие годы чисто спекулятивный характер и находилось в частных руках. В 1880 г. задолженность железнодорожных обществ казне дошла до миллиарда рублей.

Государственные финансы иссякали в турецкой войне, и правительство свернуло железнодорожное строительство. В течение 14 лет — с 1879 до 1892 г. — прокладывалось в среднем по 585 верст пути в год, в то время как во вторую половину 60-х и в 70-е годы строилось свыше тысячи верст ежегодно.

Сократились заказы на паровозы. Выпуск паровозов заводом пал с 83 в 1881 г. до 42 в 1882 г. и 41 в 1883 г., в 1889 г. снова дошел до 83 штук.

Объятые паникой хозяева обратились в марте 1882 г. к министру внутренних дел за помощью. Они ссылались «на крайнюю недостаточность заказов на Коломенском машиностроительном и Кулебакском горном заводах, могущую поставить Общество в необходимость не только распустить большое число мастеровых и рабочих, но даже и остановить деятельность заводов». Они просили «об установлении срока службы подвижного состава железных дорог». Такого рода срок изъял бы из обращения некоторое число паровозов, прослуживших установленное время, и замена их новыми обеспечила бы Коломенский завод заказами.

Вторая просьба заключалась в увеличении пошлин на железнодорожные запасные части, машины и станки. Немцы по происхождению, братья Струве и Лессинг становились «истинно-русскими» людьми, как только речь заходила о заградительных тарифах для заграничных изделий. Российский капитализм чувствовал себя уверенно лишь за высоким частоколом высоких пошлин, защищавших его от иностранной конкуренции.

В третьей просьбе речь шла «о предоставлении Обществу в ожидании будущих заказов со стороны железных дорог ныне же правительственного заказа в 60 паровозов и 800 товарных крытых вагонов».

Министр внутренних дел не отложил дело в долгий ящик и, как он сам выражается, «для выиграния времени» сразу же передал ходатайство «на благоусмотрение» министров финансов и путей сообщения.

В газеты проникли сведения, что «тысяча человек будет уволена от дела вследствие прекращения правительством выдачи денег г. Струве вперед под заказы».

Тысяча безработных рабочих! Ведь это же неизбежные «волнения», «бунты»! И департамент полиции просит московского губернатора проверить эти сведения.

Губернатор немедленно обратился к коломенским властям. Те уже были задобрены заводчиками и представили положение в надлежащем свете. Коломенский городской голова Петров в своем «представлении» губернатору писал:

«...я считаю необходимым покорнейше просить ваше

превосходительство не оставить своим ходатайством пред правительством о поддержании вышеупомянутого завода братьев Струве какими-либо заказами, дабы оный мог насколько возможно продлить свою деятельность и тем не лишить наших беднейших граждан средства к пропитанию».

В секретном рапорте коломенского исправника московскому губернатору более откровенно высказаны мотивы, которые тревожили полицейских чиновников.

«Слух о предстоящем закрытии завода, — рапортовал коломенский исправник, — уже распространился между рабочими и начал производить между ними волнение.

Имея в виду, что в настоящее время на заводе кроме служащих находится до 3 000 мастеровых и рабочих, которые с закрытием завода останутся без занятий и средств к существованию, что из упомянутого числа только чернорабочие, число коих простирается до 1 000 чел., будут в состоянии во время лета приискать себе занятие на полевых работах, мастеровые же до 2 000 чел., как не способные ни к какой другой работе кроме своего ремесла, оставшись без дела, потребуют усиленного надзора местной полиции, и чтобы приискать себе занятие, конечно обратятся в Москву, где наплыв их во время предстоящей выставки вероятно также произведет немало затруднений для полиции, — я счел необходимым о вышеизложенном донести вашему превосходительству и покорнейше просить, не признаете ли возможным в видах отклонения дурных последствий, могущих произойти от закрытия машиностроительного завода, ходатайствовать, пред кем будет следовать, о доставлении этому заводу заказов, которые могли бы продлить его существование».

«Представление» городского головы и «рапорт исправника» губернатор изложил в специальной бумаге на имя министра внутренних дел, генерал-губернатора и департамента полиции.

Конечно не забота о рабочих водила пером представителей различных царских ведомств. Их беспокоили возможные «дурные последствия» — рабочие волнения. Не безразличны им были также прибыли заводчиков.

Так в тесной и дружной компании сошлись царские министерства и департамент полиции, московский губернатор с генерал-губернатором, коломенский уездный исправник с городским головой. Все поднялись на помощь капиталисту.

Вышло ли что-нибудь из всей этой шумихи, точно неизвестно, но в 1884 г. завод поднял выпуск паровозов до 72, в 1885 г. — до 87. Однако законы кризиса оказались сильнее «высоких» покровителей, и в следующие 3 года видим снова упадок паровозостроения.

Та же картина упадка наблюдается и в вагоностроении.

Выпуск товарных вагонов и платформ, шедший до начала 80-х годов по восходящей линии и достигший в 1880 г. 1 176 шт., колебался вплоть до 1892 г. на уровне 500 вагонов ежегодно, в 1885 и 1891 г. выработка пала еще ниже и дошла до цифры 211 и 233. Исключением являлся 1886 г., когда завод выпустил 1 086 вагонов и платформ.

Времена были тяжелые, но до закрытия завода дело не дошло. Преувеличенными страхами коломенские заправилы хотели лишь больше подогреть симпатии правительственных заказчиков к заводу.

Во всяком случае Коломенский завод перенес кризис легче других. Самой трудной была вторая половина 80-х годов, когда Невский и Мальцовский заводы были объявлены несостоятельными. Коломенский же завод, обеспечивший себя заступничеством больших и малых властей, действовал непрерывно. В отношении полученных заказов он далеко обогнал своих конкурентов. С 1883 по 1889 г. (включительно) ему заказали 392 паровоза, Невскому — 89, а Мальцовскому — всего 40 паровозов.

Больше всех расплатились за кризис конечно рабочие. Несколько сот человек выбросили за ворота, остальные работали три дня в неделю за соответственно пониженную плату.

Застои в паровозо- и вагоностроении хозяева пытались возместить постановкой новых производств. В 1881 г. построили первый классный вагон. Его демонстрировали на Всероссийской выставке 1882 г. Переоборудовали вагонный цех, и дело понемножку пошло. В течение 80-х годов завод выпускал от 2 до 4 десятков пассажирских вагонов ежегодно.

Занялись и пароходами. От производства пароходов для перевозки собственных заводских материалов перешли к работе по частным заказам. Пароходная мастерская, построенная в 1880 г. и представлявшая собой небольшой покрытый навесом док с несколькими сверлильными станками, ручными дыродавительными прессами и ножницами для резки железных листов, была в 1885 г. переоборудована. На расходы не скупились: Обществу пароходства и торговли Волжского бассейна выдали «пособие» в 117 тыс. руб., благо это «общество» могло явиться крупнейшим заказчиком на пароходы.

Коломенские акционеры бросались в разные стороны. Завод, обслуживавший нужды транспорта, пробуют приспособить для производства сельскохозяйственных орудий. В 1883 г. завод обогатился земледельческой мастерской. Она существовала до 1895 г. и выпускала паровые молотилки, веялки, соломорезки, сеялки, конные приводы и другие орудия. Занялись и ткацкими станками.

С 1883 по 1890 г. построили 200 станков. В 1890 г. это производство было прекращено.

Успешнее пошло дело с локомобилями и торфяными машинами. С 1882 г. локомобили строились в паровозных мастерских. В 1888 г. для локомобилей и других паровых машин была основана машиносборочная мастерская, где изготовлялись также оборудование для шпалопропитывающих заводов, крупные пароходные машины, станки для обработки металлов. Большая часть станков, подъемный мостовой кран и паровая машина машиносборочной мастерской были своего производства.

Введение новых отраслей не изменило лица завода, а только усложнило его. Новые виды продукции не спасли завод от кризиса, ибо занимали незначительное место по сравнению с основным — вагонным и паровозным производством.

Только промышленный подъем 90-х годов вывел завод из тяжелого положения и снова погнал кривую производства вверх.

ПОДЪЕМ 90-х ГОДОВ

Капиталистическая промышленность России не видала таких подъемов. Казалось, российский капитализм спешит наверстать упущенные столетия отсталости.

Много обстоятельств содействовали подъему: тарифная политика правительства и особенно тариф 1891 г., до крайности повысивший таможенное обложение, денежная реформа 1895—1896 гг. и большой приток иностранных капиталов в Россию — страну легких прибылей и безжалостной эксплоатации рабочих.

Но едва ли не основную роль в подъеме сыграло строительство железных дорог. Железнодорожная горячка 90-х годов оставила далеко позади то, что происходило в 60-е, 70-е годы.

Казна бросала на постройку железных дорог сотни миллионов рублей, добытых на заграничных биржах и в банках, выжатых из нищего населения усиленным давлением налогового пресса.

За трехлетие 1889—1891 гг. проложили 1 239 верст железнодорожного пути, а за 1898—1900—10 893 версты. За десятилетие 1893—1902 гг. эксплоатационная линия возросла на 25 тыс. верст. За шестилетие 1894—1899 гг. государство и частные предприниматели потратили на постройку и заказ подвижного состава железных дорог 1 273 млн. руб.

В результате число паровозов возросло за 1892—1901 гг. на 6,6 тыс., или 93%, пассажирских вагонов — на 9,4 тыс., или 119%, и товарных — на 176,4 тыс., или 118%. Из

Выпуск паровозов Коломенским заводом

12,5 тыс. паровозов, числившихся на всей казенной сети в 1905 г., 51,5% были построены за период 1895—1901 гг., в то время как за 1885—1894 гг. только 7,6%.

Живительная струя заказов полилась на Коломенский завод, застой минувших лет кончился. Цифры выпуска паровозов и вагонов, а также стоимости всей заводской продукции неуклонно росли в течение рассматриваемого десятилетия.

Рост производства потребовал переоборудования ряда мастерских и устройств новых. Само правительство принимало к сердцу интересы Коломенского завода и требовало от хозяев его расширения. 18 марта 1892 г. директор-распорядитель завода был принят министром путей сообщения Витте.

Выпуск товарных вагонов и платформ Коломенским заводом

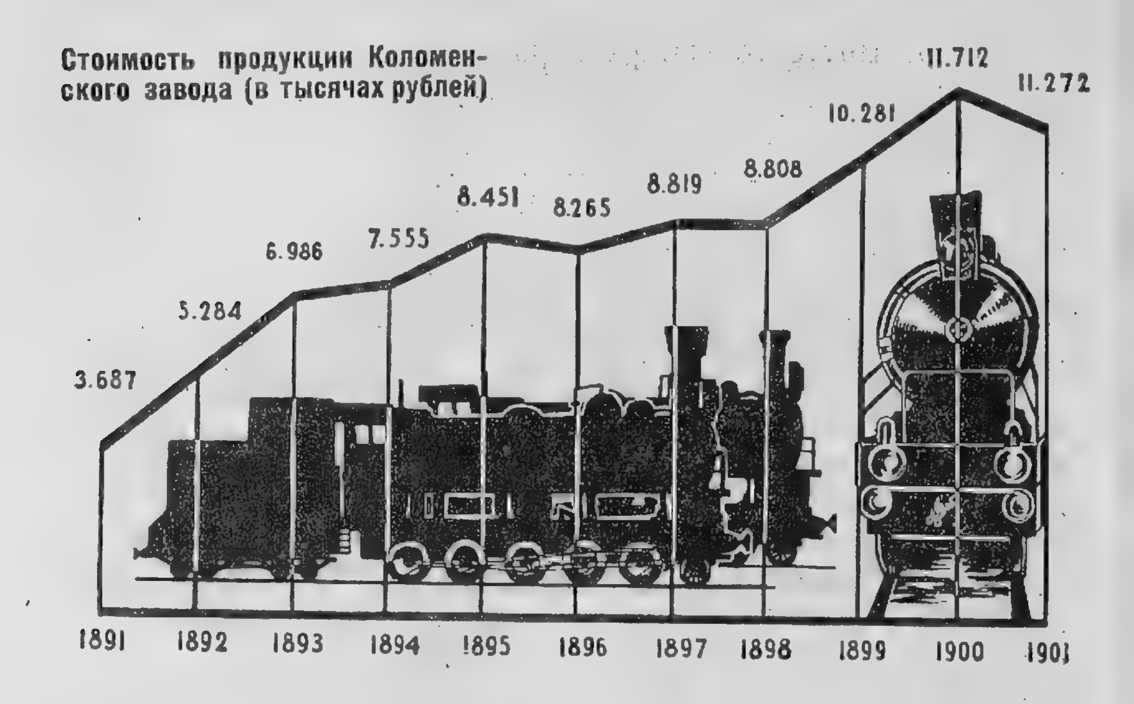
Карьера Витте только разворачивалась. Но уже с первых шагов он показал себя самым верным слугой российской промышленной буржуазии и ее железнодорожного крыла. Начав свою службу на одной из южных железных дорог как малозаметный чиновник, он сохранил горячую преданность нуждам «отечественного» транспорта и тогда, когда из далекой провинции перебрался в блистательный Петербург и стал одним из виднейших в клике людей, командовавших судьбами России.

Витте сообщил директору, «что Коломенскому заводу предстоит чрезвычайно много работы, так как он намерен значительно усилить провозоспособность наших железных дорог, на которых весьма много паровозов требуют большого ремонта, и что он, министр, просит заводоуправление принять всевозможные меры, дабы иметь возможность усиленно исполнять работы как по постройке новых паровозов, так и по большому ремонту старых».

Подобно многим другим предприятиям русской тяжелой промышленности лицо Коломенского завода формировали не массовый рынок и его запросы, а государственные заказы. Работа на заказ зависела от колебаний не только капиталистической системы в целом, но и от изгибов государственной политики, от смены правящих лиц в высшем бюрократическом аппарате.

Когда в 90-е годы заказы густо пошли на завод, хозяева приняли меры к тому, чтобы приноровиться к ним и их выполнить. В сентябре 1889 г. для усиления колесного производства акционеры решили купить 3 токарных станка и устроить сварочную печь. В марте 1890 г. постановили заменить паровой молот гидравлическим кузнечным прессом. «Для ближайшего ознакомления с кузнечной работой, производимой гидравлическим прессом, так равно и с самими аппаратами» командировали в Англию главного механика завода Глебова-Кошанского, «поручив ему добыть возможно более подробных данных об этом новом способе работы». В результате завод обогатился тысячетонным прессом.

В марте 1892 г., рассмотрев ведомость принятых заказов и договорные сроки их исполнения, «правление обратило внимание на то, что своевременное исполнение заказов на сумму до 9 млн. руб., имеющихся уже в настоящее время, не вполне обеспечено теми механическими станками по обработке изделий, которыми располагают мастерские Коломенского завода». Поэтому постановили купить радикальный сверлильный станок для котельной, станок для сверления в мостовом отделе и усилить кузнечные горны. Кроме того для производства большого ремонта паровозов, на что указал Витте, решили построить временную машиносборочную. Правление было вполне уверено в том, что

«усиления мастерских окупятся предстоящими заказами», а цена, получаемая за большой ремонт паровозов, с избытком покроет расходы на временную машиносборочную.

В марте 1892 г. правление ассигновало средства на расширение электросварочной мастерской. При прежней динамомашине и аккумуляторах можно было работать не более как двумя паяльниками. Когда выстроили новое каменное здание электросварочной, установили более сильную динамомашину, переделали батарею аккумуляторов и изменили тип ее элементов, которые отныне изготовлялись средствами самой мастерской, стало возможно производить электрическую сварку сразу тремя паяльниками.

В июне 1892 г. Витте проезжал через Коломну. Директор завода не замедлил использовать этот момент. Поезд стоял недолго, но капиталист остался вполне доволен встречей с министром. Витте заявил, что Коломенский завод «может вполне рассчитывать на значительное количество заказов как паровозов, так и вагонов на 1893 и 1894 гг., поэтому он просит принять соответственные меры, дабы потребности эти могли быть своевременно удовлетворены соответственным усилением Коломенского завода».

По количеству имевшихся заказов следовало выпускать не менее 10 готовых паровозов ежемесячно. При наличном оборудовании эта задача была почти непосильной. Заводчики решили «в возможно кратчайший срок усилить механическую мастерскую пятью небольшими токарными станками, одним долбежным и одним специальным станком для обработки шиберных лицевых паровозных цилиндров, увеличить вагонную кузницу устройством в ней двух паро-

молотов, из которых один в 30 пудов новой системы Компаунд может быть приобретен на заводе Гартман в Хемнице, а другой, в 18 пудов, мог бы быть изготовлен в своих мастерских». Кроме того признали «необходимость покупки нового станка с ленточной пилой для разрезания железа, каковой станок в значительной мере ускоряет работу, заменяя собой несколько долбежных станков, в которых постоянно ощущается значительный недостаток».

Внимание Витте к заводу было исключительным. 21 августа 1894 г. он лично посетил коломенское предприятие. Надо полагать, что этот «высокий» визит имел свои ощутимые результаты в виде новых заказов.

Завод строился и расширялся от случая к случаю, от заказа к заказу.

Вот в октябре 1894 г. подписывается договор с правлением Общества Владикавказской железной дороги на поставку 20 паровозов, ведутся подобные переговоры с другими дорогами, и коломенцы постановляют выписать из-за границы разных станков на 40 тыс. руб.

В 1896 г. Первое общество подъездных путей заказало 12 паровозов, 280 товарных и 54 пассажирских вагона. В том же году подписан договор с управлением казенных железных дорог на 800 товарных вагонов. В ответ на эти заказы правление завода решает «усилить до крайних пределов производство работ по новым сооружениям для увеличения производительности».

Но самым крупным и важным нововведением было устройство сталелитейного отделения. Состояние паровозо-и вагоностроения было таково, что вызывало все возрастающую потребность в литой стали для изготовления отдельных частей паровозов и вагонов и целых машин. Отсутствие сталелитейного цеха стало особенно чувствительным, когда завод оказался заваленным срочными заказами. Правда, Кулебакский завод имел сталелитейно-формовочный отдел, но без модельных мастерских изготовление мелких частей механизмов чрезвычайно затруднялось. Можно было заказывать сталелитейные предметы за границей, но это долго, дорого и хлопотно, да и правительство постоянно настаивало, чтобы все части паровозов и вагонов изготовлялись в России.

К тому же на Коломенском заводе был постоянный избыток сырья для литья стали — обрубков, стружек и пр. До сих пор все это отправлялось в Кулебаки и в переработанном виде возвращалось в Коломну.

Вывод один: надо устроить на заводе сталелитейный цех. И в 1893 г. на заводе открылась небольшая сталелитейная мастерская с одной крохотной мартеновской печью на 130 пудов. В этом же году печь была увеличена до выплавки

Мастерская общего машиностроения

160 пудов. В 1894 г. воздвигли новую печь на 180 пудов, старую печь уничтожили и на ее месте поставили верхнюю обжигательную печь с нефтяным отоплением. В 1897 г. соорудили еще одну печь на 250 пудов завалки, добавочные сушильные камеры и обжигательные нижние печи на нефти. В 1899 г. увеличили первую печь до 200 пудов, вторую— до 300 пудов завалки и начали строить печь на 450—480 пудов.

Требования на стальные отливки росли с каждым годом. Сталелитейная оказалась тесной для подготовки формовки, очистки и обжига изделий. Тогда в 1900 г. сделали пристройку по длине старой мастерской и оборудовали ее токарными, долбежными и пильными станками, переделали два ручных мостовых крана в электрические и увеличили их подъемную силу, установили новый мостовой кран на 1 000 пудов и прибавили обжигательные печи.

В 1901 г. поставлены два формовочных станка с насосом и аккумулятором для формовки вагонных и тендерных колес, станки для точки пил, подъемник с электрической тягой при плавильных печах; выстроено новое помещение для обжигания доломита и устроена лаборатория.

В 1896 г. отлили первые большие пассажирские колеса для Нижегородской выставки. В 1898 г. отлита первая пар-

тия вагонных колес, но регулярное их изготовление по 800—1 200 шт. в месяц началось лишь с 1900 г.

Одновременно со сталелитейной расширили и чугунолитейную. Первоначальная отливка не превышала 3—5 тонн в сутки; с 1899 г. отливка производилась в двух вагранках производительностью до 6—7 тонн в час каждая. В 1905 г. добавлена 3-я вагранка.

Главными изделиями литейной были паровозные цилиндры, цилиндровые крыши, конусы, буксы и т. д. Мастерская производила также крупные машинные отливки: цилиндры пароходов и паровых водокачек до 400 пудов весом, рамы для станков и тысячепудовые маховики. Самой большой отливкой был стул под паровой молот в 3 100 пудов. Новороссийский, Криворожский и Кулебакский заводы доставляли чугун для литья, из Донецкого бассейна шел разносортный кокс.

Завод перестроил и свою энергетическую базу. Применение электричества, носившее до 90-х годов чисто случайный характер и имевшее ничтожное значение, получило большое развитие. До этого времени завод имел несколько очень маленьких электрических машин весьма примитивной конструкции. Установили их не в одном помещении, а разбросали по разным мастерским, в движение приводились не специально для них устроенными двигателями, а общими приводными валами.

В 1888 г. поставили небольшую электрическую станцию для освещения некоторых заводских помещений. Впервые применили электричество для передачи механической энергии на расстояние в 1892 г., когда для работы вентилятора в электросварочной мастерской был установлен первый мотор постоянного тока мощностью в ½ лош. силы. Потом поставили еще 2 мотора — один в сталелитейной, другой — в электросварочной. Потом соорудили в новой паровозосборочной мастерской электрический мостовой кран с пятью моторами переменного тока и еще один кран меньших размеров.

То была первая сколько-нибудь серьезная попытка применения электрической передачи энергии. Электричество сразу доказало все свои преимущества по сравнению с мелкими паровыми двигателями. Бросались в глаза удобство постановки электрических моторов, ничтожность места, ими занимаемого, легкость и дешевизна ухода за ними. А электрические краны подкупали простотой конструкции, быстротой передвижения поднятых грузов, что повысило производительность паровозосборочной мастерской.

Завод расширялся и строился без всякого плана, по мере притока заказов, от случая к случаю. Так и с электричест-

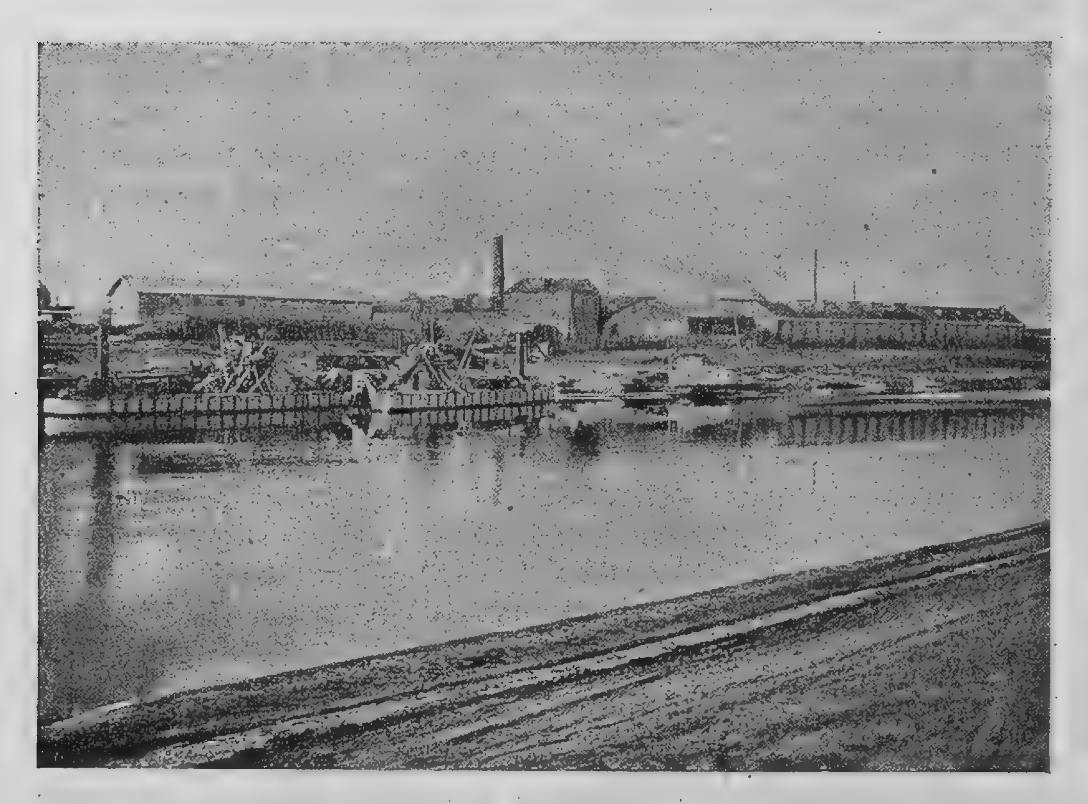
вом. На заводе оказалось с десяток электрических моторов, разбросанных по разным мастерским. С другой стороны, завод обладал множеством разбросанных по цехам паровых машин и локомобилей.

Централизация двигательной силы напрашивалась сама собой. В 1895 г. начали строить центральную электрическую станцию. Коломенцы были одними из первых заказчиков трехфазных генераторов и моторов у Всеобщей компании электричества в Берлине.

К 1899 г. на заводе было 7 генераторов с общей мощностью в 2 230 киловатт, и заводская станция по размерам и оборудованию могла поспорить с лучшими станциями европейских предприятий.

Хозяева обратили внимание и на Кулебакский завод.

Котельные листы как правило заказывались за границей. Между тем Министерство финансов требовало покупки их на русских заводах. Тогда коломенцы обратились с ходатайством к министру об отсрочке на несколько лет его требования не выписывать из-за границы материала, объясняя просьбу невозможностью якобы получить котельные листы на предприятиях России. Ходатайство было удовлетворено. Но для освобождения себя от неожиданностей министерских капризов и колебаний правительственной экономической политики правление завода в октябре 1891 г. постановило «приступить к исполнению листопрокатной»

Общий вид Коломенского завода в 90-е годы

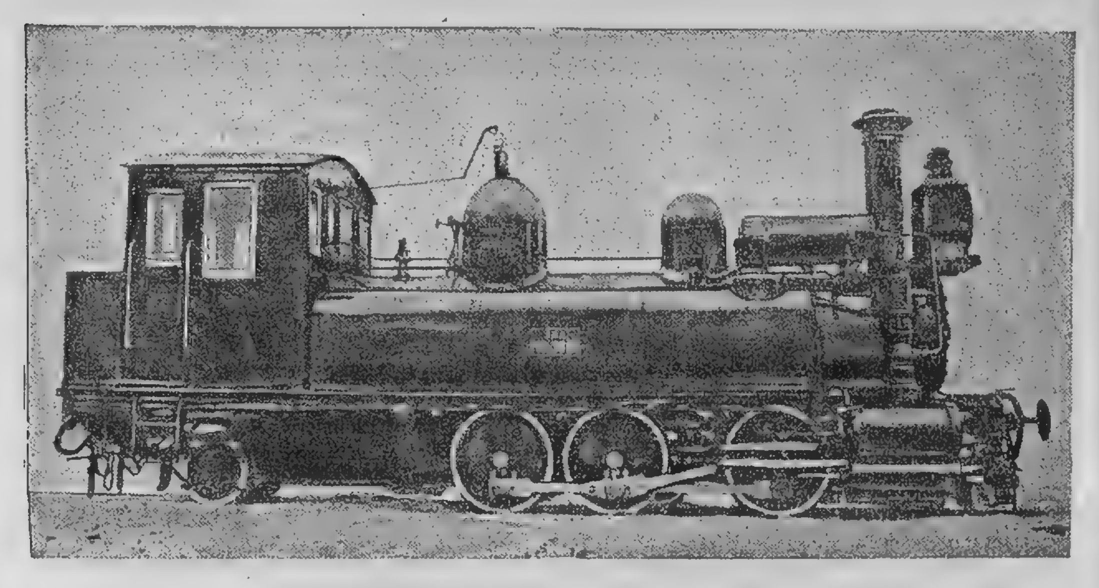
на Кулебакском заводе с оборудованием стоимостью до 200 000 руб. Несмотря на принятые меры производство выросло настолько, что кулебакского металла уже нехватало. Поэтому в 1897 г. коломенцы приняли в аренду шиповские металлургические заводы. Однако уже в 1901 г. от аренды решили отказаться — шиповское предприятие приносило слишком маленькую прибыль, а начавшаяся депрессия привела к тому, что «покупные цены на чугун и железо от частных производителей обходятся дешевле, чем от шиповских заводов при одинаковом качестве».

Конкурентная борьба не на жизнь, а на смерть между отдельными предпринимателями, типичная для капиталистической системы, видна и на примере Коломенского завода.

На 1 января 1890 г. завод имел заказов на 50 паровозов. В январе того же года подписали договор с Временным управлением казенных железных дорог на поставку 64 товарных паровозов. Таким образом в 1890 г. предстояло выпустить 114 паровозов, из них 30 — для Владикавказской дороги по совершенно новому типу Компаунд, с новыми конструктивными деталями, что задерживало их изготовление. И хотя само правление признало, что более 84 паровозов за год невозможно будет выпустить, и хотя непредставление паровозов в срок повлечет за собой значительные штрафы, договор на 64 паровоза был подписан.

«Но, с другой стороны, — бесстрастно повествует «журнал» правления,— имелись в виду следующие обстоятельства: 1) Общество Брянского завода заявило министрам путей и финансов, что оно в настоящее время приспособилось к производству паровозов и просит о предоставлении ему казенного заказа. 2) Русское общество Невского механического и горных заводов в Петербурге, хотя и объявленное к ликвидации дел своих, тем не менее заграничные облигационеры сего общества употребляли все усилия, чтобы продать облигации правительству, с каковой целью велись оживленные переговоры между Министерством финансов и представителями облигационеров.

С точки зрения интересов Общества Коломенского машиностроительного завода нельзя было пренебрегать предстоявшими опасностями в том случае, если бы действительно Брянскому заводу удалось заручиться более значительным заказом на паровозы или если бы таковой заказ был предоставлен Обществу Невского завода. Совокупность вышеизложенных обстоятельств была побудительной причиной того, что заказ Временного управления на 64 паровоза был принят к потребованному сроку, т. е. к 1 января 1891 г.».

Трехосный паровоз Коломенского завода производства 90-х годов

Еще эпизод в том же духе. В июле 1892 г. директор-распорядитель сообщил, что Временное управление казенных железных дорог предлагает заказ на 7 товарных паровозов. Сроки были поставлены краткие, за каждый просроченный день предстояло платить по 50 руб. с паровоза.

«Такие условия при сравнительно низкой цене и краткости срока поставки крайне стеснительны для Коломенского завода; тем не менее в видах возможного устранения конкуренции вновь открывшегося паровозостроения на Невском заводе директор-распорядитель полагал бы необходимым несмотря на невыгодность заказа от выполнения его на этот раз не отказываться, хотя паровозы эти имеют ныне вес в 45,2 тонны вместо предполагавшихся 43,5 тонны». Правление согласилось с директором.

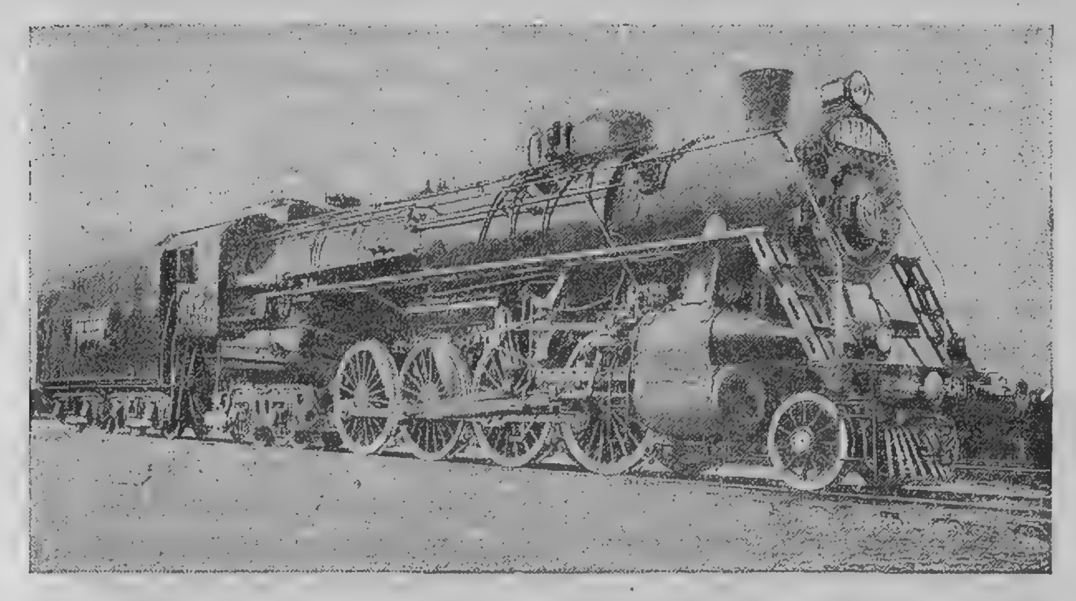
Неси убытки, не выполняй заказов в срок, задыхайся, но души своего конкурента, другого капиталиста — таков закон капитализма, такова мораль коломенских заводчиков.

90-е годы — пора высшего расцвета капитализма, вступившего в решительную и окончательную стадию «промышленного переворота». В эту пору расцвета особенно поднялась тяжелая индустрия.

90-е годы — золотая пора Коломенского завода. Он обзавелся новыми станками, машинами, целыми мастерскими, расширил старые цехи, усовершенствовал производство.

Если в десятилетие 1880—1889 гг. на новые сооружения тратили ежегодно в среднем 80 тыс. руб., то в течение 1890—1899 гг. расходовали по 275 тыс. руб.

В 2½ верстах от старой купеческой, сонной Коломны возник гигантский по тогдашним понятиям завод. Он имел свои конторы в обеих столицах, его хозяева были вхожи

Сверхмощный паровоз «Иосиф Сталин», выпущенный Коломенским заводом в 1932 г.

в министерские передние и даже кабинеты, сырье и полуфабрикаты шли из Кулебак, из Донецкого бассейна и Кривого Рога, из Европы и заокеанских колоний, в его цехах работало к началу XX века до 7 000 чел. Коломенские паровозы гудели на всех дорогах империи.

Завод превратился в крупнейшее паровозостроительное предприятие страны. К 1 января 1895 г. на железных путях России кроме нескольких местных линий и Финляндии действовали 7 171 паровоз, из коих 3 757 были русского происхождения. Из числа последних 1 586 паровозов носили марку Коломенского завода.

Чтобы показать товар лицом, а также «считая необходимым возможно тщательное усвоение успехов по машиностроению и металлургии», решили послать на всемирную Парижскую выставку 1900 г. несколько десятков служащих, мастеров и высококвалифицированных рабочих. Правление ассигновало на это дело 25 тыс. руб. Коломенские экспонаты фигурировали в одном из выставочных помещений, и завод получил «большой приз».

Не надо однако переоценивать размеры технической реконструкции. Решительному переустройству подвергалась лишь энергетическая база. В других же частях производственного процесса речь шла главным образом о расширении и в меньшей степени о переоборудовании. Покупали новые, заграничные станки, но оставляли и часть старых— своего производства. Новые цехи не заменяли прежних, а дополняли их. В паровозно-механической большая часть станков, как и в других мастерских, приобретена на иностранных заводах, но тут же — станки собственного произ-

водства. Сама мастерская расположилась в двух корпусах: один постройки 70-х годов, другой воздвигнут в 1900 г. В двух корпусах разместилась и вагоносборочная. Многочисленные кузницы примостились в разнообразных цехах.

Именно здесь — в расширении, а не в решительной реконструкции корень разбросанности завода, его раздробленности, которая к тому еще питалась постоянным, неосуществленным стремлением заводчиков быть независимыми от других, особенно русских заводов, для чего строились особые мастерские, вроде инструментальной, изготовлявшей сверла, метчики, фрезеры, калибры, резцы и пр.

Раздробленность поддерживалась и общим характером капиталистической экономики. Стараясь приспособиться к ее капризам и неожиданностям, капиталисты в зависимости от конъюнктуры заводили новые производства, строили новые отделы.

В результате завод насчитывал несколько десятков цехов, а один только паровозный отдел имел 14 цехов.

Рост производства сопровождался финансовым ростом. Последний отражал все превратности первого. В 1877 г. основной капитал общества увеличен до 5½ млн. руб. В эпоху кризиса 80-х годов основной капитал не увеличивался. Нужда в деньгах заставила в 1887 г. выпустить облигационный заем в 3½ млн. руб. Зато в течение 90-х годов основной капитал был доведен до 10½ млн. руб.

Попрежнему акционерное общество осталось в руках семьи Струве. Вокруг двух братьев собрался целый круг чад и домочадцев. А. Е. Струве, А. К. Струве, Г. Г. Струве, Г. Е. Струве, К. А. Крюденер-Струве и А. А. Крюденер-Струве прибрали 4 525 акций из общего числа 7 365. Да Лессинг, как помним, один из основателей завода, имел 2 000 акций. Тесная семейка ревниво оберегала свою монополию: при выпусках акций преимущественное право на их приобретение сохранялось за старыми держателями.

Расширялся завод, увеличивалось число эксплоатируемых рабочих, увеличивалась и прибыль. Нет возможности указать ее точные размеры. В официальных докладах, отчетах, протоколах цифра прибыли обманно преуменьшалась, но и официальные сведения говорят об огромных доходах. Двести с лишним тысяч рублей чистой прибыли получили акционеры в 1885 г., свыше 300 тыс. — в 1889 г., 658 тыс.— в 1894 г., 1 106 тыс. руб.— в 1897 г. Вокруг миллиона рублей колебались прибыли акционерного общества до 1905 г.

Этого мало. Компания из директоров и членов правления получала кроме дивиденда тысячи и десятки тысяч

рублей в виде процентов из чистой прибыли, наград, наградных и жалований.

КРИЗИС НАЧАЛА XX ВЕКА

Бурный подъем 90-х годов сменился в начале XX века депрессией. Иностранные капиталы хлынули назад из России, сократились казенные заказы, уменьшился размах железнодорожного строительства.

Особенно больно ударил кризис по тяжелой промышленности. Она расплачивалась за предыдущий лихорадочный, порой спекулятивный рост, за то, что не была приспособлена к обслуживанию массового крестьянского рынка, за узость и нищету этого рынка.

Мало данных, позволяющих нарисовать полную картину положения Коломенского завода в эти годы. Отдельные части сложного и многообразного предприятия по-разному переживали депрессию. Паровозостроительный, сталелитейный и некоторые другие отделы попрежнему шли вверх, их продукция, по крайней мере до 1902 г., подымалась. Более того: в 1902 г. завод ввел призводство дизелей. Он и завод Нобеля в Петербурге были единственными предприятиями, обладавшими правом постройки дизелей в России. Тогда же начали строить громадные водоподъемные машины для Рублевской станции Московского водопровода.

Зато выпуск товарных вагонов сократился с 1 875 в 1900 г. до 1 463 в 1901 г., а пассажирских — с 145 до 64. Вагоностроение за оба эти года принесло акционерам 200-тысячный убыток. Пало и пароходостроение. В 1900 г. выпустили всего 2 парохода вместо предположенных 4.

Доклад правления за 1903 г. констатирует, что «валовая прибыль сравнительно с прошлыми годами уменьшилась почти пропорционально производительности заводов», что «новые сооружения предположены были в скромном размере, и в действительности затраты оказались еще менее».

Показательно для кризиса сообщение коломенского исправника московскому губернатору об увольнении в конце апреля 1903 г. 181 рабочего «за неимением работ».

В том же году получили 800 с лишним тысяч рублей прибыли, а ожидали получить 1 392 300 руб.

Гораздо хуже перенес кризис Кулебакский завод. На рынке появилась дешевая сталь южнорусских заводов: пали цены на кулебакские изделия. Положение усугубилось еще тем, что Кулебакский завод перестал пользоваться рудами Ардатовского уезда и перешел на руды Тульской губернии и Меленковского уезда. Тульская руда оказалась сильно ф о с ф о р и с т о й, что подняло стоимость выдел-

Вид двора Коломенского завода

ки стали. Меленковская руда обходилась очень дорого, и от ее эксплоатации отказались совершенно.

Кулебакское предприятие начало ежегодно приносить убытки. Дошло до того, что заводчики решили задержать пуск вновь отстроенной в 1900 г. домны и работать на покупном чугуне. Частичным переоборудованием Кулебакского завода несколько удешевили стоимость производства, но цены на южные изделия все падали. Тогда в 1902 г. правление решило вовсе прекратить в Кулебаках производство чугуна, уменьшить количество изготовляемой стали и ограничиться одним прокатным делом. Но в сентябре 1903 г. на земле Кулебакского завода нашли доброкачественную и дешевую железную руду. Начали плавить ее, и оказалось, что чугун из собственной руды обходится не дороже, а даже немного дешевле покупного. Поэтому правление отказалось от прежнего панического решения. Кризис кризисом, а для внешнего мира нельзя показывать паники и растерянности. Наоборот, надо демонстрировать уверенность и благополучие. Поэтому выпуск 3000-го паровоза решили отпраздновать 15 декабря 1902 г. как ни в чем не бывало. Непредвиденное обстоятельство помешало празднику. Какой-то рабочий из хозяйских прислужников обнаружил, что по цехам из рук в руки переходят рукописные воззвания.

Воззвания были озаглавлены «мастеровым Коломенского завода» и подписаны «мастеровой». В них говорилось о под-

нявщемся революционном движении в стране, коломенцы приглашались следовать примеру своих братьев-пролетариев, приготовиться на «страшное и великое» дело, приготовиться жертвовать жизнью.

Листки призывали к отказу от предстоящего торжества— «подача куска пирога и полбутылки водки оскорбительна для рабочих, спинами и потом которых создавались эти заводы». Пришлось перенести праздник на 26 января 1903 г.

Получили «высочайшее» разрешение украсить юбилейные 3000-й и 3001-й паровозы царскими вензелями, отслужили молебен, развесили флаги по заводу, устроили завтрак для приглашенных гостей, раздали награды служащим и мастерам (некоторым из них подарили часы с приличествующими случаю надписями). На праздник приехал министр путей сообщения князь Хилков.

Однако настроение у хозяев было подавленное. Во-первых, дела шли неважно. Во-вторых, призрак близкой революции бродил по стране — из разных концов, близких и далеких, шли вести о стачках, массовых демонстрациях, о крестьянских волнениях. Неспокойно и на заводе: в цехах то и дело появлялись листовки, рабочие открыто вышли из повиновения.

Дабы не омрачать праздника возможными выступлениями, объявили о сокращении субботнего рабочего дня на 2 часа и об отмене обысков. Праздник миновал, и объявленные льготы не были проведены в жизнь.

Русско-японская война внесла оживление в дела. В 1904 г. правление получило 1 238 тыс. руб. чистой прибыли.

Почему не пожертвовать малую толику из миллионных прибылей на столь доходную статью, как война? «В видах военных событий, — говорит доклад правления общему собранию господ акционеров за 1904 г., — Общество пожертвовало один переносный разборчатый мост длиною 15 саж., стоимостью 17 574 руб. 78 коп., и израсходовало на содержание семей рабочих запасных чинов и другие военные нужды 5 069 руб. Правление испрашивает согласие общего собрания пожертвовать в текущем году на нужды войны еще 25 000 руб.». Общее собрание конечно «согласилось». В конце концов война — это выгодное вложение капиталов.

1905 г. сулил дальнейшее улучшение дел: Коломенский и Кулебакский заводы были полностью обеспечены заказами, превысившими производительность последнего перед революцией года.

Революция внесла решительные изменения в сметные расчеты и финансовые планы «Акционерного общества Коломенского машиностроительного завода». Революционные события сорвали реализацию лакомых заказов, помешали выколачиванию мародерских прибылей.

Детище капитализма — Коломенский завод отражал в себе его типичные черты. Во второй половине XIX века российский капитализм шел вверх. Это восхождение не было однако ни равномерным, ни постоянным. Бурные подъемы сменялись резкими падениями. Завод подымался и падал вместе со всем капитализмом, подчинялся законам его развития.

Капиталистическая анархия производства наложила печать на коломенское предприятие. Новые цехи громоздились на старые. К основным производственным помещениям лепились пристройки. Станки новейших конструкций стояли рядом с ветхими машинами.

Огромный, разнохарактерный ассортимент продукции, до 80 типов паровозов, самые различные типы вагонов и платформ, землечерпательные торфяные паровые водоподъемные и иные машины, пароходы и ледоколы, насосы и мостовые части, паровые котлы, локомобили и различные двигатели, текстильные станки и сельскохозяйственные орудия — все хорошо, что приносит прибыль. Ни плана, ни системы, лишь бы был дивиденд.

Некий инженер Борисов хвастливо писал в статье, посвященной выпуску 3 000-го паровоза, что «Коломенский завод является по разнородию своих производств почти единственным в Европе».

На самом же деле разнообразие производств было показателем величайшей анархии и беспорядочности развития завода, наложившей печать на всю его последующую историю.

Лишь после Октября, в реконструктивный период, завод начал освобождаться от тяжелого капиталистического наследства, специализироваться на ограниченном ассортименте продукции, приобретать стройную и цельную структуру.

М. Левберг

НАЧАЛО МАССОВОГО ДВИЖЕНИЯ

Отрывки из истории завода «Красный путиловец»

СОЮЗ БОРЬБЫ

Осенью 1894 г. к петербургской группе «стариков» примкнул Ленин. Он приезжал в Петербург и раньше: его знали и ценили. Но в этот приезд товарищи уже ясно почувствовали в нем вождя.

С 1894 г. начался новый период истории русской социал-демократии, продолжавшийся до 1898 г.

В своем первом значительном произведении «Что такое друзья народа», написанном весной и летом 1894 г., Ленин четко наметил путь русского рабочего движения и дал богатое идейное оружие всем молодым марксистам. Ученик Маркса, он выступил одновременно как теоретик и как революционер. Оружие, которое он выковал, годилось и для нападения, и для обороны. Он резко отмежевал пролетарский социализм от всех форм мелкобуржуазной ограниченности и буржуазных течений, так или иначе прикрывавшихся марксизмом. Недооценка роли пролетариата, сомнения в его силах были глубоко чужды Ленину. Он дал русскому рабочему движению именно то, в чем оно нуждалось: правильные лозунги и веру в победу. Уже тогда он провидел весь революционный путь России, предвидел, что «русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции»[1].

Прошел еще год, и Ленин стал признанным вождем русских социал-демократов. Ранней весной он уехал за границу для установления связи с группой «Освобождение труда» и 9 сентября 1895 г. вернулся в Петербург. Ему сразу же пришлось принять участие в спорах о преимуществе массовой агитации над кружковым методом. Ленин высказался за переход к массовой агитации и сам написал известную

---

[1] Заключительные слова «Что такое друзья народа», Ленин, Собр. соч., т. I, стр. 200.

прокламацию к рабочим фабрики «Торнтон». По поводу этих споров он передал товарищам свой разговор с Лафаргом.

— Чем же вы занимаетесь в таких кружках? — спросил Лафарг.

Ульянов объяснил, как наиболее способные рабочие штудируют Маркса.

— И они читают Маркса? — спросил Лафарг.

— Читают.

— И понимают?

— Понимают.

— Ну, в этом-то вы ошибаетесь, — заключил ядовитый француз. — Они ничего не понимают. У нас после двадцати лет социалистического движения Маркса никто не понимает»[1].

Разговор любопытный. Но ошибался все-таки не Ленин, а «ядовитый» француз, отравленный привычным скепсисом. В 90-х годах русские рабочие не только читали, но и понимали Маркса. По возвращении из-за границы Ленин еще раз убедился в этом.

Огромный Путиловский завод тогда уже считавшийся одним из самых передовых предприятий столицы, чрезвычайно интересовал его. И. Чеботарев рассказывает, что вскоре после приезда Ленина он достал разрешение на осмотр Путиловца ему и сестре его, Анне Ильинишне. Рабочие, мастера и молодые инженеры охотно отвечали на их вопросы. Завод произвел на Ленина сильное впечатление. Он сказал, что Путиловцу следовало бы уделить особое внимание.

Путиловец нуждался во внимании и внимания заслуживал.

Летом 1894 г. литейщик Николай Яковлевич Иванов организовал за Нарвской заставой кружок, в котором участвовали путиловцы Константин Иванов (брат Николая), Иван Ефремов, Петр Машенин, Филимон Петров и Николай Рядов. Занятия, происходившие большей частью на квартире Н. Иванова, заключались в чтении недавно появившейся легальной брошюры «Труд и капитал», а также старой нелегальной брошюры «Хитрая механика» и других книг. Руководить кружком Н. Иванов попросил «старика» П. К. Запорожца, которого путиловцы знали под кличкой «Василий Федорович».

В это лето путиловская масса волновалась. Завод рос, и хозяева не жалели денег на его расширение. Но на заработ-

[1] Мартов, Записки социал-демократа.

ной плате рабочих они усиленно экономили. 7 июля появилось объявление о сбавке в железопрокатной. Вальцовщики, получавшие за тонкие листы 9 руб. 20 коп. (с пуда), стали получать 8 руб. 40 коп. За толстые листы плата понизилась с 8 руб. 20 коп. до 7 руб. Сварщикам тоже значительно понизили расценки. Упорно ходили слухи, что правление собирается провести сбавку и в других мастерских. Хозяева наступали. Однако на этот раз путиловцы не хотели отступать без боя. Если не сознание, то ощущение силы начинало пробуждаться в них. Крепнущая связь с социал-демократической организацией давала этой силе правильное направление. На примере Путиловского завода видно, как быстро сказались результаты перехода на новую тактику.

Осенью 1895 г. сформировалось основное ядро «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Для удобства работы Петербург был разделен на три района: Заречный, Шлиссельбургский и Нарвско-московский. Нарвско-московский район взяли на себя Запорожец, Мартов, Пономарев, Старков и Якубова. Центром его сделался Путиловский завод, которому по мнению Ленина следовало уделить особое внимание.

В. И. Ленин (X) с группой членов «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (в 1897 году).

НОВАЯ ТАКТИКА

К концу 1894 г. на Путиловце было уже несколько социал-демократических кружков. Из представителей их был создан «центральный» кружок, в который вошли Н. и К. Ивановы, И. В. Ефремов, Иван Фирсов и Петр Седов. В самом начале 1895 г. к этой группе примкнули два совсем молодых слесаря. Никто не называл их по фамилии; для всех товарищей они были и остались «Борисом» и «Петяшкой». Осенью, когда «Союз борьбы» приступил к работе на заводе, оказалось, что штаб-квартира революционно настроенных путиловцев помещается в небольшой комнатушке на Огородном пер., № 6, занимаемой Борисом.

Разумеется, Борису Зиновьеву и Петру Карамышеву было чему поучиться у «стариков», которые были прикреплены к кружку от «Союза борьбы». Но пожалуй молодые путиловские слесаря в свою очередь многому могли научить их.

Прежде всего у них был уже порядочный опыт. В апреле, когда Н. Иванов временно уехал из Петербурга, Зиновьев получил все полномочия по руководству кассой взаимопомощи и по снабжению кружков нелегальной литературой. С этим трудным делом он справился отлично, как справлялся со всем, что ему поручали. Многое он делал по собственной инициативе. Ранней весной ему удалось организовать четыре рабочих кружка. Первый из этих кружков возник в деревне Тентелевке у «Петяшки», который жил тогда с Дудинским и Мустом. К руководству кружками Борис привлек Старкова. Сам он занимался ими сравнительно мало. Его влекло другое. Он искал путей для проведения новой тактики, необходимость которой уже давно ощущалась им. Эти пути он находил с восторгом мореплавателя, открывающего страну, которой нет на карте. Страстная жажда борьбы кружила ему голову. Но разум оставался ясен.

На 25 мая были назначены перевыборы в правление путиловского потребительского общества. Группа рабочих-пайщиков послала окружному инженеру прошение, в котором она умоляла его притти на перевыборы и в случае надобности заступиться за смельчаков, которые собираются обличать порядки грабиловки [1]. Это прошение встретило сочувствие далеко не всех рабочих. Многие уже понимали, что искать заступничества у начальства бесполезно и даже позорно.

— Мы должны сплотиться для защиты наших прав и дать организованный отпор всем, кто их нарушает.

Зиновьев внушал и растолковывал эту мысль на все лады. Ему помогал Карамышев. Агитация их имела громадный

[1] Дело окружного инженера Северного горного округа, 1895 г., № 1/6.

успех. Зиновьев умело использовал общее недовольство, объединил пайщиков и помог им составить обвинительный акт против старого правления. Один из рабочих взялся прочесть его. Пайщики еще никогда не слыхали такого обоснованного и резкого разоблачения. Ни у кого не осталось сомнений в том, что члены старого правления хозяйничали крайне неумело, нарушали интересы рабочих в пользу служащих и раболепно угодничали перед администрацией.

— Нельзя терпеть это больше,— раздалось по рядам. И оппозиция победила. Большинством голосов собрание утвердило предложенные реформы, состоявшие в демократизации потребительского общества и установлении контроля.

В первый раз в правление попало несколько рабочих. Зиновьев и его товарищи ликовали.

Практических результатов эта победа дала мало. Встревоженное начальство сразу приняло решительные меры. Наиболее активным членам оппозиции было предложено или взять расчет, или выйти из состава пайщиков. Они вышли из состава пайщиков, и порядки в потребиловке остались прежними. Переменились только мысли и настроения. Укрепилась вера в то, о чем так настойчиво твердили Борис и Петяшка.

— Если бы всегда действовать вот так, заодно, если бы почаще давать им отпор, может быть...

В июне на Путиловце произошли «беспорядки», вызванные понижением заработной платы в сталепрокатной мастерской [1]. «Виновниками» их были Борис и Петр, призывавшие рабочих к забастовке. Чувствуя надвигавшуюся опасность, они перенесли к кому-то из товарищей хранившуюся у них нелегальную литературу. Когда начались аресты, в числе прочих взяли и Бориса. Через несколько дней он был освобожден «за недостатком улик».

И он, и Петяшка в своей деятельности вышли за рамки Путиловского завода. Они носились по всему Петербургу, налаживали связи с другими заводами, убеждали, горячились, агитировали.

Летом Зиновьев выступал на рабочих сходках за Невской заставой. Сходки были довольно многочисленными, нередко на них проникали и сыщики. В «докладе по делу о возникших в С.-Петербурге в 1894 и 1895 гг. преступных кружках лиц, именующих себя социал-демократами», отводится видное место одному из ораторов, говорившему перед толпой рабочих речь на правом берегу Невы. Это был Борис.

В своем выступлении он «доказывал, что образование рабочих кружков старого типа не приносит пользы рево-

[1] Доклад по делу о возникших в С.-Петербурге в 1894 и 1895 гг. преступных кружках лиц, именующих себя социал-демократами.

люционной деятельности, потому что кружки не выражают всего рабочего движения и полиция может их легко обнаружить, всячески убеждал направить все силы на агитацию среди всей массы рабочих, пользуясь для этого каждым недоразумением между ними и фабрикантами».

Бориса слушали с напряженным вниманием. Он звал к чему-то новому, говорил очень ясно, очень горячо. И, чувствуя, что число сторонников новой тактики растет, закончил:

— Мы, наиболее передовые рабочие, станем во главе всего пролетарского движения.

ОГОРОДНЫЙ, № 6

Зиновьев никогда не появлялся один, никогда не оставался один. Где Борис, там и Петяшка. Где Борис и Петяшка, там люди — товарищи по мастерской, кучка путиловцев, группа рабочих с какого-нибудь другого завода, толпа.

Почти совсем махнув рукой на конспирацию, Петяшка переселился к Борису. Огородный переулок, № 6, в двух шагах от Петергофского шоссе. Самый обыкновенный домишко. Самая обыкновенная комната. Но у людей, которые выходили из нее, по-весеннему светились глаза.

Комната эта была центром революционной работы всего района. Борис и Петяшка взвалили себе на плечи громадную работу. Людей тянуло к ним неудержимо.

Петру Карамышеву было тогда восемнадцать лет. Сын чиновника Министерства путей сообщения, он мальчиком бежал из родного дома, окончил ремесленную школу и поступил слесарем сперва в какую-то мастерскую, а потом на Путиловский завод. Заводская жизнь пришлась ему по душе. Это было именно то, к чему он стремился, порывая с семьей, чтобы стать «революционером». Дружба с Зиновьевым во многом определила его путь. Он всецело подпал под влияние Бориса, сделался его помощником, братом, двойником. На два года их жизнь, их деятельность, их воля слились воедино.

Способности у Петра были незаурядные. Несмотря на тяжелую заводскую работу он много читал и хорошо разбирался в прочитанном. Больше всего его интересовала марксистская литература. Товарищи утверждали, что он знал почти наизусть бельтовское «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», бывшее настольной книгой для социал-демократов того времени. Систематические занятия не пугали, а привлекали его. Выражался Петр совершенно по-интеллигентски, довольно часто и кстати употреблял иностранные слова. Гимназисты и студенты, с которыми ему случалось впоследствии сталкиваться, смотрели на него как на «героя». Настоящий рабочий! Они с уваже-

нием косились на его руки. На одной из них нехватало пальца, отрезанного машиной.

Петр не страдал излишней самоуверенностью. Сознание явного превосходства Зиновьева не причиняло ему боли. Авторитет товарищей-интеллигентов был для него очень высок. «В особенности это проявлялось по отношению к Ульянову, на которого Карамышев смотрел снизу вверх. Он заглядывал ему в глаза, старался предугадать его мысль, заботливо подавал ему пальто, вообще относился к нему с трогательным почтением и обожанием» [1].

Мальчишескую порывистость Петру охотно прощали. Никому не приходило в голову, что это основная черта его характера. Человек пылкого воображения и слабой воли, он не выдержал первого же серьезного испытания. Но испытание пришло позднее [2]. Пока же, рука об руку с Борисом, он производил впечатление смелого и стойкого борца.

Борис был не менее ярок и гораздо более значителен. В самый первый ряд пролетарской верхушки, работавшей под непосредственным руководством основного ядра социал-демократической организации, продвинулись тогда Бабушкин, Шелгунов, Шаповал и он. Конечно не самым зрелым, может быть не самым выдержанным и сильным, но наверное самым молодым, самым горячим и одним из самых талантливых был Борис.

«Высокий и стройный, с симпатичными чертами лица и упрямо свисавшей на лоб прядью волос, он казался воплощением боевой заводской молодежи, полный жажды знаний и действия, и что-то неуловимое в интонациях молодого голоса и вспышках глаз говорило о магнетической силе влияния, которую этот юноша должен был хотя еще и смутно ощущать в себе» [3].

Его гибкий ум широко охватывал и отвлеченные понятия и явления окружающей жизни. Он основательно изучил марксистскую теорию и воспринял ее революционный дух. С необычайной легкостью ему удалось развить в себе свойства, нужные для агитатора. Он быстро приспособлялся к любой аудитории, находил нужные слова и тон для убеждения слушателей, чередовал заразительную горячность с веселым и едким остроумием. Интеллигенты признавали в нем равного и восторгались его на редкость одаренной натурой. Ему было двадцать лет.

И Борис, и Петр изучали все книги по теории и практике революционной борьбы, распространенные в то время. На

[1] В. Левицкий, За четверть века, ч. 1.

[2] При вторичном аресте в Твери в 1898 г., куда он был выслан, Карамышев писал покаянные письма и затем отошел от революционного движения.

[3] Мартов, Записки социал-демократа, стр. 284.

первом плане был конечно Маркс. Социал-демократов из интеллигентов, людей с университетским образованием, поражала та свобода, с которой они оперировали идеями, почерпнутыми из книг.

Увлечение книгами не отрывало их от действительности. Они развивали свой ум и накапливали знания, понимая, что без этого нельзя приступать к борьбе. Знание было для них оружием. В мастерской, где они работали, агитация шла беспрерывно. Комната на Огородном переулке стала для рабочих, особенно для молодежи, своего рода клубом.

Товарищи приходили к Борису и Петяшке то за книгой, то за советом, то «просто так». И всегда уносили с собой что-нибудь новое, шевелящее дремлющую мысль, укрепляющее волю. Молодые «социалисты» (так называли Бориса и Петяшку за Нарвской) пользовались редкой популярностью среди рабочих.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Зиновьев поддерживал связь со всеми революционными группами района, а также с общегородскими организациями. Н. Г. Полетаев ввел его в курс деятельности народовольцев, связанных с Лахтинской типографией.

В 1895 г. народовольцы имели на Путиловском заводе два кружка. Один из них собирался у врача Быковского, на Гагаринской ул. № 44. 5 января там состоялась сходка, на которой присутствовали народовольцы Быковский, сестры Агринские, Сибилева и путиловцы Н. Иванов, К. Иванов, Ефремов, Седов и др. Быковский убеждал рабочих принять народовольческую программу и настойчиво советовал развить террористическую деятельность. Рабочие возражали ему. Особенно решительно выступал Н. Иванов.

Вторым народовольческим кружком, работавшим на Фонтанке № 179, руководила Л. И. Агринская.

Успехом среди путиловцев народовольцы не пользовались. На их собраниях рабочие социал-демократы вступали в споры с руководителями. О своих успехах в этих состязаниях они сообщали Зиновьеву, лучшему спорщику Нарвско-московского района.

Следя за работой народовольцев, он старался не упускать из виду кружков, организованных группой «молодых», которых путиловцы не без юмора называли «петухами», и бывал на собраниях «обезьян»[1].

Осенью, когда в районе началась планомерная работа, Старков привел Мартова в штаб-квартиру путиловских ре-

---

[1] Так называли в шутку группу социал-демократов, руководимую Тахтаревым, которого в группе Ленина окрестили «обезьяной» за его внешность.

волюционеров. Зиновьев помог «старикам» организовать несколько кружков, которыми предполагалось охватить чуть ли не все мастерские, создав в каждой ячейку, способную следить за заводской жизнью и оказывать на нее революционное воздействие. Н. Запорожцу достался кружок, собиравшийся у Акимова,— по соседству с «штаб-квартирой». В нем принимали участие Дмитрий Демичев, Евграф Калинин, Петр Малинин и Семен Шепелев.

Кружок, возглавляемый Мартовым, которого Борис и Петр называли конспиративной кличкой «Егор» (они отнюдь не испытывали к нему такого почтения, как к Ленину), состоял из Василия Богатырева, Ивана Львова, Семена Шепелева, работавшего одновременно и в кружке Запорожца, Дмитрия Морозова и др.

Несмотря на то, что новая тактика требовала новых методов работы, Мартов как истый начетчик для начала прочел в своем кружке несколько лекций «о задачах и целях социализма». Однако из занятий по-старинке ничего не вышло. «Жизнь стихийно вторгалась в систематическую пропаганду. То сами члены кружка поднимали вопрос о каком-нибудь событии заводской жизни, которое можно было бы использовать, то на собрании кружка являлся рабочий другого цеха, а то и другого завода, с которым мои ученики, охваченные прозелитизмом, завязывали связь, и собрание приходилось посвящать выяснению агитации на данном заводе или в данной мастерской» [1].

То, что для Мартова было неожиданным, что быть может помимо его воли вторгалось в кружковую работу, четко осознавалось Лениным с начала его революционной деятельности. Недаром Ленин первые свои произведения посвятил предельно популярному разъяснению рабочим их положения, сущности царских законов и т. д.

Ширясь, рабочее движение выходило за рамки кружковщины. Вот почему кружки часто сливались, то и дело к ним примыкали все новые и новые лица, и полиция сплошь да рядом путалась в своих донесениях.

Сходки — то здесь, то там. На Огородном, № 6. В комнате Акимова. У Н. Иванова, на Петергофском шоссе, № 64, на Волковом кладбище. В казенном лесу. На берегу моря, и всюду — Зиновьева и Карамышев.

3 сентября, зайдя случайно в «штаб-квартиру», Акимов застал там собрание, в числе участников которого он позже, на допросе, признал по фотографиям тов. Кржижановского и В. Старкова. Через три недели, 24, он снова направился на Огородный, чтобы вернуть книгу «Социал-демок-

---

[1] Мартов, Записки социал-демократа.

рат» заграничного издания. И снова попал на сходку. В этот раз на ней выступал Ленин.

На собраниях у Акимова обсуждались заводские дела, преимущественно конфликты с администрацией. Запорожец проводил беседы о ходе рабочего движения в Петербурге и в остальной России. Кружковцы обменивались запрещенными книгами. Особенно большой спрос был на «Коммунистический манифест» и на «Наемный труд и капитал» Маркса. Но приходилось пользоваться и старыми брошюрами: «Кто чем живет», «Рабочий день», «Царь-голод». Большое впечатление производили гауптмановские «Ткачи». Некоторые книги читались и объяснялись на собраниях руководителями или Зиновьевым.

...В начале сентября, солнечным утром, от пристани Летнего сада отчалил маленький пароход финляндского общества «Тулон». Команда из финнов, почти не понимавших по-русски, равнодушно смотрела на пассажиров. Это были друзья Лепешинского — молодого чиновника Государственной комиссии по погашению долгов, нанявшего пароход для увеселительной прогулки.

Как только город остался позади, молодой человек взобрался на скамейку и стал говорить что-то, размахивая руками. Потом место его занял другой. Потом третий. Очевидно завязался спор. Уже не просто говорили, а кричали. Волновались, даже сердились. Можно было подумать, что решаются вопросы жизни и смерти. И вдруг угомонились и, неизвестно чему радуясь, затянули песню. Кончили петь — опять заспорили.

Увеселительная прогулка продолжалась двенадцать часов. Лепешинский, примыкавший прежде к народовольцам, в это время склонялся к социал-демократии и, войдя в группу «обезьян», руководил одним из многочисленных кружков Нарвско-московского района. Прогулка на «Тулоне» была массовкой. В ней приняли участие и путиловцы.

Между тем кружки развивали небывалую деятельность. Мартову так и не удалось изложить до конца свои воззрения на задачи и цели социализма.

Сперва помешал экономический конфликт в медницкой мастерской. Кружковцы расследовали его и выпустили прокламацию. Вскоре после этого донеслись слухи о частичной забастовке на сапожной фабрике. Вмешаться в забастовку путиловцы не успели, но использовали материал о ней в агитационной листовке.

Поздней осенью к путиловскому кружку обратились за помощью революционно настроенные рабочие с текстильной фабрики Кенига. Положение было там исключительно тяжелое. Текстильщики, безмерно эксплоатируемые хозяевами, совсем еще не умели защищать свои интересы: «сознатель-

ных» среди них насчитывалось человек пять, не больше. Была составлена прокламация. Сами кениговцы не решились распространить ее, и путиловский кружок взял это на себя.

Однажды поздно вечером Мартов и Запорожец захватили с собой несколько десятков листков и, выйдя на Обводный, где помещалась фабрика Кенига, расклеили их на телеграфных столбах и воротах. Утром городовые и дворники сорвали листки. Пришлось изготовить на гектографе новую партию прокламаций и придумать другой способ их распространения.

— Только напечатайте их как можно больше, — сказал Борис, — а уж способ мы с Петяшкой придумаем.

Несколько дней спустя они очутились у фабрики Кенига в тот момент, когда гудок возвещал об окончании трудового дня. Густая толпа текстильщиков растянулась по Обводному. На одной стороне занял позицию Петяшка, на другой — Борис.

Текстильщики медленно шли по набережной. Вдруг раздался отчаянный свист. Остановившись, рабочие стали искать глазами свистевшего. И в это время взлетела и рассыпалась, покружившись в воздухе, толстая пачка белых листков. Ни рабочие, ни полицейские не видели, кто их бросил. Свист прекратился. Все бросились к листкам. Очень довольные, Борис и Петяшка уже сворачивали на Старо-Петергофский. Хорошие бывают дни.

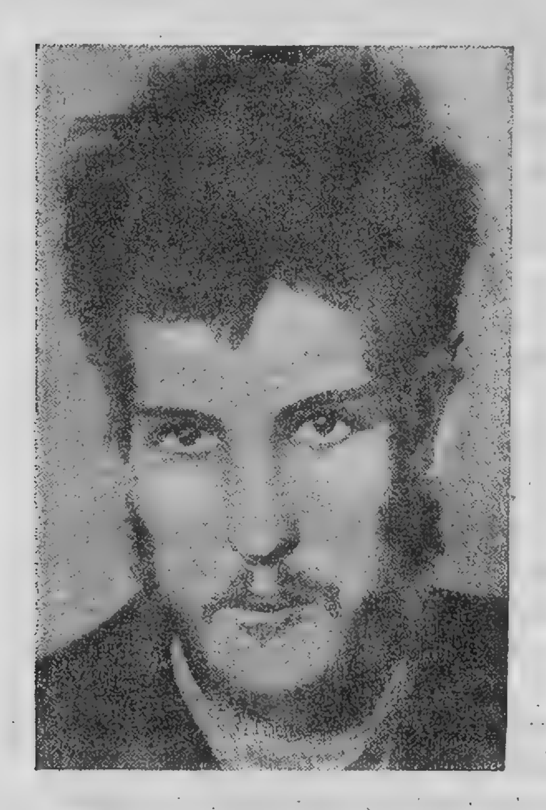
В самом начале декабря администрация объявила очередную сбавку в паровозо-механической. Токарям сбавили по 200 руб. с каждого паровоза, слесарям, работавшим на цилиндрах и получавшим 70 руб., уменьшили заработную плату до 50 руб. и т. д. Рабочие забастовали. Медницкая тоже отказалась принять новые расценки.

По этому поводу 4 декабря на Огородном пер., № 6, состоялась сходка. Зиновьев ознакомил собравшихся с текстом написанного им воззвания. Все его одобрили. В тот же вечер целая пачка листков была отпечатана на мимеографе. 5 декабря Карамышев и Шепелев разбросали листки на заводе.

«...Товарищи, мы создаем своим трудом все, и это все берут у нас богачи, отдавая лишь жалкие гроши для поддержания нашей рабочей силы, необходимой им для дальнейшей наживы.

Присоединимся же к прекратившим работу и не будем работать, пока не согласятся ввести старые расценки, которые должны вывесить в мастерской на основании закона.

Товарищи, не уступайте новой прижимке».

Борис Зиновьев—один из организаторов и руководителей группы «Союза борьбы» на Путиловском заводе. Снимок сделан незадолго перед смертью Б. Зиновьева в тюрьме, в 1899 г.

Прокламация вызвала на Путиловском заводе такое волнение, что администрация поспешила уменьшить объявленную сбавку.

Агитационная работа развертывалась все шире. Руководящее ядро «Союза борьбы» подготовило первый номер газеты «Рабочее дело». Центральное место в ней занимала программная статья Ленина «К русским рабочим», объяснявшая необходимость образования самостоятельной рабочей партии.

Внезапно все оборвалось.

В ночь на 9 декабря 1895 г. полиция произвела массовые обыски и аресты. Особенно пострадала социал-демократическая организация. Из «стариков» были арестованы Ленин, Кржижановскай, Старков, Ванеев, Мальченко и Запорожец. В ту же ночь забрали и группу путиловцев — Зиновьева, Карамышева, братьев Ивановых, Н. Полетаева, А. Акимова, Н. Дудинского, М. Ефремова, П. Сазонова, И. Фирсова и другие.

На окошке комнаты в доме № 6 по Огородному переулку появился белый билетик. Вскоре комнату сняли новые жильцы.

Для многих пострадавших арест был только маленьким этапом славного революционного пути. Со многими из них столкнулись впоследствии путиловцы.

Только Борис и Петяшка уже никогда не вернулись к ним.

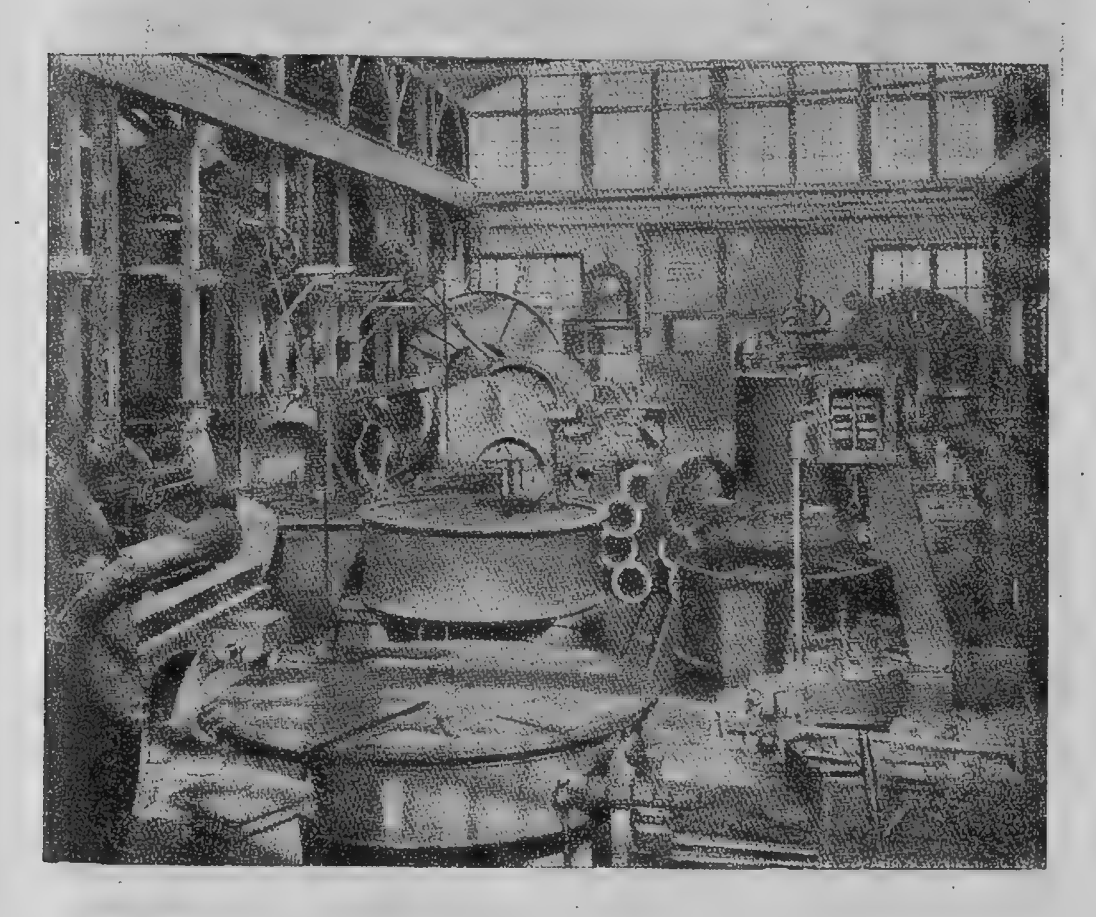
Борис вскоре умер в ссылке, в тюрьме, а Карамышев отошел от революционного движения.

ТУЛЯКИ

В 1895 г. на Путиловский завод поступил Михаил Иванович Калинин.

«Когда я поступил (на завод), первые два года я был учеником. В нелегальном кружке я не состоял, не находил нелегальных кружков. Года через два я впервые связался с Кушниковым Иваном. Токарь был — Кушников. Затем работал рядом со мной Паршуков. Он был выслан на три года в Тулу по делу Шелгунова. По делу похорон Шелгунова.

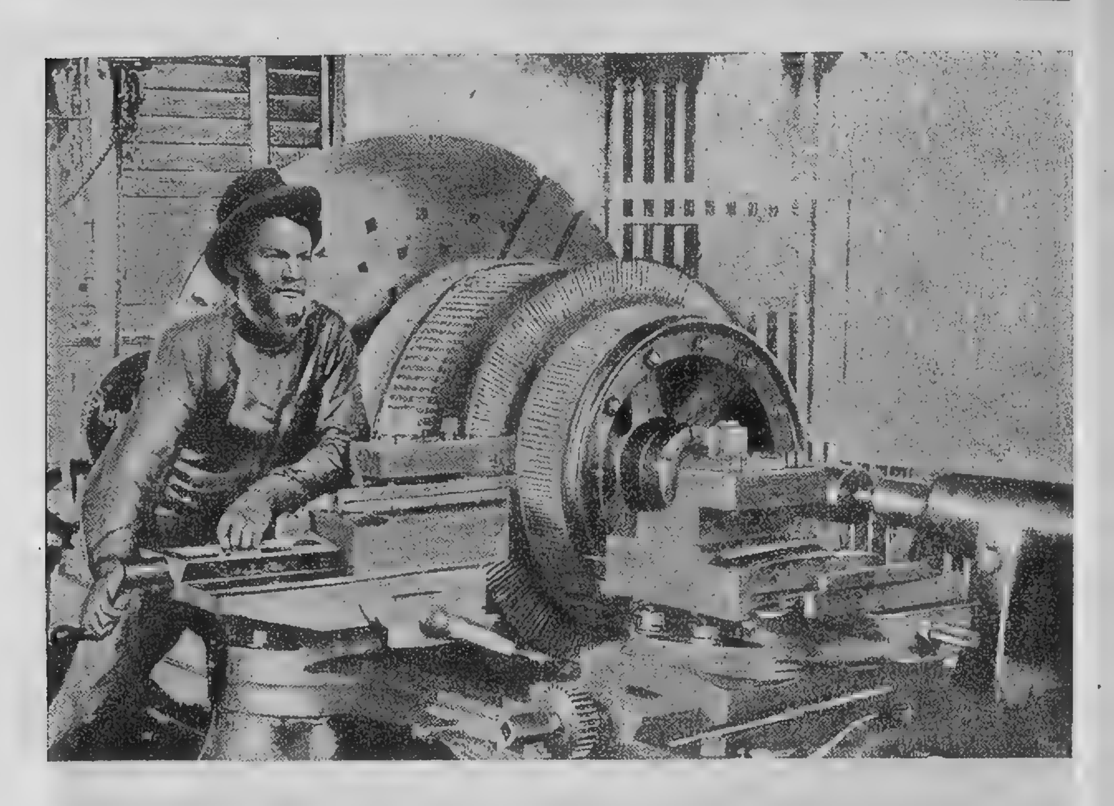
С начала поступления только разговоры между ребятами были. Большие разговоры о нашем положении. А с Кушниковым у нас встал вопрос, как связаться с нелегальной организацией. Он получил явку в Туле, из вечерней школы.

Новомеханическая мастерская Путиловского завода (в 90-е годы), в которой работал М. И. Калинин

И в 1898 г. к нам пришел один интеллигент, по имени Петр Петрович Фоминых. Студент-технолог. И мы организовали первый кружок. Сами были инициаторами.

В кружок входили Кушников, Татаринов, Митревич, Иванов, Иван Дмитриевич. Это была первая связь с «Союзом

М. И. Калинин в 1901 году

борьбы за освобождение рабочего класса». Мы членские взносы платили, библиотеку организовали» [1].

Некоторые путиловцы живо помнят молодого токаря Калинина.

«Он работал в новой механической,—рассказывает Серд,—и по нраву и поведению резко отличался от большинства рабочей молодежи. Не любил он водиться с такими, которые выпивали, бездельничали и просто гуляли с девчатами. Помню, как сейчас, у Калинина всегда карманы были набиты газетами и журналами. Видно он любил читать и вообще занимался самообразованием. Мне часто случалось видеть его, так как я жил в одном дворе с ним, в деревне Волынкиной, № 44».

В 1897 г. с Калининым познакомился Митревич.

Познакомились молодые путиловцы в вечерней технической школе, куда Калинин поступил в октябре. После занятий они часто шли пешком домой. Дорога — версты три, а то и больше — не казалась им длинной. Они со страстным волнением говорили о политике. Калинин рассказывал о книгах, которые он читал: Маркс, Белинский, Писарев, русские классики. Оба мечтали вслух о революции. Но каждый городовой на углу как будто издевался над их мечтами.

---

1 Воспоминания М. И. Калинина взяты из книги «Нарвская застава», Вагинова, Спасского и Ульянского.

Однажды лунной ночью, незадолго до экзаменов, в школе Калинин впервые завел разговор о необходимости создать на Путиловце революционный кружок.

— У меня есть хорошие ребята, туляки с Оружейного завода. Может быть знаешь токаря Кушникова из механической?

— Нет.

— Он ученик Богданова и...

Калинин замолчал. Из-за угла вышел пристав в сопровождении околодочного и трех городовых. Улыбаясь, он рассказывал о чем-то и в такт словам хлопал по ладони замшевыми перчатками. Калинин и Митревич перешли на другую сторону.

На следующий день Калинин явился в лафетно-снарядную вместе с Иваном Кушниковым, работавшим с ним в смену на одном станке, передал Митревичу пачку первомайских листков и сообщил, что вечером состоится первое собрание кружка.

Техника распространения прокламаций была уже знакома Митревичу. Часть их он вручил представителям других мастерских, часть рассовал по инструментальным ящикам товарищей и несколько штук расклеил по уборным. Ему конечно хотелось узнать, какое они произведут впечатление. Зайдя в уборную, он увидел перед воззванием группу рабочих.

— Ну и ловкие же эти политики!

— Сколько их переловили, а они ничего не боятся!

Собрание кружка было назначено у Кушникова, который снял комнату в доме Беликова, на углу Огородного переулка и Петергофского шоссе. С ним жили Ваня Татаринов и Гриша Коньков, тоже недавно приехавшие из Тулы. Предыдущим летом они изучали политическую экономию под руководством Богданова, который был тогда пропагандистом. Свой курс он впервые прочел по рукописи кружку тульских оружейников, занимавшихся большей частью в лесу.

Когда Митревич пришел к тулякам, руководителя еще не было. Лежа на кровати, Кушников пытался читать вслух. Но Татаринов и Коньков все время дурачились и мешали ему. Наконец все собрались. Пришел Калинин со своим сожителем И. Д. Ивановым, пришли братья Янкельсоны, прозванные «жандармами», потому что их отец или дядя действительно был жандармом. Пришел и пропагандист «Николай Петрович». Всего — восемь человек. По предложению руководителя решено было заняться в первую очередь эрфуртской программой.

Кружок оказался на редкость жизнеспособным. Люди, входившие в его состав, были цветом тогдашней путиловской молодежи. Калинин, Кушников и Иванов, более зре-

лые, более вдумчивые, разрабатывали и осуществляли довольно широкие планы. Остальные деятельно помогали им. Все участники кружка были очень молоды: старшему едва минуло двадцать два года. Ваня Татаринов, слесарь-лекальщик, восемнадцатилетний парнишка с веснушками на лице и ярким огоньком в светлокарих глазах, писал стихи. Товарищи подтрунивали над ним.

— Ах ты, поэт!

Вскоре в кружок вступил Ваня Путилов, фрезеровщик из пушечной. Ему шел только семнадцатый год. Он вечно изобретал что-то. И по-детски мечтал.

— О чем ты думаешь, Ванька?

— Да вот хочу изобрести такую пушку, чтобы если ее к примеру поставить у Нарвских ворот и дернуть по Зимнему дворцу, от самодержавия ничего бы не осталось.

Пропагандисты в кружке менялись. Второе собрание провел «Петр Николаевич», при котором разгорелся спор о том, кого считать пролетарием. На третье пришла молоденькая курсистка «Елена Павловна». На четвертое пожаловал солидный интеллигент с окладистой бородой «Захар Иванович».

Все они то появлялись, то исчезали. «Николай Петрович», которого кружковцы принимали за студента, был на самом деле районным представителем, рабочим Путиловского завода — Петровым. Он давно уже занимался подпольной работой и имел обширные связи. «Захар Иванович», как и подобало «солидному интеллигенту», носился с конспирацией. Адреса и фамилии были изображены в его записной книжке условными значками и рисунками. Калинин — куст. Огородный переулок — морковь и капуста. Татаринов — тюбетейка. Рисовал Захар Иванович весьма недурно.

Чаще всего вела занятия в кружке «Елена Павловна». Очевидно это была Инна Гермогеновна Смидович, двоюродная сестра доктора Смидовича (В. В. Вересаева). Товарищи студенты любили ее за необыкновенную искренность и отзывчивость [1]. Решительная, умная, всегда оживленная, она пришлась по душе молодым путиловцам.

— Мы все были немножко влюблены в нее, — признается Митревич.

«Елена Павловна» хорошо вела занятия. Эрфуртская программа изучалась подробно, пункт за пунктом. Кроме того кружковцы углубляли свои занятия по политической экономии и знакомились с заграничной подпольной литературой. Особенное внимание кружок уделял «Коммунистическому манифесту».

[1] Катин-Ярцев, Тени прошлого, «Былое», № 25. (Считая «Елену Павловну» дочерью врача, Митревич должно быть ошибается.)

Иногда, поздно вечером, когда слушатели уставали, Елена Павловна делала перерыв.

— Прочтите, Ваня, свои стихи.

Татаринов, краснея, читал:

Улицей темной шел вольный рабочий,
Опустив воспаленные очи.
Волен о рабстве он петь,
Волен по свету скитаться,
В каждые двери стучаться,
Волен в тюрьме умереть.

Немножно влюбленности. Немножко стихов. «Елена Павловна» подходила к окну.

— Смотрите! Разве это не красота? Вот что начнут воспевать поэты после революции.

В ночной темноте стоял яркий отсвет мартеновских и бессемеровских печей. Трубы завода казались живыми и грозными.

— Смотрите! Все это будет ваше.

Нарвская застава спала, пьянствовала, скандалила, дралась. Из окна дома Беликова на нас смотрели несколько молодых рабочих.

«Да, вот это правда. Эта окраина, завод, город, все заводы, все города — все наше. Мы будем бороться. Мы — победим».

Перерывы не бывали долгими. «Елена Павловна» садилась к столу и снова начинала читать. Занятия продолжались за полночь.

ВРАЗБРОД

Кружок собирался часто, от двух до четырех раз в неделю. Несмотря на постоянную смену руководителей занятия носили систематический характер. Они внесли стройность и ясность в несколько хаотический запас идей, с которыми пришли в кружок некоторые путиловцы. Почувствовав себя крепко спаянной и достаточно подготовленной ячейкой, Калинин, Кушников и их товарищи выработали план дальнейшей работы.

Кружок был объявлен центральным. Каждому члену его вменили в обязанность организовать по кружку на одном из петербургских предприятий. В скором времени как на самом Путиловце, так и на других заводах создалась целая сеть кружков. Участники их не имели непосредственной связи с членами центральной группы. В каждом кружке был «представитель», отчитывавшийся перед «центром». Так в социал-демократическую организацию удалось вовлечь «Экспедицию заготовления государственных бумаг», в которой кружок напечатал несколько листовок, завод Речкина, текстильную фабрику Кенига, одну из конфет-

ных фабрик и др. Помимо занятий теоретических все эти кружки во главе с центральным вели большую практическую работу. Первомайская кампания 1898 г., в которой они принимали ближайшее участие, встревожила правительство.

«Как предварительное негласное расследование, так затем и формальное дознание, — докладывал министру внутренних дел петербургский градоначальник,— вполне точно выяснили, что главнейшие усилия революционеров были именно направлены в среду рабочих Путиловского и Обуховского заводов, где контингент рабочих является наиболее развитым и подготовленным к восприятию противоправительственных учений. Лучшим подтверждением этих данных служит то обстоятельство, что задуманное революционерами празднование 1 мая предполагалось осуществить главным образом при посредстве путиловских и обуховских рабочих»[1].

* * *

Хотя петербургский градоначальник был конечно прав, утверждая, что путиловцы наряду с обуховцами были наиболее развиты и подготовлены к восприятию революционных учений, громадное большинство их еще продолжало блуждать впотемках и выражало недовольство случайными и неорганизованными выступлениями.

В сентябре 1898 г. тот же градоначальник доложил департаменту полиции о «беспорядках», возникших на заводе из-за того, что администрация «стала взыскивать штрафы за опоздание с особенным рвением».

Брожение началось 19 сентября. С утра у проходных ворот собралась толпа рабочих, причем «часть их, человек двести, разместившись на угольных кучах, кричала и гикала». В понедельник, 22, протест выразился в более резкой форме. Явившись в исходе дня на завод, окружной инженер Дрейер встретил там пристава Петергофского участка, который сообщил ему, что толпа, доходившая до тысячи человек, с утра вела себя крайне несдержанно и какая-то «сплоченная группа» бросала камни и куски шлака в окна конторы и в проходивших служащих.

«Неосновательность большинства заявлений рабочих, упорное нежелание их давать объяснения заводоуправлению о своих неудовольствиях, призывы держаться кучей и не отступать от заранее условленных приемов наводят на мысль о подстрекательстве злонамеренных лиц, быть может и не состоящих на заводе»[2].

---

[1] Департамент полиции, дело № 4, ч. 1-я, л. «Е» 1898 г., «О волнениях и стачках среди рабочих».

[2] Секретный рапорт окружного инженера Дрейера от 23/IX 1898 г.

В департамент полиции поступил поименной список десяти «подстрекателей», среди которых не оказалось ни одного революционера. Сколько-нибудь серьезных последствий эта история не имела.

Тем не менее она чрезвычайно характерна для того времени. Путиловцы очень легко воспламенялись и едва ли не в любой момент готовы были вступить в борьбу с заводским начальством. Но революционный авангард, еще слишком малочисленный и слабый, не мог охватить своим влиянием всю рабочую массу. Центральная группа и связанные с ней кружки насчитывали в своих рядах не больше ста человек. Правда, на заводе были и другие кружки. Но эти кружки только спосообствовали дроблению сил путиловского революционного отряда и уводили многих передовых рабочих от прямого пути к сомнительным тропинкам, а иногда просто в бездорожье.

1898 годом открылся третий период в истории русской социал-демократии. 3 марта 1898 г. в Минске состоялся первый съезд РСДРП. Это имело немалое значение. Идеи и принципы, служившие основой новой партии, были блестяще разработаны в «Задачах русских социал-демократов» Ленина.

После 1898 г. внутри партии обострились уже ранее намечавшиеся разногласия. «Экономисты» во главе с Кусковой, Прокоповичем, Тахтеревым, теоретически оправдывая стихийность рабочего движения, призывали исключительно к экономической борьбе. Революционные марксисты, борясь с экономизмом, руководили пролетарскими массами и вносили в их борьбу планомерность и сознательность.

Отныне борьба этих двух направлений заполняет всю историю РСДРП; оба эти направления меняют названия, впитывают новые элементы, выдвигают новые лозунги, но сущность их остается все та же: одни выражают мелкобуржуазные тенденции рабочего движения, а другие отражают точку зрения революционного марксизма и революционного пролетариата.

Приблизительно к этому же времени относятся расцвет «легального марксизма» и возникновение партии эсеров. Социал-демократам приходилось бороться на три фронта. Все это сказалось и на Путиловском заводе.

«Рабочая мысль», созданная еще в октябре 1897 г. группой рабочих тредъюнионистского толка при содействии интеллигентов и «экономистов», насчитывала среди путиловцев довольно много читателей. Некоторые относились к этой газете довольно скептически, но все же распространяли ее, так как она была органом «Союза борьбы», который раньше, когда им руководил Ленин, пользовался особенным уважением революционно настроенных рабочих.

Идеи крайнего экономизма, проводимые «Рабочей мыслью», проникали на Путиловский завод тем легче, что работа революционных организаций носила еще резко выраженный кустарнический характер.

«...Новые ратники шли в поход с удивительно первобытным снаряжением и подготовкой. В массе случаев не было даже почти никакого снаряжения и ровно никакой подготовки. Шли на войну, как мужики от сохи, захватив одну дубину. Кружок студентов без всякой связи со старыми деятелями движения, без всякой связи с кружками в других местах или даже других частях города (или в иных учебных заведениях), без всякой организации отдельных частей революционной работы, без всякого систематического плана деятельности на сколько-нибудь значительный период — заводит связи с рабочими и берется за дело... И обыкновенно первое же начало этих действий ведет за собой немедленно полный провал. Немедленно и полный потому, что эти военные действия явились не результатом систематического, заранее обдуманного и исподволь подготовленного плана длинной и упорной борьбы, а просто стихийным ростом традиционно ведущейся кружковой работы...» [1]

Об одном таком кустарническом кружке на Путиловском заводе сохранился очень любопытный рассказ в донесении какого-то полковника охранке [2]. Этот полковник получал очевидно сведения от сыщика, переодевшегося рабочим и втершегося в кружок.

6 декабря 1898 г. у интеллигента Матвея Миссуны состоялось свидание с рабочими Путиловского завода Константиновым, Сизовым и их приятелем «Василием». Расспросив путиловцев о заводских порядках, Миссуна стал им объяснять значение стачек. Однако они прямо заявили, что знают это.

— Еще недельку тому назад я распространил по заводу двадцать пять экземпляров «Рабочей мысли»,— сказал Василий.— Там всегда про стачки пишут.

Следующее собрание было назначено на 13 в квартире Сизова. Накануне Константинов пришел к Миссуне и предупредил его, что эта квартира не совсем благополучна, так как в том же доме живет околодочный.

— Пустяки,— решил Миссуна.

На собрание явились десять путиловцев, в том числе четверо «известных» охранке: М. Калинин, М. Егоров, В. Белоусов и С. Сизов. Эти четверо (а может быть и другие) обладали уже довольно солидной подготовкой. Миссуна, ринувшийся в «поход» с одной «дубиной», сразу же

[1] Ленин Что делать, гл. IV, стр. 438.

[2] Дело петербургского охранного отделения, № 5—6, 1898 г.

сделал громадный промах. Ничто же сумняшеся, с высокомерием интеллигента и легкомыслием революционера-кустаря, он стал рассказывать собравшимся о происхождении капитала со времени глубочайшей древности. Все десять путиловцев подняли такой шум, что он вынужден был замолчать. Особенно горячились Калинин и Егоров.

— Все это нам хорошо известно. Мы хотим получить что-нибудь живое, текущее,— кричали они.

— Ничем этим вы нас не удивите,— добавил Егоров.— Я с юных лет знаком с этим делом. Когда тайком приезжала в Петербург Вера Засулич, я виделся с ней, и о многом она мне рассказывала. А с тех пор сколько воды утекло. Нам нужны листки для завода. Если можете и хотите помочь нам в этом — пожалуйста.

Взяв четвертушку бумаги, Миссуна стал записывать под диктовку рабочих те данные, на основании которых нужно было составить текст прокламации.

Такие пропагандисты-кустари вряд ли могли оказать серьезную помощь рабочему движению, выдвинувшему к концу 90-х годов ряд людей, действительно глубоко усвоивших теорию классовой борьбы и способных руководить ею.

Некоторое время на Путиловском заводе работал кружок, связанный с «Петербургской группой рабочего знамени», которая стремилась повысить политическое самосознание рабочих и в то же время в отличие от всех других социал-демократов считала, что стачки не являются целесообразным средством в политической борьбе. При случае группа эта пыталась даже предотвратить забастовки.

В январе 1899 г. образовалась «Группа рабочих для борьбы с капиталом». Во главе ее стоял П. Е. Щеголев. Группа имела преемственную связь с народничеством, переродившимся тогда в партию эсеров. На Путиловском заводе был кружок, примыкавший к ней. В него входили: К. В. Богданов, Е. А. Грозных, В. П. Попов и П. С. Тимашов. Для занятий они пользовались социал-демократической литературой: произведениями Маркса, «Объяснением закона о штрафах» Ленина, «Десятилетием морозовской стачки» и др. Центр поддерживал связь с путиловцами через так называемое «Сибирское землячество». Особенно часто посещал заводской кружок бывший студент Горного института Н. Горчаков, «состоявший в конспиративных сношениях с К. Богдашевым» [1].

Как и повсюду, конец 90-х годов на Путиловском заводе характеризуется изобилием революционных группировок и раздробленностью революционного движения. Отсутствие

[1] Записка № 4369 начальнику жандармского управления от 26/III 1900 г.

единой и сильной организации все больше давало о себе знать. «И надо только удивляться жизненности движения, которое ширилось, росло и одерживало победы несмотря на это полное отсутствие подготовки у сражавшихся»[1].

ЛИКВИДАЦИЯ

Летом 1899 г. правительство начало «решительную ликвидацию» революционного движения на Путиловце. В июне была арестована «Группа рабочих для борьбы с капиталом». Исчезли с завода многие путиловцы, принадлежавшие к различным подпольным кружкам. Пострадало, разумеется, и основное революционное ядро завода — социал-демократическая «центральная группа».

Члены ее очень настороженно относились к тем разноречивым мнениям, которые высказывали тогда рабочие и особенно интеллигенты. А время было такое, что споры разгорались по всякому поводу. Их до сих пор помнит Митревич:

«Среди революционных интеллигентов разных толков и мастей было тогда в моде заниматься разговорами о толстовских колониях и о кооперации. Помню, как некий Левицкий на лужке, на Горячем Поле сражался в мае 1899 г. с нашими ребятами — Калининым и Кушниковым[2]. Диспут продолжался больше десяти часов подряд, до поздней ночи. Случалось сталкиваться и с эсерами, враждебными нашему социал-демократическому кружку».

До последнего момента своего существования центральная группа проводила громадную, хотя иногда и мало заметную работу.

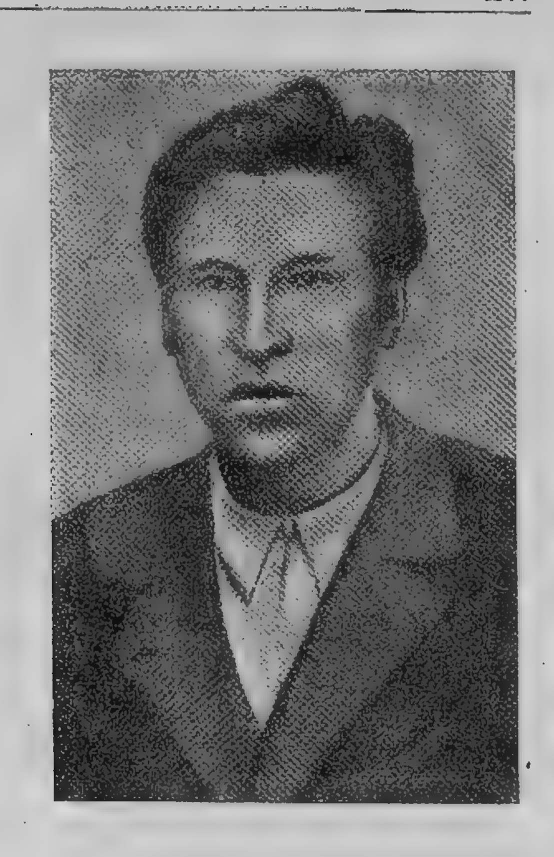
«В 1899 г. был выпущен в очень значительном количестве первомайский листок. С рисунками. Красивый листок был. Мы много получили его. Распространяли. Мастерская знала, что мы являемся подпольщиками».

В первых числах июня забастовала механическая мастерская завода Речкина. Рабочие требовали повышения расценок и удаления особенно грубых мастеров. Забастовкой руководила центральная путиловская группа. Требования, вчерне набросанные рабочими завода Речкина, Митревич и Татаринов проредактировали с помощью «Елены Павловны», сидя под деревом в Петровском парке, на берегу Ждановки. Кружок прокламацию одобрил и распространение ее поручил Митревичу и Татаринову.

---

[1] Ленин, Что делать, гл. IV.

[2] Беседа с Калининым из книги «Нарвская застава».

А. А. Митревич, передовой путиловский рабочий, вступивший в революционное движение в 90-е годы XIX века.

Проникнув на завод Речкина, они рассовали несколько листков по ящикам наиболее передовых рабочих. Один из них, молодой слесарь Мишка, по прозвищу Кронциркуль, выхватил у Митревича целую пачку прокламаций и, взобравшись на верстак, крикнул:

— Ребята! Бог милости послал. Вот она!

И прочел листок.

С громким «ура» рабочие двинулись к проходным воротам, которые оказались запертыми, взломали их и с пением вышли на улицу. Забастовка кончилась некоторыми уступками со стороны администрации.

Когда на следующий день Митревич отправился к Кушникову, чтобы сговориться о дальнейшей работе, он не застал уже ни его, ни остальных товарищей. 4 июня 1899 г. центральная группа была «ликвидирована».

О подробностях ареста Митревич узнал от И. Д. Иванова. Калинин и Кушников работали в ночь, а Татаринов был дома. Около двенадцати к нему зашел Василий Коньков, старший брат Гриши. Некоторое время спустя они заметили, что по двору бродят какие-то подозрительные тени. Татаринов видел, как в дверях дворницкой мелькнула черная шинель. Раздумывать было нечего. Товарищи наспех открыли вьюшки и стали жечь прокламации. Когда нагрянули незванные гости, бумага еще не прогорела. Полицейские заглянули в печку;

— Что вы это жгли?

— Сожитель скоро придет с работы,— спокойно ответил Татаринов. — Может быть с приятелем. Я чай им биржевкой подогревал.

Товарищи действительно пришли. Сперва Кушников, потом Калинин и один из братьев Янкельсонов.

Составляя протокол, пристав задумался и начал разглядывать висевшие на стенах фотографии. Между ними был портрет пожилого человека с большой бородой и умными, зоркими глазами. Взгляд пристава задержался на нем. Ткнув карандашом в сторону Татаринова, он спросил:

— Кто этот старик?

Татаринов ни минуты не медлил с ответом:

— Это мой родной дедушка.

Ребята переглянулись. Пристав снова взялся за протокол.

Татаринов конечно солгал ему. Но ложь эта таила большую правду. В устах социал-демократа, революционера и поэта она звучала прекрасно.

На портрете, которым заинтересовался пристав, был изображен Карл Маркс.

Разгром центральной группы и других кружков (всего за лето было арестовано шестьдесят путиловцев) не приостановил революционной работы на заводе. Первые годы двадцатого века неразрывно связаны с последними годами девятнадцатого.

Стихийное рабочее движение тоже росло. Казалось бы, летние аресты 1899 г. должны были напугать рядовых путиловцев. Полиция по крайней мере твердо рассчитывала, что они присмиреют. Но они не присмирели.

В июне, через несколько дней после ареста центральной группы, в вагонной мастерской снизили расценки. Волнения и «итальянки» из-за сбавок были очень заурядным явлением. Но «беспорядки», возникавшие на чисто экономической почве, с каждым разом приобретали все более и более политическую окраску.

Очередную сбавку проводил один из самых ненавистных инженеров на заводе, начальник вагонной Лабунский, тот самый «господин Дубовый», который при случае прохаживался тростью по спине рабочих. В числе путиловцев, распространявших выпущенную по поводу сбавки прокламацию, был Н. Белоусов, человек опытный и уже относительно немолодой (тридцати шести лет). Один из листков он наклеил ночью на заводские ворота. Пока кто-то из администрации сорвал ее, прошло много времени. Большинство рабочих успело прочесть листок.

«Товарищи, рабочие Путиловского завода. Жадным нашим эксплоататорам мало той экономии, которую они нагоняют, где можно и где нельзя, экономии, благодаря ко-

торой еще недавно погиб од..н из нас, убитый на месте негодным, но тем не менее работавшим маховиком. Они начали экономить теперь и на заработной плате. Товарищи, пока все это творится в одной только мастерской, но ведь очевидно, что, покончив с вагонной и ободренные успехом, эти грабители на законном основании перейдут и к другим мастерским и таким образом могут обойти весь завод. Неужели же мы, как бессловесное стадо, дадим драть с себя по две шкуры. Нет, не уступим кровопийце Лабунскому».

Кроме обычных требований прокламация выставляла еще следующие:

1) Полиция не должна вмешиваться во взаимные отношения между рабочими и капиталистами-хозяевами.

2) Должна быть уничтожена административная высылка.

Прокламация кончалась словами:

«Помните, что мы сила, которую признает и которой боится правительство. Терять нам нечего, а завоевать мы можем весь мир.

Путиловский завод вступил в двадцатое столетие гигантом. На нем работало около двенадцати тысяч человек. К революции их вел маленький авангард, который знал и верил, что рабочий класс может завоевать весь мир.

КАЗАНЦЫ В БОЯХ С САМОДЕРЖАВИЕМ в 1905 г.

Из книги по истории Московско-казанской железной дороги[1]

Подготовкой к забастовке и вооруженному восстанию в московских паровозных мастерских Казанской железной дороги руководили представители районного (Сокольнического) и Московского комитетов партии большевиков. В частности очень деятельное участие в руководстве принимал тов. Шестаков (кличка «Никодим»), на которого была возложена организационная работа.

Сильных в современном смысле партийных ячеек на дороге тогда еще не было. Но небольшое ядро большевиков — Горчилин, Котляренко, сестры Пашуканис и Мандельштам («Одиссей») — сравнительно быстро сумело сплотить вокруг себя группу передовых работников, которые по существу являлись энергичными проводниками влияния партии на широкую беспартийную массу.

Это влияние крепло по мере того, как в сознание масс глубже входил кровавый урок 9 Января. На расстрел петербургских рабочих пролетариат промышленных центров немедленно ответил волной стачек. В Москве с 11 по 17 января забастовки охватили 125 фабрик и заводов. В знак солидарности с питерскими рабочими бастовало 43 тыс. человек. Одновременно выставлялся ряд экономических требований. Такой же характер приняли стачки в Самаре, Царицыне, Казани и на окраинах России — в Польше, Прибалтийских губерниях, на Кавказе.

Железные дороги не могли конечно стоять в стороне от этого массового политического протеста. Как только начались забастовки, в стачечное движение сейчас же влились мастерские Московско-казанской, Риго-орловской, Привислинских, Юго-западных и Самаро-златоустовской дорог.

Министерство путей сообщения, испугавшееся того, как бы в стачку не втянулись и другие дороги, пошло на уступки: объявило о введении девятичасового рабочего дня. Железнодорожники продолжали бастовать. Особым упорством отличались казанцы, постановившие не прельщаться мини-

---

1 Книга написана в результате коллективного труда многих старых рабочих и служащих дороги, давших воспоминания и другие материалы, и литературно оформлена старым казанцем И. Плуговым.

Вокзал Московско-казанской железной дороги в 1905 г.

стерской подачкой и продолжать борьбу. Только введение на дорогах военного положения ослабило, а затем и совсем прекратило стачечное движение.

В московских и перовских мастерских бастовало в январские дни две с половиной тысячи человек. Для подавления беспорядков была вызвана рота солдат.

В вывешенных 20 января приказах управляющего дорогой извещалось о полном прекращении забастовок в Московском узле и на участках Голутвино-Рязань. Однако эта тихая жизнь продолжалась всего каких-нибудь две-три недели.

10 февраля совершенно неожиданно и к крайнему удивлению фон-Мекка забастовали служащие правления дороги — самого тихого и благонамеренного уголка во всем Московском узле. Посланные к председателю правления дороги делегаты служащих вернулись ни с чем. Мекк принципиально не пожелал удовлетворить ни одного из их требований.

В тот же день забастовали и предъявили свои требования кондукторские бригады, а вместе с ними прекратили работы линейные телеграфисты и конторщики на станциях: Сокольники, Николаевка, Митьково, Сортировочная и Перово.

Забастовка служащих была поддержана машинистами пассажирских поездов. 11 февраля из Москвы не было отправлено ни одного поезда. Волновались и рабочие московских мастерских, — 15 февраля они вновь предъявили требования, а 16 прекратили работу. Бросили работу и машинисты

товарных поездов, сторожа охраны грузов, рабочие депо Москва и сборных мастерских.

Пассажирское движение еле-еле поддерживалось, и то вызванными из железнодорожных батальонов паровозными бригадами. Поезда выходили со станции под охраной жандармов. Товарное движение на участке Москва-Рязань замерло совершенно. На станциях стояло около 2 тыс. груженых вагонов. Дорога несла ежедневно 90 тыс. руб. убытка.

Правление и управление дороги, сделав ряд незначительных частичных уступок, ввели суровые репрессивные меры. Началось массовое увольнение служащих. Среди бастующих произошло замешательство. Служащие управления первыми пошли на работу. За ними прекратили забастовку машинисты пассажирских поездов, затем конторщики подмосковных передаточных станций. Упорнее держались рабочие московских мастерских, но 18 февраля и они вышли на работу.

Эти январско-февральские забастовки, слабо организованные, возникавшие без плана, лишенные единого руководства, были только пробой сил, тренировкой отдельных массовых групп, не связанных единым командованием.

Тем легче было в дальнейшем партийной работе уловить ошибки, организационные неувязки движения и своевременно выправить их.

Материальные результаты февральской забастовки были крайне ничтожны. Заработок низших служащих, получавших нищенские оклады, остался без изменения. Министерство путей сообщения на требования рабочих отвечало не по существу. Рабочие московских паровозных и вагонных мастерских требовали повышения тарифов на сдельную работу, которые были очень низки, а министерство ответило, что оно отменяет ограничение процентного заработка. На самом же деле никакого ограничения процента заработка на Казанской дороге не существовало

И само управление дороги смазывало введением разных дополнительных циркуляров уступки, сделанные Министерством путей сообщения. Министерством допускалось учреждение в мастерских и депо института выборных от рабочих для подачи заявлений о разного рода нуждах. Управление внесло «разъяснение». Выборные могли вмешиваться в увольнение только старых служащих, прослуживших не менее трех лет; при этом опять-таки властью начальника дороги решение комиссии могло быть приостановлено. В случае, если выборные оказались бы «слишком энергичными», начальникам службы подвижного состава и тяги предоставлялось право «освобождать» выборного от несения этих обязанностей.

Из решений министерства без переработки и урезывания со стороны управления дороги осталось только решение о девятичасовом рабочем дне в мастерских. Что касается таких мероприятий, указанных в циркуляре министерства, как улучшение санитарных условий мастерских, развитие врачебной сети и усиление врачебного персонала, устройство бань для рабочих и библиотек-читален,— об этом правление дороги не желало даже и говорить.

Брожение среди служащих и рабочих дороги не прекращалось. Из месяца в месяц в правление дороги продолжали поступать петиции, заявления, требования, и каждый раз правление неизменно отклоняло их, ссылаясь на то, что «этого не позволяют сделать доходы дороги».

Как мы сказали, материальные результаты забастовки были крайне ничтожны. Этого нельзя было сказать о репрессиях, сыпавшихся на головы рабочих и служащих, Администрация дороги, опираясь на правила о военном положении, могла подвергать служащих за те или иные проступки аресту до семи дней. За самовольное оставление службы грозило тюремное заключение от четырех до семи месяцев. Активные участники забастовок почти все сплошь были изолированы: одни были уволены, другие преданы суду или без суда отбывали тюремное заключение.

Наперекор всему революционное брожение не затихало. Рабочий не хотел жить по-старому. Показателен в этом отношении Алатырь. За время забастовок рабочие алатырских железнодорожных мастерских предъявили в разное время 36 требований. На первом месте неизменно стояло одно и то же требование — вежливое обращение администрации с рабочими.

— С нами обращаются, как с каторжниками на Сахалине,— жаловались рабочие перед началом февральской забастовки.

Вполне законное требование — устроить в кузнечном цехе вентиляцию — мастера и даже культурный человек инженер Гринберг встречали насмешками и издевательством.

— Ага,—говорили они,—чистого воздуха захотели. Вот выдадим вам всем по волчьему паспорту — идите тогда дышать свежим воздухом.

Угроза «волчьим паспортом» была в алатырских мастерских бытовым явлением. Она была одной из мекковских нагаек, укрощавших рабочих, превращавших наиболее отсталых и малодушных из них, особенно пожилых, в пугливых бессловесных рабов, которые, дрожа за свою семью, мешали активным рабочим устраивать забастовки, угрожали передовикам избиением и даже смертью.

Жандармский подполковник Кострицын называл алатырские мастерские «гнездом революции». Такого же мнения

были и управляющий дорогой, и члены правления, и «сам» Мекк.

Алатырские мастерские были не гнездом, а школой революции. В клещах самого жесточайшего режима там выковывались люди будущей революции. Выхватываемые жандармами от станка за шиворот, брошенные на манчжурский фронт под пули японцев, сажаемые в тюрьму, увозимые на каторгу, они успевали сказать товарищам последнее слово: — Не пугайтесь, товарищи, не сдавайтесь, отстаивайте себя и всех рабочих.

Один из алатырцев — слесарь Бабиков — был впоследствии повешен, другой — табельщик мастерских Гусаровский — умер в тюрьме, третий — Павел Мошкин — провел 10 лет в Акатуйской каторге, четвертый — тов. Оленин — подвергался несколько раз высылкам.

Вот что говорят о своей работе, о своей революционной учебе сами алатырцы — тт. Оленин, Касаткин, Федоров и др.

«Я поступил в мастерские,— пишет тов. Оленин,— в июле 1904 г. в качестве ученика. Мне было тогда 18 лет. В первые месяцы работы, приблизительно до декабря, я ничего особенного не замечал. Правда, люди постоянно ворчали, жаловались на нищенский заработок, на собачье отношение администрации, но громко об этом не говорили. С декабря я стал замечать, что в мастерских не все ладно. Несмотря на большую строгость старшие рабочие начали собираться кучками то у одного станка, то у другого. Разговор повидимому был секретного характера, всем ввязываться в него не давали, а секретничали главным образом одни и те же лица.

Так продолжалось до половины февраля. Как-то в один из этих дней к помощнику сборочного мастера инженеру Гринштейну подошел слесарь Петров. Он держал чашку с водой, в которую был накрошен лук с хлебом.

— Что тебе надо? — спросил по обыкновению грубо Гринштейн.

Слесарь подошел ближе.

— На, посмотри, что наши дети едят,— сказал он и плеснул мурцовкой инженеру в лицо.

Гринштейн бросился к начальнику мастерских. Петров ждать не стал — тоже выбежал.

В этот день я узнал, что в мастерских началась забастовка. Забастовка прошла очень тихо и скоро кончилась. Я помню, по мастерской ходили жандармы и грозились на нас, молодых рабочих, пальцами.

Однако эта первая вспышка и особенно знаменитая чашка с водой и луком, о которой уже знали все рабочие, даром для молодежи не прошла. Более развитые товарищи

начали заводить постепенно знакомство с алатырскими студентами. У ребят начали появляться разные листовки, небольшие карманные книжечки с революционными песнями и стихами».

Интересную характеристику подавления этой забастовки дает в своих воспоминаниях слесарь И. И. Касаткин.

«Февральская забастовка, — пишет он, — была сорвана администрацией и подполковником Кострицыным. В самый разгар стачки, примерно на пятый-шестой день, Кострицын приказал вызвать к себе меня, Мошкина и токаря Розенберга. Мошкин и я были делегатами от сборочного цеха, Розенберг — от токарного.

— Вот что, ребята, — начал подполковник, обведя нас свирепым взглядом. — Буду говорить прямо: забастовка началась и держится только вами. Не будь вас — не было бы забастовки. Понимаете? Я счел нужным отправить вас сейчас же на волжскую переправу. С администрацией мы уже договорились...

Пришлось покориться. Как-никак, волжская переправа все-таки лучше Манчжурии...

На другой день, как только выслали нас из Алатыря, забастовка прекратилась».

«Вскоре после февральской забастовки, — рассказывает тов. Оленин, — некоторых наших рабочих студенты начали приглашать на собрания, которые устраивались в лесу, за рекой Сурой в Духовской роще. На одно из таких собраний попал однажды и я вместе с конторщиком службы пути Ф. Почерниковым. После этого мы стали бывать на собраниях, устраиваемых на квартирах. Там стали собираться многие из наших ребят: Николашин, Егоров, Серов, Рузанов, Бабиков, Смолкин, Мошкин, Назаров, Петров, Касаткин, Семин, Сафонкин, Федотов и другие, которых не помню. Из студентов, которые выступали на этих собраниях с речами, я запомнил Новикова, Логинова, Вешкина, Анисимова и Раевского, повешенного в 1907 г. вместе со слесарем Бабиковым. Из железнодорожников постоянным оратором на этих конспиративных заседаниях был телеграфист Столетов.

Так мало-помалу создавалось крепкое революционное ядро. Этому ядру в июле 1905 г. пришлось выполнить чрезвычайно трудную по местным условиям задачу — провести стачку, более организованную, чем февральская, и с большим охватом людей.

Условия не благоприятствовали. Однако забастовку надо было провести во что бы то ни стало. Нужд и вопросов к администрации накопилось — хоть отбавляй. Нас удивляло только одно: мы видели, что терпение рабочих держалось на волоске. Казалось, что они при первом подходящем слу-

чае разнесли бы мастерские вдрызг, но стоило мастеру сказать несколько предостерегающих слов — и люди превращались в ягнят.

День объявления забастовки приближался. Разработали план. Нам, зачинщикам, пришлось разделиться на три группы. Одна из них должна была овладеть кочегаркой и дать сигнальный гудок, а две другие — броситься в это время снимать токарей и котельщиков.

Я был в группе по подаче сигнала, во главе которой находился тов. Мошкин. Вооружившись на всякий случай болтами и гайками, мы бросились к кочегарке и, отшвырнув охрану, дали гудок. В этот момент две группы, тоже вооруженные болтами, уже выталкивали не желавших бастовать и требовали, чтобы немедленно шли в токарный цех, где был открыт митинг.

Там шла уже разработка требований, которые через несколько часов должны были быть предъявлены администрации. На первом месте стояло требование введения в мастерских восьмичасового рабочего дня, затем — вежливое обращение администрации с рабочими, прием на работу всех ранее уволенных товарищей и ряд других».

Уроки двухмесячной зимней борьбы и последней июльской стачки в Алатыре показали, что администрация ликвидировала без особых усилий забастовки в отдельных предприятиях только потому, что там выдвигались узко-экономические, местно-цеховые требования.

В таких случаях администрация легко забивала клин в стачечное движение, не забывая при этом попутно разжечь и антагонизм между отдельными группами рабочих.

Так например рабочие паровозного отделения московских мастерских были крайне озлоблены, когда вагонное отделение, получив обещание администрации удовлетворить его требования, возобновило работы, в то время как паровозники еще бастовали. Так было и с конторскими служащими. Достаточно было накинуть полкопейки на отрабатываемую на сдельных работах «отправку» (дубликат накладной), как служащие считали себя уже удовлетворенными и возобновляли работу.

Такой способ ведения борьбы все чаще и чаще вызывал резкую критику со стороны самих рабочих и служащих. С цеховщиной надо было покончить. Надо было подумать о создании такой организации, которая бы объединяла не только все предприятия дороги, но рабочих и служащих всех дорог.

Способ такого объединения был вскоре найден. 21 апреля на съезде служащих от десяти дорог был организован всероссийский союз железнодорожников. На этом съезде было определено и политическое лицо союза.

В июле в Москве состоялся II съезд железнодорожников. На этот раз на съезде были представлены уже 26 дорог из 29.

За месяц до съезда центральное бюро союза железнодорожников выпустило воззвание, в котором говорилось, что единственное верное средство добиться исполнения всех требований служащих и рабочих — всеобщая железнодорожная забастовка.

К таким выводам пришел и II съезд. Всеобщая политическая железнодорожная забастовка была решеша. На центральное бюро союза была возложена подготовка стачки.

Стачечный комитет Казанской дороги во главе с тт. Горчилиным и Котляренко, действуя в полном контакте с центральным бюро, назначил первым днем забастовки 7 октября.

Забастовку начала Казанская дорога. Забастовка фактически началась накануне, 6 октября. Начали ее паровозные машинисты. Последним поездом, отправленным из Москвы, был скорый № 12 — Москва — Минеральные воды, вышедший в 1 час. 10 мин. дня. Из прибывших в Москву поездов скорый поезд № 11 был задержан у входного семафора станции Москва.

Следовавщие за ним скорые и почтовые поезда № 5, № 1 и № 19 были задержаны в Перове.

7 октября в 12 час. дня прекратили работу телеграф и центральная телеграфная станция. В час дня бросили работу служащие правления и управления. По Каланчевской площади, не обращая внимания на казачьи разъезды и марширующие отряды солдат, шли отдельными группами рабочие московских мастерских. Это были делегаты, посланные прекращать работу на Николаевской и Ярославской дорогах.

Скоро к сигнальным гудкам казанских паровозов присоединились гудки николаевских и ярославских. На путях около Виндавского вокзала делегатов Казанки остановила рота солдат. Рабочие свернули; но тут же на глазах офицера вылетела стена депо: ее прошиб паровоз, пущенный с круга полным ходом одним из машинистов Виндавки. Это был своеобразный сигнал к началу забастовки. К трем часам дня движение на Виндавской остановилось.

9 октября остановилось движение на Рязано-уральской, Курской, Киево-воронежской и Нижегородской дорогах. Из дорог Московского узла работала только одна Савеловская. Выставленные на ее путях и возле вокзала казачьи заслоны мешали забастовщикам проникнуть туда и уговорить товарищей бросить работу.

К 15 октября стачечным движением были охвачены помимо железных дорог все крупнейшие промышленные центры страны. К этому времени бастовало приблизительно

В. Савельев — участник революции 1905 г. на Казанской железной дороге, ныне председатель комиссии по истории Казанки

около полутора миллиона человек. Жизнь страны замерла. Стояли сотни тысяч веретен и станков. На поверхность земли не подавалось ни одного пуда угля. Застрявшие в Крыму министры чувствовали себя пленниками рабочих. Они бессильны были не только выехать, но даже послать телеграмму в Петербург. Власть неистовствовала, особенно когда, объединяя колоссальный фронт бастующих, начали организовываться советы рабочих депутатов.

Правительство не выдержало. На десятый день стачки, в понедельник 17 октября, был подписан царем и опубликован «высочайший манифест о даровании населению незыблемых основ гражданской свободы».

Некоторые иностранные газеты, печатая вкратце содержание манифеста, называли его «капитуляцией царя перед народом».

Ленин считал такую оценку неправильной. В № 24 «Пролетария» от 25 октября 1905 г. в статье «Первая победа революции» он писал:

«Мы имеем полное право торжествовать. Уступка царя есть действительно величайшая победа революции, но эта победа далеко еще не решает судьбы всего дела свободы. Царь далеко еще не капитулировал. Самодержавие вовсе еще не перестало существовать. Оно только отступило... в чрезвычайно серьезной битве, но оно далеко еще не разбито, оно собирает еще свои силы, и революционному народу остается решить много серьезнейших боевых задач,

чтобы довести революцию до действительной и полной победы».

На митинге в управлении Московско-казанской дороги было вынесено постановление приступить к работе с понедельника 24 октября.

В обращении рабочих и служащих к правлению и к управляющему дорогой говорилось: «Вступая согласно постановлению Московского стачечного комитета с понедельника 24 сего октября на работу, ставим вас в известность, что одновременно с этим поручаем выбранной нами комиссии вырабатывать минимальные требования экономического характера и после рассмотрения их на общем собрании передать вам. Вместе с тем собрание предлагает правлению и управлению принять на службу всех уволенных как после первой (февральской), так и последующих забастовок».

В тот же день с Московского вокзала началось отправление поездов. При этом по распоряжению правления на станции были отслужены благодарственные молебны.

22 октября управляющий дорогой разослал по линиям всем начальствующим телеграмму, целью которой было «внести успокоение в умы рабочих и служащих».

«Мною,— говорилось в депеше,— получена от начальника управления железных дорог от 21 октября телеграмма нижеследующего содержания: от имени министра объявите всем, что с соизволения его императорского величества правительством будут приняты решительные меры к улучшению быта низших служащих дорог. Вместе с сим по распоряжению министра объявите служащим и рабочим, что если в понедельник 24 октября или через сутки после получения этой телеграммы они встанут на работу и нормальное течение деятельности на дорогах восстановится, то проступки их, вызвавшие замешательство на дорогах, преследоваться не будут, а жалованье будет уплачено точно. Объявляя о вышеизложенном по вверенной мне дороге, присовокупляю, что за последовавшим уже восстановлением движения со стороны управления дороги никаких репрессивных мер по отношению к лицам, участвовавшим в забастовке, принято не будет и что жалованье будет уплачено в установленные для сего на дороге сроки.

Настоящую депешу прошу вывесить во всех конторах и дежурных комнатах».

Тут же вслед за телеграммой было послано распоряжение выдавать плату рабочим и служащим за время забастовки полностью без удержания. Этим распоряжением впервые признавалась законность стачки.

Правление дороги и акционеры были до крайности раздражены октябрьской стачкой и в особенности уступками,

на которые пошло Министерство путей сообщения. В тревоге за свои дивиденды акционеры отправили в Министерство путей сообщения секретный документ — докладную записку, в которой аттестовали октябрьскую стачку как «действие темных масс, подчинившихся влиянию умелых агитаторов», и открыто выступили против распоряжения министра путей сообщения Хилкова. Они готовы были обвинить в «темноте» и уже обвинили министра путей сообщения, который с их точки зрения сделал непонятную поблажку забастовщикам.

Реакционные вылазки администрации начинали проявляться в форме отклонения просьб, заявлений и требований, подаваемых группами рабочих и служащих.

Каждый новый завоевательный шаг служащих вызывал чрезвычайную раздражительность начальства. Произошло ли где-нибудь собрание, организовался ли новый комитет или бюро, — в министерство сейчас же летели срочные телеграммы, в которых и бюро, и комитеты, и собрания назывались «незаконными», и управляющий дорогой Шестаков снова выражал свое недоумение, почему служащие и рабочие не понесли никаких наказаний за стачки.

Слово «наказание» все чаще и чаще начинает фигурировать в докладах и донесениях начальствующих. Но интереснее всего отношение администрации к рабочим. Если рядовые рабочие назывались в официальных бумагах «бунтарями» и «преступниками», то рабочие-активисты, социал-демократы (большевики) иначе и не назывались, как «социал-домокрадами». Это скудоумное словечко настолько вошло в обиход определенных кругов, что его стали употреблять так называемые старшие служащие, с презрением относившиеся к бунтующей мелкой сошке.

Но «мелкая сошка» продолжала «бунтовать» и показывать при этом образцы высокой революционной выдержанности. В ноябре во время всероссийской почтово-телеграфной забастовки правительственным телеграфом была передана на телеграф Казанской дороги для передачи по железнодорожным проводам на Дальний Восток высочайшая царская шифрованная телеграмма на имя главнокомандующего манчжурскими армиями генерала Линевича.

Телеграфисты станции Москва из-за солидарности с бастующими товарищами категорически отказались передавать телеграмму. Тогда в помещение телеграфа были введены жандармы. Их угрозы арестом, отдачей под суд, увольнением и другими карами не сломили упорства телеграфистов. Они заявили, что целиком поддерживают работников почт и телеграфа и что любой телеграфист скорее пойдет в тюрьму, чем нарушит революционную пролетарскую солидарность.

За аппарат сел передавать депешу сам начальник телеграфа инженер Гильбих, которого на всякий случай окружили плотным кольцом жандармы. Однако труды этого штрейкбрехера не дали никаких результатов. Телеграмма была передана только до Рузаевки, а дальше продвинуться не могла; телеграфисты станции Батраки Самаро-златоустовской железной дороги, предупрежденные казанскими телеграфистами, наотрез отказались пропустить ее дальше. Жандармам осталось лишь составить протокол о случившемся. Попытки их отправить начальнику телеграфа Самаро-златоустовской дороги жалобу на действия телеграфистов станции Батраки также окончились неудачей. Эту телеграмму телеграфисты станции Москва тоже отказались передать.

Конечно все виновные в этом телеграфисты по распоряжению управляющего дорогой немедленно были уволены. Вскоре после этого они были арестованы и приговорены Московским окружным судом каждый к двухлетнему заключение в крепости, с отдачей после отбытия наказания под надзор полиции на пять лет.

Приговор поднял на ноги весь Московский участок. И рабочие и служащие требовали немедленного пересмотра дела, обратного приема всех пятерых телеграфистов на работу и увольнения Гильбиха. К Мекку была отправлена делегация от рабочих и служащих в составе 60 человек. Такая же делегация была отправлена и к Шестакову. Мекк на требование делегации ответил отказом:

— Я, — сказал он, — верный слуга государя и исполняю его волю.— Шестаков обозвал делегатов мерзавцами.

Через несколько дней в некоторых московских и петербургских газетах было напечатано открытое письмо центрального бюро всероссийского железнодорожного союза, адресованное техническому обществу и доводящее до его сведения о штрейкбрехерстве Гильбиха. В письме говорилось:

«Центральное бюро всероссийского железнодорожного союза доводит до сведения совета московского отделения Русского технического общества о провокаторских действиях непременного члена общества, начальника службы телеграфа Московско-казанской железной дороги Гильбиха.

Гильбих еще в февральскую забастовку служащих и рабочих Московско-казанской железной дороги лично производил над служащими телеграфа жандармские допросы и был первым, не стеснявшимся применять тактику увольнения участников забастовки. Этим же лицом распространялись среди служащих Московско-казанской железной дороги грингмутовские (черносотенные) прокламации.

В настоящее время ввиду отказа телеграфистов принимать и отправлять правительственные депеши противообщественного характера, что исполняется ими согласно постановлению соединенного собрания делегатов служащих и рабочих железных дорог Московского узла центрального бюро всероссийского железнодорожного союза и постановлению общего собрания железнодорожных телеграфистов Московского узла, — Гильбихом лично приглашаются жандармы для составления протоколов на телеграфистов и производится над отдельными лицами насилие в целях исполнения его требований.

При этом пять телеграфистов представлены к увольнению со службы.

Находя подобные черносотенные действия Гильбиха нетерпимыми, центральное бюро всероссийского железнодорожного союза просит совет общества огласить это путем печати».

Гильбих остался безнаказанным. Его взяли под защиту ведомственные реакционные верхушки, а наступившие события не позволили служащим и союзу довести до конца начатое против него дело.

21 ноября в далекой пограничной крепости Кушке в Средней Азии произошло событие, показавшее всю лживость царского манифеста и заставившее железнодорожников снова взяться за мощное их оружие — всероссийскую стачку.

В этот день военно-полевой суд крепости приговорил к смертной казни через повешение начальника участка инженера Соколова и других агентов Среднеазиатской дороги за принадлежность их к железнодорожному союзу и за революционную агитацию. Приговор назначено было привести в исполнение 22 ноября.

Телеграмма инженеров города Асхабада, умоляющая спасти осужденных, мгновенно была распространена по всем железным дорогам. На Казанке ее получили в два часа пополудни. В три часа в адрес графа Витте, военного министра, министра путей сообщения, служащим и рабочим всех российских железных дорог была послана с Москвы-Пассажирской телеграмма следующего содержания:

«Общее собрание служащих и рабочих Московско-казанской железной дороги, глубоко возмущенных непрекращающимся произволом и беспримерным насилием над нашими товарищами со Среднеазиатской железной дороги, инженером Соколовым и другими, постановило заявить, что если до 10 часов вечера не будет получено от вас уведомление об отмене военно-полевого суда и смертной казни над упомянутыми товарищами, то на Казанской дороге будет объявлена забастовка, ответственность за которую падет все-

цело на правительство, дающее одной рукой свободу, а другой производящее акты возмутительного насилия над личностью. Долой смертную казнь! Долой военно-полевые суды и меры охраны! Требуем полной амнистии! Товарищи, мы посылаем настоящую телеграмму и предупреждаем вас, что если в 10 часов вечера не получим из Петербурга удовлетворительный ответ, сообщаем вам о прекращении работы и требуем от вас поддержать общее дело.

Собрание служащих и рабочих Московско-казанской железной дороги».

Правительство, не забывшее еще октябрьскую стачку, поспешило удовлетворить требование железнодорожников. Телеграммой, посланной из Петербурга в 8 час. 5 мин. вечера, министр путей сообщения Немешаев извещал железнодорожников о приостановлении по распоряжению военного министра исполнения приговора и о пересмотре дела.

Это была последняя победа железнодорожников в 1905 г. Правительство решило больше не уступать.

3 декабря в Петербурге был арестован совет рабочих депутатов. В Москве начались аресты членов крестьянского союза. Не было никакого сомнения в том, что такая же участь не сегодня-завтра постигнет и Московский совет и Московский комитет большевиков.

Эти опасения вполне резонно ставились в связь с назначением на должность московского генерала-губернатора, известного реакционера, вождя черносотенцев — адмирала Дубасова, срочно вызванного из Черниговской губернии, где он в течение двух месяцев порол бунтовавших крестьян.

Первым распоряжением Дубасова был приказ запереть в казармах 2-й гренадерский Ростовский полк, в котором началось брожение, и усилить московский гарнизон казачьими частями и стоящим в Твери пехотным полком.

При такой накаленной атмосфере в Москве почти одновременно были созваны общегородская конференция большевиков и конференция железнодорожников от 29 дорог.

Накануне конференции, 4 декабря, в реальном училище Фидлера было созвано заседание Московского комитета большевиков. На заседании тов. Мандельштам сделал доклад о подготовке железнодорожного района к выступлению. Перечислив наличие вооруженных сил железнодорожников, тов. Мандельштам закончил доклад словами: «Дружинники ждут призыва партии к стачке и восстанию».

Выступивший за ним тов. Горчилин дал характеристику дружины казанцев.

— В своем районе, — говорил он, — мы носим оружие открыто. В первую же ночь после объявления восстания мы

разоружим в нашем районе всех полицейских и захватим их участки. Удержать рабочих от выступления теперь невозможно. Даже старики-лампадники потеряли в мастерских последний авторитет. Мы проведем стачку в день и час, какие укажет Московский комитет.

Вечером 5 декабря, когда открылась конференция большевиков, Дубасов подписал приказ об объявлении Москвы на военном положении.

Выступления районных делегатов, описывавших в ярких словах положение на фабриках и заводах и сообщавших в цифрах количество вооруженных рабочих сил, сводилось к одному: медлить нельзя, надо завтра же начать восстание, предупредить врага, который готов каждую минуту броситься на рабочих и их вождей.

От большевиков московских мастерских Казанки на конференции присутствовали тт. Горчилин и Белоусов.

Поздно вечером конференция решила объявить всеобщую забастовку и перевести ее в вооруженное восстание.

6 декабря, когда в ознаменование именин царя по Москве устраивались черносотенные манифестации, было созвано экстренное пленарное заседание Московского совета. Обсуждался вопрос об объявлении забастовки и вооруженном восстании. Меньшевики высказывались против вооруженного выступления; против восстания были и социалисты-революционеры.

В разгар прений на пленуме появилась делегация конференции железнодорожников. Пленум встретил ее бурными аплодисментами.

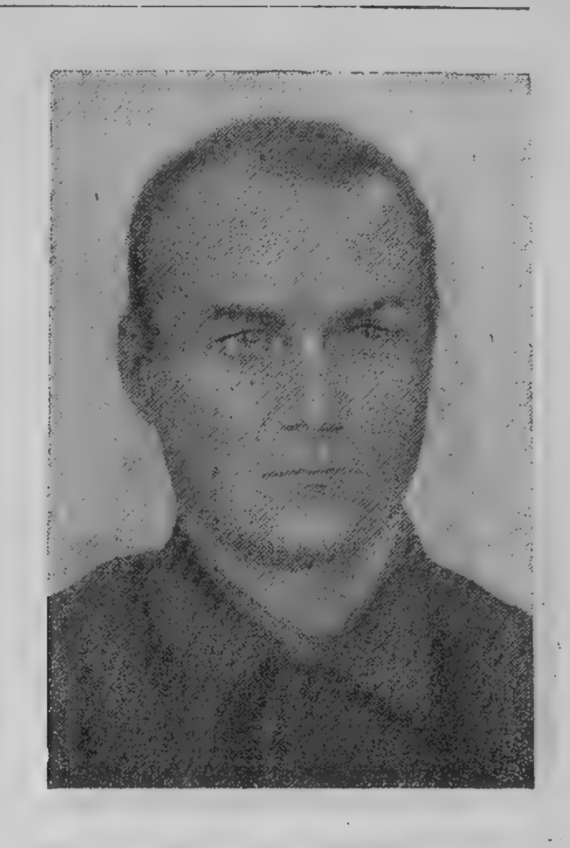
— Мы пришли заявить, — начал один из членов делегации, — о готовности железнодорожников начать новую забастовку. Конференция ждет от Московского совета решения начать ее. Но конференция ставит при этом условие: мы поддержим московских товарищей и начнем забастовку только в том случае, если она будет переведена непосредственно в вооруженное восстание...

Последние слова вновь были покрыты аплодисментами. Под крики «Да здравствует всеобщая забастовка и вооруженное восстание!» пленум выносит краткую резолюцию:

«Московский совет рабочих депутатов объявляет всеобщую политическую забастовку с переводом ее в вооруженное восстание в среду 7 декабря с 12 часов дня».

Борьба началась. Началась первая жестокая гражданская война. Ленин за шесть месяцев до декабря писал в «Пролетарии» № 6 от 20 июня 1905 г.:

«Пролетариат, в силу самого своего положения как класса в современном обществе, способен раньше всех других классов понять, что великие исторические вопросы решают-

А. И. Горчилин—один из организаторов вооруженного восстания на Казанской железной дороге

ся в последнем счете только силой, что свобода не дается без величайших жертв, что вооруженное сопротивление царизма должно быть сломлено и раздавлено вооруженною рукою»[1].

Пролетариат понял это и взялся за оружие.

Забастовка началась точно в установленный срок — в полдень 7 декабря. За час до прекращения работ в московских паровозных мастерских был организован общецеховой митинг, созванный партийной организацией мастерских —большевиками.

Митинг был открыт тов. Горчилиным («Гренадером»). Собрание скоро пополнилось подошедшими служащими управления дороги во главе с тов. Котляренко. С каждой минутой вливались новые группы рабочих и служащих. Подошли товарищи с передаточного пункта «Николаевка» и с Москвы-Товарной.

Первые слова докладчика — «начинаем обсуждение воззвания центрального бюро союза и решение Московского совета» — сразу же наэлектризовали собравшихся.

— Многим из нас, — продолжал докладчик, — воззвание известно, но мы огласим его еще раз. Положение серьезное. Забастовка, которую мы начнем через несколько минут, не будет похожа на наши прежние выступления. Мы выступаем сегодня против самодержавия, против капитализма,

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. VII, стр. 364.

А. В. Шестаков — представитель МК большевиков в 1905 г. на Казанской железной дороге

против помещиков; выступаем не с петициями, а с оружием в руках, и многим из нас придется быть может умереть. Но мы готовы на все...

— Два месяца назад, — продолжал тов. Горчилин, — мы всеобщей забастовкой заставили царя издать манифест о свободе. Но что мы видим теперь? Наши собрания разгоняются; наши товарищи избиваются полицией и черной сотней. Лучшие из товарищей, борцы за рабочий класс — большевики — арестовываются, или их убивают, как предательски убили тов. Баумана. Вы знаете, как предательски из-за угла и из окон манежа были расстреляны возвращавшиеся с похоронной процессии. Вместе с московскими сатрапами действует и наше начальство. Вы знаете, что у нас, рабочих, отобрано все то, чего мы добились в октябрьскую забастовку. Черная сотня объединилась и идет в наступление на революцию, на наши права, на наши кровные интересы. Николай II со своей опричиной хотят снова вогнать народ в рабство, закабалить рабочих. Сегодня мы ответим царю окаянному новой всеобщей забастовкой. Большевики Москвы и Московский совет рабочих депутатов призывают вас с 12 час. дня выступить так же славно, как выступили в октябре, и остановить дорогу. Да здравствует всеобщая политическая стачка! Да здравствует решительный бой с самодержавием!

Последние слова вызвали горячее боевое возбуждение собравшихся. Возбуждение дошло до последних пределов, когда были оглашены фамилии лиц, входивших в состав

Панкратов — организатор подпольной большевистской ячейки в перовских мастерских Казанской железной дороги

Революционного стачечного комитета. Такие фамилии, как Горчилин, Шибаев, Белоусов, Котляренко, Ухтомский, покрывались бурными одобрениями рабочих и криками «ура».

— На баррикады готовы! Давайте только оружие! — кричали со всех сторон.

Ровно в 12 час. на путях Москвы-Пассажирской раздались тревожные паровозные гудки. Это был сигнал к прекращению работ. Шум и свист выпускаемых из паровозов паров, усилившийся рев гудков, встревоженные лица станционных агентов — все это создавало панику среди пассажиров, ожидавших отправления скорого поезда № 12.

— Поезда не пойдут, объявлена всеобщая забастовка, — кричали на ходу суетившиеся дежурные.

Через два с половиной часа после объявления забастовки рабочими московских паровозных мастерских был захвачен телеграф. Жандармы, пытавшиеся оказать сопротивление, были сброшены с лестницы. С захватом телеграфа прекратилась связь управляющего дорогой с линейной администрацией, и, наоборот, усилилась связь стачечного комитета с местами, что дало возможность Революционному комитету управлять стачечным движением насквозь по всем линиям. Власть управляющего дорогой и правления дороги объявлялась низложенной, и управление дорогой перешло целиком к Революционному стачечному комитету.

С утра 8 декабря по телеграфному распоряжению стачечного комитета были прекращены работы в мастерских и де-

по по всем важнейшим узлам дороги — Рузаевке, Пензе, Алатыре, Батраках, Сызрани, Казани, Нижнем. На каждой из этих станций были организованы местные стачечные комитеты для руководства забастовочным движением на линии в пределах своего участка.

Первой и неотложной задачей становилась добыча оружия. Рабочие разоружали всех, кого только можно было разоружить: жандармов, полицейских, но больше — офицерский состав, направлявшийся в Москву с эшелонами демобилизованных с Дальнего Востока. У солдат оружия не было, а офицеры сдавали его неохотно, иногда оказывая упрямое сопротивление. В таких случаях рабочим приходилось обращаться к содействию солдат. Нижние чины указывали офицеров, имевших оружие, и сами требовали выдать его, чтобы не задерживать следования эшелонов.

Штабом и стратегическим узлом московских дружинников были выбраны московские паровозные мастерские. Здесь с первого же дня забастовки начались запись в дружины, учет и раздача оружия, обучение стрельбе и тактике уличного боя.

Московским комитетом партии большевиков была выпущена к этому времени специальная боевая инструкция — «Советы восставшим рабочим», объяснявшая, как надо действовать в условиях уличных боев с полицией и войсками. Представителем Московского комитета партии большевиков был тов. Никодим (А. В. Шестаков), руководивший непосредственно организацией боевых дружин при содействии тт. Горчилина, Котляренко и Ухтомского.

В первые дни боевая дружина московских рабочих состояла из пятидесяти бойцов, вооруженных самым разнородным и разнокалиберным оружием—берданками, револьверами устаревших систем: смит-вессонами, бульдогами, лефоше и в незначительном количестве — браунингами.

Такой нищенский «арсенал» ни в какой степени не мог удовлетворить дружинников, а тем более руководителей дружины. Надо было во что бы то ни стало вооружиться винтовками. После продолжительных поисков и обшаривания эшелонов винтовки были найдены в одном из санитарных поездов на станции Перово. Первые винтовки, попавшие в руки рабочих, сильно подняли их боевое настроение. Как только появилось настоящее надежное оружие с большим запасом патронов, сейчас же увеличился приток желающих записаться в боевые дружины.

Скоро в московскую дружину влились вооруженная винтовками дружина рабочих перовских мастерских и люберецкая дружина, составленная из рабочих тормозного завода Пурдэ. Общая численность бойцов всех трех дружин доходила уже до 175—200 человек.

Мозжухинская калитка (Давыдовский переулок) — место засады боевой дружины казанцев

Ближайшей вооруженной силой, которую рабочие Казанской дороги имели против себя, были полторы роты особого отряда, занявшие еще 7 декабря Николаевский вокзал. 8 декабря отряд был усилен двумя пехотными ротами с двумя конными орудиями и в дальнейшем пополнялся ежедневно то казачьими сотнями, то эскадронами драгун.

Концентрация таких значительных сил на Николаевском вокзале свидетельствовала о том, что Дубасов придавал этому пункту исключительное значение как в смысле получения подкрепления из Петербурга, так и в смысле подготовки наступления на Казанский вокзал.

План Дубасова был понят и учтен рабочими. Подход к мастерским был укреплен баррикадами. В дружину влились несколько солдат и матросов из стоявшего в Перове эшелона, и, что особенно было важно, пришедшие на помощь революции товарищи принесли с собой два пулемета. Один пулемет был поставлен на нефтекачке для обстрела привокзальной площади, другой — у Мозжухинской калитки, выходившей на 3-ю Краснопрудную улицу.

Вечером 9 декабря в реальном училище Фидлера в Лобковском переулке близ Чистых прудов было назначено совещание стачечных комитетов железнодорожников Московского узла, на который явились и несколько членов стачечного комитета Казанской дороги. На этом митинге, на котором было заслушано сообщение о ходе революционного движения в Москве, был поставлен вопрос о захвате

боевыми дружинами генерал-губернаторского дома и штаба военного округа.

Извещенное своей агентурой градоначальство забило тревогу. К дому Фидлера были вызваны две роты Самогитского пехотного полка и эскадрон Сумского. Дом был окружен. На предложение пристава и командира отряда сдаться боевые дружины после краткого совещания открыли по войскам огонь из маузеров и винтовок и начали бросать бомбы. Бомбами были убиты прапорщик Самогитского полка Цирков и два нижних чина. Солдаты по команде начали бить залпами в окна, на что дружинники отвечали непрерывным огнем и бомбами. К месту сражения был вызван взвод конной артиллерии, прибывший под прикрытием полуэскадрона Сумского полка.

Пущенные в окна первые гранаты не поколебали стойкости дружины. Они продолжали стрельбу уже наугад, не подходя к окнам, не видя врага. Участившаяся стрельба в упор, потери, причиненные гранатами, а главное невозможность нанести врагу ущерб — заставили дружинников вступить в переговоры о сдаче. При ведении переговоров командир отряда гарантировал дружинникам неприкосновенность и свободный выход по домам, если они не будут иметь при себе оружия. Но как только часть вышедших из училища очутилась на улице, на них бросился из-за угла эскадрон сумских драгун и начал рубить шашками. В этот вечер железнодорожники и рабочие Москвы потеряли около 150 человек революционного актива, из которых 130 человек были арестованы и отправлены в пересыльную тюрьму, трое были убиты, пятеро пропали без вести, а остальные получили ранения штыками и саблями. Из служащих Московско-казанской дороги погиб в этот вечер работник отдела статистики Службы сборов А. А. Матье, зарубленный драгунами.

Рано утром 10 декабря в московских паровозных мастерских было созвано совещание боевых дружин для заслушивания докладов по текущему моменту. Сообщение об аресте в доме Фидлера руководителей боевых дружин вначале понизило настроение рабочих. Некоторым товарищам казалось, что революции уже нанесен сокрушительный удар, но выступление тт. Никодима, Белоусова, Горчилина и Ухтомского, призывавших не ослаблять, а доводить борьбу до высших пределов, вернуло рабочим прежнее боевое настроение.

— Мы, — говорили ораторы, — еще не испробовали себя в огне, в активных массовых действиях; революция ждет от нас подвигов; мы должны поставить свою волю к победе на весы революции, показать царской опричине, что рабочий класс, взявшийся за оружие, или победит, или умрет, но

окупит свою смерть величайшей ценой, от которой не поздоровится тем, с кем мы выйдем сражаться...

Настроение поднималось. Пришедшие на собрание делегаты боевых дружин Ярославской дороги предложили разработать единый план наступления на Николаевский вокзал, овладеть которым значило предупредить вторжение в Москву гвардейских полков.

План ярославцев, дружиной которых командовал тов. Алфимов, был одобрен и дополнен предложением казанцев. Оба отряда должны были начать 11 декабря в сумерки под прикрытием темноты штурм Николаевского вокзала, захватить телеграф, поднять на восстание рабочих мастерских и депо, разобрать пути и задержать в конечном итоге движение гвардии на Москву.

Ко дню штурма войска, занимавшие Николаевский вокзал, были доведены до трех с половиной рот пехоты при двух конных орудиях и трех пулеметах. Утром 11 декабря эти силы были пополнены одной казачьей сотней и эскадроном драгун Сумского полка. Ими командовали есаул 1-го Донского казачьего полка Герасимов и полковник 5-го резервного саперного батальона Степанов.

Казанцы под командой тт. Короткова и Алфимова начали штурм в третьем часу перебежками редкими цепями со стороны Рязанского вокзала и лавки общества потребителей.

Потребительская лавка Московско-казанской железной дороги, разгромленная и сожженная войсками царского правительства в 1905 г.

Первое же появление вооруженных людей на площади было встречено частым ружейным и пулеметным огнем солдат и казаков, бивших почти в упор с верхних этажей и крыш станционных зданий.

Ошеломленные огнем первые цепи дружинников сейчас же отбежали назад. Через несколько минут на площадь бросилась новая шеренга, но, не добежав до середины площади, видя падающих под выстрелами товарищей, откатилась назад. После третьей попытки, сломленной вновь жестоким огнем врага, руководство решило отказаться от бесполезных губительных атак и перешло к обстрелу вокзала ружейным огнем.

Очистив площадь и успев при этом подобрать раненых, дружинники заняли помещение Рязанского вокзала и соседних строений, разместились на крышах, на чердаках, за заборами, откуда старались обстрелять и обезвредить наблюдательный пост врага — каланчу Николаевского вокзала. На этой высокой башне в отверстие на месте вынутых часов неприятель поставил два пулемета, которые буквально не давали высунуть головы. Пулеметчиков надо было снять во что бы то ни стало.

Эту задачу взяли на себя два матроса, оказавшиеся великолепными стрелками, и лучший стрелок дружины агент Службы движения станции Москва — Сулема-Самойлов. Эти трое после настойчивой получасовой стрельбы по пулеметному гнезду врага сняли одного пулеметчика за другим, и пулеметы замолкли.

Дубасовцы, не ослабляя ни на минуту ружейной стрельбы, пустили в ход артиллерию. Снаряды разрывались на путях, ложились на Каланчевской площади, зажигали вагоны, жилые дома. Более десятка снарядов попало в электрическую подстанцию на Краснопрудной улице, другие зажгли деревянный соседний дом и лесной склад.

Укрываясь от орудийной стрельбы, около сорока дружинников засело в полуподвальное каменное помещение магазина общества потребителей, продолжая оттуда стрелять по вокзалу. Заметив это, дубасовцы перенесли огонь на это помещение; пущенные один за другим четыре снаряда зажгли магазин. Дружинники, не обращая внимания на пожар, продолжали стрелять из своих каменных траншей.

Дубасовцы расширяли площадь обстрела. Их снаряды сыпались через горящий дом на станционном пути, повредили крышу депо, отбили угол у здания мастерских, разворотили пути, снесли сигнальную будку.

На вокзале наскоро был развернут летучий перевязочный пункт. Четыре санитара—тт. Титов, Борисов и две женщины, служащие из управления — перевязывали раненых. Санитар Борисов был ранен в живот пулей навылет.

Держаться на площади и даже в прикрытиях было невозможно. Дружина поспешно стягивалась к мастерским. Там было устроено пятиминутное совещание. Учтя большую потерю в людях и полное истощение запасов патронов, совещание решило не продолжать борьбы в районе станции из опасения быть окруженными, выехать на линию и там обсудить дальнейшие действия.

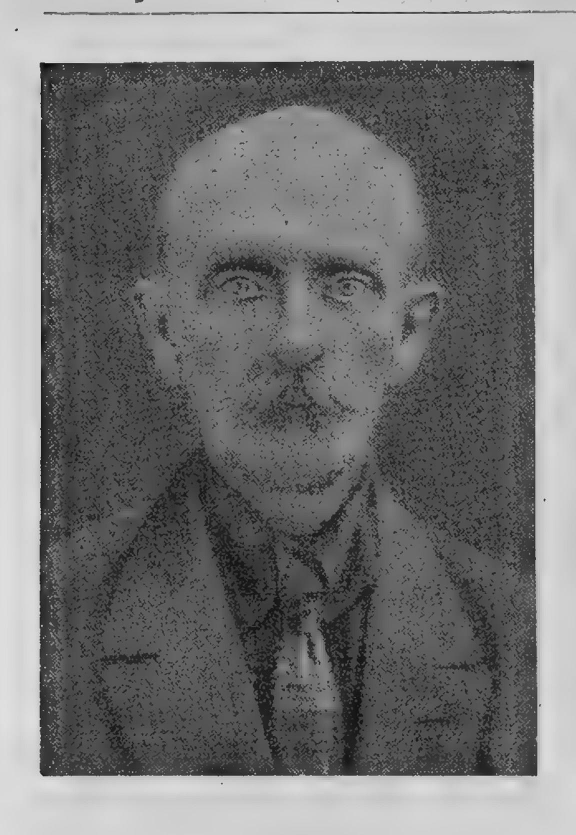
Решение дружины было вполне правильным. Есаул Герасимов, послав Дубасову донесение «о полном разгроме мятежников с нанесением огромного урона в людях», подкрепившись еще двумя орудиями, решил на другой же день двинуться в обход дружины. Для этого он рано утром двинул свои силы по соединительной ветви к Москве-Товарной с целью захвата находившегося там оружия, а главное, чтобы отрезать дружинам выход на линию.

В Перове был созван военный совет. Положение в Московском узле к этому времени значительно ухудшилось. Москва-Пассажирская Казанской дороги была занята пехотным отрядом полковника Голосова в составе трех рот при четырех орудиях и трех пулеметах. Часть этого отряда — рота пехоты Самогитского полка, полусотня казаков, два орудия и два пулемета — была отправлена на товарную станцию, и полковник доносил в штаб, что обе станции — «пассажирская и товарная — очищены от мятежников».

Частью отряда Голосова — одной ротой пехоты при двух орудиях — была захвачена Москва-Пассажирская Ярославской дороги. Дружинники, оказавшие геройское сопротивление, потеряли двух товарищей ранеными, один был убит.

Военный совет рассматривал это положение как начало ликвидации восстания. Несмотря на страшную усталость, убыль в людях и на широкий кольцевой охват Московского узла правительственными войсками совет все-таки решил поставить на обсуждение вопрос: оказывать ли войскам дальнейшее сопротивление или отказаться и распустить дружину. Мнения разошлись. Одни настаивали на продолжении вооруженной борьбы, другие, указывая на бесполезность сопротивления и лишние жертвы, предлагали распустить дружины. Совет принял второе предложение. На принятие его повлияли сообщение о приближении к Москве двух эшелонов гвардейского Семеновского полка и неудача попытки тверских рабочих разобрать рельсовые пути возле станции Тверь.

Дружинники выслушали решение военного совета в глубоком молчании. Молча и видимо потрясенные неизбежной необходимостью, сдавали рабочие свое оружие — винтовки и револьверы, но сдавали с надеждой, что, укрытое в безопасном месте, оно снова, когда наступит момент, будет в руках рабочих.

Акулинин — помощник машиниста Ухтомского, вел паровоз боевой дружины под обстрелом семеновцев

Оружие поручили спрятать тт. Никодиму и Акулинину. Оно было отвезено ночью на паровозе с большими предосторожностями на ветку станции Москва—Бойня и сложено в одном из сараев возле строившегося моста Окружной дороги.

Утром в этот же день шло военное совещание в Царском Селе.

Николай II передавал своему адъютанту, барону Штакельбергу для передачи в Москве Дубасову пакет с письмом. «Посылаю вам, — говорилось в письме, — энергичного генерала Штакельберга и энергичный Семеновский полк, который скоро восстановит нарушенный в Москве порядок».

Встреченный колокольным звоном и военной музыкой, к полковой церкви Семеновского полка подъезжал другой царский флигель-адъютант Гольдгоф. Он встал на амвон рядом с архиереем, служившим молебен, и, благословив офицеров иконой, поздравил их от имени царя с походом. Так готовился в Петербурге поход на московских рабочих. Духовенство, окропляя пушки и пулеметы «святой водой», призывало солдат и офицеров к беспощадной расправе с революционерами. «Пусть не дрогнет ваша карающая рука, — говорили попы офицерам, — взявший меч от меча да погибнет».

Посадка Семеновского полка в вагоны началась в 5 час. 14 декабря. Поезд первого эшелона состоял из четырнадцати вагонов, пяти платформ, одного вагона первого класса,

одного — второго и двух паровозов. Полк следовал тремя эшелонами. Впереди каждого эшелона шел в качестве разведчика отдельный паровоз с четырьмя нижними чинами.

Первый эшелон — третий и четвертый батальоны — прибыл в Москву 15 декабря в 12 час. 55 мин.; второй — десятая рота и два орудия — в 6 час. вечера и третий — первый и второй батальоны — в 11 час. 50 мин. ночи.

Рязанский вокзал был занят в 3 часа дня третьим и четвертым батальонами, Ярославский — первым и вторым.

Сейчас же по прибытии семеновцев в Москву командир полка Мин был вызван на заседание в дом генерал-губернатора. Там уже сидел Штакельберг, передавший Дубасову письмо от царя. На заседании обсуждался план «скорейшего разгрома двух самых опасных революционных очагов — Казанской дороги и Красной Пресни».

Мину было предложено немедленно сформировать отряд из шести рот, двух пеших орудий и двух пулеметов и двинуть его не позднее 7 час. утра 16 декабря по Казанской дороге.

Отряду давалась задача «стремительно проследовать на особом воинском поезде по станциям Сортировочная, Перово, Люберцы и Голутвино, стараясь по пути истреблять банды мятежников, а также захватить главарей мятежа». При сопротивлениях или оскорблении воинских частей отряду предлагалось действовать беспощадно.

Эти карательные задачи получили точное оформление в «дополнении к приказу по лейб-гвардии Семеновскому полку 15 декабря 1905 г., № 349».

«Цель и назначение отряда, — говорилось в приказе, — захватить станцию Перово, обыскать мастерские и строения по указанию станового пристава, князя Вадбольского и жандармского подполковника Смирницкого. Отыскать главарей — Ухтомского, Котляренко, Татаринского, Иванова и других — по указанию князя Вадбольского и подполковника Смирницкого; уничтожить боевую дружину. Исполнив задачу, оставить на станции Перово одну роту, поручив ей охрану станции и окрестного района. Общие указания: арестованных не иметь и действовать беспощадно. Каждый дом, из которого будет произведен выстрел, уничтожать огнем артиллерии».

Однако, готовясь прожечь линию от Сортировочной до Голутвино артиллерийским огнем, гвардейский полковник побаивался ее. В приказе по карательному отряду он отдал распоряжение оставить на станции Сортировочная роту, в задачу которой входило не допускать движения поездов в Москву, заграждая путь шпалами, выбрасывая сигналы остановки и в случае неповиновения действовать огнем. На-

чальнику отряда Риману предлагалось обратить особое внимание на этот пункт приказа.

Посадка отряда началась в 7 час. утра, но проводилась далеко не с той стремительностью, которой требовал Мин. Сочувствовавшие революции сцепщики, составители вагонов и мелкие станционные агенты только делали вид, что работали, а на самом деле вместо подачи вагонов откатывали их назад, свалили даже на рельсы одну платформу и всячески затянули отправку отряда.

Отряд тронулся со станции Москва в 12 час. 25 мин. дня. Впереди поезда, шедшего двойной тягой, следовал отдельный паровоз с двумя вагонами для разведки пути. В вагонах ехали солдаты железнодорожного батальона, командир которых поручик Костенко находился на паровозе.

В 12 час. 40 мин. дня разведка подошла к станции Сортировочная. Чины железнодорожного батальона, быстро высадившись, захватили телеграфные и телефонные аппараты.

Вслед за разведкой через 15 мин. подошел поезд с семеновцами. Еще не доезжая до станции, солдаты вышли из вагонов и открыли стрельбу по одиночным людям, находившимся на путях. Терроризовав стрельбой мирное население станции, Риман отдал приказ начать поголовный обыск в квартирах. Первой подверглась обыску и разгрому квартира таксировщика Воронина. Молодого Воронина дома не было; в квартире находились только отец и мать. Старики, услышав стрельбу, заперли дверь. Солдаты вышибли ее прикладами. К несчастью старика в его квартире был найден револьвер. Офицер скомандовал: «в штыки», и Воронин был заколот на глазах у жены-старухи, которая тут же сошла с ума.

Отряд пробыл на станции 40 мин. За это время было застрелено и заколото штыками 34 человека.

Оставив на станции согласно приказу одну роту, Риман двинулся дальше. Узнав о движении карательного отряда, стачечный комитет станции Перово, разведя пары в двух паровозах, решил пустить их полным ходом навстречу поезду. Этот простой, смелый и грандиозный замысел не был осуществлен только лишь из-за предательства какого-то мещанина-черносотенца, разоблачившего планы комитета.

Вообще в смысле шпионажа и предательства Перово было самой неблагополучной станцией. Со стороны революционеров было большой ошибкой оставлять на месте жандармов и полицейских, хотя и разоруженных. Перовские жандармы в первый же момент прибытия семеновцев взяли на себя роль осведомителей. Ими были указаны Риману начальник станции Фролов, характеризованный жандармами как подозрительный человек, а его помощники — Орловский и Ларионов — как главари местного стачечного комитета, тер-

роризовавшие якобы все местное население и агентов дороги.

Риман сейчас же после получения сведений отдал приказ немедленно отыскать и привести к нему Ларионова и Орловского. Орловский, не зная еще о приказе, мирно шел по платформе и только тогда понял, в чем дело, когда к нему подбежали несколько солдат со штыками наперевес; сзади бежал офицер.

— Ты старший помощник начальника станции? — крикнул офицер.

— Я, — ответил Орловский.

Его привели к Риману.

— Эту сволочь не расстреливать, а колоть. В штыки его! — крикнул Риман солдатам.

Орловского подняли на штыки. Корчась от мук, он присел на снег, а его продолжали колоть в живот, шею, глаза. Его крики и мучения подействовали на палача. Риман вынул браунинг и выстрелил в голову. Орловский затих. Его труп, доставленный через несколько дней жене, был ею узнан только по форменной одежде. Все лицо было истыкано штыками, глазные впадины пробиты до мозга: все тело представляло сплошную бесформенную кровавую массу.

После растерзания Орловского к Риману привели Ларионова. Риман приказал ввести его в кабинет начальника станции. Выяснив по телефону роль Ларионова в забастовке, Риман вместе с ним вышел на платформу. Семеновцев на платформе не было; стоял только один часовой из железнодорожного батальона. Проходя мимо него, Риман приказал ему приколоть следовавшего за ним Ларионова. Солдат побледнел, затрясся, но выполнить приказа не мог. Риман, выругавшись, вырвал у него винтовку и всадил штык в Ларионова. Подбежавшие семеновцы докончили расправу.

Ларионов, как и Орловский, умер не сразу. Его крики были слышны далеко от станции. Сплошь истерзанного штыками, его бросили наконец в товарный вагон. Он был еще жив и умолял солдат прикончить его. Его пристрелил сам Риман. Изуродованный труп Ларионова едва был разыскан его женой в вагоне, переполненном убитыми.

Следующими жертвами полковника Римана были два брата Молостовы, Кузьма и Василий, оба токари перовских вагонных мастерских. У них на квартире был произведен обыск. Не найдя ничего революционного — ни оружия, ни прокламаций, солдаты ушли. Братья, посидевши некоторое время дома, решили выйти на улицу. По дороге к ним присоединилось еще двое рабочих. У переезда через полотно дороги их остановили семеновцы, обыскали и, ничего не найдя, хотели уже отпустить. Вдруг один из солдат крикнул: «Ребята, ведь это забастовщики, в штыки их!» Ударами

прикладов Молостовых свалили с ног, начали колоть штыками. Остальные двое рабочих бросились бежать, но были убиты выстрелами.

Старик Молостов, узнав о гибели сыновей, бросился к месту убийства. Кузьма был уже мертв; Василий в страшных мучениях корчился в луже крови; его перенесли в санитарный поезд, где он вскоре и умер.

С таким же остервенением был заколот шедший на дежурство путевой сторож Дрожжин. Его вначале тяжело ранили пулей, а когда он упал, семеновцы бросились на него со штыками, выпустили наружу кишки и с хохотом пошли дальше. Дрожжин долго лежал на снегу с распоротым животом. Еще сохраняя сознание, он силился подобрать примерзшие к одежде внутренности, и за этим ужасным занятием застали несчастного сторожа подоспевшие санитары. Дрожжина отнесли в поезд, но он умер после того, как ему вправили кишки и зашили живот.

Так звери-семеновцы расправлялись с железнодорожниками на перовских улицах и полях. Такие же расправы происходили в домах при обысках. Обыски превратились в сплошные погромы, грабежи и убийства. Солдаты и сами ротные и батальонные командиры ломали стены и печи, вскрывали потолки, распарывали перины и подушки, прокалывали штыками матрацы, мебель, шкафы и ящики, приводя каждую вещь в негодность.

Слесарь перовских мастерских Оводов, у которого при обыске ударами прикладов была выбита дверь кладовки, не стерпел и, показывая офицеру на порванное и разбросанное на полу белье, сказал: «Если вы пришли обыскивать, обыскивайте, а грабить не смейте». Это заявление стоило Оводову жизни: офицер убил его выстрелом в лоб.

При таких же обстоятельствах был застрелен осмелившийся протестовать против бессмысленной порчи имущества молотобоец перовских мастерских Яшуков. Кузнец перовских мастерских Пахомов, у которого нашли револьвер, был заколот штыками.

Аресты и обыски производились по спискам, составленным по доносу местных жандармов и полицейских, которые во все время восстания пользовались полнейшей свободой. Много доносов было сделано также и местными обывателями — реакционным, черносотенным элементом.

Многие из них, вводя солдат в намеченные квартиры, одевались в военную форму Семеновского полка, и офицеры после обысков с благодарностью пожимали руки предателям рабочего класса.

Вечером, перед отъездом на станцию Люберцы, полковник Риман подводил итоги первого большого кровавого дня. В официальном донесении командиру полка Риман писал,

что отрядом на станции Перово и в окрестностях убито девять и ранено восемь человек.

В рапорте приводились фамилии убитых и раненых. Были убиты: помощники начальника станции Перово Сергей Орловский и Алексей Ларионов; слесаря перовских мастерских Василий Молостов и Иван Оводов; слесарь московских мастерских Кузьма Молостов; сторож по охране грузов Гавриил Дрожжин; стрелочник станции Кусково Павел Шкарин и двое неизвестных.

Ранены: Гавриил Меркачев — десятник дровяного склада перовских мастерских; Александр Алексеев — кузнец завода «Перопуть» в Москве; Василий Ват—рабочий перовских мастерских; Егор Щетинин — путевой сторож 8-й версты Московско-казанской железной дороги; Ефим Яшуков — молотобоец перовских мастерских и трое без установленных профессий — Осип Распашкин, Герасим Лободанов и Иван Коринский.

Эти официальные цифры даже и приблизительно не соответствуют действительному количеству. Сам Риман доносил в других рапортах о том, что он по пути к Перову, заметив в стороне от линии толпу человек в 100—150 с красным флагом, остановил поезд и открыл по толпе беглый ружейный огонь, и как толпа, бросившись бежать, унесла с собой раненых и убитых.

Неизвестно также, по каким соображениям скрыл Риман результаты своей сорокаминутной стрельбы пачками по путям станции Сортировочная. В его рапорте показано, что на Сортировочной убито только пятеро грабителей, тогда как точно установлено, что от стрельбы семеновцев погибли 34 железнодорожника.

Оставив в Перове часть солдат под командой капитана Зыкова (двенадцатую роту), полковник Риман двинулся с тремя ротами дальше. На ночь он остановился на станции Косино. Здесь почти целую ночь производились по списку обыски в деревне Жулебино, находившейся в полуверсте от станции. Рано утром 17 декабря карательный отряд прибыл на соседнюю станцию Подосинки (ныне Ухтомская).

По распоряжению Римана, капитан Швецов с отрядом прямо из вагона направился к даче Михельсона, работавшего счетоводом в управлении дороги. Михельсон был активным революционером, считался среди служащих хорошим, популярным оратором и был выдвинут служащими в члены стачечного комитета.

Обыска не ожидали. Вместе с Михельсоном в даче находилось двое рабочих — члены боевой дружины с завода Пурдэ из Люберец. Оба дружинника были вооружены револьверами.

Михельсон — член стачечного комитета Казанской железной дороги, расстрелян полковником Риманом на ст. Подосинки в 1905 г.

— Одевайтесь, идите за мной, — приказал Швецов.

Солдаты окружили всех троих и повели к лесу, но расстреляли их тут же в поселке позади дач. Трупы пролежали на месте около недели, пока их не подобрали и похоронили в общей могиле соседние крестьяне.

Из Подосинок отряд Римана двигался с чрезвычайной осторожностью и, имея впереди себя сторожевое охранение из солдат железнодорожного батальона под командой поручика Костенко, пошел на Люберцы. Оттуда Риман послал командиру полка телеграмму: «Москва, Ярославский вокзал полковнику Мину. Пробились до Люберец здесь ночуем темнота помешала сделаю завтра. Полковник Риман».

В Люберцах Риман потребовал к себе местных жандармов и сельского старосту для дачи показаний, где скрываются революционеры. Но еще до прибытия на станцию в версте от нее Риман вывел из поезда четырнадцатую и пятнадцатую роты, дав командирам приказ окружить станцию со всех сторон, а поручику Костенко было приказано захватить телеграф, телефон и все другие средства связи и сигнализации.

Не прошло и часу, как в станционное помещение было введено около 50 задержанных. Среди них оказался и помощник начальника станции П. Ф. Смирнов — революционер-активист.

Жандармы выдвинули против него обвинение в вывешивании им на станции красного флага с надписью: «Да здравствует социальная революция».

Смирнов — пом. начальника ст. Люберцы, расстрелян в 1905 г.

Смирнова заперли в одну из станционных комнат и объявили, что он приговорен к расстрелу. Смирнов весь вечер, целую ночь ждал с минуты на минуту казни. Его нервы не выдержали пытки ожидания расстрела. Он всю ночь бил кулаками в дверь, умолял солдат и офицера скорее его прикончить. Рано утром 17 декабря Смирнова пристрелил сам Риман. Вместе со Смирновым из пятидесяти задержанных были расстреляны поодиночке позади станции пятеро рабочих с завода Пурдэ.

Допрос жандармов, сельского старосты и некоторых из задержанных продолжался около трех часов. Командиры рот Майер, Швецов и другие уговаривали крестьян показать, где скрываются революционеры и агитаторы, обещали выдать за это денежные награды, медали и другие подарки и знаки царского внимания. Кулачье — а из него состояла подавляющая часть люберецкого крестьянства — откликнулось на зов офицерства. К Риману явилась группа кулаков и местных торговцев и заявила, что недалеко от станции в сельском трактире собралось около тридцати вооруженных революционеров и ведут среди крестьян агитацию.

Риман, поблагодарив кулаков за верность царю, послал бегом к указанному месту десятую роту и приказал перебить собравшихся всех до одного, если с их стороны будет оказано хоть малейшее сопротивление.

Скоро под крики и улюлюкание кулаков — «бей их, уничтожай красную нечисть» — к станции была подведена большая толпа задержанных, окруженная солдатами и добро-

вольцами-черносотенцами. Среди других в трактире был захвачен и Алексей Владимирович Ухтомский. Он был указан и выдан солдатам старостой поселка, кулаком Артемовым. Капитан Тимрот, которому было указано на Ухтомского, вынул его фотографическую карточку и, сличив с оригиналом, объявил: «Вы — машинист Ухтомский, вы будете расстреляны...»

— Я это знал, — ответил Ухтомский и, обращаясь к солдатам, продолжал: — Я знаю, что вы исполните свой долг до конца, но пусть все знают, что и Ухтомский умрет, исполнив свой долг до конца.

Вместе с Ухтомским были приговорены к расстрелу пятеро рабочих. За несколько минут до казни Ухтомский сел написать жене письмо, а когда его и пятерых рабочих повели через линию за кладбище, он снял с себя шубу и отдал жандарму с просьбой передать ее жене.

Для расстрела была выделена полурота под командой капитана Майера. Приговоренных поставили в пятнадцати шагах впереди роты. Майер предложил им завязать глаза. Они отказались. Отказались и повернуться спиной к солдатам; при этом рабочий Грошиков крикнул:

— Нечего нам поворачиваться, мы хотим глядеть смерти в глаза.

Майер делал расчет полуроты таким образом, чтобы в каждого приговоренного стреляло не менее пяти солдат. После команды «пли», отданной шопотом, упали все кроме Грошикова, который, махнув рукой в сторону солдат, крикнул: «А что же меня-то?»

Ухтомский был еще жив. Солдаты начали снова стрелять в него и Грошикова. Ухтомский корчился в мучениях, что-то говорил, бредил. Его пристрелил в голову Майер.

В записке, написанной им жене за десять минут до казни, говорилось: «Прощай, моя дорогая Саня! Люби и береги моих дорогих детей и поцелуй их за меня... Алфимов убит, и меня убьют. Прощай, дорогая, любимая моя Саня».

Хладнокровием Ухтомского, его выдающейся революционной выдержкой и полным презрением к смерти были поражены его враги, начиная с непосредственного исполнителя казни капитана Майера, капитана Тимрота, присутствовавшего на допросе, и других.

Вот что говорил об Ухтомском по приезде в Петербург Тимрот:

«В числе более виновных и приговоренных полковником Риманом к расстреливанию был один, который назвал тогда свою настоящую фамилию, именно Ухтомский, помеченный в списке, полученном Риманом еще в Москве, как гла-

Прощай моя дорогая
Саня!
Люби и береги моихъ
дорогихъ детей а
поцелуй ихъ за меня
а такъ-же и благосл.
Богу угодно, что бы на
съ тобой не увидѣ,
хотя я и [illegible]
моя, дорогая,
[illegible] задер.
Деньги оставш[illegible]
за управлениемъ дор.
оты получи. Приезди
в Москву [illegible]
Поцелуй папу и маму
а такъ-же поклонись
знакомымъ и роднымъ
привет маленьк[illegible]
Алфимовъ убитъ
и меня убьютъ
Прощай дорогая и
любимая моя Саня
Твой Алек
19/ₒ₅ Ухтомск

Предсмертное письмо Ухтомского

А. В. Ухтомский — машинист начальник дружины Казанской железной дороги в 1905 г.

варь боевой дружины. Этот человек произвел на всех нас большое впечатление как своим характером и волей, так и тем влиянием, которым он повидимому пользовался. Этот человек, зная, что его тут же расстреляют, улыбаясь, обратился к уряднику и жандарму: «Ну, вы меня не узнаете? Я ведь Ухтомский, которого вы хорошо знаете». Те только тогда его признали, когда тщательно вгляделись в него, так как он был бритый, а прежде носил большие усы».

Убийца Ухтомского, капитан Майер, дал о нем следующий отзыв:

«В числе шести человек, оставленных на вокзале, был и Ухтомский, во время разбора державший себя с большим достоинством. Внешность Ухтомского интеллигентная, лицо умное и выражение твердое.

Когда Риман объявил шестерым, что они будут расстреляны, то единственный Ухтомский сохранил полное спокойствие. Он принял известие совершенно спокойно и просил только разрешения написать письмо жене, что ему и было разрешено».

В Люберцах было расстреляно 14 человек, из них 9 рабочих с завода Пурдэ. Остальные из задержанных — около двадцати человек — были расстреляны по дороге в Голутвино.

Риман подошел к Голутвино утром 13 декабря. Станция была окружена всеми ротами. Все, кто находился на платформе или около, были загнаны в станционные помещения.

Варламов — машинист депо Голутвино, убит полковником Риманом в 1905 г.

Туда было набито солдатами человек триста. Начался поголовный обыск.

Начальник станции Надеждин был в этот день болен и на станции находился случайно, придя туда за порошком хины. Он был тотчас же арестован.

Машиниста депо Голутвино Варламова задержали со сломанным револьвером, который он нес в починку. Машиниста привели к Риману. Варламов пытался было вступить с ним в объяснения, но Риман прервал его. «Расстрелять!» приказал он солдатам. Солдаты повели Варламова через третий класс к выходу. Риман шел за ними. У прилавка стоял находившийся там проездом из Манчжурии фельдфебель Ильичев. При проходе Римана Ильичев крикнул:

— Нельзя, ваше благородие, расстреливать людей без суда; на фронте и то этого не было...

Застрелив Варламова у крыльца, Риман подошел к фельдфебелю, повернул его к себе спиной и выстрелил в затылок. Солдат упал, но еще пытался подняться и был добит вторым выстрелом.

Обыск продолжался. Арестованных направляли в телеграфную контору налево. Направо—выпускали на свободу. Среди арестованных был помощник начальника станции Шелухин.

Он до самого приезда семеновцев на станцию не знал о подавлении восстания в Москве, и когда с соседней станции предложили принять поезд карательной экспедиции,

Шелухин — помощник начальника ст. Голутвино, расстрелян в 1905 г.

Шелухин ответил, что без разрешения стачечного комитета он этого сделать не может.

На вопрос Римана — «Почему ты отказался принять поезд?» — Шелухин раздраженно ответил:

— Чорт знает, кого слушать. Вы обвиняете меня в том, что я вас не принял, а сделай я это, меня обвинил бы в свою очередь комитет.

Шелухина послали налево, в телеграфную комнату...

Вечером 25 человек, приговоренных к расстрелу, были разделены на две группы и отведены за запасные пути к угольному складу. Надеждин, Шелухин и два станционных конторщика — Якубовский и Костогоров — были расстреляны первыми. Среди расстрелянных было семеро крестьян из соседней деревни и один рабочий-дружинник с Коломенского машиностроительного завода.

Возле угольного склада, одна из сторон которого представляла отвесную стену высотой в три аршина, снег насквозь до земли был пропитан кровью, брызги которой виднелись и на пластах угля. В одном месте стена на пространстве трех саженей была исковыряна пулями. Здесь сейчас же после выстрелов некоторые из железнодорожных служащих видели кучу трупов, разглядывали их и узнавали покойников, хотя они были страшно обезображены. Ночью ремонтные рабочие по приказанию жандарма вырыли на Бобровском кладбище братскую могилу, в которой утром на другой день и были погребены все убитые.

Из Голутвино Риман повернул назад на Ашитково, несмотря на то, что в переданных ему коломенским исправником депешах штаба военного округа предлагалось следовать дальше на Рязань.

Риман не решался забираться в глубь линии по многим соображениям. Во-первых, как он признавался сам: «Люди (солдаты) его отряда страшно устали физически и морально от массовых расстрелов, от бессонных ночей и крайне нервного напряжения в борьбе с мятежниками». Во-вторых, Римана тяготил висевший над ним постоянной угрозой неуловимый и всемогущий Революционный стачечный комитет и его звенья—местные комитеты, находившиеся на каждой более или менее крупной станции, сносившиеся между собой и фактически управлявшие отдельными участками дороги.

Поэтому, когда Риману сообщили, что центральный стачечный комитет перебрался в Рузаевку за пятьсот верст от Москвы и что Рузаевка становится новым центром непрекращающейся революционной борьбы, Риман после совещания с командирами рот решил, что дальнейшее движение по линии—предприятие рискованное, и отдал приказ вернуться назад в Москву с двумя ротами, пулеметами и артиллерией, оставив в Голутвино и Коломне одну роту.

На обратном пути при остановке на станции Ашитково отрядом были расстреляны начальник станции Виноградов, его помощник Бунин и почтовый чиновник Фадеев. Всем троим было предъявлено обвинение в принадлежности к стачечному комитету.

Ашитковское убийство было последним кровавым актом карательной экспедиции. В ночь на 20 декабря уставший палач, сделав последние распоряжения по ротам, уехал в Москву. За три дня под его непосредственным руководством было убито около 150 человек. Восьмерых Риман убил собственноручно.

Московский участок был залит кровью, завален трупами. Но борьба продолжалась. Она была перенесена на восток, в ту глубь, которая пугала Римана «бесчисленным множеством комитетов». Поворачивая оглобли на Москву, Риман знал далеко еще не все. Он не знал, что из этой страшной таинственной глуби уже глядела на него ненавидящими глазами Рузаевская республика. Струсивший гвардеец не знал, что рабочие Рузаевки и Пензы закрыли в губернии винную монополию, ввели специальный налог на кулаков, организовали аппарат по перевозке войск, возвращавшихся с Дальнего Востока, и прекрасно справлялись с перевозками, значительно

повысив скорость эшелонов. Из Баку в Москву направлялись огромные эшелоны рабочих, пересылавшихся вследствие сокращения работ на нефтяных промыслах. Рабочие Пензы и Рузаевки взяли в свои руки и это дело и кроме ускорения перевозок организовали массовое питание рабочих и их семей.

Организаторами рабочей власти в этих двух важнейших узлах дороги были пензенская организация большевиков и Рузаевский стачечный комитет, ставший по существу после ликвидации восстания на Московском участке центральным стачечным комитетом.

Комитет был составлен из шестнадцати человек: восьмерых машинистов депо Рузаевка, трех телеграфистов, двух конторщиков, механика телеграфа, дорожного мастера и начальника восьмой дистанции.

Виднейшим работником комитета и организатором боевых дружин был машинист Байкузов, державший постоянную связь с Московским участком и алатырскими мастерскими. Для снабжения боевых дружин оружием комитет задержал два вагона винтовок, шедших в Казань под охраной десяти солдат и прапорщика.

Если на Московском участке рабочие московских и перовских мастерских сталкивались лицом к лицу с царскими войсками, то рабочим Рузаевки и Пензы приходилось вести

Памятник на месте расстрела Виноградова и других на ст. Ашитково

Виноградов—начальник станции Ашитково, расстрелян в 1905 г.

борьбу на два фронта—и против войск и против помещиков, организовавших на борьбу с железнодорожниками сельское духовенство, кулацкие элементы деревни и отсталые слои сельского населения, возбужденного попами.

Поэтому комитету Рузаевки пришлось с первых же дней рассылать в окрестные деревни лучших своих агитаторов под охраной дружинников для противодействия погромам, к которым призывали разъезжавшие по деревням помещики и уездная полиция.

Для борьбы с полицией и жандармами комитет издал постановление, запрещавшее жандармам и полицейским появляться под страхом расстрела в полосе отчуждения. Однако эта необходимая предупредительная мера не была доведена до конца. Приговоренного к расстрелу жандарма видели на другой день гуляющим по платформе. Дружинники не нашли в себе твердости раздавить эту гадину.

Не меньшую опасность представляла и офицерская пропаганда в войсках, ехавших из Манчжурии. Командиры говорили солдатам, что стачечные комитеты — враги солдат и что война проиграна из-за железнодорожных забастовок. Комитет разослал по всем сибирским дорогам, вплоть до Харбина, воззвания к нижним чинам, призывавшие солдат не верить клевете, протестовать против расправы генералов с рабочими, не допускать арестов железнодорожников и присоединиться к восставшим рабочим.

14 декабря прекратилась связь с Москвой. Для выполнения текущих обязанностей комитет выделил новое

Байкузов — организатор Рузаевской республики на Казанской железной дороге в 1905 г.

управление дороги; управляющим дорогой был назначен начальник девятой дистанции А. П. Непенин; начальником Службы пути—М. Г. Моллинари; начальником телеграфа—старший телеграфист Рузаевки; начальником Службы тяги — машинист Байкузов. В Рузаевку были вызваны по телефону представители Казани, Алатыря, Сызрани, Пензы и Сасово.

К этому времени уже начал ощущаться недостаток в продовольствии. У рабочих и служащих не было денег. Комитет вызвал в Рузаевку купцов и обязал их выдавать рабочим и служащим продукты первой необходимости в кредит по бонам со штампом всероссийского железнодорожного союза за подписью «Байкузов». Боны считались обязательными для всех местных торговцев; в них не указывалась торговая фирма, а лишь фамилия потребителя и сумма кредита. Этими своеобразными «денежными знаками» поддерживалось в течение недели существование тысяч рабочих семей.

До Рузаевки начали уже доходить слухи о перовских и люберецких кошмарах. Все чаще и чаще стало повторяться зловещее слово — Риман. Жандармерия зашевелилась, стала поднимать голову. Комитет для проверки положения выделил разведку, направив ее в сторону Сасово и дальше к Рязани. Пробыв в дороге несколько дней, разведка вернулась в Рузаевку 21 декабря и информировала о положении.

Выслушав вернувшихся, комитет созвал последнее совещание рабочих и служащих Рузаевки и признал дальнейшее

сопротивление бесполезным. Резолюция собрания гласила: «Мы, рабочие, начали борьбу организованно, организованно ее и кончаем; прекращаем забастовку нашей волей не из-за страха перед надвигающейся опасностью, а из сознания бесплодности дальнейшего сопротивления».

На другой день, 22 декабря, в четыре часа дня из Пензы прибыл отряд казаков и жандармов во главе с ротмистром Дроздовским. Поезд с казаками остановился и долго стоял около железнодорожного моста. Дроздовский боялся, что мост минирован.

К вечеру начались аресты. При допросах подполковник Кострицын приставлял к голове допрашиваемого револьвер. Допрос производился в вагон-салоне. Работу жандармов значительно облегчил управляющий дорогой Шестаков, еще заранее переславший Кострицыну полный список наиболее активных рузаевских революционеров. Кострицыну и Дроздовскому осталось только утвердить список. Всех арестованных (25 человек) после глумления и издевательств над ними, голодных, отправили в Пензенскую пересыльную тюрьму.

Последняя революционная организация на дороге, названная впоследствии в судебных делах «Рузаевской республикой», была ликвидирована.

Н. Паялин

БОРЬБА С ЧЕРНОЙ СОТНЕЙ

Глава из истории Невского машиностроительного завода им. В. И. Ленина (б. Семянниковского)

Правительство беспощадно подавляло рабочее революционное движение. За время с 9 января 1905 г. по январь 1906 г. одних лишь семянниковцев убито более 300 человек, несколько сот человек было ранено и арестовано, не считая пострадавших от безработицы.

В подавлении революционного движения самодержавной России ревностно помогла «республиканская» Франция, снабдив «дружественную» державу «ссудой» в размере 800 млн. рублей.

Несмотря на репрессии революционное движение в начале 1906 г. не затихало. Правительство готовилось к новой борьбе. Предприниматели не отставали от правительства. 12—14 января 1906 г. в Петербурге состоялся съезд «Союза промышленных и торговых предприятий Российской империи», на котором промышленники обсудили положение в стране и после долгих споров пришли к решению открыть предприятия, приняв все меры предосторожности. Промышленники через печать дали понять рабочим, что в случае проявления «неспокойного духа» или предъявлении каких-либо требований к рабочим будет без всякой пощады применяться локаут.

О такой «твердой» и «непоколебимой» воле капитала говорилось и в объявлении, вывешенном администрацией у ворот Семянниковского завода по случаю открытия его. Вопрос был поставлен открыто и ультимативно.

«Открывая действие завода с 18 января, главным образом в интересах мастеровых и рабочих, по просьбе большинства из них, правление считает нужным предупредить, что малейшее проявление какого-либо насилия над служащими или предъявление каких-либо требований, не согласованных с утвержденными правилами внутреннего распорядка, вызовет немедленное закрытие соответствующего цеха или даже всего завода».

Около этого объявления у ворот завода, несмотря на сильный мороз, с раннего утра и до поздней ночи толпились безработные, изнуренные голодом.

Накануне пуска завода было объявлено, что набор во все мастерские будет произведен только в половинном составе против числа рабочих, занятых в прошлом году. В корабельную мастерскую, где работало 1 200 человек, решено принять только 600, в прокатную 240 вместо 500, в паровозносборочную — 200 вместо 450, а в пароходно-механическую мастерскую было решено не принимать ни одного рабочего «из-за отсутствия заказов».

Набор должен был быть произведен «безошибочно» в смысле политической благонадежности рабочих. Только тот, кто работал в последние дни перед декабрьской забастовкой 1905 г. и предъявлял в доказательство свой прежний рабочий номер, мог быть уверенным, что его примут на работу. Были составлены особые списки этой группы рабочих и по предъявлении рабочим своего номера в них делалась пометка «принять».

Кроме этого списка имелся еще другой, составленный мастером котельной М. И. Матюшенко, махровым черносотенцем; в нем тоже были пометки — кого можно принять, а кого нельзя.

Исключение делалось только для тех рабочих, которые состояли членами «союза русского народа». Рабочего, носившего на груди значок союзника, а в кармане — членское удостоверение, охотно принимали на завод и тотчас же зачисляли в черносотенную дружину. Так на работу были приняты Василий Горбачев и Иван Укконе, которые по требованию рабочих в октябрьскую забастовку 1905 г. были уволены с завода за шпионство и доносы. Такой черносотенный элемент принимался уже 13 января, т. е. за 5 дней до официального открытия завода; им давали работу в мастерских, находящихся на береговой стороне завода.

Печально собирались рабочие, чувствуя, что предстоит перенести много неприятностей и унижений от администрации завода. Черносотенцы открыто издевались над рабочими, не принятыми на завод. Встречаясь у заводских ворот, они оскорбляли безработных и с довольным смехом показывали голодному рабочему деньги. Дело дошло до открытого столкновения. 18 февраля по незначительному поводу возникла драка между безработными и черносотенцами, засверкали ножи и кинжалы. Загремели выстрелы. Снег обагрился кровью. Небольшой отряд казаков, прибывший на побоище, ничего не мог поделать с дерущимися. Вытребованные сотня казаков и отряд конной полиции дали несколько залпов по рабочим. Было убито трое и ранено около двух десятков рабочих.

Не только у заводских ворот, но и на территории завода настроение было тревожное. Все чего-то ждали, были настороже, ко всему присматривались, прислушивались. Администрация сторонилась рабочих, отдавала им приказания коротко и грубо, а рабочие выполняли работу нехотя и озлобленно. Лишь члены «союза русского народа» похаживали по мастерским с довольным видом, давая понять, что теперь «слава богу» они являются господами положения, что с ними считается администрация, да и сам директор завода «не гнушается» их советов, называет некоторых из них по имени и отчеству.

С открытием завода союзники стали вести агитацию среди рабочих, раздавали свои погромные листки, стараясь вовлечь малосознательных в свою организацию. Они внушали вновь навербованным членам союза, что необходимо выбросить с завода тех рабочих, которые «в бога не веруют и царя-батюшку не почитают». На заводе было устроено подобие охранного отделения для «розыска крамольников». В этом «охранном отделении» засела та часть рабочих, которая была развращена водкой, деньгами и атмосферой чайных, принадлежавших «союзу русского народа». Значок «союза русского народа» рабочие называли «конек-скакунок», так как на нем был изображен Георгий-победоносец на коне. Босяки и золоторотцы, которые ненавидели труд, стали обосновываться около фабрик и заводов, в союзных чайных и трактирах. Эти чайные стали поставлять предпринимателям не только штрейкбрехеров, но и убийц и погромщиков. Союзникам оказывали содействие владельцы заводов, инженеры, мастера, подмастерья и конечно полиция.

Несмотря на то, что при последнем приеме на завод несколько сот рабочих осталось за воротами, черносотенцы никак не могли успокоиться. Они устроили специальное собрание в своем штабе, находившемся в котельной мастерской, на которое пригласили чуть ли не всех черносотенных главарей Невской заставы. На этом собрании было постановлено составить особые списки «крамольников» по мастерским и представить их через уполномоченного, мастера Матюшенко, директору завода с требованием немедленного увольнения неблагонадежных рабочих. Это требование было удовлетворено. Вскоре же после открытия завода было уволено 24 человека, а затем еще 32.

Когда уволенные заявили мастеру, что, несмотря на увольнение они завтра придут работать, Матюшенко пригрозил им «короткой расправой».

Увольняемые решили обратиться за помощью к своим товарищам. Но как только их намерение стало известно администрации, во всех мастерских завода появились объявле-

ния: директор предупреждал рабочих, что в случае каких-либо беспорядков в мастерских немедленно будут закрыты соответствующие мастерские, если же «такая мера воздействия не успокоит рабочих, то будет закрыт весь завод».

Рабочие паровозостроительной мастерской силой не допустили к работам 8 чел. как явных шпионов. То же самое произошло и в самом штабе союзников — в котельной мастерской, где не были допущены к работам 32 чел. Этот случай серьезно всполошил начальство. Немедленно появилось объявление, в котором «разносились» рабочие, «устраивающие подобные безобразия». Объявление заканчивалось обычно для того времени фразой: «Повторение такого случая на будущее время повлечет за собой закрытие отдела, цеха или даже всего завода».

Прямым советчиком и правой рукой директора завода в эти дни был котельный мастер М. И. Матюшенко, о котором мы уже упоминали. Его выходки по отношению к более сознательным рабочим были до того наглы и грубы, что обратили на себя внимание чуть ли не всей тогдашней прессы. Было установлено, что на всех заводах, где только ни приходилось Матюшенко работать мастером, его неизменно вывозили на тачке за ворота завода. Корреспондент «Современной жизни» отметил, что Матюшенко так сроднился с этим бесхитростным экипажем, что намерен в самом непродолжительном времени предпринять новый выезд на тачке из заводских ворот Семянниковского завода.

Из воспоминаний старых рабочих видно, что Матюшенко учредил на заводе форменный сыск. Он докладывал начальству обо всем, что делалось не только у него в котельной мастерской, но и по всему заводу. Благодаря ему администрация завода и полиция были осведомлены о всех действиях «заподозренных» рабочих — что они читают, с кем водят знакомство, о чем говорят, не курят ли в запрещенных местах и т. д. В конце концов ему было оказано такое доверие со стороны директора, что он стал увольнять рабочих, не спрашивая на это ничьего разрешения.

Но репрессии администрации и черной сотни не могли остановить революционного подъема. Несмотря ни на какие препятствия и «осторожность» при наборе рабочих на завод все-таки проникли «крамольники». Вскоре после пуска завода рабочие организовали особую социал-демократическую боевую дружину, поставившую своей задачей борьбу с черносотенцами, главным образом с их главарями.

Как известно, в своих резолюциях III съезд РСДРП прямо указывал на необходимость образования особых бое-

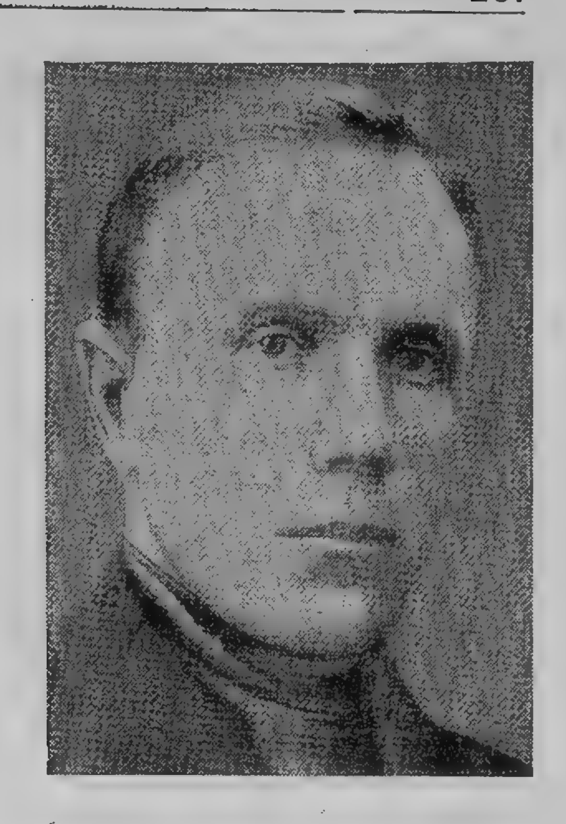
вых групп и приобретения и распределения оружия между рабочими. В этих резолюциях, выработанных В. И. Лениным, говорилось, что решение о создании боевых дружин и вооружение их должны итти не только без всякого ущерба для общей работы по пробуждению классового самосознания, но должны способствовать еще большей его успешности.

Выдвинутый большевиками вопрос о вооружении нашел еще в 1905 г. живой отклик не только среди семянниковцев, входивших в партийную организацию, но и среди беспартийных. В мастерских завода стали изготовляться почти все виды холодного оружия: пики, кинжалы, тесаки и просто остроотточенные куски железа и стали. Большое внимание дружинники обращали на изготовление ручных бомб.

Оболочка бомб изготовлялась главным образом в механической мастерской завода, а запайка — в медницкой мастерской, которая как нельзя лучше подходила для этой цели. Эта мастерская стояла особняком от прочих мастерских, и в ней производились выделка различной величины труб, резка и закалка их, так что производимая запайка не могла броситься в глаза непосвященному. По всей мастерской валялось множество различных жестяных коробок и обрезков труб. Часто в каком-нибудь полутемном углу мастерской, где валялся различный хлам, лежала уже готовая бомба, не вызывая своим видом ничьих подозрений.

Изготовление оболочек для бомб производил главным образом рабочий механической мастерской Павел Миронович Цабо, которого хорошо помнят старые рабочие не одного только Семянниковского завода. Он отличался особой преданностью революционному движению, да и не только он, но и вся его семья. Цабо предоставил свою квартиру для хранения готовых бомб и других взрывчатых веществ, подчас она походила на пороховой погреб. Долгое время полиция не могла найти этого склада, в конце концов по доносу какого-то рабочего он был обнаружен.

При обыске в комнате, которую занимал П. М. Цабо, были найдены: партийный билет (на одной стороне его был приведен § 1 устава партии, а с другой — было напечатано: «членский билет № 299. Невский район, Петербургский комитет РСДРП»), три коробки с патронами и револьвер системы Смитта и Вессона. У жильца К. А. Рутковского (А. П. Рачинского) были обнаружены железная цилиндрической формы коробка с 2½ фунтами железного и свинцового мелкого лома (картечь), пакет с 2 фунтами серы в палочках и 5 бумажных пакетов с 10 фунтами бертолетовой соли. Был найден и разрывной капсюль, наполненный 0,6

А. Зарубкин — участник революции 1905 г., рабочий завода им. Ленина (б. Семянниковского), член партии большевиков с 1905 г.

грамма гремучей смеси из ртути и бертолетовой соли, со вставленным в него бикфордовым шнуром. Добычей полиции послужили также 15 патронов к пистолету Браунинг, кинжал с металлической ручкой, каучуковая плетка с деревянной ручкой, с привязанной к концу каучука полуфунтовой железной гирей.

Налетом полиции на квартиру П. М. Цабо был разгромлен один из главных опорных пунктов боевой дружины за Невской заставой. Несмотря на разгром рабочие продолжали вооружаться и изготовлять на заводе разрывные снаряды.

Запайка бомб производилась в медницкой мастерской преимущественно Людовиком Острейко, который был известен в организации под кличкой «Людовика из села Смоленского», Иосифом Людвиговичем Величко (цеховой организатор и член подрайонного комитета) и дружинником Александром Поликарповичем Зарубкиным. Бомбы, изготовленные ими, отличались большой силой и требовали немалой осторожности. Опасная работа протекала вполне успешно, и лишь посвященные знали, чем заняты работающие рядом с ними товарищи.

Из вооруженных рабочих была образована рабочая милиция, которая составляла ядро боевых дружин, разделенных на десятки и сотни, с десятскими и сотскими во главе. Милиция обязана была не только охранять мирных жителей от нападений черносотенных дружин и хулиганов, но также давать вооруженный отпор войскам и полиции.

Число дружинников было значительно. К сожалению не весь состав удалось восстановить. В боевую дружину социал-демократов большевиков Семянниковского завода в числе прочих входили:

Величко Иосиф Людвигович, медник; Острейко Людовик («Людовик села Смоленского»); Гребнев Михаил; Григорьев Николай Александрович, Данилов Никифор Гаврилович; Ермолаев Михаил Евгеньевич; Емельянов Михаил; Закштейн Исай Нахимович («Исай»); Зарубкин Александр Поликарпович; Ивнев Александр («Ванька Гапон»); Кирсанов Петр Николаевич; Калашников Василий Николаевич; Кохан Лука Иванович; Козлов Михаил Николаевич; Матвеев Василий Матвеевич; Метлин Николай Михайлович; Нефедов Емельян; Немчинов Иван Иванович; Поляков Николай Федорович; Панцырный Иван Федорович; Петров Иван Васильевич; Прохоров Леонид; Панфилов Василий Панфилович; Сухлеев Василий Дмитриевич; Смирнов Кузьма Александрович; Стольфорт Тимофей Иванович; Титов Алексей; Филиппов Емельян; Цуккер Алексей; Цабо Павел Миронович; Шелковников Владимир; Николаев Андрей Николаевич; Артамонов («Сынок») и др.

Для изыскания средств на приобретение оружия взимался рубль с револьвера или ружья в виде единовременного сбора, а при выдаче оружия уплачивалось от 8 до 10 руб. Средства употреблялись не только на приобретение оружия, но и для обучения дружинников обращению с ним. Для этой цели служил Мурзинский лес за Обуховским заводом или болото с разросшимся кустарником, которое находилось за Семянниковским заводом. Иногда дружинники ходили за Черную речку. Но здесь было небезопасно от неожиданного «визита» полицейских. Поэтому семянниковцы часто для военного обучения уезжали вверх по Неве к Ивановским порогам.

Одним из боевых актов заводских дружинников был взрыв в 1906 г. штаб-квартиры черной сотни, помещавшейся в трактире «Тверь», в д. № 15 по Прогонному пер. Принадлежал трактир отъявленному черносотенцу Александру Федорову. Здесь обсуждались различные набеги на квартиры революционно настроенных рабочих, намечались убийства и прочие темные дела.

Это черносотенное гнездо решено было уничтожить. План нападения был выработан на квартире Николая Метлина. 27 января, вечером, рабочий сталелитейной мастерской Н. А. Григорьев бросил бомбу в помещение трактира. В этот момент там находилось до 40 человек союзников. Первый снаряд был брошен в стеклянную дверь трактира и сразу же разорвался. Почти тотчас же за первой бомбой была брошена вторая. Эта бомба разорвалась

не сразу, а через некоторое время. С выражением беспредельного ужаса в глазах союзники смотрели на дымящийся на полу снаряд, боясь пошевельнуться. Уж после того как бомба разорвалась, произведя значительные повреждения, был брошен третий снаряд. Черносотенцы вслед за этим бросились на улицу. Здесь они сразу попали под обстрел дружинников.

В результате силой взрыва и осколками досок были на месте убиты два черносотенца — Василий Королев и Алексей Барабанов. Кроме того получили более или менее тяжелые ранения 11 человек, в том числе и одна женщина черносотенка Мария Ивановна Ластова. Все раненые были отправв больницу.

Прискакавшие казаки и прибывший наряд полиции не застали уже дружинников. Арестовать никого из них не удалось несмотря на тщательные поиски, продолжавшиеся всю ночь. На другой день полуразрушенный дом, где находился трактир, был заколочен досками, и у дверей были поставлены для «охраны» двое городовых.

Похороны убитых черносотенцев происходили в торжественной обстановке. Со всех сторон окружали процессию драгуны. Во главе провожавших был сам вождь «союза русского народа» А. И. Дубровин, а за ним шел весь «цвет» черносотенного «генералитета» завода в сопровождении заводского полицейского надзирателя Желдыбина. В числе провожавших были и представители от правления товарищества Невского завода, а также и от заводоуправления. Все расходы по похоронам правление товарищества приняло на свой счет.

Но заводские черносотенцы не были обезглавлены. Главари остались невредимы, так как в момент взрыва в трактире они отсутствовали.

На заводе и по всей Невской заставе начался настоящий террор. Издевательства черносотенцев не знали предела. Между ними и дружинниками в течение почти всего 1906 г. шла борьба не на жизнь, а на смерть.

Чтобы быть более сплоченными, черносотенцы произвели некоторую переброску своих членов из одной мастерской в другую. Штабом черносотенцев был, как упоминалось, котельный цех. Сюда в помощь Матюшенко был переведен с электрической станции Василий Михайлович Снесарев, прозванный рабочими «Васькой», а по окраске волос — «рыжим чортом». Это был детина громадного роста и силы. С револьвером в руках он расхаживал по мастерским и кричал:

— Ну, что, много ли вас, красных, осталось. Выходи, кто против царя и правительства. Убью и ничего мне за это не будет. Начальство еще отблагодарит.

Некоторые из старых рабочих завода помнят, как под предводительством Снесарева и Матюшенко рабочие в буквальном смысле «сгонялись» утром на молитву, к «иконостасам», которые имелись почти в каждой мастерской. С револьверами в руках черносотенцы становились на возвышенном месте в мастерской и оттуда зорко следили, чтобы все рабочие принимали участие в церковном пении.

Вскоре семянниковские черносотенцы «прославились» своими хулиганскими выходками не только на всю Невскую заставу, но и на весь Петербург. Имена таких союзников, как братья Лавровы — Илья, Иван, Петр и Егор Ларичкин и многие другие, стали общеизвестны. Членов «союза русского народа» на заводе насчитывалось в то время более 300 человек.

Изгоняя «крамолу» не только на Семянниковском заводе, но и по всему Шлиссельбургскому тракту, союзники наводили настоящий террор на население окраины. Вооруженные револьверами жандармского образца, эти верные агенты охранки буквально не давали прохода мирным обывателям Невской заставы. Каждого рабочего, показавшегося им почему-либо подозрительным, они избивали и грабили. Нередко бывали случаи убийств.

Заводской корреспондент описал в газете «Русь» характерную сцену обыска, учиненного союзниками на квартире рабочего Семянниковского завода А. Журавлева. Собравшись во дворе дома № 1 по Мариинской ул. в количестве около 15 человек, черносотенцы зашли в квартиру рабочего и стали требовать у него оружия. Хозяин квартиры клялся, что у него оружия никогда не было. Дети и женщины плакали. Черносотенцы все же произвели обыск, который ничего не дал. Обозлившись на безрезультатность своих поисков, они принялись избивать хозяина. Когда Журавлеву наконец удалось вырваться из их рук и выбежать на улицу, он натолкнулся на стоящего почему-то у ворот его дома околодочного. Вместо того чтобы оказать избитому рабочему помощь, околодочный равнодушно заметил: — ну, ну, ведь не убили же.

Такие обыски и грабежи среди бела дня происходили ежедневно главным образом по Смоленской ул. и Озерному пер., густо населенным рабочими. Когда жильцы одного из домов, в котором произошло очередное хулиганское выступление союзников, обратились к дворнику за защитой, тот им ответил:

— Что же я могу сделать? Сами знаете, револьверы у них от казны в 4-й роте выданы (главный штаб «союза русского народа». — Н. П.). С ними ничего не поделаешь. Меня самого обыскали, а жаловаться некому, потому что они от казны.

Нужно отметить, что все эти бесчинства происходили на глазах у власти, имевшей полную возможность прекратить их. Шлиссельбургский тракт представлял собой настоящий военный лагерь: у ворот завода дежурили 10 околодочных в полном боевом порядке, подкрепленные ротой вооруженных винтовками городовых, расположенных вдоль заводской ограды.

Из материалов чрезвычайной комиссии Временного правительства в 1917 г. видно, что прямыми вдохновителями всех бесчинств, грабежей и убийств, произведенных союзниками в 1906 г. как на самом заводе, так и по всей Невской заставе, являлись «доктор» Дубровин и его ближайшие помощники — семянниковцы Васька Снесарев, Ильюшка Лавров и Егорка Ларичкин.

Прессой было отмечено, что «доктор» довольно часто стал появляться после открытия Семянниковского завода за Невской заставой. Эти посещения были известны всем рабочим и ставились ими в связь с тем обстоятельством, что союзники стали готовиться к 1 мая на случай возникновения в столице демонстрации. На Смоленском поле, которое находилось позади завода, происходило обучение черносотенцев военному строю. Там они маршировали, стройно производили военные упражнения, а по вечерам в глухих переулках раздавались револьверные залпы.

«Доктор» Дубровин, один из активнейших руководителей черносотенного движения 1905—1906 гг., слишком известен, чтобы давать здесь его характеристику. И. Лавров и Е. Ларичкин, рабочие-семянниковцы, прославились как организаторы бесчисленных хулиганских выступлений не только на заводе и по всему тракту Невской заставы, но один из них, Ларичкин, приобрел общероссийскую известность своим участием в убийстве члена государственной думы, кадета М. Я. Герценштейна.

И. Лавров был активным членом «каморры народной расправы». По собственному его признанию он ретиво выявлял «крамольников» на заводе и застрелил социал-демократа рабочего Мухина, вызвав этим актом общее возмущение рабочих, усмотревших в убийстве прямой вызов, брошенный союзниками сознательным рабочим завода. Но от предложенного ему убийства М. Я. Герценштейна Лавров отказался. Е. Ларичкин пользовался одно время доверием рабочих и числился социалистом-революционером. Когда на заводе организовалась конспиративная дубровинская ячейка «каморры народной расправы», Ларичкину было поручено выяснить цели и состав этой черносотенной террористической организации. Он проник в «каморру» и быстро был завербован в ее члены. В убийстве М. Я. Герценштейна Ларичкину была отведена почетная роль, он под-

готовил и привез в Териоки оружие и грим и совместно с рабочим Путиловского завода Тополевым стрелял в Герценштейна, причем его выстрел оказался смертельным.

Им старались подражать и другие заводские черносотенцы из интеллигентов, которые поступали на службу к союзникам.

Совершенно случайно еще в 1905 г. во время судебного разбирательства дела по обвинению двух рабочих корабельной мастерской В. Сурина и И. Иванова в краже меди с завода выяснилось, что на заводе существует организованная инженерами ячейка «союза русского народа», специально занимавшаяся сыском и провокацией среди рабочих. По их доносу и требованию с завода в свое время были уволены 250 рабочих.

Из-за грубого отношения к рабочим и чисто провокаторского поведения были заподозрены в принадлежности к «союзу русского народа» заведующий корабельной мастерской. Н. Н. Сухих и двое инженеров — П. Н. Постоев и К. Н. Храмых. Особенно донимал рабочих своей грубостью Н. Н. Сухих. Он старался придраться к малейшему пустяку, чтобы сделать какую-нибудь пакость рабочему.

Снижение расценок уже по выполненной и обусловленной в цене работе и увольнение рабочих, не соглашавшихся на такое снижение, были обычным явлением в корабельной мастерской.

Конечно такое отношение не могло быть долго терпимо. Рабочие потребовали увольнения инженера Сухих, которого администрация взяла под свою защиту. Возник конфликт, рабочие забастовали, и корабельная мастерская была закрыта на замок. Ввиду крайнего возбуждения рабочих на завод были вызваны семеновцы. Начались волнения и в других мастерских.

Долго ни одна из сторон не сдавалась. Рабочие твердо стояли на своем требовании — уволить инженера Сухих. Наконец по настоянию рабочих было решено создать третейский суд, чтобы выяснить, принадлежит ли к «союзу русского народа» инженер Сухих, оказывает ли он на рабочих известное давление и обращается ли несправедливо и грубо с рабочими.

Администрация согласилась устанавливать расценки на работу по взаимному соглашению при выдаче работы. Уступки были сделаны под условием не подвергать бойкоту инженера Сухих.

Третейский суд собрался 20 июня, в составе 15 чел. После долгих споров судом было установлено, что Сухих действительно снижал расценки, увольнял без всякой причины революционно настроенных рабочих. Суд также

признал доказанным факт грубого обращения с рабочими, оскорбление словами, угрозами, факты полного невнимания к нуждам рабочих, даже вопреки существующим на заводе правилам внутреннего распорядка. По вопросу о принадлежности Сухих к «союзу русского народа» суд вынес оправдательное решение.

У сознательных рабочих все же осталась уверенность в принадлежности инженера Сухих к черной сотне, равно как и других инженеров и лиц административного персонала. Но в руках рабочих не было никаких документальных доказательств. Члены революционной боевой дружины решили во что бы то ни стало добыть эти доказательства. Они знали, что у «доктора» Дубровина имеются списки членов «союза русского народа», которые он хранил у себя на дому, не доверяя их даже своим помощникам. Согласно сохранившемуся на заводе «преданию» было решено пригласить «доктора» Дубровина якобы к больному рабочему и под угрозой смерти потребовать выдачи списков. Так или иначе списки попали в руки рабочих и вызвали совершенно неожиданные разоблачения. Оказалось, что не только заведующий корабельной мастерской инженер Сухих состоял членом союза, но даже и управляющий заводом находился в числе их.

С этого момента союзники совершенно обнаглели. Грабежи и насилия, совершаемые ими над рабочими, не знали предела.

Черносотенцы устраивали за Невской заставой специальные смотры. Производил такие «парады» какой-то черносотенный генерал. В полной блестящей генеральской форме, при всех своих регалиях, в сопровождении целого штаба офицеров и охранников он объезжал, развалившись в автомобиле, ряды союзников и от имени всех верных сынов «престола и отечества» благодарил черносотенцев за преданную службу. Для встречи его каждый раз выезжал Снесарев, который рапортовал о положении дел за Невской заставой. На всех перекрестках из автомобиля выкидывалась погромная литература вроде «Черные миллионы», которая однако местным населением почти не разбиралась.

Погромная деятельность черных дружин «доктора» Дубровина стала вызывать даже у правительства опасения за возможные беспорядки за Невской заставой. В департамент полиции стали поступать сведения, что среди рабочих идет сильное брожение в связи с усиливающейся деятельностью союзников.

Такие опасения действительно имели основание. Боевая дружина рабочих стала готовиться к решительному наступлению на черную сотню для полного ее уничтожения.

Озлобление против черной сотни усиливалось на заводе еще более благодаря двум нижеописанным событиям.

После опубликования известного письма рабочего Н. Петрова в газете «Русь» о получении Гапоном 30 000 руб. от правительства графа Витте между гапоновцами произошел раскол. Одни не верили изложенным в письме фактам и были на стороне Гапона, другие поддерживали Петрова. Гапон, желая во чтобы то ни стало обелить себя и убрать своего разоблачителя с дороги, подговорил рабочего - семянниковца П. П. Черемухина убить Н. Петрова, для чего дал ему револьвер. Веря в правоту Гапона, Черемухин согласился было совершить это убийство, но вскоре стал колебаться, не смог перенести тяжелого душевного состояния и на одном из гапоновских собраний застрелился у всех на глазах.

Это самоубийство особенно сильно повлияло на семянниковцев, которые любили и уважали Черемухина (он же Сычев). Общественное мнение считало Гапона убийцей Черемухина. Теперь от Гапона отшатнулась и та незначительная группа рабочих, которая еще верила в него.

На похороны Черемухина, которые состоялись 23 февраля, с самого раннего утра стали собираться рабочие. На белый глазетовый гроб было возложено рабочими несколько венков из живых цветов и металлический, перевитый красной лентой, от семянниковских рабочих. Эта «крамольная» лента была снята по требованию полицейского офицера, но во время отпевания вновь водворена на свое место. Черемухина похоронили рядом с могилой убитых 9 января у Нарвской заставы.

Другое событие, чрезвычайно взволновавшее рабочих, — выборы в I Государственную думу. Как известно, двухстепенные выборы были так организованы правительством, что в думе оказалось большинство депутатов от помещиков, буржуазии и духовенства. Рабочие же крупных предприятий как наиболее революционный элемент должны были составить незначительное меньшинство.

Большевистская организация, исходя из того, что революция не закончена, объявила бойкот Государственной думе, отвергнув непоследовательную и противоречивую тактику меньшевиков, призывавших принять участие в выборах уполномоченных и выборщиков, но не выбирать самих депутатов.

Тактика большевиков была принята рабочими массами, в частности и семянниковскими рабочими. В связи с предстоящими выборами на заводе происходили собрания, которые полиция старалась не допускать, зная, что рабочие будут резко осуждать действия правительства. Эти собра-

ния разгонялись силой оружия. У самого Семянниковского завода на лужайке расположилась пехота в полном боевом снаряжении, с походной кухней, причем «ружья были составлены в козлы».

Рабочие же «усиленно» подготовлялись к выборам. В некоторых мастерских были выставлены плакаты, поставлены чучела и развешены лозунги, которые ярко выражали отношение рабочих к этим выборам. Так в модельной мастерской было выставлено смешное чучело с надписью — «выборщик в Государственную думу». В других мастерских были вывешены лозунги: «Рабочие, бойкотируйте думу!»

Наконец наступил день выборов, 5 марта. С раннего утра у завода появились усиленные патрули казаков, конной жандармерии, солдат и городовых. В сталелитейной мастерской, в которой происходили самые выборы, была поставлена вооруженная охрана.

Черносотенцы также не дремали. Часов в 11 утра у входа в сталелитейную мастерскую был поставлен контроль из членов союза. Он обязан был по полученным директивам тщательно проверять всех приходящих на выборы, особенно тех, у которых не было на груди союзного значка. Но такой контроль был совершенно излишен, так как из 5 812 рабочих, имевших право быть на выборах, явилось всего 112 чел. Сборочная, пароходо-механическая мастерские, объявившие категорический бойкот выборам, совершенно не явились.

Руководителем собрания был выбран «единогласно» Васька Снесарев. Взойдя на трибуну, он перекрестился, вынул из кармана револьвер, положил его на стол и «открыл выборы». В своем вступительном «слове» он указал, что выбирать в Государственную думу необходимо истинно-русских людей, «готовых душу свою положить за веру, царя и отечество».

Отдельные сознательные рабочие явились на собрание только для того, чтобы агитировать против участия в выборах. Они пытались было говорить, но союзники каждый раз поднимали такой шум, что не было возможности произнести ни одного слова. Часть выборщиков, возмущенная такой постановкой выборов, демонстративно покинула собрание под свист и крики черносотенцев.

Таким образом к моменту выборов оказалось еще меньшее количество рабочих, чем в начале собрания.

Собрание приступило к обсуждению кандидатур, если можно так назвать чисто «дружескую беседу», происходившую между председательствующим Снесаревым и выборщиками.

— Ну, братцы, кого же нам?—спрашивал Снесарев.

— Да чего там, давай Принцева, — кричала толпа.

Названный кандидат извлекался из толпы чуть ли не за шиворот и ставился на трибуну.

— Еще кого, ребята? — вновь спрашивал председательствующий.

— Жарь Ярошенко, свой человек.

Кое-кто из кандидатов пробовал отказываться и благодарил «за честь» быть выбранным, но на отказ не обращали внимания.

Таким образом были выбраны от Семянниковского завода уполномоченные для выборов в I Государственную думу. Было выбрано 5 человек: Петр Ярошенко (новомеханическая мастерская), Михаил Принцев (котельная), Петр Посохин (сталелитейная), Григорий Муравьев и Константин Добрецов (корабельная) и Павел Ерошко (медницкая). Все они были неграмотны или полуграмотны, но имели то преимущество, что состояли членами «союза русского народа».

По окончании выборов часть выбранных напилась допьяна, один из них чуть не сгорел около своего кузнечного горна. Его спасли близстоящие рабочие, облив водой. Уполномоченного, всего мокрого, в полуобгоревшей одежде, представили начальству, т. е. в кабинет директора завода.

На другой день, 6 марта, должны были происходить выборы в медно-чугунолитейных мастерских, но под впечатлением выборов, состоявшихся накануне, из числа 400 рабочих ни один на выборы не явился.

Накануне открытия Государственной думы, которое, как известно, состоялось 27 апреля, семянниковцы устроили своеобразную манифестацию—«похороны самодержавия». Они везли на тачке пустой гроб, перед которым несли венки с соответствующими надписями и пели революционные песни. Снесарев с револьвером в руках стал угрожать стрельбой, если рабочие не прекратят «издевательство». Группа черносотенцев во главе со Снесаревым врезалась в толпу и разогнала минифестантов. Не довольствуясь разгоном, Снесарев стал стрелять и успел ранить одного рабочего.

Такого рода события революционизирующим образом действовали на рабочих и делали их более решительными по отношению к зарвавшимся союзникам.

Заводская боевая дружина большевиков решила уничтожить прямых вдохновителей малосознательных рабочих — черносотенных главарей. В первую очередь решено было убить Снесарева.

Чуя что-то «недоброе», черносотенцы стали гораздо осторожнее. Разнесся слух, что Снесарев перебрасывается на «более ответственную» работу в другой город. Нужно

было торопиться, чтобы изъять этого гада, из-за которого пострадало столько рабочих. Казнь Снесарева была поручена рабочему Гавриилу Успенскому, известному среди рабочих под кличкой «Гаврик». Но как раз накануне решительного дня, 26 апреля, Гаврик был совершенно неожиданно уволен с завода. Работавший в проходной конторе Михаил Митрофанов выписал ему дутую контрамарку для прохода на завод. В означенный день Гаврик вошел вместе с другими рабочими и стал поджидать Снесарева, прячась за грудой валявшегося железа и готовых железнодорожных колес.

Когда Снесарев проходил мимо ожидавшего его Гаврика, раздался выстрел. Снесарев было побежал, но, сделав несколько шагов, грохнулся на землю и больше не поднимался.

Гаврик же, не теряя ни одной минуты, вбежал в котельную мастерскую, где его ожидали товарищи с приготовленной одеждой и гримом.

Весть о смерти Снесарева быстро распространилась по всему заводу. Рабочие стали стекаться к месту происшествия. Прибежало и перепуганное начальство. Все в один голос говорили, что Снесарева убили за его черносотенную деятельность.

Когда полиция стала описывать после похорон Снесарева его вещи, рабочим стало ясно, что Снесарев был подлинным грабителем. У него на квартире нашли 1 600 руб. деньгами, 8 золотых часов, 15 серебряных, десятка два различных кошельков и массу каракулевых шапок. Этому бандиту и убийце рабочих была посвящена прочувственная статья с приложением его фотографического снимка в черносотенном издании «народного союза им. Михаила Архангела», под названием «Книга русской скорби». Похоронили его с большой пышностью, — правление товарищества не пожалело на это денег.

Наступила очередь братьев Лавровых, которые являлись верными помощниками убитого Снесарева. Было решено убить их при первой возможности. Задолго до 1 мая рабочие предупредили администрацию завода, что в этот день работать не будут, так что лучше не разводить паров. Но Гиппиус надеялся, что большая часть рабочих явится на работу. В день 1 мая никто из сознательных рабочих не вышел на завод. Пришли одни только черносотенцы, да и те, проработав до 9 час. утра, разошлись с пением «спаси, господи, люди твоя».

Несмотря на то, что весь Шлиссельбургский тракт был переполнен казаками и полицией, а у каждого входа в завод стояли вооруженные солдаты, на улицах царило боль-

Семянниковцы-боевики на маевке в 1907 г.

шое оживление. На могилу жертв 9 Января на Преображенском кладбище рабочие возложили венок. Они вели себя везде спокойно, не нарушая порядка до той поры, пока «подвиги» черной сотни не вывели их из терпения. Желая повидимому показать, что смерть Снесарева нисколько их не испугала, черносотенцы в день 1 мая избили нескольких рабочих. Братья Лавровы под видом обысков врывались в рабочие квартиры и производили там форменный грабеж. Время от времени на Шлиссельбургском тракте раздавались провокационные выстрелы.

Боевая дружина большевиков решила действовать. Около 7 час. вечера по Невосемянниковскому переулку навстречу Ивану Лаврову пошел дружинник Павел Шульман. Поровнявшись с Лавровым около трактира Кашина, он выхватил револьвер и почти в упор произвел в Лаврова три выстрела. Лавров успел только вскрикнуть: «братцы, не оставьте, задержите убийцу», и упал на панель. Доставленный в заводскую больницу, он умер. Во время перевязки Лаврова черносотенцы устроили «летучее» собрание. Один из них, вынув большой кинжал, стал кричать:

— Смерть крамольникам! Братцы, пойдем и перережем их всех. Я знаю их. Двое ходят с яркими козырьками. Они самые и есть.

Толпа черносотенцев рассыпалась по улицам. Но набег

оказался безрезультатным, так как рабочие, узнав об убийстве второго вожака черной сотни, поспешили разойтись по домам, и улицы оказались пустынными. Безрезультатны были и полицейские обыски, произведенные ночью и на другой день.

Желая отомстить за смерть Ивана Лаврова, черносотенцы напали 2 мая на мирно гулявших в поле рабочих и успели ранить несколько человек.

На заводе шел митинг. Неожиданно раздались выстрелы из револьверов и крики раненых. Когда прибыла полиция и вслед за нею казаки, все было кончено. Заводской двор оказался пустым, только на траве лежали убитые черносотенцы Петр Лавров, Васька Сухопутный (Петров) и третий, фамилии которого не удалось выяснить.

Между дружинниками и черносотенцами началась настоящая война. Не проходило дня, чтобы где-нибудь вблизи завода не возникала перестрелка, не было раненых и убитых.

Полиция и главный штаб черносотенцев были встревожены этими происшествиями. Главари союзников, оставшиеся в живых, поспешили скрыться в штаб-квартиру союза в 4-й роте Измайловского полка, где проживал «доктор» Дубровин. Сюда перешли «на житье» рабочие завода Сергей Рыжий, оставшийся в живых Илья Лавров и др. Начались обыски среди рабочих и аресты заподозренных в принадлежности к красной дружине.

У ворот Семянниковского завода попеременно дежурили то семеновцы, то павловцы, то преображенцы и драгуны. Но и эта мера мало подействовала на дружинников. По жребию рабочим Колей Бобом был убит известный на заводе черносотенец Васька Пивоваров, а вслед за ним был казнен заводской блюститель порядка — полицейский Желдыбин. Последний был застигнут дружинниками на проспекте села Смоленского и среди бела дня застрелен.

Боевые стычки между черносотенцами и дружинниками несколько позатихли, так как союзники присмирели. Но дружинники продолжали «чистку» в мастерских завода, прилагая все усилия к тому, чтобы обезвредить членов «союза русского народа» — отнимали у союзников огнестрельное оружие, устраивали над ними товарищеские суды и т. д.

4 мая состоялся заводской митинг по вопросу о разоружении черносотенцев, на котором было вынесено постановление, предлагавшее черносотенцам сдать оружие. Разоружение началось с котельной и колесной мастерских, которым дружинники предъявили вечером 4 мая ультимативное требование о немедленной сдаче оружия. 5 и 6 мая было отобрано оружие в кузнечной и колесной мастерских,

7 — в корабельной. По всем мастерским были составлены списки членов «союза русского народа», которым дружинники предлагали сдать оружие и союзный значок или убираться с завода. Под давлением красного «террора» союзники выдавали оружие, а махровый черносотенец мастер Матюшенко, напуганный гибелью черносотенных главарей, покорно принимал сдаваемое оружие и вел ему точный учет. Четыре черносотенца, оказавшие сопротивление при сдаче оружия, были убиты. Черносотенцы вынуждены были подчиниться общественному мнению завода. Они сдавали оружие в знак покорности и добровольно отчисляли некоторый процент своего заработка в пользу безработных.

Очень интересны были товарищеские суды, которые устраивались в мастерских над членами «союза русского народа». На чугунной заводской плите стоит разоблаченный черносотенец и исподлобья смотрит на собравшуюся громадную толпу рабочих. Староста мастерской начинает его «срамить».

— Негодяй ты, Иуда-предатель, нет тебе от нас никакого сочувствия. Разве ты сам не видишь, как тяжело приходится нашему брату, рабочему, разве твоя собственная жизнь и здоровье не висят на волоске каждую минуту! Неужели ты никогда не думал о том, что нужно нам всем бороться за одно общее дело, чтобы сделать наш труд более человеческим, чтобы не умирать голодной смертью и не остаться калекой. А ты, точно Каин, вздумал убивать своих же собственных братьев, которые о тебе же, негодяй, заботятся.

Тот начинает оправдываться и хныкать:

— Братцы, братцы... Я не виноват, ей-богу, не виноват. Судите сами — жена, четверо ребят, старуха-теща... Была забастовка... Придешь домой, а жена:—«Ты что пришел?» — «Забастовка», говорю. — «Жрать чего будем?» — и пойдет ругаться. Теща также за ругань берется. А чем я виноват? Потом еще третий раз забастовка... Вот вам истинный крест, три дня домой не приходил. А Мишка говорит: «Это все забастовщики, жиды да революционеры нам делают. Хочешь, чтобы у нас больше не было забастовок?» — «Ну да, хочу», отвечаю я.—«Пойдем, говорит, запишу тебя в «союз русского народа». Там, говорит, пособия дают и значки Георгия, а в придачу еще и револьвер. Когда всех их перебьем, тогда все тихо и смирно будет». А я дурак был, взял да и пошел. Товарищи, простите меня. Все по глупости своей... и жена еще тоже, дура проклятая... Она же меня и сбила с толку. Верно вам, братцы, говорю. Простите, товарищи.

Рабочий, сняв помятый картуз, низко кланяется. Раздаются крики: «шут с ним, прощаем», и рабочий, вздохнув с облегчением, слезает с плиты. Выкликают другого. Вызванный пробирается через толпу, подходит к выборному, кладет перед ним большой, казенного образца револьвер, значок, свидетельство и становится рядом с ним в нерешительности. Толпа требует, чтобы черносотенец лез на плиту. Тот нехотя взбирается на нее и стоит, низко опустив голову.

В ответ на упреки выборного черносотенец в свое оправдание рассказывает, как, будучи безработным, он поддался уговорам случайного знакомого, давшего ему целковый и адрес «союза русского народа».

— Простите меня, товарищи, — говорит рабочий. — Бедность да голодуха заставили меня поступить в этот союз. А насчет револьвера не сомневайтесь, когда дела бы коснулось, вот вам крест, их бы первых начал стрелять.

— А почему же мы при своей бедности и голоде не делали так, как ты сделал, подлец ты этакий? — кричат ему рабочие.

— Простите, братцы, хотя и знал я про это, а другого выхода не было—или в Неву или к союзной барышне Варваре Николаевне, которая в союз записывает.

С раскаявшихся черносотенцев брали письменную расписку вроде следующей:

По темноте своей я шел против интересов рабочего класса. В интересах правительства мы старались подавить всякое свободное движение в пользу рабочих. Теперь же я, записанный в «союз русского народа», отрекаюсь от этого проклятого всем русским народом союза и даю своим товарищам клятву, что буду итти рука об руку со всеми сознательными рабочими.

Подобные документы подписывали и коллективно. В газете «Современная жизнь» была помещена такая расписка за подписью 42 рабочих новомеханической мастерской.

Но не надо думать, что эта энергичная чистка совершенно уничтожила черносотенный элемент на заводе. После некоторого затишья вновь вспыхивали бесчинства черносотенцев, и начинались убийства сознательных рабочих и избиения мирных жителей.

Особенно стал неистовствовать Илья Лавров, который поклялся отомстить дружинникам за смерть двух братьев. Его хулиганские выходки дошли до того, что жильцы того дома, где он жил (по Прогонному, № 9), стали выезжать, да и то тайком, чтобы уберечь себя от какой-нибудь хулиганской выходки этого черносотенца.

6 мая черносотенцы устроили настоящую облаву на возвращавшуюся домой ночную смену; в перестрелке были ранены Егор Ларичкин и рабочий Алексей Ульев. Произведено было нападение на 16-летнего ученика болторезной мастерской Петра Чикина; на Шлиссельбургском тракте к мирно проходившему мальчику подбежал один из черносотенцев и дважды выстрелил в упор. Мальчик, обливаясь кровью, бросился было бежать, но наткнулся на лоток продавца с грушами и упал замертво на панель. 11 мая союзниками были ранены двое рабочих сталелитейной мастерской — Степан Гусев и Петр Орлов. Наконец 16 мая произошло настоящее сражение в поле за заводом, в результате которого несколько человек было ранено.

Союзники снова до того обнаглели, что однажды даже собрали свой особый митинг на заводе по поводу Государственной думы. Была вынесена резолюция: «разогнать крамольную думу с жидами». Рабочие завода немедленно собрали общезаводской митинг, на котором решено было всемерно поддерживать представителей от рабочих, находящихся в Государственной думе.

23 мая на митинге черносотенцами был открыто застрелен рабочий механической мастерской М. Горядкин, вступивший с ними в спор о значении Государственной думы.

На другой день у больницы, где лежал труп Горядкина, произошло кровавое столкновение рабочих с войсками. Несколько рабочих было ранено. Вход в больницу охранялся отрядом полиции и вооруженными союзниками.

Несмотря на все принятые меры рабочим удалось 27 мая проводить убитого товарища на кладбище с пением «Вы жертвою пали». На кладбище и у ворот больницы были приготовлены усиленные наряды полиции и рота солдат Новочеркасского полка. Но рабочие не дали повода применить вооруженную силу.

Усилившаяся активность союзников побудила сознательных рабочих возобновить затихшую было борьбу с союзниками: 31 мая с утра начался вывоз черносотенцев на тачках за ворота завода. Войдя в азарт, рабочие затем стали просто перебрасывать черносотенцев через забор. Работы все были прекращены. Между союзниками началась настоящая паника. Они старались скрыться от рассвирепевших рабочих в здании заводоуправления, но директор завода, опасаясь, что рабочие устроят там погром, отдал распоряжение о закрытии дверей.

На одном из заводских митингов была принята такая резолюция:

Ввиду слухов о том, что черная сотня опять вооружается и готовится с новыми силами начать свою черную

работу во вред рабочему классу, во вред всей революции, мы, рабочие Семянниковского завода, заявляем, что всей массой выступим, чтобы в самом зародыше подавить попытку организовать погром, бойню и т. п. Предупреждаем черносотенцев, что в случае если они снова начнут вооружаться, мы расправимся с ними самым решительным образом.

Такая резолюция возымела свое действие. Наступило временное затишье. Некоторые из черносотенцев приходили добровольно, просили прощения и вносили штраф в пользу безработных. Но борьба с вожаками черной сотни ни на минуту не прекращалась. Принимались все меры, вплоть до расстрела их. Так, 20 июня известный своей черносотенной деятельностью рабочий медницкой мастерской Иван Гусев был ранен 4 пулями во дворе завода. Раны оказались не тяжкими, но когда сторожа хотели на носилках отнести раненого в больницу, рабочие пытались не допустить этого,— до того был им ненавистен этот махровый черносотенец.

Так расправлялись дружинники с заводской черной сотней. Они действовали дружно и организованно. Но и среди них оказались провокаторы: Емельян Филиппов и Леонид Прохоров.

Емельян Филиппов сам себя выдал. Товарищи доверяли ему, и на квартире у него был склад оружия и взрывчатых веществ.

Е. Филиппов стал настаивать, чтобы у него убрали взрывчатые вещества и оболочки для бомб, мотивируя свое требование тем, что полиция уже знает его квартиру и сам он находится под подозрением. Мотивировка была вполне резонна, и поэтому было решено передать все «имущество» другому дружиннику Васе Калашникову. В ту же ночь, когда взрывчатые вещества были переданы Калашникову, у него был произведен обыск. Калашников был арестован и получил 8 лет каторги за хранение взрывчатых веществ. Одновременно участились провалы социал-демократических кружков и конспиративных собраний. Одному из дружинников, Николаю Полякову, который и в настоящее время работает на заводе, было поручено проверить подозрение, падавшее на Емельяна Филиппова. Поляков установил, что Филиппов два раза в неделю брал увольнительную с завода всегда в одно и то же время и посещал один и тот же дом, который находился рядом с охранкой.

Чтобы разоблачить провокатора, Поляков позвал его в трактир поиграть на биллиарде и между прочим под «большим секретом» сообщил ему, что из Финляндии привезли партию маузеров, браунингов и патронов, которую он, Поляков, будет хранить у себя. В ту же ночь на квартиру

Полякова нагрянула полиция. Были обысканы буквально все помещения, вплоть до дровяного сарая, подняты полы и осмотрены стены. Руководивший обыском помощник пристава прямо поставил вопрос: «Говори, сукин сын, куда девал оружие, привезенное тебе из Финляндии?»

Стало совершенно ясно, что Е. Филиппов — провокатор. Через несколько дней его «убрали» в лесу, у цементного завода. Провокатора убил рабочий котельной мастерской Николай Метлин.

Вскоре попался и другой провокатор — Л. Прохоров. Он передал в руки полиции записную книжку с адресами дружинников. Многие из них были немедленно арестованы, а уцелевшие должны были перейти на нелегальное положение или скрыться в Финляндии.

Мы видим, как на Семянниковском заводе смело и организованно шла борьба дружинников с «черной» сотней и ее главарями.

М. Шкапская

ВЫБОРГСКАЯ ПЕТЛЯ

Отрывки из истории завода имени Карла Маркса (б. «Новый Лесснер»)

«...Пристав над околодочным... околодочный над городовым... городовой над дворником... а дворник над всеми нами, рабочими...»

(Васильев, рабочий завода им. Карла Маркса).

«Если лицо красное — не подходи и не спрашивай».

(Яковлев, рабочий завода им. Карла Маркса).

«При взрыве я отлетел далеко от места работы — и по возвращении с меня удержали заработок за отлучку».

(Марк Твэн).

Важно, чтоб не пропала зря
Ни одна грусть, ни одна заря
В хозяйстве моей страны.

(Вера Инбер).

ТЕМНА И СКУПА

Темна и скупа Выборгская сторона — тот кусочек Питера, что лежит углом вдоль Большой Невки, уходя туда, к шведским могилам.

Учительные это могилы. Петр там пировал и парадизу, городу утешному, клал начало.

Недаром Полтавой зовутся на Самсониевском чайная и переулки Нейшлотский, Свеаборгский, Гельсингфорский. И вся сторона — Выборгская. И финнов много на Лесснере, у Барановского, у Парвиайнена!

Но парадиз в прошлом, и шведов нынче не в учителя, а в штрейкбрехеры выписывают в забастовки фабриканты, и в Полтаве не бои, а пьяные слезы.

И учительные могилы для выборгских рабочих не те, в которых лежат ни в чем неповинные шведские солдаты.

Их учительные могилы ныне рассыпаны после 1905 г. — по всем кладбищам Питера без указания точного адреса.

Но адреса — это формальность — у себя в сердце носят они память выше и устойчивее всякого могильного холма. И память об этих могилах светит им так, что рассеивается выборгский мрак.

А рассеивать надо многое.

Темна и скупа, сказали мы, Выборгская сторона.

Фонари, как редкие звезды, не светят, а тлеют.

Не панели, а мостки.

Не переулки, а щели. И не набережная, как в центре, а просто бережок, с которого можно и купаться, и тонуть беспрепятственно.

Ведь для порядочного петербуржца город кончается у мостов — Литейного, Николаевского, Троицкого. Там, в центре — светло, шумно, бежит нарядная толпа, веселятся фонари, вспыхивают в ярких витринах елисеевские фрукты и мягко катятся экипажи по звонким торцам, везут людей на Острова.

А здесь единственные распространенные фрукты — это соленые огурцы из кооператива «Кузнец» и других лавчонок, и мускульные рессоры — единственный способ передвижения.

И на Батениной — там, где после революции заводы выстроят для себя веселоглазые дома — с балконами, широкими лестницами и светлыми чистыми комнатами, — там сейчас Скопская Горка, по которой вечером опасно пройти, — оттуда по воскресеньям по 2—3 трупа везут в больницу.

И вместо Островов — Куликово поле, где с чайником по праздникам располагаются рабочие семьи — по соседству со свалкой на траве, в которой больше консервных банок и окурков, чем травинок.

Даже главная магистраль Выборгской — ее сердце, ее Бродвей — Самсониевский проспект, на котором крупнейшие расположились заводы — Лесснер, Эриксон, Гейслер, Барановский и другие, — даже он узок и темен, и тесны и перенаселены дома там, где они не вытесняются пустырями и огородами — на всем его фабрично-заводском протяжении — от Старого Лесснера до Нового и дальше, от Самсония до Новосильцевской церкви.

Кстати о Новосильцевской церкви. Говорят, что выстроена она на том самом месте, где один мелкопоместный дворянин дрался на дуэли за обесчещенную сестру с дворянином, у которого вдобавок к дворянству были деньги; и великосветская мамаша последнего воздвигла эту церковь в память их бессмысленного взаимного убийства.

Выборжцы не знают старого предания. У выборжцев связаны с этой церковью свои собственные.

В Новосильцевскую ходят говеть, и в эти дни Лесснер не высчитывает за прогул, хотя, правда, и платить не платит. А не говеть нельзя — удостоверение принести необходимо, иначе не станут тебя держать на заводе.

Новосильцевскую помнит и знает лесснеровец Кузнецов —

тогда еще только оформлявшийся большевик-правдист, из которого 102-дневная забастовка выковала будущего революционного бойца.

Знает по забавному поводу — он нелегальный сам и на нелегальном положении его товарищ и однодеревенец Комаров, который еще сам в то время не провидит в себе будущего наркома будущего коммунального хозяйства будущего Союза.

Но и у нелегальных родятся дети, и для того, чтобы они были оформлены, необходимо их крестить.

И вот принесли маленькое пищащее создание для того, чтобы дунули, плюнули и в холодную воду с заклинаниями его опустили для легализации. Несли и озирались — нет ли шпиков, не замели бы. И, окрестив, кум с кумой оглянулись, нырнули в темноту — одна, унося младенца, другой, заметая следы.

«Даже рюмки водки не выпили на крестинах».

Помнит Новосильцевскую и лесснеровец Ваня Усачев. Нет электричества, керосин дорог для сиротского кармана, и для своего и сестриного хозяйства таскает маленький Усачев огарки из церковного ящика для того, чтобы слепить из них дома толстенную свечу.

Может быть с такой точно свечи падали толстые восковые слезы в то темное предрассветное январское утро, когда его, маленького, дрожащего, сонного, поднял с постели отец-рабочий, чтобы вести к Зимнему дворцу.

Темна и скупа Выборгская сторона. В темноте и скудости живет рабочий Лесснера, Эриксона, Барановского, Парвиайнена.

Об Эриксонах, Парвиайненах, Металлическом напишут другие. Нам — о Лесснере. О двух Лесснерах. Один в начале Выборгской — у Самсониевского моста, на набережной — Старый.

Второй — там, на углу Батениной — на Скопской Горке — Новый.

ТАЙНЫ ПРОХОДНОЙ

С шести с половиной до семи вечера. Да еще вечерние экстра два часа — потому что цеховая плата низка, чтобы выработать больше — необходимо остаться... а «не захочешь сверхурочных — не увидишь и повседневных».

Итак 14 часов. Если 8 часов на сон... нет, впрочем где уж тут говорить о сне. Надо на жизнь часы урывать от сна. 2—3 часа в день. Это на все — на дорогу, на еду, на книгу, на любовь, на семью. Впрочем — что такое семья? «Придешь — спят и уйдешь — спят».

Нет, на жизнь времени не оставалось. Жизнь зато входила

вместе с рабочими в завод, заводская жизнь становилась личной жизнью.

Чтобы войти в эту жизнь, надо поступить на завод, надо получить право войти вот в эту проходную.

Что такое проходная? Это узкое горло, через которое вливается в завод пульсирующая рабочая жизнь.

Проходная — это узкий стратегический коридор, в котором масса вытягивается в ленточку, и каждый рабочий становится доступен острому взгляду наблюдающих.

Проходная — это фильтр, через который отсеиваются нежелательные элементы.

В проходной номера телефонов пристава ближайшего участка и Общества фабрикантов и заводчиков.

В проходной Старого Лесснера с револьвером в кармане известный расшифрованный охранник Румянцев.

У Нового — имени предателя не знают, но очередной предатель конечно имеется.

Проходная — это внушительный заводской барьер. Прежде чем получить право повесить на гвоздик свой рабочий номер — какая жгучая, какая длительная борьба.

Огромные человеческие волны разбиваются и покорно ложатся у дверей «дома на набережной».

Волны эти, как и морские, катятся издалека.

Вот перед нами интереснейший документ: «Сведения о рабочих, почему-либо не принятых на завод за 1913 г.».

Всего внесено 93 человека. Девятнадцать из Псковской губернии, четырнадцать — Петербургской, десять — Тверской, девять — Новгородской. Это ближние, из потребляющей полосы, где нехватает своего хлеба. Но есть и более дальние — пять смоленцев, четверо виленских, трое витебских.

Диференциация деревни идет быстрыми шагами, все большее количество обнищавших выкидывается за пределы села и направляется с котомками к станциям.

Отходники — рыбаки, камнебои, пескорои, песковозы — эти в чернорабочие. Те, кто в деревне токарничал, столярничал, кузничал, слесарил, подтягиваются по соответствующим мастерским. Но к Лесснеру идут большей частью уже с других заводов — с Арсенала, Путиловца, Металлического. С вольных работ — только 8 человек.

Вот тут-то и поработать телефону. Справку с завода... справку из Общества фабрикантов и заводчиков.

Для справок нужно время. Это время выгадывается медицинским освидетельствованием.

Уж само по себе оно настоящая плотина для поступления на завод.

Безусловно не принимаются страдающие паховой гры-

жей... грыжей белой линии... имеющие зрение менее 0,3... страдающие сифилисом, экземой... с ограниченной трудоспособностью вследствие несчастных случаев... пороком сердца... признаками вырождения... неврастенией...

Но мы знаем, что Вихман отлично был принят с грыжей, и это позволяло мастеру Сакдорфу запугивать его во время забастовок... Мы знаем, что повесившийся Яша Стронгин был несомненным неврастеником... Мы знаем, что в личных карточках рабочих по заводу пестрят упоминания о несчастных случаях на предыдущих заводах.

И, с другой стороны, есть у нас показатели старого лесснеровца Шитикова о пройдохе докторе... который «каким-то чутьем отличал политических и жестоко браковал самых здоровых из них».

Но впрочем доктору незачем было и вмешиваться в это грязное дело. Оно делалось проще.

Вы записаны, опрошены, оказались совершенно здоровы и выдержали две пробных недели на испытании в мастерской.

Но уже в это время ваш листок ушел в так называемое регистрационное бюро или «центральный справочный орган, куда в 24 часа должны сообщаться все сведения, касающиеся поступков рабочих, расчетов с ними, их поведения, несчастных случаев и т. д.».

Работают телефоны, бюро, проходная: и вот в книге сведений о непринятых в конце карточки с безупречными показателями — резолюция заведующего заводом:

«не принят».

Маленькое письмецо в Общество фабрикантов и заводчиков вице-председателю Металлической группы Бачманову от Русского общества для изготовления снарядов и военных припасов, СПБ, 12 октября 1913 г., немножко приподнимает для нас завесу, прикрывающую эту таинственную процедуру:

«Многоуважаемый Андрей Аркадьевич!

Несколько дней тому назад ко мне явился рабочий Федор Колючаев, не принятый нами обратно после имевшейся забастовки. Означенный рабочий нашел себе место на заводе Однера, но после некоторого времени был уволен, причем причиной его увольнения, как ему было указано, послужило то обстоятельство, что он был отфильтрован нашим заводом при ликвидации забастовки.

Сегодня ко мне явился новый рабочий Петр Белов, с которым повторился аналогичный инцидент при вступлении или уже при работе последовательно на заводах Барановского, Эриксона и Новый Лесснер... Ему везде объявили открыто отказ, потому что он значится в черном списке нашего завода.

Удобно или нет оповещать рабочих о существовании ка-

ких-то черных списков среди организованной корпорации Общества заводчиков и фабрикантов, я не могу сказать, но очень просил бы вас не отказать сообщить мне ваше мнение по сему вопросу.

В свою очередь могу сказать следующее: если порядок сообщения самых списков, а также сведений о вступающих рабочих со стороны Общества фабрикантов и заводчиков носит характер конфиденциальный, то такие открытые объявления рабочим не только совершенно излишни, но и недопустимы.

С совершенным почтением

(подпись)».

Нам теперь ясно, что такое черные списки, нам теперь ясно, почему каждый активный рабочий на учете не только на своем заводе, но и на других. Круговая хозяйская порука.

ВЗЯТИЕ ЗАВОДА

Но на заводе много таких, что пришли на него с детства. Попробуем притти с кем-нибудь из них вместе. Хотя бы вот с тов. Имманен.

Чтобы поступить на завод, надо иметь знакомство или лично обратиться к мастеру. В данном случае к Хельфорсу, все к тому же Хельфорсу, о котором пишет в своей книге Шотман, которого помнит Изотов, с которым воевали все молодые революционеры.

Как же увидеть Хельфорса? Может быть рискнуть пойти в самое логово льва — на квартиру?

Пришли. Спрашиваем швейцара, где он проживает, а швейцар в ответ: «Вы по делу или в гости»?

Надо быть очень догадливым, надо конечно оказаться гостем мастера Хельфорса. И тогда швейцаров палец укажет дорогу.

Но вот вы и в заповедной квартирке, перед пресветлыми очами.

— Что вам нужно?

— Да вот хочу определиться на завод.

— А как вы прошли сюда, как вас швейцар пропустил?

Как прием у министра....

Мальчик растерян, мальчик готов повернуться и итти. Но брат его опытный человек. Они с мастером Хельфорсом земляки — финны, это очень много значит... он утонченно вежливо просит разрешения познакомиться, оправдывает швейцара: «это я его обманул».

Мальчик уже в передней, натягивает галоши. Но смелость берет города. Слово за слово — завязывается разговор. О, счастье! Хельфорс обещает устроить.

Но обещание обещанием, а четыре месяца все-таки пришлось ждать Имманену, прежде чем открылись двери проходной для того, чтобы пропустить в нее мальчика — за четыре копейки в день подавать инструмент и быть на побегушках у всякого, кому не лень.

И еще хорошо, если его не били, как Коренюка и Мишу Поднадуйся, и что ему не приходилось таскать водку и замирать, пока мастер у шкафа, делая вид, что рассматривает чертежи, утолял свою жажду.

До Имманена был уже тут один мальчик. Где он? Товарищ, вместе бы веселее.

Но товарища нет. С товарищем маленькая неприятность. Стоял ящик со стружками от бронзового литья. Хельфорсу надо было что-то за ним достать. Мальчик должен был передвинуть ящик.

«Тяжело? Расчитаю — станет легче».

Мальчик ящик передвинул. Но больше он уже никогда не передвигал никаких ящиков.

«Впереди у него все распухло», шопотом передавали друг другу ученики.

На Богословском кладбище стало одной маленькой могилкой больше... Правда, не за той оградой, что знаком внимания и почета окружает могилы лесснеровцев, павших в гражданскую войну. Но по праву он мог бы находиться и там.

Вот первая встреча с заводом.

Два года надо оставаться потом на допотопных станках — в одном углу человек 18 учеников. А учились сами по себе... Тем, что посильнее, токаря работы показывали, но это надо было заслужить — одному сбегай за чаем, другому за папиросами.

Сдельную работу дадут через два года. И дадут сразу большой подряд — рублей на сто. Мечтается, что заработаешь много, а из него в результате ничего не выжмешь: все вперед рассчитано так, что рабочей прибыли образоваться не может—это было бы слишком накладно для хозяина — такое соперничество «в прибылях».

Ведь в 1912 г. 12 руб. выплачено дивиденда за каждую акцию. Это значит — в 7 лет удваивается капитал. А в 1913 и в 1914 гг. дивиденд доходит до 15 руб. Откуда они?

Закон больших чисел — немножко с Имманена, немножко с Притцо, немножко с Вихмана, немножко с Вардья, немножко с Данилова или Васильева, немножко с замученного мальчика, с Герасимова — вот откуда эти миллионы.

Есть впрочем и у рабочего прибыль.

Рабочая прибыль — это загон. Что такое загон? Это страхование на случай забастовки, это выравнивание линии на время болезни, усталости. Каждый старался так сделать — если на 5 руб. сработал — на 5 руб. никогда не сдавай. Ведь сдашь — сбавят расценки. Если могли сделать больше — все равно не получали листков на лишнюю работу. А вот во время забастовок и все листки сдавали и все загоны сдавали. Это оттягивало голодовку на несколько дней.

Вот что такое рабочая прибыль.

Итак — мы поступили на завод с учеником. Взрослые поступали похоже. Тоже поклоны мастеру, обхаживание. Раз с десяток проводить до дому, раз с десяток встретить на набережной — прежде чем попасть на завод.

Впрочем была у лесснеровцев примета: кто поступил через мастера — тот не свой брат, того берегись. Предпочитали того, кто приходил через рабочего: тот замолвит слово мастеру — и возьмут.

Сколько находишься, пока примут, пока встанешь к станку.

А встал — изучай своего мастера. Царь и бог он над тобой на всю твою лесснеровскую жизнь. А изучить его — штука тонкая.

«НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ ЗВЕРЬ»

Вот вспомнили мы о Хельфорсе. Хельфорс не один, и Хельфорс не хуже, может быть даже лучше других. Ругается, говорит Шотман, но мирится.

Мы помним Груича со времен реакции. Того самого Груича из литейной, на которого покушался Гришка Горшок... того, что обращался с людьми, как с невольниками, со скотом, который на каждом шагу раздавал подзатыльники... которого... «удивительно, как его не убили...»

Груич ко времени промышленного подъема тоже эволюционирует. Груич тоже «в подъеме». Расценки снижены хорошо, сейчас нажим не на расценки, сейчас надо уметь привлечь хорошего рабочего, удержать его, соблазнить его.

У Груича система любимчиков. У Груича слава щедрого, не прижимистого — это не Лауль — скупой и расчетливый, но ограниченный хозяйский пес.

Если кто любит выпить — тот всегда за Груича горой. Груич умеет разделять и властвовать — недаром он образованный человек и долго жил в деликатной Франции.

Но есть еще один — Семенов. По пятому году встречался нам на заводе какой-то Семенов. Фамилия легкая, верно однофамилец. Тот член совета рабочих депутатов, тот рабочий, тот защитник рабочих интересов, хотя, правда, меньшевик, но все-таки.

Нет, к сожалению это не однофамилец. Это тот же Семенов и на том же заводе, и это он тот самый мастер крупнотокарной Старого Лесснера, который особенно прижимист, особенно крут и нетерпим.

«Если я сказал — значит так тому и быть».

Ему ли не быть прижимистым — ему есть что заглаживать в прошлом. Хозяин недоверчив, всегда готов припомнить прошлое.

Помнят его и рабочие его мастерской. «За сколько продался»? спрашивают и зовут Иудушкой.

Что это продажа — всякому ясно. Куклин, старый большевик лесснеровский из крупнотокарной, рассказывает, что и его приглашали стать мастером и что вообще было это тактикой дирекции. Ведь как раз хорошие партийцы и были хорошими работниками. Двух зайцев таким образом можно было убить — хорошего найти мастера и обезоружить врага, перетянуть на свою сторону.

Семенов как будто не дерется.

А впрочем если б и дрался, что из того? Контракт у него с хозяином на 10 лет, и он в мастарской царь и бог.

«Такого единоначалия мы теперь и представить не можем», вздыхая, вспоминает бывший заведующий мастерскими Гросберг. Правда, тут же оговаривается он: это предоставляло и огромный простор всякому произволу.

Ну, ударил Груич кого-то — попробуй, иди судись. Суд мировой, правда, не присудить его к штрафу не может. Об одном таком случае слышали мы от Яковлева: судили и 25 руб. присудили — но штраф уплатила за него администрация, а ты зато уж больше на завод не ходок. Попробуй покажись — «наденет пиджак и выгонит».

Пиджак — это для торжественности. Вроде как цепь у мирового судьи — чтоб по всей форме.

Есть помощник заведующего во второй механической Вальтер — «если лицо красное — не подходи и не спрашивай».

Мастеру Тикконену из минно-приборной, которого по требованию рабочих после революции уволили, нужно говорить: «господин мастер», иначе он не станет разговаривать.

У Комонена специальность — крупный мат. Никитин вот до сих пор помнит, как он пошел за гвоздями и как Комонен его тогда обложил. А чтобы запомниться — рабочему нужен мат особенный, незаурядный.

А вот Кобес из минной. Кобес — человек справедливый, у Кобеса одна из лучших среди мастеров репутация.

У Кобеса есть помощник Козочкин. Рабочий Смирнов что-то спросил у Козочкина. Тот, ни слова не говоря, хлещет Смирнова по физиономии.

Кобес — человек справедливый. Кобес зовет Козочкина:

«Плати по 50 коп. за оплеуху».

И Кобесу кажется это высоким достижением.

Свенсон тоже не плох, только горяч. Чуть не сговорились — хлоп шапкой об стол и вон из конторки. После революции — «чем могу служить» — стал говорить. И горячка кончилась. Горячка у мастеров она такая: где можно — горячится, где нельзя — тихим станет. Не то что настоящая горячка, когда человек сам над собой не властен.

И у Свенсона расценки всегда хотя на рубль, да поменьше, чем в котельной у Старого Лесснера. Скажешь — удивляется. Разве, говорит, там больше? Я выясню, обязательно выясню...

А у Ивашкина в одиннадцатой сынки и пасынки. И пасынкам хорошего заработка не видать, как своих ушей, — расценки ведь он дает на-глазок самостоятельно и бесконтрольно. Как впрочем и большинство — недаром мастера Ручкина из мелкотокарной вывезли на тачке за расценки в одиннадцатом году.

Большевики не одобряют таких приемов — на тачке капитализм не вывезешь и не с мастером надо бороться — надо смотреть глубже. Но стихийный гнев охватывает иногда мастерские, и разжигают его обычно эсеры вроде Богомолова. И в двенадцатом году департамент полиции отметил второй случай вывоза — с красной шапкой позорной вывезли лесснеровцы мастера Астахова за то, что приставал к работнице — за станком грязное дело начал.

Ведь у каждого мастера своя индивидуальность, хотя линия у них единая и единый против рабочего фронт.

«Мастер, что на военной службе фельдфебель, — не только ему название такое, а и на самом деле должен быть фельдфебелем, чтоб его все боялись. Так и мастер — на всякий случай должен быть зверем».

Такой «на всякий случай зверь» Розенбаум донимает лесснеровцев штрафами.

Впрочем — штрафуют все. О штрафах стоит повторить особо.

ТРЕХРУБЛЕВЫЕ ПОКОЙНИКИ

Насчет «мастера-зверя» философски выразился старый лесснеровский модельщик Вэзо. Он эстонец, из пастухов, выбивался трудно и горько. Умница, аккуратница. Но и он не избежал в своей жизни штрафа. Один только раз это было, но Вэзо помнит этот раз до сих пор.

Вспомним и мы с ним.

Была весна — в Петербурге такие чудесные весны с белыми ночами. Вэзо был молод, может быть был влюблен. Он

шел по улице, увидел у торговки букет ландышей, купил и принес к станку. Через пять минут он был оштрафован.

«Цветы не предусмотрены правилами внутреннего распорядка».

А эти правила, такие предусмотрительные, предусматривают кажется каждое движение, каждый взгляд рабочего. Табель взысканий — это целая методология для мастера.

Может быть сам он и не догадался бы — даже такой тонкий знаток штрафного дела, как Розенбаум, что штрафовать можно и должно:

«...за выход из мастерской без позволения мастера без сигнала...

...за нарушение тишины шумом или криком...

...за несообщение нового адреса...

...за непредъявление паспорта... и так далее и так далее..:

Но табель взысканий любовно подсказывает Розенбауму. И еще оставляет лазейку:

«...и за прочие нарушения правил, не предусмотренные этим перечнем».

Тут начинается область самостоятельного творчества. В нее-то и попал Вэзо со своим цветком.

История с Вэзо и цветами — не шутка. И только сейчас, в эпоху озеленения цехов, любовно поглаживая цветочные листья в своей чудесной квартирке, Вэзо улыбается. Тогда он не улыбался.

К области самостоятельного творчества относятся и штрафы за чтение газет на заводе. Санкт-Петербургский листок и то только дома можно было читать.

Тонкие различия были между случаями, подлежащими и не подлежащими штрафу. Так прогул при говенье, как мы видели, хоть и не оплачивался, но и не штрафовался. Также и прогул, при котором есть удостоверение от врача. И если нет такового, но болевший чернорабочий «попросился» у мастера — «извините, болел», то можно в виде исключения его не оштрафовать.

Сложно также с одеждой. Табель за нее штрафа не предусматривал, но выход на работу литейщика без высоких сапог, в которые можно засунуть брюки на выпуск, карался штрафом.

Ведь брюки на выпуск — гарантия того, что чугун не зальется в сапоги и не придется платить за увечье.

Нынче эта одежда называется прозодеждой, и за ее отсутствие штрафуется не рабочий, а администрация завода. Но ведь мы вспоминаем тысяча девятьсот десятый — четырнадцатый.

Штрафы—не только система. Штрафы — это особая статья дохода.

Бывший лессснеровский фельдшер Мезенин рассказывает, что выдача пособия больному или изувеченному рабочему зависела от количества денег в штрафной кружке для опоздавших. Как в задаче о бассейнах:

«Столько-то отсюда вытекло — столько же втекло сюда»— ни на грош больше, ни на грош меньше. Впрочем неверно: больше быть могло.

Отравление работниц на «Треугольнике», массовые демонстрации по всему городу. Союз фабрикантов и заводчиков раскалывается по вопросу о локаутах — самые непримиримые отступают перед угрозой рабочего протеста. Впереди июльские баррикады... Наивысший подъем революционного движения, который захлестнет только война...

А бюрократическая машина невозмутимо работает. Дела идут, контора пишет. Мастер налагает штраф, контора регистрирует... рабочих, творцов всех ценностей мира, завтрашних его хозяев, как мальчишек, штрафуют «за то, что баловался», «не слушался».

Но этого мало. В конце приходо-расходной книги штрафного капитала баланс к 1 апреля 1914 г.—2 122 руб. 55 коп. Выдач до 1 апреля никаких. Дальше указаны выдачи:

На погребение рабочего Захарова — 25 руб.

Пособие на погорелое Николаю Симакину — 25 руб.

Погребение рабочего за № 125 Ивана Цыганкова оценено много дешевле, чем Захарова,—всего 10 руб.

На малолетних покойников такса — 3 руб. Их много — летнее время, жаркое время, рабочие дети задыхаются в городе, им не дожить до наших яслей, садов, лагерей. Вот ребенок того же номера 125-го, поторопившийся за отцом — 3 руб... ребенок № 458—3 руб... № 1429—3 руб... № 413— 3 руб.

Смерть... погребение... погорелое... Максимум 25 руб... такса на ребеночка 3 руб. Вот куда пойдут собранные по копейкам с издевательствами мастерами 2 122 руб. четырнадцатого года. Все ли? Нет, далеко не все. Получено 2 122 руб.— выплачено 875 руб. Остаток — в деле, в обороте. Пусть в четырнадцатом году достигает прибыль чистая полутора миллионов, дивиденды пятнадцатирублевые. Все же пригодится и штрафная копейка. Имеющему многое — многое и дается, от имеющего мало — отнимается и последнее.

Трехрублевые покойнички крохотные, от вас не осталось даже и холмиков на Богословском кладбище. Но через штрафную книгу память о вас встает непреодолимой волной гнева и расплаты в прошлом, творческим напряжением строительства в настоящем и в будущем.

Но это впереди. А сейчас, в тысяча девятьсот десятом — четырнадцатом?

ВЫБОРГСКАЯ ПЕТЛЯ

А в тысяча девятьсот десятом—четырнадцатом невеселыми возвращались лесснеровцы с завода к себе домой. А какой дом. Как жили...

На углу Ломанского и Лесного в подвале два раза затопило того же Имманена. Раз проснулись, опустили ноги—и сразу в воду.

А Герасимов с Нового Лесснера — строительный рабочий, строивший все новые здания по Батениной?

Много их у подрядчика, а квартиры нет — валяются по чердаку, как кирпичики. Они ведь летники — зимой работа худая, летом надо выгнать все, что за целый бы полагалось год. Поэтому вечером поздно шабашили, утром рано выгонял подрядчик на работу. Парни молодые, спать охота — так он их плеткой. Надо торопиться, надо поспевать. Ведь Старикович строил механическую сам — хозяйственным способом. На дешевую постройку съезжался посмотреть весь Петербург. Тысячу рублей премии положил в карман Владислав Львович.

А тем, что как кирпичики валялись по чердаку, плетка осталась единственной премией.

В прошлом конечно. Потому что сейчас Герасимов шефствует от своего же завода над постройкой пяти новых веселоглазых корпусов с балконами на той же Батениной.

А в низочке того же дома, где валялись живые кирпичики,—в комнате, что Герасимов сейчас занимает вдвоем с женой—«табунились», по его выражению, пять маток с восемью ребятками — все за одним столом, за одной плитой и единица жилплощади — кровать, на каждой по двое или по трое.

Или еще рассказывает Данилов с Нового: «Жил я совсем ничего — нас всего семеро, а комната в два окна, 15 метров, светлая, благодать».

А Вихман, старик из модельной — сейчас старик, тогда — молодой эстонец, золотые руки, зарабатывал, считать надо, хорошо и жил шикарно — держал целую квартиру из трех комнат, но платил зато 35 руб. без дров, дрова еще полстольку стоили. И из всей квартиры оставалась ему одна комната на пятерых, остальные сдавал, но чего стоит звание — квартирохозяин. И кухня твоя и коридор — какой простор. Сундуков не держи — украдут, но гуляй, где хочешь.

Яковлеву было хуже. «Был я тогда женат и вместе с женой жили в углу. В этой же комнате еще жили мужчины и женщины... и платил я за угол 5 руб. в месяц.

А рядом были, кто побогаче — те одну комнату занимали пополам и посредине ширма...»

А какая в этих углах теплилась жизнь? Может быть тут покой и отдых?

И вот если над мужем мастер — то над жинкой лавочник, еще один хозяйский помощник.

Во время локаутов, рассказывают рабочие, первым делом лавочники лавки закрывали, хлеба не выдавали.

Расчет простой: дитя плачет, мать тоскует, у отца сжимается сердце — скорее пойдет на капитуляцию.

А не сжалось сердце, а закалено в борьбе, а сжато другой высокой болью — за погибшего товарища и не за своего, а за всех рабочих детей—есть у хозяина другой помощник—дворник.

Большая персона дворник в выборгской жизни, в рабочей квартире. Подмаслишь — и квартирку получишь и кое на что глаза призакроет. Не подмаслишь, барашка в бумажке к празднику не принесешь — жди беды.

И особенно в забастовку. Васильева во дворе поймал: «Ты, голубчик, это что же не в заводе?» — «Да он, Иван Тимофеич, закрыт». — «Закрыт? Ничего не закрыт — сам видал, выходи скорей, а то и за городовым недалеко».

Ну и вышел — в участок неохота.

Каждому ведь известно, где кто работает.

Темным кольцом смыкалась выборгская круговая порука над лесснеровцами, плотной сеткой обвязывала жизнь, мертвой душила петлей.

«Пристав над околодочным, околодочный над городовым, городовой над дворником, а дворник над всеми нами, рабочими».

Глубоко шли корни этой системы. Глубже, чем видно с первого взгляда.

В самом деле, ведь поспрошайте каждого из лесснеровцев — откуда он. Не так уж много коренных пролетариев, рабочих детей. Тот с Тверской, этот с Новгородской, а тот и совсем скобарь. И у каждого дома жена или мать, или братья. Из каждой получки какой-то процент уходит в деревню. Если б книги почтовые сохранились — можно было бы вычислить — сейчас не вычислишь. Но порасспросишь — тот 10 руб., тот 15 руб., а кто и половину жалования слал в деревню.

Связь она, правда, не крепкая, казалось бы, отдай деньги, да и пошел.

Но и там запутались петельки этой сеточки.

«Отец у меня был на моем иждивении, посылал я ему 3 руб. в месяц. Так вот если отец, бывало, задержит за подати — из деревни высылался исполнительный лист, и до тех пор пока не уплатишь, не видать тебе и паспорта, как своих ушей» (Васильев).

А у паспорта срок истек, а за паспортом дворник, а за дворником городовой, околодочный, пристав — вся сетка накроет с головой и не выберешься.

А поп? Насчет говенья мы уже видели. А попробуй не окрести сына или не венчайся. Самые храбрые не решались. Сыновья «богданами» будут — им житья не будет.

А Нюра Сергеевна, теперь почти красный профессор в Москве, о незаконных женах рассказывает:

«Когда мы снимали с мужем квартиру, нам приходилось всегда предупреждать хозяина квартиры, что мы живем гражданским браком. И очень часто, узнав это, нам отказывали от квартиры. А раз даже попросили съехать, узнав, что я не венчаная.

Попробуй — не венчайся, не крести!»

А в Николу и на Петра и Павла — ручка для лобызания и напоминание:

«Не забывайте о труде».

Кто кому напоминает, батюшка? Один с ночной смены пришел... у другого палец оторван на работе... а три старика медника в литейной Старого Лесснера? От старости трясутся, медное отравление и проку с них, извините, как от козла молока, и оплата им грош, а трудиться приходится, потому что иначе на что же жить? Завод любит человека здорового.

Ну — суд мы видели — как с Груича 25 руб. присудили, а платила администрация, а сам он надевал пиджак и гнал из мастерской истца...

Отовсюду приносили на завод лесснеровцы свои обиды и свой гнев.

Немало принесено его и из армии. Старый Валентин, что с 1889 г. на заводе в модельной, пять лет был на военной службе, все хотел учиться — не дали, как не дали впрочем и потом на заводе.

«Нам студентов не нужно — или работа или учеба».

И радостно, и горько теперь старику смотреть на фабзайчат, на Сталинский завод-втуз ходить знакомиться с постановкой дела.

Очень много лесснеровцев-артиллеристов. Вспоминают о военной службе скупо, но однородно:

«Нам бить не приходилось, а вот мы биты вволю».

Лучше и ярче всех рассказал об армии Лобанов. Он из безземельных — взять его поэтому взяли, а харчевых десять рублей, как всем, из волостного правления не выдали. Смотря, как рекруты на десятку гуляют, с девушками прощаются,— вырвалось озлобленное: «Зачем берете?», за что был бит и извинялся: «Господин старшина, простите». В казармы пришел — тут били, кому хотелось, и извинения не помогали. «В ногу не идешь — по шеям. Белье стирал, задержал-

ся — по шеям. А белье это стирали в том же баке, из которого обедали, и сушили у себя под боком на койке. А один раз закурил Лобанов во взводе и поставили его на прыжки. Поставили и забыли. Час, говорит, прыгаю, другой прыгаю... прыгаю и думаю, прыгаю и думаю, прыгаю и думаю—когда же это мне конец придет?..»

Удивительно ли, что с такой жизни многие, кто послабее, запивали. Пожалуй самый верный и самый страшный был у хозяина помощник в борьбе против рабочего — водка.

Недаром кругом трактиров такое множество: Аркадия, Полтава, Лаптевка, Зимний сад, Милешкина, Веселая долина (будущий штаб будущей Красной гвардии) — один другого веселей. Тут орган, под звуки которого сладко льются пьяные слезы, здесь зеленый биллиардный стол... и везде угарное чадное веселье.

Это веселье поощрялось, оно было под покровительством и благословением начальства.

Особенно большие попойки устраивались на Лесснере в праздник Николая-чудотворца — на Николу.

Почему на Николу? То ли случайно, то ли потому, что Никола—ведь покровитель мореплавания, по суху ходить не любит — так сказать, присяжный святой морского ведомства, с которым так тесно, так интимно был связан завод, которому он так преданно поставлял орудия истребления.

С утра в крупнотокарную и слесарносборочную вносили икону, цветы, полотенце, шел, развевая полы рясы, священник Острогорский от Самсония, отдуваясь, тяжело нес свою двенадцатипудовую тушу Бачманов, и сползались понемногу рабочие, главным образом чернорабочие конечно. Кто шел помолиться, кто шел напиться.

Администрация — спереди, кто помельче — сзади: около Бачманова группочка—жмутся потеснее, поближе. За него помолиться? Какое! Улучить минутку — поздравить и покачать. За деньги и 20 пудов можно осилить.

А Бачманов не иначе как 15 руб. выложит, а может быть и бумажку новеньку — двадцатипятирублевеньку.

Острогорский после молебна пробормочет несколько привычных истин:

«Не забывайте, братцы православные, трудиться на благо царя и отечества».

Промежуточное звено—основное звено хозяйское—выпущено, из деликатности.

Скучная обязанность выполнена — наспех к ручке подойти, а потом айда культурно развиваться в Лаптевку. Бумажка новенька, двадцатипятирублевенька.

«А я после расстрела в пятом году к ручке подойти никак не мог, хоть в бога и верил,— мрачно заканчивает Гончуков,

вспоминая эти отвратительные картины.— А были, что ходили, лобызали. Нилов в слесарносборочной лампадки на свое попечение взял. Поправляет и лысину маслит, поправляет и пальцы об лысину — к вечеру ходит как лакированный».

Темна и скупа Выборгская сторона.

Крепка мертвая выборгская петля.

Могущественно тайное темное выборгское братство, где пристав над околодочным, околодочный над городовым... и все над рабочими...

И вот — если с завода с гневом и болью домой — из дому с болью и гневом удесятеренными — на завод. И недаром написал о тех годах Романов: «Только на Лесснере я почувствовал — вот наш дом и вот наша защита».

Ведь петля не только душит — она же и соединяет. И очень страшно, когда в одном месте скопляется много взрывчатых веществ. Ставят тогда охрану, развозят поскорее в разные стороны.

Огромным скопищем взрывчатых веществ стали заводы ко времени войны. Из подвалов, с чердаков, из царских судов и казарм, с тихих кладбищ гнев и боль вместе с двумя тысячами рабочих входили в проходные двух Лесснеров, вешали свои рабочие номерки и там, в мастерских, вместе со сталью и чугуном, переплавлялись в революционное действие, выковывались в смертоносное оружие против капитализма. А литейщиков, кузнецов, токарей на эту человеческую плавку и обработку неутомимо ставила в эти годы в мастерские лесснеровских заводов — большевистская партия.

Э. Выгодская

ОТРАВЛЕНИЯ НА РЕЗИНОВОЙ

Отрывок из истории фабрики «Красный треугольник»

В Баку волновались рабочие, и от одних слухов о чуме, о забастовке русский бензин дорожал. «Проводник» бил и дешевизной и качеством. На «Проводника» шел легкий покупатель, одно звание «поставщика двора его императорского величества» действовало. На «Треугольнике» нервничали,—провинциальные агенты не торопятся сообщать об успехах из новых отделений в Перми, в Черкасах пишут вялые письма и кивают на «Проводника». Конечно «Проводник» в Риге — предприятие более гибкое, маленькая Рига равняется на соседку Европу, там у Берлина, у Лейпцига, у солидных авторитетов, учатся тонко и верно, по-заграничному тянуть из рабочих соки. «Проводник» добился разрешения на ввоз из Америки дешевого бензина. Нобель испугался — это угроза его собственной монополии. Нобель идет на все, он поставляет «Проводнику» иностранный бензин по сниженным ценам. И хотя «4 марта из галошного отделения сразу вынесено в обмороке до 20 человек, а 6 марта в смазном отделении работу пришлось прекратить, так как вынесено обморочных около 50, а из галошного до 20, «Проводник» может процветать дальше, он может даже еще на полпроцента снизить цену на зимние галоши».

На «Треугольнике» больше не спят спокойно: если Нобель негласно делает скидку «Проводнику», — значит надо добиться такой же скидки и для себя. «Треугольник» не может дальше разоряться на дорогом русском бензине, и к середине матра 1914 г., отстав от Риги на восемь дней, «Треугольник» начинает работать на неочищенном американском бензине.

* * *

Ты скажи, моя сударушка,
Пойдешь ли под венец?
Если нет, то на Резиновой
Я найду себе конец.
(Питерская частушка)

День начинается, как обычный день: в пять утра длинная бабья очередь выстраивается вдоль Обводного, на мокром

мартовском снегу, — это галошницы торопятся раньше других попасть в мастерские. В половине седьмого — гудок и толкотня в воротах, галошницы бегут к своим столам, к стопкам накроенной резины, к банкам с едким резиновым клеем. Задник, подкладка, перед — поскорее склеить галошу, — полторы копейки за штуку, три копейки за пару. Позади за спиной грохочет по рельсам нагруженная тележка, пол под ногами гудит, острый запах бензина от галошного клея-«мази» бьет из банки, тяжелая колодка то стучит по столу, то чугунным каблуком вдавливается в грудь.

Двенадцатое марта 1914 г. Вчерашней мази хватило на первых два часа. В девять утра по отдельным мастерским «Старый лагерь» развозят новую мазь. Головы склонились над открытыми медными кружками с зеленоватой густой массой. Сегодня от нее особенный запах, много хуже, чем всегда; облако удушливого смрада повисает в мастерской. От этого запаха кружится голова и слабеют ноги, но думать некогда, надо работать. Шуре у крайнего стола кажется, что все лица у соседок зеленые или это у ней у самой зеленые круги в глазах... Видит Шура: Поля Михеева, ее товарка, побелела, валится; руки вцепились в края железной рамки, тянут ее на себя. Хочет Шура подтянуть к себе пудовую рамку, чтобы не упала на подругу, а руки не слушаются, окна потемнели, поплыли мимо, упала и Шура. Рядом на полу уже бьются работницы, кровь и пена выступили на губах, руки и ноги сводит судорога. — Падают все, ой боюсь... — Маруся, девчонка лет четырнадцати, выскочила из мастерской, бежит, не помня себя, вдоль по коридору.

«На Сахалине валятся» — проносится по мастерским. С крайних столов как ветром сдунуло, — Алеухина, Осинева, Орлова, Базаева бегут, падают по дороге. У окон еще стоят, стучат колодками, лепят галошу: три копейки. В женской уборной на полу, как дрова, свалены работницы: кто ногами бьет, кого рвет, кто кричит: — Девушки, помогите!..

Зовут «мальчиков», рабочих с колодок, Чижова, Архипова, Дмитриева. Удушливое облако зеленоватого смрада плывет на уровне голов. — Окна!.. Открывайте окна!.. — кричит Дмитриев. Рабочие вскрывают заделанные рамы, открывают настежь окна. — Воздуха!.. — На полу корчатся работницы.

— Несите их, — командует мастер Гаммер. — Носилки! — Носилок нехватает, падают еще и еще, разбивают головы о колодки, о края железных рамок.

— Девушки падают!... — проносится по всему четвертому этажу. На лестнице давка и смятение. Начинают валиться и в «снеговой».

— Что такое делается? — выскакивает из «снеговой» Варя Егорова. Дмитриев ловит ее на ходу: — У нас тоже начинает-

ся! Поскорее гони всех вон из мастерской!.. В «снеговой» уже упало четверо.

— Одну селедку едят, оттого и валятся, — говорит мастерица Марфа Афанасьевна. — Мастерица никогда не упадет, она лучше ест, ей ничего не сделается.

Едва успела сказать — падает мастерица у среднего окна, падают еще две работницы.

— Фома упал! — кричит кто-то.

Фома — знаменитый своим здоровьем лакировщик, мужчина на семь пудов.

— Фома упал... — Все бегут.

— Выходите все вон, девушки! — Варя Егорова выбежала на середину мастерской, у самой руки дрожат: — Идите одеваться скорее!..

Гардеробную закрыли, платья не выдают, тринадцатую мастерскую заперли, сообщение закрыли, в конец этажа не пройти. Работницы мечутся, ищут своих, кто сестру, кто дочку: — Вера Парамонова где?.. Насти Чекалювой не видели?..

В больничной кассе совещается рабочая часть правления — большевистский штаб завода: Ионов, Филиппов, Приезжинский, Соколович, Андреев. — Работниц отравляют, что предпринять? Звонят во фракцию Государственной думы — где Бадаев? Бадаева нет, Бадаев на заседании запросной комиссии, восемь дней назад в Риге на «Проводнике» в галошных мастерских работницы падали и заболевали от мази на новом бензине, комиссия подает об этом запрос в думу. Бадаева нет, во фракции один Малиновский [1]. Зовут Малиновского.

Малиновский приезжает. Перед заводом толпы народа. Рабочие второго галошного, родственники, мужья, братья отравленных — на Резиновой работают семьями — ломятся в ворота, хотят узнать про своих, их не пускают. Малиновский не спешит на завод, он ходит по улице, приглядывается. Вот выходит работница, она тоже отравлена, едва отдышалась — волосы растрепаны, воспалено лицо. К ней бросаются: — Кто отравлен? Сколько жертв? Наша Дуня жива, не знаешь?..— Она не слышит ничего, пошатываясь, идет вперед. Вокруг пожилой работницы толпа, она негромко считает:

Михеева — девятнадцать,
Лаврова — двадцать,
Алеухина — двадцать один,
Филиппова — двадцать два...

---

[1] Роман Малиновский, член СД фракции Государственной думы, позднее оказавшийся провокатором.

Счет падает на пятый десяток. И это в одной ее мастерской. Рабочие слушают хмуро: значит жертвы надо считать сотнями. На Малиновского наступают: — Товарищ Малиновский, идите к дирекции, требуйте объяснений!.. — Но Малиновский уклоняется: он не подготовлен, у него нет времени... Он уезжает.

К часу дня волнение несколько улеглось, потом опять поднимается. Через «снеговую» несут новые жертвы. Техники беспокоятся: работа срывается, намазанный материал пересохнет. Мастера дежурят во всех мастерских. Администрация уже пустила слушок: «рабочие-агитаторы сами подсыпали в мазь отравы, чтобы вызвать забастовку». К чанам с мазью приставили сторожей для виду. Большевика Дмитриева, который по донесениям мастеров «известен как агитатор и наверняка с утра действовал подстрекающе», сделали больным и насильно услали домой с больничным листом. Новые отравленные не помещаются в амбулатории, там и так навалено на полу и на лестнице. Фельдшер Шишов гонит вон: — Места нет!.. Работать не хотите, оттого и валяетесь!.. — Отравленных окладывают на дворе, на мартовской ростепели, покрывают рогожкой. Кто пришел в себя, того поскорее выпроваживают за ворота. В листке надпись: «головокружение», «расстройство желудка».

Одна галошница в амбулатории отдышалась, пришла в себя, поднялась с каменного пола. Дрожащими руками оправляет синий в разводах платок: надо итти обратно работать. Только четыре пары слепила сегодня, ничего не заработала...

Старый мастер Линкевич ходит по коридору, как сердитый пастух, у которого неожиданно сбежало все его покорное стадо. Весь намазанный материал пересохнет, накроенная резина слежится и пойдет в брак — фирма терпит убытки. Линкевич сердито шагает по коридору, он давно уже не глядит, как прежде, на смазливых работниц, в него стрелял когда-то за невесту рабочий, но это было давно, в шестом году. Теперь у Линкевича почтенная седая борода, он любит только порядок и стережет интересы фирмы. Пришедшая в себя работница — имя ее осталось неизвестным — подходит к нему:

— Полегчало мне, Александр Иваныч, пойду доработаю.

— Здорова? Работать можешь? — строго спрашивает мастер.

— Здорова, батюшка, здорова, — говорит работница и прислоняется к стене, чтобы не упасть. Мне бы хоть до сорока копеечек дотянуть.

— Иди, — разрешает мастер.

— Не ходи, дура, — выталкивает ее из мастерской Чижов.

Не ходи, опять упадешь!.. Я не нанимался каждую по два раза таскать!..

Чижов не видит, что Линкевич стоит близко и все слышит, а другие рабочие боятся подать знак.

— Ты что? — свирепеет Линкевич. — Работниц срываешь с работы? Беспорядки устраиваешь? Пошел вон из мастерской!..

Работница идет к своему столу и склоняется над галошей. Через полчаса тот же Чижов вдвоем с Сергеевым прямо на руках тащат ее обратно в амбулаторию в глубоком обмороке, который длится больше суток.

Толпа перед заводом растет. Приезжает Бадаев, рабочий депутат, член думской большевистской шестерки. Его обступают. — Причины отравления? — добивается Бадаев. Рабочие объясняют: «Новая мазь с ядовитым запахом». Дело ясно: опыт Риги повторяют в Петербурге, «Треугольник» пустил в ход новую галошную мазь, удешевляющую производство. Бадаев идет к директору Науку, требует пропустить его на завод, требует объяснений. Директор очень вежлив, но пропуска не дает, не дает и объяснений: «внутренние дела фабрики лиц посторонних не касаются».

Толпа перед заводом все прибывает, в ней уже много рабочих с других заводов. В ворота напирают, требуют объяснений, требуют имен отравленных. Никто не выходит. Отметную забросали камнями, стекла звенят. Городовые разгоняют толпу. Больше ста человек из отравленных еще не пришли в себя, лежат замертво в приемном покое.

Поздно вечером в тот же день во фракции пишут запрос:

> Не успела еще Государственная дума рассмотреть внесенный нами вчера спешный запрос о массовых отравлениях работниц, имевших место в городе Риге, на фабрике «Проводник», как еще более ужасное преступление совершено капиталом под боком Государственной думы в Петербурге, на российско-американской резиновой мануфактуре «Треугольник».

* * *

> Долго ждал он жену,
> — не дождался...
>
> Я. Бердников

Второй день. Рабочие идут неохотно, но все же идут на завод. Газетчик у ворот завода кем-то подкуплен. «Путь правды» требуют рабочие. Но у газетчика «Пути правды» нет, есть только «Копейка» и «Современка». У работниц растерянные лица: что-то сегодня будет? На первом заводе тихо, на втором — из меньшей галошной кажется кого-то понесли. Головы беспокойно поворачиваются в ту сторону: нет, ничего, обычный случай: беременной работнице

Группа галошниц «Треугольника», подвергнувшихся отравлению в 1914 г.

стало худо. Работа не ладится, кое-кто из буферной, из шланговой уже пошел в раздевалку просить платье и уходит домой. Но техник Лавданский не велит выдавать платье: — На места все, все на работу!.. — Сегодня администрация всех подтянула, за подозрительными следят в оба; мастерица Смирнова ходит орлицей: — У меня в мастерской глупостей не будет!..

Старой мази хватило до обеденного перерыва, в перерыв всех чуть ли не силой угнали в столовую. Даже мастера отечески заботятся: — Иди, иди пообедай. — В обеих галошных мастерских открыли окна, проветривают. На столах расставлены банки с зеленой ядовитой массой — надо постепенно приучать галошниц к новой мази, фирма связана с поставщиками солидным контрактом, не платить же Нобелю тысячных неустоек. Мастерские проветрены, галошницы вернулись к своим столам.

— Голова что-то кружится, Сашенька, ноги не держат, — шепчет Настя Николаева своей соседке. У Саши у самой дрожат руки, и колодка валится на стол... — Носилки!.. Двое упали!.. Сюда, товарищи, здесь четверо!.. Начинается и у нас, господи!.. — крестится пожилая работница.

Второй завод повалился... передают с улицы на первый. В галошных мастерских первого тоже неблагополучно.— Опять тетеньки падают, ой, боюсь! — Та же девочка Маруся с визгом бежит по коридору и падает к самым ногам вышедшего на обход господина Гейнца.

Господин Арвид Гейнц очень недоволен:

— Что такое здесь происходит, герр Швальбе?

— Очень плохо, господин Гейнц: галошницы не хотят привыкать к новой мази...

Заведующий учетной конторой Чернышев выглядывает из своей конторы. Мимо ведут и несут отравленных. Крики, плач, истерика, работать невозможно. Чернышев высовывает голову из-за стеклянной перегородки. Худое лицо блестит от пота и возмущения. Ни часу спокойного на этом проклятом заводе. То в уборной прокламацию нашли о ленских событиях, то галошница под столом родила, и больничная касса скандалит. Мимо идут и несут... Вон вальцовщик Кисляков бредет, держась за голову, вон Крылов, старый рабочий, идет бледный и весь трясется.

— Газет начитались? — кричит Чернышев.— «Проводнику» позавидовали? На нашем заводе рижские фокусы выкидывать захотели?..

На первом заводе волнение, но на первом уже знают, что делать. Сам Бекман вчера слышал, как рабочие, расходясь, говорили:

— Завтра во всех мастерских.

Степанов, Архипов, Варя Апреликова, Варя Егорова, Дмитриев, Приезжинский из заводского кружка большевиков поспевают сразу во все галошные мастерские: — На улицу, товарищи, все на улицу!..—Идут из слесарной, из ремонтно-механической, здесь все мужчины — механики, народ подкованный. Идут с колодок, из водопроводной, из мастерской при электричестве: —На улицу! На митинг!..

Мастера мечутся: на заводе неслыханный беспорядок. Какие-то чужие люди, кто их пропустил?.. Должно быть эти смутьяны-путиловцы прошли под чужими номерками. Один уже собрал рабочих в конце коридора, что-то им объясняет. Техник Фосс поймал на колодках чужого быстроглазого парня:

— Твоя фамилия? Твой рабочий номер?

— Девять тысяч триста восемь,— выпаливает парень и исчезает.

— Лишнюю тысячу загнул,— хохочет кто-то.

Мастер Родин идет из уборной весь бледный: нашел прокламацию. Ее несут в контору, читают:

«Российская социал-демократическая рабочая партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи рабочие и работницы «Треугольника»! В то время как в Государственной думе забрызганные народной кровью министры бесстыдной клеветой и ложью старались оправдать ленскую бойню, жадные заправилы фабрики «Треугольник» в угоду своему бездонному карману учинили над вами страшное злодеяние... Капиталисты, твердо на-

деясь на поддержку уже избивших и разгонявших вас царских слуг — стражников, городовых и полицейских, решили, что им можно пить рабочую кровь как воду...

Товарищи рабочие и работницы!.. На этот заговор против вас кровавого правительства и капиталистов ответьте организацией всех ваших сил и дружной борьбой!

Пусть избранный вами стачечный комитет под руководством Нарвского районного и Петербургского комитетов РСДР партии обсудит все условия борьбы, выработает общие требования, ведет переговоры с администрацией, правильно осведомляет о ходе стачки рабочую газету, устраивает и проводит собрания, организует стачечный фонд, расставляет посты, проводит бойкот штрейкбрехеров и сносится со всеми рабочими организациями Петербурга и РСДР фракцией Государственной думы. Пусть все рабочие «Треугольника» как один человек сплотятся вокруг своего революционного стачечного комитета и покажут свою силу обнаглевшим эксплоататорам.

Да здравствует революционный стачечный комитет и дружная стачка рабочих «Треугольника»!

За здравствует великая русская революция!..

Да здравствует РСДР партия!..»

В технической конторе совещаются: надо принимать меры. Техник Бекман уже поговорил с кем надо.—Социал-демократы сами травят народ, устраивают забастовки! — громко объявил на втором заводе мастер Цинклер. Мастерица из меньшей галошной повторяет за ним: — Мужики хотели, чтобы мы бастовали, а мы не пожелали,— вот они нам и подсыпали!... — Химик Келлер облазил все уборные. Мастер Родин подобрал с подоконника в мастерской «подозрительный» белый порошок. Правда, порошок похож на обыкновенный толченый мел, правда, от него никакого запаха, но все-таки его отдают в лабораторию на исследование.

Линия фирмы тверда — слишком жестока конкуренция в резиновой промышленности. Фирма сделает все, чтобы использовать новое удешевление производства. «Несколько несчастных случаев не заставят правление отказаться от новой мази». Об этом официально заявлено. Линия фирмы тверда, но на дворе собираются возмущенные рабочие, и из конторы уже звонили куда следует по телефону.

Толпа во дворе прибывает, над толпой поднимают оратора:

— Товарищи, нас травят, как скотов!.. Пускай администрация ответит, отчего падают люди. Выбирайте делегатов, товарищи!.. Будем требовать вентиляции в мастерских, будем требовать наших прав у директоров!..

— Правильно!.. — кричат ближайшие. — Правильно!..

— Неправильно, товарищи! — в толпе выкинули над голо-

вами другого оратора. Молодой рабочий звонко кричит, придерживаясь рукою за перекладину фонарного столба.

— Никаких переговоров!.. Никаких делегатов... Нам все равно не скажут правды!.. Делегатов все равно арестуют. Бастовать, товарищи!.. Объявить забастовку протеста!.. Все питерские рабочие нас поддержат!..

— Бастовать!.. Бастуем!..— гудит весь ближний конец двора. Но из конторы звонили во-время, отряд полиции подоспевает, разгоняет толпу.— Разойдись!..— Толпа напирает, ее уже не удержать, в полицию летят камни...—Разгоняй!.. Нажимай к воде!..— командует коротенький пристав Пчелин. Какой-то вальцовщик — деревня — прицелился: половинка кирпича летит в голову Пчелину. Его уносят. Стражники наседают, рабочие разбегаются. Мостовая пустеет до завтрашнего дня.

* * *

На фабрике — отрава,
На улице — расправа,
И тут свинец, и там свинец...
Один конец.

Демьян Бедный

Наступает четырнадцатое — третий день. На заводе тихо, но все головы повернуты в одну сторону, кажется все чего-то ждут. Еще в половине девятого «вышеупомянутый» агитатор Николай Дмитриев... явился с колодочной тележкой очевидно для каких-то переговоров к столу приемщика галош, товарища председателя больничной кассы Приезжинского — так отмечают мастера в своих шпионских донесениях. А за Михаилом Приезжинским Арвид Гейнц следит зорко. Приезжинский «пользуется большим влиянием на рабочих», он «один из главных агитаторов»; «рукописи социал-демократического содержания, написанные его рукой, находятся в распоряжении администрации».

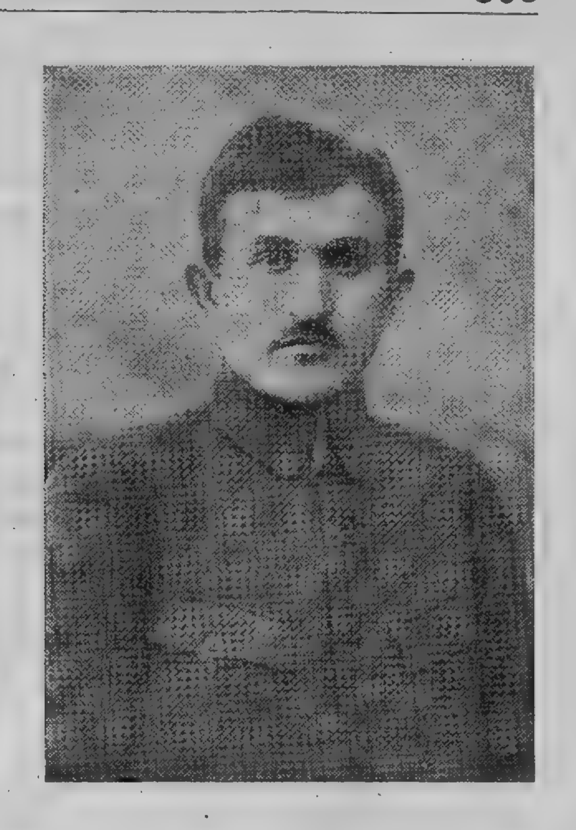
Мастера следят зорко, но Чижов уже получил от кружка все нужные распоряжения; не проходя в раздевалку, он прячется с шестью-семью товарищами на заводском дворе.

Отравления сегодня опять начались: падают в технической, на мячиках. По условному знаку Чижов с товарищами бегут со двора в слесарно-механическую снимать с работы. Сгоряча попадают в вальцовку, оттуда бегут в кочегарку давать гудок.

Вальцовщики уже бросили работу, из слесарной, из хирургической идут толпами.

Отравленных ведут и несут, сегодня их вдвое больше, чем вчера и третьего дня, — не меньше двухсот человек.

В технической конторе экстренное совещание, вызвали полицмейстера Григорьева. Решают вопрос: ввиду столь

М. Г. Приезжинский — тов. председателя правления больничной кассы фабрики «Треугольник» в 1913—1914 гг.

неспокойного настроения рабочих не дать ли гудок и не распустить ли их по домам?..

Чижов с товарищами уже прошли к кочегарке. Мастер, увидев их в окно, скрылся. Кочегар здесь, но он не смотрит, свой же рабочий, он ушел к топкам и закрыл за собою дверь, он не смотрит, он в стороне. Отвернули гудок — как пустить пар? где ключ? Сюда, товарищи, есть — нашли трубу с воздухом, открыли пар. Гудок загудел: басту-у-ем... Полицмейстер Григорьев в конторе смял о колено и бросил на стол голубую фуражку с блестящим околышем. Чорт, без нас справились!.. Сами дали гудок!..

Рабочие первого завода идут во второй, — в ворота не пропускают, идут аркой, через Таракановку, внутренней дверью прорываются на завод, останавливают мотор: — Бросай работу!..

Из сапожных, из балонной, из шланговой толпами идет народ: — Все на улицу!.. — Мастера бегут, приказывают, их никто не слушает.

— Почему вы бастуете? Назад, по мастерским. У вас мази нет, вас никто не отравляет!.. — кричит техник Гольмблат в пневматическом на первом заводе. Рабочий Иван Самохвалов увлекает народ за собой: — Мы бастуем за товарищей!

Десять тысяч человек уже собрались на заводском дворе, — здесь оба завода, и здесь не только свои: здесь и путиловцы, и балтийцы. Катят бочку, выступают ораторы сразу в обоих концах:

— Бастовать!..

— Выбирай стачком!..

— На улицу, товарищи!..

На улицу не пробиться: отряд конной полиции уже теснит толпу под аркой. Толпа слишком возбуждена, ее трудно удержать в рамках организованности, кто-то из анархистов кричит:—Бей полицию!..—И в полицию начинают лететь камни. У подполковника Саковича пышные, как веер, светлые усы и великолепный металлический голос:—Шашки наголо!..— Конные обнажают шашки. Лошади напирают на людей, сбивают с ног. Но в толпе уже кто-то догадался: лошадей направили на громадные валы от каландров, сложенные во дворе. Отряд сжат с обеих сторон. — Вперед!— командует Сакович. Но кони ломают ноги о вальцы, не идут вперед.

Сакович бросает коня, пеший идет в контору звонить, просить подкрепления. Кусок бетона летит ему в висок. Сакович падает.

— На улицу, товарищи!..— Толпа напирает, оттеснила конных, прорвалась на улицу. На улице стражники бегут, бросив лошадей, скачут на ходу в вагоны городской конки, удирают. Кирпичи, камни, куски бетона летят им вдогонку.

Волнения видимо серьезные: из полиции бросают новые солидные подкрепления, ротмистр Сущевский прискакал с конными жандармами. Под напором конных толпа дрогнула, начинают разбегаться. Нагайки хлещут по лицам, по спинам, у Даши Козловой, у Никулиной иссекли в полосы все пальто: беременную женщину, жену рабочего, избили до полусмерти; кому лицо раскровянили, кого смяли лошадьми. Люди бегут, сжатые узкой набережной Обводного, забегают в ворота, набиваются в чайные, бросаются в воду и вплавь перебираются на тот берег.

Справа, с Лейхтенбергской — полиция и слева, с Таракановки — полиция, податься некуда, до двух тысяч рабочих набилось в дом Орлова, что рядом с «Треугольником» по Обводному. Дом превратили в настоящую крепость, закрыли железные ворота, засели в квартиры по лестницам. Из окон кидают цветочные горшки, льют горячую воду на головы полицейским. Полиция залегла вокруг, хочет взять измором.

Но рабочие не сдаются, когда темнеет, находят лестницу, перебираются в соседние дворы и внутренними ходами расходятся по домам. Дома многих встречают охранники. Арестован Карпов, арестованы Григорьев и Шумицкий, арестована молодая работница Вероника Декшня. Всю ночь в Нарвском районе обыски и аресты.

* * *

ТРИ ЯДА

У трех работниц шел веселый разговор
Про мор
(То бишь про «истерию»).
«У нас — бензин,
У нас — табак».
Все это так,
Но вот дивлюсь я на Марию.
Мария, право же, чем отравилась ты?
На «Ниточной» каким вас губят ядом?
— Ох, молвила Мария с гневным взглядом,—
Удержишься от тошноты,
Когда хозяин станет рядом.

Демьян Бедный

Пятнадцатого завод стоит. Сегодня получка, народу на Обводном много. На воротах завода объявление:

«Правление товарищества «Треугольник» объявляет рабочим I и II заводов, что завтра, 15 марта, ввиду сложившихся обстоятельств при производстве работ на заводах работы производиться не будут. Рабочие приглашаются явиться на работу в понедельник 17 марта в обыкновенное время.

При этом правление считает нужным заявить, что если наблюдаемые на заводах 12, 13 и 14 явления не прекратятся, то правление будет вынуждено закрыть завод на неопределенное время.

Правление т-ва «Треугольник»: Наук, Цулауф».

Если явления «не прекратятся», т. е. если само правление не перестанет отравлять работниц, оно закроет свои заводы. Дирекция «Треугольника» готовит локаут.

Пятнадцатого завод стоит. Но пятнадцатого начинают падать на фабрике Богданова. Причину установить трудно: то ли ядовитый неочищенный бензин попал в масло для смазки машин, то ли чем-нибудь другим ухудшились и без того тяжелые условия табачного производства, но работницы начали заболевать. Предвоенный четырнадцатый год — год промышленного подъема, капитал пошел в наступление, условия работы ухудшились, и без того истощенный организм работницы легче стал поддаваться заболеванию. Единичные случаи отравлений, постоянно бывавшие на ряде вредных предприятий, начали перерастать в массовые.

Отравления хоть и в меньшей степени перекидываются и на другие заводы. Падают у Киббеля, на Шапошниковской фабрике, на Ниточной, у Лаферм, на Новом Айвазе.

События слишком драматичны, газеты не могут молчать.

На «Треугольнике» была комиссия от Отдела промышленности. Комиссия установила, что бензин для мази употреблялся «не очень высокой очистки». Сам фабричный инспектор Схоль-Энгбертс признался, что бензин этот поставлялся без всякого анализа. Профессор Бехтерев тоже был на заводе и установил, что отравление произошло «от вдыхания ядовитых паров бензина, вызвавшего явления острой истерии». Кажется все ясно. Но сам Литвинов-Фалинский, стоящий во главе комиссии, делает загадочные намеки, но второй директор фабрики Шуберт в интервью с газетами официально заявляет, что по мнению дирекции «отравления вызваны злым умыслом лиц, задавшихся целью устроить на наших заводах забастовку,— и неудивительно, что по городу пошли самые тревожные слухи...» Это пишет «Речь» загадочно и надвое.

> «Полицейским расследованием установлено, что среди вожаков подпольных организаций организовался «Комитет отравителей», поставивший себе задачей с помощью действия химических веществ вызвать волнения среди рабочих», уверяет «Земщина».

Меньшевистская «Рабочая газета» больше всего заботится об интеллигенции.

> «Распространяются слухи, что отравление произведено социалистами, студентами, евреями и т. д. В среде рабочего класса хотят посеять раздор, натравить темных, несознательных рабочих на интеллигенцию...»

Буржуазные газеты из формулировки Бехтерева выбрасывают первый пункт — «ядовитый бензин» — и подхватывают второй — «истерию». Вспоминают женские монастыри, монахинь-урсулинок, выкапывают примеры из истории. Треугольниковских галошниц превращают в истеричных барышень, падающих в обморок, неизвестно отчего.

И только «Путь правды» кроет черным по белому:

> «Галошницы были отравлены мазью, введенной предпринимателями, а такой острый характер эти отравления приняли оттого, что галошницы истощены, что у них тринадцатичасовой рабочий день, что им платят три, три с половиной копейки за пару сработанных галош, что в мастерских нет даже примитивной вентиляции.
>
> Да, химическая обструкция действительно была — но со стороны заводоуправления, которое употребляет мазь, дающую вредные и удушливые газы...
>
> ...Допустим даже, что здесь наблюдалась «эпидемия истерии», «массовый психоз»... Разве это снимает ответственность с резиновых королей, фабричной инспек-

ции и санитарного надзора? Нет, не только не снимает, но еще увеличивает их вину, так как указывает, до какой степени расстройства они довели нервную систему работниц безжалостной эксплоатацией и антисанитарными условиями труда...»

Отравления на заводах продолжаются. В рабочих кварталах растет возмущение. Меньшевики пишут длинные статьи о том, что надо, мол, предостерегать массовиков от всяких необдуманных вспышек; большевики готовят забастовку.

Первыми бастуют путиловцы, застрельщики революции. Двенадцать тысяч путиловцев выходят на улицу семнадцатого марта в знак протеста против отравлений.

На всех фабриках и заводах партийные ячейки ведут подготовительную агитацию. Восемнадцатого марта запрос об отравлениях обсуждается в думе. Клевета об «отравителях» брошена в лицо рабочим с черной думской трибуны. Двенадцать передовых заводов Питера бастуют в этот день.

И больше ста тысяч рабочих — двадцать четыре завода — выходят на улицу девятнадцатого.

Старый Петербург. Четырнадцатый год. На Выборгской стороне черно от народа: айвазовцы в девять утра побросали станки и вышли на улицу. Они движутся густой толпой по Самсониевскому проспекту. К ним присоединяется Старый Лесснер.

С Чугунного идет Минный завод. На Муринском проезжающая вереница ломовых телег разделила толпу на две половины, на задних наседает полиция, головной отряд прошел вперед. У Новосильцевской церкви демонстрантов зажали между двумя отрядами полиции, рабочие забегают во двор церкви, отбиваются досками, вырванными из забора. Часть успела пробиться к Неве, но у въезда на мост стоит наряд полиции, в город не пропускают.

На Петербургской стороне тоже многолюдие: вулкановцы вышли на улицу, идут на соединение с фабрикой Керстена. На Большой Зелениной свалка: городовой хотел задержать рабочего, товарищи бросились на выручку, городового сбили с ног, он открыл стрельбу. Двое вулкановских рабочих, Андреев и Федоров, тяжело ранены.

На Васильевском острове три тысячи балтийцев вышли на Большую Гаваньскую, соединились с рабочими Гутуевского острова.

Бастуют вулкановцы, Гвоздильный, Механический, бастуют балтийцы, Паль, Эриксон, Парвиайнен. Мощная шеститысячная демонстрация путиловцев движется по Петергофскому шоссе. Путиловцы идут с развернутыми знаменами, с песнями, без помехи проходят по шоссе и на углу

Новосивковской заворачивают к Обводному, чтобы соединиться с товарищами-треугольниковцами. Но здесь их встречают шашками и пулями конные казаки. «И тут свинец, и там свинец — один конец».

В городе волнение. Бастуют студенты, толпой проходят по длинному университетскому коридору, выгоняют всех из аудиторий, срывают лекции Петражицкого. В рабочих районах обыски и аресты. Арестованы путиловец Яковлев, Швердников, Серник, Гриневич. «Надо командировать чинов охранного отделения с отрядами полицейских собак,— советует «Русское знамя».— Правительство должно действовать энергично, быстро и беспощадно!..»

Общество фабрикантов и заводчиков, напуганное событиями, объявляет локаут. Закрыт «Треугольник», закрыт Путиловский, Балтийский. Закрыты оба Лесснера, Металлический, Кениель, Гвоздильный, Паль. Семьдесят тысяч рабочих выброшено на улицу. Рабочее движение будут душить голодом. Аресты продолжаются. Оставшиеся на «Треугольнике» Мария Морозова и Любовь Захватина тяжело больны, вряд ли оправятся. Грудные дети отравленных работниц погибают от ядовитого молока. Полиция получает награждение: Саковичу — четыреста, Пчелину — шестьсот. Градоначальник получает тысячу. Пчелину приносят на дом цветы и просфору, вынутую за его здоровье. Раненый городовым рабочий Андреев умирает в Петропавловской больнице. Напряжение в рабочих кварталах к двадцатому марту достигает наивысшей точки. Завтра запрос об отравлениях опять обсуждается в царской думе. Завтра говорит Бадаев.

* * *

Спеша заместь свои преступные следы,
Чтоб под гнетущею вас удержать пятою,
Лжецы пыталися рабочие ряды
Смутить змеиной клеветою.
На клевету лжецам достойный дав ответ,
Вы показали всем ответом этим,
Что ночь идет к концу, что близится рассвет
И что мы всей его семьею встретим.

Демьян Бедный

Таврический дворец. Комедия думского заседания. На председательском месте — украинский помещик Родзянко. У него расплывшееся лицо и озабоченный взгляд. Он осаживает левых, когда те зарвутся, и отечески наставляет правых. Он блюдет в думе благоприличие и добрые дореформенные нравы. Говорит Малиновский. Он собирал сведения для запроса и сообщает теперь подробности отравлений. На балконе справа — нарядные дамы, жены крупных чиновников;

на хорах слева—с трудом пробравшиеся в думу рабочие. Вторым на трибуну выходит Бадаев.

— Господа, члены Государственной думы! То, что случилось в Риге, в Петербурге, на Обводном канале и на некоторых других фабриках и заводах, есть не случайность. Для того чтобы капитал приносил прибыль, он должен пожирать время, труд, здоровье и жизнь рабочих... То, что случилось в Петербурге и в Риге сразу, в самой отвратительной форме, случалось и ранее, но происходило постепенно, систематически, так сказать, небольшими дозами. В Петербурге же на резиновой мануфактуре «Треугольник» ежедневно было от 3 до 5 случаев таких отравлений...

Господа, о чем говорят все эти несчастные случаи за последнее время? Они нам говорят о том, что рабочий класс в России отдан в полное распоряжение капитала, который делает с ним все, что только захочет, никому не подчиняясь, и нет над ним никакой управы, никакого закона.

...На фабрике «Треугольник» нет больницы... Заработок на этой фабрике... в среднем 43 копейки, и это не у 10, не 15, не 100 работниц, а у тысячи,—может быть и больше. ...За две копейки работница должна сделать пару галош по всем правилам искусства, чего хочет нога мастера,—всего за две копейки...

Что же вы думаете, господа, рабочие будут терпеть такое положение?.. Прошли те времена, когда можно было полсотни казаков поставить на завод, чтобы фабриканты орудовали так, как хотели...

— Член Государственной думы, Бадаев, прошу вас говорить по вопросу,—прерывает Родзянко.

— Рабочий класс не крепостной, он не позволит, чтобы над ним издевались!..

— Член думы, Бадаев, никто не издевается в Государственной думе над рабочим классом. Я призываю вас вторично к порядку, прошу этих выражений не употреблять, иначе я буду вынужден прибегнуть к суровой мере.

— Он не позволит, чтобы его товарищей сотнями отравляли, чтобы его товарищей хоронили под развалинами обвалов и взрывов... Он хорошо знает, что это будет продолжаться до тех пор, пока будут писать законы господа, выбранные по закону 3 июня; он хорошо знает, что до тех пор это будет продолжаться, пока этот закон будут исполнять господа дворяне и те наемные опричники, казаки...

— Член думы, Бадаев, я вас лишаю слова,—объявляет Родзянко.

Справа шум и выкрики.

— Не боимся никого, кроме бога одного, — несется по залу боевой клич черной сотни. Это Марков поднялся на трибуну.

А. Е. Бадаев — большевистский депутат в IV Государственную думу

— Мы не боимся какой-то тайной опасности, — начинает Марков.

— Не делайте угроз с кафедры, — кричат слева.

— Мы не боимся и внешней опасности...

— Убежите за границу!..

— Мы не боимся угроз. И вообще мы не боимся ничего, кроме бога одного. Правые поддерживают запрос, потому что нам нужно выяснить, кто же травит несчастных работниц... Работницы отказались бастовать, и их теперь травят революционные организации путем химической обструкции.

— Наглая ложь!.. Клевета!..

— Долой его! — вскрикивают с мест на скамьях социал-демократов.

— Долой клеветников!..

— Ложь!.. Клевета!.. Уберите его с трибуны!..

— Успокойтесь, господа! — звонок председателя звонит без перерыва.

— Прочь с трибуны!.. Долой его!..

Слева и справа бегут к трибуне с записками, просят слова. Родзянко мнет в руках поданные записки, их не меньше десяти.

Смотрит на часы. Часы показывают шесть — спасительный час.

— Объявляю заседание закрытым!..

Шум нарастает и справа и слева.

— Объявляю заседание закрытым, — напрягает голос и повторяет Родзянко.

Правые продолжают шуметь. С помощью приставов кое-как удается закрыть заседание. Прения отложены.

К следующему заседанию правые приберегают еще лучший трюк. Для очередной выходки они выпускают Пуришкевича — знаменитого Володьку Пуришкевича, бессарабского депутата. Его именем называют в провинции собак, одним его видом, как малиновой тряпкой, дразнят левых.

Вытянутая кверху голова, курносый нос, темные очки — Пуришкевич торжественно поднимается на трибуну:

— Фабрики Лаферм, «Треугольник» и «Проводник» считались, так сказать, черносотенными; никакими средствами нельзя было заставить забастовать эти фабрики и заводы, и тогда прибегли к тем мерам, господа, друзья здесь сидящих, — жест в сторону фракции социал-демократов.

— Уберите его с трибуны,— яростный стук пюпитрами покрывает слова Пуришкевича. Председатель молчит, видимо в словах оратора он не находит ничего предосудительного.

— Так как это преступление не имеет себе названия и так как это преступление колеблет основы государственного порядка, спокойное течение общественной и государственной жизни, то этих господ — жест в сторону левых — надо судить по законам военного времени... и... — жест, которым затягивают веревку,— повесить...

— Уберите его! Прочь! Долой!

К трибуне бегут со всех сторон. Треск пюпитров покрывает все звуки. Пристава мобилизуют силы: дело пахнет рукопашной схваткой.

— Уберите его, я его убью, — стонет кто-то слева...

— Это не представители народные, это громилы! — кричит правый крестьянин Тарасов. Глядите, как они казенное добро бьют.

Родзянко больше никому не дает слова. Спешность запроса голосуют. Его передают в общую запросную комиссию — думское кладбище для всех спешных и неотложных запросов. В ней уже похоронен запрос об Охтенском взрыве, запрос о локаутах, о преследовании профессиональных союзов. Рядом, в толстую общую папку, как в братскую могилу, ложится запрос об отравлениях на «Треугольнике».

Локаут продолжается. Семьдесят тысяч рабочих без работы. Как продержаться... Кто мог, уехал в деревню. И в деревне немного радости. Заколоченная изба, погоревший овин да чучело огородное на палке — все хозяйство. У других и того нет — голь городская. Куда податься? На другие заводы? И другие заводы стоят. Стоит Путиловский, стоят Балтийский, Лесснер, Металлический, Кабельный, Лангезиппен, Гвоздильный. В Нарвском районе тихо: гудки

не гудят, лавки не торгуют — некому покупать. Локаут... На заводах объявление: на неопределенный срок... Общество фабрикантов и заводчиков снова собиралось и решило: — Если терпеть убытки, так уж до конца.

Из Москвы, из Иваново-Вознесенска, из Баку в Петербург поступают письма и деньги, собранные рабочими в помощь локаутированным...

Нужен штаб, центральное место, куда стекались бы все деньги. Этот штаб конечно — думская шестерка: Бадаев, Самойлов, Шагов и др. И «Треугольнику» нужен свой штаб, который получал бы деньги и распределял. Им явилась больничная касса — Приезжинский, Соколович, Дмитриев. Официально ее уже нет — она кончилась с увольнением рабочих; таков царский закон — больничная касса закрывается тогда, когда она более всего нужна. Члены кассы уже не члены, — они уволены вместе с другими, но касса жива, она перешла на квартиры.

За деньгами рабочим пришлось ходить прямо на дом к членам правления. К одному Приезжинскому звонилось больше ста человек в день. Неопытные работницы прямо так во дворе и спрашивали: здесь дают деньги для рабочих «Треугольника»?

Из-за этих хождений Приезжинскому пришлось даже переехать. Случилось это так. Жил он тогда на Обводном, в Бирмановском доме. Звонились к нему рабочие целый день, весь галошный отдел — человек полтораста в день в среднем. Надоели хозяину звонки:

— Проходной двор из моей квартиры устраиваешь... Освободи помещение.

Хозяин бы еще ничего не знал, так старший дворник начал примечать. И действительно прямо на двор приходили люди толпами и спрашивали:

— Здесь выдают деньги для рабочих «Треугольника»?

— Съезжай с квартиры, — пристал старший дворник. Не съедешь — выселим. А то и того хуже.

Поговорил Приезжинский с товарищами — советуют переехать. Чижов нашел ему комнатку в том же доме, где сам жил, на Везенбергской. Решено было переезжать.

Нанял воз, усадил жену, пошел вещи перетаскивать. Филиппов и Степанов пришли помогать. Чижов тоже подошел к дому и видит: стоит перед домом городовой, рядом с ним вольный, на ворота кивает и о чем-то у городового спрашивает. Пальто зеленое, глаза мутные, морда подлая, — по всей видимости шпик. И зачесались у Чижова руки шпика отколотить, до того зачесались — стерпеть невозможно. Товарищам ничего не сказал — «еще отговаривать станут», «неорганизованное», скажут, «выступление», «сознательного рабочего недостойно». И верно, сам Чижов по-

Рабочая часть правления больничной кассы «Треугольника» в 1924 г. Кроме Сахарко (крайний слева) все большевики. Слева направо: И. Сахарко, И. Андрсев, М. Приезжинский, В. Ионов, М. Соколович, А. Филиппов

нимает: выступление действительно неорганизованное и сознательного рабочего недостойно, но до того руки чешутся— стерпеть невозможно.

Когда воз двинулся, пошел Чижов по улице потихоньку следом. Филиппов и Степанов за возом, за ними — шпик, а Чижов позади всех. Дошли так до Везенбергской, воз въехал во двор, а шпик остановился на улице против ворот. Тут же у ворот под самой калиткой стоят как раз младший дворник Ванюшка с девушкой Пелагеей Нестеровой, любезничают. Чижов подошел к дворнику.

— Ваня,— говорит,— уходи, мне тут надо одному человечку бока намять, так тебе, дворнику, смотреть не годится. Уходи, Ваня, поскорее.

Ваня не стал спорить, ушел, а Чижов остался, балагурит с девушкой: — Как, Палаша, поживать изволите? Много ли по вас кавалеров сохнет?— а сам на вольного посматривает, что тот станет делать. Вольный стоит на той стороне против ворот и в калитку следит, как Приезжинский вещи таскает. Чижов захлопнул калитку. Шпик не сразу решился, потом вдруг перешел улицу и с размаху открыл калитку. Чижов тут же его втолкнул, сам вскочил и захлопнул за собой калитку.— Ты чего?— А ничего.. дал кулаком по носу, раз, раз,— повалил и бока как следует намял сапогами. Шпик

закричал, поднялся и в ворота, а городовой к нему на выручку. Чижов что есть духу к себе домой, на четвертый этаж взбежал и повалился на кровать в своей комнатке.

— Если кто меня спросит, Евдокия Ивановна, скажите сплю. Часа два, скажите, как домой пришел, лежит, мол, и спит.

Хозяйка не выдала, дворник Ванюша тоже ничего не сказал, а Палашу даже и не спросили, на том дело и кончилось.

На Везенбергскую к Приезжинскому ходили не меньше, чем на Обводный, но до выселения дело не дошло.

Двадцать седьмого дирекция вывешивает объявление: приглашают с двадцать восьмого притти получать расчет. Среди рабочих волнение: как быть, получать деньги или не получать?

ВЫПИСКА

ТОВАРИЩЕСТВО
„ТРЕУГОЛЬНИКЪ".
С.-ПЕТЕРБУРГ

Господину Прис. Пов. Ф. И. Оссцкому

ЗДЕСЬ

21-го Апрѣля 1914 г.

Что касается убытковъ, понесенныхъ нашимъ предпріятіемъ благодаря забастовкѣ, то они выразились в слѣдующихъ цифрахъ.

1) Испорченный подготовительный матеріалъ благодаря тому, что таковой не былъ сработанъ въ свое время, а остался лежать въ продолженіи нѣсколькихъ дней, на	100.000 руб.
2) Текущіе расходы, которые должны были быть произведены несмотря на то, что производительность фабрики была остановлена, как мѣсячное жалованье всѣмъ служащимъ, отопление завода, содержание машинъ и строеній, торговыя повинности и др. т. п. расходы	500.000 „
3) Потеря процентовъ на находящуюся на нашихъ складахъ сырую резину и другіе матеріалы производства	30.000 „
4) Потеря прибыли благодаря тому, что заказы не могли бытѣ исполнены и оборотъ Товарищества сократился соотвѣтственно времени вынужденной бездѣятельности	400 000 „
	1.030.000 руб.

Выписка, представленная поверенным «Треугольника» Осецким во время суда правления с рабочими в 1914 г.

«Путь правды», как всегда, идет на помощь с простым, конкретным советом: деньги получить нужно, но если в расчетной книжке написано «претензий не имею», надо за-

черкнуть и написать «претензии имею» и только тогда расписаться в получении денег.

28 к заводу стягивают усиленные наряды полиции, но получка проходит спокойно. Только на месте «претензий не имею» рабочие пишут «претензии имею».

Правление расчитало своих рабочих по 107-й статье, без выходного пособия и без уплаты за простой. Это значит, что надо немедленно подавать иск, не упустить законного срока.

Собираются в чайных по пять, по десять человек, пишут, заглядывая в «Правду».

«...Ввиду вышеизложенного прошу господина мирового судью присудить с ответчика в мою пользу...» Грамотные помогают неграмотным.

Тяжба началась, она продлилась два с лишним года — это был неравный спор. По одну сторону была Русско-американская резиновая мануфактура, многолетняя солидная фирма, с десятимиллионным годовым доходом, с армией акционеров и служащих, с агентурой в семидесяти провинциальных городах, со связями в высших кругах, с ходами к самому министру. По другую сторону была кучка сознательных рабочих, несколько сот человек, по зернышку выбранных из огромной серой придавленной массы, не слишком грамотных, без всяких доходов и даже без верного заработка, не имеющих ничего, кроме своей партии и своего «Пути правды».

А. Маленький

В ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКУЮ ВОЙНУ

Отрывок из истории Надеждинского металлургического завода

Снег мелкой крупой валился на землю. Толпы людей двигались по улицам в серых куртках с потертыми металлическими пуговицами и в серых шапках. Люди шли, съежившись от холода, засунув руки в рукава, тяжело волоча по обледенелой земле ноги, обмотанные тряпьем. Конвой держал ружья на перевес. Бывшие солдаты австро-венгерской армии шли на завод работать. Шел «враг» помогать делать снаряды против своей родины.

И рядом с серыми куртками мелькали в городе синие кацавейки, синие штаны и остроносые туфли. Китайцы. Через азиатскую проходную будку вливалась и выливалась из завода Азия. Одетые в синее люди шли на завод на Уральском севере, а думали о теплых ветрах Тихого океана, о женах и детях, оставленных в Китае, о рисовых полях, залитых ярким светом южного солнца. Сквозь желтизну лица, сквозь корки грязи проглядывала бледность.

Толпами гонялись за синими куртками мальчуганы и долго без устали, строя гримасы, кричали:

— Ходя! Ходя!

— Ходя, соли надо?

И еще шли на завод солдатские шинели русской армии. Зима 1916 г. вступала в свои права. Каждый день поп провозглашал в церкви:

— Православному, непобедимому русскому воинству над супостатом одоление...

И хор подхватывал:

— Дажь господи!

С фронта получались далеко не «победные» известия. Война затягивалась на такие сроки, о которых вначале и не думали. И не было видно конца.

Фронт жадно проглатывал миллионы людей, металла, ценностей. Наступал такой момент, когда грани между тылом и фронтом начинали стираться. Жизнь трудящихся масс внутри страны «выравнивалась» на уровень солдатской жизни в окопах.

Местные дамы из «загородки» устраивали благотворительные вечера с концертами, с буфетами в пользу увечных и раненых воинов. По городу ездили повозки с надписями, призывавшими жертвовать белье и деньги для воинов. Война вступала и третью зимнюю кампанию. Окровавленная земля в третий раз под аккомпанемент орудийной канонады обходила вокруг солнца.

Полуголодный, продрогший вступал в зиму город на севере. Две человеческих струи — одна от Янцзы, от Сунгари, от Тихого океана и вторая от Альп, от Будапешта, от Карпат — слились здесь вместе.

Зимой 1916 г. на заводе оставалось мало коренных рабочих. В завод пришли по меньшей мере две трети новых людей, разговаривавших на нескольких языках, не понимая друг друга. Завод потерял общий язык. На 1 февраля 1917 г. из 12 530 рабочих на заводе было 4 056 русских, 2 079 военнопленных (венгерцев, чехов, немцев и т. д.), 977 китайцев и 83 корейца, причем в число «русских» включены татары и башкиры.

Когда начиналась мировая война, русской буржуазии все казалось проще, чем складывалось спустя два года с лишним.

«В 10 часов дня начался звон к молебну, — писал в летописи поп Африкан о том, как была встречена война в Надеждинске.— На зов колокола тихо, сосредоточенно шли толпы народа. Население быть может не столько сознательно, сколько инстинктивно поняло грозный момент для родины. Скоро наполнился маленький храм. Перед началом молебна священник сказал приличествующее слово. Горячо молился наполненный до тесноты храм. Молящиеся призывали божье благословение на свою родину, поднявшую по зову своего царя меч на защиту от коварного врага.

По окончании молебна священника попросили отслужить второй молебен для тех, кто не нашел себе места в храме. С крестным ходом на площади был отслужен второй молебен. Появились национальные флаги, портрет государя императора, и огромная толпа с пением «боже царя храни» и «спаси господи» направилась по улицам, вызывая энтузиазм населения».

Конечно поп преувеличил, но отчасти был прав. Буржуазии и помещикам удалось на первых порах напустить немало шовинистического угара. Угорали шовинизмом и некоторые из рабочих в Надеждинске, — верили, что российский казак Кузьма Крючков может одолеть одной пикой всю индустриальную мощь Германии. Верили, будто немцы напали на Россию и хотят ее разорить.

По городу начали ходить дамы с кружками, и немало

туда провалилось рабочих пятаков. Первый сбор дал 1 001 рубль, второй — 924 руб. Самыми большими «патриотами» своего отечества конечно оказались купцы, полицейские и попы. Полицейские и попы были патриотами по штату — за это им царь платил жалованье. Для торгашей «патриотизм» представлял выгодную коммерческую операцию. Поэтому все они торжественно опускали в кружку по гривеннику в пользу завоевания Дарданелл. Через неделю после начала войны купцы накинули цены на товар и таким образом приступили к усиленному проявлению патриотических чувств на практике.

Рабочие, а особенно солдатки, на собственном тощем кошельке ощущали, как у купцов день ото дня любовь к родине достигает все большего напряжения. Купцы создали особый попечительский совет о солдатках и солдатских детях, а поп Африкан отсыпал для сей надобности из церковного бюджета 50 руб. ежемесячно, т. е. по одной копейке в месяц на солдатку. В комитет вошли: поп Африкан, полицейский надзиратель Н. И. Соловьев и купцы: Н. М. Соловьев, Л. И. Шадрин, Ф. Ф. Коробейников, П. И. Горшенин, А. А. Мельников, С. С. Савинцев, Я. Г. Чернов. Председателем и казначеем посадили попа Африкана.

Получалось умилительно. До 6 часов вечера купец Шадрин в 22 своих магазинах усиленно опустошал солдаткины караманы, а после 6 часов вечера он же соболезновал по этому поводу, тужился помочь солдатке, да так и не помог, пока не явились с фронта солдаты и не свели по-своему все счеты, накопившиеся за время войны и до нее.

Но патриотом из патриотов был сам барон Таубе. Все ради войны, ради победы над германцами и австро-венграми. У барона нет других целей жизни кроме содействия войне до победного конца. Барон знал, что такое империалистическая война. Это насос грандиозной силы, перемещающий ценности в руки немногих, это голод, нищета, смерть на одном социальном полюсе и обогащение, барыши, деньги — на другом.

Империалистическая война — механизм для переделки человеческой крови и страданий в золото. Барон был мастером этого ремесла.

Война выворачивала наизнанку значение стали для человечества: из оплота культуры сталь превращалась в средство разрушения культуры, возникшей на ее же базе. Величайшее орудие мира и благополучия людей превращалось в орудие истребления человеческих жизней. Больше стали! Чем сильнее дрожит земной шар, встряхиваемый орудийной кононадой, тем чаще бухгалтера отбивают дробь на костях конторских счетов. Количество костей истребленных людей

и количество костяшек, переброшенных на конторских счетах капиталистической бухгалтерии, война поставила в прямую зависимость друг от друга.

Больше стали! Больше снарядов!

Немедленно после объявления войны Надеждинский завод приступил к выработке снарядов, а Сосьвинский переведен на выработку медных поясков для тех же снарядов. Из Петербурга полилась на север новая струя ассигновок.

Спешно рыли котлованы, клепали конструкции, строили военный снарядный цех, две больших мартеновских печи, новый машиностроительный завод, проволочно-прокатный цех, начали строить электростанцию, и барон проектировал бандажное производство.

Все ради войны. Уральская металлургия свернула производство рыночного металла. Кровли в 1914 г. было прокатано по Уралу 14,8 млн., а в 1916 г. уже только 6,4 млн. пудов. Производство рельсов понизилось с 7,8 до 2,3 млн. пудов, зато производство цементной стали (снарядной) достигло в 1916 г. 11,6 млн. пудов. Производство колючей проволоки с 3,31 возросло до 7,07 млн. пудов.

А война требовала все больше и больше стали. В 1913 г. пуд передельного чугуна стоил 72 коп., а в 1916 г. уже 1 руб. 35 коп., сортовое железо с 1 руб. 40 коп. и 1 руб. 80 коп. возросло до 2 руб. 80 коп. Барон Таубе умел считать деньги...

Между Петербургом и Надеждинском гудел телеграфный провод.

Почта несла пакеты со странными письмами:

«Конфиденциально»

«Ваше сообщение по этому делу, а равно и заключение вполне совпадают с предложениями правления. Однако ввиду некоторых соображений, а равно вследствие значительного интереса в успешности предложенных опытов правление постановило повременить с окончательным решением вопроса.

Господин Рескворти едет в Лондон для доклада, и по выяснении им положения там мы вероятно получим от компании новое предложение, на которое мы сможем так или иначе реагировать.

Пока же мы пишем Мюрексу по поводу их неудачной установки.

Так как инженер Рескворти высказал опасение, что его компания не пожелает ему возвратить расходов по поездке в Лондон и обратно, мы заявили наше согласие в крайнем случае взять этот расход на себя.

Правление Богословского горнозаводского общества.

Директор (подпись)».

Какая-то нитка тянулась с Уральского севера в Лондон. Барон тоже «помогал» солдаткам и устраивал кружечные сборы. Солдатки вообще немало отнимали времени и внимания у барона. Внешне это выглядело трогательно. Евгений Александрович Таубе собирает местных дам, надевает им через плечо трехцветные ленты и посылает их по городу с кружками собирать пятаки. Барон демонстрировал единение всех слоев русского общества перед лицом коварного врага — Германии.

Собирая пятаки, барон взыскивал с солдаток за эти пятаки рублями. Через несколько дней после начала войны барон писал петербургскому правлению:

«Многие (солдаты. — А. М.) уехали, оставив семьи без средств в заводских квартирах. На поступившие просьбы выдать за 2 недели вперед было отказано. Рабочим и служащим выдано по день расчета. Просьбы о пособиях отклонены. На вопрос, сколько времени можно жить в заводских квартирах, не будет ли поддержки семьям от округа, — было сказано, что за указаниями по этим вопросам управление обратится к вам. Покорнейше просим осведомить, как были решены эти вопросы во время мобилизации при японской войне и как поступить в данное время».

Петербург не замедлил осведомить. Никаких пособий. Враг силен. Война требует жертв от всех членов нации без исключения, в том числе от солдаток и их младенцев. Война требует освобождения заводских квартир, так как правление намерено пополнить заводской штат. Правление и без того идет на жертвы, остановив в тяжелый момент для родины одну домну и один мартен из-за недостатка рабочих. Действуйте, барон. Больше стали. Развернуть завод на полную мощность, загрузить его доотказа. Во что бы то ни стало найти новые тысячи рабочих взамен ушедших на фронт. Правление уже побеспокоилось о посылке на завод военнопленных, об отсрочках по мобилизации и пополнении завода солдатами.

Курьерский транссибирский поезд унес Илью Васильевича Поносова на восток, к городу блестящих кабаков и шантанов, к манчжурскому Парижу — Харбину. Илья Васильевич ехал покупать для завода живой товар, которого в Харбине всегда более чем достаточно.

Рядом с веселым, кабацким, спекулянтским, блистающим офицерскими погонами Харбином — город Фудядян. Живут люди в Фудядяне тесно, как только может уместиться, сжаться человек. Самые молодые восточные девушки (и девочки) продают в Фудядяне любовь и восточные наслаждения по самой дешевой на земле таксе. Курится над Фудядяном вечный от сотворения самого Фудядяна опийный дым. Китайская беднота из Чифу, из Шанхая, из Хань-

кou — из сотен тысяч китайских селений шла сюда на рынок живого товара.

Китайская фирма Сун-Хуа-Чун-сы, специализировавшаяся на продаже живых соотечественников, взяла у Поносова подряд. И плыл по опиекурильням, по узким уличкам Фудядяна слух: работа. Русский человек дает работу. За 2 года купцом можно стать. 25 руб. в месяц жалованья, 7 фунтов мяса и 5 фунтов рыбы в неделю, а овощей и бобового масла по желанию, сколько душе угодно, дает русский человек. Русский человек зовет бедных китайцев жить в рай на север. Ай, какая хорошая работа.

Давали каждому отдельно подписать бумажку, написанную на чужом, непонятном языке. Беднота ставила иероглифы, спешно и с радостью люди сообщали родным, что скоро конец страданиям, нашлась хорошая выгодная работа. Мужья обещали женам жить на чужой земле экономно, разумно, никогда не держать в руках опийных шариков. Было все так же, как с русской крестьянской беднотой в конце прошлого столетия.

Ушли эшелоны, увезли свыше 2 000 китайцев на запад, и в каждом эшелоне шел один вагон с полицией. Фирма Сун-Хуа-Чун-сы продала Поносову не только больше 2 000 пар рабочих рук, но также специальный отряд китайской полиции, чтобы китайская и корейская беднота вела себя смирно на Уральском севере.

В первые же дни загудела китайская беднота в вагоне. Что-то неладно. Что-то не так устроил русский. Не видно пока, совсем не видно в вагонах ни рыбы, ни мяса, ни бобового масла, ни обещанного аванса деньгами. И кое-кто улизнул еще в пути.

А с запада на восток, на Евразийский раздел, на Урал в это время шла другая волна — из Европы. «В начале 1915 г. во всех цехах появились военнопленные. Жили они в бараках, а летом свои балагушки устраивали около старого вокзала, около Каквы. Кормили их плохо: водой да капустой. Платили почти одинаково с рабочими, но за квартиру и за продукты удерживали много. Удерживали 15 руб. в месяц, а зарабатывали они 20—25 руб. Почти все работали под конвоем, а потом — кто получше относился к делу — без конвоя. Большинство были австрийцы.

Китайцы появились в 1915 г. Их держали, как собак. Над ними насмехались, звали ходями. Жили около кладбища (там были тесовые казармы) и на Какве. Казармы были построены из голого теса, в одну доску. Зимой китайцы жили в них же. Даже печек не было. Холод, эпидемия, скученность, смерть. Спали на полу. Бараки китайцы сами себе строили. Они же для других строили хорошие здания. Вместе с ними приехали китайские полицейские. Китайцев

на завод водили под конвоем китайской полиции. На заводе китайцы работали на черных работах: на очистке железной дороги, погрузке и т. д.» (из воспоминаний М. П. Павлова).

Тогда же в 1915 г. появились на работе в заводских цехах солдаты.

Все гуще шли люди из деревни,— на военном заводе давали отсрочки по мобилизации. Как-нибудь, любой ценой прожить, пробиться здесь в цехах, лишь бы не ехать в окопы под германские пули,— такие мысли несли с собой люди из деревни.

Число рабочих на заводе перевалило за 12 000, всего по округу за 40 000 человек. Это был самый откровенный, ничем не прикрытый принудительный труд. Округ теперь ничем не отличался от округа тех времен, когда царское правительство использовало его как место для ссылки и каторжных работ.

Барон от всех требовал жертв. Север видел много ужасов, но таких, которые были в китайских бараках и в помещениях военнопленных, даже на севере до этого не бывало.

«Своя» китайская полиция ввела телесные наказания по всякому поводу. Палка ходила по бедняцким спинам. Капиталисты по 6—8 месяцев не платили зарплаты русским рабочим, тем более они не считали необходимым платить китайцам. Голые, голодные валялись китайские рабочие на грязном полу. Болезни пришли в бараки. В первый же месяц пребывания в Надеждинске появилось китайское кладбище.

Росли цены. Они росли и до войны. По Пермской губернии за 4 года, с 1910 по 1913, цена на хлеб возросла на 6%, на мясо на 30, на масло на 10%. Для Надеждинска все эти цифры надо увеличить; если пуд ржи по всей губернии стоил в 1913 г. 67 коп., то в Надеждинске — 80 коп., а зарплата оставалась все на том же голодном уровне 1910 г., т. е. была значительно ниже, чем в 1905 г.

Война дала новый рост дороговизны. В 1915 г. пуд ржаной муки в Надеждинске стоил 95 коп., в 1910 г.— 1 руб. 35 коп. — повышение больше чем в полтора раза. Мясо если и давали, то гнилое, рыба, масло исчезли с рынка. И не было намека на то, что хозяева намерены добавить зарплату рабочим, наоборот, они задерживали по 4—5 месяцев и те гроши, которые рабочим причитались.

Военнопленных усмиряли штыком. Китайцев били бамбуком и держали на положении заключенных. Русским рабочим говорили просто:

— Не хочешь подчиняться таким порядкам — милости просим, пожалуйте, ратник ополчения, в окопы на фронт,

под немецкие пули. Хозяева лишают вас отсрочки! Явитесь по назначению в воинское присутствие.

И ползла по улицам гадина шовинизма, непрошенная приходила в бараки, в домики. Наехавшая в завод военщина, полицейские, попы, барон — все вместе били в одну точку: посеять на заводе национальную рознь, утопить в ней пролетарское единство и активность.

Оголтелые мещане и торгаши на всех перекрестках кричали, что Россия—лучшая в мире страна. Только православная религия угодна богу, все неправославные — еретики. Татары — басурманы. Китайцы едят живых лягушек и птичий кал. Китайцы — нечистые ходи. У «хохлов» — усы в сале. Немцы — дерьмо. Австрийцы — слизь. Нет в мире напитка слаще русского кваса. Нет в мире ничего вкуснее, чем русская кулебяка. Сарафан — красивейший наряд. Бараний полушубок — совершеннейшая одежда. Москва — сорок сороков церквей — великолепнейший город. Только русские представляют совершеннейший человеческий материал. Немцы, татары, турки, китайцы, австрийцы мешают развернуться русской натуре. Бей немцев! Не погань собя дружбой с татарином!

Третий год на поселок валилась лавина шовинистических открыток, лубочных картин, брошюр. Изо дня в день, с первой минуты войны, самодержавная печать заголосила о немецких зверствах.

— Там на фронте наши доблестные войска бьют немцев и турок. Татары сродни туркам. Следи за татарином, как бы он не подложил пакость русскому народу.

Барон знал подлинную цену русскому «патриотизму», но патриотизм необходим был барону так же, как уголь и руда домнам. Незаметно изо дня в день барон и его подручные подсказывали слоям малосознательных рабочих:

— Китайцы, татары, немцы виноваты во всем. Ты страдаешь из-за татар и китайцев. Они сбивают заработки, соглашаясь работать по 12—13 часов в день за копейки. Татары и китайцы безропотно соглашаются спать зимой в дощатых бараках на полу. Ты страдаешь из-за татар и китайцев, немцев и австрийцев. Твой самый злой враг — не барон, не капиталисты, а татары и китайцы — нехристь, погань, люди третьего сорта. Бей татар! Бей китайцев!

Поп Африкан произносил в церкви проповеди о том, как трудно устоять русской вере под влиянием «язычников» — китайцев и татар. Язычники хотят осквернить русскую веру, храмы, хотять наплевать в православную душу — бойтесь язычников.

Барон выстроил для татар и китайцев специальный поселок «Азию», поставил там третьесортные бараки, изолиро-

вал китайцев и татар от русских. Самый вид, обстановка «Азии» внушали, что русскому человеку по отношению к татарину все можно, все дозволено, ничего не грешно.

Китайцы жили в атмосфере презрения. Шел китаец по улицам, и со всех сторон кричали: «ходя, ходя!» Толпы мальчуганов бегали за китайцами.

— Ходя, соли надо!

Мастера-десятники кричали:

— Ходя! Китаеза!

Китайские имена подвергались похабной переделке. Татарам в чай кидали свиные уши.

Хулиганские шайки ловили китайцев и татар поодиночке и били их тростями и палками, ранили тело кинжалами. Полиция этого не замечала.

У азиатской проходной будки еще в начале войны возникла свалка между русскими и татарскими рабочими: дрались дубинами, железными палками, пустили в дело ножи. Вытаскивали татарских рабочих из бараков. Пока привезли два тендера воды и начали обливать толпу водой из брандспойтов, двух татар-рабочих шовинистическое хулиганье успело отправить на тот свет. Много татар и русских было поранено. Полицейские свистели, суетились, но они лишь суетливо бездействовали. На завтра завод жил «нормальной» жизнью. Полиция не затруднила себя расследованием дела, не искала зачинщиков и виновников. Зачем это? Ничего особенного не случилось. Ну, помяли татарам бока, увеличили на две число могил на магометанском кладбище и все. Истинно-русские люди бурно проявили патриотические чувства. Продолжай, действуй, истинно-русский хулиган и уличный вояка!

Потом убили рабочего-китайца в близлежащей деревне Медянкино. Виновных тоже не оказалось. Зарезали еще одного рабочего-китайца уже в центре города. И снова никаких последствий. Полиция не нашла убийц, да и не искала.

Так начиналась война между «Азией» и «Европой» в Надеждинске. Национальная вражда достигала все большего накала. Обе стороны действовали партизанскими методами. И за драками, за поножовщиной тушевался хищный образ капиталиста. Фигурой несчастного, измученного китайца из Фудядяна загораживался барон от ненависти и классового гнева рабочих. Активность значительных масс рабочих текла по грязненькому руслу великодержавного шовинизма.

Барон хотел, чтобы китайцы носили синяки, причитающиеся от рабочего класса ему, барону, чтобы пролетарский кинжал вонзился не в тело капиталиста, а в тело пролетария из Фудядяна. Татарским и китайским рабочим по схеме барона полагалось думать, будто их угнетают, бьют и режут не русские капиталисты, а русский народ. К тому же клонил

и «свой» мулла в мечети. Он тоже вел разговоры о русских вообще, уверял, что Аллах — лучший бог, а все остальное дерьмо, магометане — лучшие на земле люди, а все прочие — дрянь. Это же внушали буддийские попы и монахи китайской бедноте там, в Китае. Рычагом шовинизма, испытанным орудием капиталистов, барон расщеплял усилия рабочего класса, дробил их, направлял их гнев в сторону от капитализма.

Многие рабочие по сей день удивляются, как могли они принимать активное или пассивное участие в издевательстве над китайцами, как могли не понимать, что, избивая китайцев, они избивают самих себя, свой класс.

«Во второй половине лета 1916 г., — рассказывает тов. Г. Васильев, — около проходной будки снарядных мастерских до свистка собралось около 300—400 человек рабочих, русских и китайцев. На заводе в то время работали солдаты, специально привезенные из армии. Солдаты были в большинстве из крестьян и подстрекали мальчуганов дразнить китайцев. Затем они рассвирепели. Один солдат подскочил к китайцу и ударил его так, что из носа потекла кровь.

Китайцы заволновались. Как только загудел гудок в 6 часов вечера, китайцы собрались у будки с намерением подсторожить солдата. Когда солдат вышел, они схватили его и утащили в барак несмотря на то, что его пытались отстоять товарищи.

В бараке китайцы не только били солдата, но царапали, дергали за волосы. Мы пошли к бараку, но проникнуть туда не могли, так как у дверей сторожили двое китайских полицейских. У барака стали собираться русские рабочие, и когда собралось человек 50, мы решили попросту ворваться в него. Из барака выскочили китайцы, и началась драка. Меня ударили железным прутом. Шурка Чухонцев выхватил у китайского стражника шашку, переломил ее и бросил. Китайцы разогнали русских.

Русского солдата так и не выручили, — его в бараке убили.

Русские солдаты пошли по домам. Когда на переезде встретили китайца, они стали бросать в него кирпичи, но он успел убежать в завод.

По заводу пошел тревожный разговор. С 6 часов утра китайские станки стояли.

Часов в 9 утра приходят к нам в снарядную трое из машиностроительного цеха и говорят:

— Останавливайте моторы, пойдем воевать с китайцами. Берите любое оружие.

Мы выключили моторы, запаслись ножами, ломами, ключами и пошли к выходу. Туда же собирались рабочие из

машиностроительного цеха, из прессовой, и таким образом собралось около полутора тысяч. Настроение было возбужденное. Толпа кричала:

— Перебьем китаезу!

Толпа направилась к проходной, а проходная стояла на возвышенности, и отсюда было видно, что у китайских бараков находится китайская стража — человека три с винтовками. Чтобы выйти скорее, пошли не через проходную, а через ворота.

Когда подходили к проходной, нам встретился прапорщик Водзяновский, работавший на заводе от военного ведомства. Впереди толпы шли солдаты, носившие военную форму. Первый же солдат встал во фронт перед прапорщиком. Прапорщик спрашивает:

— Куда идете?

— Китайцев бить, ваше благородие.

— А справитесь?

— Думаем справиться, ваше благородие.

— Ну, валяйте.

Когда подошли к воротам, обе половины услужливо распахнулись, — из-за ворот прямо на толпу ехал пристав Соловьев с наганом в руке. За ним ехали полицейские. Водзяновский поднимает руку и кричит приставу:

— Стой, стрелять нельзя.

Водзяновский о чем-то переговорил с приставом, подходит к толпе и говорит:

— Ребята, сегодня у вас ничего не выйдет.

Люди разошлись по цехам, однако цехи не работали около двух с половиной часов. Обычно строгая администрация на сей раз не обрушилась никакими взысканиями.

На следующий день китайцев снова не было на работе. Они не выходили дней около семи. Администрация стала строить в мастерской деревянную решетку с тем, чтобы выделить китайскую линию станков, устроить для китайцев особый вход и т. д.

Ни барон, ни военщина не придумали ничего нового и продолжали поощрять и провоцировать национальную резню. Это был древний, как само самодержавие, метод. Кого только не резали и не громили в царской России: резали евреев, армян, поляков, украинцев, китайцев, узбеков, татар, грузин, мордву, чувашей, черемисов. Барон только пересадил эти методы на почву Надеждинского завода.

И стриг барон золотые купоны. Все — и смерти китайских бедняков, и пробоины в головах татарских рабочих, и солдаткины слезы — все мученья и страдания людей обращал барон в золото...

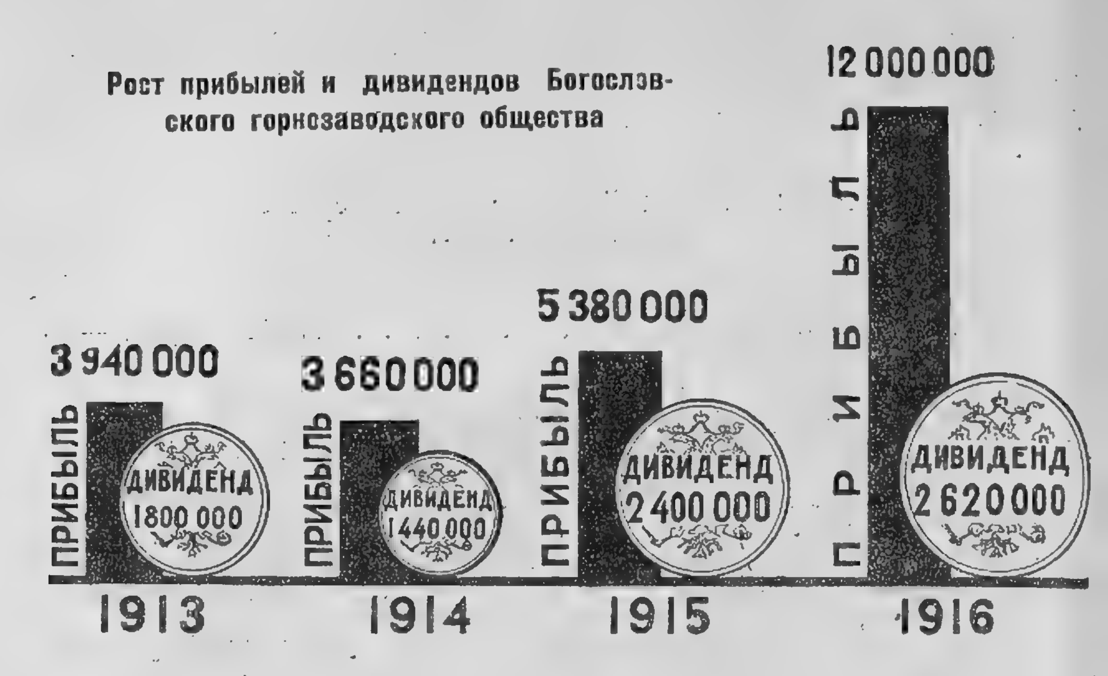
Сохранился в архивах документ — баланс Богословского горнозаводского общества за кошмарный 1916 г. Вот этот документ капиталистического бесстыдства:

Результаты действия Богословского горнозаводского общества за 1916 г.

Валовой приход:		
Выручено от продажи	40 352 936 руб.	— к.
Валовой расход:		
Плата рабочим . . . 16 066 214 руб. 86 к.; Плата служащим . . 2 341 805 „ 07 „	18 408 019 руб.	93 к.
Купленные материалы	13 128 „	12 „
Налог	318 441 „	91 „
Страхование имуществ	169 290 „	06 „
Пенсии и пособия	305 548 „	84 „
Расход, вызванный войной (долги военнопленным, доставка китайцев и пр.)	838 507 „	66 „
Расходы правления (жалованье служащим и другие расходы)	450 000 „	— „
Проценты и погашение по облигациям	450 000 „	— „
Торговые расходы, гербовый сбор, погрузка изделий и пр.	300 000 „	— „
Итого	28 352 936 „	— „
Разность составляет прибыль	12 000 000 „	— „
Приблизительное распределение прибыли на 1916 г.		
Отчисление на погашение стоимости имущества около	4 480 000 „	— „
В запасный капитал	600 000 „	— „
Государственные налоги	3 800 000 „	— „
Содержание правления, премия служащим, пожертвования на благотворительные цели около	500 000 „	— „
На дивиденд по акциям	2 620 000 „	— „
Итого	12 000 000 „	— „

При себестоимости продукции в 28 млн. руб. капиталисты высосали из рабочих прибыль в 12 млн. руб., причем «себестоимость» в 28 млн. руб. — липовая себестоимость. В нее включено например полмиллиона рублей на проценты по облигациям, т. е. прибыль капиталистов, совершенно не показан остаток изделий и материалов, который фактически составлял не менее 15 млн. руб., или свыше 50 процентов.

Война эксплоатировалась как золотые россыпи. На протяжении трех лет прибыль по Богословскому горнозаводскому обществу возросла в три раза, и сумма ежегодно выплачиваемого дивиденда увеличилась в два раза (см. диаграмму на стр. 330).

Чем сильнее были страдания народа, тем гуще плыла прибыль в карман капиталистов, несмотря на то, что в силу общего хозяйственного развала в стране, вызванного войной, выплавка чугуна и стали уменьшилась. В 1918 г. завод выплавил 169 тыс. тонн чугуна, в 1914 г. — 153 тыс. тонн, в 1915 г. — 142 тыс. тонн, а в 1916 г. — только 122 тыс. тонн. Цена на металл за эти годы возросла примерно в 2 раза. В 1916 г. завод дал только 72% чугуна по отношению к выплавке 1906 г., а прибыль за то же время возросла почти в четыре раза. Таким образом в 1916 г. рабочий эксплоатировался в 2—3 раза сильнее, чем в 1913 г.

Всмотритесь, вдумайтесь в этот документ. У капиталистов не нашлось денег уплатить призываемым в армию рабочим за 2 недели вперед, но высшие чиновники общества за один только 1916 г. получили полмиллиона рублей наградных, в том числе барон 40 тыс. руб. сверх 40 тыс. руб. жалования, сверх дивиденда по имеющимся у него акциям. Кроме того содержание правления стоило 450 000 руб. Под маркой пенсий и пособий скрываются все те же наградные высшим служащим и чиновникам.

Рабочим, изувеченным на производстве, и солдаткам пособия не полагалось. Из всего оборота в 40 млн. руб. на долю 40 тысяч рабочих округа приходилось 16 млн. руб., т. е. по 400 руб. в год на рабочего, или по 30 руб. с небольшим в месяц. Но эти 30 руб. аккуратно не выплачивались, и из них извлекали прибыль в виде экономии на банковских операциях за счет купонов по пятаку, по гривеннику за счет бани, рецептов, дров, аренды земли, бараков, вычетов за пищу, — так общипывали эти 30 руб., что свыше половины их снова возвращалось в хозяйские карманы.

Остальная половина попадала в карманы купцов и попов.

Документ этот ярко вскрывает капиталистические методы распределения общественных благ. Даже если принимать на чистую веру баланс общества, то получится, что в 1916 г. 7—8 крупных акционерных обществ, в том числе и самодержавное государство, положили в карман столько, сколько уплатили 40 тысячам рабочих. Однако если учесть поправки к зарплате, которые вносили капиталисты уже после того, как она рабочему причиталась или была выдана, — картина станет еще разительнее.

От двух третей до трех четвертей всего дохода капиталисты клали в свой сейф.

Есть одна любопытная деталь. 5 мая 1914 г. забастовали рабочие Ауэрбаховского железного и Богословского медного рудников. Они выставили более чем скромные требования: производить обмер рулеткой, а не на-глаз, т. е. прекратить бесстыдный обсчет, и кроме того увеличить плату на... одну копейку. На одну копейку!

21 июня 1914 г. Верхотурский горный инженер доносил Уральскому горному управлению:

«...Имею часть донести Уральскому горному управлению, что требование рабочих Богословского медного рудника об увеличении платы на одну копейку управлением Богословского округа не было удовлетворено, так как по мнению управления цены рабочим доведены до того предела, после которого всякое увеличение заработной платы ведет за собой невыгодность добычи руды, и производство должно прекратиться».

На железных и медных рудниках еще в 1916 г. были категории рабочих, зарабатывавшие по 7... копеек в день.

Как же капиталистам было не приветствовать войну, не стоять в передовых шеренгах российских патриотов? Дамам из «загородки» стоило носить белые ленты через плечо и в доброй шубе чуточку померзнуть с благотворительной кружкой. «Загородке» было не холодно у военного корыта.

Кроме наградных, кроме дивиденда по акциям заведующий мартеновским цехом Воробьев получал 15 тыс. в год, заведующий доменным цехом Поносов — 9 тыс. руб., заведующий прокатом Соколовский — 12 тыс. руб., заведующий газо-электрическим цехом Александров — 10 тыс. руб.

Пухло, расширялось Богословское общество. Оно приобрело угольные копи на Алтае. В 1915 г. его геологи пронюхали так называемое богомоловское месторождение меди (то самое, на базе которого теперь выстроен Красноуральский медеплавильный гигант), лежащее вне земель Богословского округа. Туда выехали изворотливые мо-

лодцы из управления округом. Они легко и быстро опутали старуху Рошинскую, владевшую частью меденосных земель, и скупили землю за бесценок. Но вторая часть земель была под лугами, принадлежавшими верхне-турьинскому крестьянину Левину, никак не соглашавшемуся их продать.

Тогда поступили проще: в «сухое», «безалкогольное» военное время споили водкой урядника и старосту до того, что им стали мерещиться зеленые черти. Затем выкатили две бочки водки сельскому обществу. Пили мужики до одури, утонуло в алкоголе сознание. Через день сход признал покос Левина «своим», и колоссальное месторождение меди перешло в собственность капиталистов Богословского округа за... 20 целковых.

Спешно прокладывалась железнодорожная ветка к месторождению, началась проходка шахты, на 18-м метре врезавшейся в медный колчедан. Капиталисты спешили. Цены на медь тогда стояли еще выше, чем на железо.

Но во имя чего же должен был итти на жертвы рабочий класс? Ради чего жили в бараках китайцы? Для кого изо дня в день тянулись толпы серых военнопленных людей на завод? Ради чего иссушили глаза солдатки? За что русские били татар, а татары русских?

Зажатый в тиски, разноплеменный, разговаривающий на множестве языков, раздираемый национальной рознью тяжело жил завод.

Делегации шли из цехов к барону, просили добавку, а по выходе из кабинета оказывались между двух штыков и в тюрьме. «На почве экономических требований были в цехах волнения,— вспоминает тов. Осолихин,— но до забастовок не доходило. Если и давали рабочим мясо, то сгнившее.

Чуть не каждый месяц ходили из цехов с делегациями насчет зарплаты. Делегатов частью арестовывали. Я тоже ходил делегатом вместе с Зудовым из мартена. Арестовали нас, неделю держали».

В июне 1915 г. пробовали забастовать рабочие медных рудников. Забастовка вспыхнула, — мгновение и она стала на рудниках всеобщей. Рабочие требовали увеличения зарплаты. Тогда поступил короткий приказ: бастующих ратников второго разряда сдать в армию. 14 июня главари забастовки Ф. К. Чулочников, П. С. Носов, Н. Н. Курдяков, И. В. Мотырев, П. И. Козловских и еще пять человек были вызваны к приставу. Пристав накричал на рабочих и велел явиться к воинскому начальнику.

«Просидевши под арестом до 4 часов утра 17 июня, — рассказывает тов. Ф. К. Чулочников, — мы были отправлены под конвоем в распоряжение воинского начальника. Воинский начальник только посмотрел на нас и сказал: отпра-

вить на фронт без свидетельства и следствия как забастовщиков. Отсюда и начались наши мытарства. В августе месяце мы были уже на фронте, и первый сложил свою голову Н. Н. Матушкин, затем изрешечен пулями и без вести пропал И. И. Семенов. Не миновали пули и тт. Курдякова, Мотырева, Носова, Чулочникова».

«Во время войны все стращали фронтом, — рассказывает газовщик А. Д. Шумов. — Инженеры и десятники указывали:

— А на фронте не был?

Случилось например с крановщиком Старцевым. Помощник мастера Клинов посылает его вывезти что-то, а Старцев отвечает, что ему пару набрать надо. Рассчитали, отправили на фронт, там и погиб.

Потом был у нас Захваткин, весовщик жидкого чугуна. Просил добавки, а ее не было. Он расчитался и ушел работать в снарядную мастерскую. Заведующий мартеновским цехом увидел его там. Через два часа является полиция, берет его и... на фронт...»

Не вынесли, не вытерпели наконец чудовищного гнета и эксплоатации китайские рабочие, двинулась по улицам нестройная синяя толпа. Белый, седой Ген-Лао-Дзю, старейший из китайских рабочих, шел впереди. Китайские рабочие сами описывали потом жуткие подробности этого события. Их письмо, написанное на китайском языке, долго лежало непереведенным и только в конце 1916 г. было оглашено на заседании Государственной думы. В письме было написано следующее (перевод союза китайских граждан в Петрограде):

«Работы происходят на Надеждинском заводе (всего более 2 000 человек). Название нанявшей их фирмы — Сун-Хуа-Чунсы. Условия, на которых рабочие были наняты в Китае: жалование 25 руб. в месяц, обещано выдать по заготовительным ценам в неделю по 7 фунтов мяса, 5 фунтов рыбы, овощей и бобового масла по желанию. Кроме того были обещаны по харбинским ценам одежда и обувь.

После приезда в Россию рабочих поставили на работы, но в продолжение долгого времени они совершенно никакого жалования не получали—объясняли вычетами на провизию. Когда рабочие обратились за разъяснением в контору фирмы подрядчика, то сначала им никакого ответа не дали, сказав, что это не их дело, а затем выдали каждому по 2 руб., 3 руб., 5 руб. и немногим по 10 руб., но не больше. Так было с марта месяца до сентября и октября. Что касается продуктов, то рабочие получали их чрезвычайно недоброкачественными.

Выведенные из себя рабочие отправились жаловаться в контору фирмы. С ними был наиболее любимый рабочи-

ми Ген-Лао-Дзю, человек честный и прямой. Он начал горячо говорить про горечь положения рабочих и жестокость подрядчиков. За это старший китайский полицейский Гэй-Дэ-Шан вместе с другими начал бить Ген-Лао-Дзю. Мало того, несмотря на то, что напуганные рабочие вновь принялись за работы, через несколько дней старший полицейский Гэй-Дэ-Шан с другими полицейскими явились на завод, схватили Ген-Лао-Дзю, связали его, подвесили и начали бить сначала палкой, затем железной проволокой. Несчастный вскоре после этого умер. Рабочие, как ни были возмущены, не смели ничего говорить. Мало того, в продолжение нескольких дней после этого рабочих запирали в бараках, ни один посторонний не мог зайти к ним, в противном случае били. Это делалось для того, чтобы запугать рабочих и заставить молчать. После этого усиленно развивалась система доносов. Каждый, против кого был получен донос, избивался.

С больными не считаются, их бьют, чтобы шли на работу. Убегающих ловят и наказывают вдвойне.

Таким образом умерло не мало. За март и апрель умерло более 50 человек. Есть одна гора, на которой хоронят китайцев. Там уже много могил. Среди умерших есть 8 человек, погибших от несчастных случаев на заводе. Говорят, что можно выхлопотать их семьям пособия до 1 000 руб. Если это правда, то как это сделать?»

В заключение автор обращения умоляет комиссию (правительственную комиссию, обследовавшую положение уральской промышленности. — А. М.) обратить внимание на положение несчастных, проверить на месте справедливость их жалоб, принять меры к устранению ужасных условий их существования и защитить их в дальнейшем от эксплоатации со стороны нанимателей [1].

В своем сообщении члены Уральской комиссии дополнительно указывали, что, посетив китайские бараки в Надеждинском заводе Богословского округа, они «видели возмутительную картину из жизни китайских рабочих, а именно: в бараках китайских рабочих было, как сельдей в бочке. На полу, в грязи и нагие лежали больные рабочие и жаловались, что их не лечат. Члены комиссии встретили около 125 человек китайцев, только что пришедших из куреня и голодавших двое суток, ибо завод хлеба не выдавал, а купить его было негде. По требованию комиссии хлеб был выдан, а больные были отправлены в больницу.

---

[1] См. сборник документов «Рабочий класс Урала в годы войны и революции» под редакцией А. П. Таняева, т. I, «Годы войны», стр. 173—174.

Китайцы, умеющие говорить по-русски, нарисовали еще более ужасную картину»[1].

Недовольства накопилось много во всех слоях рабочих. Не было дня, чтобы в каком-нибудь из цехов не собирались рабочие группы итти требовать увеличения зарплаты, изменения условий труда и жизни. К барону тянулась вереница рабочих депутатов. Бурлили, негодовали цехи. Стихийно вспыхивали короткие митинги и собрания. Война учила массы многому. Массе, подавляющему большинству рабочих становилось ясно, что эта бойня самодержавию и буржуазии не должна пройти даром. Рядом с вопросами зарплаты, рабочего дня, питания во весь рост вставал основной вопрос — о самодержавии. Еще ходили дамы с кружками по городу, но теперь приносили в них лишь крохотку бумажных марок, заменявших разменную монету. Рабочий класс не хотел давать пятаков, не желал терпеть лишений, голода и издевательства ради борьбы буржуазии за Дарданельские проливы.

Из-за недостатка рабсилы в цехи нагнали немало 14—16-летних мальчуганов и нещадно их эксплоатировали. В частности много молодняка работало в снарядных мастерских. И даже это самое молодое поколение северных рабочих вступало на путь борьбы.

На ребят в изобилии сыпались штрафы. По ночам юношеский, почти детский организм требовал здорового сна. Бодрись, бодрись, парень! А голову клонит все ниже. В мутном хороводе плывут станки, люди, трансмиссии, снаряды... Спать... Сильный удар сапогом будит парня, спрятавшегося где-нибудь в уголке. Вместо 6 отработанных часов ребятам записывали 4 часа. Специальный инженер был поставлен наблюдать за молодняком. Ребята делали этому инженеру поддельного человека из ветоши, вкладывали внутри стальную болванку, чтобы, ткнув сапогом в сталь, он почувствовал боль на себе. Инженеру нацепляли хвостики на шинель. Многочисленные, тщательно скрываемые сходки предшествовали каждому из таких событий. Сколько радости, сколько удовлетворения было, когда под общий смех инженер шел по цеху и сзади у него болтался сделанный из старой тряпки хвост. Разозлясь, инженер схватил одного из ребят, поднял и бросил на станок. Парнишка ушел домой, ковыляя и с кровоподтеками на теле.

«Тогда устроили еще одну штуку, — рассказывают тт. Ларьков и Васильев, состоявшие в числе «бунтующего» молодняка. — Чтобы подать руду на доменные эстокады, поезд разгонялся от азиатской будки. Шел состав с рудой

[1] См. цитированный сборн. под ред. А. П. Таняева, т. I, стр. 175.

и на нем китайцы-грузчики. Когда состав подогнали к газоэлектрическому цеху, один вагон сошел с рельсов, ударился о столб осветительной линии, и в снарядных мастерских погас свет. В это время наш инженер шел по корпусу. Один из ребят взял болт и раскроил этим болтом инженеру косицу. С тех пор инженер замолчал и перестал обращать внимание на наши дела.

Месяца через два нас перебросили в новую снарядную мастерскую, только что выстроенную. Мы попали к другому мастеру, нисколько не лучше инженера. Звали мы его «козленком» за то, что он был белый, горбатый. Все его ненавидели. Работали мы летом, а крыши были стеклянные. Наберем гальки, залезем на крышу и кидаем в него, когда он идет по цеху. Раз его галей! Два! А он не знает, откуда бьют. Доводили мы козленка до бешенства, — тогда он убегал в конторку.

Чтобы урезать ставку, начальник цеха Романов приказал увеличить нормы выработки.

Собрались мы, ребята, человек пятнадцать, итти просить прибавки расценок. Конторка снарядных мастерских была на балконе, и туда вела лестница. Романов нас сначала не видел, а когда заметил столпившихся у дверей ребят, спросил: — Что вам надо?

Ларьков только успел сказать: — добавку, Михаил Михайлович...— как Романов стал материться и кинулся на нас. Мы сгрудились к двери, а часть пробежала по лестнице». Романов догнал Ларькова и пнул его так, что Ларьков скатился до конца лестницы.

Завод хотел активных действий. Этого хотели одинаково и китайские, и русские, и татарские, и австрийские рабочие, и подростки, и солдатки. А получалось так, что вместо общего выступления против капиталистов отдельные отряды рабочих враждовали между собой.

Каждая группа выступала против сильного, оснащенного до зубов хозяина, отдельно, изолированно от массы. Пламя не горело большим костром, а часто вспыхивало небольшими языками. Капиталистический сапог каждый раз затаптывал начинавший разгораться огонь. Некому было встать во главе масс. Революционных рабочих-организаторов самодержавие и хозяева предусмотрительно увели на виселицу, запрятали в каменные мешки, послали на каторжные работы и расшвыряли в ссылку. В годы войны рабочие Надеждинска не имели хотя бы маленькой подпольной революционной организации. Движение носило сугубо стихийный характер.

А в воздухе уже носилось что-то. Даже самым малосознательным рабочим становилось ясно, что самодержавие

не протянет долго в атмосфере тяжелого удушья, нависшего над страной. Что-то будет?

Между тем на улицах больших городов жгли костры и круглые сутки жены рабочих стояли в очереди за хлебом.

В начале 1917 г. в Надеждинске хозяева стали выдавать рабочим исключительно гнилое мясо. Не было ни муки, ни сахара. Голод, самый настоящий, ничем не прикрашенный, принесли капиталисты на север.

— Нет, так жить нельзя!

Модельщик Осолихин узнал, что в провиантских магазинах заводоуправления лежит достаточно продуктов, но их не дают рабочим.

Забастовал механический цех. За ним прекратили работу рабочие газо-электрического цеха.

Бегали, суетились по цехам хозяйские подручные, злобно стращали фронтом, циркуляром. Через два дня из провиантских магазинов начали выдавать муку и сахар. Завод заработал.

В цехах все сильнее митинговали. «Одно время приехали к нам двое рабочих, откуда — мы не знали. Один из них стал у нас в снарядной работать. Месяца за два до февраля он нам все твердил: — ребята, вот скоро что-нибудь будет» (воспоминания тов. Ларькова).

В начале марта, когда весна на севере только начиналась, загудел завод тревожными гудками. Поспешно бежали люди — рабочие, старики, старухи, дети — к проходной будке. Что случилось? У проходной будки перед толпой читали манифест об отречении Николая.

Толпа кричала «ура»!

Да здравствует свобода!

Отречемся от старого мира!

Украшались груди красными розетками. Появилось красное полотнище. По улице толпа шла огромная, радостная.

В снарядной мастерской рабочие налили в тачку смолы, усадили в нее мастера, взяли тазы, старые ведра и торжественно вывезли в тачке мастера из завода.

Такую же тачку готовили в рельсопрокатном цехе начальнику цеха Соколовскому. Соколовский тоже носил красную розетку. Он был за февраль. Окруженный разъяренной толпой стоял Соколовский у тачки со смолой и начинал понимать, что март 1917 г. есть не весна российской буржуазии, а тяжелая осень, за которой грядет... Что грядет за мартом? Вчера трудовой народ вывез на тачке из страны самодержавие. Сейчас рабочие в ту же тачку приглашают представителя капитализма, акционера Богословского общества — Соколовского. Красная розетка на груди Соколовского стала быстро бледнеть и приобретать белый цвет.

А. Правдич

«ХОЗЯЕВА»

Отрывки из истории фабрики «Скороход»

I. «ИСТИННО-РУССКИЕ НЕМЦЫ»

> В акционерных обществах сидят вместе, вполне сливаясь друг с другом, капиталисты разных наций. На фабрике работают вместе рабочие разных наций. При всяком действительно серьезном и глубоком политическом вопросе группировка идет по классам, а не по нациям» (Ленин, Собр. соч., т. XVII, стр. 147).

Война началась.

Кое-где в городе громоздились еще на мостовых остатки баррикад, которые не успела растащить полиция, а по улицам уже шли манифестанты, орали «ура», путаясь среди ящиков и бочек, сваленных на углах.

С фронта потянуло порохом.

Российские обыватели — учителя чистописания и поэтессы, присяжные поверенные и ветеринары, профессора и счетоводы—глубокомысленно обсасывали возродившиеся идейки об «антихристе», проливали слезы над «несчастной Бельгией», взывали к «чувству гуманности» и скорбели о «попрании святынь».

Российские капиталисты проявляли в эти дни значительно больше активности. Пришло их время. Теперь-то можно было положить на обе лопатки немецких и австрийских конкурентов, забрать себе их долю барышей в России.

В некотором унынии пребывали только сами германские и австрийские «конкуренты». Угроза действительно витала над импортированным в Россию германским капиталом, десятилетиями наливавшимся щедрой по-азиатски прибавочной стоимостью.

Уныние царило в ранее оживленных кабинетах хозяев «Скорохода». Глава фирмы «Скороход» Шнейдер остался в Германии, застигнутый войной. Вдохновитель и певец товарищества, седобородый Кейль со дня на день ждал высылки из Петербурга... Правлению угрожал разброд.

Флегматик Утеман брезгливо перечитывал газеты, надувался и ссорился со всегда выдержанным, похожим на вы-

служившегося писаря Кирштейном, появлявшимся теперь в несвежих воротничках. По кабинету метался упитанный, напоминавший злую жужжащую муху Гейзе, брызгал слюной и наводил ужас на служащих. Роос слонялся с вытянутым лицом от одного коллеги к другому, лепетал что-то о «теперешних обстоятельствах» и порывался подать в отставку.

Правда, война покончила с крамолой, свившей себе гнездо на «Скорсходе». Забастовки кончились надолго. Это бодрило хозяев, но беспокоила неопределенность.

Будущее было неясно. Завтра мог последовать закон о высылке подданных враждебных держав. Завтра можно было ожидать воспрещения платежей. А дальше мерещилось еще более страшное: ликвидация германских предприятий.

Хозяева «Скорохода» были глубоко встревожены.

— К чему весь этот патриотический тарарам? Разве дилемма, стоявшая перед ними, не была самой пустяковой среди тех, какие когда-нибудь тревожили буржуа?

— Кошелек или родина? Что за вопрос!

Буржуа всегда предпочитали кошелек. Сомнениям не было места.

Хозяева «Скорохода» слишком привыкли к прибавочной стоимости, которую они выколачивали в России, чтобы не решиться на разрыв со своими «соотечественниками». Хозяева «Скорохода» охотно готовы были итти на «разрыв», тем более что и «разрывать»-то по существу не требовалось.

Общей для всех капиталистов мира в эпоху империалистического загнивания является тенденция к сохранению и воспроизводству капитала ценой любых конфликтов с «национальными интересами». Крупп продавал накануне войны пушки Франции; почему бы германским капиталистам, образовавшим товарищество «Скороход», не оказать маленькую услугу русскому самодержавию?

От слов перешли к делу.

Отто Кейль пронесся по инстанциям, «припал к стопам его величества» и просил «осчастливить его принятием в русское подданство».

Кейль совершил ошибку. Слишком трезвый коммерсант, чтобы не быть экономным в «уступках времени», он забыл упомянуть о желании перейти в русское подданство вместе с женой и детьми.

В сферах обиделись.

— А детки? — сделал кто-то кислую мину.

Прошение «оставили без последствий». Кейль растерялся, отказался от дел и уехал в Оренбург.

Оставшиеся правленцы приступили к «реконструкции» германского предприятия. Вскоре стало ясно, что особых трудностей ожидать не приходится. На это были свои причины.

Русское самодержавие всегда стремилось затушевать значение иностранного капитала в русской промышленности. «Национальную природу» привыкли устанавливать нарочито-бюрократически; если иностранное предприятие работало по «русскому уставу», оное неукоснительно причислялось к русскому, хотя бы все акционеры были иностранцами. Этот «принцип» совет министров подтвердил и в годы войны. «Скороход» был формально предприятием «истинно-русским».

Хозяева перестроились соответственно «духу времени» легко и быстро. Во главе остались те же Утеман, Кирштейн и Гейзе, но прибавили именитого представителя русского национального капитала Александра Ивановича Гучкова.

Приход Гучкова не был случайностью, он вытекал из исторически обусловленной позиции импортного германского капитала. В атмосферу германской фирмы Александр Иванович внес тот драгоценный русский купеческий дух, которого недоставало для перестройки предприятия. Привел Гучкова на «Скороход» Энерт, его сосед по левым скамьям «Общества заводчиков и фабрикантов», и о вступлении его в число акционеров было оповещено колоритнейшими вывесками на магазинах «Скорохода». Вскоре Гучков стал играть одну из первых скрипок в товариществе.

Гучков был прожженным политическим дельцом. В качестве лидера партии октябристов он был одним из вождей русской буржуазии. Политической задачей его было добиться путем соглашений с правительством «свободы», необходимой торгово-промышленным классам России. Особенно усиливается его деятельность с 1911 г.; он пытается бороться с растущим влиянием феодально-крепостнических элементов. Но политику «примирения исторической власти и русского общества» (надо понимать «капиталистического») ждет неудача. Гучков переходит к оппозиции правительству по ряду вопросов, а в дальнейшем начинает подумывать о дворцовом перевороте в пользу буржуазии.

В правлении «Скорохода» Гучков быстро стал своим человеком. Хозяева его побаивались, но уважали, как могли уважать буржуа преуспевающего однокашника. Гучков был нужный человек, притом он занимался снабжением армии, состоял членом правления «Общества Красного креста» и мог быть полезен своими связями. Гучков же, получая 25 тыс. руб. в год, не склонен был задумываться по поводу своего союза с заправилами «Скорохода», действительные интересы которых конечно не были скрыты от него.

Теперь за широкой спиной Гучкова хозяева «Скорохода»

Всероссийский съезд представителей военно-промышленных комитетов, заседавший в Петрограде с 25 по 27 июля 1915 г. Председательствовал А. И. Гучков (X)

не только могли отстаивать свое существование, но и продолжать консолидацию сил импортного германского капитала.

Купец 1-й гильдии Генрих Генрихович фон-Гильзе хотя и числился по штату нидерландским консулом в Петрограде и представителем нейтральной державы, но в действительности ничем не отличался от своих немецких коллег. Нидерландский капитал был связан исконными узами с германской группой мирового капитала, и «нейтральность» была только политической ширмой, которой также не преминули воспользоваться хозяева «Скорохода».

Пальс вошел в руководящую головку скороходовских акционеров. Генрих Генрихович представлял интересы «Треугольника», членом правления которого он состоял, исправно посещал заседания в дни, когда был свободен от очередной охоты на лисиц, и дремал во время прений.

Рабочих Пальс не замечал. С него довольно было знать, что «рабочие работают». Заботился он лишь о приумножении собственного капитала, и заботился не плохо. В короткое время его капиталец в 175 тыс. руб. увеличился более чем вдвое.

Изменения в составе пайщиков товарищества произошли самые незначительные. Правда, ушли такие крупные держатели акций, как Краускопф с 576 паями, уступивший свои акции фон-дер-Пальсу, братья Риттер, владельцы 400 паев, и некоторые другие, но в основном ушла «мелочь». Притом большинство акционеров — германских подданных — ушло чисто юридически, фиктивно.

Капиталы «спасали». Акции временно перекочевывали к

«верным людям», оказавшимся в более счастливом положении в отношении подданства.

Бухгалтерия не успевала оформлять сделки. Среди хозяев появились никому не известные люди в вицмундирах, с нашивками надворных и статских советников, некие легкомысленные девицы, общественное положение которых исчерпывалось понятием «барышня», имевшие самое ближайшее отношение к особам господ предпринимателей, и группа темных дельцов, носивших звучные «рассейские» фамилии.

Впрочем позднее выяснилось, что и эта предосторожность была излишней. Крупнейшие акционеры — германские подданные — не только сохранили свои капиталы, но и приумножили их. Они были устранены от администрирования, но не от барышей.

Закон 15 ноября 1914 г. «о воспрещении платежей подданным воюющих с Россией держав» и некоторые другие узаконения не затронули акционеров «Скорохода». Правда, Г. Шнейдер, Г. Гетцер, Эльза Гебгардт, Ф. Роос, Стендер, Биенже и еще двадцать шесть мелких акционеров не получали во время войны дивиденда на руки, но они могли распоряжаться причитающимися им долями барыша по принципу, так сказать, безналичного расчета.

При выпуске дополнительных акций на 2½ млн. руб. (нужны были оборотные средства) новое правление озаботилось предоставить «врагам отечества» соответствующее количество акций на сумму невыплаченных им дивидендов. На помощь были призваны именно законоведы.

Два профессора и один присяжный поверенный трудились над составлением исчерпывающей консультации.

Правленцы с наивным видом спрашивали:

— Обязано ли правление предоставить новые паи пайщику, подавшему заявление после начала войны, если, во-первых, пайщик находится за границей и, во-вторых, пребывает в России в качестве военнопленного?

— Да, обязаны, — решили два профессора и один присяжный поверенный. — Права на приобретение имущества иностранными подданными основаны не на международных договорах, ныне отмененных по отношению к воюющим с нами державами, но на внутреннем законодательстве страны...

Внутреннее законодательство в этой части вполне отвечало интересам буржуазии. Это знали правленцы.

— От пайщика требуется только, чтобы он подал заявление о желании приобрести дополнительные паи, да еще чтобы подпись его не вызывала сомнения в подлинности. Конечно подписи сомнений не вызывали.

У одного только Шнейдера за время войны прибавилось

406 паев на кругленькую сумму 203 тыс. руб., у Густава Гентцера наросло 50 паев на сумму 25 тыс. руб., у Стендера — на 17 тыс. руб. и т. д. Надо было только поймать подходящую минуту, чтобы получить деньги на руки. Это и удалось проделать несколько позднее.

Трудная работа по превращению германского предприятия в «русско-союзническое» приходила к концу. По штату полагалась еще «жертва».

Созданное в годы войны «Особое делопроизводство по правительственному надзору над торгово-промышленными предприятиями» давно уже косилось на «Скороход».

— Не находится ли такое предприятие под коварным влиянием враждебных держав? — думало «Особое делопроизводство» и начинало «выяснять».

Чтобы навсегда откупиться от «Делопроизводства» и опровергнуть всяческие подозрения по части «влияний», хозяева «Скорохода» принесли в жертву своего же компаньона, правда, захудалого. Германский подданный Брюгеман был мелкий пайщик. Его не было жалко. Кроме того он выбрал глупый способ самозащиты, выдав себя за русского подданного.

В «Особое делопроизводство» пошла официальная бумага, в коей сообщалось, что оный Брюгеман — самозванец. Брюгемановы денежки ухнули, но «Особое делопроизводство», убедившись, что преступного «влияния» не усматривается, махнуло рукой на хозяев «Скорохода» и больше к ним не приставало.

Создание патриотических декораций было окончательно закончено с помощью щедрых пожертвований «на нужды военного времени». Жертвовали педантически. На заседаниях какой-нибудь член правления начинал:

— Госпожа Сухомлинова, жена военного министра, просит пожертвовать на склад ее величества. Предлагаю дать 3 тысячи. Жена камергера госпожа Дюбрейль-Эшаппар просит пожертвовать в Петроградское общество вспомоществования бедным. Полагаю дать 25 целковых. Генерал Оболенский просит на нужды воздушного флота. Можно дать триста рублей. Морскому благотворительному обществу на издание сборника «Императорский флот» предлагаю дать...

Так было почти на каждом заседании. Жертвовали на «елку в окопах» и на «куличи героям» и т. д.

Обходилось все это по 200—250 тыс. руб. в год, зато прибыли шли густо.

В 1914 г. акционеры заработали около 3 млн. руб., в следующем году уже 4½ млн., а в 1916 г. — 5¼ млн. руб. В 1914 г. пайщики получили 20% дивиденда, т. е. 100 руб. на акцию, в следующем году уже 120 руб., т. е. 24%, а в

1916 г.— 30%, т. е. 150 руб. Огромные прибыли ожидались в 1917 г., но Октябрьская революция перевернула все планы...

Каковы были экономические предпосылки, облегчившие представителям импортного германского капитала блок с российским национальным капиталом и царизмом?

Задолго до войны «Скороход» оформился как импортный отросток германского капитала. Узы были крепки и поддерживались прежде всего ощутимыми торговыми интересами. Германия была исконным поставщиком кожи. Вся обувная промышленность России была связана многочисленными перемычками с германскими кожевенными заводчиками.

Примечательно, что некоторые акционеры «Скорохода», например Шнейдер, братья Кирштейн и другие, состояли акционерами германских кожевенных предприятий. Такую же персональную связь можно проследить и в деятельности обувных предприятий Прибалтийского края. В делах правления «Скорохода» хранился следующий прелюбопытный документ, показывающий, что Германии совсем недалеко было до монополии по ввозу кожи в Россию.

Привоз выделанных кож в Россию по данным, собранным в Департаменте таможенных сборов

Годы	Общий привоз в Россию		В том числе из Германии	
	в тыс. пуд.	в тыс. руб.	в тыс. пуд.	в тыс. руб.
1901	155,1	4 276,5	41,2	1 991,9
1902	166,4	4 825,3	47,0	2 364,2
1903	177,2	5 893,7	66,5	3 421,4
1904	161,2	5 651,8	57,6	3 352,4
1905	175,9	6 627,3	67,3	4 230,5
1906	246,6	10 059,0	116,7	6 944,8
1907	253,7	11 428,0	140,5	8 685,3
1908	276,7	15 543,1	150,3	12 015,8
1909	275,6	17 248,9	153,4	13 503,9
1910	385,5	20 863,9	221,4	16 345,0
1912	405,6	16 449,7	210,2	13 069,4

Хозяева «Скорохода» не только покупали кожу у германских фабрикантов, но становились их верными агентами в России. Не случайно, когда в 1914 г. незадолго до войны знаменитая комиссия Лангового вздумала повысить пошлину на товары, хозяева «Скорохода» запротестовали. Они распинались в комиссии за сохранение старой пошлины на кожу. В этом нашли выражение не только шкурные интересы заправил «Скорохода», но и реальная связь их с интересами германского промышленного капитала.

Война положила конец этой идиллии. Границы были закрыты. Смекалистые заправилы берут решительный курс на нейтральные страны — Данию, Голландию, наконец Америку, конкуренция которой с Германией по сбыту кожи на русском рынке еще недавно печалила Кирштейна, Утемана и К°. Торговые интересы немцев — хозяев «Скорохода» — были первой экономической предпосылкой, толкнувшей их в объятия российского национального капитала.

Была и другая предпосылка, еще более важная, облегчавшая этот блок.

Накануне войны германский банковый капитал занимал довольно значительное место в обувной промышленности России. Правда, он насчитывал лишь 20% всего вложенного в промышленность России иностранного капитала, в то время как Франция и Англия вложили до 45%, но эти 20% локализовались преимущественно в легкой промышленности России. Притом целый ряд германских предприятий работал по русским уставам и формально считался русскими. В этом проявилась тенденция германского капитала осаждаться в России в известной «охранительной» окраске, под «защитным» флагом.

В годы сращивания русского промышленного капитала с банковским капиталом обувная промышленность России (механическое производство обуви) обнаружила тенденцию к сращиванию с импортным банковским германским капиталом.

Обувная фабрика в Петербурге «Победа», принадлежавшая номинально русскому промышленнику Петрову, была реорганизована в крупное предприятие на средства германских банкиров в лице Вавельберга, владельца банковской конторы, преобразованной в 1912 г. в Петербургский торговый банк. Фабрика фактически принадлежала банку.

С этим банком был связан и «Скороход», как и с рядом других банков, в которых укрепился германский финансовый капитал. Таковы были Петербургский учетный и ссудный банк, 20% акций которого принадлежали германским банкирам, Петербургский международный банк (42%), Русский для внешней торговли (40%), Рижский коммерческий банк (50%) и др. Связь с банками заключалась в операциях по учету векселей, предоставлении «Скороходу» краткосрочного кредита и т. д. Но несмотря на наличие такой связи здесь не было еще налицо сращения товарищества «Скороход» с германским банковским капиталом. Скороходовские заправилы пытались противостоять монополистическим тенденциям банков. Они всячески добивались того, чтобы акции «Скорохода» не попадали в распоряжение банков. Банки были лишь небольшими акционерами «Скорохода».

Примечательно например, что Рижский биржевой банк вла-

дел всего 37 акциями «Скорохода», Коммерческий банк Юнкер и К° — только 12 акциями.

Правда, отдельные акционеры «Скорохода», например братья Риттер, состояли в весьма близкой связи с руководством Рижского коммерческого банка, но этого конечно недостаточно для того, чтобы можно было говорить о диктатуре Рижского банка.

Товарищество «Скороход» пользовалось сравнительной свободой от банковского германского капитала.

Товарищество было организацией с ограниченным кругом участников. В этом выражалась тенденция к увеличению основного капитала за счет капитализации полученной прибавочной стоимости, а не с помощью заемного капитала, капитала со стороны. Акции не выпускались из узкого круга людей. Контрагентами — распространителями продукции — были свои же акционеры. Позднее функции торговой конторы взял на себя «Треугольник», крупнейшими акционерами которого были основные пайщики «Скорохода».

В части финансирования хозяева «Скорохода» накануне войны справлялись уже своими средствами, т. е. средствами накопленной прибавочной стоимости. На эти средства целиком было произведено переоборудование фабрики в период 1912—1913 гг.

Эта незначительная связь «Скорохода» с банковским германским капиталом, известная «свобода» действий, остававшаяся заправилам «Скорохода», и обусловливала легкость перехода их в систему русского национального капитала.

В эпоху войны завязались отношения и с американскими банками, но все же функции финансирования «Скорохода» в значительной степени были переложены на казну.

Все это облегчало тактическое блокирование «дочернего» отростка германского капитала с русским национальным капиталом и царизмом.

Оставалось только организационно обеспечить интересы крупнейших акционеров — германских подданных.

Организационная перестройка прошла без всяких затруднений. Был утвержден новый устав. Общая тенденция устава соответствовала интересам именно крупнейших акционеров.

Во-первых, эта тенденция нашла выражение в освобождении акционеров от непосредственного руководства предприятием. Правление, бывшее раньше органом хозяев, теперь стало наемным, составленным из спецов-директоров.

Во-вторых, проводится диктатура немногих крупнейших акционеров. Формы голосования изменяются по принципу, сформированному самым недвусмысленным образом:

«Лицам, вложившим в дело крупные капиталы и поэтому наиболее заинтересованным в делах предприятия, должна

быть предоставлена возможность более широкого влияния на ход дел товарищества».

По старому уставу никто из пайщиков не мог иметь более 4 голосов на общем собрании, причем право голоса давало владение 25 паями. Теперь, правда, достаточно было иметь 10 паев, чтобы получить право одного голоса, но зато отдельные пайщики могли уже владеть 150 голосами.

Достаточно было столковаться двум-трем крупнейшим пайщикам, чтобы диктовать свою волю товариществу, так как для того, чтобы общее собрание считалось законным, довольно было наличия 300 голосов. Достаточно было, чтобы Кирштейн зашел на чашку чая к супругам Утеман — и «общее собрание» было уже налицо! Так и происходило в действительности.

Крупнейшие акционеры вошли в новый контролирующий и наблюдательный орган — совет. Мелких пайщиков последовательно лишили всякой самостоятельной роли, превратив их в послушное орудие тесно спаянной группы крупнейших акционеров. Позднее ликвидировали и последние «демократические» § 36 и 37 Устава, предоставлявшие всем без исключения пайщикам свободный доступ к книгам товарищества.

Летом 1916 г., когда большинство акционеров разъехалось по дачам и на собрание явились только «свои», поднялся кандидат в члены правления Штример и тихонько голосом доложил:

«Право об обязательном открытии книг товарищества всем без исключения пайщикам является в настоящее время устаревшим. Оно отнюдь не способствует осуществлению контроля, а дает лишь возможность лицам, не имеющим непосредственного отношения к предприятию, и даже его конкурентам извлекать те сведения, которые нужны этим лицам для конкуренции. А потому...»

Параграфы изменили.

Такая организация представляла законченную диктатуру немногих крупных акционеров; благодаря этому высланные пайщики, сохранившие бытовые связи со своими более счастливыми коллегами, могли самым реальным образом влиять на дела товарищества. «Особое делопроизводство» со всеми своими анкетами и инспекторами осталось в дураках. Впрочем опасности в смысле «потрясения основ» и не предвиделось.

Самочувствие Шнейдера, Роос и К° нисколько не ухудшилось от сознания, что сапоги, выпущенные на их, германских подданных, фабрике, обувают ноги «врагов» их «отечества», так же, как Гучкова, Кирштейна и Пальса с К° нисколько не тревожила возможность выплачивать некоторую толику барыша «врагам» их «отечества».

На фронте буржуазия сталкивала в смертельной схватке

обезумевших, ослепленных национальной враждой людей, обутых в грубые солдатские сапоги,— в уютных кабинетах капиталисты делили «по справедливости» кровавые проценты.

Такова была «мудрая» позиция хозяев фабрики «Скороход».

II. «ПОСИЛЬНОЕ СЛУЖЕНИЕ РОДИНЕ»

С началом войны господствующие классы царской России выработали новый жаргон. Не говорили просто:

— Солдаты.

Но выражались так:

— Доблестные воины.

Не говорили:

— Враг.

Но изъяснялись не без некоторой чувствительности:

— Коварный и злобный враг.

Хозяева «Скорохода» в совершенстве овладели новым языком.

«Деятельность товарищества,— писалось в отношениях по начальству,— проникнута стремлением посильного служения нуждам родины и сознанием всей тяготы переживаемого нашим государством времени» и т. д.

Военный заказ был заветной мечтой хозяев, так же как безобидная «мода» была их злейшим врагом.

Хозяева ежегодно имели сомнительное удовольствие изучать пространные ведомости «вышедшей из моды обуви», которую надлежало распродать со скидкой. В 1913 г. распродано со скидкой около 65 тысяч пар. Главную часть составляла дамская обувь. Убытки считали десятками тысяч рублей.

Принцип «модной обуви» вел к бесконечному количеству фасонов, емкость же рынка была изменчива. Неизвестно, до каких размеров выросло бы это противоречие. К счастью для хозяев «Скорохода» вспыхнула война.

Война не только помогла выживанию фасонов, позволив вскоре свести все их многообразие к двум десяткам, но открыла выход в систему массовой стандартной обуви.

«Доблестные воины», сидя в окопах, не склонны были думать о модном фасоне. Потребитель был найден самый нетребовательный.

С военными заказами обувная промышленность оживилась. В то время как кустари рассасываются мобилизациями, механическое производство обуви растет. В 1915—1916 гг. создается около 75 новых фабрик, сотни полумеханизированных мастерских, дооборудуются старые фабрики.

Выгодность стандартного производства, пониженные требования интенданства и высокие цены, дававшие свыше 30%

прибыли, освобождение рабочих крупных предприятий от мобилизации, обеспечивавшее предпринимателям запасы рабочих рук, обусловили рост обувной промышленности.

В 1912 г. страна производила 7 миллионов пар.

В 1916 г. производилось уже свыше 12½ миллионов.

«Скороход» шел на первом месте.

Договор с интендантством, подписанный спустя 3 недели после объявления мобилизации, был сложен и предусмотрителен. «Скороход» взял на себя пошивку 4 тысяч пар сапог в день из материала заказчика (подошва, голенища и переда), но со своим прикладом. В дальнейшем, когда интендантство стало испытывать затруднения с сырьем, «Скороход» шил сапоги из своего материала.

Производство военных сапог было налажено в кратчайшие сроки. Уже через месяц стали выпускать по полторы тысячи пар в сутки, быстро дошли до 4 тысяч, а через год и до 6½ тысяч пар.

Производительность скороходовских рабочих росла.

В 1916 г. производительность скороходовского рабочего равнялась 837 парам в год, в то время как все остальные 109 фабрик России давали только 637 пар в среднем на одного рабочего. Эта разница в 200 пар становится еще более разительной, если учесть, что увеличение производительности скороходовского рабочего происходило в общем на старых машинах и при низкокачественном сырье.

Основной капитал, служивший для производства военной обуви, был незначителен сравнительно с размерами производства. Хозяева могли гордиться, заявляя:

— По количеству изготовляемых сапог товарищество занимает первое место среди поставщиков военного ведомства.

В 1915 г. потребность в армейских сапогах достигла 2 200 000 пар. Рабочие «Скорохода» дали 1 355 202 пары.

На 1916 г. Военное министерство потребовало от обувных фабрикантов 3½ миллионов пар. Скороходовцы дали 1 577 014 пар.

Основной капитал, работавший на армию, был относительно ничтожен.

В 1916 г., когда прибыль хозяев вскочила настолько, что ее приходилось уже скрывать от налоговых чиновников, с помощью бухгалтерских ухищрений была списана в расход «полная», т. е. несомненно преувеличенная стоимость машин, занятых на производстве военной обуви. Стоимость амортизированных и купленных в незначительном количестве по повышенным ценам машин исчислили только в сумме... 237 тыс. руб.!

Но не только по количеству изготовляемых армейских сапог товарищество «Скороход» шло на первом месте, — по количеству золотых монет, высасываемых всеми

правдами и неправдами из казны, товарищество также обогнало остальные предприятия.

Принцип был подкупающе прост.

Договор с интендантством был подписан по цене 3 руб. 38 коп. за шитье пары сапог при условии выпуска 4 тысяч пар ежедневно.

Интендантство требовало увеличить выработку. Хозяева «Скорохода» это учли.

Контртребование о повышении расценок следовало немедленно после очередной просьбы интендантства.

За короткое время цена за одношовные сапоги с подклейкой с 3 руб. 38 коп. дошла до 3 руб. 65 коп., а в августе 1915 г. выросла до 4 руб. 08 коп. В той же пропорции росли цены и на другие сорта сапог. В декабре 1914 г. расценка за шитье двушовных сапог без подклейки была 3 руб. 24 коп. с пары, а в августе 1915 г. она дошла до 3 руб. 71 коп. Когда товарищество стало шить сапоги из своей кожи, цены начали прыгать с еще большей быстротой.

Военные заказы давали огромные барыши. Но хозяевам «Скорохода» этого было мало.

Кроме полуторамиллионного количества военных сапог товарищество продолжало выпускать «частную обувь» почти в довоенном количестве. Производство гражданской обуви не только давало возможность более свободного повышения цен, но и несло крупные барыши благодаря системе использования «остатков» сырья, получаемого от интендантства. Разумеется, понятие «остатков» было несколько необычно. В «остатках» числились огромные количества сырья, полученного от интендантства по ценам, значительно ниже рыночных.

В то время как производство военной обуви остановилось на 6½ тысячах ежедневного выпуска, производство частной обуви постоянно форсировалось. Каждые несколько месяцев хозяева приказывали: «Увеличить производство обуви для частной продажи на столько-то пар. Прикупить такие-то машины».

В 1915 и 1916 гг. кроме 3 миллионов пар армейской обуви было выпущено около 5 миллионов пар обуви для населения.

Из дверей казны продолжал бить густой поток свежеотпечатанных кредиток, но русский рубль уже безнадежно падал. Хозяева «Скорохода» изобретают «страховку», превратившуюся вскоре в самостоятельную торговую операцию.

Хозяева делали запасы сырья.

Делать запасы было выгодно. «Учетно-ссудный процент» за занимаемый в банке капитал, сильно поднявшийся, не превышал все же 6—9% в год, между тем комбинации с сырьем давали по 100 и 200% барыша.

В начале войны хозяева закупили сырья на 9 месяцев впе-

ред. Специальные служащие следили за повышением цен и изготовляли новые калькуляции, отвечающие «духу рынка». Разница во времени давала хорошие барыши, о размерах которых можно судить, если учесть например, что в ноябре 1914 г. (когда делались запасы для фабрики) цена на кожсырье для выработки бокскафа упала на 50% против довоенного времени, а спустя пару месяцев поднялась на 100% и больше.

Закупки создавали условия, при которых себестоимость сырья повышалась далеко не в той прогрессии, в которой росли цены на рынке.

Протоколы заседаний правления пестрят такими постановлениями:

«22 апреля 1915 г. вследствие невозможности предопределить время окончания войны, закупить соответствующие материалы по возможности в количествах, необходимых для наших производств до 1 июля 1916 г.», т. е. на 15 месяцев вперед!

И сырье закупали.

Хозяева «Скорохода» любовно включились в процесс нездорового повышения цен.

Цены на скороходовскую продукцию росли с каждым днем.

В этом деликатном деле хозяева «Скорохода» не были одиноки. Они могли удобно скрываться за спиной сотни своих коллег, образовавших «Общество кожевенных заводчиков и фабрикантов».

В октябре 1914 г. хозяева «Скорохода» повысили цены на 15% против апреля. Новый прейскурант, выпущенный спустя два с половиной месяца, дал 10-процентную надбавку. 1 апреля 1915 г. добавили еще 7%, спустя два месяца накинули еще 3%, далее пошло легче. 24 июля увеличили цены на 25%.

С 1 октября 1914 г. по 24 июля 1915 г. русский рубль упал на 31%. За это же время цены на обувь возросли на 60%, т. е. повышались в два раза быстрее, нежели падал рубль.

В следующем году цены поднимались еще с большей быстротой. Наконец 15 июля 1916 г., казалось, должно было положить предел этой скачке: была введена такса. Как ни странно, товарищество заработало и на таксе!

В то время как один аппарат товарищества работал, чтобы поднять цены на более высокий уровень, другой аппарат стремился к тому, чтобы продать по ценам этого высокого уровня возможно меньшее количество обуви.

В этом деле и не ночевала кустарщина каких-нибудь «Руси» или «Меркурия», откровенно набавлявших рубль на рубль и этим удовлетворявшихся.

«Честный коммерсант» Фрейгант, управляющий несколькими петербургскими магазинами «Скорохода», также не был

на высоте новых методов торговли. Он рассуждал по-старинке:

— Имеется 18 тысяч залежавшейся, вышедшей из моды обуви?

— Имеется! — удивились хозяева.

— Занимает эта обувь место, портится?

— Занимает, портится,— подтвердили хозяева.

— Очевидно по примеру прошлых лет надо перевести ее в брак или по крайней мере распродать по пониженным ценам, премировав продавцов четвертаком с пары. Очевидно...

Но именно это и не было очевидным.

Хозяева проводили Фрейганта злорадной улыбкой. Обозвали ли его при этом «старым ослом» — неизвестно, но предложение было отвергнуто.

«Отложить принятие особых мер до наступления осеннего сезона,— постановили хозяева,— ввиду того, что вследствие современных условий можно ожидать недостатка в обувных товарах».

На обычном языке это значило:

— Нечего церемониться! Все съедят!

«Мода» была посрамлена.

Придерживали конечно не только бракованную обувь. Притом проделывалось это не столь грубо и кустарно, как работали какие-нибудь «Быстроход» или «Альфа», но под неким приличествующим духу времени соусом.

Время от времени в витринах скороходовских магазинов появлялись многокрасочные объявления:

«Товарищество доводит до сведения уважаемых гг. покупателей, что фабрика занята главным образом производством сапог для армии. Вследствие этих причин магазины товарищества лишены возможности удовлетворять в полной мере требования гг. покупателей».

Патриотическая фразеология вывозила.

В 1915 г. было продано по повышенным ценам 300 тысяч пар, оставшихся на складе с 1914 г.

В 1916 г. — 400 тысяч пар.

Это был верный доход, которым также не склонны были брезговать хозяева «Скорохода».

Очереди за обувью росли. «Уважаемые покупатели» ругались, но в очередях стояли. Газеты стали жаловаться на спекуляции товарищества, об этом же заговорили и некоторые чиновники, но хозяев «Скорохода» это не беспокоило.

Они «посильно служили нуждам родины».

В мае 1915 г. происходил съезд кожевенных заводчиков и фабрикантов. Среди одутловатых подбородков и лоснящихся лысин мелькали и лица хозяев «Скорохода». Они невозмутимо слушали речи главного интенданта.

Генерал сверкал золотым шитьем погон и говорил:

— Я был бы очень огорчен,— генерал сделал огорченное лицо,— если бы около казенных заказов разгорелись страсти и аппетиты.

Генерал брезгливо пожевал бесцветными старческими губами.

— Предупреждаю,— строго закончил генерал,— что всякий из вас, кто будет заниматься спекуляциями, подвергнется каре.

Хозяева «Скорохода» сидели с патриотическими лицами. Это их не касалось.

В сферах их знали. «Их превосходительства», «высокопревосходительства», «сиятельства» и «высочества» давно уже были поставлены в известность о полезной деятельности хозяев «Скорохода». Их превосходительства и прочие «искренно благодарили», «выражали признательность за столь ценное содействие в деле снабжения армий» и «надеялись, что товарищество и впредь приложит все усилия к изготовлению сапог, столь нужных для доблестных защитников родины».

О рабочих конечно не упоминалось. Но рабочие «Скорохода» научились уже «напоминать» о своем существовании и делали это в мало приятной для хозяев форме. «Напомнили» о себе рабочие и в тот час, когда хозяева собрались ехать на поклон к самому царю.

— Кто его знает, главного интенданта! И в самом деле свинью подложит!— думали хозяева.

Надо было заручиться на всякий случай высоким покровительством.

Куда следует сообщили:

— Жаждем представиться по случаю изготовления в апреле 1916 г. 2 миллионов пар солдатской обуви.

Получив разрешение, забеспокоились.

— Что поднести царю?

— Поднесем сапоги,— нашелся кто-то.

Снова начались таинственные переговоры с надлежащими инстанциями. Надо было выяснить номер царской ноги.

И у царя был номер — это знали расчетливые хозяева.

Через подлежащие инстанции номер наконец к вящему удовлетворению хозяев был установлен.

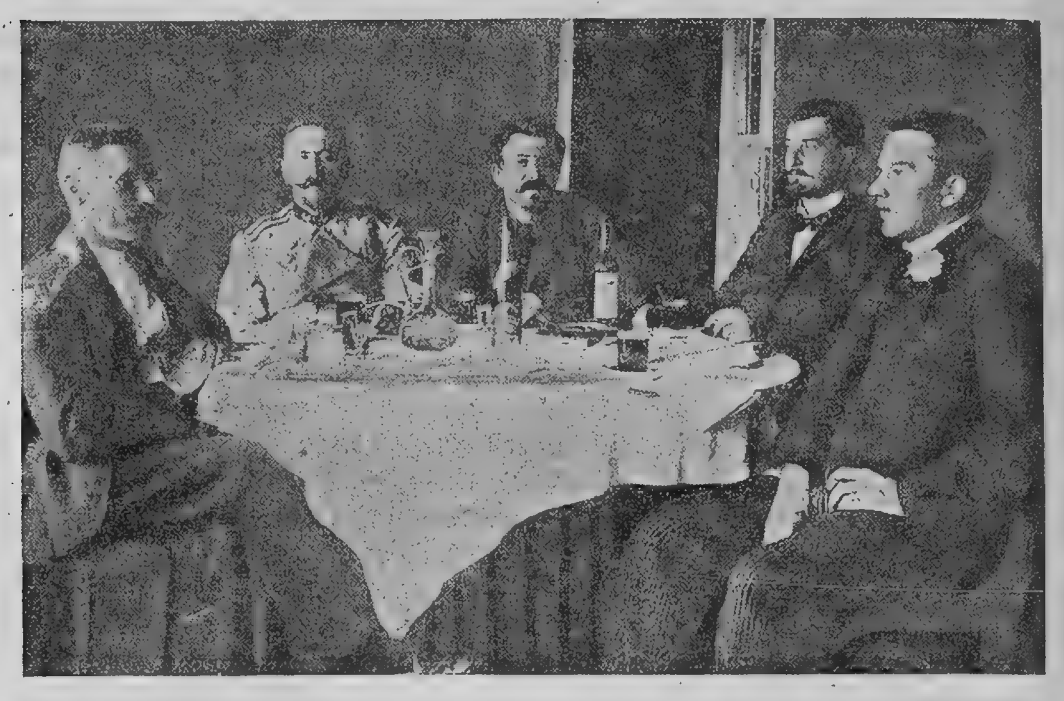
Стали шить сапоги. Шили сапоги в глубокой тайне. Но с сапогами вышла некоторая история.

Особо добротный кусок кожи поручили отделать рабочему Ефиму Яковлеву.

— Смотри, получше отделай,— пояснил с самой недвусмысленной интонацией мастер кожзавода Болтовский.

Ничего не подозревавший Ефим стал отделывать кожу. А пока он работал, по заводу пошел слух:

— Уж больно хорош товар. Видно самому царю сапоги!

«Встреча» хозяев «Скорохода» с интендантскими чинами. Сидят справа налево: бухгалтер Трибзес, пом. заведующего кож. заводом, он же интендантский контролер Р. Штейнбель, представитель интендантства и мастер Томашевский

Ефим осведомился у мастера. Болтовский, бывший как всегда навеселе, отвечал весело и нецензурно.

Яковлев благополучно доделал кожу. Из кожи выкроили крюки и повесили сушить. Это было вечером. А наутро крюки исчезли.

Болтовский ходил по заводу и ругался. Срок аудиенции был близок, а сапог еще не было.

Отделали новый кусок кожи. Благополучно выкроили новые крюки, обтянули головки.

Болтовский бережно спрятал головки в шкаф. Наутро шкаф оказался взломанным.

Это был стихийный, но упорный протест рабочих.

— Опять уперли! — возопил Болтовский и бросился к Гартвигу.

Виновников не нашли. До аудиенции оставалось несколько дней. Встревоженный Гартвиг сам вмешался в дело. Он поутру относил кожу одному из рабочих и «задавал» урок.

— Сделать это в два часа!

Спустя два часа Гартвиг приходил и передавал другому рабочему делать крюки... Вечером Гартвиг уносил заготовку домой.

Так прошли все операции. Наконец сапоги были готовы — две пары для царя и две пары наследнику. Сапоги конечно весьма отдаленно напоминали собой обычную солдатскую продукцию товарищества.

Оставалось создать трогательную картину единения предпринимателей и рабочих товарищества «Скороход», «припадающих» к сапогам его величества.

— Сапоги — сапогами, а икона — иконой,— решили хозяева.— Мы сапоги, а они икону. Приятное сочетаем с полезным.

На помощь призвали группу черносотенно настроенных рабочих. Сколотили комиссию для поднесения подарка его величеству. Но дальше покупки иконы святителя Николая, мирликийского чудотворца, дело не пошло. Рабочие в комиссию не шли.

Пришлось вмешаться начальству.

Гартвиг пересмотрел списки более или менее надежных рабочих.

Он таинственно отзывал намеченную жертву в сторону и говорил тоном, не допускающим возражения:

— Клементьев, ты поедешь к царю!

Клементьев начинал отнекиваться.

— Да знаете, Александр Карлович, лучше пускай кто-нибудь другой поедет. У меня семья, дети...

Гартвиг обрывал:

— Экой ты! Тебе честь делают. Приготовься. Или... расчет.

Перечить было трудно. Впрочем полиция смотрела на все это дело подозрительно: из 18 человек делегации отвели восьмерых.

21 апреля делегация отправилась в Царское Село. От администрации ехал Гартвиг, «от рабочих товарищества — добровольцы-черносотенцы: Галкин, Богурский, Василий Гилах, близкая к хозяевам работница Митченко и назначенные администрацией рабочие Клементьев, Петров, Тимофеев и Трофимов.

«Депутацию» провели в особый зал. Церемониймейстер приказал поставить футляры с сапогами и икону на особые столики. Все сделали торжественные лица.

Вышел царь с наследником и свитой.

Гартвиг, давно ожидавший случая блеснуть красноречием, шаркнул ножкой.

Он заговорил о «чувствах верноподданнической преданности», о «посильном участии» и «радостном сознании», о «молениях, которые возносит товарищество к всевышнему» и т. д.

Это была ханжески-деловая речь во вкусе царя.

Затем выступил вспотевший от испуга Богурский. Он две ночи сряду зубрил составленную для него речь и всем своим видом напоминал усердного гимназиста, произносившего стихи перед начальством.

— Ваше и-императорское величество! — гаркнул он.— Мы, выборные от рабочих, дерзаем повергнуть к стопам вашего

величества свои верноподданнические чувства и слезно,—Богурский пустил для убедительности слезу,—и слезно молим святителя-чудотворца Николая, чтобы он помог победить коварного и дерзкого врага.

Царь уставился на подарки. На одном столике стояла икона, на другом сапоги. Это были привычные вещи в его домашнем хозяйстве. Царь переводил взгляд с новеньких аппетитных сапог на икону. Умиление и удовольствие попеременно выражали его глаза.

— Освящена? — буркнул царь и облобызал икону.— Надо перевезти в ставку,— деловито прибавил он. Потом царь взял сапоги, хозяйственно щелкнул пальцами по подошве и, убедившись в добротности, милостиво сказал:

— Передайте благодарность всем труженикам товарищества.

Аудиенция кончилась. Сапоги унесли в кладовые. Депутация отправилась вспять.

На лице Гартвига блуждала хитрая улыбка.

Теперь-то скороходовские заправилы могли, не опасаясь возможных неприятностей господина главного интенданта, дать еще больше простора всяческим спекулянтским проделкам с обувью, мародерскому ограблению трудящихся.

Такова действительная цена их посильного «служения родине».

В. Меллер

НА ПУТЯХ К ОКТЯБРЮ

Из главы «От Февраля к Октябрю» первого тома истории завода «Серп и молот» (б. «Гужон»)

ПРОТИВ ЗАЩИТНИКОВ ГУЖОНОВСКИХ ПОРЯДКОВ

Администрация завода вела себя вызывающе. Господа заведующие фасонно-литейного и болтового цехов — Маттис и Дервье — довели до того, что рабочие потребовали их удаления.

5 июня (23 мая) в фасонно-литейном собрались рабочие цеха. Председательствовал рабочий Седов, эсер, явился исполняющий должность директора завода К. Трубин.

«Я просил рабочих,— писал Трубин фабричному инспектору,— не прибегать к незаконным способам решения недоразумений — самосуду, а передать эти вопросы на разрешение заводской конфликтной комиссии или Центральной примирительной камеры».

В очень настоятельной форме поддержал это предложение Седов.

Рабочие резко выступили против этих ораторов. В присутствии Трубина решение об удалении Маттиса было подтверждено общим голосованием. На следующий день в болтовом цехе рабочие потребовали удалить с завода Дервье.

К этим требованиям присоединились все рабочие. На общем собрании было предъявлено категорическое требование об удалении и заведующего проходной, паспортиста-охранника Федорова. Директор завода Арандаренко вызвал представителей заводского комитета, призывал их «к легальным способам решения вопроса», доказывал, что «отнюдь не может быть допущено, чтобы рабочие по собственному усмотрению отстраняли служебный персонал», что это не соответствует «предначертаниям Временного правительства для подобных случаев».

Но заводской комитет признался, что он вынужден был санкционировать решения собрания и «не может гарантировать, что со стороны рабочих не будет произведено никакого насилия».

Требование рабочих об удалении Маттиса и Дервье разбиралось в тот же день на заводском совещании.

Арандаренко докладывал:

«Никакие уговоры рабочих администрацией... успеха не имели... В случае удаления согласно требованиям рабочих кого-либо из мастеров, заведующих цехами, весь состав инженеров, состоящий на заводе, тоже уйдет».

Заводское совещание решило передать это дело Центральной примирительной камере. Арандаренко горячился, доказывал незаконность, бесполезность этого решения, так как Центральная камера — заявлял он — все равно вернет дело в местную примирительную камеру, где должны предварительно разбираться такие вопросы.

Настроение на заводе было настолько напряженным, что заводское совещание не решилось требовать у рабочих последовательного прохождения всех инстанций. Совещание постановило:

«Не предрешая вопроса о правильности требования рабочих об удалении гг. Маттиса и Дервье с завода, предложить администрации завода впредь до решения дела в примирительной камере, в целях предотвращения нежелательных эксцессов со стороны части неорганизованных рабочих, временно освободить от исполнения обязанностей гг. Маттиса и Дервье».

Заводское совещание, предложив рабочим ждать «законного» разрешения дела, ставило перед Центральной примирительной камерой вопрос о необходимости «рассмотреть» экономические требования рабочих и требования об удалении мастеров, так как «эти вопросы, как крайне обострившиеся, могут расстроить работу завода на оборону».

Правление же, обсудив предложение совещания, решило: «Даже временное устранение служащих... недопустимо... оно несомненно будет принято рабочими как преклонение перед их произвольным поступком» и т. д.

В тот же вечер заседал и комитет служащих завода. Утром 7 июня (25 мая) общее собрание служащих подтвердило решения комитета: «Войти в немедленные переговоры с комитетом рабочих депутатов с целью склонить рабочих отказаться от принятого решения».

По заводу были вывешены большие объявления, подписанные Арандаренко, в которых сообщались решения заводского совещания и подробно «разъяснялось»: «если рабочие имеют какие-либо претензии к кому-либо из служащих, об этом должно быть доведено до сведения директора завода» («забыли» на этот раз, что директор о требованиях рабочих знал, что господин Трубин был сам на собраниях и при содействии эсеров тщетно уговаривал рабочих); «пре-

тензии эти затем должны быть рассмотрены в конфликтной комиссии служащих, рабочих, наконец в Центральной примирительной камере». Дальше шло довольно недвусмысленное предупреждение:

«Если же служащим завода со стороны рабочих будет грозить насилие, то правление не видит возможности продолжения работ завода, ибо оно не считает себя вправе подвергать служащих оскорблениям».

Переговоры служащих с рабочими конечно ни к чему не привели. Рабочие категорически настаивали на своих требованиях, а служащие предлагали рабочим целиком и полностью от них отказаться.

Вечером снова собрались служащие. На собрании присутствовал и тов. Топтов, большевик, мастер-лудильщик. Вместе с ним пришел Кузьмин — весовщик.

«Кто-то ясно сказал собравшимся,— вспоминает тов. Топтов,— администрации выгодна эта забастовка, так как она стремится к закрытию завода. Вы можете сколько угодно бастовать, а жалованье все-таки получите.

Председатель сделал предупреждение:

— Имейте в виду — не все служащие с нами, среди них есть и провокаторы.

При этом были названы я и Кузьмин.

Потребовав слова, я начал было говорить, но был освистан и лишен слова. Мне и Кузьмину пришлось покинуть собрание».

Служащие постановили не уступать рабочим, отказались работать на заводе, другими словами, применили обычный уже в то время метод буржуазной интеллигенции — саботаж. Администрация прибегла к испытанному средству — локауту.

Сейчас же после постановления общего собрания служащих того же 7 июня (25 мая) последовало объявление от имени правления. Писал его сам Арандаренко:

«Ввиду объявления служащими завода (написал было дальше «стачки», зачеркнул, не для своих верных помощников такое слово.— В. М.) прекращения работ из-за создавшегося конфликта между ними и рабочими правление вынуждено закрыть завод впредь до улажения сего конфликта».

ПОД РУКОВОДСТВОМ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ ПРОТИВ САБОТАЖА И ЛОКАУТОВ

Закрыть завод правлению не удалось. Борьба за завод проходила под непосредственным руководством районного комитета большевиков, который посылал на завод агитаторов и пропагандистов, инструктировал заводских большеви-

ков. Заводская ячейка во главе с тт. Ивановым С. С., председателем ячейки Климановым и Тумановым была тем крепким ядром, вокруг которого объединялись все сочувствующие большевикам, масса беспартийных, на фактах убедившихся, что соглашатели целиком и полностью связали себя с буржуазией. Беспартийный еще в то время, рабочий болтового цеха тов. Герасимов вспоминает: «Помаленьку стали мы понимать, кто такие большевики. Эсеры — те красиво говорят, а дела-то не видно было. Большевики прямо к делу звали...» Собрания ячейки, которые бывали обычно в небольшой комнате против проходной, посещались беспартийными сочувствующими. Часто бывали на этих собраниях товарищи из райкома: Землячка, М. Воронин, Прямиков и др.

На районных собраниях, которые происходили в школе на Пустой улице (ныне Марксистская), «в мае подняли со всей остротой вопрос о необходимости и возможности борьбы с засилием эсеров», вспоминает тов. Туманов.

В районе взялись за разрешение текущих вопросов на заводе. Ежедневно почти ходили в райком заводские большевики, подробно обо всем информировались, получали разъяснения, инструкции.

«Тов. Землячка,— рассказывает тов. Туманов,— настойчиво требовала:

— Нужно, чтобы на заводе чувствовалась большевистская рука. Пора, чтобы в заводском комитете мы по-настоящему заработали».

И с упорством большевики доказывали рабочим:

— Мы справимся с работой и без служащих, падать духом не следует,— убеждал тов. Топтов рабочих своего цеха.

Большевиков слушали внимательно, соглашались, одобряли.

На общем собрании, созванном заводским комитетом 7 июня (25 мая), рабочие решительно высказались против уступок правлению, против соглашения с администрацией и оттяжек.

Решено было продолжать работать и без служащих, работать без перебоев, завода не закрывать.

«Заводскому комитету было вменено в обязанность,— вспоминает В. И. Лебедев,— быть на своих местах». «Страшновато было за ответственность», признается он далее. Но заводской комитет должен был подчиниться. В ответ на саботаж служащих, на локаут правления рабочие захватили, правда, ненадолго, все управление заводом в свои руки.

Этого не ожидали ни правление, ни эсеровский заводской комитет, ни соглашательские советы.

Общий вид завода бывш. «Гужон» в 1917 г.

Правление с возмущением запрашивало Временное правительство, городского комиссара, прокурора: «Имеется ли в настоящее время возможность ограждать законные права владельцев? К кому из правительственных властей следует обратиться с этой целью?»

Представители заводского комитета помчались в районный совет. Соглашатели в районном совете, как и следовало ожидать, дали им решительный отпор за уступки рабочим.

— Как вы осмелились это сделать? Как вы взяли на себя такую ответственность?

Обескураженные вернулись завкомовцы. На заводе рабочие выполняли работу с особым напряжением, с полным сознанием взятой на себя ответственности за производство. Решения, принятые на общем собрании, пролетарии завода твердо проводили в жизнь. Был организован прием материалов, запрещено вывозить с завода какую-либо продукцию и т. д.

Утром 8 июня (26 мая) на завод приехали представители Центральной примирительной камеры—Бари и Гутцайт и представители Московского совета — Розенблюм, Кочергин и Орлов. Они предлагали рабочим подчиниться решениям заводского совещания, так как «закрытие завода,—говорили они,— принесет крайний вред делу обороны страны».

Лебедев утром же поехал в Московский совет. Там так же, как и в районном, раздраженно спрашивали:

— Как вы до этого допустили?!

Беспомощно оправдывался Лебедев: «Не от нас ведь это зависит.

В постановлении от 8 июня (26 мая) президиум Московского совета признал необходимым: «Передать конфликт на рассмотрение союза металлистов», «поручить представителям Исполнительного комитета вместе с представителями от заводского совещания принять решительные меры к восстановлению нормальной работы на заводе», разработать вопрос «о комиссаре на заводе». Завод «Гужон» не был исключением — по всем заводам шла борьба, везде требовали проведения тарифа, минимума, удаления нежелательных служащих, закоренелых защитников старых порядков на заводах. Президиум совета, разбирая вопрос о заводе «Гужон», постановил: «В широком масштабе рассмотреть вопрос о конфликтах вообще...»

От фракции большевиков поехал на завод член Моссовета А. И. Рыков. На общем собрании рабочих и служащих тов. Рыков заявил, что было время, когда рабочих за забастовки ссылки, теперь к служащим-саботажникам рабочие могут применить самые решительные меры.

Маттиса, Дервье и Федорова с завода временно устранили. Служащие один за другим приступали к работам, на следующий день на работу стали все.

ОБОСТРЕНИЕ БОРЬБЫ ЗА ТАРИФ

На опыте борьбы против администрации и двухдневного управления самих рабочих заводом крепла уверенность рабочих в успехе своего дела. Заставить рабочих работать на прежних условиях уже нельзя было. Однако собравшаяся 11 июня (29 мая) Центральная примирительная камера снова стала на путь оттяжек, предложив передать рассмотрение новых тарифных ставок и вопрос об удалении заведующих в третейский суд.

Рабочим нечего было ждать этих бесполезных решений. На общем собрании рабочих 15 (2) июня многие уже определенно заговорили о необходимости взять снова завод в свои руки. На собрание приехал председатель уполномоченного по распределению металлов прапорщик Коликов. Говорил, убеждал, просил рабочих подождать решений правительственных учреждений и не прибегать к незаконному захвату завода; обещал, что через 3 дня все будет улажено.

На следующий день вопрос о заводе «Гужон» снова обсуждался на заводском совещании. Арандаренко вел прежнюю линию, говорил «о невозможности продолжения дела на заводе вследствие малой продуктивности работ, повышения цен на материалы производства, преувеличенных требований рабочих». «Средств у завода нехватает,— заверял Арандаренко. — Крах завода — налицо!» Свой доклад Арандаренко закончил категорическим предложением: «Выход один — взятие завода в казенное управление».

Это было уже слишком даже для совещания. Выступавшие указывали, что капитала у завода хватит, прибыли прошлого года были очень велики, что это «дезертирство», что наконец «в данном случае мы имеем дело с организованным движением промышленников», которые или угрожают локаутом или предлагают передать предприятия правительству.

Арандаренко истерически воскликал:

«В третий раз слышу в заводском совещании обвинение в «локауте», «дезертирстве». Промышленники не о двух головах, и они отлично сознают, что в случае выбрасывания рабочих на улицу они не могут оставаться спокойными. Рушатся основы частной промышленности!»

В конце концов после длительных прений решили: 1) организовать третейский суд из представителей заводоуправления и заводского комитета и в суперарбитры избрать инженеров Гущина, Гуревича и Шура; 2) для обследования финансов предприятия организовать комиссию из профессора Чарновского, полковника Ф. П. Маргушина, С. Е. Вейцмана, Велиховского и Гопиуса; 3) предложить правлению уплатить рабочим «в виде аванса» в первый же платеж, не дожидаясь решения третейского суда, за две недели, исходя из требований рабочих; если третейский суд решит, что требования рабочих преувеличены, в дальнейшем погасить выданный аванс; 4) оказать всемерное содействие в получении ссуды от правительства и в повышении расценок на заказы.

Правление было возмущено и этими соглашательскими решениями, целиком шедшими навстречу интересам предпринимателей. В третейском суде — «ни одного представителя от предпринимателей», жаловались они правительству 22 (9) июня. «Такое деликатное (еще бы! — В. М.) и важное дело, как рассмотрение экономического положения завода с правом рассматривать все его торговые книги, поручено комиссии, в состав которой вошли и лица, вполне безответственные перед кем бы то ни было». И дальше шли упреки, просьбы, требования: «Если правительство не имеет власти и силы, чтобы ограждать права мирных граждан и заставить уважать неотмененные законы, их защищающие (т. е. царские! — В. М.), оно все же обязано категорически заявить свое отношение к институту частной промышленности. Если правительство не в силах гарантировать владельцам промышленных предприятий самых элементарных правовых норм, то оно должно открыто снять наложенные на них обязательства и избавить их от вмешательства безответственных как правительственных, так и общественных элементов». Заканчивалась эта записка обвинениями заводского совещания в недопустимых, неза-

конных решениях, в проведении даже «скрытой экспроприации» завода «в пользу рабочих». Правление требовало от правительства принять меры для ограждения «возможности существования в России частной промышленности».

НАСТУПЛЕНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ. УЧАСТИЕ РАБОЧИХ ВО ВСЕОБЩЕЙ ЗАБАСТОВКЕ МЕТАЛЛИСТОВ

Во всех конторах заводоуправления готовились доказать убыточность работы предприятия, чрезмерность требований рабочих.

Под руководством Арандаренко, главного бухгалтера Перепелкина и присяжного поверенного Гутцайта лихорадочно подсчитывали на счетах конторщики, бухгалтера спешно «сводили балансы», чтобы показать большой перерасход, задолженность завода ряду учреждений, невозможность выполнения заказов, несостоятельность требований рабочих.

19 (6) июня Арандаренко на основании всей этой сложной работы составил докладную записку правлению «о заработной плате и заработке рабочих». В ней он нагло утверждал, что «рабочие совершенно сознательно уменьшают свою производительность», отказ рабочих от сверхурочных работ цинично объяснял «нежеланием» рабочих «поднять свой заработок, в то время как их требования об увеличении заработной платы проходят инстанции всяких примирительных камер». Подтасованными цифрами он доказывал: «заработок рабочих возрастал параллельно росту выручки завода», рабочие могли бы заработать много больше, но сознательным «уменьшением своего заработка они стремятся подкрепить свои уверения, что они теперь умирают от голода» и требуют «денег, денег, без малейшего проявления желания выполнять какие-либо обязанности, т. е. работать».

Арандаренко доказывал, что администрация не может выполнять своих обязанностей. «В настоящее время,— писал он,— весь персонал администрации занят не надзором за ходом производства и улучшением его, а заботой о сохранении завода, хотя бы видимости организованности производства и некоторой дисциплины».

Основные выводы доклада: «Московский металлический завод, как впрочем и все заводы Москвы и всей страны, переживает период полной дезорганизации производства». Виноваты в этом революционные работники, которые «народу очень много говорили, что его эксплоатируют, говорили о его правах, но никто и никогда не говорил о его обязанностях».

Правление категорически отказывалось ввести новые тарифные ставки. Рабочие упорно отстаивали их, не уступа-

ли. В цехах шли собрания. Большевики ставили прямо вопрос о том, что эсеровский заводской комитет обанкротился, что он ничего не делает, чтобы провести союзные ставки. Начинали со своих агрегатов, цехов. О том, как велась подготовка, тов. Туманов рассказывает:

«Начал я работу со своих гаечников в болтовом цеху. Занялся с утра. Собрал всех, говорю о ставках: — Наш заводской комитет ничего не делает. Тянут все дело эсеры. Они во всем и виноваты.

Собрали мы в тот же день общее собрание болтового цеха, провели решение добиваться новых союзных ставок и заключить договор согласно этим ставкам.

Решили и по другим цехам провести. Для проведения решения выбрали меня и Кормилицына. Организовали мы это дело очень удачно по цехам. Потом в тот же вечер собрали общезаводской митинг, опять говорили про ставки и работу нашего заводского комитета.

Здесь эсеры из заводского комитета стали выступать. Особенно старался Лебедев.

— Дело о ставках находится в конфликтной комиссии,— говорил Лебедев.— Арандаренко отказался платить, так как в заводоуправлении денег нет.

Я здесь резко против них выступал. Напрямик против них говорил:

— Сволочи, ничего не делаете! Надо проверить и дела заводоуправления и дела заводского комитета,— доказывал я.

Тут же выразили нам на общем собрании полное доверие. Выбрали от всего собрания меня и Кормилицына проверить все дело».

Большевики, которые раньше имели значение в отдельных цехах, теперь уже начали играть большую роль на всем заводе.

Все больше возрастало недовольство эсеровским заводским комитетом. У рабочих ясно назревало желание снова взять завод в свои руки. Ю. П. Гужон, регулярно получавший от правления сообщения о событиях на заводе, сейчас же по телефону сообщил комиссару г. Москвы Кишкину, что «рабочие Московского металлического завода 5 июня... захватили самовольно завод в свои руки и, устранив нежелательных им лиц из заводоуправления, продолжают эксплоатацию завода». Был ли этот захват завода действительно произведен, выяснить не удалось. Очень вероятно, что правление, напуганное все нарастающим возмущением рабочих, помнившее опыт недавнего прошлого, приняло возможность за действительность. Заводское правление вынуждено было уступить и выдать рабочим авансы по новым ставкам.

20 (7) июня между правлением и заводским комитетом было подписано соглашение, по которому обе стороны обязались подчиниться решению третейского суда, назначенного заводским совещанием. От правления подписал это обязательство Арандаренко. Но и здесь он не обошелся без оговорочек о незаконности всего происходящего — договоров, судов и т. д. «Оставаясь при особом мнении, что заводское совещание третейского суда не образовало, а выделило из своей среды комиссию,— писал Арандаренко,— я от имени правления товарищества Московского металлического завода заявляю, что решению этой комиссии подчинится правление товарищества завода». От заводского комитета в качестве «представителя от рабочих» подписал Арапов: «Решению сего третейского суда беспрекословно подчиняюсь». Очевидно обязательства одного представителя от рабочих было мало Арандаренко. И в конце взаимного соглашения появилась приписка за подписью всех трех членов заводского комитета: «Настоящую подписку даем от имени всех рабочих завода». О состоявшемся соглашении было сообщено комиссару г. Москвы и заводскому совещанию.

Третейский суд на заводе приступил к работе. Спорили из-за каждого пункта и требования рабочих. 25 (12) июня состоялось заседание суда под председательством С. Г. Гуревича. От заводского комитета присутствовали те же, вместо Арандаренко от правления был К. Г. Трубин. В конце концов третейский суд признал требования рабочих о расценках правильными.

Эти расценки заводской комитет тщательно разработал на основании собранных по цехам данных, руководствуясь тарифом профессионального союза и работая под непосредственным контролем избранных общим собранием рабочих большевиков. Основное внимание было обращено на оплату чернорабочих. Они по новым расценкам должны были получать от 5 до 7 руб. в день. По 5 руб. получали только рабочие по очистке и уборке мастерских, вновь поступившие рабочие и не определившиеся к категориям. Чернорабочие при очистке изложниц, обжигальщики на вагранке, шлаковщики, истопники — в мартеновском отделении, сортировщики железа от стана № 3, рабочие при правке углового железа от стана № 4, по обточке и резке спиц и обрезке заусенцев — в прокатном и т. д.— по 7 руб., «как требующие особого труда и некоторой приспособленности». Остальные по 6 руб. Рабочие высшей категории оплачивались по 12 руб. в день, ученики — от 3 до 4 руб.

«Установленные расценки входят в силу,— записано в протоколе суда,—считая со дня предъявления требования, а именно с 24 апреля 1917 г.». Здесь же указывалось, что прибавки «на дороговизну» с введением новых тарифных

ставок отменялись, оставлялись пособия на жену — 20 коп. в день и на ребенка до 15 лет — 12 коп. Далее устанавливались нормы оплаты за простой. Простои «не по вине рабочего» оплачиваются «в полном размере цеховой оплаты», решил суд. По официальным объяснениям правления причиной простоев обычно было «отсутствие топлива, материалов» и т. д. За эти простои, а также вследствие «других не зависящих от заводоуправления причин» рабочим должны были уплачивать «в половинном размере цеховой платы».

Наконец было постановлено: «Заявить сторонам о желательности установления нормальной минимальной производительности в соответствии с вышеуказанной цеховой платой».

В это время в заводской комитет подавали все больше заявлений о необходимости урегулировать сроки выдачи зарплаты, улучшить условия труда на заводе и т. д. 2 июля (19 июня) эти требования рабочих — и общезаводские и цеховые—в сводном виде от имени заводского комитета были предъявлены администрации. Важнейшими общезаводскими требованиями были: «постоянное помещение для комитета рабочих, а также для заводских собраний, лекций и т. п. культурно-просветительных целей», «ввести регулярный платеж заработка рабочим»—не позднее 20 числа уплачивать аванс за текущий месяц и не позднее 8 числа следующего месяца полный расчет; выдавать больничную плату «со дня заболевания рабочего из расчета средней заработной платы полностью», освобождать от работ женщин на 2 недели до родов и на 4 недели после родов; при рождении выдавать пособие на ребенка в 25 руб.; предоставлять рабочим, проработавшим на заводе не менее года, двухнедельный отпуск и месячный—рабочим с двухгодичным и большим производственным стажем; при остановке работы на заводе из-за недостатка материалов выдавать половину минимальной зарплаты (этот пункт настойчиво повторяется в требованиях рабочих, которые все время находились под угрозой локаута); наконец ряд требований был об организации столовых и теплых помещений при цехах, об устройстве шкафов для одежды, проведении горячей воды в цехах, постройке уборных. По отдельным цехам требовали устройства вентиляции, отепления, выдачи прозодежды.

Правление завода перешло в решительное наступление. За подписью членов правления Гужона, Арандаренко и Н. И. Гучкова 3 июля (20 июня) была подана докладная записка правительству. Возмущению и раздражению предпринимателей не было границ. «Работающая на заводе комиссия заводского совещания вносит полную дезорганизацию в работы завода», «правительство

вмешивается через образованные им учреждения в административную, хозяйственную и экономическую стороны завода... допускает и попустительствует подрыву основ, без которых существование частной промышленности невозможно... берет на себя ответственность за ту погромную пропаганду против частных предпринимателей, которая открыто ведется даже в таких правительственных учреждениях, как заводское совещание» и т. д. И в заключение все те же выводы — «при невозможности принять ответственность» за работу предприятия правление настаивает «на необходимости закрытия завода».

В своих докладных записках заводскому совещанию и особому совещанию по обороне правление не забыло конечно заявить о своей преданности государству, новому строю и дать с этой точки зрения «теоретическое обоснование» своей политике. «Принципиально» отвергая возможность и необходимость ввести минимум, предприниматели нравоучительным тоном доказывали, что осуществление этого требования рабочих «будет с точки зрения всякой здоровой теории актом антигосударственным и антидемократическим, ибо создает привилегированный класс людей, которому обеспечиваются средства существования за счет других классов населения».

Как похожи эти рассуждения промышленников на мысли, высказанные, вернее повторенные, их подголосками — соглашателями на всероссийской конференции меньшевиков об «изоляции рабочего класса путем противопоставления его классовых интересов общенародному делу», их предостережения рабочим, глубокомысленные поучения и советы воздержаться «от роковой политической ошибки» и не злоупотреблять «политическим влиянием момента в виде попытки диктовать свои условия».

Гужон и Арандаренко пытались убедить совещание, что рабочие и при повышении заработной платы, при удовлетворении все возрастающих их требований работать все равно будут плохо, что «увеличения производительности рабочих ожидать никоим образом нельзя». «Совершенно прочно установлено,— авторитетным тоном заявляли они,— что при известном культурном уровне возможность увеличения заработка дальше известного предела отнюдь не служит побуждением к увеличению производительности труда». Положение на заводе совершенно безнадежно, заверяли они, нет ни сырья, ни топлива, ни средств. А раз закрыть завод нельзя и все доводы администрации считаются необоснованными, раз даже правительственные учреждения верят больше рабочим и всяким демократическим организациям — пусть правительство само и работает на заводе. Правление ехидно предлагало правительству

«принять в свое управление завод и показать, как можно выпутаться из созданной его органами путаницы».

Профессора и инженеры на заседании заводского совещания (оно состояло главным образом из правительственных чиновников, заводчиков и фабрикантов, нескольких членов совета и представителей профсоюзов) в своих выступлениях подчеркивали необходимость, обязанность заводского совещания «немедленно привлечь внимание правительственной власти к положению завода».

«Только высшая правительственная власть, — заключали они,— компетентна в выборе мер для выхода из такого положения».

Большинство же считало такой «решительный» шаг еще преждевременным, признавало «невозможным обсуждать» заявления правления и выступавших инженеров «до представления доклада комиссии заводского совещания» и постановило «о положении на заводе уведомить бюро Комитета снабжения».

Борьба за тариф, за нормальные условия труда, за минимум велась на всех заводах. Профессиональный союз металлистов с трудом удерживал рабочих от разрозненных выступлений. Назревала всеобщая забастовка металлистов.

Делегатское собрание металлистов еще 27 (14) мая в своей резолюции четко определило характер борьбы за минимум: «Вопрос о минимуме заработной платы есть один из вопросов открытой социальной борьбы,— говорилось в резолюции. — Вместе с пролетариатом всех профессий всей России и всего мира мы пойдем дальше по пути разрушения капиталистического строя к нашей конечной цели — к социализму».

Промышленники под разными предлогами откладывали решение вопроса о минимуме до «второго пришествия». На заседаниях Центральной примирительной камеры Арандаренко от имени всех промышленников предлагал «сократить аппетиты» рабочих. «Если курицу, несущую яйца, зарезать, — образно предостерегал он, — то она совсем перестанет нестись». Указания представителей союза, что промышленники получают до 300% прибыли, что рабочие с ростом дороговизны обречены на голодное существование, ни к чему не приводили. Промышленники пачками рассчитывали наиболее сознательных и активных рабочих, жаловались во все инстанции на «чрезмерные требования» рабочих, на невозможность работать, получали ссуды от правительства и продолжали дезорганизовывать производство и делать все для того, чтобы заводы закрыть.

«Когда... фабриканты убедились,— писал Ленин,— что им на фабриках не остаться, они портили производство», вся деятельность предпринимателей была направлена «к унич-

тожению русской промышленности, лишь бы не отдавать ее в руки рабочих...»[1] Так, из московских предпринимателей одновременно с Гужоном пытались закрыть ряд металлообрабатывающих предприятий владельцы заводов Бари, Бромлей, «Динамо» и др.

Представители правления союза металлистов в июне в течение ряда дней настаивали на немедленном разрешении вопроса о минимуме, сдерживали рабочих от разрозненных выступлений, наконец организовали стачечный комитет и 4 июля (21 июня) предупредили промышленников: «Ответ должен быть получен в центральном правлении союза не позже 9 час. вечера 24 сего месяца... в случае неполучения удовлетворительного ответа к означенному сроку союз металлистов объявит забастовку на всех предприятиях г. Москвы и окрестностей с понедельника 26 сего месяца».

Все переговоры, запросы правления, ответы промышленников тотчас сообщались в районы, на предприятия, опубликовывались в печати. Правление союза металлистов заявляло всем рабочим:

«Если мы известим вас, что стачка стала неизбежной, мы призываем вас всех встать как один на защиту своих интересов».

Организованно выжидали рабочие решения союза металлистов.

В районных отделениях союза выносились большевистские решения, за выполнение которых по первому призыву готовы были бороться все рабочие. Делегатское районное собрание, созванное Рогожским отделением союза, 5 июля вынесло следующую резолюцию:

«Мы требуем немедленного утверждения минимума заработной платы, выработанного профессиональным союзом металлистов, требуем утверждения твердых цен на предметы первой необходимости и установления рабочего контроля над производством. Мы присоединяемся к призыву центрального правления союза металлистов и по первому его зову встанем как один на защиту своих требований».

Рабочие-металлисты готовились к всеобщей забастовке, к решительной борьбе. Промышленникам удалось затянуть переговоры еще на несколько дней.

Но это были решающие дни. Июльские события в Питере — демонстрация сотен тысяч рабочих и матросов под лозунгом «Вся власть советам», расстрел демонстрации и дальнейшие репрессии — все это вызвало самое напряженное настроение в стране (в том числе и в Москве). В ответ

[1] Ленин, Собр. соч., т. XXV, стр. 157.

на репрессии и преследования рабочие организовали демонстрации протеста, в ответ на разгром партийных и профессиональных организаций рабочие шли в партию, укрепляли работу своих союзов. Организованное наступление буржуазии вызвало волну массовых стачек под руководством большевистских профессиональных союзов.

16 (3) июля общегородское делегатское собрание союза металлистов заявило, что «с вопросом о минимуме более ждать невозможно. Все мирные пути исчерпаны». Постановление собрания ждать ответа от промышленников еще два дня не было осуществлено. На ряде заводов забастовка началась 18 (5) июля. 19 (6) июля стачечный комитет союза металлистов призвал «всех товарищей металлистов встать на защиту своих интересов». «Сегодня, 6 июля, в 8 час. 30 мин. утра, — заявлял комитет, — на всех заводах металлообрабатывающей промышленности объявляется всеобщая забастовка».

18(5) и 19(6) бастовали десятки тысяч рабочих, по данным «Московского металлиста» — 80—85 тыс. В числе бастовавших были и рабочие завода «Гужон» несмотря на отчаянную борьбу против забастовки со стороны эсеров, доказывавших с пеной у рта: «забастовка будет вредна, бесполезна», «нехорошо во время революции делать забастовку», «рабочие не подготовлены к дружному выступлению» и т. д.

20(7) июля газета «Социал-демократ» в статье «Общая стачка московских металлистов» писала: Профессиональный союз металлистов принял все меры, «чтобы разрешить вопросы экономической борьбы мирным путем... Теперь вся ответственность пусть падает на боевую организацию предпринимателей Московского промышленного района, одним из вождей которых был все время директор завода «Гужон» Арандаренко».

Всеобщая забастовка заставила Московский совет поставить наконец вопрос о минимуме на своем заседании. Третейский суд вынужден был ускорить свои решения и признать в основном правильность новых тарифных ставок. Предприниматели далеко не сразу подчинились решению суда, оттягивали введение тарифа. Совет отдела Общества заводчиков и фабрикантов Московского района категорически предлагал всем промышленникам не платить рабочим за отпуск, настаивал, что «ни день 6 июля, ни последующие дни забастовки ни в коем случае оплате со стороны предприятия не подлежат, даже если бы рабочие начали из-за этого вновь забастовку». Но на ряде заводов, на Московском металлическом заводе в частности, за день этой забастовки было уплочено полностью.

Последние полмесяца рабочие «Гужона» вели особо напряженную борьбу не только за тариф, за минимум, но и за завод. 5 июля (22 июня) правление послало заводскому совещанию письменное сообщение с одобрением всего того, что говорили накануне Гужон и Арандаренко в заводском совещании, подтвердило свою готовность передать завод правительству, милостиво отказываясь даже «от всякой прибыли за текущий операционный год». В объявлении по заводу правление прямо говорило: «Если правительство не примет решения о принятии завода в казенное управление к 1 июля... завод с 1 июля с. г. будет закрыт».

Служащие пока не увольнялись. 10 июля (27 июня) правление им вежливо заявило: «вследствие прекращения действия завода на неопределенное время необходима скорейшая ликвидация всего делопроизводства завода. О времени увольнения служащие будут предупреждены по крайней мере за две недели».

Это была решительная, но и последняя попытка правления закрыть завод. Она дорого обошлась фактическому владельцу завода—Гужону, почетному председателю отдела металлообрабатывающей промышленности Московского общества заводчиков и фабрикантов, задававшему тон в политике общества предпринимателей.

СЕКВЕСТР ЗАВОДА

Эсеровский заводской комитет, который не смог возглавить борьбы за тариф, за конкретные требования рабочих, все больше терял свое значение. «По цехам пошел разговор, — признается Лебедев, — многие были недовольны и желали переизбрания делегатов». Назначены были перевыборы заводского комитета. Тонко, дипломатично вел себя Лебедев. На цеховом и на общем собраниях он отказывался от избрания, ссылался на усталость от чрезмерной нагрузки и только после усиленных просьб рабочих, обработанных эсерами, «согласился» взять на себя трудное дело. Он был избран даже председателем нового заводского комитета. Но наряду со старыми делегатами в состав заводского комитета был введен ряд большевиков, игравших уже большую роль на заводе: тт. Туманов, Дмитриев, Королев и др.

На первом же заседании нового заводского комитета 4 июля (21 июня) были распределены обязанности. Товарищами председателя были избраны Гриднев и Королев, секретарями — Арапов и Кострюков, казначеем — сочувствующий большевикам Герасимов. Большевики, хотя и были еще в меньшинстве, могли уже принимать непосредственное участие в руководящей работе заводского комитета.

Сильнее стала работать и заводская большевистская

ячейка. Несмотря на противодействие эсеров на заводе распространялась большевистская газета «Социал-демократ». При распространении газеты дело доходило до драк, до попыток эсеров в рукопашную расправляться с большевиками, разъяснявшими содержание газет. Но былое могущество эсеров подрывалось все сильнее. На заводе выдвигались новые вожди — большевики. «Действительным вождем масс, даже эсеровских и меньшевистских, становятся большевики» [1]. Эта мысль Ленина нашла свое яркое подтверждение и на заводе «Гужон». Рабочие не только слушали большевиков — за ними шли, им поручали проведение самых ответственных дел на заводе.

Рабочие под руководством заводских большевиков и райкома решили не допускать закрытия завода. На общих собраниях бывало чрезвычайно много рабочих. Здесь все чаще выступали большевики, в том числе тов. Туманов. Он уже бывал как представитель рабочих и на заседаниях заводского совещания, и в совете, и в примирительной камере. На общем собрании рабочих в один голос требовали доклада Туманова. «Сделал я доклад,— вспоминает он,— рассказал про все, как в совете эсеры связываются с буржуазией и только о том и думают, как империалистическую войну довести до победного конца.

— Правильно!— кричали мне рабочие».

По воспоминаниям Туманова, ему, Кормилицыну и Арапову поручено было отстаивать завод.

Правление твердо решило, не дожидаясь ответа правительства и решения вопроса в ряде инстанций, завод с 14(1) июля закрыть «на неопределенное время». «30 июня работы на заводе производиться не будут», «все рабочие завода получают расчет по 30 июня включительно, причем выдача заработка будет произведена, как только обществом потребителей будет представлена заводоуправлению ведомость удержания за забранные харчи», объявляло 10 июля (27 июня) правление свое твердое решение.

Сейчас же был собран заводской комитет. К директору завода послали делегацию в составе тт. Туманова, Окунева и Плешакова для выяснения причин закрытия завода. При переговорах присутствовали представители совета рабочих депутатов И. Н. Астафьев и И. Г. Никонов. Тов. Туманов от имени рабочих завода настойчиво требовал у директора объяснения причин закрытия завода, указывал, что рабочие не допустят закрыть завод, но директор в категорической форме заявил: «Завод решено закрыть, и уже отдано распоряжение о прекращении подачи электрического тока».

[1] Ленин, Собр. соч., т. XXI, стр. 182.

С ним больше не стали и говорить.

На общем собрании комитета решили, что «основательных причин для закрытия завода не имеется, так как есть налицо материалы, сырье и топливо», и постановили «работу не прекращать, а так как воспрещена подача электрической энергии, что может повлечь остановку завода, просить немедленного содействия Советов РС и КД, чтобы подача электрической энергии... продолжалась в полном порядке».

Рабочие не дали закрыть завод.

В тот же день 10 июля (27 июня) заводское совещание снова обсуждало вопрос о «Гужоне» и в конце концов согласилось с доводами правления о необходимости передать дело на рассмотрение правительства. Рабочие настаивали на секвестре завода. Представитель заводского совещания С. Е. Вейцман (меньшевик), делегация отдела снабжения Московского совета рабочих депутатов и избранные на общем собрании рабочих Лебедев, Арапов и Кормилицын поехали с материалами, цифрами и наказами в столицу, к Временному правительству, в Петроград.

Неприветливо встретили рабочих в приемных кабинетах министров. Представителям рабочих каждый день был дорог: все знали, что малейшая проволочка в Петрограде может вызвать самые неожиданные последствия для завода. Исполнительный комитет Петроградского совета играл тогда ещё роль центра всероссийского масштаба. Обратились поэтому в экономический отдел Исполнительного комитета.

В ряде газет от 13 июля (30 июня) была опубликована резолюция совместного заседания экономического отдела Исполнительного комитета Петроградского совета С и Р Деп. и делегации отдела снабжения Московского совета РД совместно с представителями завода «Гужон». Она настолько показательна для характеристики «деятельности» промышленников вообще в то время, настолько исчерпывающе оценивает деятельность правления завода, что мы ее приводим полностью. Резолюция гласила:

«Довести до сведения Временного правительства следующее:

Металлическая промышленность Московского района (15 губерний) находится в остро-критическом состоянии, опасном для всего народного хозяйства и для политической устойчивости всего государства.

Заводом «Гужон», снабжающим 85% металла весь центральный район, вывешено объявление об остановке завода с 1 июля.

Угрожает остановка заводов Бари, Динамо, Бромлей и др. Государство не может допустить остановки этих предприятий ни при каких условиях.

Е. Д. Туманов—председатель первого большевистского завкома и организатор Красной гвардии на заводе «Гужон»

Ввиду того, что заводоуправление «Гужона» явно дезорганизует производство и сознательно ведет к остановке предприятия, ссылаясь на отсутствие оборотных средств при полной кредитоспособности, государственная власть должна взять управление заводом в свое заведывание, создав правление по типу правления Путиловского завода и общества 1886 г., и предоставить оборотные средства.

Но необходимо иметь в виду, что эта неотложная мера неизбежно повлечет за собой необходимость регулировки всей металлической промышленности в направлении, указанном в резолюции Всероссийского съезда советов РС и КД (фиксации цен, нормировки прибыли и заработной платы, принудительного синдицирования и трестирования и т. д.), что требует немедленного приступления к деятельности Экономического совета и Экономического комитета и образования полномочных районных комитетов снабжения.

В данном случае необходимо дать срочно московскому заводскому совещанию право учредить управление на заводе «Гужон» и снабдить совещание оборотными средствами в размере до 5 млн. руб.

Вместе с тем совещание обращает внимание Временного правительства на то, что московскому заводскому совещанию и временному бюро Комитета снабжения Московского района уже пришлось воспрепятствовать приостановке

паровозостроительного Коломенского завода, а также заводов Сормовского и Брянского в Бежице.

Тем не менее Сормовский завод сейчас не работает вследствие забастовки рабочих, и каждый день могут приостановиться остальные заводы, а это грозит прекращением постройки и ремонта паровозов и вагонов и следовательно грозит привести к параличу транспорта».

Этот исторический документ В. И. Ленин цитировал целыми кусками в статье «Кризис надвигается, разруха растет» [1], написанной в тот же день. «Приходится бить в набат ежедневно,— писал Ленин.— Нас упрекали всякие глупые людишки в том, что мы «торопимся» с передачей всей государственной власти в руки Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, что «умереннее и аккуратнее» было бы чинно «подождать» чинного Учредительного собрания... Мелкобуржуазная трусость, в лице партий эсеров и меньшевиков, решила: оставим пока дела в руках капиталистов, авось разруха «подождет» до Учредительного собрания! Факты ежедневно говорят, что разруха пожалуй не подождет Учредительного собрания, что крах разразится раньше». И далее Ленин, приводя отрывки из вышеприведенной резолюции, подчеркивал соглашательскую предательскую политику меньшевиков и эсеров, срывал с них маски, показывал подлинное лицо двурушников, изменников, которые предлагали в виде выхода из положения для Гужона передать завод в ведение правительства. Той самой «государственной власти,— пишет Ленин,— которую эсеры и меньшевики оставили именно в руках партии Гужонов, партии контрреволюционных капиталистов-локаутчиков». О предлагаемой в резолюции выдаче 5 млн. руб. Моск. металлическому заводу, Ленин писал:

«Откуда и как возьмутся деньги? Не ясно ли, что «требовать» по 5 млн. на завод легко, но надо же понять, что на все заводы потребуется много больше?

Не ясно ли, что без той меры, которую мы с начала апреля требуем и проповедуем, без слияния всех банков в один и без контроля над ним, без отмены коммерческой тайны, денег достать нельзя?

Гужоны и прочие капиталисты при содействии Пальчинских «сознательно» (это слово принадлежит экономическому отделу) ведут к остановке предприятий. Правительство на их стороне. Церетели и Черновы — простое украшение или простые пешки.

Не пора ли понять все же, г.г., что партии эсеров и меньшевиков, как партии, ответят перед народом за катастрофу?»

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. XX, стр. 576—577.

Возмутительного факта умышленной дезорганизации производства правлением Металлического завода скрыть, замазать было уже нельзя. Вопрос о заводе обсуждался 11 июля (28 июня) на заседании особого совещания по обороне. Председательствовал товарищ министра торговли и промышленности Пальчинский. От имени правления выступал Арандаренко. Ничего нового не сказал, не мог сказать Арандаренко в своей длинной речи о невозможности работать на заводе при создавшихся условиях. Примиренчески выступали представители совещания и Московского совета. Вопросы Пальчинского и других недвусмысленно показали, что совещание представителей министерств Временного правительства, генералов, полковников и промышленников не собирается применить решительных мер к заводу. Рабочим не хотели дать слова, ссылаясь на то, что от их имени уже выступали делегаты Совета. А на избранных рабочих, вспоминают товарищи участников совещания, «лежала огромная обязанность — выполнить приказ общего собрания рабочих — вырвать производство из когтей эксплоататоров, передать в руки эксплоатируемых». После их настойчивых просьб и требований Пальчинский все же предоставил им слово. Делегаты отстаивали наказы рабочих. Голословным обвинениям о чрезмерных требованиях рабочих были противопоставлены цифры и расчетные книжки рабочих, указаниям на невозможность работать — факты бездеятельности и дезорганизующей работы правления. Подчеркнул здесь Лебедев и то, что завод работает на оборону и имеет огромное значение для фронта.

Ряд б. членов Государственного совета — Иванов, Литвинов-Фалинский, Карпов и др. — настойчиво предлагал не церемониться с рабочими и закрыть завод. Карпов заявил, что нельзя дальше терпеть «домогательств» рабочих, что единственный выход — закрыть завод, «чтобы избежать в будущем возможности повторения подобных печальных явлений, какие имели место на Московском металлургическом заводе».

Но большинство не решилось требовать закрытия завода, предлагали не прибегать к чрезвычайным мерам по отношению к рабочим, «крайне осторожно отнестись к вопросу о заводе», чтобы не вызвать обострения конфликтов и на других предприятиях.

Особое совещание признало, что запаса сырья и топлива на заводе имеется месяца на два, что работать завод следовательно может, и постановило — объявить о секвестре завода, поручить московскому заводскому совещанию назначить новое правительственное правление и выдать «для оборотных средств» субсидию заводу.

Временное правительство было вынуждено принять это решение несмотря на все свое сочувствие предпринимателям

и желание во что бы то ни стало подавить революционное рабочее движение. Скандальные факты о деятельности гужоновского правления, ставшие достоянием гласности, говорили о том, что дальнейшая работа на заводе при старом правлении действительно невозможна. Отношение Министерства торговли и промышленности к секвестру завода ясно высказал управляющий Министерством А. В. Степанов.

«Я должен констатировать,— заявил он,— что положение промышленности в Московском районе действительно безнадежно. Однако такие меры, как секвестр, едва ли помогут и устранят создавшееся ненормальное положение. По отношению к заводу «Гужон» было допущено исключение, так как он представляет исключительно важное значение для металлургической промышленности Московского района. Но секвестровать всю промышленность России казна не может. В Министерство торговли поступает много ходатайств от московских заводчиков и фабрикантов о секвестре, но эти ходатайства должны быть отклонены... Целый ряд депутаций от фабрикантов и заводчиков обивает пороги Министерства торговли и с цифрами в руках доказывает невозможность продолжения производства. Министерство не в состоянии им помочь».

И совсем бледные выводы сделал этот ответственный представитель правительства на основании известных ему массовых фактов: «Единственный выход из положения — это урегулирование заработной платы. Другого выхода нет». Другого выхода, другого совета и не могло дать буржуазное Временное правительство.

Сейчас же после решения вопроса в особом совещании о секвестре завода «Гужон» в Москву были посланы телеграммы с сообщениями об этом решении. Заводскому комитету послал телеграмму Лебедев, заводоуправлению — Арандаренко, заводскому совещанию — Вейцман. 13 июля (29 июня) К. Трубин, объявляя об этом решении рабочим и служащим, заявлял, что правление «считает своим долгом обратить внимание на то, что всякие самочинные действия, недопустимые вообще, могут только затормозить и осложнить планомерный переход завода в казенное управление».

ОТ БОРЬБЫ ЗА ЗАВОД К БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ

В тот же день бюро заводского совещания постановило «назначить временное управление в составе инженеров С. Е. Вейцмана и В. И. Ясинского и прапорщика Д. Ф. Коликова, в качестве же технического директора пригласить г. Кузьмина, заведующего Путиловским заводом». 14(1)

июля от имени нового правления Коликов призывал рабочих и служащих завода «приложить все усилия к нормальному и правильному ходу работ», подчеркивал, «что правильная работа завода, исполняющего исключительно заказы на оборону государства, необходима стране, и польза, приносимая каждым работником секвестрованному заводу, есть польза стране, вред, приносимый заводу, — вред стране».

«...Известия Московского совета РД», в то время меньшевистско-эсеровская газета, 14(1) июля напечатали статью «О секвестре завода «Гужон». В ней выражалась уверенность, что теперь рабочие поднимут производительность труда, рассказывалось, как правление «Гужона», мечтая только о барышах, дезорганизовывало производство и способствовало понижению производительности труда рабочих, и тут же «Известия» высказали свои сокровенные мысли о разгоравшейся борьбе рабочих с предпринимателями. Рабочие — писали «Известия» — в своей борьбе «не учли того, что иногда, в определенные моменты, сильный удар по промышленникам приходится сильным ударом по промышленности, а тем самым и по стране». Поистине «глубокомысленные» рассуждения соглашателей о значении классовой борьбы рабочих с предпринимателями, которые умышленно дезорганизуют производство, набивают свои карманы за счет правительственных заказов и ничем неограниченной эксплоатации рабочих! Секвестр завода казался им чрезвычайно революционным актом правительства. Даже у отдельных рабочих завода до сих пор сохранились воспоминания, отражающие их иллюзии, надежды того времени на новые условия труда, представление о том, что новое правление в первые дни работы «подсобило рабочим в пуске завода».

Уверенно брался за управление заводом прапорщик Коликов. Через несколько дней, 20(7) июля, правительственное правление добилось уже миллиона рублей в виде беспроцентной ссуды, в течение следующих двух месяцев еще по миллиону. Рабочим уплатили по новым союзным ставкам. На рабочих собраниях стали выступать сами члены правления. Вейцман, по словам тов. Герасимова, «каждое утро заходил в завком, принесет ломоть черного хлеба, чаю, поест и идет работать». Новое правление стремилось жить в ладу с рабочими, вело себя внешне очень демократически, согласилось даже ввести в состав правления представителя заводского комитета В. И. Лебедева. Рабочие называли это правление «коалиционным».

Через 10 дней после назначения 23(10) июля на заседании заводского совещания новое правление докладывало:

«На основании успокоения и доверия к правлению, ко-

торое установилось среди рабочих, производительность в настоящий момент уже увеличилась».

Заводское совещание заверяло Министерство торговли и промышленности, что на заводе не только увеличилась производительность, но «поднялось и качество литья и вместе с тем чрезвычайно уменьшилось количество брака».

Служащие, особенно конечно старшие, сначала было решили протестовать против удаления старых акционеров, заявляли новому правлению, что «пока на заводе не будет Гужона, наша нога не вступит на территорию завода», но скоро и они стали работать без Гужона.

22(9) августа Вейцман докладывал заводскому совещанию в самых радужных красках о положении дел на заводе:

«После секвестра завода в настроении рабочих произошел резкий перелом, давший повышенную производительность труда. Технический персонал удовлетворителен. Производительность труда повысилась на 34%».

Попутно говорилось на заседании и о том, «что завод секвестрован из-за неправильных действий старого правления». Пытался возражать Арандаренко, требовал «образовать комиссию для полного и всестороннего обследования деятельности старого правления... и предания его в случае обнаружения злоупотреблений суду. При установлении же невиновности правления прекратить наконец все эти толки». Комиссии конечно никакой не организовали. Дальнейшая работа завода со всей очевидностью показала, что и металла и топлива на заводе имелось достаточно, что можно было закупить и уголь и чугун для работы.

Производительность на заводе действительно поднялась. В гвоздильном отделении например в июне 1917 г. было сделано гвоздей 15 694 п. 36 ф., в июле — уже 20 916 п., в августе — 22 005 п. 35 ф., в сентябре — 22 237 п.; шпилек — в июне — 206 п., в июле — 406, в августе — 359 п. 30 ф. Соответственный рост в прокатном: в июне — 162 122 п., в июле — 191 376 п., в августе — 212 707 п., в сентябре — 221 000 п.; в болтовом этот рост выразился в следующих цифрах: 13 200 п., 14 020 п., 19 088 п., 23 421 п. 15 ф. и т. д.

«Это повышение производительности есть конечно не заслуга нового правления, а результат перелома в настроении рабочих», признавали сами промышленники.

Бесперебойной работе на заводе очень содействовало то, что рабочие при новом правительственном правлении уже чувствовали себя несколько ответственными за работу завода и контролировали деятельность правления, через заводской комитет осуществляли контроль над производством.

Заводской комитет и общие собрания рабочих уже не ограничивались только обсуждением важнейших производ-

ственных вопросов. Рабочие совместно с заводским комитетом узнавали, где есть топливо, ездили за ним, покупали, направляли на завод, члены заводского комитета пополняли завод недостающими квалифицированными рабочими, отправляясь для этого в другие города, и т. д. Так товарищ председателя завкома Гриднев, секретарь завкома Арапов и Титов из болтового цеха ездили в Кривой Рог за чугуном, в Донбасс за углем и проявили большую настойчивость, чтобы этот чугун и уголь доставить на завод. Тов. Арапов рассказывает, что наряды на уголь и вагоны они получили в Харькове и Екатеринославе, и сами отправились на шахты за углем. С большим трудом они разыскали этот уголь, но на месте потребовали за него на 10 коп. за пуд дороже установленной цены. «Я телеграфировал правительственному правлению,—вспоминает Арапов,—и просил: «Высылайте согласие». Мне ответили: «Не согласны». Я все-таки уголь взял, сделку подписал и погрузил 40 вагонов угля».

Наличие сырья и топлива обеспечило развертывание производства. Но остро стоял вопрос о пополнении особенно квалифицированными рабочими некоторых цехов, в первую очередь прокатного цеха, в котором до войны было 555 рабочих, а к 14(1) января 1917 г. — всего 311.

По поручению заводского комитета для набора рабочих тот же Арапов направился в Петроград. Он прежде всего обратился за помощью к путиловцам. 6 августа (24 июля) он докладывал о положении дел на заводе бывш. «Гужон» собранию цеховых комитетов Путиловского завода. Вот что записано в протоколе этого собрания:

«Доклад тов. Арапова с завода «Гужон» о передаче завода «Гужон» в рабочие руки, что было подтверждено в правительственных сферах. В настоящее время завод находится в ведении рабочих и представителей правительства. Предприниматели от дела отстранены. Необходимо доказать, что рабочие могут вести дело без предпринимателей. В прокатном отделении нехватает рабочих рук. Работает одна смена; необходимо, чтобы работало три смены, надо принять 350 рабочих. Нужны прокатчики, вальцовщики, сварщики... Просьба поддержать рабочих завода «Гужон» и дать заводу необходимых рабочих. Необходимы также чернорабочие».

Путиловцы, приветствуя «рабочих завода «Гужон» за энергичное и самостоятельное ведение заводского дела», решили «принять все меры к тому, чтобы необходимое количество рабочих-прокатчиков, вальцовщиков, сварщиков и чернорабочих —было предоставлено на помощь товарищам завода «Гужон» для дальнейшей совместной работы в борьбе с капиталом».

Путиловские рабочие посоветовали Арапову поехать еще

и на другой, проволочный завод, где можно было достать прокатчиков. Там он опять сделал доклад и получил, по его воспоминаниям, человек 50—60 рабочих. Благодаря усилиям самих рабочих и заводского комитета почти все нужное количество рабочих было набрано, и в октябре 1917 г. в прокатном отделении работало уже 413 чел. Увеличилось количество рабочих и в некоторых других цехах — всего на 249 чел. сравнительно с числом рабочих на 14(1) января 1917 г.

В тех же протоколах Путиловского завкома есть указания, что на заводе бывш. «Гужон» для осуществления контроля были организованы специальные совещания из представителей рабочих и администрации, что был создан особый «контролирующий орган... из представителей Министерства труда, Министерства промышленности и рабочих с преобладающим числом последних»[1].

Как работал и работал ли этот «особый контролирующий орган» из представителей правительства, соглашателей и рабочих, сведений у нас нет. Во всяком случае организация такого «контроля» была одной из попыток буржуазии и соглашателей изыскать пути, «чтобы рабочие сами себя стегали кнутом», по образному выражению одного путиловца.

Осуществление действительного рабочего контроля на заводе «Гужон», как и на других заводах, шло по другому — большевистскому пути. Его проводил большевистский заводской комитет. Завком контролировал, по воспоминаниям рабочих, прием заказов, продажу продукции завода, наличие сырья и топлива на заводе.

В цехах уполномоченные делегаты, избранные рабочими, «смотрели за приемкой и отправкой товаров, направляли рабочих на разные работы, где нехватало людей, разбирались конфликты и т. д.», рассказывает тов. Герасимов. Как проводился контроль над производством, вспоминает и тов. Туманов: «Проверяли все дела, выявляли мастеров, которых подозревали,— многие из них срывали работу до самых Октябрьских дней: то труба лопнет, то еще что недосмотрят. В заводском комитете сами снимали мастеров». «Гужоновцы знакомились с организацией производства. Готовились стать хозяевами своего завода», пишут другие товарищи.

Рабочие работали теперь много лучше, чем при Гужоне, но их экономическое положение попрежнему из месяца в месяц становилось все тяжелее. Общая разруха, катастрофическое падение рубля не могли не отразиться на положении рабочих. Реальная заработная плата рабочих составляла в июле — сентябре 58,7% довоенного, а по ряду про-

[1] Протоколы от 9 октября (26 сентября) и 24(11) октября 1917 г.

фессий много ниже: у старших плавильщиков в сталелитейном цехе до 27,7%, у старших литейщиков до 32,1% и т. д. Средняя 58,7% составлена за счет таких профессий, как резчики в болтовом, чернорабочие, ученики и т. д., получавшие в довоенные времена только на хлеб,— их заработок сравнительно повысился, но только сравнительно с довоенным. Реально это был полтинник, иногда немного больше в день.

«Демократическое» правительственное правление не только слабо заботилось об организации производства, сырье, топливе и т. д., но целиком и полностью продолжало политику Гужона по снижению заработной платы, вызывая рабочих ряда цехов на конфликты, длящиеся месяцами. Эти конфликты были главным образом из-за расценок, распределения по категориям и т. д. Оно даже «нашло необходимым вернуть на работу уволенного рабочими заведующего мартеновским цехом Маттиса», конечно после соответствующих «переговоров» и совещаний с рабочими.

Для разрешения конфликтов рабочие обращались в конфликтную комиссию при профессиональном союзе металлистов, который большей частью делегировал Ершова «для выяснения конфликтов на месте». Делегатам профессионального союза приходилось выезжать для этого на завод буквально каждый месяц. В июле разбирался конфликт «об установлении расценок рабочих сталелитейного отделения». Вопрос был разрешен только через два месяца; в августе — снова вопрос о «минимальных ставках» на заводе. Товарищи Мальков и Федоров посылаются с завода в союз для приглашения двух лиц в оценочную комиссию и т. д. Особенно настаивают прокатчики на пересмотре норм, категорий, расценок, указывая, «что была допущена неправильность в разбивке на категории», присоединяются кровельщики и др. На заводе все время работает оценочная комиссия, в которую входили представители завкома, завоуправления, союза металлистов и общего собрания рабочих.

Судя по тому, что конфликты разрешаются обычно в пользу рабочих, совершенно ясно, что рабочие предъявляли требования, которые целиком соответствовали заключенному еще в июле тарифному договору.

Но тарифные ставки, исходившие из прожиточного минимума в мае-июне, оставались неизменными, а жизнь дорожала из месяца в месяц. Достаточно указать, что в Москве за время с июня по сентябрь по официальным данным цена на черный хлеб увеличилась на 81,8%, муку ржаную — на 91,7%, пшеничную — на 94,1%, картошку — на 100%, сельди — на 66% и т. д.

Срок тарифного договора истекал 14(1) октября. Задолго

до этого срока началась организованная подготовка к борьбе за новый тариф, которая проводилась под непосредственным руководством большевиков и слилась в единое целое с подготовкой к борьбе за свержение власти буржуазии, за власть советов. Делегатское собрание металлистов Рогожского района 16(3) августа, на котором стоял вопрос о борьбе за новый тариф, в своих решениях указывало, что Временным правительством «не принято было решительных мер ни для прекращения войны, ни для прекращения разрухи, ни для перехода земли к крестьянам», и призывало к борьбе за власть советов. Собрание предложило принять самые решительные меры к отчислению на всех заводах однодневного заработка рабочих в стачечный фонд для предстоящей борьбы. И на заводах, в том числе и на бывш. «Гужоне», в этот фонд собирались тысячи рублей несмотря на противодействие эсеров.

Общегородские делегатские собрания металлистов, обсуждая вопросы борьбы за новый тариф, единогласно выносили большевистские резолюции о необходимости быть готовыми «отстаивать свои насущные требования всеми имеющимися у рабочих средствами», требовали введения контроля над производством, «твердых цен на предметы первой необходимости», «строгих карательных мер по отношению к спекулянтам». [illegible]

Эти требования делегатских собраний непосредственно увязывались с лозунгами передачи всей власти советам РС и КД, национализации фабрик и заводов, национализации банков и т. д. И в районах, и на заводах соглашателей уже не слушали. Делегатское собрание металлистов Рогожского района 3 ноября (21 октября) категорически предлагало: «1) Приветствовать власть советов РС и КД. 2) Чтобы власть РС и КД немедленно издала декрет о признании прав союза и заводских комитетов. 3) Ко всем господам предпринимателям, явно саботирующим производство и вызывающим рабочих на стачки, применить самые энергичные меры вплоть до ареста. 4) Товарищи делегаты должны как можно шире объяснять массам на местах, чтобы они воздерживались от всяких выступлений без зова совета правления. 5) Все правовые требования проводить на местах явочным порядком.

Собрание поручило правлению в случае стачки руководить стачечным комитетом».

Лозунг «Вся власть советам» после поражения корниловского выступления имел особое значение. «Его содержание изменилось коренным образом». «Теперь этот лозунг,—по четкому определению тов. Сталина,—означал полный разрыв с империализмом и переход власти к большевикам, ибо советы в своем большинстве были большевистскими. Теперь

этот лозунг означал прямой подход революции к диктатуре пролетариата путем восстания. Более того, теперь этот лозунг означал организацию и государственное оформление диктатуры пролетариата»[1].

И дальше тов. Сталин писал: «Для победы революции нужно еще одно необходимое условие: чтобы сами массы убедились на собственном опыте в правильности этих лозунгов»[2].

Со всей большевистской настойчивостью, ясностью ставился на заводах вопрос о необходимости захвата власти, вооруженной борьбы за диктатуру пролетариата, за власть советов.

На заводе бывш. «Гужон» соглашатели уже целиком потеряли свое былое влияние. На опыте повседневной борьбы рабочие «Гужона» убеждались в правильности линии партии большевиков, ведущих их к захвату власти.

РОСТ БОЛЬШЕВИСТСКОГО ВЛИЯНИЯ НА ЗАВОДЕ. ПОДГОТОВКА РАБОЧИХ К УЧАСТИЮ В ВООРУЖЕННОМ ВОССТАНИИ

В первые месяцы революции, как мы видели, эсеры еще господствовали на заводе. Совместно с ними работала небольшая группка меньшевиков, в которой были два брата Барановых, Белобородов, несколько рабочих и служащих. Меньшевики на заводе никакой самостоятельной роли не играли. В феврале-марте гужоновцы в массе еще доверяли Временному правительству и соглашателям. Об этом вспоминают старые рабочие, это отразилось в постановлениях общих собраний рабочих того времени. Так 25 (12) марта после общемосковской демонстрации на заводе был организован митинг (собралась тысяча человек), на котором приняли резолюцию о необходимости поддержки Временного правительства, «пока оно честно и последовательно будет проводить данные обещания», о необходимости «восстановления сношений между социалистами всех стран» для «подготовки мира» и т. д. Выступали даже толстовцы (Трегубов) с особой декларацией о мире. 1 апреля (19 марта) общее собрание отмечало огромную роль меньшевистско-эсеровских советов, рабочие приветствовали их решения о 8-часовом рабочем дне, считали, что «вместе с Петроградским советом» смогут «всеми силами сопротивляться реакционным мерам Временного правительства и настаивать на раскрепощении рабочих еще до созыва Учредительного собрания».

---

[1] И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9-е, 1932 г., стр. 95.
[2] Там же.

В апреле, особенно после известной ноты Милюкова с открытым признанием, что Временное правительство «будет вполне соблюдать обязательства, принятые в отношении союзников», и «доведет войну до победного конца в полном согласии с союзниками», после того как рабочие увидели и на примере заводских соглашателей, чьи интересы они защищают, начался массовый сдвиг в сторону большевиков. «На заводе началось нарастание революционных настроений, — пишет С. Иванов. — На всех собраниях большевики стали самыми желательными ораторами. Рабочие говорили, что эсеры и меньшевики нас обманули, поддерживают буржуазию и ее правительство, которые стоят за продолжение войны».

6 мая (23 апреля) собрание рабочих в 3 000 человек вынесло резолюцию с требованиями «опубликования тайных договоров с союзниками, заключения мира без аннексий и контрибуций и издания декрета о 8-часовом рабочем дне».

Наступление 18 июня, июльские дни и дальнейший разгул реакции — введение смертной казни, разгром большевистских газет, профессиональных союзов, развернутое наступление предпринимателей — все больше и больше вовлекали рабочих в борьбу с буржуазией.

«За время революции миллионы и десятки миллионов людей учатся в каждую неделю большему, чем в год обычной, сонной жизни», писал Ленин после июльских дней[1].

В июльские дни рабочие завода вынесли большевистские резолюции с решительным протестом против травли вождя партии Ленина, против арестов большевиков, против преследований большевистской печати, разгрома профсоюзов, собирали деньги по цехам на восстановление разгромленной типографии «Правды», на большевистскую газету «Социал-демократ» и т. д. Несмотря на все угрозы и репрессии правительства, несмотря на требования Московского совета «воздержаться от выступлений» сравнительно большая группа рабочих по призыву Московского комитета партии большевиков вышла в эти дни на демонстрацию.

Былую славу об отсталости завода «Гужон» пыталась использовать буржуазная газета «Русское слово». Она усердно подбирала факты и слухи об антибольшевистских настроениях и сообщала, что в июльские дни на заводе состоялось собрание рабочих, которое «постановило организовать особые суды над всеми рабочими, призывающими к вооруженному выступлению». Сколько было рабочих на этом собрании, «Русское слово» не сообщает. На заводе никто об этом собрании не знает, не помнит. Во всяком случае эсеры никаких судов организовать не могли. Судить большевиков эсерам, как бы они того ни хотели, не удалось...

[1] Ленин, Собр. соч., т. XXI, стр. 67.

Несмотря на поднятую эсерами травлю и организационные трудности, большевистской ячейке на заводе все же стало много легче работать. Больший масштаб работы на заводе потребовал новых людей: из райкома появились тт. Мальков, Свободин и др. «Мы почувствовали,—пишет тов. Климанов,—что нам одним переварить всех рабочих в количестве 3½ тыс. человек трудно, поставили вопрос в райкоме партии и просили, чтобы нам дали более сильного человека на завод». В это время приехал из ссылки из Иркутской губернии тов. Мальков Михаил. Райком направил его на завод. Климанов устроил его сначала в болтовое отделение, а потом в фасонно-литейный цех кладовщиком модельного склада.

Тов. П. Петров, работавший тогда в канатном цехе, дает краткую характеристику неутомимого выдержанного партийца тов. Малькова, который сразу овладел работой на заводе и завоевал большой авторитет у рабочих: «Сравнительно низкий ростом, бледный, он ходил в длинном старом обтрепанном пальто, которое было ему до пят... Это был незаурядный товарищ, очень энергичный, живой, хорошо политически развитый. Он появлялся всюду в нужную минуту... Он заражал своим энтузиазмом всех окружающих товарищей».

Тов. Мальков—новый председатель ячейки (тов. Климанов был к этому времени на районной работе), тт. Туманов и Иванов были той руководящей тройкой, которая организовала работу ячейки, привлекла к работе не только партийных, но и беспартийных рабочих. Беспартийные активисты принимали теперь активное участие не только на заводских собраниях, но часто бывали и на собраниях районных — партийных и профессиональных.

Партсобрание, созванное райкомом 22 (9) июля, со всей резкостью отмечало, что «клеветнические нападки на тов. Ленина и аресты представителей пролетарской партии являются тем походом, который начат классом буржуазии по отношению ко всему классу пролетариата». Собрание категорически требовало «немедленного расследования источников клеветы и освобождения арестованных — этих испытанных и стойких борцов за рабочее дело». Единственным выходом из глубокого экономического и политического кризиса, в котором находилась страна, был выход революционный, борьба за власть советов.

Все больше читали на заводе большевистские газеты, листовки, брошюры. Товарищи Климанов, С. Иванов, Лешковцев и другие распространяли их на заводе, читали вслух, разъясняли. Агитировали упорно, настойчиво. По-большевистски, на конкретных фактах выявляли предатель-

скую роль соглашателей. Эсеры пытались препятствовать распространению большевистских газет, рвали их, но газеты однако читались все большим количеством рабочих. Большевистские идеи завоевывали массы.

«Теперь на заводе и беспартийные — большинство — стали за большевиков», вспоминает работница болтового цеха тов. Воронина (тов. Воронина тогда была еще беспартийной).

На собраниях заводской ячейки в августе-сентябре бывало, по воспоминаниям тов. Свободина, человека до 70 вместе с сочувствующими.

Накануне созыва московского государственного совещания, на которое Временным правительством были собраны все «живые силы» контрреволюции, общее собрание рабочих завода единогласно высказалось «против участия в московском совещании и за протест в форме демонстрации или забастовки». По призыву Московского комитета и профессиональных союзов в Москве 25 (12) августа бастовало 400 000 рабочих. В их числе были и рабочие Московского металлического завода.

Правда, эсеры пытались противодействовать, сорвать забастовку. Было созвано общее собрание рабочих. От райкома выступал тов. Свободин. Собрание происходило недалеко от главных ворот. «Когда начались выкрики против забастовки в группке человек в 50, — вспоминает тов. Свободин, — я предложил решить вопрос голосованием без особых прений». Обнаружился полный провал эсеров. «Кто за забастовку — к воротам!» крикнул тов. Свободин. Сразу хлынуло к воротам 80—100, за ними сотен пять, а затем и все остальные. Завод забастовал».

В августе-сентябре происходили перевыборы в районные и Московский советы и в думы. На заводе, как и во всем районе, выбирают уже делегатов-большевиков.

Переизбранный теперь большевистский Рогожский районный совет на другой день после контрреволюционного выступления Корнилова четко заявил: «Корниловский заговор является гражданской войной, объявленной рабочим и крестьянам со стороны помещиков и крупного капитала», и требовал «решительного противопоставления соглашательской тактике мелкобуржуазных социалистов выдержанной позиции классовой борьбы, направленной в сторону завоевания власти рабочим классом, опирающимся на беднейшие слои крестьянства».

Корниловщина встретила и на заводе самый решительный отпор. «В это время,—рассказывает тов. Туманов,—мы, большевики, особенно успешно действовали. Я с Мальковым по заданию районного комитета организовал митинг. При-

С. С. Иванов—организатор и руководитель большевистской ячейки завода «Гужон» в 1917 г.

хал тов. Ярославский. Ему особенно симпатизировали рабочие. Эсер Лебедев усиленно упорствовал против митинга, все кричал, что никакого митинга не надо.

Митинг мы устроили за материальным складом, на открытом воздухе. В президиум выбрали Малькова, меня и Арапова. Арапов хотя и эсером был, но мы его часто за собой вели, разубеждали. Большевиков все слушали хорошо. Выступали и эсеры, но без всякого успеха. Провели мы на этом собрании очень резкую большевистскую резолюцию с требованием власти советам».

Решения о необходимости захвата власти советами выносили сотни тысяч рабочих. Экономические и политические требования слились в единое мощное движение против Временного правительства, против буржуазии, за власть советов. Поднялись отряды металлистов, кожевников, текстильщиков и др., которые всеобщими длительными забастовками добивались осуществления своих требований, повсюду готовились к вооруженному восстанию.

«Нет отдельных конфликтов металлистов, кожевников, текстильщиков, — заявляли московские металлисты, — есть один огромный всероссийский конфликт труда с капиталом... Наша экономическая борьба в настоящем сводится к борьбе за революционную организацию производства. Такая организация предполагает организацию революционной власти. Наша экономическая борьба должна стать непосредственной борьбой за политическую власть советов». И когда в Москве перед Октябрем кожевники бастовали три месяца, им по-

могали непосредственно отчислениями и сборами другие союзы, советы, заводы. 24 (11) сентября решение об отчислении однодневного заработка вынес Рогожский районный совет. Рабочие завода бывш. «Гужон» постановили: произвести отчисление однодневного заработка бастующим кожевникам (по среднему минимуму).

10 октября (27 сентября) стачечный комитет кожевников в большевистской газете «Социал-демократ» выразил товарищескую благодарность рабочим завода за помощь бастующим. С 7 сентября (25 августа) по 25 (12) сентября рабочие завода отчислили в единый стачечный фонд 18 237 руб. 30 к. Этот фонд сыграл большое значение во время Октябрьской революции. В октябре был ряд отчислений рабочих завода на вооруженную подготовку. Однодневный заработок, 1 процент с заработанного рубля, снова однодневный заработок — таковы были решения заводского комитета, общих собраний в то время. Все попытки эсеров — Кудрова, Лебедева и других — агитировать против вступления рабочих в Красную гвардию, против отчислений не дали никаких результатов.

Соглашатели были изолированы, оторваны от рабочих масс, они давно «скатились в помойную яму контрреволюции» (Ленин). Они, пишет один из рабочих, «предсказывали всякие ужасы и неизменно предлагали резолюции, что они не берут на себя никакой ответственности... Но были смешны одинокие истерические выпады обанкротившихся партий. Гужоновцы стали большевиками».

На заводе еще задолго до Октября началась подготовка к организации Красной гвардии. Подготовка шла под непосредственным руководством МК, райкома, ячейки. Московский комитет еще 27 (14) апреля предложил «учреждать заводские дружины, которые являлись бы охранителями завода», «организовывать партийные дружины или стрелковые общества и принять все меры для приобретения оружия». По указаниям ряда бывших красногвардейцев — Зайцевского, Петрова и др.— эти дружины на заводе были организованы сейчас же после июльских дней. «В эти дружины,— пишет тов. Петров, один из организаторов Красной гвардии, — входили не только партийцы, но и беспартийные рабочие. Они были разбиты на пятки и десятки. Все делалось конспиративно. Списки хранились у меня как организатора. Десятские имели списки только своего десятка, причем каждый знал на случай тревоги, кому куда итти, где встречаться, кто кого извещает...» Обучение происходило нерегулярно в Анненгофской роще и около фасонки, но обучение конечно было относительное, оружия почти не было, в дружинах было три-четыре десятка. «обучение состояло в том, что шагали», рассказывает тов. Зайцевский.

Во время и особенно после корниловского выступления на рабочих собраниях, в советах и т. д. ставится со всей остротой вопрос о необходимости вооружиться. 13 сентября (31 августа) представители конференции заводских комитетов, 209 человек, явились на заседание исполнительных комитетов советов РС и КД и в самой категорической форме потребовали обсудить в их присутствии постановления конференции о вооружении рабочих, аресте и предании суду генералов - контрреволюционеров, закрытии буржуазной прессы. От Рогожского района было 62 человека. Меньшевистско-эсеровские заправилы доживали и в исполнительных комитетах последние дни. Настоятельным требованиям пришлось уступить. Представители заводских комитетов единодушно заявили: «Все заводы и районные советы вынесли резолюции о вооружении рабочих»; «рабочие должны быть вооружены»; «боевые дружины нами сорганизованы»; «мы... обращались к совету неоднократно с просьбой дать оружие рабочим и всегда слышали: нет оружия... дайте нам разрешение, и мы сами его найдем. Иначе рабочие будут вынуждены действовать помимо совета» и т. д.

Только 16 (3) сентября был опубликован устав Красной гвардии и то с рядом поправок, внесенных меньшевиками и эсерами. Но основного — оружия — не было, его никто не давал. Районам, заводам надо было добывать его самим. Боевые дружины, отряды Красной гвардии на заводах пополнялись все новыми рабочими, готовыми к бою.

28 (15) сентября член райкома тов. Землячка сделала большой информационный доклад на конференции заводских комитетов Рогожского района о настроениях на заводах района, вооружении красногвардейских отрядов, их боевой готовности. О заводе «Гужон» тов. Землячка сообщала, что в заводскую Красную гвардию входит 150 человек, что оружия там мало. Такое же положение было на целом ряде других заводов. Вопрос об оружии ставится и на заседаниях районного отделения союза, которое еще 29 (16) августа постановило приобретать оружие за счет союза, а 11 октября (28 сентября) решило «принять энергичные меры на местах к скорейшему вооружению Красной гвардии».

На заводе под руководством ячейки и большевистского завкома за несколько недель перед Октябрем шла напряженнейшая подготовка к восстанию. На общих собраниях единогласно принимались боевые решения, заводские большевики-руководители сообщали о них в район, в Московский совет.

В это время закрепляются связи с 85-м полком в соседних Астраханских казармах. Правда, и раньше отдельные представители полка бывали на заводе, на собраниях, еще чаще рабочие бывали в казармах. Но теперь райкомом на очередь

был поставлен вопрос о совместном вооруженном выступлении рабочих и солдат, о вооружении рабочих оружием из Астраханских казарм. В 85-м полку были большевистские настроения. Председатель полкового комитета, большевик Павлычев, как рассказывает тов. Свободин, заявлял в районном комитете, что больше половины, процентов 60, выйдет в бой, остальные, если в этом будет необходимость, будут заперты в казармах. Товарищи Мальков, Туманов, Петров и другие по поручению райкома отправились в полк, провели при содействии тт. Павлычева, Бляхера и других на собрании полка большевистские решения, добыли оружие. Это было уже накануне самого восстания, накануне боев...[1]

[1] Эта глава написана на основании ряда фондов, хранящихся в центральных и Московском областном архиве, по воспоминаниям рабочих—активных участников Февральской и Октябрьской революций—и по газетам и журналам того времени. Основной архивный материал — протоколы ячейки завода, райкома, заводского комитета, заводоуправления за 1917 г.—не сохранился.—В. М.

С. Гинзбург

ОКТЯБРЬСКИЕ БОИ

Отрывки из главы по истории автозавода им. Сталина (б. АМО) об Октябрьской революции

Утром 25 октября Симоновский совет получил срочный циркуляр из центра:

«Борьба за власть в Петрограде началась. Правительство сопротивляется. Город в руках революционного центра. Московским советом принимаются соответствующие меры. Немедленно на местах поставить на ноги весь боевой аппарат. Без директив из центра никаких действий не предпринимать. Установить дежурство круглые сутки членов исполнительного комитета. Созвать пленарное заседание советов по возможности быстро, в крайности завтра, 26 октября. Сегодня в три часа пленум центрального совета в Политехническом музее. Присутствие членов центрального СР и СД обязательно всем».

После пленума, избравшего вопреки стараниям меньшевиков и эсеров Московский военно-революционный комитет, районные организации Симоновки стали лихорадочно готовиться к восстанию. Опустело помещение трактира рядом с заводом Динамо, где находился районный штаб Красной гвардии, нет никого в завкомах — все перешли в совет. Там, у Гончарова, идет не прекращающееся до поздней ночи заседание, в котором участвуют лучшие большевики района.

Восстание застало Симоновку слабо подготовленной. На Динамо боевые дружины еще не сформированы. Оружия почти нет, стрелять умеют немногие. Несколько дней не показывается в районе Горшков — с кем пойдет комиссариат? По полученным сведениям помощник Горшкова, меньшевик Конопацкий, присланный московским градоначальством, подготовляет переход милиции на сторону юнкеров. С милицией в районе приходится считаться — это более трех десятков вооруженных, хорошо обученных бойцов.

[1] И. В. Горшков, б. рабочий «Амо», комиссар Симоновской милиции в 1917 г.

Значительны силы контрреволюции. В Крутицких казармах — школа прапорщиков, выслужившиеся унтер-офицеры вместе со своим начальством примкнут конечно к белой гвардии. Связь с воинской командой, охраняющей симоновские патронные склады, недостаточна. Над всей Симоновкой, как Кремль над Москвой, крепостью возвышается монастырь с его колокольнями, башнями, бойницами, саженной толщины стенами. Стоит кадетам занять монастырь — а монахи им препятствовать не будут, — весь район окажется в их власти.

Гончаров молчаливо слушает говорящих, лишь изредка вставляя замечания. Он направляет предложения, умеряет пыл слишком буйных голов, не убеждает, не уговаривает, а, как кажется всем, только подсказывает уже давно продуманные, но не высказанные мысли.

Медленно, взвешивая каждое слово, говорит Уханов. Рассудителен Лидак. По-разному горячатся Смирнов и Азарх.

Азарх недавно появилась в районе. Она — молодой член партии, врач беженских лагерей, расположенных неподалеку от Симоновки. Несмотря на беременность Азарх не отказывается ни от какой порученной ей работы. На выборах в районную думу она повела за большевиками основную массу беженцев, населяющих обслуживаемые ею бараки. Ей верят и партийное руководство, и рабочий актив района. Поэтому ее без возражений утверждают членом районного Военно-революционного комитета.

Военно-революционный комитет оформился на этом совещании и первоначально был составлен из семи человек. В него вошли: Гончаров, Азарх, динамовцы — Уханов, Борисов и Алешин, амовцы — Лидак и Смирнов. Руководящую тройку составили Гончаров, Алешин и Азарх.

Впоследствии, в дни вооруженной борьбы, состав Военно-революционного комитета изменился — в него вошли новые члены, выбыли недостаточно работоспособные.

Уже набросан план действий. Между членами ревкома распределены обязанности. На предприятиях формируются боевые отряды.

На улицах Симоновки становится безлюдно и тихо, как в праздники. Ружейная перестрелка идет пока только в центре. Кроме немногих флагов и лозунгов «Вся власть советам», развешенных на АМО, Бари и нескольких бараках, кроме лавченок, запертых на замок, ничто не говорит о предстоящих событиях.

* * *

Назначенный на 28 октября пленум бюро районных дум в помещении думы городского района сорван блоком меньшевиков, эсеров и кадетов. Тщетно тов. Владимирский

пытался призвать к порядку разбушевавшихся мелких буржуа. Они не давали ему говорить и подняли такой шум, что пленум пришлось отменить.

Закрывая собрание, тов. Владимирский заявляет:

«Так как представители партии меньшевиков, эсеров и кадетов не дают вести собрание и так как Военно-революционный комитет отказался принять ультиматум их ставленника, полковника Рябцева, о своем роспуске, так как белогвардейцы расстреливают наших товарищей в Кремле,— собрание продолжать бесполезно. Наша партия призывает к оружию. Объявлено восстание!»

Большевики Симоновки не зря приехали на этот несостоявшийся пленум. Они узнали о происходящих событиях, для них пленум был сигналом к быстрой перестройке работы, переходу к борьбе.

Все заводы Симоновки присоединились к всеобщей забастовке. Ревком боялся, что команда автороты на АМО откажется принять в ней участие; в команде было много бывших хозяйчиков, спасавшихся от фронта.

Но солдаты примкнули к рабочим...

«Солдат из команды автороты разбудили около двух часов ночи, — вспоминает тов. Алексин, — и предложили им пойти в соседний барак на собрание. Представитель командного комитета Павлов сообщил о положении в Москве и о тех задачах, которые шоферы и слесаря должны выпол-

Здание, в котором помещался Симоновский ревком

нить в настоящее время. Было принято решение подчиняться только заводской организации, о распоряжениях же начальства извещать завком.

Утром 29 октября завод АМО к работе не приступил. Рабочие собирались кучками, обсуждали положение и ожидали распоряжений от заводского комитета. Приехавший из города на автомобиле тов. Смирнов на митинге около завкома объяснил, что организован Военно-революционный комитет и что к исполнению надо принимать только его требования. Кроме того он рассказал, что офицеры и кадеты заняли Кремль и все стратегические пункты в Москве и что с минуты на минуту следует ожидать приказа о выступлении против них заводских рабочих. Тут же были посланы две грузовые машины за оружием».

С этими машинами поехали Гончаров, Алешин и Азарх.

* * *

Несмотря на то, что вся рабочая масса Симоновки была мобилизована ревкомом, положение района оставалось незавидным. Оружия еще не было. Окопов не рыли, баррикад не строили — голыми руками их не защитить, не готовить же укрепления для белогвардейцев. Белогвардейскому налету Симоновка не могла дать отпора, а он произошел так быстро, как никто не ожидал.

29 октября солдат автороты, шофер тов. Белов, поехавший на грузовике за продовольствием, заметил на шоссе мчащуюся машину, переполненную вооруженными офицерами.

«Займут завод», подумал тов. Белов. Он не растерялся, круто затормозил автомобиль, выключил магнето, поднял капот и стал возиться в моторе.

Приблизившаяся машина замедлила ход.

— Что у тебя с автомобилем?

— Сам не пойму, мотор не работает...

Офицеры поехали дальше. Сомнений у Белова не было. Району грозит опасность. Надо предупредить ревком. И Белов, бросив автомобиль на шоссе, побежал обратно.

Офицеры высадились около районной думы. В думе был один Смирнов.

— Ревком здесь?

— Какой ревком?— Смирнов притворился удивленным. — Дума здесь, а ревкома у нас нет.

— Нет разве?!

— Управа у нас была... Только теперь все к думе отошло.

Вид у Смирнова был простодушный. Поверили ему офицеры или поняли, что от него ничего не добиться, — это неизвестно. Но они оставили его в покое и поехали дальше.

Как только они отъехали, Смирнов выбежал другим ходом предупредить безоружных ревкомовцев об опасности.

Автомобиль с офицерами остановился у завода «Пресс». Высыпавшие на улицу рабочие со злобой смотрели на белогвардейцев — из-за отсутствия оружия им нельзя было дать отпор.

Каждый боялся за свой завод. «Авось, не к нам», думали амовцы, надеясь, что налет не коснется их. Но офицеры направились к АМО. В машине остался только один из них, заменявший шофера. Он вызывающе играл револьвером и многозначительно посматривал на прохожих.

Офицеры прошли в помещение командного комитета автороты к начальнику команды, прапорщику Трестеру. Через несколько минут после кратких переговоров Трестер вместе с ними направился в главный корпус, где находились собранные для отправки на фронт автомобили. Офицеры бегло осмотрели два из них, удостоверились в их пригодности, завели, расселись и медленно выехали.

— Надо срочно отправить машины, — крикнул Трестер приблизившимся часовым, — я их сам доставлю и скоро вернусь.

Машины выехали за ворота и ускорили ход. Сигналами они вызвали стоящий у завода «Пресс» автомобиль и вместе с ним скрылись на повороте дороги.

Прапорщик Трестер уехал вместе с белогвардейцами.

Самый сильный на Симоновке гудок «Бари» тревожно и пронзительно завыл. Он извещал рабочих о налете юнкеров, созывал красногвардейцев на защиту района.

* * *

От солдат охраны патронных складов узнали, что белые побывали и там. Они нагрузили захваченные грузовики патронами и оставили на складах офицера с пулеметом.

Выяснилось, что у всех встречных юнкера пытались узнать, где ревком, — основной их целью было повидимому разгромить штаб восстания.

Собравшиеся красногвардейцы приступили к организации самообороны.

Ревкомовцы, находившиеся в помещении завода Динамо, своевременно узнали о налете, но по предложению Лидака решили не давать отпора. «Я указал, — рассказывает тов. Лидак, — на то, что мы чрезвычайно слабо вооружены, не имеем ни ружей, ни пулеметов. Выступать в такое время — это значит подвергать ненужной опасности красногвардейцев».

«Собравшиеся на гудок рабочие стали бузить, — вспоминает он. — Говорят: мы только митингуем, а юнкера дейст-

Тов. Лидак — активный участник октябрьского восстания в Москве; один из первых большевиков-амовцев

вуют — забрали автомобили и патроны. Нас ревком заставляет сидеть и ждать, неизвестно чего.

— Что вы орете, — ответил я им, — ничего не пропало, давайте двинемся занимать патронные склады.

Прошли мы гуртом, было нас человек 150. Охрана складов против нас не выступила, были в ней наши люди. Мы срезали телефон, арестовали офицеров и разыскали припрятанные сорок винтовок».

Взятие патронных складов было большим успехом не только для красногвардейцев Симоновки, получивших боевое снаряжение, но и для всего дела революции в Москве. Красная гвардия изнемогала от отсутствия патронов. Небольшие запасы их приходили к концу, а где их возобновить, когда в черте города не было других складов.

Укрепить склады, обезопасить их от возможных повторных налетов — вот какая задача стояла перед ревкомом. У юнкеров также нехватает патронов, и они конечно будут стараться восполнить свои запасы на Симоновке.

Надо было укрепить однако не только склады. Окраинной слободе угрожала опасность со всех сторон. С Москвы-реки, из Замоскворечья, могли перейти в район юнкера. Опасность угрожала со стороны Крутицких казарм. Наконец верные Временному правительству воинские части могли двинуться в Москву через Симоновку, высадившись в Люблине или Кожухове.

Район стал укрепляться со всех сторон. На АМО поставили две красногвардейских охраны — внутреннюю, во главе с Гольцевым, и наружную — с Байковым. Стали рыть окопы — у Москвы-реки, железнодорожного переезда, в Тюфе-

левой роще. Рыли ночью. Все красногвардейцы высыпали на работу. Солдаты автороты выделили особый отряд для рытья окопов и охраны района.

«Назначены были гудки,— вспоминает тов. Ефимцева,— в определенный час выйти всем с лопатами и рыть окопы. Я не знала, что это такое и для чего это. А муж прибежал домой и сказал:

— Вот будут гудки, на зов гудков я должен уходить. Разбуди меня.

И как прогудели гудки, вызывающие тревожно, я его разбудила, и он побежал на гудки, ничего мне не сказав.

И я увидела первую женщину, которая побежала вместе с мужем, рабочим нашего завода — Вимбой. Они первые пробежали с лопатами мимо наших окон. Я выскочила и спрашиваю:

— Для чего эти лопаты?

— Мы идем делать баррикады, зовите народ.

Мы побежали вместе до Москвы-реки. Нас вернули рабочие и говорят:

— Куда вам, бабам! Там и без вас народа много.

И нам обидно стало. Что же, они могут защищать, а мы не можем? И пришли, и скрыли от мужей, и не стали говорить, что дошли мы до Москвы-реки и нас оттуда прогнали».

По очереди, по-сменно, десятками ходили красногвардейцы дежурить в окопы. Четыре дня лил дождь, шел мокрый колючий снег. Четыре дня красногвардейцы с винтовками в руках сидели в грязных, полных водой канавах, защищая свою рабочую слободу.

* * *

Начальник симоновской милиции тов. Горшков накануне восстания в стычке с бандитами разбился, упав с лошади, и слег. Ночью 28 октября к нему пришли из комиссариата два милиционера, тт. Густас и Марчиняк, с тревожными известиями: Конопацкий созвал секретное совещание, на котором предложил милиционерам разогнать исполком. Густае узнал об этом случайно; он собрал всех милиционеров и договорился с ними о том, что они будут придерживаться строгого нейтралитета.

Узнав об этом, Горшков несмотря на болезнь решил отправиться в комиссариат. В санитарной машине, полученной с помощью Гончарова, его довезли до комиссариата, а там на лестницу втащили на руках. Горшков тут же провел собрание милиционеров. Все они, бывшие рабочие, служившие под начальством такого же рабочего,

присоединились к Красной гвардии. Милиционеры образовали особый отряд, выбрали Горшкова командиром и арестовали Конопацкого.

В комиссариате, в тайнике, было спрятано оружие, о котором никто кроме Горшкова не знал. Из-под пола достали 30 ружей и пулемет. В Красную гвардию Симоновки вступил сильный, хорошо вооруженный, обученный и дисциплинированный отряд.

* * *

Наличие большого автомобильного парка, кадров революционных военных шоферов, запасов патронов на симоновских складах определило особое значение Симоновки в восстании. Симоновка немного бойцов дала непосредственно на развертывающуюся в Москве вооруженную борьбу. Лучшие силы района были брошены на военное снабжение Красной гвардии, разведку, санитарную службу, самооборону.

Узкие московские улицы, кривые переулки, заборы, палисадники, в которых прятался враг, сильно затрудняли продвижение красногвардейских отрядов. Несколько юнкеров, засевших на крыше высокого дома, могли пулеметным обстрелом остановить продвижение значительных частей Красной гвардии. Только на автомобилях оказалось возможным прорваться без больших потерь. А из имеющихся в Москве автомобилей амовские были бесспорно лучшими.

Грузовики довоенного выпуска, составлявшие в то время автопарк Москвы, отличались малой подвижностью. Это были тихоходные машины, строившиеся обычно из тех деталей, которые оказывались непригодными для производства легковых автомобилей.

В довоенной Европе автостроение находилось в младенческом состоянии. На автомобиль смотрели главным образом и прежде всего как на предмет роскоши. Изменение отношения к автомобилю, технический рост автостроения произошли во время войны, когда этот вид транспорта сумел по-настоящему доказать свое право на существование.

В Доме инвалидов в Париже, где собраны лучшие памятники французской военной славы, среди пушек, участниц исторических сражений, выставлен маленький старомодный и смешной на вид красный таксомотор. Этот таксомотор вместе с сотнями подобных ему таксомоторов, мобилизованных на парижских улицах, быстрой переброской солдат обеспечил победу французской армии в битве при Марне.

Операция на Марне была победой автостроения. Она вызвала к жизни десятки новых автозаводов, превратила в «ав-

Тов. Оленев — участник октябрьского восстания в Москве; за ударную работу на автозаводе им. Сталина награжден орденом трудового красного знамени.

томобильных королей» Рено и «французского Форда»—Ситроена. Она была победой всех автомобильных фабрикантов, причиной расцвета Фиата, Лейланда, Уайта; она заставила царское правительство выбросить десятки миллионов рублей на спекулятивные предприятия господ Рябушинских и Лебедевых.

Конечно европейские заводы во время войны производили главным образом нелегковые машины, обладавшие слишком незначительной грузоподъемностью. Они быстро перестроились на выпуск высокоскоростных грузовиков, поднимавших 1½—3 тонны груза или 20—30 солдат.

Почти весь автопарк Москвы состоял из довоенных автомобилей. Исключение составляли те, которые присылались для протирки на завод АМО. На АМО попадали новейшие модернизированные машины, обладавшие большой подвижностью и хорошей скоростью. Они были закуплены на предприятиях «союзных держав» и предназначались для фронта.

Эти лучшие в свое время автомобили при почти полном отсутствии в Красной гвардии броневиков приобрели особенное значение в октябрьские дни.

Команда автороты, состоявшая из 75 человек, разбилась на три примерно равных группы. Одна отправилась на охрану пороховых погребов, другая осталась на заводе для

сборки машин и подготовки их к бою, третья работала шоферами на собранных автомобилях.

«Когда начались бои, до сорока машин подвозили патроны, работали санитарками, — говорит солдат автороты, шофер тов. Карандеев. — Ночи четыре-пять возили с пороховых складов по районам патроны, не считаясь с временем, ни с тем, спал ли ты, ел...

Возили под перестрелку. Часто и свои стреляли. Темно — не разберешь. Маршруты давал ревком. Транспортом руководил Семен Потапович Смирнов».

«Амовские шоферы, — пишет в своей книге «Борьба продолжается» Р. Азарх, — заслужили название «неуловимых» и бешеную ненависть юнкеров в октябрьские дни. Как легендарные призраки, носились амовцы по Москве, прорезая ее во всех направлениях. Свой район, территория врагов — амовцы не знали преград. Находчивые и предприимчивые, они отдали делу пролетарского восстания свою отвагу, свою кровь, свою жизнь».

Автотранспорт начал работу в первые же дни восстания. Из имевшихся 40 машин 10—12 были легковыми. Врач Азарх приспособила их для несения санитарной службы и разведки, в которой участвовали и женщины.

Основная работа легковых автомашин состояла в налаживании связи между районами и Военно-революционным комитетом.

«Когда в Военно-революционном комитете узнали о наших возможностях на санитарной летучке нести разведку, было дано задание обследовать район думской и Красной площадей и, если удастся пробраться в Кремль, выяснить положение 56-го полка», рассказывает тов. Азарх в той же книге.

В первый же рейс на Красной площади амовцев остановили «ударницы». Болтливые защитницы Временного правительства не усумнились в подлинности предъявленных документов. Они многое рассказали красногвардейцам, которым все-таки в Кремль не удалось пробраться, — подошедший офицер направил санитарную летучку на Лубянскую площадь, в район боев. Там юнкера оказались столь же доверчивыми, и амовцы успешно обследовали их позиции.

Иное дело по возвращении. Командир красногвардейского отряда никак не хочет поверить, что перед ним такие же красногвардейцы.

Его с трудом убеждают подлинные документы и беседа с красногвардейцами.

Не менее удачно прорвались амовцы в Замоскворечье с требованием Военно-революционного комитета о присылке подкреплений. Одновременно они обследовали район Осто-

Тов. Орлова — участница октябрьского переворота; в прошлом чернорабочая завода АМО, в настоящее время заведующая свинарником завода

женки и Крымской площади, где были расположены значительные силы белых.

За все время восстания, при непрерывной работе амовского автопарка, только две поездки окончились неудачей — автомобили были захвачены юнкерами. В плен попали рабочие АМО — тов. Либерт, отвозивший в район из Военно-революционного комитета план укрепления Симоновки, и тов. Орлова, захваченная в санитарной летучке.

Если красногвардейцы хорошо обращались с взятыми в плен юнкерами (были случаи, что последние по окончании боев присылали им письма, в которых благодарили за гуманное с ними обращение), то этим качеством не отличались белые. Пленных красногвардейцев в Кремле заставляли голодать, многих расстреляли. «Однажды нам выдали по две картошки, — рассказывает тов. Либерт о своем плене, — одну я съел, другая была гнилой. Кроме этого раза нас вовсе не кормили. И когда Кремль, где я находился в плену, заняли наши части, я настолько ослаб, что с трудом добрался домой».

На Солянке юнкера остановили амовский санитарный автомобиль.

«Дело было ночью. Подошли к нам трое с фонариками и требуют от нас мандата, — рассказывает работница-санитарка тов. Орлова. — Мы показали наши большевистские мандаты и говорим, что санитарок в плен не полагается брать.

— У вас мы не спросили, — ответили они и выругались. Нас отвезли в «Благородное собрание». Там, угрожая револьвером, меня заставляли мыть полы».

* * *

Положение Симоновки на стыке Рогожского района и Замоскворечья, бросивших большую часть красногвардейцев на борьбу в центре города, необходимость защиты самой Симоновки, получившей значение технической базы восстания, требовали укрепления тыла от возможных нападений войск Временного правительства со стороны Окружной железной дороги.

Московский Военно-революционный комитет, получив сведения о продвижении казаков, поручил Симоновскому ревкому обследовать пригороды.

«Однажды ночью дежурили мы с Гончаровым, Азарх и Алешиным в ревкоме, — вспоминает тов. Горшков. — Азарх рассказывала, что получены известия о высадке в Хохловке тяжелой артиллерии белых. И как раз во время ее рассказа в Симоновку попали три снаряда. Мы подумали, что сведения Азарх подтверждаются, и решили проверить их немедленно. Но чтобы не возбуждать паники в районе, условились разведку провести строго секретно. Выделили меня и пятерых милиционеров — тт. Горячкина, Лонина, Сотского, Марчиняка и еще одного товарища — забыл его фамилию — дали нам автомобиль, пулемет, и мы отправились. Хотела с нами поехать Азарх, но мы ее насильно высадили, решили не подвергать излишней опасности. Азарх довезла нас до Калитников и дала в провожатые фельдшера.

Мы доехали на автомобиле до Окружной дороги, затем спешились, оставив Марчиняка с пулеметом на путях. Пошли «цепью» в пять человек. Врага не было видно. Мы осмелели и двинулись вперед, забыв об осторожности. Марчиняк тоже подвинулся и занял со своим пулеметом лучшую позицию.

Дошли мы до кладбища и с криками «ура» открыли стрельбу. Марчиняк поддерживал нас из пулемета. Где-то вблизи также стреляют. Затем стрельба прекращается. Мы рыщем. Никого нет. Наконец находим пулеметное гнездо, расстрелянные гильзы и еще не погасшую папиросу. Другое гнездо... Третье... Разыскиваем кладбищенского сторожа.

Юнкера только что снялись, испугавшись нас, и поехали к Владимирскому шоссе.

Мы за ними. На Владимирке красногвардейцы рассказали, что из Коврова идут казаки. На шоссе мы действительно натолкнулись на казачью разведку. Горячкин отвел

автомобиль в сторону, а Марчиняк, бывший солдат-пулеметчик, открыл огонь. Казаки не захотели принять бой и отошли назад. Мы не стали их преследовать, с нашими силами это было безнадежным предприятием».

Рейды, разведки, санитарные летучки — в этом в первые дни заключалось участие амовских и вообще симоновских рабочих в общемосковской борьбе. Одновременно с этим вытесняли врага и из самого района.

* * *

Симоновка была на осадном положении, изрезана морщинами окопов, ощетинена баррикадами. По ночам она погружена в темноту и безмолвие — как корабли на приколах, мрачно чернеют заводские корпуса.

У патронных складов самодельные прожектора разрезают ночь, охраняя дорогу в город, оставляя невидимыми красногвардейские патрули и колючую проволоку.

Слабые лучи прожекторов не освещают расположенные в километре Крутицкие казармы. Там — школа прапорщиков, воинский начальник, офицерье, вооруженное до зубов.

Жестяные козырьки ламп оставляют в тени Симонов монастырь.

Он в сердце района. С его колокольни весь район, как на ладони. Крепость, выдержавшая татарское нашествие. Ядовито проповедуют ученые монахи о тяжелых испытаниях, ниспосланных родине, о большевистской заразе. И тут же со вздохом вспоминают о монгольском иге, о Дмитрии Донском — освободителе Руси.

Монастырь надо было обезвредить.

Председатель ревкома Гончаров вызвал амовца Талайку.

«Дал он мне мандат, — вспоминает тов. Талайка, — и говорит: возьми двух ребят, обыщи Симонов монастырь, нет ли там оружия, и заодно телефоны срежь, чтобы с юнкерьем не сносились.

Ребята винтовки взяли, а мне как начальнику неудобно с оружием итти. Боялся этих монахов, на всякий случай револьвер и кортик под пальто спрятал.

Были мы еще неопытны: пышная обстановка и дрожащий не то от старости, не то от страха иеромонах в новой рясе и с бородой, как у Саваофа, поразили нас.

— Зачем, — спрашивает он, — пришли?

— Оружие ищем.

Развел тут монах всяческую агитацию, что, мол, вы делаете, братоубийством занялись. Я ему осторожно и говорю:

— Ничего, отец, не поделаешь, классовая борьба.

Не понравилось ему это.

— Плохая, — отвечает, — ваша борьба.

Мы опять: ничего плохого не делаем, только хорошее для всего рабочего класса. — Говорим, а сами осторожно продвигаемся вперед.

Монах совсем испугался.

— Если вы делаете все хорошее и обещаете делать хорошее, благословляю вас на хорошие дела.

Так и благословил он нас на революцию, перекрестил всех троих. Только мы монастырь все равно обыскали и телефоны срезали, как ни просил он хоть один оставить».

Наутро после обыска красногвардейцы снова потревожили монахов и поставили на самую высокую колокольню пулемет, готовясь к обстрелу Крутицких казарм.

По распоряжению центрального штаба, с завода Мастяжарт направили на Спасскую площадь отряд революционных солдат с двумя пушками под командой члена Благушинского ревкома тов. Тулякова.

Красногвардейцы приготовились к обстрелу и обложили четырехугольник казарм. Для переговоров с юнкерами послали Горшкова с двумя красногвардейцами из его отряда.

В середине казарменного двора окруженное низкими одноэтажными постройками стояло высокое из красного кирпича здание, в которое провели парламентеров. Оттуда юнкерам была видна вся старая деревянная Симоновка.

Юнкера видели как по Крутицкому валу ежедневно шныряли автомобили с вооруженными красногвардейцами и пулеметами.

Они знали, что на Спасскую площадь прибыла артиллерия.

Они не могли знать, что на Симоновке только два пулемета, поставленные на беспрестанно разъезжающие грузовики. Они представляли себе район более вооруженным, чем было на самом деле, и считали бесполезным сопротивление, зная, что и Алексеевское училище в Лефортове не выдержало осады красногвардейцев.

После непродолжительного совещания главарей 6-я школа прапорщиков решила сдаться без боя, потребовав гарантии личной безопасности для юнкеров и командного состава. Горшков подписал это условие. Запертые на тяжелые засовы ворота казармы открылись для красногвардейцев. В районе не оставалось больше вооруженных врагов.

Оружие... Такого количества оружия, как в Крутицких казармах, Симоновка еще не видела. Два бомбомета, гранаты, револьверы, шашки, винтовки, ящики патронов были спрятаны на чердаках, в подвалах и складах.

Оружием наполнили доверху четыре грузовика. Оружия не только хватало для всех красногвардейцев, значитель-

ную часть его амовские шоферы отвезли в Московский ревком.

* * *

Комендантом симоновских патронных складов ревком первоначально назначил динамовца Борисова. Выбор был неудачным. Борисов оказался трусом. Попав на ответственный и опасный пост, Борисов стал говорить, что надо прекратить братоубийственную войну, что нельзя разрушать святыни Кремля, словом, повторял всем известные меньшевистские речи. Гончарову пришлось отобрать у него партийный билет и снять его с работы на складах.

На склады направили Лидака.

Дисциплинированный и выдержанный тов. Лидак оказался отличным комендантом. Он круглые сутки оставался на складах, самолично отправляя в центр каждый грузовик с патронами, проверяя все требования из районов.

Склады снабжали все красногвардейские части Москвы. Даже работая без отдыха, амовские шоферы не могли развезти необходимое количество патронов. Рабочим ряда предприятий приходилось на своих машинах приезжать на склады за подкреплением с требованиями районных ревкомов.

29 октября застава гужоновских красногвардейцев на Таганской площади задержала грузовик, ехавший с симоновских складов. Обыск показал, что склады выдали патроны по поддельному требованию: на грузовике были офицеры.

Тогда изменили порядок отпуска патронов. Все требования должны были — так установили — быть подписанными обязательно одним из членов Московского военно-революционного комитета и заведующим вооружениями тов. Розенталем. Это затрудняло быстрое получение подкреплений, но во всяком случае давало уверенность в том, что они не попадут в руки врагов.

На завтра после задержания белогвардейского автомобиля к Лидаку на склад приехали три красногвардейца в солдатских шинелях.

Они прибыли с требованием от Замоскворецкого ревкома. В этот день под давлением Викжеля ревком подписал однодневное перемирие с белогвардейцами.

Лидак отказался отпустить патроны — требование написано не по форме и сегодня военные действия прекращены.

Красногвардейцы наседали на него. Они уговаривали, ругались. Они доказывали, что из-за проволочки с доставкой — под пулями юнкеров гибнут рабочие, что юнкера не соблюдают условий перемирия.

Это было справедливо. Но Лидак знал военную дисциплину:

— Не выдам, — отвечал он.

— А если ваш ревком прикажет?

— Тогда видно будет.

— Айда, ребята, в ревком, видите — уперся, как бык...

В ревкоме дежурили Смирнов и Азарх. В соседней комнате после ночных работ отсыпались красногвардейцы.

Азарх задал ряд вопросов о положении в Замоскворечье Ответы не возбуждали сомнений. И все-таки приехавшие были подозрительны. Азарх внимательно оглядывала их. Вдруг успокоилась и прошептала что-то Смирнову. Смирнов громко ответил:

— Надо выручить товарищей, возьмите печать в той комнате, сейчас подпишем требование.

Азарх пропала минут на пять.

— Там нет печати, Семен Потапыч, она в столе наверно.

И действительно печать в столе. Смирнов пишет резолюцию медленно и длинно. Комната наполняется красногвардейцами. Один из солдат, приехавших из Замоскворечья, стоит около Азарх. Он увешан бомбами. На ремне гимнастерки из-под шинели серебром сияет бляха.

— Что это у вас за бляха? — спрашивает Азарх.

Солдат оглядывается, и в это время его и его товарищей схватывают красногвардейцы.

На бляхе у него вензель «А» с короной, знак Александровского училища. И его спутники, и он оказываются юнкерами. Лидак не зря отказал им в выдаче патронов.

* * *

Симоновка свободна. Гнезда контрреволюции обезврежены. Единственная власть в Симоновке так же, как и в большинстве окраин Москвы, — это власть ревкомов, завоеванная вооруженными рабочими-красногвардейцами. Но в Москве еще попрежнему две власти. В Кремле на центральных улицах и раскинувшихся вокруг них прихотливой паутиной дворянских и купеческих переулках и тупичках попрежнему хозяйничают юнкера. Здесь каждый дом — крепость, каждая колокольня — наблюдательный пункт, каждый забор — прикрытие.

Расширяясь веками, Москва обрастала кольцами новых поселений. Так образовались Китай-город, Бульварное, Садовое кольцо, Камер-Коллежский вал.

В Кремле под защитой крепостных стен — соборы, дворцы, арсенал, высшие правительственные учреждения. За оградой Китай-города — торговые помещения. Дальше, в узких переулочках, окруженные палисадниками тихие дворянские домики и купеческие, аляповатые и пышные особняки. Там, в подворотнях, жмутся холеные буржуа в шубах с бобровыми воротниками и с винтовками на плече. Это «самообо-

рона», выставленная домовыми комитетами. Туда вбегают и оттуда выходят вооруженные молодые люди в офицерских шинелях и студенческих тужурках. Буржуазные кварталы живут напряженной жизнью.

Дальше — Москва ведь широко раскинулась — хибарки мастерового люда, фабрики, городские свалки, грязные улицы со сломанными заборами и покосившимися постройками. Здесь уже не Пречистенки, Чудовки и Воздвиженки, а Щипки, Кочки, Сукины болота, Швивые горки, Студенцы.

Двенадцать лет назад царские солдаты артиллерийским огнем спалили рабочие окраины. В октябрьские дни пушки, поставленные на Швивой горке, обстреливали центр. Ревком приказал наступать. Кольцо рабочих окраин осадило центр.

Все красногвардейцы Симоновки кроме нескольких десятков, оставленных для охраны района, погрузились в амовские автомобили. Ревком указал маршрут — Таганка, Варварка, Верхние торговые ряды.

Но доехать удалось только до Варварской площади. Юнкера засели в Китай-городе и беспрерывно обстреливали красногвардейцев. Прорваться через узкие ворота было невозможно даже на автомобиле.

Группа рабочих завода АМО — участников Октябрьской революции — со знаменем 1917 г.

Красногвардейцы выломали дверь чайной на углу Солянки. В чайной устроили базу. Затем перебежками под защитой пулемета скопились у стены Китай-города и овладели воротами. Юнкера отступили в торговые помещения.

По Варварке итти невозможно. Из окон и с крыш домов беспрерывно стреляют. Приходится пробираться по переулкам грязного торгового Зарядья. Отряд городского района придерживается направления на Ильинку и Никольскую, симоновские рабочие — на Нижние торговые ряды.

Видна Красная площадь. С верхов Василия Блаженного трещит пулемет. Туда забрались юнкера.

По Ильинке прошли в уже оставленные юнкерами Верхние торговые ряды. Там амовцы должны укрепиться. Рабочие, никогда не бывшие здесь, ищут ход на крышу. Поднимаются наверх, бродят под стеклянным куполом, по узким коридорчикам третьего этажа. Путь найден. На крышу втаскивают два пулемета. Юнкера в Кремле замечают движение и пристреливаются. Ровным треском сыплются пулеметные очереди. Пули ударяются в крышу. Вот ранен Рогожин, а затем Смирнов, но раны не серьезны. Смирнов обматывает тряпкой руку и остается на посту. Рогожин сходит вниз, но тоже из рядов не уходит.

* * *

Беспрерывно стреляли из Кремля. Стреляли из пулеметов, из ружей. Красная площадь была границей между двумя мирами. Всякий, кто показывался на ней, погибал под выстрелами.

Замоскворецкий район обстреливал Кремль с Каменного и Москворецкого мостов, из Нижних торговых рядов, Хамовники — со стороны Александровского сада. Китай-город заняли Городской, Симоновский и Рогожский районы. Остальные наступали с Театральной и Воскресенской площадей.

Пулеметы не умолкали. Ружья красногвардейцев накалились до такой степени, что стрелявшим приходилось обматывать руку тряпкой. Юнкера казались несокрушимыми за стенами Кремля. Не радовали даже известия о решительных победах в городе, о ликвидации последних белогвардейских отрядов. В Кремле враг мог еще долго продержаться.

В рядах царили дисциплина и порядок. Каждый сознавал серьезность положения. Всех угнетала мысль, что где-то в Кремле томятся пленные красногвардейцы, что может быть они уже убиты юнкерами. Угнетала и невозможность взять штурмом Кремль. Обстрел из пулеметов и ружей не давал никаких результатов. Военно-революционный комитет до последней возможности избегал артиллерийской стрельбы, боясь разрушить памятники старины. Но в конце концов к ней пришлось прибегнуть.

Окруженные в Кремле юнкера ниоткуда не могли получить подкрепления, но они все еще не сдавались. 1 ноября началась стрельба с Воробьевых гор. Ее поддержали пушки, поставленные на Швивой горке.

Тогда белогвардейцы поняли, что их положение безнадежно. Рано утром 2 ноября командующий МВО полковник Рябцев, руководивший борьбой против рабочих, прислал письмо в Военно-революционный комитет, в котором признал нужным «ликвидировать вооруженную борьбу против политической системы, осуществляемой Военно-революционным комитетом». В 5 часов вечера Рябцев полностью подписал предложенные ревкомом условия сдачи. Ворота Кремля открылись.

Революция победила.

А. Дымшиц

АЛТАЙСКАЯ КОММУНА

Отрывок из истории Невского машиностроительного завода им. В. И. Ленина (б. Семянниковский) [1]

«Кажется, что это борьба за хлеб; на самом деле это борьба за социализм».

В. И. Ленин.

В годы гражданской войны, в годы жесточайшей борьбы рабочего класса и беднейших слоев крестьянства с врагом, внешним и внутренним, с голодом и экономической разрухой группа рабочих-семянниковцев организовала «II российское общество землеробов-коммунистов» и с семьями и хозяйством двинулась на Алтай основывать сельскохозяйственную и ремесленную коммуну.

Образование коммуны рабочими Невского завода не было исключительным явлением в эпоху военного коммунизма. В те годы ряд питерских заводов имел их в различных местах Советской республики.

Возникновение коммун было отнюдь не стихийной реакцией рабочих масс на жестокие условия голода и промышленной разрухи. В. И. Ленин в ряде специальных обращений к питерским рабочим подал идею организации коммун, показал их громадное политическое значение, вскрыл цели и начертал первоначальную программу их действия.

«Великий поход» питерских пролетариев в важнейшие области крестьянской России, охваченной ожесточенной и сложной по своим формам классовой борьбой, должен был нанести согласно ленинскому плану сокрушительный удар буржуазно-кулацкой работе по организации голода и спекуляции хлебом, еще крепче спаять рабочую революцию с крестьянской войной.

«Десятки тысяч отборных, передовых, преданных социализму рабочих, не способных поддаться на взятку и на хищение, способных создать железную силу против кулаков, спекулянтов, мародеров, взяточников, дезорганизаторов —

---

[1] Материалом для настоящей главы послужили воспоминания и документы, переданные группой участников Алтайской коммуны в редакцию по истории завода им. Ленина. Пользуюсь случаем отметить с благодарностью активную помощь, оказанную рабочими-коммунарами тт. Лобза-Савельевой, Лобзой, Тимофеевым, Тимофеевой, Александровой, Савицкой и Грибакиной. А. Д.

вот что необходимо», писал В. И. Ленин в «Наброске телеграммы к питерским рабочим 21 мая 1918 г.[1], напечатанном в «Петроградской правде»[2] и опубликованном по распоряжению Ленина на всех заводах и фабриках[3].

В следующем письме к питерским рабочим «О голоде» В. И. Ленин развил эту установку. «Одно из величайших, неискоренимых дел октябрьского — советского — переворота, — писал Ильич, — состоит в том, что передовой рабочий как руководитель бедноты, как вождь деревенской трудящейся массы, как строитель государства труда пошел в «народ».

...Но рабочий класс может победить — и наверное неминуемо победит в конце концов — старый мир, его пороки и его слабости, если против врага будут двигаемы новые и новые, все более многочисленные, все более просвещенные опытом, все более закаленные на трудностях борьбы отряды рабочих. Нужен массовый «крестовый поход» передовых рабочих во все концы громадной страны. Нужно вдесятеро больше железных отрядов сознательного и бесконечно преданного коммунизму пролетариата. Тогда мы победим голод и безработицу. Тогда мы поднимем революцию до настоящего преддверья социализма. Тогда мы станет способными вести победоносную оборонительную войну против империалистических хищников»[4].

Удар по голоду и экономической разрухе был ударом по их организаторам. Организаторами голода были выбитые из колеи истории крупная буржуазия и помещики и их надежные союзники — сельская буржуазия и кулаки. Еще в 1917 г. они бросили устами Рябушинского в лицо пролетариату циничную угрозу о том, что костлявая рука голода задушит русскую революцию.

Организованная борьба с голодом была неразрывна с борьбой против буржуазной контрреволюции и в первую очередь с контрреволюцией кулацкой. Для этого нужны были, как указывал В. И. Ленин, богатые людские ресурсы из среды пролетариата и разнообразие самих приемов политико-хозяйственной борьбы.

Так наряду с пропагандой идеи продотрядов В. И. Ленин выдвигает форму «крестового похода» рабочих в деревню: идею рабочей коммуны на селе.

Коммуны рабочих возникли весной 1918 г. в момент организации и оформления деятельности продотрядов (Алтайская коммуна организовалась в марте 1918 г.). Свое

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XXIII, стр. 25.
[2] «Петроградская правда» № 103 от 22 мая 1918 г.
[3] См. прим. № 5 к XXIII т. собр. соч. Ленина, стр. 539.
[4] В. И. Ленин, Собр. соч., изд., 3-е, т. XXIII, стр. 31.

идейное обоснование они получили несколько позднее в июльском письме В. И. Ленина «К питерским рабочим». В этом письме В. И. Ленин резко подчеркивал прямое политическое назначение коммун, отводя им вполне определенное место на «внутренних фронтах» гражданской войны.

«...Кулаки ненавидят советскую власть, власть рабочих, — писал в своем воззвании к рабочим-питерцам В. И. Ленин, — и свергнут ее неминуемо, если рабочие не напрягут тотчас же всей силы, чтобы предупредить поход кулаков против советов, чтобы разбить наголову кулаков, прежде чем они успели объединиться.

...Сделать это некому кроме питерских рабочих, ибо столь сознательных, как питерские рабочие, других в России нет.

...Питерские рабочие должны... десятками тысяч двинуться на Урал, на Волгу, на юг, где много хлеба, где можно прокормить себя и семью, где должно помочь организации бедноты, где необходим питерский рабочий как организатор, руководитель, вождь... Революция в опасности. Спасти ее может только массовый поход питерских рабочих. Оружия и денег мы дадим сколько угодно[1].

Организация коммун в деревне была несомненно одной из наиболее удачных форм проведения этого массового похода. Весна и лето 1918 г. характеризуются началом решительной борьбы с кулацкими, контрреволюционными элементами деревни. Продотряды и рабочие коммуны были ударным отрядом в этой борьбе. Большинство рабочих коммун, действовавших на ограниченных территориях, организовывало беднейшие массы крестьянства на ломку феодальных пережитков и капиталистического строя в деревне, на борьбу против кулацкой и белогвардейской контрреволюции. Вместе с тем они проводили социалистические принципы в труде и быту.

Коммуна семянниковцев была одним из боевых постов рабочего класса в борьбе с кулацко-белогвардейской контрреволюцией на Алтае.

По воспоминаниям старого рабочего завода коммунара тов. Тимофеева организационное собрание едущих на Алтай состоялось в марте 1918 г. в бывшем доме Аристова (возле завода). Для проверки условий и возможностей края товарищи Власов и А. Богданов были посланы сначала в Барнаул, а оттуда в Семипалатинск, где губземотдел выделил землю для коммуны в селе Снегирево

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XXIII, изд. 3-е, стр. 138.

(иначе — «Ключи»), Бухтарминской волости. Одновременно на заводе проходил сбор паевых взносов от вступающих в коммуну (по 560 руб. с семьи) и велась подготовка инвентаря и снаряжения.

По свидетельству многих рабочих[1], организацией коммуны заинтересовался В. И. Ленин, одобривший почин семянниковцев и обуховцев (организовавших «I общество землеробов-коммунистов»). Он дал распоряжение об отпуске средств и инвентаря для коммунаров.

30 апреля 1918 г. в 6 часов утра семянниковцы-коммунары покинули завод и заняли поезд, специально поданный на железнодорожную ветку около завода. Для них были отведены 16 вагонов. В пути, в Новосибирске, впервые встретились с врагом — чехо-словацкой охраной, произошла небольшая стычка.

15 мая коммунары приехали в Семипалатинск. Когда семянниковцы прибыли в Снегирево, о наступлении белых еще не было речи. Местное население по-разному отнеслось к новоприбывшим. Крестьянская беднота и киргизы-батраки пока только присматривались к приезжим. Зато казачество и староверы, составлявшие ядро местных богатеев-кулаков, тотчас же обнаружили свою активность. От них в первые же дни пребывания в Снегиреве семянниковцы встретили ряд оскорблений и угроз. «Воры», «грабители» — вот кличка, которую они бросали в лицо «российским» (приезжим питерцам). Инвентарь коммуны они называли не иначе, как «награбленным добром хозяйским».

Коммунары чувствовали себя твердо и уверенно и сразу же принялись за работу. «Мы разделились на две группы — одна поехала на участок, другая осталась в Снегиреве, где открыли общественные мастерские — слесарную, столярную и кузнечную. На участке пололи огород, рубили лес, пилили дрова, чистили, возили. Заработок получали продуктами и делили их поровну», вспоминает коммунарка тов. Лобза-Савельева[2].

Развернули также политико-пропагандистскую деятельность. Заходивших в мастерские переселенцев агитировали на борьбу с кулачеством; киргизам, в своем большинстве занимавшимся батрачеством, разъясняли их угнетенное положение, говорили о путях избавления от эксплоатации.

Тем временем в Сибири уже началось наступление белогвардейщины. Поблизости появились отряды аннен-

[1] Застенографировано на вечере воспоминаний участников Алтайской коммуны от 28 апреля 1933 г.

[2] Из стенограммы вечера воспоминаний участников Алтайской коммуны то 28/IV 1933 г.

ковцев. Спустя некоторое время после приезда коммунаров были захвачены белыми Зырянские рудники, но Снегирево еще оставалось свободным.

Окрестное казачество вкупе с кулачеством организовалось вокруг продвигавшейся по участкам белогвардейской милиции, отмеченной анненковскими значками (череп и положенные крест-накрест кости, нашитые на рукавах).

В расположенной неподалеку от семянниковцев коммуне питерских рабочих «Солнце» в скором времени произошла стычка с белыми, послужившая сигналом к открытому нападению на остальные коммуны. Когда белые подошли к коммуне «Солнце», коммунары, не рассчитав своих сил, решили оказать врагу сопротивление. Коммунары выставили пулеметы, бросали разрывные снаряды, боролись с ожесточением и стойкостью, но очень скоро были разбиты, а коммуна уничтожена. Когда известие о разгроме коммуны «Солнце» достигло Снегирева, семянниковцы собрались, чтобы обсудить тактику товарищей и выработать свою линию поведения. Выступление коммуны «Солнце» подверглось решительному осуждению: жалели товарищей, но их поступок определили как бесполезный шаг.

Выступление коммунаров «Солнца» дало повод белогвардейцам и кулакам к расправе с остальными коммунами. Они обыскали и ограбили (даже аптечку унесли) «I общество землеробов-коммунистов» (Обуховская коммуна). Обуховцы решили предупредить товарищей о надвигающейся опасности и послали в Семянниковскую коммуну всадника.

Гонец благополучно проскакал 25 верст и успел во-время известить семянниковцев о налете белогвардейцев. Руководители коммуны — Петров (бывш. предзавкома, председатель коммуны), Махов, Богданов и Иван Митрофанов (секретарь) — отобрали у всех оружие и порох и тайком зарыли их в угольной яме. «На другой день приехали казаки (это было в конце июля 1918 г.), заходили в каждую палатку, все перетормошили... Искали оружия. Спросили председателя, но его не было, он был на участке. Тогда они забрали с собой Митрофанова» [1].

Арест испугал Митрофанова, и во время допроса он предал коммунаров.

Он не только выдал местонахождение оружия, но также сообщил, что кроме оружия, уложенного на дно угольной ямы, оно имеется еще у рабочего Гебеля (порох) и у Богданова (револьвер).

Вскоре казаки вновь появились в коммуне, волоча за собой Митрофанова. Быстро согнали коммунаров, окружили

[1] Из воспоминаний И. Ф. Лобза-Савельевой.

Правление «II российского общества землеробов-коммунистов». Слева направо стоят: фамилия первого товарища неизвестна, Гебель, Власов, Стефановский. Сидят: Пешехонов, Михайлов, Петров, Богданов, Митрофанов

их цепью верховых и пехоты. Сотник в офицерской форме повел допрос, выпытывая местонахождение оружия. С особой яростью ухватился он за Махова.

Махов был в прошлом военным царской службы (в годы империалистической войны он был прапорщиком), но еще в армии с отвращением относился к командованию и тянулся к «низам». По профессии он был агрономом. С начала революции он принадлежал к сочувствующим большевизму. Неудивительно, что к нему белогвардейцы относились с особой ненавистью.

— Почему связался с шайкой? — наседал на него сотник. — Почему, коли сам наш?

Махов грубил, отвечал зло. Тогда его поставили к стенке, и двое казаков навели на него ружья.

Сотник опять стал допрашивать об оружии.

— Где ружья, сознавайся! — снова твердил сотник.

— Нет у нас оружия и не было, — продолжал запирательство Махов.

Тогда казаки по знаку сотника схватили несколько коммунаров и повели их к угольной яме. Оружие вырыли; на всякий случай сотник решил «позондировать почву» и

И. О. Панцырный—рабочий-столяр. Участник революционного движения с 1905 г. В годы 1906—1917 отбывал каторгу в Сибири. Расстрелян белогвардейцами в числе 28 алтайских коммунаров.

долго и глубоко рыл землю шашкой. Отобрали также оружие, оставшееся на руках. Только один рабочий И. Александров сумел спрятать револьвер. Петров, Махов и Богданов были взяты под арест и увезены в Усть-Каменогорск, где пробыли в тюрьме с июля 1918 г. по март 1919 г.

За этим обыском последовал ряд новых. Казаки приезжали невзначай, обыскивали, громили, грабили, отняли палатки для жилья и наконец заявили, что коммунарам пора понять: время, мол, разъезжаться, пока всех не перебили.

Терроризированные коммунары собрались и решили «II общество землеробов-коммунистов» — как целое — распустить и разбиться по мастерским и групповым хозяйствам, чтобы таким образом сохранить начатое дело.

В Снегиреве организовалась объединенная слесарная, столярная и литейная мастерская. В нее вошли Харитонов, Стефанский, Лобза, Панцырный, Александров, Коршунов, Родионов и Н. Кудрявцев. В высшей степени своеобразной личностью был питерский большевик Н. Кудрявцев. Он прибыл к семянниковцам из чужой коммуны и как профессионал-литейщик организовал в мастерской литье. В сибирском подполье он работал под партийным псевдонимом. После восстановления советской власти Кудрявцев работал в руководстве омской парторганизации. Панцырный — столяр по специальности — поставил в мастерской производство веялок.

Другая группа коммунаров — Тимофеев, Смирнов, Гаврилов и А. Андреев — поселилась в селе Быково и там объединилась для работы в мастерской.

В Быкове же особняком от товарищей поселился И. Митрофанов. После предательства некоторые намеревались его убить, но он валялся в ногах у товарищей и на коленях выпросил пощаду.

Группа неквалифицированных рабочих (Евдокимов, Косинский, Савицкий) выделилась особо и занялась сельским хозяйством.

Многосемейный Шляпников ушел в горы, крестьянствовал, столярничал, но связь с коммунарами не терял.

Однако разгром коммуны не мог успокоить местное кулачье. Лишенные единой организации, коммунары-рабочие все же оставались единственными и притом сильными конкурентами кулаков по выделке и ремонту сельскохозяйственного оборудования. Коммунары работали в мастерских быстро и брали за свои изделия настолько низкие цены, что сразу завоевали авторитет среди окружающего бедняцкого населения (в мастерские приезжали иногда за 200 верст). Кулаки-торговцы и ремесленники, продолжая брать втридорога и больше против цен коммунаров, очень скоро потеряли своих покупателей.

Бешеное озлобление кулаков, руководимых богатеем Галактионовым, принимало самые различные формы вплоть до мелкого вредительства, чрезвычайно ощутительного в тяжелых условиях работы бывших коммунаров.

Так например они потравили лошадьми тот мизерный посев (1½ десятины на 8 семейств), который сумели выделить для себя рабочие снегиревской мастерской.

Белогвардейская милиция не переставала усердствовать в слежке и провокации. В мастерские приходили переодетые милиционеры, казаки и кулаки и пытались вызвать коммунаров на откровенность. Однажды явился в штатском платье участковый начальник милиции Арапов, но рабочие его тотчас же узнали. В другой раз пришел посетитель, назвавший себя представителем зырянской парторганизации; громко и развязно продекламировал он вымышленный пароль, но рабочие спокойно сидели на местах, продолжая свое дело. Слишком грубо и примитивно работал этот очередной провокатор.

Однако надзор и слежка не ограничивались посещением мастерских. Ходили и на дом к рабочим (к Стефанскому), обыскивали мастерские, арестовывали отдельных товарищей «на предмет выяснения образа мыслей и поведения». Участковый начальник милиции, анненковец Арапов, арестовал рабочих Гебеля и Ловчанского и направил их к бухтарминскому волостному милиционеру со следующим

письмом: «Препровождаю коммунистов Гебеля и Ловчанского,— писал этот анненковец,— предписываю по получении сего немедленно произвести подробное расследование об их образе жизни, поведении и не замечены ли они в большевистской организации». Только справка бухтарминского волостного милиционера Карташева о том, что «Гебель и Ловчанский ни в чем предосудительном замечены не были, противоправительственной агитации не вели, живут мирно и занимаются кузнечной работой», спасла рабочих от тюрьмы и расправы.

Но враг волновался недаром. Коммунары-партийцы и сочувствующие совместно с крестьянами-бедняками сорганизовали в Снегиреве подпольную парторганизацию. Под видом игры в карты они собирались по вечерам, чаще всего у многосемейного старика-крестьянина Петрова. Тайно была налажена связь с бывшими коммунарами, разбросанными по окрестностям.

Среди коммунаров было несколько участников революции 1905 г. и работников революционного подполья. Питерские рабочие, неоднократно участвовавшие в революционном движении, вели партийную пропаганду и политическую агитацию, давали пример и образец стойкого революционного поведения для бедняцких масс в их борьбе с кулачеством и подготовляли восстание против колчаковской милиции.

Осенью 1919 г. в горах, в 60 верстах от Снегирева, вспыхнуло восстание. Восстали крестьяне, с которыми у коммунаров через рабочих-партийцев И. Гаврилова и Ф. Андреева была налажена связь. Весть о восстании быстро прошла по деревням. Коммунары в Быкове восстали, арестовали объездчика, организовали 4 поста революционной обороны. К ним примкнули 18 крестьян.

Но объединенный удар крестьян и коммунаров оказался преждевременным. Силы контрреволюции быстро объединились и подавили восстание. Главари коммуны, идейные руководители и вдохновители движения, были хорошо известны кулакам, казакам и милиции. В первую очередь захватили Гаврилова и Андреева. Их отправили в Зыряновский рудник, жестоко избили, подвергли мучительной пытке, истязали, рубили шашками, наконец расстреляли. При их аресте застрелили на месте одного из быковских крестьян, пытавшегося попрощаться с товарищами.

14 сентября в Снегирево прискакали казаки и арестовали 32 человека из бывших Семянниковской и Обуховской коммун. Среди арестованных оказались дети; часть из них отпустили по просьбе матерей.

Было это так:

Когда арестованных выстроили перед волостным правлением, прибежали коммунарки. Имея все основания ждать недоброго, женщины плакали и просили председателя отпустить некоторых из арестованных.

Тов. Лобза просила отпустить мужа и сына, уверяла, что они ни в чем не виноваты, живут мирно и честно работают.

— Он ведь еще совсем мальчик,— указывала она председателю на сына.

— А ну, забирай мальчишку и уходи отсюда поскорей,— «сжалился» волостной начальник.

Евдокимову, которая просила за двух сыновей, председатель грубо оборвал:

— Не скули, не скули, мать, одного отдадим. Бери на выбор. А ну, выбирай-ка, да поживее!

В первую минуту Евдокимова опешила, услышав такое предложение, но затем, взглянув на сыновей, поняла, что нельзя терять времени.

— Отдайте хоть меньшого,— сказала она.— Ведь ему только 16 лет. Он вовсе еще ребенок, мальчик совсем.

— Ну, марш, ступай к матке,— скомандовал волостной начальник.— Забирай, забирай его скорее и убирайся вон отсюда. Отправлять надо ваших,— заключил он, оборачиваясь к женщинам.

Коммунарок прогнали.

15 сентября 28 арестованных коммунаров под «конвоем» одного казака вышли из Снегирева.

Об убийстве Гаврилова и Андреева коммунары еще не знали. Они шли спокойно, не пытались устраивать побегов, рассчитывая на скорое возвращение. В 26 верстах от Снегирева положение резко изменилось. Толпу арестованных, шедших до того в сопровождении одного конвоира, окружила сильная охрана, которая и доставила их в Бухтарминскую тюрьму. Там коммунаров, обвиненных в большевистской агитации среди крестьян, подвергли допросу, при этом жестоко избивая. Утром следующего дня, не добившись признания, колчаковские власти вывели их из тюрьмы, выстроили в ряд, пересчитали и в окружении вооруженного отряда повели по направлению к станице Ульбинской.

Вслед за ними в Бухтарму привели новую партию арестованных, которую долго гоняли по тюрьмам, но в конце концов выпустили. Из бывших «активистов» коммуны легко отделался один лишь И. Митрофанов благодаря своим связям с милицией и дружбе с Араповым.

Иной была судьба 28 коммунаров — лучших питерских рабочих, составлявших разум и сердце Алтайской комму-

И. Н. Александров—рабочий-медник участник революционного движения В Алтайской коммуне был «библиотекарем» (у него был большой подбор книг по социально-историческим и политическим вопросам, основные произведения марксизма, которыми пользовались коммунары). Расстрелян белогвардейцами

ны. 28 коммунаров, в большинстве люди с революционным прошлым, были расстреляны без суда и следствия.

Среди них: Петров (бывш. председатель коммуны, недавно лишь вернувшийся перед тем из тюрьмы), Шляпников И., Шляпников М. (сын), Евдокимов Ф., Евдокимов С. (сын, 18 лет), Кондрашов И., Кисинский А., Савицкий, Андрукович В., Лобза А., Харитонов А., Александров И., Панцырный И., Коршунов Ч., Родионов Г., Михайлов, Осипов (Михайлов и Осипов — рабочие черниговского холодильника, примкнувшие к Алтайской коммуне), Авгурт Г., Жуков Ш., Тарасов, Цеханович, Цыганов, Фирсов Н., Грибакин В. (член Обуховской коммуны) и еще четверо обуховцев.

Их расстреляли по распоряжению начальника милиции станицы Ульбинской, состряпавшего для формального оправдания своего самоуправства лживое донесение в канцелярию колчаковского генерала Веденина, гласившее, что «коммунисты в числе 28 человек при попытке бежать все были перебиты» [1].

Эта подлая провокация была раскрыта, как только на Алтае восстановилась советская власть. Во время похорон рабочих-коммунаров, тела которых были вырыты из ямы и преданы земле в братской могиле, в Усть-Нарыме и на Иртыше осмотром было установлено, что их расстреливали в упор.

1 Из цитированной стенограммы.

То же показал участник расстрела 28-ми, колчаковский милиционер Решетников, захваченный и приговоренный к расстрелу советским правосудием [1].

«Решетников рассказывал, что расстреливали по 14 человек. Для них уже была вырыта яма. Никто не просил пощады кроме Михайлова...

Он очень просил его пощадить, потому что у него остались двое маленьких детей... Бухтарминские казаки отказались расстреливать, расстреливали александровские казаки»[2].

Судьба 28-ми стала известной их семьям и товарищам благодаря мужеству двух коммунарок, товарищей Лобзы (из семянниковской коммуны) и Грибакиной (из Обуховской коммуны).

Сход коммунарок, собравшийся после того, как 28 снегиревских рабочих были отправлены в Бухтарму, решил послать двух женщин с провизией для арестованных в Усть-Каменогорск. Выбор пал на товарищей Лобзу и Грибакину.

Нагруженные провизией коммунарки отправились в Усть-Каменогорск. С тяжелой скорбью и тревогой они двинулись в путь. Первое препятствие они встретили сразу же при отправке: оказалось, что ехать прямо в Усть-Каменогорск нельзя, так как для этого нужно предварительно получить разрешение от зыряновской милиции.

Поздно вечером коммунарки пришли в Зырьяновский рудник. Милиция уже не работала. Посчастливилось встретить бывшего обуховского коммунара-питерца. Он охотно предоставил им ночлег и сообщил местные новости. От него коммунарки узнали о гибели Гаврилова и Андреева и о том, что через рудник провели несколько групп арестованных коммунаров (из Быкова и др.).

На утро коммунарки пришли в милицию к Арапову и долго упрашивали его дать пропуск в город.

Арапов упорно отказывал в пропуске. Но «выручил» И. Митрофанов, сидевший в милиции на правах араповского друга и советника.

— Николай Дмитрич,— сказал он голосом полужалобным, полуироническим,—жалко вам, что ли пропуск-то дать? Пусть они прокатятся.

Арапов «сдался». Он не без удовольствия представил себе картину поездки коммунарок. Осень, широкая река, длинный путь, две женщины плывут на плоте, находясь еже-

---

1 Из сообщения об аресте Решетникова см. постановление коллегии Семипалатинской губ. ЧК в газете «Известия Усть-Каменогорского уездного революционного комитета», № 63 от 9 марта 1920 г.

2 Из воспоминаний И. Лобзы об «Алтайской коммуне».

минутно в опасности быть брошенными в реку, если только казаки-провожатые узнают, кого они везут.

Арапов согласился, был даже доволен. Коммунаркам он расшифровал подлинный смысл митрофановского заступничества.

— Ну, что ж,—милостиво согласился начальник милиции,—п р о к а т и т е с ь на плотах. Верст 200 по Иртышу кататься будете.

Пропуск быстро написали и вручили коммунаркам.

С большим трудом, в постоянной опасности для жизни, коммунарки добрались до Усть-Каменогорска. Там начались для них тяжкие хождения по ведомственным лестницам.

Толкнулись в милицию. Начальник заявил, что ничего не знает о партии в 28 арестантов, и послал их к прокурору. Затем пошли в тюрьму, но и там ничего не добились. Направились к коменданту города генералу Веденину. Генерала они сразу не застали. В канцелярии их опросили о цели прихода.

— Выяснять явились,—насмехаясь, резюмировал беседу сотрудник колчаковской комендатуры.—Надо было тише жить. Вот что. Да-а-а-с,—протянул он,—жили бы потише, тогда и выяснять не пришлось бы,—растягивая гласные, подчеркнул он слово «выяснять».

Наконец явился генерал. Презрительно поджимая губы, он посмотрел на коммунарок сверху вниз и прошел в кабинет. Вскоре из кабинета Веденина вышел адъютант и впустил коммунарок.

— Ну-с,—начал генерал, поднимаясь из кресла и вытягиваясь во весь рост,—что вам угодно?

Коммунарка Лобза изложила просьбу: мы жены питерских коммунаров, приехали из Снегирева, Бухтарминской волости, в поисках 28 арестованных.

— За что арестованы? — спросил Веденин, поворачиваясь к ним в полоборота и поглядывая вопросительно на адъютанта.

Адъютант не дал коммунаркам и рта разинуть.

— Ваше превосходительство,—доложил он,—это коммунисты, приехавшие на Гусиную Пристань (коммунары прибыли в Снегирево через Гусиную Пристань.—А. Д.). Экспроприаторы, ваше превосходительство. Петербургские рабочие с массой награбленных вещей: телег, седел, кухонь, палаток. В их коммуне было даже украденное в Петербурге пианино...

Более года коммунары выслушивали от кулаков те же клеветнические измышления. Белогвардеец старался возможно сильнее уязвить коммунарок.

Лобза, вся красная от негодования, крикнула, перебивая адъютанта:

— Неправда! Вам наврали! Мы не грабители, а честные рабочие. Мы приехали работать, а не грабить. Пусть крестьяне скажут. Кринки молока не выпито, чтоб не заплатить деньгами или работой...

Генералу надоела беседа. Он решил ее прервать.

— Ближе к делу,— громко заявил он и прикрикнул на коммунарок.— Что же вам наконец-то надо? Ах, да... — и, повернувшись к адъютанту, закончил: — сыщите им дело. Так. Все.

«Прием» окончился. В канцелярии делопроизводитель выдал тов. Лобзе срочное донесение от начальника милиции станции Ульбинской, извещавшее о расстреле 28 коммунаров.

«Мне дали бумажку,—вспоминает тов. Лобза,—вышла я, нашла свою товарку, сказала ей, что наших нет в живых и... можете себе представить длинный город и как мы шли из конца в конец с такой тяжелой ношей».

Расправа с вожаками коммуны временно обезглавила и дезорганизовала ее революционную работу, но не смогла убить революционной воли и энергии питерских пролетариев.

Окруженные врагом, подготовлявшим новые преследования, коммунары не бросают своего партийного дела. Сын расстрелянного рабочего Лобза, комсомолец, получивший первую революционную закалку еще в Питере, в союзе молодежи при заводском клубе «Знание и сила», едет ночью вместе со стариком-крестьянином Петровым за 80 верст от Снегирева на подпольное собрание. Рабочие обсуждают вопрос о перемене тактики в связи с расстрелом 28 коммунаров и принимают решение о необходимости связаться с партизанским движением в районе.

Под видом культурного объединения для устройства любительских спектаклей и борьбы с пьянством из молодых коммунаров и крестьянской молодежи организовалась комсомольская ячейка. На ее собрания — репетиции спектаклей — неоднократно жаловал (то ли с целью проверки, то ли почитая себя за ревнителя искусства) старший снегиревский милиционер Карташов. Тайком ячейка проводила антирелигиозную работу среди бедняков—староверов и киргизов, организовывала читки политической литературы (несмотря на ряд обысков уцелевшей в доме расстрелянного рабочего И. Александрова) и подготовляла почву для более широкой революционной работы среди крестьянства.

Снегиревский «Союз красной молодежи» оказался первой ячейкой комсомола в районе. После восстановления совет-

ской власти на Алтае Лобза-сын, по поручению коммунаров-комсомольцев, выехал в Усть-Каменогорск к секретарю горбюро РКП(б) тов. Гутову, предлагая организовать горбюро комсомола и учредить сельскую инспектуру для организации низовых комсомольских ячеек.

В конце 1919 г. Красной армией был занят Семипалатинск и восстановлена советская власть. Коммунары выходят из глухого подполья. Часть семянниковцев (преимущественно молодежь) уходит в ряды Красной армии, часть возвращается в Питер содействовать восстановлению индустриального хозяйства, а большинство крепко оседает на земле. Оставшиеся в Снегиреве продолжают непримиримую борьбу с кулаками, способствуют превращению местного хозяйства в коллективизированное, продолжают дело, начатое под руководством покойных товарищей по заводу и коммуне.

И. Плугов

БОРЬБА С ЧЕХО-СЛОВАКАМИ

Из тринадцатой главы истории Московско-казанской железной дороги

Кипучая работа пролетариев Казанки над созданием советского управления дорогой и борьба за революционный порядок на ней в самом начале были осложнены политическими событиями, угрожавшими существованию советской власти.

Перед казанцами наряду с другими силами контрреволюции появился новый враг. Это были чехо-словацкие полки, вооруженные частично еще царским правительством и после Октябрьской революции содержавшиеся на средства Антанты.

Чехо-словаки явились по существу передовым ударным отрядом интервенции, организованной союзниками для свержения в России советской власти.

Как известно, чехи и словаки, входившие в состав Австро-Венгрии, были во время империалистической войны в австрийских армиях. Национальный и экономический гнет, который много лет испытывали на своей шкуре чехо-словацкие рабочие и крестьяне, углублял с каждым месяцем их ненависть к своим угнетателям — австрийскому и мадьярскому правительству. Уже в начале войны мобилизованные в армию чехи и словаки стояли не за победу, а за полное поражение австро-венгерской монархии.

Никто из них не хотел драться за интересы ненавистного им государства. «Лучше в плен к русским, чем в неволю к мадьярам», говорили словаки. Подобные настроения разделяли и чехи. В то же время чехо-словацкие интеллигенты и буржуазия, которые с начала войны мечтали о создании независимого чехо-словацкого государства, делали ставку на разгром австро-венгерской монархии.

Этот национализм чехо-словаков, их ненависть к немцам были использованы империалистами Франции, Англии и Японии, которые сейчас же после Октябрьской революции начали вместе с представителями бывших царского и Временного правительств подготавливать нападение на Советскую республику.

Формирование чехо-словацких дивизий в России началось задолго до этого. «Еще во время войны проживавшая в России чехо-словацкая буржуазия,— говорит один из исследователей чехо-словацкого мятежа тов. Ф. Попов [1],— обратилась к царскому правительству с ходатайством о разрешении формировать из числа проживающих в России чехо-словаков, перешедших в плен, специальные чехо-словацкие легионы. Царский генерал Романовский в докладной записке, поданной военному министру, так определял цели формирования чехо-словацких легионов: идея подобных формирований — создать в пределах России ядро будущей национальной армии свободной Чехии и дать возможность этому ядру боевой работой на фронте заслужить на предстоящей мирной конференции всеобщее признание их самоотверженной работы в деле низвержения немецко-мадьярского деспотизма».

В начале 1916 г. начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Алексеев получил у царя согласие на формирование чехо-словацких легионов, и летом того же года сформированную из чехо-словаков дружину стали развертывать в бригаду.

Формирование чехо-словацких войск продолжалось и после Февральской революции. К началу Октябрьской революции из чехо-словаков был уже сформирован целый корпус. После Октября чехо-словацкие полки начали насыщаться русскими офицерами-реакционерами, заявлявшими, что они пришли к чехам для расправы с советской властью. Чешское командование принимало их весьма радушно.

С появлением среди чехов русского офицерства в полках развернулась широкая контрреволюционная агитация.

«Контрреволюционная обработка рядовых солдат чехо-словацкого корпуса, — пишет тов. Попов, — особенно усилилась с марта 1918 г., после заключения советской Россией Брестского мира, когда Антанта и чехо-словацкие лидеры окончательно сторговались относительно выступления в России и когда уже был выработан конкретный план захвата Сибирской железнодорожной магистрали».

Среди рядовых чехо-словаков стали распространяться слухи, что большевики заключили союз с немцами, что надо быть готовыми дать большевикам отпор. Между тем командовавший корпусом чехов генерал Гайда делал вид, что он готовился к отъезду через Владивосток на помощь союзникам на западном фронте. К маю чехо-словацкие эшелоны были растянуты от Пензы почти до Владивостока. Но когда этот город захватили японцы, советское

---

[1] Чехо-словацкий мятеж и Самарская учредилка, Огиз, 1932 г., Самара.

правительство предложило чехо-словакам изменить маршрут, ехать через Архангельск или Мурманск.

Агитируя среди чешских солдат, офицерщина и эсеры не замедлили использовать это предложение для контрреволюционных выступлений и разжигания среди чешских солдат недоверия к советской власти.

— Вас, — говорили они, — направляют в Архангельск для того, чтобы немцы перетопили вас всех своими подводными лодками.

Эта ложь вызвала озлобление чехов против советской власти. Особенно были озлоблены чехо-словаки, находившиеся в Сибири, которым казалось, что они стоят уже одной ногой на пароходе, доставлявшем их на фронт, а потом на родину. В Сибири находился со своим штабом генерал Гайда, успевший уже выполнить приказание французского правительства — захватить Сибирскую магистраль.

Гайда старался при каждом случае заверить представителей советской власти в своей лойяльности к ней. Но когда в половине мая командир сибирского белогвардейского отряда генерал Гришин-Алмазов предложил Гайде начать совместные действия против большевиков, Гайда, одобрив разработанный белогвардейцами план, дал согласие на совместное выступление.

25 мая чехо-словаки захватили Новониколаевск (ныне Новосибирск) и разогнали совет. Через несколько дней ими был занят Марийск, затем Томск. Советская власть в этих городах была ликвидирована.

В эти дни под Пензой стояло тринадцать чехо-словацких эшелонов. В связи с событиями в Сибири наркомвоенмор предложил Пензенскому губисполкому приступить к разоружению чехов. Переговоры губисполкома с чехами начались 27 мая. Чехи отказались сдать оружие. Губисполком категорически заявил, что с оружием в руках он их из Пензы не выпустит.

За два дня перед этим губисполком известил о предстоящем разоружении чехов ближайший железнодорожный узел — Рузаевку, требуя скорейшей присылки вооруженных отрядов.

25 мая по тревожным гудкам паровозов к Рузаевскому ревкому бежали вооруженные и невооруженные люди. Через пять-семь минут все население городка знало, в чем дело. Возле ревкома началась запись в добровольцы, и тут же на улице формировался и получал оружие рабочий отряд.

Около пяти часов вечера сформированный рабочий батальон пополнился отрядом железнодорожной охраны; подошел в полном составе местный отряд по борьбе с контрреволюцией, приехало несколько добровольцев с соседних

станций. Появление на площади вооруженных, готовых к бою членов уездного исполкома и ячейки большевиков было встречено криками «ура» и музыкой.

На вокзале перед посадкой в вагоны выступил один из рабочих. Обращаясь к членам ревкома, он сказал:

— Товарищи, от имени всех нас (он показал на входивших в вагоны рабочих) заверяю: пока стоит на ногах рабочий народ с винтовкой, никто советскую власть пальцем не тронет.

Отряд прибыл в Пензу в ночь на 26 мая и разместился в казарме стрелкового батальона. Задача отряда заключалась в охране Сызрано-вяземского вокзала и железнодорожного моста через Суру.

27 мая по линии Рязано-уральской дороги, недалеко от железнодорожного моста, начались военные действия. Охранявший линию рабочий патруль наткнулся на патруль чехов.

Командовавший рабочим патрулем тов. Лодеревский рассказывает:

«Выйдя к краю насыпи, мы обратили внимание на чеха, шедшего в нашу сторону. Заметив нас, он в нерешительности остановился, но, увидев направленные на него винтовки, направился к нам. В то же время сзади нас неожиданно появились чехи, человек семь-восемь. Они крикнули нам: «Сдавайтесь, сдавай оружие». В первый момент мы опешили, растерялись, но, оправившись, приготовились к сопротивлению.

Один из чехов, повидимому офицер ,обратившись к нам на чисто русском языке, сказал: «Товарищи, зачем нам проливать братскую кровь. Давайте кончим миром. Мы хотим проехать домой — и только».

Я ответил, что и мы против пролития братской крови и хотим только одного, чтобы чехи сдали оружие и ехали домой...

После этого несколько чехов с криком — «чего смотреть, они большевики» — бросились на нас, вырывая оружие. Началась свалка.

В это время где-то раздался орудийный выстрел. Мы припали к земле, а чехи кубарем скатились под откос...»

Этот момент был началом наступления чехов. Держаться против них было трудно. Рабочие цепи таяли, нехватало патронов. Чехи уже прорвались к центру города, захватили губисполком. Орудия возле ревкома замолкли — не было снарядов.

Шедший на помощь пензенцам бронированный поезд не мог подойти к станции. Пути были разобраны и загромождены вагонами. Все-таки начальнику бронепоезда тов. Болдеско удалось обстрелять станцию, хотя и с большим ри-

ском для себя; чехи, располагая огромными силами, могли зайти в тыл бронепоезда и отрезать его.

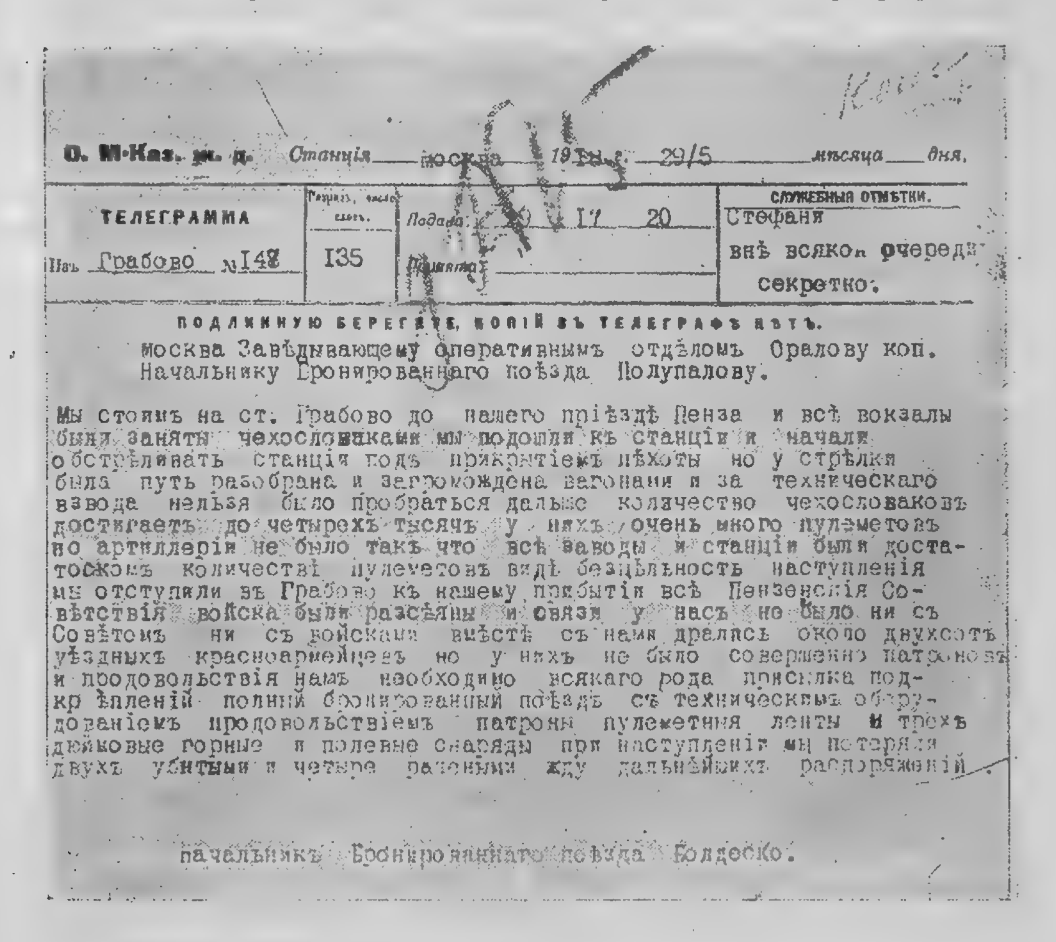
Тов. Болдеско отступил на станцию Грабово, откуда по телеграфу потребовал у заведующего оперативным отделом армии тов. Аралова присылки подкреплений, трехдюймовых горных и полевых снарядов, патронных пулеметных лент и продовольствия. Потери отряда тов. Болдеско в этот день — двое убитых и четверо раненых.

28 мая в Москве был получен ряд телеграмм, сигнализировавших об опасности. Первым извещал Москву Пензенский исполком: «Всем железнодорожным комитетам и совдепам. Пенза объявлена на осадном положении. Чехо-словаки заняли Рязанский вокзал. Начались военные действия».

Вторая депеша извещала о занятии Сызрани.

«Обход экстренно. Москва, начальнику железнодорожной охраны. Сызрано-вяземский вокзал занят чехо-словаками. Будет ли выслан отряд. Сообщите об этом Совнаркому. Комиссар железнодорожной охраны Сызрань Казанская Столяров».

В третьей телеграмме уже сообщалось об аресте чехами Пензенского губисполкома, а из Рузаевки телеграфировали,

О. М-Каз. ж. д. Станція москва 1918 г. 29/5 мѣсяца дня.

ТЕЛЕГРАММА Изъ Грабово №148 | 135 | Подана: 17 20 | Принята: | СЛУЖЕБНЫЯ ОТМѢТКИ. Стефаня внѣ всяко очереди секретно.

ПОДЛИННУЮ БЕРЕГИТЕ, КОПІЙ ВЪ ТЕЛЕГРАФѢ НѢТЪ.

москва Завѣдывающему оперативнымъ отдѣломъ Оралову коп. Начальнику Бронированнаго поѣзда Полупалову.

Мы стоимъ на ст. Грабово до нашего пріѣздѣ Пенза и всѣ вокзалы были заняты чехословаками мы подошли къ станціи и начали обстрѣливать станція подъ прикрытіемъ пѣхоты но у стрѣлки была путь разобрана и загромождена вагонами и за техническаго взвода нельзя было пробраться дальше количество чехословаковъ достигаетъ до четырехъ тысячъ у нихъ очень много пулеметовъ но артиллеріи не было такъ что всѣ заводы и станціи были достаточномъ количествѣ пулеметовъ видѣ безцѣльность наступленія мы отступили въ Грабово къ нашему прибытіи всѣ Пензенскія Совѣтствіи войска были разсѣяны и связи у насъ не было ни съ Совѣтомъ ни съ войсками вмѣстѣ съ нами дрались около двухсотъ уѣздныхъ красноармейцевъ но у нихъ не было совершенно патроновъ и продовольствія намъ необходимо всякаго рода присылка подкрѣпленій полный бронированный поѣздъ съ техническимъ оборудованіемъ продовольствіемъ патроны пулеметныя ленты и трехъ дюймовые горные и полевые снаряды при наступленіи мы потеряли двухъ убитыми и четыре ранеными жду дальнѣйшихъ распоряженій.

начальникъ Бронированнаго поѣзда Болдеско.

Телеграмма начальника бронированного поезда на чехо-словацком фронте тов. Болдеско

что чехи двинулись из Сызрани на Инзу, а оттуда — дальше на Рузаевку.

Положение становилось критическим. О растущей с каждым часом опасности телеграфировал в Совнарком, Викжедор и главный дорожный комитет председатель Рузаевского исполкома Антонов:

«Товарищи, советская власть гибнет, — писал он. — Требуется немедленная помощь».

Антонов решил вызвать по прямому проводу Реввоенсовет республики, передал, в каком положении находятся Пенза и Рузаевка, и просил срочно прислать воинские силы.

Через два дня к Рузаевке начали стягиваться воинские части. Еще до этого чехи прервали наступление на Рузаевку, пошли назад к Пензе. Они вероятно рассчитывали захватить наш бронепоезд, стоявший в Грабове. Но броневик успел уже отойти дальше на Проказну.

31 мая в Проказне были получены сведения, что ночью чехо-словаки покинули город. Это подтвердил телеграммой на имя Аралова тов. Болдеско, бронепоезд которого находился в это время в Рузаевке для исправления повреждений.

Фракция большевиков главного дорожного комитета принимала ряд чрезвычайных мер, чтобы спасти дорогу, не дать чехам перерезать важнейшую магистраль.

Политическим комиссаром дороги тов. Поповым М. Н. была послана депеша, призывавшая к сплочению всех революционных пролетарских сил.

«Кому дороги завоевания революции, кому дорога власть рабочих и крестьян, — писал он, — все как один должны встать на защиту социалистической революции. Все районные и местные комитеты должны немедленно выслать имеющиеся отряды красногвардейцев в помощь Пензе против чехо-словаков, ибо перерыв магистрали Казанской влечет за собой гибель революции. Товарищи железнодорожники, наши товарищи, рузаевцы и пензенцы, уже истекают кровью в борьбе с контрреволюционными чехо-словаками. Все, кому дорога власть рабочих и крестьян, должны встать на ее защиту, и если мы допустим гибель советской власти, погибнет все и все завоевания революции».

Тяжесть и ответственность момента понимал каждый рабочий. Только в депо станции Инза правым эсерам удалось частично поколебать настроение рабочих. Под влиянием их агитации и распространения провокационных слухов рабочие депо постановили оставаться на местах и продолжать без перерыва работу, если чехо-словаки займут станцию.

Однако в тот же день, командированным из Рузаевки товарищам удалось переломить настроение рабочих депо. Эсэры были разоблачены. Деповцы связали себя круговой порукой, поклявшись привести в негодное состояние водокачки и нефтекачки, охладить паровозы и увезти с собой весь инструмент, — одним словом, сделать все, чтобы лишить чехо-словаков средств передвижения. Они решили все поголовно отступить на Рузаевку, влиться там в Красную армию и броситься на чехов.

В Сызрани чехо-словаки не встретили такого сопротивления, какое им было оказано в Пензе, где около тысячи слабо вооруженных людей держались в продолжение нескольких часов против вдесятеро сильнейшего противника, имевшего два бронированных поезда.

Сызрань была переполнена контрреволюционным элементом. Из железнодорожных организаций настоящей пролетарской была только одна — профсоюзная организация мастеровых и рабочих. Во всех других, и особенно в районном комитете дороги, сидели инженеры-кадеты, агитировавшие среди отсталой части железнодорожников за поддержку Учредительного собрания.

Когда в Сызрань пришла телеграмма наркомвоенмора о принятии мер к разоружению чехов, члены районного комитета дороги не только не оказали поддержки большевикам, но своей агитацией среди обывателей подняли настроение у всех контр-революционеров.

В этой обстановке Сызранским уездным исполкомом была проявлена исключительная растерянность.

Вот как характеризует роль Сызранского исполкома тов. Попов:

«Сызранский исполком оказался совершенно неподготовленным к борьбе с чехо-словацкими войсками. В городе было около 600 красноармейцев, недавно набранных из числа добровольцев, но и они не были надлежащим образом использованы. На заседании совета 30 мая председатель исполкома С. П. Щербаков, информируя о выступлении чехо-словаков, заявил, что исполнительный комитет не может принять против них репрессивных мер потому, что в его распоряжении нет реальной силы. Но даже и при наличии 600 красноармейцев, призвав на помощь организованных рабочих, Сызрань могла бы очень серьезно потягаться с чехо-словаками. К тому же советские отряды имели возможность занять чрезвычайно выгодные позиции. Этого однако ничего сделано не было»[1].

[1] Попов, Чехо-словацкий мятеж и Самарская учредилка, стр. 56.

На другой день под предлогом самообороны начал вооружаться контрреволюционный элемент. Черносотенцами было организовано несколько отрядов. Был найден и командующий — отставной царский полковник. Этот белогвардеец настолько осмелел, что пытался задержать обратный въезд исполкома в город. Он же вел переговоры с чехами, умоляя их задержаться за Волгой и отбить наступление красных войск и рабочих на город.

Когда красные части начали теснить чехов, члены районного комитета дороги палец о палец не ударили, чтобы своевременной починкой путей и исправлением повреждений помочь красным частям догнать и разоружить чехов.

Один из активных участников борьбы с чехами тов. Егоров пишет в своих воспоминаниях:

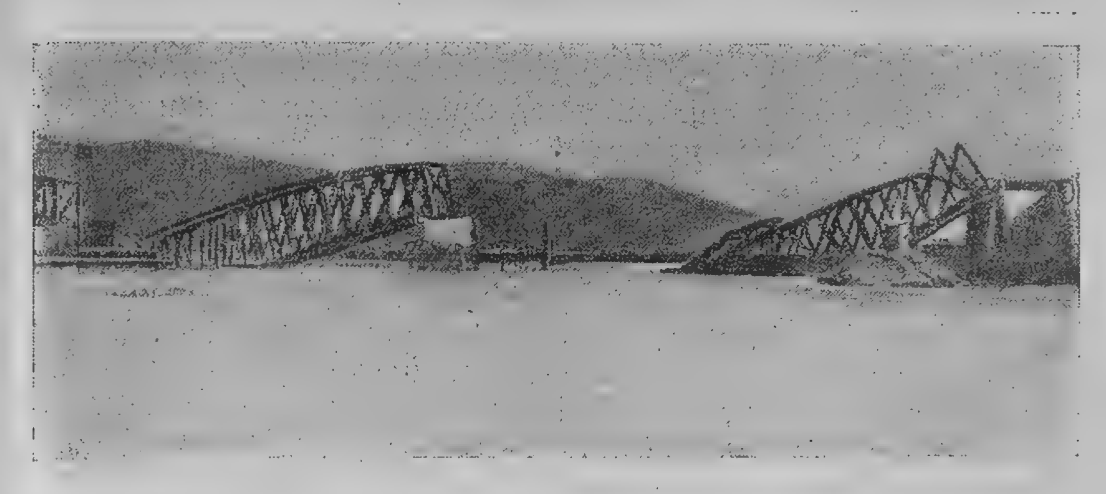
«Когда приближение чехо-словацких эшелонов стало фактом, дежурному по станции Сызрань Московско-казанской дороги было отдано распоряжение не принимать с Сызрано-вяземской составов и не давать пути. Чехи не обратили на этот приказ никакого внимания. Получив на свои требования ответ: «Нельзя, не имею права — путь занят», они самовольно пустили на Сызрань Казанской дороги состав — паровоз и десять вагонов, битком набитых солдатами.

Начальник отряда, чешский офицер, потребовал немедленной отправки эшелона с Сызрани в сторону Москвы. Дежурный, дрожа и заикаясь от перепуга, кое-как промямлил, что ему этого делать нельзя, есть запрещение. Чех, справившись, не идет ли с последней станции поезд в Сызрань, и получив отрицательный ответ, вышел из конторы.

Через две минуты состав без разрешения двинулся дальше по направлению к Москве. Мы были совершенно бессильны помешать этому. Ограничились лишь тем, что сообщили соседней станции о выходе к ней паровозов с вагонами без жезла и что идущий оттуда пассажирский поезд во избежание столкновения принят быть не может. Прошло полтора часа. Мучительно и тревожно было это время. Вдруг раздается знакомый грохот. К станции подходит вернувшийся состав. Через минуту вбегает в контору тот же офицер.

— Мы сарфали мост. Поеста отпрафляй нельзя — сообщает он ломаным русским языком.

Состав пошел дальше на Сызрано-вяземскую. Я немедленно организовал выезд на место взрыва. Был взят маневровый паровоз, на который были посажены вызванные начальники участка пути и движения и другие. Мост был подорван на 272-й версте. Когда до него осталось сажене́й двести, по паровозу был открыт пулеметный огонь. Мы

Сызранский мост, взорванный чехо-словаками

остановились. Из прикрытия вышел чех и потребовал, чтобы мы немедленно вернулись обратно. Мы объяснили солдату, что приехала специальная комиссия для осмотра и исправления места. Чех не протестовал. Мы осмотрели мост и пути. Они были разобраны на три звена с обеих сторон моста. Из-за этого движение было прекращено на пять дней».

Когда в Москве было получено известие о занятии Сызрани чехами, туда выехал член главного дорожного комитета тов. Егоров (большевик). Доехав до передовой линии фронта и ознакомившись с состоянием путей, тов. Егоров заметил, что никто из администрации и из членов районного комитета не позаботился исправить порванные стрелки, поправить линию. Весь мало-мальски ценный инвентарь и инструмент были увезены. На каждом шагу видны были следы саботажа администрации.

Пришлось задуматься над вопросом, откуда получить помощь, на что рассчитывать. К счастью на станции Инза тов. Егоров наткнулся на Сызранский вспомогательный поезд Службы тяги, который был своевременно, до прихода чехо-словаков, выведен из Сызрани рабочими.

Это был ценнейший клад. В составе поезда находился целый вагон винтовок, два пулемета и огромный запас патронов; вагон белья, обуви, одежды и воинского обмундирования; три вагона с инструментами, предназначенными для восстановления путей и подъемки и ремонта подвижного состава в случае крушения.

Изучив положение и обстановку фронта, тов. Егоров немедленно выехал в Москву, чтобы сделать доклад фракции большевиков в главном дорожном комитете. Фракция сейчас же обратилась к тов. Ледовскому, ведающему организацией головных отрядов.

Тов. Егоров был утвержден начальником отряда и получил мандат.

На фронте тов. Егоров стал центром, вокруг которого собирались сызранские рабочие, вырвавшиеся из лап контрреволюции. Приходили рабочие из соседних депо и с фабрик.

Запасы головного поезда были пополнены рельсами, шпалами, скреплениями, переводами. От Рузаевского участка связи к нему прикомандировали колонну рабочих с имуществом, и поезд принял вид «универсального». В нем было 16 вагонов и 4 десятка хорошо вооруженных товарищей, знавших все отрасли транспортного хозяйства и преданных делу революции.

На сызранском направлении дивизией командовал Лацис. Тов. Егоров вошел с ним в связь. К головному поезду был «прикомандирован» примитивный бронированный поезд — американский полувагон с одним трехдюймовым орудием, 14 пулеметами и с командой в 80 человек.

Вскоре по этому же направлению начал оперировать бронепоезд № 4 имени Ленина. Броневиком командовал энергичный, решительный и веселый матрос Околотин. Он заключил с Егоровым боевой товарищеский договор под лозунгом «один без другого — никуда» и все время честно поддерживал его.

Поводом к этому братскому боевому союзу послужил следующий случай. Вот как об этом вспоминают участники.

«У Околотина сошел с рельс состав. Сколько матросы ни бились, им никак не удавалось поставить поезд на рельсы. Броневик пожалуй и заночевал бы на шпалах, если бы не подвернулся во-время поезд Егорова.

Егоров вызвал на помощь броневику всех своих рабочих, и через часа полтора состав уже был на рельсах. С тех пор рабочие и матросы прозвали своих командиров «крестовыми» братьями.

Бронированный союз казанских железнодорожников с моряками сделался грозой для чехо-словаков и белогвардейских банд.

В памяти участников гражданской войны 1918 г. сохранилось много незабываемых эпизодов из жизни двух боевых товарищей — Околотина и Егорова, связанных единым оружием и единой волей к победе.

29 мая головной поезд стоял около моста недалеко от разъезда Патрикеево. Мост был взорван, и рабочие головного поезда занялись его восстановлением.

В лесочке, саженей за сто от моста, стоял броневик Околотина. Он был хорошо скрыт от белогвардейцев, зато головной поезд Егорова был весь как на ладони и легко был нащупан белогвардейцами. Они со скрытой позиции открыли из орудий огонь по поезду. Белогвардейцы видимо нервничали. Ни один из снарядов не попал в поезд. Око-

лотин за это время успел нащупать белогвардейскую батарею.

— А ну-ка, братишки,— сказал он,— давайте-ка покроем их.

Лесок закипел ураганным огнем. Через 30—40 минут место, где обнаружили белогвардейскую батарею, было смешано с грязью, и рабочие головного поезда без всякой помехи восстановили мост.

Двинулись дальше. Тут работников головного поезда ждал второй, не менее счастливый, благоприятствующий им случай. Проехав станцию Поливаново и восстановив там стрелки, головной двинулся на станцию Налейка. По правую сторону хода поезда было большое закругление и кругом лесок. «Медведка» — так звали рабочие околотинский броневик — неизменно, как нянька, двигался за нами в ста саженях.

Все было тихо, не было никаких признаков опасности. Вдруг видим, говорит тов. Егоров, по закруглению прямо на нас прет белогвардейский броневик. Заметив нас, он остановился, остановились и мы не более чем в пятидесяти саженях друг от друга. С обеих сторон поднялась нервная, лихорадочная стрельба. Но так как оба поезда находились на кривой и нельзя было повернуть пушки, чтобы попадать в цель, обе стороны бесцельно палили в воздух.

Тов. Околотин сразу сообразил, в чем дело. Не дав неприятелю выпустить и пяти снарядов, он начал громить белогвардейский броневик прямо сквозь лес. Эффект был поразительный. Белогвардейцы, получив в лоб несколько снарядов, пустили свой броневик полным ходом. Но околотинские снаряды летели быстрее поезда. На месте встречи белогвардейцы оставили полплощадки своего броневика. Мы обнаружили несколько белогвардейских трупов, очевидно выброшенных с броневика, части разбитой в щепки дрезины, а на телеграфном проводе нашли клок окровавленной шинели с офицерскими погонами.

После этого боя нам пришлось простоять около двух недель на станции Кузоватово. Наша пехота несколько отстала, и мы влезли, как говорят, в мешок к неприятелю. Он укрепился недалеко от нас на разъезде Коромысловка. Позиция у него была очень сильная и выгодная — крутая возвышенность, защищенная гребнем, как искусственным валом, с небольшими обрывами. По всему гребню стеной стояли высокие сосны с густыми верхушками; такую позицию и нарочно не придумаешь. Неприятель мог обстреливать отсюда всю станцию за выходные стрелки в нашу сторону, примерно наполовину между стрелками и семафором. Наш поезд мог без всякого риска стоять саженях в двухстах от семафора, но сунуться дальше на станцию

мы не могли. Это бы значило попасть как кур во щи под ураганный огонь и вернуться назад с помятыми боками. А рисковать было необходимо; заставляла нужда—у нас не было воды. Водоснабжение в Кузоватове было неисправно, а ехать в Барыш — терять три часа. Как быть?

Однажды мы решили сделать вылазку за водой. В этот день в Кузоватове было очень много мешочников-рабочих с разных московских фабрик. Погрузившись в порожний вагон, они прислали к нам делегацию с просьбой спасти их, вывезти из тупика. Мы решили одновременно помочь им и запастись водой для паровоза. Тронули поезд, а вагон с рабочими подкатили вручную в хвост состава. Но видно белые зорко следили за нами. Только остановился состав, громовым треском хлопнули залпы неприятельских батарей. За ними вслед громыхнули взрывы снарядов; ходуном заходила земля вокруг нас, все заволоклось земляной черной пылью. Штабели досок, теса, бревен разносило снарядами, как песок. Один из штабелей загорелся. Непонятно, как не разнесло и нас вдребезги. Мы благополучно набрали воды, прицепили вагон и осадили состав на прежнее безопасное место.

На этот раз около нашего состава не было верного нашего друга и сторожа «Медведки». Из-за глупого нескладного случая она потерпела сильные повреждения и надолго вышла из строя.

Несчастье произошло так. На разъезде между станциями Кузоватово и Налейка рабочие восстанавливали небольшой, сажени в три мостик, взорванный чехо-словаками. Головной поезд и «Медведка» стояли на обычном расстоянии друг от друга — в ста саженях на кривой в лесу. Около двух часов со станции Налейка вышел идущий на фронт снабженческий поезд в составе 20 вагонов. От Налейки до места работ сплошной уклон. Машинист этого поезда не знал очевидно профиля. С ним на паровозе находился комендант поезда, нервный пожилой человек. Он все время дергал, торопил, нервировал машиниста. Тот все сильнее и сильнее развивал ход, а когда вылетел на кривую и увидел бронепоезд, растерялся и не сумел остановить.

Машинист бронепоезда сидел на бровке около паровоза. Заметив несущийся на него поезд, он бросился на паровоз, открыл регулятор, а сам спрыгнул. Увидев это, рабочие с криком бросились на полянку и полегли на землю из боязни разрыва снарядов.

Бронепоезд ударился в головной поезд, а паровоз снабженческого поезда ударил в «Медведку», и получилась каша. Бронебойные башни были сбиты. Колеса из-под всех арбелей подогнало под один. Паровоз всеми скатами зарылся в баласт. Машины головного поезда и поезда снаб-

жения тоже сошли с рельс. Две платформы были сбиты и попали под взорванный мост.

— Посмотрите, что мерзавцы с нами наделали! — кричал со слезами на глазах тов. Околотин.

Стараясь не падать духом, мы поспешили принять меры. Орудийные башни оказались в полной исправности; их только сорвало с арбелей. Первым долгом надо было показать чехам и белогвардейцам, что с нами ничего не случилось. Мы поставили орудия на землю и открыли огонь по чешским позициям. Это придало бодрости рабочим и красногвардейцам. Подъемка паровозов и вагонов происходила до самого утра. «Медведка» была отправлена на «курорт», в Сормово или Коломну, хорошо не помню.

Подоспела она к нам после лечения как раз во-время. Чехи начали выдыхаться, уставать. Зато, чтобы вдохновить своих союзников и, чувствуя, что приближается конец, белогвардейцы начали проявлять необычайное зверство и жестокость.

Попавшего к ним в лапы разведчика с «Медведки», латыша тов. Света они исковыряли всего штыками, набили в раны травы и мусора, вытянули и прокололи язык и проткнули в него палку...

Через несколько дней мерзавцы получили возмездие. На полпути между Рачейкой и Балашейкой огнем из восьми орудий и тридцати пулеметов мы полностью уничтожили чешско-белогвардейскую заставу в количестве двух рот. Пощады не было никому. Мерзавцы расстреливали прямо в упор картечью. От густого кустарника, где пробовали укрыться белогвардейцы, не осталось былинки.

Получили белогвардейцы и на станции Балашейка, где нами были захвачены два броневика. Мы выволокли из них три десятка башкир и сорок офицеров. Башкиры перешли на сторону советской власти, а «белую косточку» мы уложили в общую яму.»

А оттуда шаг за шагом, громя советское имущество, уничтожая и вывозя инвентарь, станки, паровозы, уходили за Волгу белые банды. Вместе с ними ползла вся административно-чиновничья рать — начальники участков пути, тяги, телеграфа, движения, увозя за собой и подчиненных — многих силой.

В ночь на 6 октября около трех часов раздался оглушительный взрыв. Это отступавшие банды взорвали величайший в республике Александровский железнодорожный мост через Волгу.

Волга горела. Горело около 400 тысяч пудов нефти из взорванных цистерн. Горели берега, горела вода, в которую были выпущены нефть и керосин. Горели селения. Рабочие депо потеряли лучшего своего товарища, стойкого

Тов. Варламов, машинист депо Сызрань, большевик, расстрелян чехо-словаками

бойца и организатора масс, военного комиссара, машиниста Варламова. Он был взят в плен и замучен чехо-словаками. Оборудование мастерских и депо было разграблено.

* * *

Отброшенные, как мы видели, 31 мая от Пензы, чехи разделили свои силы. Одни двинулись к Сызрани, другие — к Казани. 6 августа, подойдя к Казани со стороны Волги и Арского Поля, они открыли по городу артиллерийскую стрельбу.

Это внезапное нападение, которого никто не ожидал, произвело в городе невообразимую панику. Население бежало куда попало — и от снарядов и под снаряды. Город загорелся. Пылали платформы на станции. Горели дома.

Верная революционному долгу небольшая кучка железнодорожников выводила в огне и дыму составы со станции, гнала их вглубь на запад. Первым был выведен авиационный поезд, затем поезд с продовольствием, состав с воинской частью и бронепоезд.

Паровозные бригады, сознавая важность и ответственность момента, шли на паровозы без малейшего колебания. Они брались выводить составы сами, без просьб, без принуждения.

Такими энтузиастами долга были: И. И. Мошков, Д. Игнатьев, М. Ежиков, А. Д. Мерлин, А. С. Денисов, С. И. Воронин и слесарь И. Ф. Садомов. Этот герой, обрекал себя на верную смерть, произвел ремонт котла в горячей топке

паровоза, который надо было немедленно подать под бронепоезд.

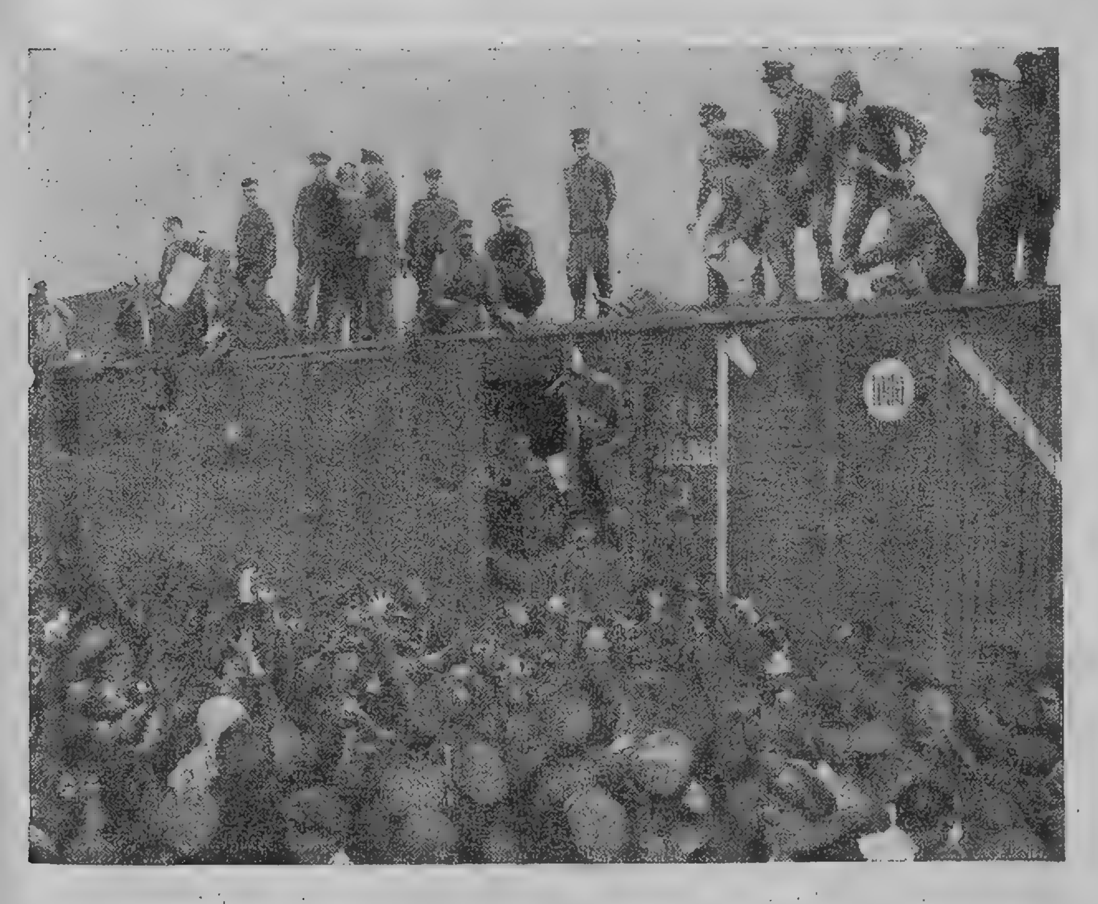
Несмотря на стрельбу, переходившую порой в ураганную, работали над сборкой составов машинист Я. Н. Попов и дежурный по станции И. М. Фурмавнин. Всего было отправлено со станции один за одним 15 составов.

Ни на минуту не покидая станции, руководил работами ревком: тт. И. С. Капралов, С. Д. Осипов и И. С. Тяпин.

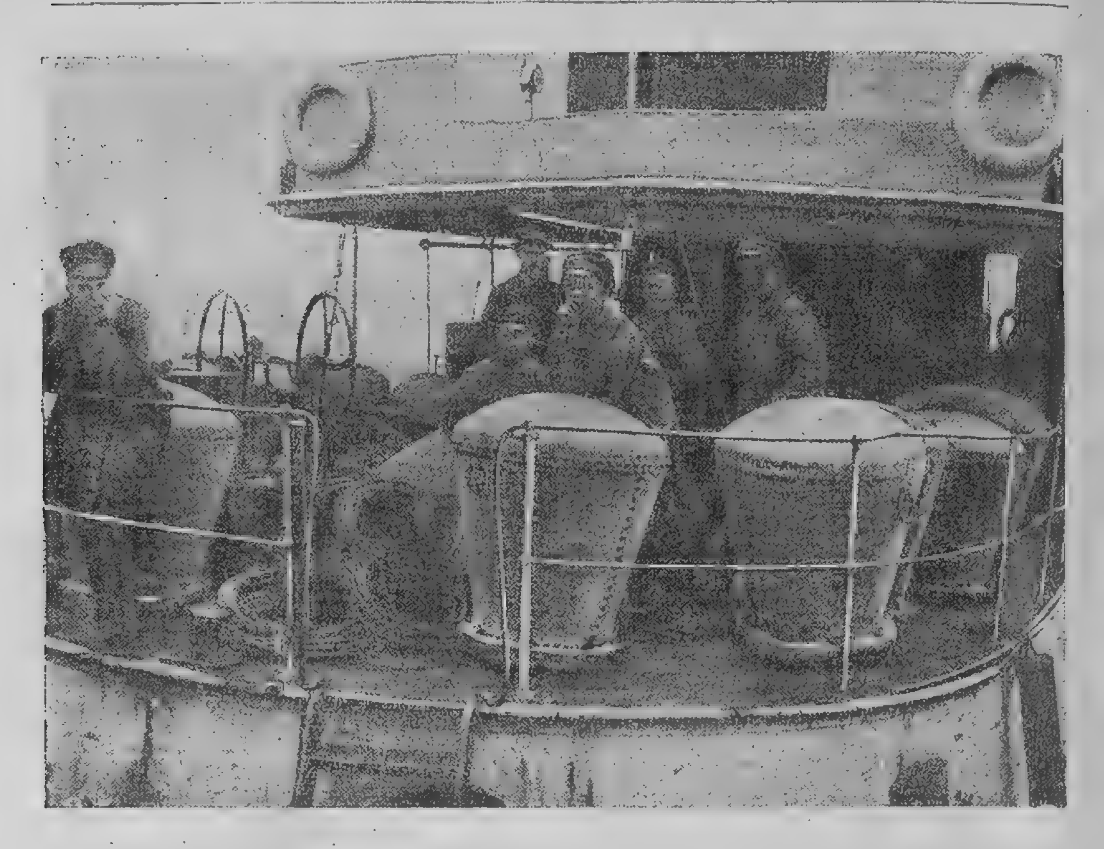
Чехи двигались быстро. Начальник военных сообщений тов. Бокинский отдал распоряжение, чтобы последний поезд без его приказаний не отправлять. Это была ошибка. Около шести часов вечера был занят Булак. Чехи окружали город со всех сторон и уже двигались со стороны Волги, заняв по дороге стекольный завод.

Поезд № 0, так называемый «штабной», с которым должен был ехать начальник военных сообщений, был отправлен в 8 час. 30 мин. вечера. Больше уже нельзя было ждать несмотря на то, что от тов. Бокинского распоряжений об отправлении поезда не поступало.

Не успев дойти до выходного семафора, поезд попал под сильный огонь чехов и остановился. Машинист убежал.

Перед боем с чехо-словаками под Казанью (1918 г.). Раздача воззваний-агиток местным жителям и красноармейцам

Установка мин красным траллером на Волге под Казанью

Казань была занята. Чехи хозяйничали там с 6 августа по 10 сентября. За это время они против своей воли теснее сплотили трудящееся население вокруг советской власти.

Выступая на митингах и собраниях, чехо-словаки говорили, что они «по воле провидения» призваны стать спасителями России. Но даже политически отсталому рабочему была ясна роль чехо-словаков, душителей революции, покорных слуг и союзников контрреволюции, палачей на службе у Антанты и белогвардейщины.

Их жертвами пали лучшие из коммунистов казанской организации, в том числе комендант станции Казань тов. Трофимов и тов. Шейхман.

Железнодорожники, оставшиеся в тылу у чехов и насильно мобилизованные ими, не изменяли революции и советам: ежеминутно рискуя жизнью, они не упускали случая ударить по «спасителям», портили пути, стрелки, агитировали среди чешских и белых солдат за переход на сторону Красной армии и дезертировали сами.

Однажды на перегоне Казань — Аракчино были ошибочно пущены один на другой чешский броневик и чешский штабной поезд. На обоих паровозах ехали работавшие в тылу у чехов машинисты Шигаев и Тютин. Составы стремительно летели друг на друга, но до катастрофы было еще

далеко; обе машины можно было остановить без особых усилий.

Вдруг с паровоза броневого поезда раздался какой-то особый свисток, и таким же свистком ответил налетающей машине Тютин.

Машинисты поняли друг друга, поддали паров, и через минуту на развороченных путях клубились дымом и пылью обломки чешских составов. А герои-машинисты — один с вывихнутой ногой, другой с разбитым затылком — ползли по темным полям на свою советскую сторону, чтобы отрапортовать товарищам, как советские железнодорожники «служили» чехам.

События в Казани не могли не отразиться на маленькой станции и поселке Агрыз — соседке Казани.

«Наш Агрыз, — пишет тов. Окишев, — узловая станция, связывающая нервы двух огромных заводов — Воткинского и Ижевского. Сюда-то, к нашей станции, в соседние деревни и поселки и стали стекаться после Октябрьской революции белое офицерство и буржуазия, свивая прочное контрреволюционное гнездо.

Когда Казань была захвачена чехо-словаками и белогвардейцами, рабочие Ижевского и Воткинского заводов гнали

Наступление на Казань. Атакующие цепи красных под артиллерийским обстрелом противника

Отряд матросов-коммунистов перед боем под Казанью

туда отряд за отрядом, оставляя почти обнаженным свой тыл. Этим положением и воспользовались белогвардейцы. Подняв восстание, они в течение двух суток перестреляли десятки молодых рабочих и почти всех большевиков и собирались двинуться на Агрыз, где был сосредоточен весь паровозный парк.

В Агрызе находилась в это время незначительная горсточка красноармейцев. Местные партийные организации и Военно-революционный комитет — тт. Зайцев, Станиславский и Коршунов — стали готовиться к обороне. Железнодорожники, начали наскоро строить искусственные бронированные поезда; ставили на паровозы и платформы ящики с песком, защищающие от пуль. Эти самодельные бронированные поезда оказали большую услугу при отражении белых.

«Белогвардейцы наседали на нас все крепче и крепче. Они успели уже поднять в соседних селах кулацкий элемент против советской власти. Прибывший в Агрыз отряд тов. Чивирева ввиду своей малочисленности был годен только лишь к обороне, но наступательных действий не мог развить. На Агрыз наседали со всех сторон. Рабочие и наши мелкие воинские отряды вынуждены были отступать. Белые начали жечь деревянные железнодорожные мосты. Мы решили продать свою жизнь как можно дороже. Наши «песочницы» несмотря на постоянную стрельбу белогвардейцев то и дело выходили на линию для охраны мостов, иногда пробуя даже под выстрелами произвести ремонт поврежденных.

В одной из таких вылазок «песочниц» были ранены два машиниста—Гужов и Домбровский. Несмотря на это они не ушли с поста до конца боя. На защиту Агрыза нас вдохновляли сведения об энергичных боях красноармейцев под Казанью. Однажды, когда от села Пурги под сильным огнем белогвардейцев отходили к Агрызу местные красноармейские части и командир 28-й дивизии тов. Азин принимал все меры, чтобы остановить отступавшие цепи, рабочие депо с криками — «держитесь, товарищи!» — кинулись на помощь красноармейцам, залегли в цепь и останавливали белогвардейцев почти у самых стен станции и депо. Этот роковой момент, когда весь паровозный парк Агрыза висел на волоске, больше не повторялся. Белогвардейские командиры уже не подводили своих банд так близко к Агрызу.»

Передовики — бойцы за революцию, показавшие стойкость на военных фронтах,— вдохновляли других товарищей на такие же подвиги.

В декабре 1918 г. на фронт по призыву партии ушло из агрызского депо 22 добровольца. Первым сменил станок на винтовку токарь тов. Ометов, чьим именем сейчас называется одна из лучших улиц Агрыза.

Маленький Агрыз и большая Казань имеют несомненно одинаковое право быть вписанными в «историю дороги».

Н. Атфельдт

НАЧАЛО СОВЕТСКОГО АВТОСТРОЕНИЯ

Из истории автозавода им. Сталина (б. АМО)

В 1924 г. в СССР была поставлена задача организовать автомобильное производство.

Но ведь такую задачу Россия уже неоднократно пыталась разрешить. Еще до войны провалились попытки русских заводчиков наладить это сложное и точное производство. Лейтнер, Бромлей, Лесснер, Скавронский, Лидтке, Яковлев, «Дукс», Пузырев, Руссо-Балт брались за это дело еще в довоенное время, когда хозяйство не было разрушено, когда здравствовал тот самый довоенный уровень, к которому в 1924 г. только стремилась страна[1]. Хозяевами тогда были богатые, знающие, умудренные опытом своего класса—капиталисты. И все же трудность дела видимо была так велика, что этот довоенный уровень развития промышленности оказался недостаточным для создания отечественного автостроения. Общий экономический уровень страны даже не обеспечивал достаточного спроса на автомобиль.

Спрос на автомобиль вызвала война. Мало того, за решение задачи во время войны взялся не отдельный капиталист, и даже не группа капиталистов; за дело военного автостроени ябралось государство. Царское правительство отпустило деньги и поручило способнейшим промышленникам—Рябушинским, Лебедеву и др.—поставить в России автостроение. Но из их попыток ничего не вышло. В начале 1917 г. они вынуждены были отказаться от автостроения и прибавляться ремонтном старых иностранных автомобилей, а также перемывкой и сборкой заграничных новых машин. Не смогли наладить автомобильное производство и талантливейшие представители русской буржуазии—именитые купцы Рябушинские.

А теперь, в 1924 г., амовцы, над которыми не стало Степана Рябушинского, стали готовиться к развертыванию нового автомобильного производства.

---

[1] К этому времени общая стоимость промышленной продукции достигла 35% довоенной.

Вид завода оставленного Рябушинскими (механический цех, литейная, главная контора)

Вид автозавода в 1926 г.

По вечерам на заводе собирались бывшие рабочие Рябушинских и обсуждали правительственные планы налаживания советского автостроения.

* * *

Партийная ячейка по каждому значительному вопросу, даже чисто производственно-технического характера, имела свое самостоятельное суждение.

Секретарь ячейки Бронислава Лавлер всегда обеспечивала в составе бюро ячейки хотя бы одного технически грамотного человека. Таким был Феткевич, и, когда он отсутствовал, его заменял инженер Чайков.

Квалифицированный инструментальщик Феткевич, способный и решительный человек, занимал на заводе положение, значительно большее, нежели просто мастер-выдвиженец инструментального отдела.

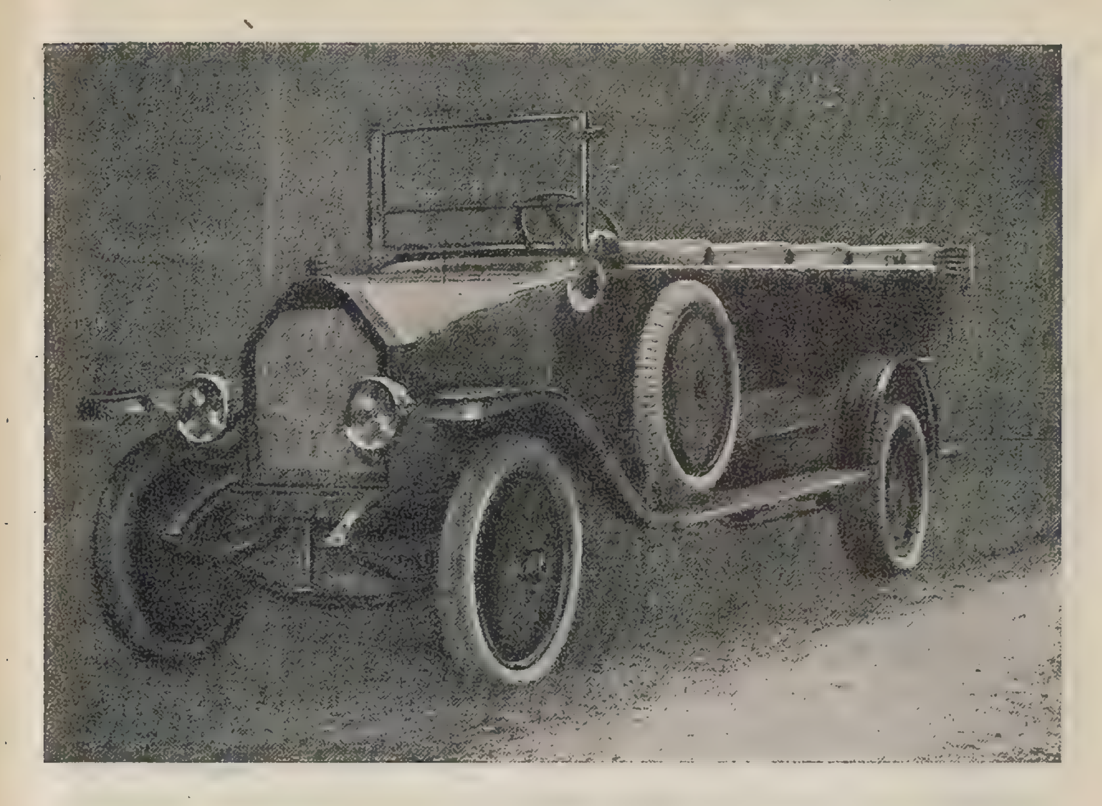
Будучи весьма опытным и сильным работником, он в бюро во многом определял производственно-техническую политику ячейки.

Лавлер договорилась с Королевым о том, чтобы на всех технических совещаниях присутствовали квалифицированные, грамотные, толковые рабочие. Коммунистов она посылала в обязательном порядке. Впрочем и беспартийные никогда не отказывались. Назначенные ею люди после гудка тщательно мыли руки и поднимались в заводоуправление в кабинет Королева, где происходили технические совещания.

На таких узких совещаниях при управляющем заводом эти «делегаты» от рабочих обычно не выступали. Здесь говорили инженеры о сугубо технических проблемах. «Делегаты» сидели и внимательно слушали все от начала до конца.

В центре за письменным столом сидел управзавода Королев и тоже внимательно слушал, о чем толкуют инженеры. Он уже привык в тех случаях, когда ему что-либо неясно, когда он в чем-нибудь не уверен, отыскивать инженеров, придерживающихся противоположных позиций, и предоставлять им поочередно слово, чтобы выяснить истину. В конце совещаний обычно выступал Королев, его слово было решающим.

Но после назначения техническим директором инженера Макаровского положение несколько усложнилось. Раньше Королев был единоначальником, теперь появился Макаровский, который в качестве технического директора завода ему подчинялся, как и все другие, но в качестве технического директора ЦУГАЗ (Центрального управления государственных автозаводов) естественно пользовался какими-то особыми правами.

Последний легковой «Уайт», выпущенный до нового автостроения полуторатоннок «Фиат»

Новые амовские машины на Красной площади после автопробега 1925 г.

Это сознательно сделал руководитель ЦУГАЗа Орлов, чтобы через Макаровского в случае чего иметь возможность вмешаться в любую мелочь заводской жизни.

Рабочие сидели до конца совещания, слушали заключительное слово Королева и внимательно наблюдали, не обманывают ли его, часом.

На другой день они подробно обо всем рассказывали Лавлер, говорили, с чем они согласны и с чем никак согласиться не могут. Рабочие, не высказавшись накануне, на самом совещании, теперь перед внимательной Лавлер изливали все накопившиеся за вечер и за ночь мысли. Они предостерегали от ошибок независимо от того, кто их допустил или отстаивает: Королев или кто-либо из инженеров. Они предостерегали от излишней доверчивости по отношению к некоторым специалистам.

Лавлер внимательно выслушивала всех, особенно беспартийных («Коммунист в случае надобности сам обязан притти»). Обойдя своих «делегатов», делегатов ячейки и собственно всего завода, она разговаривала с Королевым. Это не был разговор для «увязки», для «согласования», когда управзавода информирует ничего не ведающего секретаря. Нет, это был не бюрократический, бесполезный, а, наоборот, творческий разговор.

Лавлер имела уже «свое» мнение. Это мнение редко было ошибочным, потому что оно было мнением лучших, наиболее преданных, умных, квалифицированных коммунистов и беспартийных рабочих. По часу совещалась она с такими даровитыми людьми, как Феткевич, Чайков. Обычно мнение Лавлер и всей ячейки не расходилось с мнением и решениями Королева, но когда бывали расхождения, Лавлер оказывалась непримиримой.

У секретаря ячейки Лавлер был очень надежный актив. Поэтому с течением времени Королев по совету и при помощи Лавлер сам стал на него опираться.

И непредусмотренные регламентом «делегаты» стали впоследствии получать приглашения на совещания при управзаводе не от Лавлер, а непосредственно от Королева.

Но Лавлер выискивала еще несколько способных рабочих и попрежнему от ячейки посылала новых.

* * *

Хотя еще не были решены принципиальные проблемы развертывания производства, все же к некоторым работам можно было приступить.

24 марта из ЦУГАЗа были пересланы на завод чертежи полуторатонной итальянской машины «Фиат—15». Из 513 синек[1] 163 были изготовлены в Италии, остальные на заводе

[1] Синька — чертеж, скопированный на синюю фотографическую бумагу.

Жилищное строительство Рябушинских. Один из бараков, выстроенных в 1916 г. для амовских рабочих

Жилищное строительство рабочего класса. Рабочий поселок автозавода им. Сталина (б. АМО)

АМО в прежние годы. Конструкторскому отделу было поручено проверить все чертежи по имеющимся на заводе эталонам[1]. В специальном помещении стояли два экземпляра «Фиатов», приобретенных еще Рябушинским. Амовцы берегли их с дореволюционных времен и сберегли до тех пор, пока удалось приняться за новое автостроение. Один эталон был в разобранном виде. Другой — в собранном. По ним проверяли чертежи всех деталей машины. Работа проводилась под руководством инженера Ципулина.

Большинство чертежей, оставшихся от Рябушинских, оказалось неправильным. Их спешно исправляли по эталонам. Одновременно конструкторский отдел проводил немалую работу по нормализации мелких частей для того, чтобы упростить и удешевить их изготовление, а также переводил все детали с неудобной и сложной для производства фиатовской системы допусков на свою амовскую, выработанную на опыте роментных работ.

Заводоуправление нажимало на конструкторский отдел. Надо было успеть дать цехам чертежи к моменту возвращения рабочих из отпуска. Техническому отделу разрешалось выпускать в производство конструктивные чертежи, в которых показаны были лишь окончательные размеры деталей по последним операциям. Межоперационных допусков в этих чертежах не было.

Конструктора работали ударно и выпустили первую группу чертежей к 6 июня.

На заводе были модели, оставшиеся еще от Рябушинского. Некоторых это настраивало беспечно. Раз модели довоенные, стало быть они великой точности, тем более что многие из них изготовлены в Италии. Но когда попытались по моделям Рябушинского отлить блок-цилиндр,—ничего не получилось. Размеры в моделях были неверные. Проверка моделей показала, что все они не годны для производства. Большинство моделей удалось самим переделать, а некоторые пришлось выбросить и сделать вновь.

То же самое произошло со штампами для кузницы. Многие штампы оказались переврaнными, большинство неточными. Инструментальный цех завода исправлял штампы.

Под руководством инженера Чайкова срочно разрабатывались приспособления для механической обработки деталей, главным образом для таких деталей, которые без приспособления невозможно было обработать с достаточной точностью.

* *
*

Старому кузнецу Воскресенскому было поручено изготовить первую переднюю ось.

---

[1] Эталон — образец.

Не было ни инструмента, ни приспособлений, которые могли бы придать металлу сложную форму передней оси. Не было опыта, не было рабочих чертежей. Были лишь квалифицированные рабочие и конструктивные чертежи.

Первое желание, которое возникает в таких случаях,— «честно отказаться» от выполнения непосильной работы. В нормальное время так и сделал бы Воскресенский — потребовал каких-либо дополнительных приспособлений, поставил условия, оговорил наперед законность неудачи и пр. Но Воскресенский не смог отказаться.

В эти дни было все необычно. Распоряжение о ковке первых осей дал кузнецу сам Ципулин.

И успех или неуспех отковки передней оси — это уже не частный успех или неудача одного кузнеца — это успех или неудача всего завода; весь завод в лице инж. Ципулина поручил Воскресенскому отковать переднюю ось, и отступать было невозможно.

На заводе чувствовалась уже непреклонная решимость дать к Октябрю советские машины, и когда впоследствии кузнец Воскресенский рассказывал героическую историю первой оси, он ее рассказывал как сказку или былину.

«Я тогда работал в кузнице, приходит ко мне Ципулин и говорит: «Воскресенский! Во что бы то ни стало надо отковать ось. Мы делаем первую пробу советских машин».

Инструментов тогда не было, и вообще эту ось нельзя было делать, но ось нужна была во что бы то ни стало,— продолжает вспоминать Воскресенский.— Помучился я здорово, провозился я пять дней, но все-таки ось сделал, хотя и с небольшим браком — была в оси трещина... В дело она не пошла, она лежит в архиве. Я тогда сказал при всех, что ось-то я сделал, но на этой машине я не поеду».

Воскресенский продолжал «мучиться», и понадобился ему еще целый месяц, чтобы сделать первые десять годных передних осей.

Располагая плохим отсталым оборудованием, кузница не могла дать хороших поковок деталей для автомобиля. Сложные детали, такие, как коленчатый вал, кулачковый вал, кузница вообще отказывалась делать, потому что штамповать их было не на чем, а ковать такие ответственные детали нельзя, ковка не обеспечивала достаточной обработки, не могла дать однообразную, постоянную крепость. Такие сложные детали предоставляли делать самому механическому цеху—как хочешь.

Но и те детали, которые кузница бралась ковать или «штамповать», были весьма низкого качества.

Для того чтобы сделать деталь достаточно крепкой, кузнецы ковали ее необычайно массивной, стараясь избежать

поверхностных изъянов в поковках. Детали придавали чудовищные припуска.

Механический цех, получив такую поковку, не разделял восторгов кузнецов, радовавшихся тому, что хоть как-нибудь отковали деталь. Не могла поковка прижимного стакана привести в восторг токарей, если эта поковка весила до 25 килограммов, а после механической обработки от нее оставалась лишь десятая часть — всего 2,4 килограмма, остальное обдиралось на станках механического цеха и шло в стружку. Не выдерживали, портились от такой работы станки и резцы. Поковки были не только чрезмерно массивны, но и не отожжены, не протравлены. От окалины резцы быстро садились. Те поковки, что случайно были брошены кузнецом на сырой клочок земли в кузнице, оказывались закаленными с какой-нибудь стороны и производили в механическом настоящие опустошения.

Опытные практики, токаря и кузнецы своим искусством, своей смекалкой, напряжением воли должны были заменить недостающее оборудование, восполнить отсутствующие приспособления, самостоятельно разрешить вопросы, на которые не давали ответы конструктивные чертежи. Токарь ли, кузнец ли, литейщик ли — каждый исполнял свою сложную новую работу точно так же, как врач лечит впервые встреченную им болезнь, о которой он никогда не читал и не слыхал.

Удачное исполнение каждой сложной детали было открытием. Вся работа по созданию первых десяти машин была сплошным изобретательством, ибо удачная обработка детали самостоятельно найденным способом и является производственным изобретением.

Так как чертеж не отвечал на вопрос — «как сделать», то обработка большинства деталей была самостоятельно разрешена квалифицированными практиками.

Нелегко доставались первые десять машин, многим в этот период приходило в голову сомнение: а не бросить ли? Ведь ничего все равно не выйдет, зря только силы и деньги убиваем.

* * *

В мае 1924 г. приказом по заводу был учрежден контрольный отдел, руководителем которого назначили по предложению ячейки Фeткевича.

До этого на заводе было всего два контролера: с 1918 г. первый заводской контролер — Карманов — проверял в механическом, и с 1923 г. второй контролер—Листиков—проверял в литейной и кузнице. Оба они подчинялись одному из техников бюро производства. Эти два контролера никому жить не мешали, никому жизнь не портили. Мало кто на

них и внимания обращал как на контролеров—назывались они запросто браковщиками. Иногда деталь проходила через них. Но нередко она помимо приемки благополучно достигала своего места на машине, и тогда контролер спрашивал слесарей:

— Ну, как деталь, ничего?

— Ничего,— отвечали те,— и Карманов подписывал рабочий листок.

Браковщики ни за что не отвечали, они лишь напоминали своим присутствием о желательности хорошего качества.

Феткевич вначале очень сильно противился новому своему назначению. Он справедливо считал, что решающим участком в первые два-три года на новом заводе является инструментальный отдел, и не хотел бросать в нем работу.

Но ячейка заставила его подчиниться решению, и Феткевич взялся за организацию технического контроля. Он перевернул все существовавшие до тех пор на заводе представления о контрольном деле.

Феткевич не увлекся выдумыванием картотеки брака, сногсшибательным увеличением штатов, заказом специальных шкафов и замысловатых бланков или штемпелей. Он понял, что основной бедой первых контролеров было отсутствие авторитета, необходимого для того, чтобы их вмешательство было действенным. Авторитета не было потому, что контролерам не была обеспечена достаточная поддержка и сами они, контролеры, не обладали решительностью и беспощадностью в оценке качества деталей.

Феткевич в избытке обладал и решительностью и беспощадностью и умело поделился этими качествами со своими немногочисленными помощниками.

В механический он назначил Воробьева, культурного и требовательного работника.

В литейную послал Листикова — контролера, которого можно было научить четкой работе.

В кузницу — не испытанного, но знающего техника Григорьева.

Карманов остался на ремонте автомобилей «Уайт», который еще некоторое время продолжался.

Феткевич собрал этих людей и сказал им:

— Контролер — это верховный прокурор на заводе. Если он сказал: арестовать деталь, значит кончено — деталь не должна итти в обработку. Приговор контролера окончательный. Ни на какие уговоры не поддавайтесь. На всем заводе вы подчиняетесь только мне и никому больше. Если директор скажет: пропустить забракованную деталь — не пропускайте, идите ко мне. Я подчиняюсь директору, но не вы. Вы не отвечаете за то, выпустит завод машины или

не выпустит, но вы головой отвечаете за качество каждой машины, если она выпущена.

У новых «прокуроров» мороз прошел по спине от такой программы, и они ушли в цехи к своим новеньким столикам, повторяя мысленно заповеди Фeuткевича. Особенно врезалось в память:

«Верховный прокурор», «приговор окончательный».

Продумывали новую для них формулу: «я подчиняюсь директору, но не вы».

И действительно с первых же дней, когда пошли в цехах первенцы — детали, контролеры начали портить людям жизнь. Их было всего шесть человек. Но они были способны отравить существование всему заводу.

Квалифицированный токарь с большим напряжением и интересом к работе точил первую партию деталей: корпус масляного насоса. В результате длительных усилий, напряжения воли, мобилизации всех способностей и умения наконец получилась первая деталь, вторая, подошел мастер — ему деталь понравилась, токарь приноровился, уже быстрее выточил десятую, двенадцатую, подошел проф. Соколов — ему тоже понравилась, он разрешил делать полную серию, все сто штук.

Восхищенный своими успехами и вниманием профессора токарь кончает последнюю сотую штуку и несет рабочий листок контролеру.

К кучке готовых деталей подходит сумрачного вида, смуглый, черноволосый, аккуратно подстриженный, неулыбающийся Воробьев. Он берет верхнюю, еще теплую бронзовую деталь и бесстрастными аккуратными движениями ее перевертывает — промеряет.

Его обступают рабочие, отошедшие от соседних станков. Волнующийся токарь следит за дорогой, золотистой деталью, по форме напоминающей револьвер. На ее блестящей поверхности уже остаются отпечатки пальцев, бронза тускнеет от потных рук контролера.

— Брак, — произносит в тишине выпрямившийся Воробьев.

Окружающие его рабочие возмущаются, раздаются недоуменные возгласы, и злобным взглядом смотрит обескураженный токарь на контролера. Ему хочется кинуть в контролера красивую, как ему кажется, чисто отделанную деталь, которой тот объявил безжалостный приговор лишь потому, что расстояние между двумя отверстиями не было строго выдержано и они имели незначительный перекос.

В цехе шли горячие споры, люди доходили до хрипоты, доказывая друг другу, годны ли насосы или негодны, влияет перекос или не влияет.

Но спорь или не спорь — разница невелика. Споры при-

влекали внимание рабочих к вопросам качества, но не могли как-либо повлиять на судьбу забракованных насосов.

«Приговор окончательный»—Воробьев своего решения не изменял.

* * *

В механической надо было каким-то сверхестественным способом с начала до конца изготовить коленчатый вал.

Кузница наотрез отказалась наладить хотя бы грубую «приблизительную» штамповку вала. И все-таки вал был сделан. Тогда не думали о стоимости, о рациональности, о правильности методов обработки. Мысль была направлена лишь к тому, чтобы как-нибудь сделать деталь, сделать любыми методами, лишь бы получилось крепко, лишь бы пропустил непримиримый контрольный отдел.

Эта деталь должна быть очень крепкой: через шатуны на шейки коленчатого вала передается непосредственно от поршня вся сила взрывов горючей смеси в цилиндрах мотора.

Коленчатый вал должен сдерживать на себе неравномерность напряжений от взрывов в цилиндрах, выравнивать ее инертной массой маховика. Коленчатый вал передает силу взрывов на всю систему движения автомашины. Такую прочную деталь ковать нельзя, ее надо было штамповать, а штамповать в амовской кузнице можно было только маленькие и самые простые детали.

Но не растерялась механическая. Если кузница не может придать в горячем виде металлу форму коленчатого вала, то механическая холодной обработкой, резанием сделает вал полностью.

Для того чтобы дать десять советских машин, для того чтобы сделать один за другим первые коленчатые валы, строгальщик брал большой кусок крепкой высококачественной стали и взваливал его на просторную плиту продольно-строгального станка.

Строгальщик обрабатывал бока стального куска, который не имел точных граней.

Затем стальную плиту от строгальщика брал на свою плиту разметчик и размечал ее маленькими ямками при помощи заостренной на конце палочки — керна.

По следам керна разметчика сверловщик высверливал одну за другой дыры в стальной плите, потому что нет такого инструмента, нет такого станка, чтобы можно было им вырезать из толстой стали коленчатый вал.

На широкой плите высверливались сотни дыр. После этого плиту брал человек с широкой грудной клеткой и мощными руками. Он клал плиту одним концом на пол, под другой что-либо подкладывал и по провисшей середке бил тяжелым молотом. Он вышибал надсверленные островки, и из плиты получалась высверленная, точно кружевная вырезка.

Самые кустарные, немеханизированные виды труда приходят на ум при виде такого метода изготовления детали автомобиля. От труда скульптора эта работа отличалась лишь своим профессиональным разделением, обусловленным заводской обстановкой.

Коленчатый вал все же создавал не один человек, а несколько: строгальщик, разметчик, сверловщик, молотобоец, снова строгальщик (он подрезал некоторые слишком «узорные» остатки металла), затем токарь, сверловщик, термичник, токарь, фрезеровщик, шлифовщик.

Неожиданно трудным делом, труднее коленчатого вала, оказался кулачковый или распределительный валик. Распределительный валик имеет кулачки с профилем сложной кривой линии. Точная шлифовка сложного профиля кривой каждого кулачка представляла большую трудность. Во-первых — потому, что для такой сложной и точной шлифовки требовались такой же сложной формы и такие же точно копиры. Во-вторых — все кулачки «смотрят» в разные стороны, потому что они производят работу не все одновременно, а в строго определенной, точно рассчитанной последовательности.

Когда уже в октябре выяснилось, что без приспособления кулачковый валик сделать невозможно, а каким образом изготовить приспособление, было неизвестно, то оживились некоторые элементы из технического персонала, которые внутренно не верили в реальность затеи — самостоятельно строить новые автомобили, и поэтому без особого напряжения искали выхода из создавшегося положения, нагромождали новые, надуманные, в действительности не обязательные трудности.

Когда выяснилось со всей очевидностью, что кулачковый валик в случае неудачи может сорвать весь труд, весь энтузиазм амовцев и десять машин могут не выйти на Красную площадь в 7-ю годовщину Октября лишь из-за того, что не будет своевременно налажена шлифовка кулачков, работники ячейки забеспокоились.

Феткевич зашел в техническое бюро и спросил:

— Как обстоит дело со шлифовкой кулачкового валика?

Оказалось, что инженер Заславский ведет сложные подсчеты кривых, профилей кулачков, и когда закончит теоретические подсчеты и установит на основе исследования работы мотора, каким должен быть кулачковый вал, тогда он приступит к проектированию приспособления, которое изготовит по его чертежам инструментальный отдел. Лишь затем будет приступлено к опробованию приспособления.

Теоретические расчеты конструктора Заславского займут неделю, две, разработка приспособления — тоже неделю, две, изготовление приспособления по чертежам — от месяца

до полугода, и когда к весне будет опробовано приспособление, то может оказаться, что инструментальщики что-либо сделали не по чертежу, в самой конструкции могут обнаружиться ошибки, и тогда приспособление, законченное к 1 мая 1925, а не к 7 ноября 1924 г., окажется попросту негодным.

Налицо была явная угроза сорвать выпуск первых машин к октябрьской годовщине.

Феткевич пытался спорить с Заславским. Он доказывал ему, что длинный путь изготовления приспособления, который избрал Заславский, не удовлетворяет основным двум требованиям: надежности и своевременности. Он тут же предложил свой способ изготовления, способ быстрый и надежный. Но относительно надежности инженер Заславский не считал возможным для себя вступать в серьезный разговор с инструментальщиком Феткевичем. Феткевич тогда резче поставил вопрос насчет своевременности выполнения каждой работы:

— Известно ли тов. Заславскому, что завод решил во что бы то ни стало не итти, а ехать на своих автомобилях на Красную площадь в 7-ю годовщину Октябрьской революции?

Заславский снисходительно улыбнулся и ответил:

— Товарищ Феткевич, я тоже за то, чтобы не итти, а ехать на Красную площадь, и поддерживаю это всеобщее решение завода, но поймите, не решениями строятся автомобили, а конкретной практической работой. Следовательно сроки в конечном счете определяются также не решениями, но конкретной работой...

Инженер Заславский закончил фразу снисходительной улыбкой.

В разгоряченном мозгу Феткевича носились злые, бранные слова по адресу спокойно рассуждающего инженера, но Феткевич лишь багровел, потел от злости и сдерживался. Он во-время вспомнил, что не похвалит его Лавлер, если он что-нибудь скажет резкое и обидное инженеру.

Инженер продолжал:

— Для того чтобы сделать возможно скорее, мы работаем напряженно, но не обессудьте — автомобили будут готовы, когда сделаем.

— Мы должны сделать к октябрьской годовщине,—возразил зло и нервно Феткевич.

— Да и я считал и считаю, что должны, но могут быть непредвиденные обстоятельства, иногда мелочные, вот как шлифовка этого самого валика, и тогда все сроки летят кувырком, и благие пожелания остаются невыполненными. И это не только в нашем деле, — непредвиденные обстоятельства во всяком деле бывают, и одной решимостью тут не возьмешь.

Феткевич больше не мог выдержать, он чувствовал, как с каждым новым, пропитанным затхлой российской мудростью изречением инженера ему все труднее становится сдержаться.

Он неожиданно оставил инженера и направился быстрыми шагами в ячейку к Лавлер.

* * *

Феткевич торопился закончить свой нервный рабочий день. Контрольный отдел — что могло быть утомительнее в эти месяцы? Почти никто еще не умеет работать как следует, детали дают неважные, поднимается спор, который доходит до Феткевича, и когда он поддерживает контролера, тогда спор разгорается еще сильней.

— Что же, значит ты хочешь из-за твоей бюрократической придирки к деталям сорвать выпуск десяти машин? Из-за того, что у одной детали в автомобиле размер будет не выдержан, от одного этого машина не станет хуже, — доказывали представители производственных цехов.

Каждый день с утра до вечера Феткевич браковал детали, которые казались хорошими тем, кто их сделал, каждый день спорил и ругался — отстаивал первые десять машин от негодных частей.

Вот такой рабочий день заканчивал сегодня Феткевич. Он попрощался с контролерами, которые собирались уходить домой, тщательно мыли руки и, в какой уж раз, жаловались на свою судьбу — во всех цехах их считали вредными людьми, мешающими спокойно и успешно работать, изготовлять советские автомобили. Феткевич ничего не ответил контролерам, неопределенно улыбнулся, прошел к своему шкафу, вытер руки и лицо, вынул из шкафа длинный тонкий сверток, какой-то тяжелый, должно быть металлический предмет, завернутый в несколько газет. Он положил сверток на плечо, как охотничье ружье, и пошел не домой, а в инструментальный цех.

В инструментальном цехе его встретил высокий, молодой фабзаучник Вакулов, которого Феткевич давно считал способным парнем... Теперь он решил взять его к себе в помощь для новой сложной работы.

Феткевич с Вакуловым подошли к шлифовальному станку и осторожно положили сверток.

Вакулов развернул многочисленные газеты, и на ворохе бумаги оказался совершенно готовый кулачковый валик.

К верстаку подошли несколько человек инструментальщиков и внимательно разглядывали валик в ворохе газет. Он лежал будто новорожденный в пеленках.

Всех поражала чистота обработки валика, особенно чистота шлифовки кулачков.

Валик сиял.

* * *

С того дня, как Вакулов распаковал сияющий валик, Феткевич стал работать ежедневно две смены: днем начальником контрольного отдела, а вечером шлифовщиком. Ему помогал молодой инструментальщик Вакулов.

Валик, который принес Феткевич, был эталонным валиком с одного из двух эталонных автомобилей, изготовленных в Италии на заводе «Фиат». Феткевич решил срочно, не в полгода, а в несколько дней сделать кулачковый валик без всяких теоретических подсчетов и чертежей.

Он решил получить точный профиль кулачков, который теоретически рассчитывал инженер Заславский, непосредственно с эталонного валика.

В несколько вечеров он наладил шлифовку копиров для приспособления и начал шлифовать один копир за другим. Технический отдел, узнав о таком варварском методе изготовления приспособления по эталонному валику, а не по чертежам, не по теоретически рассчитанным кривым, заявил о бесспорной негодности валиков, изготовленных таким неприличным, грубо натуральным способом.

Тогда Феткевич, как обычно в таких случаях, заявил:

— Я беру под свою личную ответственность это дело. Ровно через неделю кулачковый валик будет готов — только условие, чтобы никто не мешал, никто не вмешивался.

Те, кто давно работал на заводе, помнили, что Феткевич не раз делал такие же категорические заявления и еще ни разу не срывался.

Никто не верил, что в неделю он даст валик, но все, кто хотел на самом деле выпустить новые машины к сроку, поддерживали Феткевича.

Королев согласился: «дуй, втыкай», хотя и не был уверен, что валик, изготовленный вопреки мнению всех технически грамотных людей, будет хорош. Впрочем этих грамотных людей он мало уважал.

— Дуй, вкалывай и дай через неделю валик.

А у Феткевича было все рассчитано. Он не сомневался в успехе. В несколько вечеров он сделал по эталонному валику приспособление с обратными копирами и в сутки отшлифовал первый кулачковый валик.

Так как он сам же был заведующим контрольным отделом и кроме того не было даже чертежа, по которому можно было бы проверить работу, — Феткевич понес валик к старой машине, поставил его на мотор и повернул заводную ручку. Мотор чихнул, будто просыпаясь, и спокойно зара-

ботал с новым валиком. Феткевич ликовал. Ему особенно был дорог успех, потому что инженеры категорически утверждали — не выйдет. Он их недолюбливал. Он их считал консерваторами.

Сделать остальные девять валиков не представляло труда. Приспособление Феткевича было правильным.

* *
*

Развернутым фронтом шли детали на сборку новых десяти автомобилей. И все же еще почти ничего нельзя было собрать.

За что ни брались люди, обязательно нехватало какойлибо детали, либо крупной, либо мелкой.

Тогда слесаря-сборщики отправлялись в соседний, расположенный в этом же корпусе механический цех и искали по станкам, нет ли чего подходящего.

Важно было найти деталь. Не всегда было важно — готова ли она. Завидев издалека ту самую деталь, которой нехватало для того, чтобы собрать целую коробку скоростей, слесарь срывался с места и, невзирая на присутствующих, стремился стянуть ее — пусть незаконченную — он ее сам обрубит, опилит и пустит в ход.

Но не так-то просто было забрать из механического цеха неготовую деталь. Теперь нельзя было взять ни одну деталь

Сборка заднего моста автомобиля

на сборку без утверждения контрольного отдела. Сам рабочий следил за этим; без подписи контролера рабочий листок не был действителен, и по такому листу не уплачивали деньги. Увлеченные сборкой, слесаря должны были стать не просто смелыми охотниками за дефицитной деталью, но фактически внештатными толкачами — планировщиками. Они приходили в механический цех и торопили мастера и рабочего обрабатывать скорее ту деталь, которая нужна, а не ту, которая не скоро еще понадобится.

Сборщики бегали по механическому и ругались с мастерами и рабочими. Все вместе они ругались с контролерами. Слесарь помогал токарю или фрезеровщику протащить недостаточно хорошую деталь на сборку, потому что торопился скорее собрать. А то, что деталь была плохая, слесаря не смущало — он был квалифицированным работником и знал, как с нею обращаться.

Но контролеры были неумолимы. И токаря и сборщики от злости плевались, поминали Феткевича недобрым словом, но это не помогало.

Но как ни были строги контролеры, как ни трудно было сделать хорошие детали, все же одну за другой их пропускали контролеры, и слесаря сами в подолах рабочих халатов уносили их к себе на сборку. После утомительного суетливого дня слесаря вечером спорили между собой из-за того, кому достанутся переносные электрические лампы, и те, кому доставались такие лампы, садились в кучку и разбирали находки, собранные по механическому за день. Они напоминали нищих за вечерней разборкой выпрошенного.

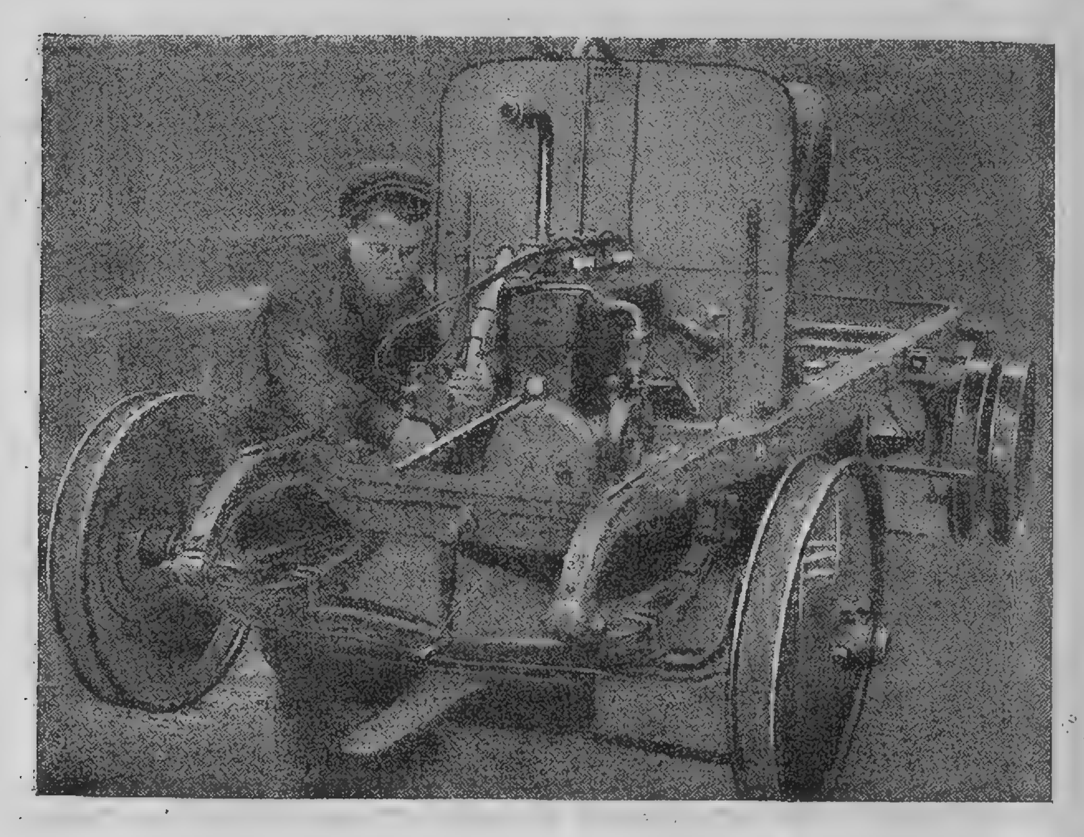
Вот по вечерам обычно только и начиналась сборка. Кто успевал собрать пораньше и жил поближе, уходил ночевать домой. А кто управлялся лишь к полуночи, да к тому же проживал подальше, тот и домой не уходил, располагаясь спать здесь же в цехе где-либо в кузове невывезенного еще неотремонтированного забытого «Уайта».

* *
*

Первая машина была собрана в ночь на 1 ноября. Лихорадочно торопились слесаря скорее поставить недостающие детали на машину, чтобы поскорее ее завести.

Как будто появилось смутное опасение, что вот, если собранные на машину разнообразные детали не будут спешно заведены, не станут работать, прирабатываться — она рассыплется на отдельные части, и весь труд пропадет напрасно.

Затаив дыхание, ждали момента, когда кто-либо из слесарей подойдет к переду машины, нагнется и...

Установка магнето на машине «Амо-Фиат 15»

Никто не знал, заведется или не заведется машина. Торопившихся и без того волнующихся слесарей окружили угрюмые, напряженные и нервничающие инженеры.

Сборка собственно уже кончалась, мотор был собран, но никому не хотелось осрамиться, не хотелось взять на себя неудачу, и слесаря пытались найти еще какую-нибудь недоделку и лишний раз повозиться у мотора.

Проба началась как-то неожиданно и незаметно. Подошел кто-то, никто даже не запомнил — кто именно — и в полоборота повернул заводную рукоятку. За рулем сидел длинный Ларин и волнение свое пытался заглушить шутовскими ужимками. Но волновался он больше всех и замер, когда мотор после полоборота чихнул, и маховик, раскачиваясь, остановился.

Какой-то, не запомнившийся никому слесарь нагнулся опять над радиатором и в ожесточении завертел ручку.

Все сгрудились вокруг. Обступили машину—мотор снова чихнул, взорвался и пошел. Обрадованный Ларин доотказа нажал на педаль, и мотор зашумел, засвистел, от маховика пошел ветер, пыль поднялась под машиной, и, освобожденный от легкой пыли, стал легонько перекатываться по полу оставшийся крупный песок.

Заработал мотор первого советского автомобиля.

И вместе с мотором зашумели все окружающие. Вокруг

вздрагивающей машины собрался почти весь завод. Заговорили и люди, до того напряженно молчавшие.

Ларин нажал еще сильнее на педаль акселератора, сзади запрыгали по полу от маховика самые тяжелые крупицы грязи и песку, Ларин священнодействовал, он подмигнул окружающим, выжал конус, включил первую скорость и с опасливой ужимкой осторожно стал отпускать педаль. Шумливый мотор на обнаженной раме без кузова тронулся вперед, люди расступились, давая ему дорогу, на простом перевернутом ящике вместо шоферского сиденья ехал Ларин, нарочно вертя руль вправо и влево, хотя в этом не было вовсе нужды и проход был узок. Ларин хотел показать все качества и возможности машины — дескать не только ездит, но и заворачивает и вообще машина что надо.

* * *

На другой день нацепили на шасси кабину и платформу, и машина стала настоящим грузовиком. Ципулин сел за руль. Покатался вместе со слесарями по двору и потом выехал в город. Благополучно запрыгал автомобиль по вздыбленному волнистому булыжнику до Спасской площади, от Спасской Ципулин прибавил ходу и стал обгонять попадавшиеся автомобили. У Рогожской заставы он решил обогнать мчавшийся трамвай. Инженер поддал газу, машина рванулась вперед, Ципулин ловко направил ее между трамваем и ломовым извозчиком, он уже обогнал трамвай, но вдруг машина рванула влево, ударилась легонько о трамвай, потом шарахнулась вправо между вздыбившимися лошадьми и задком другой телеги, затем рванулась на тротуар и, чуть не ударившись крыльями о стену, остановилась.

Ципулин крепко держал руль в руках и отчаянно тормозил. Внешне он был совершенно спокоен.

Даже смешон был торжествующе-самоуверенный шофер на машине, въехавшей на тротуар.

Ципулин крепко держал руль в руках, и тем не менее машину кидало из стороны в сторону. Он потерял управление и лишь благодаря счастливой случайности не наскочил на трамвай или на дом и не раздавил лошадей.

Ципулин оторвал подошвы башмаков от педалей тормоза и конуса, выключил скорость и, оставив машину на ручном тормозе, слез на мостовую.

Вокруг собралась огромная толпа любопытствующих — люди издали заинтересовались автомобилем, упершимся в тротуар, стремились протолкаться вперед, думая, что увидят жертвы. Но около машины спокойно возился водитель, а под ней ползали несколько человек в кожаных штанах. Толпе не хотелось расходиться, но само по себе происшествие показалось скучным, и передние стали расспрашивать,

что такая за машина, будто новая, военная или какая иностранная, кто шофер и не убился ли кто.

Никто не ответил любопытным. Никто не сказал, что это новый автомобиль нашего собственного производства, первая советская машина.

Оказалось, что лопнул на ходу палец шарового управления, и оттого Ципулин, крепко державший руль, потерял власть над машиной.

Добравшись обратно при помощи высланного с завода старого «Уайта», Ципулин немедленно отправился в термическую, потребовал себе все шаровые пальцы и молча на глазах у термичников расколол их.

От удара молотка головка отлетала, будто палец был сделан из хорошо высушенного сухаря.

Тогда Ципулин попрежнему молча отправился в механический цех, в карманах принес оттуда в термическую обточенные, но еще не закаленные пальцы и приказал обработать. Всю ночь он вместе с Феткевичем уничтожал подозрительные детали, проверяя их безжалостными ударами молотка.

* * *

До октябрьской годовщины осталось всего лишь 5—6 дней, смотря, как считать — с воскресеньем или без воскресенья. Большинство считало с воскресеньем, но и шесть дней — ведь это сущие пустяки.

Работа по сборке остальных машин осложнялась тем, что на одну машину легче было подобрать детали из имеющихся десяти штук, чем подобрать на все 10 машин или, как предполагалось вначале,— на 25 машин.

Дело в том, что как ни был строг контрольный отдел, все же многие детали, обрабатывавшиеся без кондукторов, не могли быть особенно точными. И Феткевич по договоренности с Королевым и Ципулиным должен был пропускать такие детали. Например ступицы для колес — у них шесть отверстий для болтов, на которых держится колесо,— они сверлились без кондуктора, по разметке. Дыры не были расположены на одинаковом расстоянии, приходилось поэтому каждую ступицу подгонять под определенное колесо.

В результате каждое отдельное колесо подходило не ко всем ступицам. Если колесо подогнано под левую переднюю ступицу, значит только на нее и надевалось, а к другим не подходило. Не все части первых десяти машин были взаимозаменяемыми. Слишком много деталей обрабатывалось по разметке.

Работа по разметке не могла дать необходимой точности, и с этим органическим недостатком не рабочего, а завода должен был считаться и считался контрольный отдел.

Почти все детали приходилось на сборке подпиливать, подделывать, подшабривать, иначе они не лезли, не подходили после механической обработки. После того как деталь была готова, сдана на сборку и казалась хорошей, ее нередко приходилось снова переделывать.

Последние дни перед октябрьской годовщиной работали напролет, не выходя из цеха. Тут же в цехе питались и в случае необходимости отсыпались.

Но редко требовался отдых, не хотелось ни спать, ни даже есть — так было велико возбуждение.

Люди понимали, что для них оставшиеся дни до великой даты — необычайно короткий отрезок времени. Надо было за это время сделать очень много. Отдыхать было некогда.

Тех, кто не был необходим для своевременного выпуска автомобилей, администрация пыталась уводить из цеха домой, но люди обижались, и дело доходило до недоразумений. Каждый мог заявить: как, значит я не важный? Значит от меня не важит, думаешь, только от тебя важит?

Каждый хотел знать, что и от него непосредственно зависит успешный, своевременный выпуск машин. Из доброго намерения увести хотя бы часть людей и дать им возможность отдохнуть ничего не получилось.

Люди только обижались и стремились стать на такую работу, где они были бы все время необходимы.

* * *

Кузова уже были готовы, и столяры приходили ежедневно с утра на сборку и подгоняли слесарей.

— Эх, работнички, день и ночь работаете — не можете десяток машин собрать. Берите с нас пример, у нас кузова на машину рвутся.

— Уходите, черти деревянные, а то вот ключем,— отшучивались усталые слесаря.

Последняя десятая машина была готова лишь накануне 7 ноября. После обеда стали навешивать кузов.

Пока навесили, пока приладили, закрепили—подкрался вечер, и эту последнюю машину пришлось последний раз покрыть лаком в ночь на 7 ноября.

Первые десять советских машин решено было выкрасить в красный цвет, в цвет знамени коммунистов, в цвет знамени советской власти, в цвет крови, которая уже пролита и которая еще будет пролита в борьбе за освобождение рабочих и трудящихся. Маляры в последний раз лакировали последнюю машину и аккуратно подправляли поцарапанную шоферами краску на первых девяти.

Шоферы заправляли автомобили. Давали мотору большие обороты. Пробовали осторожно (чтобы не испачкать кузо-

ва) двигаться по двору. Останавливали мотор, заводили снова. Они готовились к завтрашнему параду.

Придя домой, все теперь чувствовали небывалую усталость и необоримое желание—спать, спать много, спать крепко. Однако люди боялись проспать демонстрацию.

Тревожным сном спали амовцы — завтра надо было не проспать, многие беспокоились о том, как будут вести себя машины на параде. Шоферов преследовали кошмары: посреди дороги заглушались моторы, у самой трибуны на Красной площади вскипали радиаторы, и вообще в голову лезла разная чертовщина. Маляры беспокоились не испачкал бы кто последние машины, крытые красным лаком в последний раз только сегодня перед шабашем. Но машины исправно сохли. Лаки были хорошие, скоросохнущие.

Очень неспокойно чувствовал себя Королев. Завтра предстояло серьезное испытание. Не шутка вывести первые десять машин советской работы, вывести на глаза миллионов, чтобы весь мир был свидетелем. Говорят, на параде будут присутствовать посольства некоторых капиталистических стран, иностранные корреспонденты, и вдруг машина, хоть одна из десяти, остановится посреди Красной площади. Королев пугался своих мыслей. Лучше уж пусть машина застрянет либо раньше, либо позже, только не на Красной площади.

Напряжение было настолько большим, что Лавлер никак не хотелось оставаться в этот вечер одной. Делать ничего не хотелось, хотелось, чтобы скорее уж было завтрашнее утро, демонстрация, площадь, триумф.

Она вошла в кабинет к Королеву; тот тоже не знал, что делать, он только что осмотрел последнюю машину — она благополучно сохла. Ее пробовали заводить, глушить и снова заводить — машина послушно повиновалась, исправно глохла и заводилась без труда.

Королев обрадовался приходу Лавлер. Одному ему вечер тоже казался невыносимо напряженным. Он предложил вместе пойти в кино, какого-нибудь Дурашкина или Глупышкина посмотреть, но тут же вспомнил, что сегодня все кино бесплатные, никуда без даровых билетов не попадешь, а Лавлер себе билетов не оставила, хотя видела их сегодня в завкоме и даже сама говорила Толкачеву, кому надо обязательно дать, особенно из беспартийных рабочих.

Завтра будет подведен первый неофициальный, неписанный, но торжественный итог ударной работы завода за последние месяцы.

Эта работа у самих амовцев вызывала чувство глубокого удовлетворения, и поэтому еще больше было опасений за завтрашний день.

Ведь машины еще не были в пробеге.

* * *

Динамовцы обычно, как в прежние годы, собирались у завода. С утра рабочие мало разговорчивы, но в такой день, на людях, каждый о чем-то говорит, и все вместе ждут, когда тронется демонстрация. Динамовцы всегда шли на демонстрацию первыми в районе. И сегодня они собирались итти в голове колонны.

Но выход заводской колонны почему-то задерживался. Уж не думают ли сегодня амовцев пустить первыми? Такой вопрос возник у толпившихся рабочих Динамо, и разговор невольно перешел на последние амовские события. Динамовцы с весны знали о том, что их соседи переходят на новое автостроение, знали и то, что оно оказалось необычайно трудным делом. Они были в курсе дел до самого сентября — встречались с амовцами в общем клубе «Пролетарская кузница», вместе ходили на экскурсии, устроенные клубом, наконец рядом жили в Симоновке.

А потом, за последнее время (и никто не заметил, как это случилось), перестали динамовцы встречать своих приятелей, работавших на АМО. Амовцы почти не появлялись в клубе, не ездили ни на какие экскурсии. Выпить, посидеть в пивной на площади и то не доводилось с амовцами в последний месяц.

Но прошло так мало времени, что никто и не обратил внимания на неожиданное исчезновение амовцев. Только теперь невольный досуг — задержка демонстрации — и дал толчок мыслям.

Все стали припоминать, что амовцы действительно за последний месяц нигде не появлялись и видеть их приходилось только по утрам в трамвае, когда они вместе с динамовцами приезжали на работу. Среди динамовцев пошел оживленный разговор о соседях, все стали нетерпеливо посматривать на поворот дороги у завода «Трубосоединения», из-за которого должны были появиться амовцы.

Напротив Динамо — небольшой завод «Парострой». Паростроевцы, которые безропотно уступали первенство в районе динамовцам, с нетерпением ждали, когда те тронутся, и отправились их подгонять.

И вдруг из-за поворота выехала красная, как разгоревшийся костер, машина. Удивительно яркая краска сильнее бросалась в глаза, чем даже красные знамена. Все в этой машине было поразительно. То, что она выкрашена в огненный или кровяной цвет, то, что она была битком набита людьми, то, что она вышла из-за угла так медленно, будто динамовцы наблюдали восход солнца. Когда возник сияющий, выполированный радиатор и после медленно выполз из-за поворота красный капот, никто еще не думал, что и сиденье шофера тоже красное.

Но затем выползло сиденье и наконец кузов до самого хвоста, и вся машина оказалась яркокрасной. Это произвело впечатление. Динамовцы восторгались этим красным первенцем и не заметили, что за ним также медленно выполз второй красный автомобиль. Второму поразились еще больше.

— Значит не один автомобиль сколотили амовцы, а два...— в это время показался третий, четвертый... десятый.

Это было величественное зрелище. Колонна из десяти огненных автомобилей, наполненных людьми, с красными знаменами в руках медленно приближалась к столпившимся посреди улицы динамовцам и паростроевцам.

Амовцы задержались потому, что впервые ведь довелось не итти, а ехать на демонстрацию. Погружаться в автомобили решили в порядке, чтобы не ободрать покраску. На последней машине лак еще не совсем высох. Как возьмешься — отпечаток от пальца остается. Погружались медленно. Набивались — сколько влезет. Стремились поехать все, и всетаки оказалось, что машины не могли всех вместить. За колонной автомобилей гордо шли пешие демонстранты. Среди них были домашние хозяйки — разве они не помогали выпуску первых десяти советских машин?

В головной машине за рулем сидел Ципулин. Рядом с ним Королев и Лавлер. На второй за рулем — бригадир сборки Королев, на третьей — бригадир Ларин... На каждой машине было не меньше сорока человек. Амовцы смотрели сверху вниз на стоявших на мостовой динамовцев; сознание их наполнялось гордостью. Перед ними были сосредоточенные, задумчивые лица динамовцев. Ну и пусть обижаются, что мы идем впереди.

Огненная колонна (машины были так красны, что казались горящими) шла мимо соседей нарочито медленно. Это Ципулин на первой машине чудил — вот, мол, смотрите лучше, разглядывайте.

И сорок человек в первой машине как бы вторили ему внутренно — смотрите, что мы сделали.

Молчали амовцы в машинах, внимательно наблюдали за динамовцами, как они будут реагировать. Молчали динамовцы, они были изумлены зрелищем и внимательно разглядывали приближавшиеся машины.

Амовцы уже собирались было окончательно обидеться на соседей за то, что они не оценивают их успехов. Сосредоточенный вид динамовцев им казался пасмурным. И мороз по коже пошел у возбужденных амовских рабочих, когда динамовцы и паростроевцы, расступаясь с дороги и по сторонам, каждый к своим воротам, к своему заводу — неожиданно зааплодировали — сперва немногие, потом все. Неотоспавшиеся, уставшие, возбужденные амовцы растерялись от

радостного волнения и тоже в ответ дружно захлопали ладошами. Все радостно засмеялись — и те, что ехали в машинах, и те, что шли за ними, и те, что только строились в колонны — динамовцы и паростроевцы. Они строились, продолжая хлопать. С красных полотнищ на машинах кричали четко выведенные буквы амовских лозунгов:

«Да здравствует РКП(б) — авангард рабочего класса!»

На второй машине был лозунг: «Рабочий-хозяин строит автопромышленность, которой не было у капиталиста-хозяина».

Этот лозунг вызвал бурю аплодисментов. Благодаря ему десять красных машин стали ближе динамовцам, стали как бы их машинами: «рабочий-хозяин..., не десять машин, а — рабочий-хозяин строит свою автопромышленность!»

С. Черняк

СОВЕТСКАЯ МАРКА

Из VI главы истории Московского инструментального завода (МИЗ)

В небольшой комнате стояли только столы и ящики, доверху наполненные сверлами, метчиками, плашками. На полу у ящиков сидели две девушки. Они брали левой рукой чистое, отшлифованное сверло, привычным движением клали его на колени и, слегка нажимая, быстро проводили по нему напильником, оставляя еле заметный след. Все это делалось быстро, и сверла, постепенно редея в одном ящике, быстро наполняли другой. Сверла крепкие. Даже при самом сильном нажиме трудно было различить след, оставляемый напильником. Сверла закалены хорошо. Так думал и Яскович, недавно назначенный заведующим отделом технического контроля.

Он работал на заводе с 1925 г. Поступил токарем, но через год был выдвинут мастером вечерней смены. Проработал еще год, и партийная ячейка постановила назначить его заведующим отделом технического контроля.

Яскович удовлетворенно следил за девушками. Брака почти нет.

— Но почему же заводы-заказчики так неохотно заказывают у нас инструмент? Почему целые партии сверл были возвращены нам Сормовским заводом?

Вот уже две недели он мучительно думал, стараясь обнаружить причины, которые держат качество мизовского инструмента на крайне низком уровне. И обиднее всего было сознание того, что все эти сверла, метчики, плашки проходят через его руки, и он дает им «путевку в жизнь», он говорит:

— Сверла хороши, плашки хороши. Метчики хороши.

— Хороши...— пробормотал он, вспоминая свой приезд на Сормовский завод.

Он хотел проверить тогда справедливость нареканий на инструмент. Как сейчас, он помнит то ощущение, которое он испытал, когда сверла, продержавшись с полчаса, сломались,

При нем перепробовали с дюжину сверл, и все они никуда не годились.

Яскович раздраженно переложил несколько сверл с левой стороны стола на правую и порывисто поднялся. Стол качнулся, и одно сверло, отделившись от остальных, медленно покатилось к краю. Яскович потянулся за ним, но не успел, и сверло свалилось со стола, жалобно зазвенело и раскололось пополам. Яскович вздрогнул, уставился на сверло и не двигался с места.

— Сверло после контроля... годное сверло...

Он поднял обломки и пристально разглядывал зернистый излом, он трогал его пальцами. Неожиданно, подчиняясь внезапно пришедшей мысли, он схватил со стола другое сверло и бросил его. Сверло раскололось пополам. Он бросил третье. Сверло раскололось.

Он метнулся от стола к перепуганной девушке и, выхватив из ее рук сверло, разбил и его. Он в каком-то исступлении бросал на пол сверла, причем на каждый десяток ломалось шесть-семь штук. В комнате было тихо. Обе девушки стояли с напильниками в руках не в состоянии выговорить ни слова. Наконец Яскович выпрямился, вытер пот со лба, тяжело уселся на стул и глухо проговорил: — Несите медную чушку из шлифовки. — Когда девушки принесли чушку, он сказал:

— Бейте сверла об чушку, какие сломаются — негодны.

Девушки взяли по сверлу и не решались ударить по чушке. Яскович крикнул: «Бейте», и они стали колотить сверла. Через несколько минут на полу лежала груда обломков. В комнате уже было полно народу. Все столпились вокруг двух девушек, пунцовых от необычной работы. Никто ничего не понимал.

Прибежал зав. производством Романовцев и быстро подскочил к Ясковичу:

— Ты что, с ума сошел, немедленно прекрати, я тебя под суд отдам. Это преступление.

— Преступление? — переспросил, сдерживаясь, Яскович и тихо приказал девушкам:

— Бейте. Я отвечаю. Преступление, говоришь? Не я делаю преступление, что ломаю сверла, а вы делаете преступление в двадцать раз больше, что даете этот инструмент на Сормовский завод, на Коломенский и Брянский.

Он толкнул ногой груду обломков и выбежал из комнаты. Яскович бежал к директору Нудэ. Новый директор, недавно назначенный, поймет его, поймет, что так дальше продолжаться не может.

— В этом и секрет, — говорил он спустя несколько минут, сидя перед большим, немного грузным человеком с красивым, веселым лицом. — Мы принимаем сверла на твер-

дость, а они калились сухо и давали невидимые на-глаз трещины. И вот случайно открыли.

Он глотнул воды из стакана и уже спокойно продолжал:

— Дело-то оно ясное. К примеру если сразу налить кипяток после холодной воды в стакан, то стакан лопнет. Сталь при закаливании нагревать и охлаждать надо осторожно, а у нас делают лишь бы как, и сверла становятся хотя и твердыми, но хрупкими.

Нудэ тяжело завозился в кресле.

— С качеством у нас работка будет. — Он вдруг улыбнулся, будто вспомнив что-то.

— Мы на той неделе с товарищем Мышковым ездили на Брянский и Сормовский. Хотели проверить, почему они нам присылают обратно ящики с инструментом. Так поверишь, нас встретили целым боем. Одна женщина на Сормовском заводе из болторезного цеха так набросилась на меня, что я думал сейчас изобьет. Кричит: — Кустари, одиночки, партачи, с вашими сверлами промфинплан пожалуй выполнишь.

Перед ним на столе лежала выписка из отчета ГОМЗы на производственной конференции 29 октября 1927 г.: «Русско-американский инструментальный завод — РАИЗ. Процент брака растет, рекламации многочисленные с заводов ГОМЗы.

— А в общем положение пиковое,—уже серьезно сказал Нудэ,— завтра вопрос стоит на бюро, и надо принимать меры и принимать немедленно.

* * *

Расширенное заседание бюро общезаводской партячейки собрали в самой большой комнате. И все же народу было так много, что у раскрытой двери стояла толпа.

— Давай начинай,— обратился секретарь ячейки Куфтин к полному человеку, сидящему рядом.—Новый директор,— шепнул кто-то в углу. Нудэ встал, поправил несколько листков тонкой бумаги, на которых что-то было написано красным и синим карандашом.

— Товарищи, я сегодня впервые встречаюсь с вами на собрании, но я уже успел с заводом ознакомиться довольно обстоятельно, и, надо сказать, дело наше совсем неважно.

Он, выпрямившись, поднял от стола спокойное лицо, и улыбка, едва заметная, вдруг появилась на нем.

— Когда я в первый раз пришел на завод, я увидел на дворе трех больших собак. Они прыгали и резвились, чувствуя себя здесь полными хозяевами. Оказывается, что у вас вместо сторожей собаки. И при собаках комендант.— Смех прошел по комнате, выкатился за дверь и пропал.

— Это может быть мелочь, но характерная мелочь для сегодняшнего положения завода. Собаки стерегут завод, как у помещика — сад фруктовый. У хороших хозяев этого не бывает. А мы — хозяева плохие.

Нудэ был прав. Хозяева были плохие. Завод работал в убыток. Производительность труда у служащих и рабочих несмотря на достигнутые за последние годы успехи все же была низка. Нудэ с первых дней своей работы на заводе стал присматриваться к руководящему техническому персоналу. Парторганизация завода помогала Нудэ, и вскоре обнаружилось, что часть технического персонала нужно сменить. На первом же заседании партбюро Нудэ заявил:

— Я думаю обновить техперсонал, возглавляющий завод. — Бюро поддержало предложение Нудэ: — Делай, расставляй силы так, как нужно.

В течение ближайших дней было произведено сокращение служащих. Около 35—40 человек было уволено, в том числе и инженеры и техники. Некоторые из них просто присвоили себе это звание, другие же имели только незначительную практику. Среди них был механик Кузнецов, В. В. Нудэ, говоря о нем, слово механик произносил особенно, как будто беря это слово в кавычки.

Этот «механик» раньше заведывал складом где-то. Но был еще и другой — Кузнецов В. М. Этот был крупнее, он занимал должность технического директора. И соответственно должности — очковтиратель он был более крупного масштаба.

4 октября 1927 г. на техническом совещании завода стоял вопрос о техническом руководстве. Выступил Мышков — заведующий лабораторией:

— У нас на заводе семь раз рассматривался промфинплан, но до сих пор не утвержден.

Кузнецов вздрогнул. Этот Мышков, недавно снятый с работы в цехе, раздражал его.

Промфинплан на 1927/28 г. составлялся под руководством Кузнецова.

Председатель завкома Степанов сказал:

— Простой рабочий составил бы план грамотнее.

Кузнецов был не на месте. Это сразу понял Нудэ, и в числе других с завода был убран и Кузнецов.

«Нам нужны были люди, — вспоминал много лет спустя Нудэ, — которые могли бы поставить дело на должную высоту и под руководством хозяйственных и партийных организаций выращивать новые кадры из квалифицированной рабсилы, которая сохранилась на заводе.

Мной был приглашен инженер Раков. В бытность мою директором на заводе «Мосэлектрик» он был там главным инженером, помощником технического директора, я его

знал и поэтому пригласил его работать. Он хороший организатор и прошел серьезную школу в Ленинграде на Семянниковском заводе. Он там работал в качестве помощника главного инженера еще в дореволюционное время. Кроме него был приглашен инженер Федоров, очень дельный работник, знающий инструментальное дело. Он был с Урала. Был также приглашен практик Романовцев — токарь с 25-летним стажем, который принес заводу немалую пользу и поработал на совесть».

Доклад Нудэ затянулся. Стрелка на ходиках, висевших в углу, уже далеко переползла за черту, отведенную регламентом. Председатель не прерывал докладчика. Рабочие не кричали — «кончай», «закругляй».

Нудэ подводил итоги:

— Таково положение. Теперь говорите вы. Говорите все. Вы лучше всех знаете больные места. Покройте, кого следует, поругайте, а завтра мы с вами вместе начнем действовать.

На предложение выступить в прениях поднялись сразу десятки рук. Люди повскакали с окон, поднялись с мест, и Куфтин с большим трудом водворил тишину.

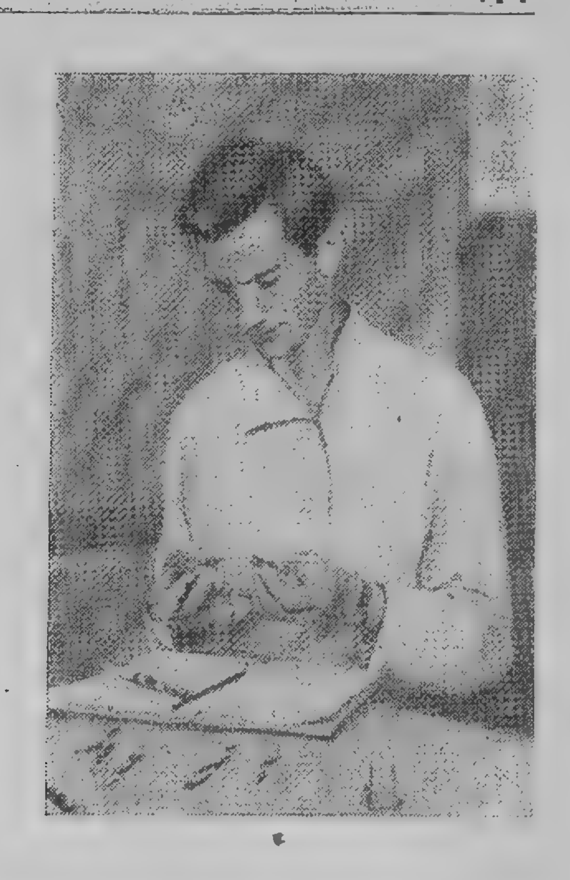
Рабочий говорил:

— Вчера стою во дворе. Подъехала машина. С машины сняли два ящика. Адрес: Б. Семеновская, 49, Инструментальный завод. Открыли — в ящике сверла. Крупные и мелкие. В стружке. Взял я сверло в руки. Наше сверло, ребята, ей-богу наше. Что это делается, товарищи, я спрашиваю? Зачем мы работаем? — Он задал этот вопрос, повернувшись к Нудэ и Куфтину.

Ящики с инструментом поступали обратно от потребителя.

Это стало обычным явлением, таким же, как отправка готовой продукции. С Коломенского завода получили обратно 50 ящиков метчиков стоимостью в 80 тыс. руб. Брянский и Сормовский заводы возвращали всю продукцию обратно. Программа завода в 1926/27 г. составляла 900 тыс. руб. На складе лежало готовой, не реализованной продукции на сумму 400 тыс. руб.— почти половина программы.

На улице уже давно стемнело. Уже больше десяти человек высказалось. Ораторы стали повторяться. С места заговорил заведующий лабораторией тов. Мышков. Высокий, сухой, в черном плаще, он высился над всеми. Он горячо говорил, как он всегда говорил об инструментальном деле. Это был неокончивший инженер, страстно преданный производству. Он отдавал ему всю энергию. Он учился на последнем курсе МВТУ.

Технический директор МИЗа тов. Мышков в лаборатории

— Правильно. Нас сейчас бьют по голове палкой. Мы думали, что сможем существовать без роста, не совершенствуясь. Мы просчитались. Сейчас обстановка иная.

Действительно обстановка изменилась. Советский союз вырос в крупную индустриальную страну, с которой капиталистический мир волей-неволей вынужден был считаться.

Советская страна росла, готовясь к первой пятилетке. С Советским союзом стало выгодно торговать. Мы стали покупать за границей станки, машины, инструмент. Советские заводы получили заграничный инструмент лучших мировых фирм Штока, Вебера, Людвиг-Леве и др. Инструмент замечательной крепости, испытанный многолетней практикой крупнейших заводов. И наши сверла, метчики, развертки вынуждены были уступить дорогу знатному гостю. Они выглядели перед ним, как деревенская кляча перед первоклассным рысаком. Сравнений быть не могло. Одно сверло Штока «переживало» наши 3—4 сверла. И если раньше машиностроительные заводы брали инструмент без разбора, лишь бы с ним можно было кое-как работать, то теперь положение резко изменилось. 50 ящиков метчиков были присланы обратно с Коломенского завода с лаконической припиской: «ввиду плохого качества».

Негодный инструмент завалил склад, поблескивая в темноте мертвенной матовостью своего тела. На 400 тыс. руб. инструмента! Сколько затрачено труда! И все это долж-

но пойти в переплавку.— В переплавку! — прокричал Мышков, вытянув вперед худую жилистую руку, блеснув глубоко запавшими глазами. Это слово как бы ударило присутствующих, и по комнате прошел сдержанный гул.

Поздно вечером, выходя из завода, Нудэ, пожимая руку Куфтину, сказал, довольно посмеиваясь:

— Теперь нам осталось совсем немного: провести это в жизнь. Засучим рукава и за дело.

* * *

Над двором завода растянулось огромное красное полотнище: «Поднимем весь завод на бой за качество». И немного в стороне на заборе плакат, написанный чернилами на фанере: «Повышением качества инструмента — снизим себестоимость».

Второй лозунг разобрать было трудно. Дождь смыл много букв, покрыв фанерный лист чернильными пятнами.

В этом лозунге, привычном, избитом, истасканном, крылся глубочайший смысл. Снижение себестоимости! Кажется, за этими двумя словами прячутся столбцы статистических сводок, сухих и безжизненных, стук костяшек счетов и треск арифмометров.

Это внешность этих двух слов, это их звучание. Но если вдуматься в смысл их, в то, что скрывается за ними, то можно найти в них горячую, страстную, полную борьбы и трудностей жизнь.

Снижение себестоимости — это проблема, но это не новость. Она не пришла в промышленность вместе с новым хозяином — пролетариатом.

Но в разные времена она приобретала разный смысл. Помещик тоже снижал «себестоимость», выгоняя на свои земли и луга своих крепостных и заставляя их работать от зари до зари. Фабриканты и заводчики снижали «себестоимость», удлиняя рабочий день и превращая всякое усовершенствование машин в средство усиленного выкачивания рабочей силы.

Рабочий класс в своем производстве тоже борется за снижение себестоимости. Но это другая борьба, другого смысла и другой цели. Феодал боролся за праздную жизнь, за утехи, фабрикант и заводчики боролись за прибавочную стоимость.

Рабочему классу—хозяину производства—некого эксплоатировать. Он снижает себестоимость, чтобы улучшить жизнь самих рабочих. Потери в социалистическом производстве недопустимы. Не для того тысячи людей гибли в гражданскую войну, чтобы, победив в бою, потерпеть поражение на производстве, теперь уже на своем производстве!

Снижение себестоимости включает в себя и борьбу за качество продукции, и повышение производительности труда, и рационализаторские мероприятия, и введение новых технических усовершенствований. Снижение себестоимости — это сэкономленные миллионы рублей, это новые заводы и фабрики, дворцы культуры для рабочих, клубы, фабрики-кухни, ясли и дома отдыха.

Так раскрываются эти два «сухих» слова. Снизить себестоимость во что бы то ни стало! Добиться высокого качества инструмента, не уступающего заграничному! Но, поднимая рабочих на борьбу за качество, нужно было устранить и тот разрыв, те «ножницы», которые существовали на заводе между ростом производительности труда и ростом зарплаты.

Производительность труда была низкая, зарплата продолжала расти. Это было тем более досадно, что на заводе имелись все условия для получения инструмента низкой стоимости. Технологический процесс был разбит на ряд отдельных простых операций. Это давало возможность ставить к станку малоквалифицированного рабочего. Работая над одной операцией, рабочий в короткий срок овладевает процессом работы.

Он имел возможность дать высокую производительность. Но он не давал. Производительность труда была низка. Нудэ призвал к себе заведующего Т. Н. Б. Солодовникова и прямо заявил ему: «Тарифно-нормировочное бюро занимается чем угодно, но только не своим делом». И потребовал немедленно приступить к пересмотру норм.

— Сколько у нас норм?

— 20 тысяч, — уныло ответил Солодовников.

— Хорошо. Пересмотрите их в два месяца. Будем работать все — я, Раков, Федоров, Александров. Нужно сколотить актив рабочих. Партийная организация обещала помочь. Ведь согласитесь, товарищ Солодовников, что у вас нормы выработки берутся с потолка, «на-глазок», и что по сей день Т. Н. Б. у нас на заводе — к сожалению одна видимость.

Солодовников не возражал. Он не мог возражать. В Т. Н. Б. он был случайным человеком, он был, как говорили, реалистом второго класса и никогда на заводах не был. И неудивительно, что на заводе существовало такое положение, что низшая категория рабочих получала нередко больше, чем квалифицированные рабочие, а иногда, наоборот, квалифицированные рабочие по заработку далеко выскакивали вперед, а неквалифицированные рабочие были на очень низком уровне зарплаты. Тут были элементы той самой мелкобуржуазной «уравниловки», которая получила печальную известность через несколько лет.

Пересмотр норм выработки начался. В токарном цехе на втором этаже с самого утра в углу на табурете сидела девушка. На коленях у нее лежал кусок фанеры. На фанере — лист бумаги. В левой руке — секундомер, в правой — карандаш. .

Не отрываясь, она наблюдала за рабочим, который работал напротив нее, и, очень часто поглядывая на секундомер, что-то записывала.

— Проверяют нормы,— криво усмехнулся рабочий, кивнув соседу, — вроде как арестованный.

Это был Демидов, с «ветерком». Так его прозвали за то, что он когда-то был шофером и всегда говорил, что раньше он командира «с ветерком» подвозил.

Он себя чувствовал связанным. Он видел, что каждое его движение наносится на этот лист. Вынул сверло — она уже пишет, включил самоход — она снова пишет. Он значительно поубавил скорости, уменьшил подачу и с удовлетворением заметил, что вместо 3 сверл в 10 минут у него проходит 2 сверла.

— Пусть запишет...

А в уборной парень в замасленной безрукавке громко убеждал группу рабочих:

— Неверно, Савчинский, ты говоришь. Это у капиталиста пересмотр норм означает ухудшение положения трудящихся. Там уплотненный день выбрасывает на улицу сотни тысяч рук, а у нас, наоборот, втягивает на производство огромные массы новых рабочих.

— Не агитируй меня,— ответил тот, кого он назвал Савчинским. Этот Савчинский был знаменит тем, что он выступал всегда за «обиженных». Член бюро ячейки Мартынюк говорил, что Савчинский, защищавший уравниловку, не знавший — «правая, левая где сторона», удивительно сочетал в себе всевозможные оттенки взглядов от «ультралевых» до правых включительно. На каждом собрании «получал по шее, как полагается». Однажды Нудэ задал ему вопрос на собрании:

— Почему ты думаешь, что только ты один беспокоишься и борешься за правду? Ведь партия тоже борется за это?

Он ответил:

— Она плохо борется.

В то время на заводе работал «коммунист» Дравателли, итальянец, ярый троцкист. Высококвалифицированный рабочий, политический эмигрант. Плохо владея русским языком, он не выступал на собраниях, но умел настроить менее развитых коммунистов.

Ломаным русским языком он говорил группе рабочих: — Правильно, верно. Норма больше, расценок ниже, денег

меньше получай. Много денег государству. Это прибавочная стоимость. Эксплоатация.

Обеденный перерыв. Во дворе на груде заржавелых токарных патронов расположилась группа рабочих. Тихо, привлекая к себе симпатию своим грустным лицом, рассказывал Дравателли эпизод из революционной жизни Италии.

— Так живут там, — медленно, выбирая слова, заканчивал он,— там горят, там пламя.

И, погодя немного, добавил:

— Угли здесь далеко под пеплом. Тлеют чуть, чтобы не потухнуть.

Попыхивая папиросой, Демидов сказал:

— Оно и верно. Пели и марсельезу, и варшавянку, а глядишь на расценки нажимают, нормы ужесточают!

У стены, облокотившись, стоял Мартынюк, член бюро заводской ячейки.

— Демидов, брось трепаться. Нормы ужесточают? Расценки снижают? А ты думал, если рабочий — хозяин, значит и лодырничать можно? Скажите, ребята, нормы пересмотрели, разве мы меньше зарабатывать стали? Больше, факт. Только лучше работать стали. Чего говорить, я пришел на завод, сами знаете, чернорабочим, темный был, вроде тебя сейчас, Демидов. — Все рассмеялись. Демидов проворчал что-то под нос. Сидевший рядом с ним рабочий ухмыльнулся: — Да, темный, оно сразу видать.

— Я пришел, мне говорят,— продолжал Мартынюк,— ты будешь работать с Курусем. Думаю, какой такой станок диковинный. Ей-богу. Оказалось, что Курусь — это заведующий складом, к которому был послан ящики таскать. Таскал. Через пять месяцев попал на станок.

За несколько лет работы на заводе я проделал путь от ящиков до калибров, прошел громадную школу, стал квалифицированным рабочим. Поступил темным парнем, а сейчас агитпроп заводской ячейки. Не криви лицо, Дравателли, не я один такой.

— Все это хорошо,— негромко перебил его рабочий, сидящий сзади Демидова,— только туго гайку крутить не годится.

— Давай, Шестюк,— насмешливо крикнули несколько молодых парней, — тащи «дочку» свою из кармана. — Ну и что же,— ничуть не смущаясь, ответил Шестюк, вытаскивая из кармана небольшой томик Пушкина. На облезлой обложке с трудом можно было разобрать заглавие «Капитанская дочка».

— Мудрый был Александр Сергеевич, и писано тут так: «...потише! Проклятая кляченка моя не успевает за твоим долгоногим бесом. Куда спешишь? Добро бы на пир, а то

под обух, того гляди». Вот оно как. «Догнать и перегнать»— это хорошо, да ведь на кляченке далеко не уедешь.

— Ты бы еще библию цитировал,— сдержанно сказал Мартынюк, у тебя с Савельичем пушкинским сходство. Хитры оба. Больно грамотный стал, Шестюк. Классиков читаешь.

— Может и не только классиков,— многозначительно ответил Шестюк,— как знать.

— Умный человек,— своим обычным тихим голосом произнес Дравателли,— может почитать литературу. Есть умные люди. Пишут не только в газетах.

Вечером Мартынюк сказал Куфтину:

— Куфтин, даю голову на отсечение — у ребят литературка есть. Душок троцкистский и намеки.

Через два месяца пересмотр норм был закончен. Было пересмотрено 18 тысяч норм.

Общее собрание рабочих единодушно приняло эти нормы. Воздержалось три человека.

Была проведена большая работа. Работа себя оправдала. Производительность труда поднялась, и увеличилась зарплата рабочих.

— Когда производительность труда стала опережать зарплату, мы начали нажимать на качество продукции,— рассказывал впоследствии Нудэ.—Тогда выступила лаборатория.

Тов. Баранов, заведующий конструкторским бюро, сказал на заседании производственной комиссии 22 декабря 1927 г.:

— Теперь наступил период, когда мы должны выдержать экзамен и по количеству и по качеству. Особенно остро стоит вопрос о качестве. Правление ГОМЗы от нас требует высшего качества. Качество — это точность и стойкость. У нас опыта и наблюдений в этом до сих пор нет. Нельзя говорить о допусках, калке и т. д. без опытных данных. Работа лаборатории до сих пор была не на должной высоте. Без хорошей лаборатории мы не сможем дать высокое качество.

* * *

Лаборатория — это научно-исследовательский институт предприятия, причем такой институт, который теснейшим образом связан с данным предприятием. Лаборатория — это штаб научно-технической мысли завода, штаб, проверяющий сырье, полуфабрикат, готовую продукцию, штаб, устанавливающий технологический режим предприятия.

Лаборатория Инструментального завода — это детище Мышкова. Мышков поступил на завод в 1926 г. Поступил токарем. Около года он скрывал, что учится в Московском техническом училище. Он мог подойти под сокращение. Он

работал в ночную смену, а днем учился. Об этом узнал директор Поличенко. В апреле 1927 г. вызывает он его к себе и спрашивает: — Откуда вы? — Мышков отвечает:— Студент 3-го курса МВТУ.— Поличенко предложил ему реорганизовать контрольный пункт в лабораторию. Мышков охотно согласился. Он пришел в лабораторию. Лаборатория — звучит гордо. Мышков увидел пустую комнату, в которой стоял разбитый «бринель» — аппарат для определения твердости металла — и микроскоп. В лаборатории сидела женщина — металлограф, кончившая высшее учебное заведение, и определяла структуру металла. Мышков посмотрел в микроскоп.

Он увидел площадку, которую пересекали тонкие волнистые полоски, темные и светлые.

— Углерода здесь — 0,9%, — весело сказал Мышков.

— Угадали! — удивилась женщина и быстро заменила кусок стали другим,— ну, а здесь? — вызывающе спросила она.

Площадка имела другой вид. На сероватом фоне выделялись темные островки.— Углерод — 0,25%.

Женщина заявила директору:—У вас рабочие определяют структуру лучше, чем я.

22 декабря 1927 г. на заседании производственной комиссии Мышков сказал:

— Лаборатория в будущем и завод при хорошей лаборатории смогут создать себе славу.

— А пока — пустая комната, имеющая один бринель и микроскоп, и гордое имя лаборатория плюс страстное желание победить. Заводоуправление решило расширить, поднять значение лаборатории. У комнаты с бринелем был беспокойный сосед: за стеной был цех, и от работы станков дрожали приборы. А здесь, где пространство при исследовании измеряется тысячными миллиметра, микронами, где глаз проникает в нутро металла, должно быть тихо, светло, чисто, как в клинике.

Лаборатории дали две комнаты. Было закуплено импортное оборудование, в том числе универсальный микроскоп, появившийся на заводе раньше, чем в Палате мер и весов. Мышкову в помощь был выделен тов. Чиклин, выдвинутый от станка, позже — инженер Троицкий. Лаборатория приступила к работе. С чего начать?

Перед лабораторией поставили задачу установить стандарт стали для завода. До этого времени в этой области на заводе был полнейший хаос. Сталь входила на завод без пропуска. На заводе можно было встретить марки стали всех союзных и европейских заводов. Это был, как говорил Мышков, Мюр и Мерилиз марок стали. Продукция проходила все цехи, и разницы в марках стали до поры до времени не обнаруживалось. Сталь — как сталь. Не дерево. Но

все это в корне менялось, как только продукция попадала в термический цех. Здесь начиналась расплата за невыясненное происхождение.

Калка изменяет свойства металла.

Во время этого процесса имеет значение малейшее изменение в составе стали. Сталь, содержащая один процент углерода, требует температуру нагрева 820°—не больше и не меньше. Лишний процент кремния, марганца заставляет менять температуру и условия термической обработки. Калильщик совершает самую ответственную операцию — он изменяет внутреннюю структуру металла.

Опытный калильщик регулированием температуры печи, времени нагрева, быстроты охлаждения может придать стали твердость, хрупкость, вязкость. Калильщик не алхимик, совершающий эти чудеса путем ему одному известных составов и приемов. Все это уже давно исследовано наукой, созданы подробные таблицы. В таблицах указано, какая нужна температура для каждой марки стали, нужно ли нагретую сталь охлаждать быстро или медленно, в чем именно нужно охлаждать — в воде, свинце, в масле или сале. Все это известно. Но для этого надо знать марку стали, т. е. знать, сколько в ней углерода, сколько кремния и сколько марганца. А этого на заводе не знали. Марок было много и людей было много, но не было квалифицированных людей, которые смогли бы в этих марках разобраться.

Калильщик из железного ящика, подвезенного к печи, берет сверло, зажимает его в длинные щипцы и опускает в печь. Он твердо знает, что сверло из твердой углеродистой стали. Он безошибочно, наметанным глазом, по цвету раскаленного сверла определяет, что сверло нагрето до нужной температуры, до 820° Ц. Он опускает в отверстие горящей печи второе сверло. Твердо ли он уверен, что сверло из твердой углеродистой стали? Да. И так же, как раньше, когда сверло раскалится до нужного цвета, он со спокойной совестью вытаскивает сверло.

Сверло закалено хорошо. Калильщик в этом уверен. Но на этот раз калильщик ошибся. Сверло — брак. Сверло закалено недостаточно. Но калильщик не виноват. Откуда он может знать, что сверло другой марки, что в этом сверле углерода содержится меньше. Если бы он это знал, брака бы не было. Он бы «отпустил» сверло до 600°Ц, и сверло было бы нужной твердости. Неудивительно, что при таких порядках продукция, попадая в термический цех, на 50% горела. И высился на складе завал нереализованной продукции на сумму в 400 тыс. руб.

Лаборатории дали задачу установить стандарт стали. Мышков призвал мастера термического цеха Сергея Ивановича Вавилова и спросил:

— Из какой стали нам лучше работать?

— Давай путиловскую,— добродушно ответил Вавилов,— и все будет благополучно. Иногда брачок будет на 50%, но ничего.

В то время МИЗ получал все сырье с Путиловского завода. Это было неудобно. Завод был далеко — в Ленинграде, и трудно было каждый раз ездить туда улаживать возникающие неприятности.

Докладная записка, подписанная заведующим технико-производственным отделом Александровым, сообщает: «Как основным материалом для изделий завод до сего времени пользовался путиловской сталью, в этом операционном году завод переходит целиком на снабжение сталью с завода «Электросталь».

Это был решительный шаг.

Завод как бы сказал: «Путиловцы, мы два социалистических предприятия, но это не значит, что мы будем брать у вас вместо стали дерьмо. Учитесь делать качество, а мы пока породнимся с «Электросталью». Она работает лучше».

«Электросталь» на запрос лаборатории прислала 7 марок стали, и лаборатория приступила к экспериментированию. Чтобы установить стандарт стали для завода, были нарезаны эталоны и собраны тысячи цифр.

Работать было трудно. Нужны были свободные станки Мышков с Чеклиным приходили в цех, находили свободный станок и иногда без ведома мастера работали на нем по нескольку часов. Была сведена таблица всех цифр. Был создан твердый стандарт стали для завода. Этот день был днем первой победы лаборатории. Мышков сдержанно, по-деловому, заявил Нудэ:

— Можно выбросить все марки стали, вводим три марки электростали: ЭУ, ЭХО2 и ЭМ.

Термический цех неприветливо встретил эти марки стали. Мастер Вавилов был опытный калильщик старой школы. Он сказал:

— Мы на это не согласны. Электросталь — барахло, и нельзя ее пускать в производство.

Заводоуправление издало приказ о введении трех марок стали. Цифры побили Вавилова. Брак в термическом цехе с 50% снизился до 13, потом до 8 и катился все ниже и ниже.

Рукой, больше привыкшей к калильным щипцам, чем к карандашу, Вавилов в отчете «Что сделано в закалочном цехе за истекший год» писал: «Сократился брак ввиду правильной приемки сырья лабораторным путем, установлена марка стали, чего раньше не было и получалась путаница».

Буквы ложились криво. Вавилов расписался в том, что практика — дело хорошее, но без теории она слепа.

Процент брака был все же высок. Установлением твердого стандарта стали лаборатория дала заводу возможность свести брак до минимума. Твердый стандарт стали отнял у мастеров возможность ссылаться на хаос и сырье как на основную причину роста брака. «Стандарт сырья создан и весь брак ваш», как бы заявила лаборатория, «каждый процент брака — свидетельство о том, что мы еще плохо работаем». Работали действительно не так, как надо. Особенно хромала термическая обработка. Самая ответственная операция— она не имела правильного технического руководства. Мастером калильного цеха был, как сказано, Вавилов Сергей Иванович, старый рабочий-калильщик.

Он был мастером старой школы, привыкшим к работе постаринке, к работе «на-глазок».

Он инстинктивно противился каждому нововведению. Он боялся точно рассчитанных таблиц, установленного техникой термического режима. Он чувствовал, что ему придется отступить, как отступает кустарная мастерская перед заводом, оборудованным по последнему слову техники.

Недружелюбно встречал он молодых инженеров, ухмылялся, когда они ошибались, и мрачнел, когда чувствовал их теоретическое превосходство. Всякое указание он встречал в штыки. Грубо просил его не учить, он, мол, у калильной печи стоял еще тогда, когда теперешние инженеры пешком под стол ходили.

На заводе получился перебой с доставкой стали. Завод рисковал остаться без резцов. Но выход был найден быстро. Начали ковать резцы из круглых концов, отходов производства. Изготовили резцы, а из них половина пошла в брак. Мягкие. Плохая закалка. Месяца два не могли понять в чем дело, пока не учли одного важного обстоятельства, что резцы куются при разных температурах.

Их структура претерпевает разные изменения. Для них нужен разный режим закалки, а их калили при одинаковом режиме. Резцы получались разные.

Арсеньев, техник секции подготовки производства, зажимая в руке несколько резцов, вошел в калильный цех. На полу у муфельной печи стояло несколько раскаленных коробок. Рабочий специальным крючком выворачивал их содержимое, и оттуда вместе с раскаленным углем вываливались фреза. Около печи остановился Вавилов и пристально разглядывал фрез, лежавший у его ног. Червячный фрез ощетинился, как еж, своими зубьями посвечивая в полутьме.

— Чорт его знает,— бормотал мастер,— вчерашняя партия червячных фрезов вся пошла в брак.

Рабочий дал слишком высокую температуру и сжег партию фрезов. Глухое раздражение уже несколько дней не оставляло Вавилова. Арсеньев отозвал его в сторону.

— Вавилов, резцы опять мягкие пошли.

— Что ты мне говоришь, не знаю я, что ли. Из навоза не отольешь пули. Из такого барахла хочешь хороших резцов.

— Какое это барахло, Сергей Иванович, плохо калишь, посмотри.

Арсеньев собрался объяснять причину плохой калки резцов, но не успел. Он только вытаращил глаза на Вавилова, не в силах выговорить ни слова.

Привычным движением Вавилов выхватил изо рта две челюсти с искусственными зубами. Он сразу постарел на двадцать лет.

Перед Арсеньевым стоял старик. На лбу у него надулись жилы и незнакомым шепелявым голосом он сказал: «Товарищ Арсеньев, я на этом деле зубы проел». На ладони у него лежали ослепительной белизны два ряда крепких молодых зубов. Арсеньев повернулся и вышел. Он знал, что с ним сейчас нельзя говорить, что через час он сам придет и грубоватым тоном, стараясь скрыть смущение, заговорит о резцах и сделает то, что ему скажут.

* * *

— Смотрите, что делается,— с досадой сказал Баранов, обращаясь к рядом стоящему Нудэ.

Это было рано утром в токарном цехе. На станке «обдирали» заготовку для сверла в 20 миллиметров.

Резец, поскрипывая и кряхтя, с трудом брал большую стружку. У станка лежала груда стружек.

— От заготовки половина остается,— пробормотал Нудэ.

Он был прав. Отходы обрезков равнялись 33% расходования материала. Это все равно, что очистить яблоко от кожуры едва ли не до самых семячек. Это влетело заводу в копеечку. В элементы себестоимости спиральных сверл входило материала 58%. Расходовалась быстрорежущая сталь, дорогая, дефицитная. Из этих 58% отходы отнимали 33%. Дорогая сталь уходила в виде красивой, но бесполезной стружки.

Ее сдавали в лом, продавали кустарям. «Электросталь» давала нам сталь по весу. Она не была связана договором о длине или диаметре прута стали. И если заводу нужен диаметр в 20 миллиметров, то «Электросталь» имела право дать 23—25 миллиметров.

И она продавала нам невольно ⅓ стали на стружку. Так был нащупан — в толщине прута стали — еще один источник повышения себестоимости.

Еще 3 декабря 1926 г. на производственном совещании заведующий бюро производства Воробьев говорил:

— Заготовка материала представляет большие неудобства из-за неравномерности и неподходящих размеров стали.

Кроме материального ущерба тем, что расходуется больше материала, чем потребно, происходит также нерациональная эксплоатация оборудования: сверх своей мощности.

И только в 1929 г. с «Электросталью» был заключен договор, в котором МИЗом был обусловлен жесткий допуск на диаметр и длину стали.

Однажды совершенно случайно рабочий на складе нашел несколько сверл, на которые он невольно обратил внимание. Как раз в том месте, где «рабочая часть» сверла граничила с «хвостом», можно было различить едва заметную черту. Он передал эти сверла Мышкову. Это оказались заграничные сварные сверла фирмы «Унион».

— Баранов,— сказал Мышков, положив на стол несколько сверл,— мы сэкономили много металла, заключив с «Электросталью» договор. Что ты думаешь насчет сварных сверл? Надо тебе заинтересоваться этим делом. Я говорил уже с Нудэ.

Баранов недоверчиво взял со стола сверло. Оно лежало на ладони серое, во многих местах покрытое ржавчиной. Особенно заржавел «хвост».

Еле заметная линия делила сверло на две части: рабочую, производящую работу резания, и «хвост», служащий для удержания режущей части в определенном рабочем положении. Обыкновенное быстрорежущее сверло делается из высококачественной стали. Этой стали нехватает. Растущее машиностроение и инструментальная промышленность вынуждены расходовать ее, как расходуют воду в пустыне. Чтобы лишняя капля не пропала, чтобы каждый кусок металла утолил жажду машин.

Расходовать быстрорежущую сталь там, где без ущерба для качества изделия можно ее заменить поделочной сталью, преступно. «Хвост» сверла, не участвующий в резании, можно делать из поделочной стали. Сваривая сверла, мы в два раза уменьшаем их себестоимость.

— Будем сваривать,— уверенно сказал Баранов, бросив сверло на стол.

Сварка — новая область техники для Советского союза. Что должен делать человек, который хочет познакомиться с новой областью техники? Баранов бросается на розыски литературы. В иностранных журналах несколько незначительных, сдержанных заметок. Они скорее интригуют и рекламируют, чем объясняют.

Начинаются расспросы, как в деревне — у знакомых инженеров, у знакомых их знакомых.

— Будем сваривать!—эти слова Баранова слышал не один только Мышков.

И вот обнаруживается, что в ГОМЗе уже полтора года лежит материал по сварке, разработанный американским

инженером. Как раз то, что нужно. Но первосортный материал, этот сварился с самым затхлым бюрократическим хламом ГОМЗы — найти его не удалось.

Здесь на сцену выступает «Оргаметалл». Оказывается, он уже давно работает по сварочному делу. Существует даже особая электросварочная контора при «Оргаметалле», которая посылала своих двух инженеров в специальную командировку в Германию.

Правда, эти инженеры видели там все... кроме сварки.

По всему заводу Штока они могли ходить, их встречали любезно, но туда, где стояли сварочные станки, их не пускали.

Сварочное дело было засекречено. Капитал провел здесь техническую границу.

Все-таки «Оргаметаллу» удалось привезти из Германии сварочные аппараты.

Когда вопрос стал о заключении договора с МИЗом, сварочная контора заявила: «Дайте нам материал, мы будем сваривать сами!»

Это было очень неудобно, но выхода не было. «Оргаметалл» поставил себя в положение монополиста нового дела. Очевидно некоторые работники «Оргаметалла» привезли в СССР вместе с немецким сварочным аппаратом и буржуазные методы работы.

МИЗ начал посылать сверла в «Оргаметалл». Отвозили ящики с разрозненными кусками быстрорежущей и поделочной стали, обратно получили сварные сверла.

Сварочная контора еще не успела освоить это новое дело. Это скоро сказалось. Отправляли заготовки на 1 000 сверл, получали обратно 200. Остальные шли в брак.

— «Оргаметалл» учится бриться на нашей бороде, — сделал вывод тов. Мышков, недавно назначенный на пост технического директора. Когда отдел рационализации подсчитал экономический эффект от сварки, выяснилось, что по самым широким расчетам стоимость аппарата со всеми необходимыми электропринадлежностями не могла превысить 10—12 тысяч. Это было значительно выгоднее, чем платить «Оргаметаллу» за сварку. И в начале 1930 г. Мышков поставил перед «Оргаметаллом» вопрос, как говорят, ребром: «Чем нам возить сверла к вам, не проще ли будет поставить аппарат у нас?»

На этот раз «Оргаметалл» не смог отказаться от этого ясного, исчерпывающего предложения. Был заключен договор. «Оргаметалл» должен по договору установить аппарат, наладить производственный процесс. Завод обязался за это уплатить 50 тыс. руб.

В середине 1930 г. на завод был привезен и установлен сварочный аппарат. На этом работа «Оргаметалла» закончилась.

Сварочный аппарат

Они не дали технологического процесса сварки. Работу сварочного аппарата наладили работники лаборатории и отдела рационализации. За что же платить 50 тыс. руб.? За то, что завод сам налаживал сварку сверл?

— Денег платить не будем,—решительно заявил Мышков. — Заводоуправление расторгло договор с «Оргаметаллом».

Снова на передний план выступает лаборатория. Она разрабатывает технологический процесс, вводит соляные ванны для подогрева кусков поделочной стали перед сваркой. Собственными силами, без помощи иностранных консультантов, завод осваивает новую область техники. Еще на один шаг приблизился завод к своей цели: дать высококачественный, но вместе с тем и дешевый советский инструмент.

И в небольшой комнате у сварочного аппарата несколько человек совершали этот «обряд», внешне магический и непонятный, по существу глубоко научный, технически разработанный. Туго зажатые в медных электродах два куска стали приближаются медленно друг к другу. Через сталь проходит ток большой силы и малого напряжения. Когда куски сближаются, но еще не соприкасаются, между торцами возникают искры, и, как восковые свечи, начинают сплавляться сначала выступающие поверхности, а затем и вся тор-

цовая часть. Плоскости торцов оплавлены, ток выключается, и два куска стали плотно приближаются друг к другу. Во все стороны фейерверком разлетается сноп ослепительных искр. Это кусочки расплавленного металла, вытесненные давлением. Это уже не два куска стали, а один кусок, имеющий по середине шов. И так же трудно, как разорвать однородный стальной прут, невозможно разъединить два сваренных куска стали. Сверла станут теперь дешевле в два раза.

Попрежнему отверстия тракторных частей будут просверлены быстрорежущей сталью, и ничто не изменится в смысле качества работы. Но каждое отверстие обойдется дешевле. Тракторы станут дешевле. Тракторы идут на поля совхозов и колхозов. И этим сварным сверлом с линией посредине спаивается неразде́льно — вот этот рабочий парень, с прорехой на левом плече, стоящий у сварочного аппарата в сиянии ослепительных искр, с крестьянином, увидевшим на деле несокрушимую правильность линии партии и двинувшимся в колхоз.

* * *

Глухая ночь. Давно прошел последний трамвай. И в пустоте улицы одинокие шаги прохожего слышны громко и долго. В недосягаемой вышине неба мигают редкие звезды. Поднялся ветер. В воздухе пронеслось что-то белое — театральная афиша. Где-то на крыше жалобно билась сорванная ветром жесть.

Вдруг раздался резкий, частый рокот мотоцикла. Он подкатил к воротам завода и замолчал. С мотоцикла соскочила фигура в черном. Судя по движениям, это была женщина. Она быстро метнулась к воротам. В руках она держала какой-то сверток. Она торопливо сунула его куда-то между забором и воротами. За воротами зазвенели ключи. Кто-то, торопясь, очевидно пытался всунуть ключ в замок, но не попадал. Женщина в черном ловко вскочила в мотоцикл. Из ворот выбежали двое.

Мотоцикл стучал уже где-то далеко.

— Опять смылась, — с досадой выругался один, — вот же не везет, наган не захватил.

Что это? Отрывок из авантюрного романа? Все говорит за это. И глухая ночь, и женщина в черном, задумавшая видимо какой-то дьявольский план, и таинственный сверток, всунутый между забором и воротами, и обманутые преследователи.

Нет. За этой романтической мишурой скрывалась самая прозаическая, более того — гнусная, ничтожная канва.

Троцкистская оппозиция издавна избрала Инструментальный завод одним из своих плацдармов, приурочив первые

выступления к пересмотру норм. Троцкистская оппозиция в период XIV и XV съездов довела до крайности фракционную борьбу с партией. В этот период, пишет Ярославский, «оппозиция двинулась по ячейковым собраниям, пытаясь развернуть общую дискуссию, причем почти на всех рабочих собраниях отпор оппозиции давала рядовая партийная масса, середняк-партиец, рабочий.

И всюду оппозиция терпела жесточайшее поражение».

Состав партийной организации МИЗа в этот период был в большинстве молодой. В такой ячейке оппозиция могла рассчитывать на успех. И тогда «на долю нашей организации,— вспоминает Куфтин, бывший в то время секретарем ячейки, — выпала историческая роль встретить на заводском собрании известного всем оппозиционера экономиста Преображенского. Открываем собрание. Избрали председателя Степанова. Он работал в это время лекальщиком, после уже работал в завкоме и в настоящее время работает председателем Инструментального объединения.

Он открывает собрание и дает слово докладчику. Докладчик проговорил только минут пять-десять, как в президиум поступает записка от Преображенского с просьбой дать ему слово. За Преображенским просит слово Бронштейн. Из наших же ребят никто не записался. Тогда я начинаю агитировать, чтобы они записывались в прения. Даю установку Степанову, чтобы он в прениях выпускал ребят вперемежку — сначала оппозиционеров, потом наших, потом опять их и снова наших. Ребята начали записываться.

Доклад кончился. Председатель объявляет:

— Слово предоставляется Преображенскому.

Из массы подается реплика — слово Преображенскому не давать. Не хотим слушать его. Знаем, о чем он будет говорить.

Этот вопрос голосуется. Некоторые стали настаивать, чтобы Преображенскому дать высказаться. В их числе были комсомольцы и коммунисты, например Савчинский — «болельщик за правду», Шестюк — любитель Пушкина. Все же большинство голосовало за то, чтобы ему слова не давать. Затем ребята стали выступать по докладу райкома. Что касается Бронштейна, то вопрос был поставлен так. Его спросили: Что вы хотите делать — содоклад или выступать по докладу? — Он отвечает: — Выступать по докладу.

Степанов объяснил собранию, что записки были поданы через 5—10 минут после начала доклада, следовательно тт. Преображенский и Бронштейн хотят сделать содоклад. Собрание на основании этого решило не давать им заниматься пустыми разговорами. После этого начинают высказываться члены нашей организации. Высказалось их изряд-

но. Большинство держало линию ЦК, но у некоторых была шатающаяся позиция — ни за, ни против. Некоторые просто поддерживали Преображенского. Выступил Степанов и прямо сказал:

— Заросла дорожка Бронштейнам и Преображенским на Инструментальный завод. Пусть они не думают, что Инструментальный завод такой же, как во времена зильбербордовщины. Инструментальный завод переродился.

Вскоре после этого коммунистам завода пришлось еще раз доказать свою верность линии партии.

7 ноября 1927 г. празднование десятилетия Октябрьской революции ознаменовалось неслыханным выступлением против партии, против партийной дисциплины. Троцкистско-зиновьевская оппозиция выступила на демонстрацию с особыми лозунгами, развесила на домах и на балконах портреты «вождей» оппозиции.

«Во время десятой годовщины Октябрьской революции,— вспоминает Куфтин,— Троцкий появился у Покровского моста на автомобиле. В автомобиле сидели Муралов, Троцкий, и я запомнил еще рыжего рабочего, который сидел на крыле автомобиля. Он размахивал руками и кричал: «Да здравствует Троцкий! Да здравствует Муралов».

Мы расставили наши партийные силы по всему участку, так как я был заранее предупрежден, что едут Муралов и Троцкий, и поэтому нужно держать свою организацию так, как нужно держаться большевикам. Я проверил свои силы, все ли стоят на местах. Они главным образом стояли по бокам — с правого и левого флангов.

Это были надежные ребята, которые не подпускали чужой незнакомой публики. Несколько человек стояло в середине колонн с тем, чтобы воздействовать на тех, которые будут держать оппозиционную линию. И должно сказать, что наша организация оказалась на высоте. Никаких волнений у нас не было. Правда, мы освистали Троцкого».

Но освистали не все. Комсомолец Иванов наотрез отказался свистеть. «Кто хочет — свистит, кто не хочет — не свистит».

— Ты же комсомолец,— сдержанно сказал ему Куфтин,— освистать Троцкого и понатужиться лень.

Но все же Троцкого освистали. После того как автомобиль Троцкого проехал дальше, оттуда раздались выстрелы. Милиционер, который не должен был пропускать ни одной машины, не знал, что ему делать, когда машина Троцкого шла напролом. Тогда он выстрелил в воздух, машина остановилась и дальше не пошла. Здесь было некоторое волнение среди массы, но наша организация была непоколебимой и стояла на месте. Наши ребята говорили: «это шина лопну-

ла». Так Троцкий дальше проехать не смог несмотря на то, что они намечали проехать по всему производственному району к заводам «Мастяжарт», заводу № 24, заводу им. Лепсе и др. Троцкий хотел завоевать на свою сторону рабочих, но ему это не удалось».

Завод уже успел значительно вырасти и политически и производственно. Завод готовился дать стране инструмент, по качеству и дешевизне не уступающий заграничному. Нудэ, вспоминая об этом периоде, говорил:

— Были трудности в нашей работе. Были внешние и внутренние силы, которые злостно мешали нам в этой работе, в частности остатки троцкистской оппозиции.

На заводе появились листовки. Это было в конце 1928 г. На заводе работал некто Хомяков. Это бывший старый коммунист.

Он был секретарем райкома станицы Тихорецкой и за раскольническую работу исключен из партии Северокавказским крайкомом и очевидно подпольным троцкистским комитетом направлен сюда для ведения работы. Работа его не была безуспешной. Он смог кое-кого из рабочих привлечь на свою сторону, в частности Демидова «с ветерком». Прокламации стали находить в уборной, в рабочих шкафчиках. Были они и машинописные и шапирографские, но большей частью типографские.

Каждое утро комендант Клеткин заявлял в партийную ячейку и Нудэ: «Сегодня опять есть прокламации». Ставили на дежурство специальных людей. После усиленной слежки удалось установить, что листовки — дело рук Хомякова. Случайно накрыли у него в шкафу прокламации, заложенные тряпками. После выяснилось, что когда Хомяков работал ночью, у него были встречи с таинственной посетительницей. Сверток между воротами и забором оказался связкой прокламаций, сунутой в условленное место. Это было последним выступлением оппозиции на заводе.

Завод доказал свою преданность партии. Оппозиция потерпела поражение на заводе, почти не завербовав здесь сторонников. Вместе с рабочим классом страны, ответившим на октябрьский призыв 1927 г. выдвижением 130 тысяч рабочих и работниц в ряды ВКП(б), коллектив завода отдает в партию лучших своих производственников. К 1928 г. парторганизация выросла вдвое по сравнению с 1926 г. К этому времени в ней было больше ста человек.

17 мая 1929 г. на общем собрании рабочих и служащих Нудэ делал доклад о социалистическом соревновании.

— Коммунистическая партия и рабочий класс за последние годы,— говорил он,— обратили особенное внимание на хозяйственное положение страны, индустриализацию и снижение себестоимости.

Выдвинут лозунг социалистического соревнования. Вся страна сейчас осуществляет этот лозунг, и наш завод тоже заключил уже договор с рядом заводов и вступил в социалистическое соревнование.

В мае 1929 г. завод по вызову вступил в соревнование с ленинградским заводом «Красная заря» и в июне вызвал на соревнование Златоустовский и Харьковский инструментальные заводы. «С этими заводами, — читаем мы в отчете ВКК по ходу соревнования,— были заключены договоры, в основу которых было положено выполнение промфинпланов обеих сторон по всем показателям в течение 1928/29 операционного года».

Дальше сказано: «Первыми организационными шагами было создание центральной заводской комиссии по руководству соцсоревнованием, в которую вошли представители рабочих и общественных организаций в составе 7 человек. Были организованы цеховые тройки».

Пункт III этого отчета сообщает: «инициативой рабочих в порядке соревнования были организованы ударные бригады:

а) Комсомольская бригада фрезерного цеха — 10 чел.

б) Вторая бригада в том же цехе из взрослых рабочих — 12 чел.

в) Комсомольская бригада в токарном цехе — 11 чел.

г) В экспериментальном цехе — 24 чел.».

А немного ниже, в пункте, VI, вскользь, как об обыденном деле, сказано: «Число рабочих, добровольно снизивших себе расценки путем отказа от оплаты брака и округления расценок... 137 чел.». Нижняя строчка деловито, по-хозяйски подводит итог: «получено экономии... 3 000 руб.».

Какой путь проделал завод вместе со всей страной за эти два-три года! 137 человек в порядке социалистического соревнования сами снижают расценки. И в их числе мы встречаем тех, которые при первом хронометраже на заводе ныли: «ужесточают» нормы!

Производительность труда выросла, труд облегчился благодаря лучшей организации.

Социалистическое соревнование все более охватывает завод, проникая в цехи, к станкам, в сознание людей.

* * *

Осенью 1929 г. специальная комиссия «Оргаметалла» из научных работников во главе с проф. Панкиным провела испытание инструмента ряда заводов СССР — Тульского, Ижевского, Таганрогского, Харьковского и Инструментального. Общее мнение комиссии было, что метчики и быстрорежущие сверла Инструментального завода приближаются к им-

Вид Московского инструментального завода

портному инструменту. Это значило, что завод достиг поставленной себе два года назад цели. Наш инструмент скоро не уступит инструменту Штока.

Взволнован Нудэ, начиная свой доклад на торжественном вечере рабочих и служащих 25 августа 1929 г., посвященном 10-летию завода.

— Товарищи, наш завод — детище революции. Он был организован в Америке. После революции рабочие приехали в Россию и привезли с собой оборудование. Завод укреплялся из года в год. Средний месячный выпуск с 16 075 руб. в 1922/23 г. возрастает к 1928/29 г. до 161 586 руб.

С заслуженной гордостью завод писал в рапорте Бауманскому райкому партии:

«День 10-летнего юбилея мы, рабочие, служащие и инженерно-технический персонал Инструментального завода ГОМЗы, отвечая на приветствие Бауманского районного комитета партии, заверяем, что завтра же мы с удвоенной энергией примемся за работу по увеличению количества и улучшению качества наших изделий, по поднятию трудовой дисциплины. Снижение себестоимости мы имеем на сегодняшний день на 10,8%, а к концу года обещаем дать 13% вместо установленных нами 11,8%. Мы уверены, что под руководством районного комитета добьемся еще больших успехов в хозяйственной работе, большего вовлечения в хо-

зяйственное строительство всей массы рабочих нашего завода».

Вечер прошел. Снова по-будничному заработали станки. Сверла и метчики точились, фрезеровались, калились. Качество продукции завода признано хорошим. Но тут выросло затруднение, которое трудно было предвидеть. Марка инструмента, опороченная несколько лет назад, оказалась сильней хорошего качества. Заводы-заказчики не хотели верить, что инструмент хорош.

Завод больше двух лет боролся за советскую марку инструмента, поднял ее до уровня передовых европейских заводов. И вот получил право заявить стране, заводам-заказчикам: «Вот вам наш советский инструмент, не уступающий по качеству импортному. Не бросайте больше золота на ветер, оно нужно стране». И получает ответ: «Не верим. Не может быть».

Мышков ездил на заводы Коломенский, Брянский, Сормовский, по пять-шесть дней не выходил оттуда ни днем, ни ночью. Отойти нельзя было ни на шаг. Отойдешь — и каким-то чудом ломается метчик, стоишь у станка — работает хорошо. Неверие заводов в качество советского инструмента, желание сохранить импорт заставляли менее сознательных мастеров мешать МИЗу поднять на щит советскую марку. Каждый раз Мышков приезжал оттуда больной.

— Надоело, тов. Нудэ,— заявил однажды директору осунувшийся Мышков,— это будет продолжаться вечно. Надо что-то предпринять!

Было решено обставить приемку со всей официальностью, не допускающей никаких кривотолков. Через неделю на МИЗ были вызваны представители Коломенского завода.

Метчики калили при них. Взяли несколько штук мизовских метчиков, взяли кроме того партию заграничных, и в углу шлифовального цеха Мышков сам шлифовал их. Он настаивал, чтобы при этом присутствовали представители Коломенского завода.

Рабочий с соседнего станка, удивленно пожав плечами, крикнул Мышкову: — Тов. Мышков, они же шлифованы.— Мышков махнул на него рукой и усмехнулся.

Вечером Мышков вместе с коломенцами выехал на Брянский завод. Делегация везла партию мизовских и заграничных метчиков. Испытания метчиков длились целую неделю, и все время Мышков не выходил из болторезного цеха.

Первый день испытания. Группа людей окружила станок. Мышков спокойно стоял, прислонившись к стене. Когда первый метчик сломался на двухсотой гайке, у него дрогнули губы.— Метчики, как метчики,— протянул рабочий. Мастер молчал, запрятав усмешку. В первый день было сломано несколько метчиков.

На второй день с утра стали работать новым метчиком. Мышков следил за каждой гайкой, которую проходил метчик.

Вот метчик режет уже пятую сотню. Вот он кончает седьмую. Мышков чиркал спичками, зажигал ежеминутно тухнувшую папиросу. Метчик работал второй день и только на третий день сломался, нарезав 9 тысяч гаек. Лица мастеров сияют, когда они берут в руки обломки метчика.— Это метчик! Вот это качество, я понимаю. Сразу видно заграничный инструмент!

— Наш,— вырвалось у Мышкова,— не заграничный, а наш инструмент. Мы его делали. Мы его калили! Не верите? Коломенцы, подтвердите, где наш, а где импортный метчик?

Мышков не мог подавить своего волнения. В голосе его было нескрываемое торжество. Теперь никто не посмеет говорить, что МИЗ дает инструмент плохого качества. Представители Коломенского завода подтвердили, что метчик, нарезавший 9 тысяч гаек, — мизовский. Они рассказали, что на импортных были зашлифованы клейма. И эти метчики ломались на двухсотой, на четырехсотой гайке. Коломенцы были смущены. Они ведь тоже отказывались брать инструмент Инструментального завода.

18 декабря 1929 г. Мышков писал отчет о работе лаборатории. О лаборатории, которую он вырастил и вместе с которой он вырос. О ней, которая подняла завод на щит почета, которая взвила высоко вверх советскую марку, о ней, сначала маленькой и слабой, которая стала в рост с лабораториями мировых фирм и на которых она завтра будет смотреть сверху.

Но лаборатория — это люди, владеющие техникой, это тот же Мышков. И не техники вообще, а это «своя собственная производственно-техническая интеллигенция».

И на шестой странице клетчатой бумаги внизу Мышков приписал: «Вышедший из рядов пролетариата должен отдать все то, что ты получил от него, сторицей».

В. Перцов и В. Апресян

НАСТУПЛЕНИЕ

Из седьмой главы истории Московского инструментального завода (МИЗ)

Когда в конце 1929 г. выстроили новый лекальный корпус, где должен был вырабатываться мерительный инструмент, Нудэ получил наконец возможность уйти на учебу в Промакадемию.

Новый директор Аренсон, член партии с 1917 г., рабочий, участвовал в гражданской войне у себя на родине в Латвии. Он произвел на рабочих хорошее впечатление. Веселый, умеет рассказать анекдот, посмешить рабочего. Он работал раньше в Московском управлении уголовного розыска. Нудэ, уходя с завода, был спокоен. От Аренсона ничего не укроется.

Среднего роста, черный, с острым носом и выдающимися скулами, Аренсон казался деловитым и энергичным. Густые, сходящиеся на переносице брови говорили об упрямстве характера.

Он быстро сумел за каждым подсмотреть слабую струнку и на собраниях был опасным противником. Шутки его пользовались успехом главным образом у отсталых рабочих, и они награждали веселого директора аплодисментами. Но у тех рабочих, кто понимал положение, кто болел за производство, за промфинплан, выступления Аренсона всегда оставляли впечатление какой-то несерьезности.

Аренсон не шутил только со специалистами, на которых он всецело опирался и которым верил абсолютно.

Прошло немного времени, и лицо нового руководства заводом стало открываться.

Аренсон сделал своими доверенными лицами Шевченко и Бусурина. Шевченко заведывал техническим бюро, Бусурин был назначен начальником нового лекального завода. Это были «адъютанты» Аренсона.

Шевченко — бывший офицер, очень вежливый, предупредительный, умел подлаживаться к рабочим. Высокий, с тонкими чертами лица, губы ниточкой — он держал себя галантно. Он никогда не отказывался от общественных поручений и никогда не выполнял их. Но на совещаниях

Раньше здесь было кладбище. При рытье котлована под лекальный корпус было выкопано много гробов

всегда присутствовал и даже делал вид, что принимает участие в выработке встречного плана.

Бусурин редко показывался в цехе... Это был седеющий барин, замкнутый и сдержанный, признававший на заводе только одного Аренсона. Как выяснилось впоследствии, он ничего не понимал в лекальном деле. До этого он работал на текстильной фабрике в Иваново-Вознесенске, где агитировал против займов. О своей работе на лекальном заводе он умел докладывать Аренсону так, что тот был уверен в прекрасном положении дела на новом заводе.

Информатором Аренсона о настроениях рабочих, об их отношении к новому директору был тов. Бедняк. Он был старый приятель Аренсона и появился на заводе вместе с ним. Это были глаза и уши Аренсона. Тот создал для него должность управляющего делами. Бедняк был членом партии с 1919 г. и в ячейке поддерживал все мероприятия директора. Парторганизация не могла сразу составить о нем определенного мнения. В прошлом он был красный партизан и казался артельным парнем.

Когда на заседаниях ячейки в ответ на критику работы Аренсона он говорил зычным голосом: «Вы ставите дирек-

тору палки в колеса, в такой обстановке он работать не может», нельзя было заподозреть его в неискренности.

У него были мелко вьющиеся волосы, как шерсть у овцы шпанки. Защищая Аренсона, он говорил горячо, как на митинге, и только тряхнет головой — волосы превращались у него в целый шатер из мелкого каракуля.

На одном из производственных совещаний в начале 1930 г. Аренсон выступил с отчетом. Рабочие были встревожены положением на заводе. Особенно их интересовало положение дела на новом заводе. Горячо выступал рабочий Кирильцев.

— В токарном цехе творится безобразие. Идет пьянка. Мастер Семенов, которого рабочие прогнали из шлифовки, ведает теперь токарным цехом. Ничего в нем не понимает. Давно пора его вышибить, да не позволяет его приятель, крупный специалист, с которым Семенов еще в старое время работал в Туле.

Громыхал Татур:

— При Нудэ был у нас уже подъем, а теперь мы его не закрепили, идем под гору. Подумай об этом, товарищ директор.

К концу собрания атмосфера сгустилась. В упор был поставлен перед Аренсоном вопрос: как он думает реагировать на выявленные неполадки, когда будет развернут новый лекальный цех, для которого уже прибыла значительная часть оборудования.

Новый лекальный корпус МИЗа

Однако в заключительном слове Аренсон сумел переломить настроение. Как всегда, он выступал с шуточками, отвлекающими внимание от главного, и на центральный вопрос о том, как будет реагировать заводоуправление на предложения ускорить пуск нового лекального цеха, ответил под общий хохот собрания:

— Как солнечные лучи на бараньи яйца.

Своих противников из ячейки, которые хотели вскрыть его оппортунизм, Аренсон стремился уничтожить, ухватившись за какую-нибудь бытовую мелочь в их биографии и всячески шельмуя их.

Кирильцев, здоровенный парень, был когда-то грузчиком на Волге. Огромный, грязный, заросший рыжей бородой, которая росла у него какими-то перьями, он производил впечатление темного, отсталого человека. Но как только он начинал говорить, оказывалось, что он великолепно во всем разбирается, понимает политику, производство и даже знает литературу и музыку.

Контраст между внешностью и внутренним содержанием был разителен. Кирильцев выбился из беспризорных, плавал юнгой на кораблях, видимо побывал за границей, много читал и развился.

— Нечего самоутешаться, — предостерегал Кирильцев.— Цифры липовые. Вы промфинплан в целом выполнили на 116%, а почему же отдельно по метчикам, плашкам, модульным фрезерам и другим изделиям программа недовыполнена на 30—40%? Администрация напирала на более дорогие изделия, чтобы напитать цифры жиром, а тут вместо жира потекла водичка. Соцсоревнованием занимаемся плохо. На рабочие предложения внимания не обращаем. Внутренних ресурсов не мобилизуем. Себестоимость снизили на 18%, зато цеховые расходы увеличились на 3%, а общезаводские на 5%. Какие же это, дорогие товарищи, 18% снижения, которыми вы щеголяете?

Аренсон говорил в ответ:

— Этот тип Максима Горького нужно разъяснить, нужно в нем покопаться. Оболочка на нем одна, а нутро другое.

Как впоследствии выяснилось, Аренсон специально наводил справки о Кирильцеве, но ничего, сколько-нибудь порочащего Кирильцева, так и не нашел.

Аренсону сообщили, что Бондин, член бюро ячейки, обидел одного крупного инженера, который работал в комиссии содействия рабочему изобретательству. Аренсон требовал, чтобы Бондину был вынесен выговор за «нетактичное отношение к специалистам».

Дело было так. Завод только что перевели на 7-часовой рабочий день (1930 г.), и рабочие предложения как составная часть рационализации приобретали огромное значение.

Бондин, рабочий правильщик, человек горячий, выложил установленные им факты на заседании комиссии: из 37 принятых рабочих предложений комиссия дала ход только 12.

— Твоя комиссия есть комиссия противодействия, а не содействия,— бросил он инженеру.

— Я, собственно говоря,— эксперт, а проводить предложения в жизнь — извините, не мое дело... Да и стоит ли возиться с каждым предложением, когда все эти штуки уже давно изобретены и мы их можем выписать из-за границы.

Бондин вспылил:

— Как чужой разговариваешь, как враг...

Инженер обиделся. Обиделся между прочим и за то, что Бондин обратился к нему на «ты».

— Ты — мальчишка! Как ты смеешь специалисту, убеленному сединами, говорить «ты»?! — накинулся на Бондина Аренсон.

Аренсон боялся, что нужный специалист подаст заявление об отставке. На бюро ячейки он потребовал, чтобы Бондин извинился перед инженером.

— Замок на завод придется вешать из-за тебя, — кричал Аренсон Бондину.— Кто будет работать, если уйдет Д.? Ведь не ты, не ты...

Дело едва не дошло до драки. Бондин схватил уже Аренсона за галстук. Их растащили.

Аренсон, тая злобу, искал против Бондина козырь и вскоре нашел его. Теперь на рабочих собраниях, как только выступал Бондин, Аренсон бросал ему:

— Твое дело — на кобыле ездить.

или:

— Садись на кобылу, а не рабочие предложения проверяй.

Рабочие смеялись, и хотя даже отсталая часть чувствовала нутром правоту Бондина, но уже не могла отнестись серьезно к его словам, вспоминая случай, на который намекал Аренсон.

Бондин однажды сильно выпил, к чему у него вообще была склонность, и вышел поздно ночью от приятеля. Прямо перед ним оказались сани с хорошей медвежьей полостью. Извозчика не было, видно он куда-то отлучился.

Бондину такой приятной показалась медвежья полость, что он, недолго думая, сел в сани. Лошадь тронулась, а Бондин уснул. Проснулся он уже в милиции. О происшествии из составленного и посланного по месту работы протокола узнали на заводе. Отсюда и пошло: «садись на кобылу».

Разумеется, хорошего мало было в бондинском приключении. Особенно не к лицу оно было члену бюро партячейки. И хотя в споре с Аренсоном даже отсталые рабочие

были на стороне Бондина, но после аренсоновских шуток о кобыле отнестись к словам Бондина серьезно уже не могли.

В то время, когда возник конфликт между Аренсоном и Бондиным, секретарем ячейки был Озоль, парень покладистый, которого директор умел направить в нужную ему сторону. Аренсон рассчитывал через Озоля привести к покорности строптивых общественников — членов партии. На бюро, когда Аренсон предложил вынести выговор Бондину за оскорбление специалиста, Озоль выступил с неясной формулировкой — не то с поддержкой Аренсона, не то с сочувствием к его противникам. В глазах членов партии Озоль начинал терять авторитет. Они видели, что Озоль является не столько секретарем парторганизации, сколько личным секретарем Аренсона.

Дела на заводе явно разваливались. Налаженное с таким огромным трудом производство не шло по вине группы руководителей, в которой заключили тесный союз правые оппортунисты со специалистами, не верящими в силы рабочего коллектива.

Правда, известная часть беспартийных специалистов, например инженер Троицкий, который замещал Мышкова в лаборатории, выступала против Аренсона, но их голоса разбивались о стену, которую воздвиг Аренсон вместе со своими доверенными людьми. Шевченко и Бусурин чувствовали себя за спиной Аренсона в полной неприкосновенности. Они были уверены, что Аренсон справится со своими врагами. Им даже были известны подробности последнего партийного собрания, где обсуждался конфликт Аренсона с Бондиным. Как потом выяснилось, этой обстановкой прекрасно воспользовался Бусурин, оказавшийся вредителем. Он выписывал для нового завода не то оборудование, которое было нужно, и неправильно расставлял станки.

Весной 1930 г. Аренсон должен был итти в отпуск и назначить себе заместителя. На бюро партячейки договорились, что он оставит заместителем Цветкова, который был помощником директора по труду, единственным помощником — коммунистом.

Цветков наметил план, готовил распоряжения. Но каково же было его удивление, когда на следующий день после отъезда Аренсона оказалось, что в подписанном им приказе на время его отсутствия заместителем назначался один из специалистов.

Аренсон уходил в отпуск гордый. Перед тем план был перевыполнен.

Совершенно иную картину застал он, когда вернулся из отпуска: завод был в глубоком прорыве.

Созвали широкое производственное совещание для обсуждения причин прорыва. Снова прошла шеренга знако-

мых ораторов, которых Аренсон считал своими личными врагами: Бондин, Кирильцев, Михневич, Мышков и еще десяток возмущенных голосов из рабочей массы.

Аренсон оставался верен своей тактике.

— Чувствуете теперь, что без меня у вас дело не пойдет? — провозгласил он.

— Энтузиазмом промфинплан не выполнишь! Да и где он, ваш энтузиазм, товарищи? — вопрошал он, обращаясь к своим противникам.

— В одном я его только вижу: вчера, войдя на завод, я увидел возле ворот огромную кучу... Вот это было сделано действительно с энтузиазмом!

Собрание расхохоталось, и Аренсон считал, что утопил сопротивление в веселом настроении массы.

Но здесь выступили члены завкома Демин и Торопов.

Демин — щупленький человек, всегда начинал говорить басом, потом переходил на дискант, но выступал по-деловому.

— Ты перед уходом в отпуск, — заявил он Аренсону, — снял с производства вершки. Промфинплан взвил, а нам корешки оставил и теперь нас же упрекаешь, что мы план не выполнили!

Аренсон побагровел. Демин попал в самую точку, вскрыл перед рабочими «хитрую механику» правого оппортуниста.

А дело было в следующем: перед отпуском Аренсон дал распоряжение пустить в обработку постоянный переходящий запас незавершенного производства, который обычно врастает в промфинплан следующего месяца как резерв полуфабриката. Например в запасе имелось определенное количество метчиков и сверл — токарная обработка их была закончена, и нужно было только пустить их в фрезеровку.

Весь этот запас Аренсон слизал под чистую, а он составлял примерно 25% промфинплана. Естественно, что выполнение промфинплана до отпуска Аренсона дало резкий скачок вверх, зато после отпуска также резко упало.

Доводы Демина были понятны рабочей массе, которая хорошо знала его как парторга и члена завкома, работавшего в шлифовке.

Но Аренсон во время речи Демина приготовил какую-то шуточку и опять выкинул новое коленце. Этим он победил.

Сторонники Аренсона, видя его неуязвимость, обнаглели. Мастер Семенов в токарном цехе, подхалим, который лизал пятки назначившему его инженеру, издевался над рабочими.

— Что, взяли? — говорил он. — Так и засохнете на 10-й операции. Никакого изменения вам не будет!

10-я операция была в цехе узким местом. Много времени уходило на заточку гребенок, и рабочие не вырабатывали и

одной четверти нормы. Кроме того Семенов и другие мастера благодаря злостной расхлябанности принимали сырье — сталь — без проверки в лаборатории, и гребенки часто ломались.

Член завкома Торопов, работавший в цехе, организовал группу резьбовиков, и они решили пойти к Аренсону, чтобы поговорить по-деловому. В частности рабочие считали целесообразным поставить на заточку резцов специального квалифицированного рабочего, чтобы занятые на 10-й операции не отвлекались на заточку резцов.

Группа вошла в кабинет директора. Ареноон, увидя члена завкома Торопова, которого, как и всех своих противников, считал личным врагом, нахмурился. О Торопове Аренсон тоже наводил справки. «Торопов хорошо владеет персидским языком — подозрительно, — думал Аренсон. — Нужно проверить — откуда он знает персидский язык». Аренсон справлялся о Торопове, но безрезультатно: судимостей и приводов нет.

Торопов, высокий стройный парень, красный кавалерист, вступил в партизанский отряд со старшими братьями на Кубани в 1918 г. Он вырос на персидской границе, куда царское правительство переселяло много семей украинских крестьян-бедняков. В 1926 г. он был послан в Персию, где строился в то время советскими специалистами хлопкоочистительный завод, и пробыл там два года.

— Что нужно? Вы зачем пришли? — закричал Аренсон.

— Ты вероятно забыл, тов. Аренсон, что ты не в МУУРе, а на заводе, — спокойно ответил Торопов. — К тебе пришли не рецидивисты, а рабочие!

— Садись, — бросил Аренсон и немедленно вызвал своих приближенных специалистов. Явился и мастер токарного цеха Семенов.

Торопов изложил дело. Рабочие стали дополнять его слова. Мастер Семенов заявил:

— Они — лодыри. 10-я операция хорошо поставлена, а что не выполняют норму — так потому, что лодыри.

В разговор вмешалась комсомолка Кудрявцева. Обращаясь к мастеру, она стала доказывать, что норма на 10-й операции не выполняется по вине администрации, потому что станки расхлябаны, не ремонтировались уже три года.

Девушка разгорячилась и хотела уже перейти к предложениям, к тем самым предложениям, которые выдвинул Торопов, как Аренсон оборвал ее:

— Ты — дура! Сопли утри! Вчера еще чай разносила, а сегодня мастеру указываешь.

И обратился к группе:

— Вы — лодыри. Мастер на этом деле работает всю жизнь. Я верю мастеру, а не вам!

На этом разговор закончился. 15 рабочих вышли из кабинета директора, как оплеванные.

* *
*

Торопов и Кирильцев пошли в газету «За индустриализацию». Все там рассказали. На завод была послана газетой бригада. 18 июля 1930 г. полоса «За индустриализацию» открылась шапками:

«Может ли руководить такой треугольник?»

«На МИЗе работали без масс и против масс».

«Вниманию Бауманской КК РКИ».

Газета критиковала Аренсона, обвиняя его в зажиме самокритики, в оппортунистическом отношении к социалистическому соревнованию и ударничеству, в недооценке молодых специалистов-коммунистов и в преследовании Бондина.

Когда номер газеты пришел в Бауманский район, рабочие МИЗа скупили ее во всех киосках, которые были поблизости завода. Не обедали — обсуждали газету.

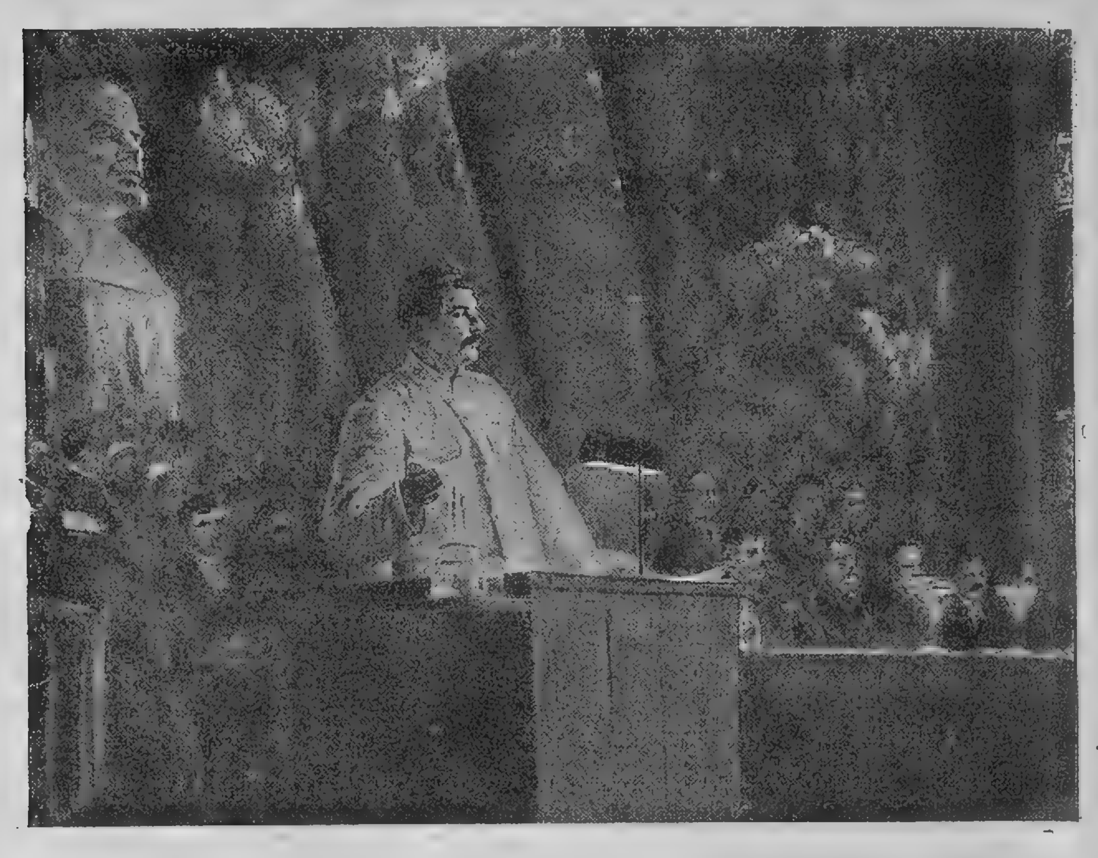
Вскоре из райкома партии на завод прибыл тов. Цибарт, член президиума контрольной комиссии Бауманского района, инженер-коммунист, директор МВТУ. Бюро ячейки выделило партийную комиссию для проверки чертежей и спецификаций, по которым было заказано оборудование для лекального цеха. В этой комиссии работал и тов. Бедняк, который к этому времени был назначен начальником спецотдела. Факты, с которыми он встретился, сделали для него ясной роль Бусурина и Шевченко и вскрыли для него существо аренсоновского руководства.

Бедняк ясно видел вредительство и уже не в силах был прикрывать своего приятеля Аренсона. Совесть партизана-коммуниста не позволила ему кривить душой. До поступления на завод он работал в Замоскворецком финотделе и был грозой торговцев Замоскворецкого района. У Яшки Бедняка финплан по его участку всегда был выполнен. Торговцы его боялись.

И вот теперь Бедняк докладывал на бюро, которое заседало под председательством Цибарта. Все вскрылось. Производство действительно шло под гору. Заказ на лекальном заводе был выполнен некомплектно — одних деталей сделали слишком много, других недоставало. Темп развертывания лекального цеха был далек от возможностей.

Аренсон уперся, но при Цибарте шуточек уже не отпускал. Потом стал сдаваться. Признал, что факты, указанные в газете, верны, но не полностью. Сначала он соглашался с ними на 25%, а потом признал на 45%, но окончательно не сдался.

В свете решений только что закончившегося XVI съезда партии политический смысл деятельности Аренсона был

Тов. Сталин на XVI съезде партии
(с картины худ. А. Герасимова)

виден с полной ясностью. Аренсон был в тылу партии, в числе людей, «не верящих в наше дело и всячески старающихся затормозить наше движение вперед» (Сталин).

Едва ли способный к тому, чтобы обосновывать свои действия теоретически, Аренсон на практике проводил правооппортунистическую линию. Аренсон становился опасен для завода.

«Почему правый уклон является теперь главной опасностью в партии?» спрашивал на XVI съезде тов. Сталин.

И отвечал:

«Потому что он отражает кулацкую опасность, а кулацкая опасность в данный момент, в момент развернутого наступления и корчевки корней капитализма, является основной опасностью в стране».

В контрольной комиссии Бауманского района разбирал дело Аренсона тов. Фистов, ее председатель. Больно было Фистову видеть, что сделал с заводом Аренсон, с заводом, на котором Фистов работал с основания, и радовался его успехам после того, как ушли олрайтники [1].

Видел Фистов: растет «пастушеский» завод. Расширяется. Вот уже новый корпус построили. Пастухи, над которыми

---

1 Олрайтники—обуржуазившиеся в Америке эмигранты, выступавшие против национализации завода после его водворения в России.

олрайтники смеялись, развертывают производство точнейших мерительных инструментов.

И вот приходит на завод директор Аренсон, член партии, и говорит рабочим, как когда-то говорили олрайтники:

— Не верю вам. Не справитесь. Не сумеете. Энтузиазмом промфинплан не выполнишь.

Фистов жестоко отхлестал Аренсона. Вот где правые оппортунисты показали себя как агенты классового врага в партии — подчеркнул Фистов. С олрайтниками в свое время было легче справиться. Вышибли и нет их на заводе, а этот — свой и вредит...

Из всех партийных преступлений Аренсона в постановлении контрольной комиссии было особо отмечены отрыв от партийных низов, притупление классового чутья и революционной бдительности, передоверие управления заводом специалистам, зажим самокритики.

Контрольная комиссия записала Аренсону строгий выговор. Но на заводе его оставили.

Районный комитет партии считал, что эта критика должна отрезвить Аренсона и научить его работать по-новому.

Секретарь ячейки Озоль понял, что не в состоянии руководить партийной работой на заводе, и подал заявление об уходе.

* * *

В августе 1930 г. на заводе появился новый секретарь ячейки Шестериков. Разница между старым и новым секретарем сразу была заметна: старый — Озоль — был высоченный детина, а новый — маленький, невидный собой паренек, часто улыбается и при этом щурится до полного исчезновения глаз.

Кроме этого пока еще ничего нельзя было сказать. Шестериков держал себя тихо и красивых речей не произносил. Но в первые же дни пребывания на заводе Шестериков сумел сделать несколько дельных замечаний по производству,— он работал раньше шлифовщиком на 24-м заводе.

На собраниях бывало в первое время сидит Шестериков, подняв плечи, засунув руки в рукава, и молчит. Но вскоре Шестериков присмотрелся к жизни завода и нашел нужный подход к рабочим. Он сумел сочетать товарищеское отношение с требовательностью. Он умел, улыбаясь, жестко спросить с людей.

Он оказался очень общительным. После работы всегда его можно было найти среди девчат и парней. Сильна в нем была комсомольская закваска.

Лешу Шестерикова на заводе полюбили. Бывало наберет ребят и всей компанией идут в кино. Работу он проводил огромную, но уходил с завода раньше других руководителей. Он умел заставить работать весь коллектив.

На особый квартал 1930 г. МИЗу была дана программа на 950 тыс. руб. На техническом совещании спецы убедили Аренсона, что программу можно принять только на 850 тыс. руб.

Вооруженный цифрами, мрачно характеризуя работу общественных организаций и настроения массы, Аренсон выступил на заседании ячейки с критикой промфинплана треста.

— Легко им за чей-то счет политический капитал наживать. А мы отдувайся! 850 тыс. руб.— вот та программа, на которую мы можем согласиться.

Он закончил свой доклад, тщетно ожидая поддержки. Озоля теперь не было. Новый секретарь Шестериков пригласил высказываться.

Мышков сказал с горечью:

— Нам всегда приходится бороться с заводоуправлением по всем контрольным заданиям. Почему струсил Аренсон? Я утверждаю, что цифры треста реальные. Мы их одолеем.

Шестериков выступил резко:

— Программу в 950 тыс. руб. надо принять. Это Аренсона подговорили в техническом бюро, чтобы скорее разделаться с планом и лихо рапортовать стране о «победе», раньше подлинных побед других заводов. Аренсон не верит в энтузиазм массы, а надо было бы учесть в техническом бюро и это.

Аренсон же заупрямился, еще раз подчеркнул, что на энтузиазм он не надеется, и потому сверх 850 тысяч не согласен принять в программу ни одной копейки.

Заседание продолжалось и на следующий день. Под напором всей парторганизации Аренсон все-таки сдался. Он согласился на 950 тысяч. Попробовал оставить для себя лазейку, напомнил, что программа все же может оказаться сорванной, так как станки лекального корпуса еще не работают. На это кто-то возмущенно ответил:

— Вредитель Бусурин не хочет выписать магнитных плит для того, чтобы эти станки работали.

Снова поднялся шум. Посыпались новые доводы против слабого технического руководства, против Бусурина и других. Обсудив вопрос, ячейка постановила руководящую техническую тройку снять с работы.

Аренсон, возмущенный этим решением, помчался в райком. Однако, проверив дело, райком установил, что Аренсон находится на поводу у специалистов, что он не хочет знаться с общественностью, что ему изменило партийное чутье.

Оценив деятельность Аренсона, райком квалифицировал его линию как правый оппортунизм и постановил снять его с поста директора завода.

На его место был назначен Герасимов — человек бесцветный и ни во что не вмешивавшийся.

Нужно было вытаскивать завод, организовав коллектив коммунистов и передовых рабочих.

К январю 1931 г. определился зияющий прорыв. План был выполнен на 75%.

Нужно было чутко ловить колебания в настроениях массы, ударить врага, изгнать чужака, воспитать своего. Не переадминистрировать, не прошляпить! Роль завкома в этот период (весной 1931 г.) исключительно поднялась. Директор был незаметной, вялой фигурой. И завком, фракция завкома в целом ряде случаев начинали подменять собой хозяйственное руководство.

Необходимо было организовать труд, наладить социалистическую дисциплину, без которой нельзя было использовать расширившихся средств производства, оставить новый лекальный цех.

Одним из таких руководителей-энтузиастов, организаторов социалистического труда на МИЗе в тот период был член завкома тов. Степаненко. Он носился по заводу в махновской папахе, разговаривал одновременно с десятком людей, агитировал, делал замечания по производству, клеймил и балагурил. В последнее время он ходил в красной рубахе, сверху надевал жилетку, а сверх жилетки выпускал помочи. Вокруг шеи, как у конькобежца, был обмотан красный шарф. Эту любовь к ярким цветам Степаненко видимо унаследовал от матери-цыганки. Его приятное лицо, заросшее волосами, всегда готово было улыбнуться.

Степаненко, в прошлом батрак, пришел на МИЗ чернорабочим. Квалифицировался в шлифовке и был выдвинут в завком благодаря своей инициативной шумной натуре. Он отличился также и на общественной работе — по борьбе с алкоголиками, которых он ненавидел люто. Сделавшись членом завкома и став признанным врагом всех лодырей, прогульщиков, бракоделов и прочих жуликов и расхитителей народного добра, Степаненко сохранил непримиримую вражду к алкоголикам как своего рода основную специальность. Справедливость требует признать, что сам Степаненко в рот капли не брал.

Двух его братьев-коммунистов расстреляли белые. Сам Степаненко партизанил. Поступив на инструментальный завод, Степаненко был захвачен пафосом инструментального дела. На собраниях он возглашал:

— Наш инструмент — ключ к замку тяжелой индустрии.

Степаненко долгое время работал в завкоме неосвобожденным, но с постройкой нового корпуса перешел целиком на общественную работу.

Уйдя из шлифовки, Степаненко без колебаний купил портфель и заметил по этому поводу:

— Пусть смеются! Я не буду плестись в хвосте у отсталой массы. Мы настолько культурно выросли, что бумажки должны сохранять в чистоте!

По постановлению фракции завкома каждый член завкома должен был быть в цехе за полчаса до прихода рабочих. Степаненко встречал опаздывающих такими замечаниями, что они не знали, как пройти расстояние от двери цеха до своего станка. Но опаздывающих и прогульщиков становилось все меньше. Завод, разбуженный и уже начинавший понимать социалистический характер своего труда, всей массой поднимался на борьбу с прорывом.

Ячейка ввела диференцированный метод воспитательной работы с разными группами рабочих: с демобилизованными занимался Торопов, с пришедшими из деревни — Степаненко. Степаненко учил недавних крестьян:

— Ведь ты, когда у тебя корова стельная, так ты в ночь по десятку раз выходил к ней с фонариком. Ты был настоящим хозяином, но хозяином-собственником. Так вот ты, когда приходишь утром к станку и он у тебя заболтает, проверь, позови мастера, чтобы не сломать. Теперь ты должен быть настоящим хозяином, но хозяином общественным.

После пересмотра норм в шлифовке образовалась ударная бригада из тех же самых рабочих, которые раньше бунтовали против пересмотра. Возглавлял бригаду Демин.

Ударная бригада снизила добровольно расценки на 25%, а производительность поднялась на 35%. Всем стало ясно, что старая норма означала работу не больше чем на четыре часа. В феврале шлифовка, в которой раньше сильна была аренсоновщина, стала выдвигаться как передовой цех. Шлифовка вызвала на соцсоревнование ремонтный цех и стала вытягивать его из прорыва.

— Надо Аренсону доказать на деле, что план выполним, — говорили в шлифовке те же самые рабочие, которые еще недавно отбивали себе ладоши, аплодируя шуткам Аренсона.

Этот период дал не только рост числа рабочих предложений, но и их немедленную реализацию. Бондину теперь никто не напоминал о «кобыле», и он, торжествуя, видел, как в фрезерном цехе пустили наконец четыре станка «Гелико», сверлорезные станки для мелких резьб, очень выгодные, которые не работали около года; ввели новый метод обдирки сверл и новую державку[1] для резцов, достали

[1] Державка — железная обжимка, в которую вставляется резец и укрепляется болтом. Она дает возможность легко регулировать направление резца.

карборундовые камни[1] (привезли из Ленинграда) и по-настоящему широко поставили сварку сверл.

* * *

К концу второй декады февраля 1931 г. положение оставалось напряженным: виды на выполнение плана в феврале, а тем более на заделку январского прорыва были плохие. До конца месяца оставалась декада.

На бюро ячейки был поставлен доклад заводоуправления. Пока собирались рабочие, Леша Шестериков, улыбаясь и при этом щурясь до полного исчезновения глаз, рассказывал ребятам, что член бюро Курусь приходит на бюро, чтобы выспаться.

— Попьет здесь чаю, закусит и уснет. Выспится и уйдет! — говорил Леша, посматривая на Куруся, тяжеловесного завскладом, который не знал, куда себя деть под лешиным веселым взглядом.

Леша, как всегда, был в выглаженной косоворотке, чистой и свежей. Комната бюро ячейки начинала наполняться.

— Как зубы, Миша? — обратился Шестериков к Герасимову, новому директору, пришедшему на смену Аренсона. Все заулыбались. Весь завод знал, что Герасимов лечит зубы. Кроме этого директор себя ничем не проявлял.

Герасимов, не чувствуя укола или не желая принимать его, стал жаловаться, какая это сложная процедура — вставление зубов, и, увлекшись, начал восхищаться чудесами анестезии.

— Давай о плане на февраль, — перебил его Шестериков. — Заседание началось!

Герасимов без воодушевления сообщил бюро, что проверка промфинплана за две декады февраля дала неутешительные результаты. Единственный выход — пустить в обработку крупные 50-миллиметровые сверла, запроектированные на следующий квартал. Это предложение дирекции и делает бюро.

В промфинплане на февраль (по цеху режущих инструментов) узким местом были метчики и тонкие сверла. Недовыполнение было особенно значительным по этим изделиям. Существо предложения Герасимова заключалось в том, чтобы крупные сверла, имеющие в ценностном выражении большой удельный вес, пустить на последнюю операцию и сдать на склад. Крупные сверла дорогие, и это сразу поднимет выполнение промфинплана.

---

[1] Маленькие точильные камни для легкой заточки резца без снятия его со станка.

Некоторые мастера стали поддерживать предложение Герасимова, простое и убедительное. Леша слушал без улыбки, непроницаемый. Мастера приводили новые доводы в пользу предложения о крупных сверлах. Эту мысль они и подали директору перед заседанием.

Взял слово Шестериков.

— Это что же, товарищи, Аренсона мы вышибли, а нам предлагают итти по его стопам? Ведь это же очковтирательство. Крупные сверла идут у нас по программе за счет следующего квартала. Ежели мы пустим крупные сверла, то люди на метчиках и тонких сверлах будут демобилизованы. Не станут выполнять план, зная, что план выполнят без них. На этом коне далеко не уедешь. Надо нажимать на узкие места, на то, что отстает. А то, что вы предлагаете, может сделать всякий дурак!

— Но ведь план в среднем будет выполнен и так и этак, — раздался чей-то голос.

Леша разгорячился.

— Простите, разве это выполнение плана? Да и что такое среднее выполнение? Это не наша арифметика.

— Это кулацкая арифметика, — подсказал Степаненко.

— Правильно, Вася, — подхватил Шестериков. Вот предположим так: Степаненко съел одну котлету, а я съел три котлеты. Значит в среднем можно считать, что мы съели по две котлеты. Или даже не так: я съел четыре котлеты, а он ни одной. Можно ли считать, что мы в среднем съели по две? Бросьте это среднее, товарищи.

— Что вы, чорт вас подери, — коммунисты или бабы рязанские? — накинулся Леша на ту часть собрания, откуда раздалась реплика о «среднем выполнении». Надо понимать время, в какое мы работаем. Надо жизни побольше, а в токарном цехе люди ходят в замешательстве, суетятся до седьмого пота, а настоящего дела у них не видно.

В заключение Шестериков поставил вопрос о том, чтобы объявить выговор коммунистической части заводоуправления за такое предложение.

Тут Герасимов запетушился:

— Как это можно объявлять выговор? Мы только предложили, а вы смотрите сами. Если бы это было действием, тогда понятно, но ведь мы только обмениваемся мнениями. Какой же тут может быть выговор?

Но Леша стоял на своем.

— Знайте, что ваше предложение не расходится с вашими делами. Если бы мы не противодействовали, то вы его провели бы в жизнь. А на деле вы прощупывали, не пойдет ли на эту удочку парторганизация. Нет, этот номер не пройдет. Будьте любезны — выполняйте промфинплан по изделиям, которые намечены в программе. Промышленность

В лекальном корпусе цехи убраны и украшены пальмами. Здесь чистота приучает рабочих к порядку

требует инструментов в плановом порядке. Небольшая заслуга — выполнять промфинплан в ценностном выражении. Выполняйте по номенклатуре.

Это заседание бюро стало историческим в жизни МИЗа. Впервые так четко был поставлен вопрос о выполнении плана по номенклатуре. Раньше мерилом промфинплана считалось только ценностное выражение, и это давало возможность Аренсонам прибегать к всевозможным комбинациям для обмана партии и государства. Под лозунгом выполнения промфинплана могло найти себе оправдание всякое жульничество.

После того как бюро подтвердило ранее установленную программу на февраль, отклонило предложение о крупных сверлах и вынесло выговор дирекции, Леша, обаятельно улыбаясь, говорил Герасимову уже совершенно дружески:

— Хуже нет, когда болят зубы! Ты думаешь, я не понимаю. Кончай, Миша, с зубами и принимайся за промфинплан в токарной!

И в самом деле: токарная мастерская зашевелилась.

* * *

Февраль дал выполнение плана на 105,3%. Январский прорыв этой цифрой еще не был покрыт. Нужно было закрепить и развить начавшийся подъем. Для общественных организаций завода эта задача означала неустанное напряжение, непрерывное беспокойство. Нехватало сшивок для приводных ремней, и из-за этого пустяка кое-где стали останавливаться станки. Коммерческий отдел нигде не мог достать сшивок. Секретарь комсомольской ячейки Миндлин, высокий, сутулый парень, лучший запевала на заводе, исчезал на целый день и возвращался увешанный сшивками, как сбруей.

Март взвил выполнение промфинплана до 121,2%. Но тут завод стал перед отсутствием сталей. «Электросталь» не отпустила МИЗу сырья. Его еще хватить заводу на несколько дней, а потом не из чего будет делать инструмент. Объявления с вызовом на соцсоревнование, которые становились все более частым явлением в жизни цехов, выглядели теперь грозным укором для руководителей завода: они не смогли обеспечить завод сырьем!

Рабочая бригада во главе со Степаненко отправилась выручать завод в ВСНХ. На трамвае номер три доехали до площади Ногина. Пришли к члену президиума ВСНХ, тов. Догадову, который раньше работал в ВЦСПС. Догадов ку-

Работа молодежи в слесарно-лекальной мастерской МИЗа

да-то торопился и через своего секретаря передал мизовской бригаде, что вернется через полчаса.

Степаненко расположился, как у себя в завкоме, в просторной комнате, служившей вестибюлем к кабинету члена президиума.

Послушал телефонные звонки и лаконичные ответы секретаря:

— Тов. Догадова нет.

— Кто звонит?

— Что передать?

— Тов. Догадова нет.

— Будет через полчаса.

Степаненко быстро устал от ожидания. Оставив ребят в комнате, он вышел в коридор прогуляться по наркомату.

С одной стороны коридора шли огромные двери с четкими надписями и трехзначной нумерацией. Панорамой проходили перед Степаненко двери отделов мощного хозяйственного штаба, куда сходились нити великой перестройки. По другую руку, сквозь стекла, Степаненко видел жизнь большого аппарата.

Мимо прошли двое высоких людей и остановились у одной из дверей, читая табличку. Они разговаривали по-английски.

«Иностранные специалисты!» определил Степаненко и посмеялся, как долго они разбирали короткую надпись.

Иностранцы скрылись за дверью.

Степаненко остановился в нерешительности — куда итти дальше. Через несколько минут к той же двери подошла группа людей в пиджаках, надетых на косоворотки, и, оживленно перекидываясь замечаниями, вошла в ту же дверь, не глядя на надпись.

«Наши!» решил Степаненко и с удовольствием стал размышлять о большой работе, которая идет в стране. Он чувствовал себя просто. Все было ему понятно в этом громадном учреждении. Он забыл, зачем пришел сюда, и стал думать о совещании с иностранными специалистами, которое происходило в кабинете.

«Посмотрите на карту огромной страны», вспомнил он слова Ленина. Перед ним висела на стене большая карта «Пятилетнего плана». Степаненко стал считать кружки, обозначавшие места постройки новых заводов, и сбился.

Любимцы пятилетки — гигантские тракторные заводы в Сталинграде, Харькове и Челябинске, домны в Магнитогорске и Кузнецке, Днепрострой и Уральский завод тяжелого машиностроения — возникали перед ним из небытия. Степаненко видел людей, которые руководят этими постройками. Он был горд, что находится в центре, в Москве, в штабе пятилетки.

Москва на карте походила на виноградную гроздь: так много было кружочков. «Превратим Москву ситцевую в Москву металлическую»— вспомнил Степаненко лозунг партии и среди кружков отыскал заводы «Фрезер» и «Калибр»—инструментальные гиганты, которые начаты были постройкой в 1930 году. Над «Фрезером» и «Калибром» МИЗ взял шефство в подготовке кадров. Степаненко был доволен, что не забыла пятилетка и его родное инструментальное дело — «ключ к замку тяжелой индустрии».

Неся огромный поднос, уставленный стаканами чая и бутербродами, проплыла аккуратная девушка и бесшумно скрылась за дверью.

Степаненко почувствовал, что он голоден.

— Как бы не пропустить Догадова, — схватился он и ринулся по коридору. Но знакомой дощечки с надписью «Член президума А. И. Догадов» не было видно. Спросив у девушки, которая теперь возвращалась из кабинета, неся пустой поднос, как портфель, Степаненко понял, что он пошел в противоположную сторону. Он быстро двинулся в правильном направлении и вбежал в кабинет.

Бригада скучающе застыла в креслах. Степаненко успокоился. Позвонил телефон.

— Будет через полчаса,—безапелляционно раздался голос секретаря.

Прошли еще и час и два. Ребята ворчали. Степаненко стал злиться.

Через открытую дверь в коридор Степаненко видел, как уборщицы начали мести пол. Сквозь стекла канцелярии были видны одни столы без людей.

Догадов приехал в пять часов.

Степаненко двинулся к нему навстречу:

— Тов. Догадов, я тебе ставлю на вид. Мы хоть работники небольшие, но своего масштаба!

Догадов смутился, хотел что-то сказать, но Степаненко не дал ему опомниться:

— Ты заставил нас четыре часа ждать! Ты помнишь, как ты, когда в ВЦСПС работал, как ты нас учил бороться с бюрократизмом!

Догадов сказал, что его задержали в одной из руководящих инстанций. Но Степаненко это не удовлетворило.

— Мы технику подняли, тов. Догадов. У нас есть для этого телефон. Что тебе стоило сказать секретарю по телефону, что ты задержался. Мы бы поехали на завод поработать!

Выслушав Степаненко, Догадов сейчас же позвонил председателю объединения «Сталь» тов. Межлауку и настойчиво стал говорить ему о МИЗе.

На другой день бригада явилась к тов. Межлауку.

— Помоги нам,— говорил ему Степаненко.— Мы на заводе соцсоревнование подняли, а сталей нет. Рабочие живут заводом. Если не дашь — всем заводом к тебе придут.

Бригада вернулась на МИЗ, имея на руках категорическое предписание заводу «Электросталь» выдать сырье для МИЗа.

Завод мог дальше развивать наступление — «снаряды» были подвезены во-время.

С. Лапицкая

СТАРЫЙ И НОВЫЙ БЫТ

Отрывки из истории Трехгорной мануфактуры

В ПРОХОРОВСКИХ КАЗЕМАТАХ

До 40-х годов прошлого столетия рабочие Прохоровской фабрики не имели жилья. Они спали в тех же помещениях, где работали: ткачи — на станах, набойщики — на верстаках, работницы и ученики — тут же в мастерской на полу.

В изданной незадолго до Февральской революции на средства Прохоровых и по их заказу истории Трехгорной фабрики[1] автор так рисует идиллическую картину бездомного положения рабочих:

«Особых помещений для жизни ткача тогда не полагалось. Ткач, получив себе стан, устраивал на нем полати, расстилал войлок и больше ни в чем не нуждался. Ему и тепло, и сухо, и просторно».

Так жили рабочие зимой, а летом они переселялись на «дачу»: на берегу реки Москвы, неподалеку от мастерской, рабочие устраивали себе «шалашики» — дощатые, тесовые или даже просто рогожные постройки. В этих собачьих будках рабочие устраивались на летнее жительство; сюда же они складывали свой скарб на зимнее время.

Такое бездомное положение рабочих позволяло Прохоровым проводить самую жестокую эксплоатацию своих «вольнонаемных» рабов.

С введением машин и ночного труда ночлег в мастерских сделался невозможным, и Прохоровы вынуждены были приступить к постройке общежитий для рабочих. Первые деревянные казармы мало чем отличались от конюшен, и невзыскательные прохоровские рабочие жаловались: «лошади и те отдельные стойла имеют, а мы спим вповалку на нарах». И действительно в казармах на нарах было полное смешение возрастов и полов.

Казармы, названные спальнями (потому очевидно, что здесь полагалось только спать, а не жить), не могли вме-

---

[1] Материалы к истории Прохоровской трехгорной мануфактуры и торгово-промышленной деятельности семьи Прохоровых 1799—1915 гг.

стить и половины рабочих, нуждавшихся в жилье. Прохоровы заселили казармы доотказа и создали в них такую тесноту и скученность, по сравнению с которыми полати ручного ткача на его стане в пыльной мастерской все же имели целый ряд преимуществ. Теснота и неизбежная в этих условиях грязь повели к размножению паразитов, которые делали жизнь рабочих в спальнях невыносимой. В конторских книгах фабрики то и дело встречаются записи расходов: «за морение тараканов», «куплено табаку для морения клопов» и т. д. Появляется новая должность «морителя».

Тесные и грязные спальни были к тому же превращены Прохоровыми в средство добавочной эксплоатации. Из заработка рабочих, живших в спальнях, удерживалось 10% зарплаты за нары и 1% — за кухню.

Рабочее движение 80-х годов, нашедшее отражение и на Прохоровке, заставило фабрикантов заняться строительством новых казарм. В 90-х годах на склонах Трех Гор одна за другой стали вырастать каменные казармы.

Прохоровы учитывали большие выгоды, связанные с казарменным устройством рабочих. Казармы прикрепляли рабочих к фабрике и сковывали их боеспособность; к тому же жизнь рабочих в спальнях облегчала фабричной администрации наблюдение над рабочими и борьбу со стачками. Строительство спален на Прохоровке производилось с учетом стратегических соображений на случай стачек. Между казармами воздвигались высокие заборы, изолировавшие население их друг от друга; в то же время каждая казарма соединялась с хозяйским двором воротами, через которые полиция в дни волнений загоняла рабочих на фабрику.

С внешней стороны многоэтажные корпуса каменных казарм производили недурное впечатление. Но такова была только показная сторона. По внутреннему своему устройству и оборудованию казармы были не пригодны для человеческого жилья. «Сахалин», «каторга» — так окрестили рабочие новые каменные спальни. Густые переплеты оконных рам, напоминавших решетки, скупо пропускали дневной свет. Маленькие форточки не обеспечивали достаточного обмена воздуха. Асфальтовые полы, скудное освещение и сплошные нары — таков был внутренний вид новых прохоровских казематов.

Попытаемся по воспоминаниям рабочих восстановить картину быта в казармах.

«Помещение спальни для мужчин механического отделения,— рассказывает Илюшин,— было уставлено сплошными нарами в два яруса. Нары эти только в головах были разделены досками. В ногах были устроены «скворешники»-

ящики, где хранились хлеб, грязное белье и разные вещички».

Ф. Ф. Доведенков описывает 40-ю спальню:

«Огромное здание с множеством колонн, со сплошными нарами, тремя проходами вдоль и двумя проходами поперек. Лавок нет, и люди сидят каждый в своем ящике-кровати. По нарам во множестве ходили клопы и вши. В щелях были целые тучи этих насекомых. Столов и табуреток не было. Были самодельные скамейки, но ставить их было некуда, и по приказу администрации сторожа выкидывали их».

«Когда в 2 часа ночи я вернулся раз с фабрики и вошел в свою казарму,— продолжает Доведенков,— я чуть не задохнулся от спертого воздуха. Глядя на спящих рабочих, мне казалось, что мертвые люди лежат в гробах».

И. Г. Куклев дополняет его: «40-я спальня была набита людьми, как бочка сельдями. Пыль и грязь из этого помещения можно было выгружать целыми вагонами. Вот отчего тут всюду — в стенах, нарах и т. д.— были мириады паразитов всех пород. На этих же нарах рабочие вынуждены были пить чай и закусывать».

Из-за тесноты, скученности и плохой вентиляции в спальнях постоянно держался спертый воздух, а по вечерам от лампадок, печей, ламп и самоваров жара стояла невыносимая.

Не лучше было и на «парных» спальнях. Так назывались каморки, расположенные по обе стороны узкого коридора и отделенные дощатыми перегородками, не доходившими до потолка. В каждой такой каморке жили по четыре бездетных семьи.

«Жило нас здесь четыре пары,— рассказывает рабочий Базин,— две на этой стороне, две — на той. У каждой пары кровати были завешены ситцевым пологом. Проход оставлялся в одну половицу. Если один идет с кипятком, другому нужно отвернуться».

Такая же теснота была и в «семейных каморках», где на площади в 4 метра длиной и 2½ метра шириной жили по две семьи (до 10 человек, а иногда и больше).

Особенно сильно страдали дети. В прохоровской спальне дети всем мешали. Из-за них часто возникали ссоры между задыхавшимися в тесной каморке семьями. Детский шум мешал уснуть взрослым, пришедшим с ночной смены. «С работы придешь,— рассказывает Никифоров,— только и думаешь, как бы уснуть, и потому детей выпроваживали из каморок в коридор. Но и оттуда их прогоняли. Куда деваться детям? Они укрывались на кухне и в уборной. В кухне — жара, а в уборной — на минуту зайти, и то задохнешься, а они играют там».

Теснота была неимоверная...
(в старой каморке Прохоровых)

В таких условиях совершенно не случайным является описанный в журнале «Рабочее дело» факт ужасной гибели ребенка.

«15 октября 1909 г. после полудня в семейной спальне в клозете 4-го этажа провалился через отверстие сиденья 4-летний мальчик. В момент события взрослые ушли на работу. Когда отец пришел со смены и бросился на помощь, то уже прошло минут 30, и мальчика извлекли мертвым».

Рабочий Трушин вспоминает о гибели двух мальчиков, игравших на задворках спален у песчаных откосов; оба мальчика были засыпаны песком. Когда их откопали, мальчики были мертвы...

Теснота и скученность приводили к развитию эпидемий, которые почти не переводились в прохоровских спальнях. В 1909 г. например в 60-й спальне было 59 случаев заболевания натуральной оспой.

Большая часть рабочих жила в спальнях без семьи. Совместно с семьей рабочий мог жить в казарме лишь в том случае, если и жена его работала на фабрике (это правило было установлено Прохоровыми со специальной целью привлечения на фабрику дешевого женского труда). Стоило одному из супругов оставить работу на фабрике, как на следующий же день вся семья выселялась из казармы.

Время от времени рабочие получали от администрации разрешение на кратковременный приезд жены для свидания. На этот случай при казармах существовали две комнаты. Если последние бывали заняты — случалось это часто — жены устраивались с мужьями на ночлег в общих спальнях под нарами.

Вынужденный отрыв рабочих от своих семей, вошедший в быт прохоровской спальни, приводил к ненормальной половой жизни.

«В небольшой комнате,— рассказывает рабочий Комиссаров,— где жили по две-три семьи, зачастую происходили неурядицы и всевозможные ссоры; были также случаи любовной связи между жильцами. В таких условиях какая могла быть нормальная семейная жизнь?»

В связи с этим на фабрике было сильно развито посещение домов терпимости как молодыми, так и старыми рабочими. В таких домах недостатка в Москве тогда не было.

Из-за уплотненности парных спален бездетные супруги, работавшие на фабрике, также иногда подолгу жили врозь в разных казармах. «Когда я женился,— рассказывает рабочий Юрков,— мы целый год жили врозь — жена в манеже (женская спальня), а я — в холостой спальне. В неделю раз записку давали. Придет, бывало, жена, под койку ложились, занавешивались и там ночевали».

Рабочие, жившие в спальнях, постоянно чувствовали тяжелую опеку фабричной администрации. Изданные в 1850 г. Прохоровыми правила («спальный устав») контролировали каждый шаг рабочих.

За нарушение спальных уставов рабочих то и дело штрафовали: «за раннее вставание — 50 коп.», «за отлучку со двора — 50 коп.», «за оставку для ночлега без позволения конторы — 50 коп.» и т. д.

Система наблюдения и опеки над рабочими не ослабела и в 90-х годах. Весной 1898 г. заведующий спальнями Бажанов запретил в казармах после 7 час. вечера всякое пение, песни и игру на гармонии. В 9 час. вечера ворота закрывались, и никто из спален не выпускался на улицу.

Хожалые и сторожа особенно зорко следили за передовыми рабочими. «Когда, бывало, в спальне рабочие, сидя на койках, мирно беседовали,— вспоминает Ф. Г. Румянцев,— хожалые сейчас же начинали кружить и стремились подслушать разговор»

Старая работница Ащеулова рассказывает, что хожалые и по ночам следили за работницами. Особенно измывался хожалый Аркадий, расхаживавший по казармам с кнутом в руках. «Однажды я ногу высунула во сне, так он кнутом огрел,— передает Ащеулова и заканчивает: — крови нашей попил — не есть конца...»

Как ни тяжелы были жилищные условия в прохоровских казармах, но рабочие все же стремились попасть туда, ибо низкая зарплата делала непосильным наем вольной квартиры. В борьбе прохоровских рабочих за улучшение своего быта жилищные требования занимали обычно первое место; однако достигнуть каких-либо улучшений им не удалось. Вплоть до самой революции норма жилой площади, приходившаяся в среднем на одного человека в казармах, не превышала 2½ квадратных метров; в то же время в квартирах фабричных служащих на одного человека приходилось 7½ квадратных метров, а у высшего командного состава фабрики норма полезной площади на одного человека достигала 76 квадратных метров.

Эти цифры — 2½, 7½ и 76 квадратных метров — ярко рисуют классовую политику Прохоровых. Они наглядно подтверждают слова Энгельса о том, что «в капиталистическом обществе жилищная нужда рабочих — необходимый институт».

Фабричные казармы обеспечивали жилищем менее половины рабочих Прохоровской фабрики. Остальные ютились на вольных квартирах в выросшем вокруг фабрики на окраине Пресни грязном рабочем поселке. Здесь были устроены свалки нечистот из Москвы. Здесь же находились пруды, большинство которых служило приемниками всевозможных нечистот. «Вся местность так заражена,— сообщал в 1879 г. отчет санитарного врача Пресненской части,— что многие обыватели отказываются жить в этом районе».

Большие улицы Пресни были вымощены булыжником и освещены; переулки же, вливавшиеся в рабочий поселок, оставались немощенными и утопали в грязи и темноте. И. А. Озеров, выселенный в 1905 г. из спален и поселившийся затем на вольной квартире в Студенце, вспоминает,

В женской казарме Прохоровки

что в это время фонарей на окраине не было. Грязь была по колено. Об этом же говорит и отчет пресненского санитарного врача: «Правильно устроенные стоки со двора встречаются редко; в большинстве вода вместе с нечистотами вытекает по естественным наклонам прямо на улицу».

Застоявшиеся зловонные лужи во дворах и ужасное состояние отхожих мест дополняли картину антисанитарного состояния рабочего поселка, расположенного в 15—20 минутах ходьбы от Садового кольца, Новинского бульвара и других чистых и светлых кварталов богатой Москвы.

В поселке одинокие рабочие снимали углы или койки в тесных, до крайности переуплотненных неблагоустроенных квартирах, часто в коридорах и проходах. За койку платили 2—3 руб. в месяц. Предприимчивые домовладельцы (Суровцев, Щетинов, Румянцев и др.) построили в поселке десятка три домов, специально приспособленных для сдачи углов и коек. Кубатура, приходившаяся здесь на одного жильца, часто не превышала 1 кубического метра. Уборные помещались во дворе; здесь же люди и умывались. Дома эти служили притонами воров, местами разврата, пьянства и картежной игры. По словам рабочего Быкова, сюда даже полиция боялась ходить: «тут убить и похоронить могли».

Отчет санитарного врача более «деликатно» характеризует состояние угловых квартир поселка: «Квартиры редко

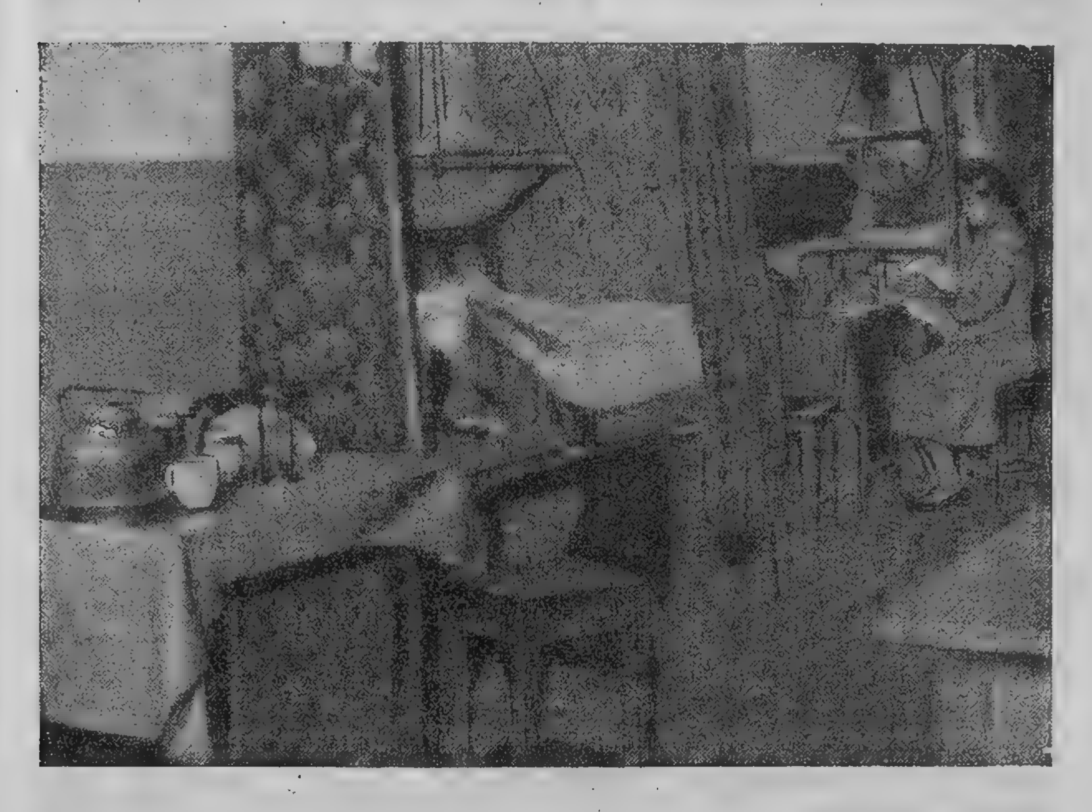
вентилируются, по большей части темны, и воздух в них удушливый и вонючий...»

Семейные рабочие снимали здесь же каморки, на что уходила значительная часть заработка. После 1905 г. рабочие, жившие на вольных квартирах, добились от фабрики выдачи квартирных денег в сумме от 2 руб. до 2 руб. 50 коп. в месяц. Но денег этих нехватало. «За 2 руб. 50 коп., что давала контора,— говорит С. Я. Зенькович, — найти клетушку, в которой могла бы поместиться семья, не было никакой возможности. Приходилось доплачивать своих 5—6 руб. в месяц».

Жилищная нужда на Пресне была в 80-х годах так велика, что четыре ночлежных дома были постоянно переполнены. Кроме нищих здесь находили приют и прохоровские рабочие, выселенные из спален и не нашедшие себе угла.

С ростом квартирной платы во время войны положение рабочих, живших на вольных квартирах, резко ухудшилось. В апреле 1916 г. рабочие Прохоровской фабрики вместе с 25 тысячами рабочих других предприятий обратились в Московскую городскую думу с протестом против проектировавшегося домовладельцами повышения квартирной платы. В петиции рабочие писали:

«Вследствие огромного вздорожания всех предметов первой необходимости при сравнительно небольшом повышении заработной платы нам приходится теперь урезывать

В семейной каморке

себя буквально во всем. Мы находимся на границе голода и идем навстречу полному физическому истощению».

Так по краям Трех Гор в неимоверной грязи и тесноте жили рабочие Прохоровской фабрики, отделенные высоким, в два человеческих роста, забором от резиденции Прохоровых. За забором же в тенистом саду высились принадлежащие Прохоровым особняки; из их окон открывался прекрасный вид на реку Москву, Воробьевы горы и на другие окрестности. На горе, у самых ворот, стояла Николо-ваганьковская церковь.

Опираясь на церковь и на господствовавший в стране политический гнет, Прохоровы эксплоатировали беспощадно рабочих.

ОТ СИТЦЕВОГО ПОЛОГА К КУЛЬТУРНОМУ ЖИЛИЩУ

Октябрьская революция положила конец господству Прохоровых. Понадобились годы, чтобы нанести решительный удар прохоровщине, чтобы вплотную подойти к перестройке быта трехгорцев. С переходом от восстановительного периода к реконструктивному темпы культурной революции усилились. Введение семичасового рабочего дня, ликвидация безработицы, а также рост зарплаты резко повысили благосостояние рабочей семьи.

В итоге 16 лет борьбы, которую под руководством коммунистической партии и вождей рабочего класса Ленина и Сталина вел и ведет пролетариат Советской страны, достигнуты огромные успехи, позволившие поставить в порядок дня второй пятилетки практическую задачу построения бесклассового, социалистического общества. Борьба эта сопровождается перевоспитанием миллионных масс трудящихся и бытовой революцией, перестраивающей по-новому весь уклад жизни рабочей семьи.

На Трехгорной фабрике этот процесс бытовой революции нашел яркое выражение в ликвидации прохоровской казармы и постройке социалистического городка.

Ликвидацией казарм на Трехгорке вплотную занялись в связи с майским (1929 г.) постановлением ЦК партии о текстильной промышленности. К тому времени жилищный фонд фабрики в основном состоял из старых казарм и из экспроприированных у буржуазии домов («домов-коммун»).

В годы восстановительного периода в казармах были произведены радикальные перестройки и улучшения, за осуществление которых рабочие до революции в течение многих десятков лет безуспешно боролись с Прохоровыми. Вместо выгребных ям была проведена канализация; асфальтовые полы заменены деревянными; во всех казармах проведено центральное отопление; в ряде спален устроена приточно-вытяжная вентиляция; казармы присоединили к го-

С. Орджоникидзе на Трехгорной мануфактуре

родскому водопроводу, установили новые усовершенствованные кипятильники. Хотя в итоге этих оздоровительных мер казармы приняли более благоустроенный вид, однако сохранившаяся система общих спален и каморок тяжело отражалась на быте рабочих. Положение ухудшалось еще тем, что с развертыванием производства и ростом числа занятых рабочих на фабрике жилищные ресурсы были исчерпаны; казармы Трехгорки начали снова переуплотняться, и в отдельных каморках стали проживать по две-три семьи. С введением трехсменной работы и непрерывки жизнь в общих спальнях сделалась особенно тяжелой; люди не имели покоя: одни приходили с работы, другие спешили на работу; в спальнях происходило непрерывное движение.

Рабочие, жившие в домах, экспроприированных у буржуазии, в так называемых «домах-коммунах», находились в лучшем положении. Дома эти были более благоустроены; при одном из них находился филиал фабричного клуба, при других — красные уголки, детские комнаты и т. д. Но теснота сказывалась и здесь. На одного жильца в домах-коммунах уже приходилось в среднем только 4½ квадратных метра жилой площади.

В 1924 г. на Трехгорке был организован жилищно-строительный кооператив, который приступил к постройке нескольких деревянных домов. В 1927 г. кооперативу при со-

действии Коммунального банка удалось построить каменный двухэтажный дом. На эти первые дома рабочие возлагали большие надежды. «Нам казалось, — рассказывает депутат районного совета от Трехгорки Е. В. Бойцов, — что это строительство ослабит остроту жилищного кризиса; но когда дома были выстроены и заселены рабочими, мы убедились, что таким мелким строительством нам не разрешить жилищной проблемы, что для этого нужны крупные средства».

К этому времени райсовет развернул на Пресне большое строительство рабочих жилищ. Недалеко от Трехгорной фабрики на месте прежних свалок вырастал новый городок. Рабочие организации Трехгорки решили включиться в это строительство. Празднование 12-й годовщины Октября фабрика проводила под знаком мобилизации рабочих не только за выполнение промфинплана, но и за строительство новых рабочих жилищ. В обращении к рабочим партийная организация писала: «Нужно коренным образом улучшить жилищные условия рабочих и нанести решительный удар прохоровской казарме».

Началась упорная и настойчивая работа по изысканию средств. К вопросу об уничтожении позорного наследия прохоровщины было привлечено общественное внимание. На этот раз трехгорцы обнаружили большую настойчивость и добились благоприятных результатов. На жилищное строительство фабрике было отпущено из разных источников 3½ миллиона руб. В апреле 1930 г. состоялась торжественная закладка новых домов.

Одновременно было приступлено к перестройке казарм. Переданный на коллективное обсуждение рабочих проект перестройки казарм так радикально изменял лицо прохоровских казематов и так решительно уничтожал следы коечно-каморочной системы, что многим рабочим он казался неосуществимым. Особенно недоверчиво отнеслись к нему старожилы. Партийному и профсоюзному активу пришлось употребить огромные усилия на то, чтобы убедить рабочих в необходимости переселения на время перестройки казарм. Некоторые пожилые рабочие вообще возражали против перестройки спален. «Здесь я родился, — говорили они, — здесь я должен и помереть». Другие подкрашивали свой консерватизм ссылками на 1905 г.: «Я здесь пережил вооруженное восстание...»

Это недоверчивое отношение со стороны рабочих резко изменилось лишь после того, когда жильцам варакинской и других спален были предоставлены квартиры в первых вновь отстроенных домах. После этого рабочие стали охотно расставаться с насиженными каморками, и когда нехватало жилых помещений для временного вселения, обита-

В новой квартире рабочего И. Т. Киселева

тели спален, и в том числе богомольные старухи, безропотно устраивались на жительство в алтаре закрытой Николо-ваганьковской церкви.

Строительство домов для рабочих сделалось одним из боевых участков, к которому было приковано внимание всей фабрики. За стройкой зорко следила фабричная газета, изо дня в день знакомившая рабочих с успехами и трудностями строительства. В помощь стройке была выделена рабочая бригада, в которую включились и депутаты совета. Бригада дралась за каждый гвоздь, за каждый кирпич.

К 13-й годовщине Октября были готовы первые два дома, а в следующем 1931 г. закончилось строительство еще двух пятиэтажных домов. Свыше 1 600 рабочих — бывших коечных и каморочных жильцов — получили в этих домах прекрасно оборудованные светлые просторные квартиры.

Производившаяся одновременно со строительством новых домов перестройка старых казарм протекала крайне медленно. Ускорение темпов перестройки было достигнуто бла-

В новой квартире рабочего В. И. Медведева (май 1933 г.). Сын Медведева за своим письменным столиком готовит уроки

годаря помощи секретаря ЦК и МК партии тов. Кагановича, который посетил в 1931 г. Трехгорку и ознакомился с казарменным бытом рабочих. Л. М. Каганович осмотрел одну из старых прохоровских спален и по окончании осмотра категорически заявил:

«Пролетарии Трехгорки так жить не должны».

По постановлению Московского комитета партии переоборудование казарм Трехгорки было включено в число сверхударных строек.

На стройку были брошены материалы, рабочая сила и опытные коммунисты-организаторы, которые поняли огромное политическое значение ликвидации последних остатков прохоровской эпохи. Ломались затхлые коридоры и огромные печи, выбрасывались деревянные перегородки; строились просторные квартиры из двух-трех комнат с кухней, ванной и душем. Фабричные работники Уколова, Романцев и другие вместе с ударниками-строителями проводили дни и ночи на стройке и закончили ее в 3½ месяца. К 15-й годовщине Октября прохоровские спаль-

ни отошли в область истории. Еще 2 500 пролетариев Трехгорки получили новые квартиры.

«Когда я вошла в новую квартиру,— рассказывает М. А. Морозова, ютившаяся до этого с семьей в маленькой каморке прохоровской спальни,— на душе словно праздник большой был».

Разрушение одной из мрачных твердынь старого прохоровского быта было торжеством не только для Морозовой, но и для всей Трехгорки и рабочего класса страны.

«Мы овладели Днепростроем нашего быта», писала фабричная газета «Знамя Трехгорки» в день заселения новых квартир.

В итоге перестройки казарм и строительства новых домов рабочие Трехгорки получили свыше 20 тысяч квадратных метров благоустроенной жилой площади.

В новой рабочей квартире нет уж и следа от былой тесноты. Плотность населения здесь резко сократилась. В 40-й казарме до переоборудования жили в общих спальнях и каморках 600 человек, а после перестройки на той же площади живут теперь в квартирах только 240 человек; в бывшей 42-й казарме плотность населения после перестройки сократилась более чем в четыре раза — вместо 128 человек здесь живет 28 человек. На одного жильца в среднем приходится около 5½ квадратных метров.

При перестройке казарм рабочие организации фабрики старательно устраняли все, что в какой-нибудь степени напоминало о прохоровской неволе. На этой почве имел место характерный конфликт между администрацией фабрики и представителями Мосстроя. Окна прохоровских казарм имели густые переплеты рам, сильно напоминавшие решетки. Сделанные в свое время из прочного материала рамы эти были еще достаточно крепки, и Мосстрой не считал нужным сменять их. Фабрика же настойчиво требовала переделки рам.

«Меня несколько раз вызывали по этому поводу и в НК РКИ и к прокурору,— рассказывает зам. директора фабрики К. С. Уколова, — но я доказала, что вопрос о рамах не пустяк; ведь мы строим новый быт и хотим, чтобы рабочий, придя в чистую светлую квартиру, мог отдохнуть, а между тем рамы-решетки лишают комнату уюта».

Борьба за рамы кончилась в пользу Трехгорки: рамы были переделаны.

Переселение рабочих в новые квартиры сопровождалось большой общественной кампанией против старых некультурных навыков жизни, против неряшливого отношения к жилищу. Была также проведена кампания за озеленение не только улиц, но и рабочих квартир. «Цветы и вообще красота — это не мещанство, — доказывала Уколова, — они

должны быть доступны всей массе». Работницы отнеслись сначала отрицательно к этой агитации, но затем сдались.

«И, правда, жизнь повеселела», говорит работница Мещерякова, более других воражавшая против этой «буржуазной» затеи.

Совершенно иной вид приобрела и внутренняя обстановка рабочей квартиры. Прежнюю деревянную койку на козлах сменила железная кровать; вместо табуретки и скамьи появились стулья, вместо сундука — шкаф и т. д.

Полы устланы дорожками. Почти в каждой квартире имеется радио, книги, газеты. Кое-где встречается уже и пианино: дети учатся музыке. Стены украшены картинами революции и портретами вождей — Маркса, Ленина, Сталина.

Старый рабочий И. А. Озеров получил вместе с женой и взрослой дочерью целую квартиру. «Две комнаты, прихожая — все удобства у меня,— рассказывает Озеров и предупредительно добавляет: — такую же квартиру не один только я имею: все рабочие, жившие в варакинской спальне, получили в этом доме такие же квартиры».

Озеров после переселения приобрел мягкую мебель, буфет, картины, провел телефон. В квартире — ослепительная чистота; много цветов, книг. Контраст с обстановкой варакинской каморки, где раньше жил Озеров, здесь особенно резок.

Озеров живет в новом доме, но вот бывший ткач, а ныне фабричный сторож Д. И. Морозов занимает квартиру в переоборудованной 34-й казарме. С семьей из 5 человек Морозов занимал раньше каморку в 12 квадратных метров; теперь у него две комнаты с ванной и всеми удобствами. Первая комната — столовая: тут обеденный стол, диван, стулья; во второй комнате — письменный стол, гардероб, кровати, книжная полка. Всюду чисто, светло и уютно.

Комната Г. Т. Новикова, старого рабочего с 35-летним производственным стажем на Трехгорке, также хорошо обставлена: мягкий диван, никелированная кровать; на стенах картины, на комоде бюст Маркса.

Рабочий Н. Ф. Тихонов с женой и тремя детьми занимает две комнаты с кухней (38 кв. метров) в переоборудованной казарме. Раньше семья Тихонова жила в каморке 56-й спальни, где на 12 квадратных метрах ютилось 6 человек.

«Ночью, бывало, встанешь,— рассказывает Тихонов,— не спится и голова болит, потому что в комнате повернуться нельзя было». В жизни семьи Тихонова новая квартира — источник большой радости.

Новая обстановка оздоровляюще действует на быт и взрослых, и детей. В. П. Бахвалов, живший ранее в 60-й ка-

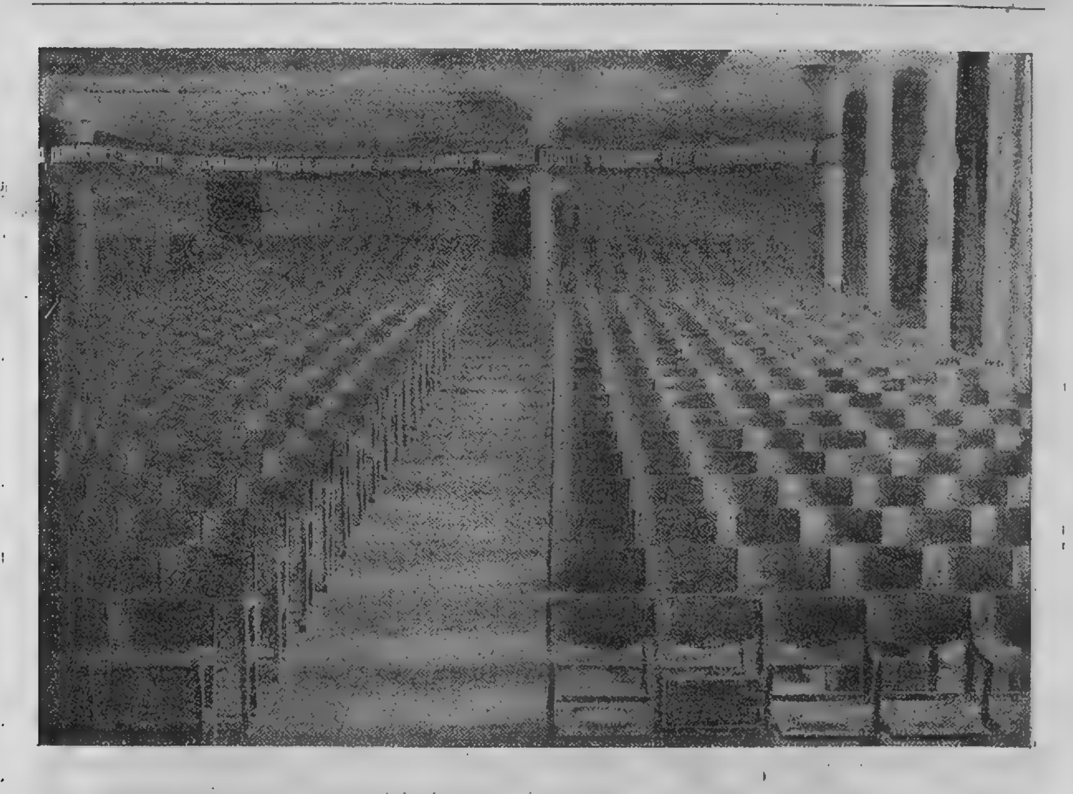

Сносят здание старой кухни для постройки театра им. Ленина

зарме, рассказывает: «У меня двое детей, которых я воспитывал и заставлял учиться. Но влияние пьяной и грязной казармы оказалось сильнее семьи. Казарма сделала свое дело: старший сын мой вышел вором и теперь находится в исправительной колонии. Но вот я переселился в переоборудованную казарму, где у меня квартира из двух комнат и кухни. Когда сынишка приходит теперь из школы, у него есть своя комната, где он готовит уроки и где ему никто не мешает. Сразу и учиться стал хорошо. Память улучшилась, способности развиваются, стал активным общественником».

Вместе с ситцевым пологом прохоровской спальни одно за другим ушли в прошлое и старые учреждения рабочего поселка, служившие целям обмана и эксплоатации пролетариата. Здание Николо-ватаньковской церкви, в течение многих лет служившей интересам Прохоровых и отравлявшей рабочих религиозным дурманом, используется теперь уже для культурных целей. В 1930 г. церковь была закрыта, и пионеры Трехгорки приступили к устройству здесь детской политехнической станции. А на общем собрании рабочих фабрики уже выдвигается новое требование о закрытии соседней Предтеченской церкви.

Коренной перестройке подверглась и бывшая прохоровская кухня. Стены ее были свидетелями крупнейших исто-

Новый театр им. Ленина, построенный на месте прохоровской кухни.

рических событий. В 1905 г. здесь происходили митинги рабочих; в дни вооруженного восстания тут подкрепляли свои силы дружинники; в 1917—1918 гг. и в период гражданской войны кухня являлась центром политической жизни всего района. Здесь неоднократно выступал Ленин. В последние годы кухня служила одновременно и театром, но в качестве такового она не удовлетворяла рабочих: в ней было тесно и душно. Организации Трехгорки получили от Московского совета средства для рабочего театра, который был построен на месте старой кухни. 12-ю годовщину Октября рабочие Трехгорки праздновали уже в новом театре им. Ленина, являющемся одним из лучших театров Красной Пресни.

Старый рабочий поселок теперь не узнать. Трамвайная линия, доходившая ранее лишь до заставы, пронизывает теперь весь рабочий поселок. Мимо фабричных ворот по Нижней Пресне курсирует автобус, соединяющий рабочий поселок с центром Москвы и ее индустриальными окраинами. Вымощенные, озелененные и освещенные улицы, а также приобщенные к водопроводу и канализации дома уничтожают последние следы прежней грязной окраины.

Рядом со старым поселком вдоль Москвы-реки раскинулся новый социалистический городок с парком культуры, с фабрикой-кухней, с советской кофейной, школой, детсадами, яслями и т. д. В залитом по вечерам огнями поселке

«им. 1905 г.» развернулась густая сеть культурно-бытовых учреждений.

Об этом новом лице прежней окраины говорила прядильщица Качина на фабричном собрании:

«Посмотрите кругом — вокруг нас за четыре года выросли новые заводы, вырос большой поселок, проведены новые линии тамвая. Там, где раньше были полуразрушенные землянки, сейчас выросли новые дома».

Достижения Трехгорки и всей Красной Пресни в области жилищного и коммунального строительства получили яркое выражение в письме рабочих Трехгорной фабрики и других предприятий района, адресованном пролетариям Ленинграда к 15-й годовщине Октября. В этом письме рабочие сообщают: «Мы проложили в районе две новых трамвайных линии, увеличили в два раза водопроводную сеть, построили парк культуры и отдыха, открыли 7 новых школ, 84 детских сада, 18 яслей, 50 детских площадок, 10 клубов, 10 кинотеатров, 5 стадионов, 12 амбулаторий, 2 диспансера, 2 профилактория, 1 санаторий; мы зажгли за последние 2—3 года 30 тысяч новых лампочек в рабочих квартирах, разбили 7 скверов; строим 3 школы, 3 бани, 5 детсадов и т. д.».

Таковы итоги первой пятилетки, ликвидировавшей на Трехгорке прохоровскую спальню, давшей рабочим вместо тесных каморок благоустроенные квартиры.

М. Горький среди рабочих Трехгорки в 1930 г.

Но растущие потребности рабочих полностью далеко еще не удовлетворены. В бывших домах-коммунах рабочие уже испытывают тесноту, а на фоне новых домов особенно резко выделяется убогость грязных корпусов и дворов бывших Щетиновских, Суровцевских и других владений. Эти памятники прошлой эпохи еще ярче оттеняют величие бытовой революции, перестроившей по-новому весь жизненный уклад рабочих Трехгорки.

«Пока у нас не все благополучно, пока все не будет в порядке, до тех пор мы успокаиваться не будем»,— говорил Л. М. Каганович на 3-й Московской областной конференции ВКП(б).

И партийная организация Трехгорки не успокаивается. Культбытплан фабрики на вторую пятилетку намечает в числе другого капитального строительства также постройку трех новых домов, общей площадью в 18 тысяч квадратных метров. С постройкой этих домов все рабочие Трехгорки будут обеспечены благоустроенным жилищем, и унаследованная от капитализма жилищная нужда будет на Трехгорке полностью ликвидирована.

Большевики Трехгорки однако и этим не ограничиваются. Фабричные организации выдвинули грандиозный проект строительства в прилегающем к фабрике районе на Студенце показательного гидротехнического парка, который должен служить орудием технической пропаганды, базой культурного отдыха и социалистического воспитания. Инициатива создания такого парка принадлежит Л. М. Кагановичу, по докладу которого июньский пленум ЦК ВКП(б) принял соответствующее решение. Общественные организации Трехгорки поспешили взяться за реализацию этого постановления.

В гидротехническом парке предполагается сосредоточить целую сеть культурных учреждений. Здесь будет создан дворец техники с лабораториями, технической библиотекой и научными кабинетами, дворец культуры с всевозможными учреждениями для использования рабочего досуга, музей декабрьского вооруженного восстания, дом ветеранов революции и т. д. Спортивные площадки, базы отдыха и маршруты для туристов будут раскинуты по обширному зеленому массиву парка, охватывающему до 200 га.

Реален ли этот план?

16 лет борьбы большевистской Трехгорки показали, что у рабочих бывшей Прохоровской фабрики нет недостатка в воле к труду, в готовности работать по-новому, в решимости выполнить план.

А именно это решает все.

«Реальность нашей программы — это живые люди... наша

воля к труду, наша готовность работать по-новому, наша решимость выполнить план» (Сталин).

РАСТУТ ЗАПРОСЫ И ПОТРЕБНОСТИ

В быту рабочих Трехгорки все большее значение начало приобретать общественное питание. История борьбы за общественное питание на фабрике — показатель непрерывного роста культурных запросов и потребностей рабочего населения.

Восстановительный период застал фабричную столовую Трехгорки в полутемном грязном помещении старой прохоровской кухни. Убогая обстановка столовой, однообразное меню вызывали недовольство рабочих; они не могли с этим мириться.

Из-за невнимательного отношения фабричных организаций к столовой семейные рабочие стали в тот период все больше возвращаться к домашнему питанию. Перевод столовой в новое более просторное светлое помещение на Студенце не улучшил положения. Столовая обслуживала целый ряд предприятий, и рабочим Трехгорки приходилось подолгу стоять в очередях. Начались систематические опаздывания на работу. В дело вмешалась центральная печать. Орган ВЦСПС «Труд» предъявил в 1929 г. счет фабкому: «7 000 рабочих требуют горячего супа». В статье, украшенной портретом председателя фабкома В. Петрова, газета обвиняла фабком в невнимательном отношении к питанию рабочих.

Фабричные организации мобилизовались. Под столовую был отведен один из амбаров, перестроенный в хорошо обставленную, украшенную тропическими растениями, чистую и уютную столовую. Работа столовой была взята под неослабный контроль партийной организации, фабричной газеты и всей рабочей общественности. Благодаря внедрению социалистического соревнования персонал столовой превратил ее в образцовый цех питания, обслуживавший почти всю массу рабочих и работниц фабрики.

В столовой уделяется большое внимание разнообразию меню: мясные дни здесь чередуются с рыбными и вегетарианскими. Число мясных дней из месяца в месяц растет: в июле 1932 г. было 20 мясных дней, в августе — 25 дней, в сентябре — 26 дней. Обеды доступны по цене: хороший обед из трех блюд стоит 49 коп.

Для равномерной нагрузки столовой, рассчитанной на 3 500 человек, а пропускавшей вначале свыше 5 000 обедающих, была установлена строгая очередность обедов группами по 600 человек.

Обед начинается в 10 час. утра. К этому времени в сто-

Обед в столовой Трехгорки

ловую приходит первая партия обедающих — 600 ткачих и ткачей. К их приходу столы уже уставлены приборами, хлебом, первым и третьим блюдами. В течение 30 минут столовой удается накормить ткачей и подготовиться к приему следующей группы.

В 5 часов дня столовая уже готова к приему второй смены, а в 12 часов ночи начинается отпуск горячих ужинов ночной смене.

Столовая и буфеты работают, как и все другие цехи фабрики, круглые сутки. Большой популярностью среди рабочих пользуется открытое при фабрике кафе. За 5 коп. рабочий получает здесь стакан чаю с сахаром, за 25 коп.— чашку малайского кофе с молоком. К услугам рабочих — газеты, журналы, шашки, шахматы.

Но общественные организации фабрики на этом не успокоились. К столовой предъявляются все большие требования. Столовой было предложено увеличить выпуск блюд по поблюдной системе, организовать платный бракераж, выделить питание ударников и рабочих вредных цехов и т. д.

Контраст с артельным питанием рабочих на Прохоровской фабрике особенно ярок. Старые рабочие вспоминают

полутемную кухню, уставленную длинными непокрытыми столами. Всюду грязь, мухи. На стол ставилась насквозь пропитанная щами деревянная миска, вокруг которой усаживались 6—8 человек. Один из обедавших ударил ложкой по чашке — можно начинать, и вооруженные большими деревянными ложками рабочие приступали к еде из общей миски.

Пища в ту пору готовилась из недоброкачественных продуктов. «Мясо попадалось с червями, хлеб был сырой», — рассказывает Краснов.— «Капуста подавалась с червями», вспоминает Куклев. И недаром рабочие называли харчевые артели «артелями по уничтожению гнилых продуктов».

Артель в 200 человек обслуживалась одной кухаркой, которая естественно не могла справиться с работой. Поэтому продукты не вымывались, обеды часто не доваривались, а в приготовленную пищу нередко подливалась сырая вода.

Однообразная артельная пища — щи и каша — приедалась. «Бывало, идешь с работы и уже нос затыкаешь», рассказывает Т. Е. Донцова.

«Но нынешний рабочий, наш советский рабочий, хочет жить с покрытием всех своих материальных и культурных потребностей» (Сталин). Столовая Трехгорки уже тесна: она не удовлетворяет рабочих, и в ноябре 1932 г. на фабрике были открыты дополнительные столовые: для прядильного отделения, для ИТР и диэтетическая столовая.

Перестройке подвергались и фабричные буфеты; число их значительно увеличилось. Буфеты обслуживают и ночную смену.

Благодаря перестройке столовой рабочие Трехгорки все больше переключаются с домашнего на общественное питание. Совершенно исчезло обычное при Прохорове питание всухомятку. Специальная рабочая бригада, обошедшая в 1932 г. фабрику во время обеденного перерыва, только в 2—3 местах натолкнулась на работниц, закусывавших в цехах у станков.

Своим развитием и успехами общественное питание Трехгорки обязано партийной организации, на деле борющейся за выполнение шести условий тов. Сталина и уделяющей огромное внимание созданию прочной продовольственной базы при фабрике.

Под руководством партийного комитета общественные организации фабрики энергично дерутся за создание новых и расширение имеющихся при фабрике подсобных хозяйств.

«Мы не хотим больше сидеть на шее у государства» — так формулировал председатель фабкома Курочкин перелом в сторону организации собственной продовольственной базы.

На этом пути уже немало достигнуто. Трехгорка имеет два крупных совхоза на 1800 га, снабжающих ее овощами; в распоряжении фабрики имеется своя молочная ферма, свинарник, крольчатник; приступлено к эксплоатации бывших беляевских прудов, к устройству грибницы; усиленно развертываются самозаготовки.

В 1933 г. Трехгорка предполагает получить из централизованных государственных фондов только 40% нужных ей продуктов; 20% продуктов должна дать собственная продовольственная база и 40% — самозаготовки.

Столовая Трехгорки, удерживающая в своих руках районное красное знамя, приобрела широкую популярность и за пределами фабрики. Из Донбасса, Урала, Магнитогорска сюда приезжают рабочие делегации учиться и перенимать опыт столовой.

Результаты упорной борьбы трехгорцев за улучшение продовольственного положения отчетливо выражены в бюджетных записях, которые вот уже в течение ряда лет аккуратно ведутся несколькими рабочими семьями на Трехгорке. Перед нами—произведенная статистическим отделом МОСПС разработка двух бюджетов рабочих Трехгорки: ткача Митрохина и шорника Малинкина за период 1927—1931 гг.

Семья Митрохина типична для Трехгорки. Муж, жена, трое детей. Оба работают на ткацкой фабрике и имеют одинаковый производственный стаж. У обоих за спиной безрадостное детство в деревне, ранний уход в работники, постылый труд на капиталистической фабрике и безысходная нужда. Митрохин кроме того провел 8 лет на фронтах империалистической и гражданской войны. На Трехгорку Митрохин вернулся в 1924 г. Здесь он ликвидировал свою неграмотность, приобщился к политической жизни и вступил в партию. Здесь он растет, учится в райкомвузе и уже мечтает о Свердловском университете. Ударником, а затем бригадиром хозрасчетной бригады Митрохин научился хорошо работать, беречь станок, экономить сырье и драться за качество продукции. Он научился также искусству руководить; с 1930 г. Митрохин — подмастер.

Параллельно с ростом общих и технических знаний Митрохина растет и его заработная плата.

В 1927/28 г.	1 033	руб.
„ 1929/30 „	1 544	„
„ 1930/31 „	2 494	„

Растет заработок и у жены Митрохина. И она ударница; и она ликвидирует свою неграмотность. Менее настойчиво, правда, ибо дети мешают.

Рост индустриализации страны ликвидирует безработицу и предъявляет все больший спрос на рабочую силу. Девят-

надцатилетняя дочь Митрохиных — Дуся, привезенная из деревни в Москву, кончила уже девятилетку и теперь работает статистиком. Дуся обогнала мать, больше ее зарабатывает: мать получает 128 руб., дочь — 135 руб. в месяц. За пять лет — с 1927 по 1931 г. — бюджет семьи Митрохиных увеличился в три раза: с 1 857 руб. до 5 556 руб. в год. Появилась уже в семье и сберегательная книжка.

Такая же приблизительно картина вырисовывается при изучении бюджетных записей шорника Малинкина. Семья его состоит только из двух работников. Трое детей еще учатся: старшая дочь оканчивает ФЗУ, младшая — в семилетке, а сын посещает детский сад. За последние пять лет годовой бюджет семьи Малинкина при том же числе работников увеличился больше чем в два раза: с 1 458 руб. до 3 072 руб.

Повышение материального уровня рабочих Трехгорки неизменно сопровождается ростом их потребностей и запросов. Старая ткачиха Косякова рассказывает: «Прежде до революции я и в глаза не видела масла, а теперь только подавай — и колбасу, и масло, по чем бы ни было, а купим. То же и с одеждой. Раньше рабочие о белье не очень-то заботились: была бы верхняя рубаха, и ладно. А теперь и нижнее белье, и носки — все стало нужно».

Рост потребностей можно наглядно проследить по тем же бюджетным записям рабочих Трехгорки.

Переселившаяся в 1924 г. семья Митрохина привезла с собой из деревни кучу всякого хлама: подушки, лоскутные одеяла, иконы. Фабрика предоставила Митрохину большую в два окна светлую комнату в бывшем княжеском доме Щербатова на Новинском бульваре, и Митрохины обставили комнату заново приобретенной мебелью. В комнате чисто и уютно: кровати убраны светлыми пикейными одеялами; на окнах тюлевые занавеси, на полу ковер. Иконы уже выброшены. Здесь ежегодно что-либо приобреталось из мебели. В 1927 и 1928 гг. были куплены: диван, платяной шкаф и другие более солидные вещи. В этот период кооператив Трехгорки широко практиковал систему кредитования рабочих. В иные периоды на Трехгорке кредитом пользовались до 10% всех рабочих, приобретавших таким путем нужную мебель, одежду и т. д.

В семье Митрохина растут расходы на одежду и обувь:

В 1928/29 г.	328 руб.
„ 1929/30 „	435 „
„ 1930/31 „	841 „

К общему бюджету семьи Митрохина это составляет: 18%, 20% и 26%.

Улучшается и питание: Митрохины «на еду денег не жа-

В дачном поселке Трехгорки

леют». Пользуясь обедами в фабричной столовой (дети получают горячие завтраки в школе), Митрохины в то же время улучшают и качество домашнего питания. Помимо продуктов, полученных по продовольственным карточкам, семья Митрохина в 1931 г. прикупала еще на рынке молоко, масло, яйца.

Анализ домашнего питания в семье Малинкина также свидетельствует о постепенном улучшении питания. Грубые элементы пищи заменяются более питательными, все более разнообразным становится стол. Потребление картофеля здесь из года в год падает:

В 1928 г.	611	килограммов
„ 1929/30 г.	385	„
„ 1930/31 „	349	„

Одновременно растет потребление рыбы:

В 1928 г.	30	килограммов
„ 1929/30 г.	60	„
„ 1930/31 „	90	„

Количество мяса, употребляемого в домашнем питании, хотя и не увеличивается (150—160 килограммов в год), но зато повышается его качество. В 1928 г. семья Малинкина иногда покупала голье, внутренности, кости. В последующие годы эти низшие сорта мяса выпали из питания. Го-

рох и чечевица уступили место разным видам круп. Возросло потребление яблок и других фруктов:

В 1928 г. . . . . . . 46 килограммов
„ 1929/30 г. . . . . . 102 „

Из обихода стал постепенно исчезать подсолнух, и взамен его увеличивалось потребление конфет:

В 1928 г. . . . . . . 3 килограмма
„ 1930 г. . . . . . . 10 „

В питании появились новые продукты: икра, печенье, мед.

Продовольственные затруднения дают себя еще в иные месяцы чувствовать на Трехгорке, но постоянная забота фабричных организаций о продовольственном снабжении рабочих смягчает переживаемые трудности.

Показателем роста материального уровня рабочих Трехгорки служит организация ими огородно-дачного кооператива. В 1927 г. рабочие Трехгорки получили близ Москвы участок, где за счет своих сбережений и небольшой ссуды Коммунального банка развернули строительство индивидуальных дач для рабочих. К концу 1932 г. дачный кооператив насчитывал около 100 построенных дач.

Отпущенные с работы матери-работницы Трехгорки кормят детей в яслях фабрики

Материальный и культурный уровень рабочей семьи на Трехгорке из года в год повышается. Растут и ширятся культурно-бытовые учреждения — столовые, кафе, ясли, детские сады — и создаются предпосылки для строительства нового социалистического быта.

В настойчивой борьбе за развертывание социалистического производства, за ликвидацию пережитков прохоровской эпохи, за новый культурный быт рабочие Трехгорки под руководством партии добились огромных побед.

Созданные на фабрике бытовые учреждения уже в значительной степени разгрузили работницу от целого ряда домашних забот и облегчили ей возможность учебы и участия в общественной жизни. Но главная работа только впереди. Трехгорке предстоит еще проделать большой путь, окончательно освобождающий работницу от примуса и от тягот домашнего хозяйства. Путь этот ведет через дальнейшее расширение и улучшение общественного питания. На этом пути пока сделаны лишь первые шаги. И партийная организация Трехгорки уже бьется над вопросом об охвате общественным питанием также членов рабочей семьи и о выдаче обедов на дом. С этой целью культбытплан фабрики проектирует постройку во второй пятилетке мощной кухни-столовой.

Пролетарии Трехгорки, героически изо дня в день дерущиеся за выполнение второй пятилетки, за построение бесклассового общества, отдают себе ясный отчет в том, что «настоящее освобождение женщины, настоящий коммунизм начнется только там и тогда, где и когда начнется массовая борьба (руководимая владеющим государственной властью пролетариатом)... против мелкого домашнего хозяйства, или вернее массовая перестройка его в крупное социалистическое хозяйство» (Ленин).

В. Федорович

ПЕРВЫЙ ДОМ КОЛЛЕКТИВА

Отрывок из истории Ярославской фабрики «Красный Перекоп»

БЕСЕДА С АКТИВИСТАМИ

Евдокия Михайловна Брагина, ткачиха:

— Наша Ярославская большая фабрика, а ныне «Красный Перекоп» — очень старая. Иной раз вспомнишь или услышишь о старой жизни, и даже близкие годы покажутся такими, будто их вовсе не было. Вон Гусева Анна, ткачиха, чего ни порасскажет про ткацкую. Недавно рассказала про случай родов в цехе. Вовсе свалилась ее товарка по станку, стонет, ревет... известно, как все мы, бабы... Хотела ей Гусева помочь, а мастер как гаркнет:

— Не суйся, куда не следует, кошка родит без бабки.

Ну, что же, по дороге в больницу скончалась. Анну же Гусеву оштрафовали на рубль. Таких делов и не перескажешь. Стенка или поножовщина давно ли вывелись у нас, хотя бы в Забелицах? Самое мягкое если и вспомнишь — только усмехнешься. Вот уже перед революцией афишки клеили: «Такого-то числа в помещении школы назначается семейно-танцовальный вечер; господа служащие проходят бесплатно; рабочие по рекомендации служащих с платой за вход рубль». Рубль! А зарабатывали-то 60—70 копеек... И так далее... Поэтому и говорю: ворошить старое не хочется...

Начну про новое, про наш дом коллектива, как мы его строили.

Первый ход этому делу вышел в двадцать девятом году. Осенью приходит ко мне наш рабочий, секретарь ячейки Виноградов и вдруг дает такое предложение:

— Давай строить дом для коллективного житья.

Я вешала белье на дворе. Веревка у меня оборвалась, белье попадало в грязь, осерчала я:

— Шут тебя принес!.. Что теперь делать? Перестирывать из-за тебя.

Отошел он от меня, но через час приходит ко мне в каморку, лицо ужасно будоражливое. Жила я в восьмом корпусе; в каморке тесно, душно, на кухне ссоры всякие, картежная игра, скандальства. Дети грязны, никак не убере-

жешь их от грязи, раз кругом теснота. Уселся Виноградов к столу и начал тот же разговор:

— Давай строить дом коллектива, есть возможность.

— Откуда тебе в башку вступило?

— Ходил я, смотрел в городе, как живут в третьем доме советов партийцы. Свет от жизни коллективной — работать хочется.

— То в городе, а то у нас... Где деньги возьмешь?

— Поедем посмотреть, а там придумаем.

— Стало быть ты зовешь на экскурсию?

— Хотя бы и так... и что-нибудь почерпнем.

Согласилась просто, чтоб от него отвязаться. Он пригласил Петрова, еще несколько человек, получил в профкоме путевку, в день отдыха созвал всех, поехали мы смотреть соседскую жизнь.

В третьем доме советов жили ответственные работники и так по-людски жили, что показалось нам это даже обидным: почему мы так-то жить не можем? Кто нам мешает устроить жизнь? деньги?.. ужели не найдем денег?.. Галдели мы у трамвайной остановки после посещения сильно, руками махали, — люди думали, что мы выпивши. Приехали на фабрику в профком к председателю Алексеевой. Рассказали, как люди складно живут, отчисляют на питание сорок процентов, стол хороший, имеют медицински чистый очаг для ребят (детей ясельного возраста у них нет), самое главное — во всем хороший порядок жизни.

— Поставьте у себя такую же жизнь в седьмом корпусе, — посоветовала Алексеева.

Решили попробовать. Но плохо это, когда люди начинают что-нибудь по поговорке «серединка на половинке». Устроили общее питание: обеды носили из столовой в термосах. Беспорядок, насмешки, главное — чересполосица: десяток коллективников — в первом этаже, полдесятка — во втором, пятнадцать — в третьем. Попросили помдиректора Шаршутина перестроить седьмой корпус, разделить капитальной стенкой от индивидуалов, устроить кухню.

— Хотите отделить овец от козлов?

— Кто же будут козлы?

— Козел один: денег нет. К чему еще придумали колхоз?

— Тогда передай для коллективистов дом, что строится на Которосли.

Шаршутин присвистнул, отмахнулся и подосадовал:

— Во-от! Кто же это делает? Намечено для ИТР, а вы перехватываете. Кто вас наскипидарил?

Мы ему серьезно: наскипидарил нас Октябрь, а если ему желателен пример на берегах Которосли, то такой есть, пусть съездит в третий дом советов.

— Я там был, там люди подобраны крепкие...

Е. М. Брагина — активный организатор первого дома коллектива

— И мы не песочные.

Двинулись к Алексеевой с докладом. Ей разговор с Шаршутиным вступил поперек, и объяснила она нам выход: в Забелицах достраиваются два дома для рабочих, почему бы в них не начать коллективную жизнь.

— Да ведь дома-то жилкооперативные?

— Это ничего, идите к Шаршутину.

Шаршутина мы утомили осадой, он сослался — как партком посмотрит. А мы уж покой потеряли. Упорство нас схватило, желание доказать, что не нужно сменять стариков и мы, старики, понимаем, что хорошо, не хуже городских коммунистов.

Чеканим партсекретарю Колтуну: хотели бы взять достройку домов в Забелицах для коллективной жизни. Он отнесся не особенно, сказал: устройте собрание, будет видно... и назначил притти на собрание товарищу из оргмассового отдела Разуваеву.

Виноградов, Петров и я — мы ночь перед собранием не спали, провертели бока. Совещались. Петров мне говорит:

— Только ты, Брагина, не демагогничай...

Разобрали, что может возразить Разуваев, как ему сказать, куда толкнуть дальше. Ну, дальше известно куда: горком, обком, ЦК партии, завершим Сталиным, — что же мы на острове Буяне? Явились на собрание боевые и отрядом порядочным, в сорок человек. Разуваева нет. Часа два прождали, и горение наше пропало: стало быть партком против. Но почему партком может быть против кол-

лектива? Послали за Разуваевым в партком, — нет, в фабком, — говорят: не видали, на квартиру сбегали, — не приходил, в летнем саду всю публику пересмотрели, — провалился Разуваев. Запопали его случайно на улице возле клуба: а я, говорит, и забыл вовсе про ваше собрание... Привели, открыли доклады, — сидит он скучный. В заключение отсыпал нам полдесятка слов:

— Ничего не знаю, делайте, как хотите.

Что же это Колтун прислал ничегонезнайку? Ночью разошлись и сами темные, как ночь.

Алексеева объяснила нам поутру хмурость Колтуна: в парткоме перемена, должен быть новый партсекретарь. Временно сменила Колтуна председатель горпрофсовета Полякова. Она отнеслась повнимательнее, пришла на наше собрание с председателем жилкооперации Карповым. И возгорелся великий спор: Карпову наше направление тоже оказалось не по пути:

— Дома строятся на средства жилкооперации, взять их нельзя, раз не члены.

— Почему не члены? Почему нам не сделаться членами?

— Членами можете вступить, но эту очередь построек взять нельзя.

Полякова поставила резко: коллективное начинание поддержать, букву закона перешагнуть, сделать нас членами, достраивать дома своим постройкомом. А нам прибавила наставление: нужно доказать силу коллектива, на одних помочах коллектив не построишь.

Дома, т. е. одни стены, стояли в рыжих бурьянах. Мы уже знали, как приступить: сколько лет строился «Перекоп», обставился яслями, очагами, домами для туберкулезных, дворцами в Починках, диспансерами, — многому ведь учишься, когда глядишь, что кругом делается. Выбрали совет (я, Алексеева, Петров, Виноградов), призвали техников, сказали им свои условия. Техник Козырин доставил нам план: клеточки, клеточки, уголки... Поняли: лестница, квартира из двух-трех комнат с уборной, ванной и кухней. Забота наша о емкости, о коллективности, — перепланировали на словах: кухонь не надобно, одна общая будет, столовая общая, ванн не нужно пока, обойдемся баней, а вот очаги и ясли сделайте. Козырин составил новый план, передал его на утверждение Алексеевой, и из фабкома пошел он в плановый отдел на заверку.

И тут мы еще раз убедились, какая тяжелая машина канцелярия. На фабрике сложно от трудностей, а в канцелярии трудно от сложностей. Поехали первый раз в Ярославль в плановый отдел.

— Кто такие?

— Стройсовет «Красного Перекопа», план бы нам получить.

— Мандат?

— Мандат упустили захватить... Да вы дайте так, кому он нужен, кроме нас-то, план?

— Без мандата разговора быть не может!

Что ни слово — то закон. Приехали с мандатами, и тогда нам открыли самую суть: пожалуйте такого-то числа, план утверждением заканчивается, и все будет готово денька через три... В общем каждый из нас вздохнул, и мужчины уж больно крепко... Жалуем в означенный день.

— Ваш план сделан, но не рассмотрен особой комиссией.

— А без комиссии нельзя?

— Такой порядок: комиссия должна быть в четверг.

Четверг приходился через три дня. Мы подумали: везде свой порядок: как ленту не бросишь сразу из чесального в ткацкое, так и тут... Надо же дать людям обернуться. Являемся в условный день к заведующему.

— Вам не повезло, делегаты «Красного Перекопа»: план ваш не удовлетворил комиссию — не на месте уборные и кухни, понадобится перепланировка...

Поглядела я на Виноградова: дом не шутка, ученые головы понимают больше нас, потерпим. Выждали срок и прямо в кабинет ввалились, — уж как бы и неловко с нашей стороны беспокойство...

— Подождите в приемной...

Подождали, вошли в очередь.

— План ваш еще не утвержден, спросите у инженера такого-то.

От станка у меня нервность, вышла я из всякого приличия, закричала криком:

— Месяцы идут, август кончается, самая горячая строительная пора... а вы волыните...

— Успокойтесь, гражданка: легче сшить из жилетки рукава, чем сделать план вашего дома.

— Да что же в нем немыслимого? Волокиту вашу снимите. Это раньше вы писали: рабочие проходят по рекомендации служащих, нынче рекомендации обратные.

Он ничего не понимает... Петров подхватил меня под руку, вывел в прихожую, дал выпить воды. Нехорошо с моей стороны... И люди-то смотрят... Выходит сам инженер в прихожую, весь красный:

— Приезжайте завтра перед шабашем, план получите... Да не ходите все, одного довольно.

— Нет, уж мы придем опять все! Шутка ли — три с половиной тысячи метров!

В назначенный час план получили с печатью и подписями, все как надо быть. Дома приняли из одних стен. Вме-

Тов. Горюнов,—слесарь ударник фабрики «Красный Перекоп», председатель первого дома коллектива

сте с домами дали нам двух техников: Козырина для контроля по строительству от фабрики, Зеленова—прораба, которого знали как трактирщикова сына, он и сам тоже вином торговал. Они к нам не подходили, друг же другу пришлись в масть: один понимал по строительству больших домов мало, другой и вовсе ничего не знал — на том и спаялись большими путанниками. Ничего, бывало, не добьемся: каких нужно материалов, сколько кирпича, цемента, какого размера труб, угольников, фасонных частей, какая всему этому цена. Язык у обоих в исправности, а дела нет. А вся фабрика, десять тысяч человек, воззрилась на наше дело, — нас по-другому и не называли, как фаланстерники, — кто-то и слово пустил особенное... Зеленов долго крутил со списками (ему самому хотелось закупать), — Петров с Чиркиным припирали прораба и неотступно требовали.

От закоперщика всему делу, от Виноградова, вышел удар. Сблудил он: по фальшивому талону получил в ЦРК три пуда муки. Его приговорили на полтора года в исправительный. Пришлась нам его измена горько. Человек всегда может ошибиться, но тень от него пала как бы на все дело. В седьмом корпусе и в Забелицах только и разговору было, что о Виноградове: вот они какие, фаланстерники!.. Смешки, работа на фабрике, огромные дома, строительная наша неграмотность — нагрузка большая. Нас поддержал новый председатель фабкома Горюнов. Он пришел на собрание, когда мы опустили руки от виноградовского дела, и сказал:

— Насмешки есть и будут. Что ж такое, что секретарь ячейки. Виноградовы есть и будут среди нас. Но линия рабочая правильная, мы по ней пойдем твердо.

Он вошел в наш совет. Человек известный: с двенадцати лет на фабрике, был мюльщиком, кочегаром, слесарем. Бился с Колчаком на Восточном и с Деникиным на Южном. В городе Мышкине ставил советскую власть. В Ярославле в восемнадцатом одолевал мятежных перхуровцев и эсеров с меньшевиками. Комсомол поднимал: с двадцати человек довел до тысячи пятисот. Крепко и во-время поддержал нас товарищ Иван Тимофеевич.

Г о р ю н о в (с досадой). Ты меня не расписывай... Это не к периоду времени...

Б р а г и н а. Я говорю правду, скрывать нечего. Делаем мы с Иваном Тимофеевичем собрание, разбираем зеленовский список, стараемся понять. В сентябре едем с Чиркиным в Иваново добывать материал. Достали все через обком, но нелегко, грузы привезли на станцию. В товарной конторе люди мутошатся, все важные представители в кожаных пальто, ходят перед начальством станционным на цыпочках, добиваются своей очереди. А мы с Чиркиным какие представители, просто не знаем, с какого боку приступить...

— Ваш груз отправят в тридцать третью очередь.

— Долго ли ждать?

— Как будет свободный состав.

Дня три прокружились на станции: все тридцать третья очередь... Один из представителей говорит нам:

— Зазимуете вы с тридцать третьей очередью.

Видно так: никого здесь наше дело не горячит. Едем с Чиркиным в обком, там свои люди. В обкоме и поругаться и покричать — все возможно, а все-таки выслушают и поймут. Поехали, обошлось хорошо: из обкома позвонили в ОГПУ, пришли мы на станцию, очереди уже вскипели по-другому, и мы стали самыми заметными представителями.

Приезжаем в Ярославль с грузом — все точно, как в списке. Техники материалы приняли, но пришли в расстройство: не те, не такой кирпич, не такие фасонные части.

— По вашему же списку...

— Не того диаметра трубы, не такое сечение...

Много слов, что требуют долгого разбора... Ездили еще раз в Иваново за кирпичом, в Москву два раза с Карповым, председателем жилкооперации. Привозили строительные материалы, но всякий раз что-нибудь оказывалось несоответственно...

Вот уж наши дети будут легче разбираться в клетках, в угольниках планов и во всех премудростях жизни. К зиме,

когда поставили кухню, оказалось, что комиссия недодержала еще план: плита заполнила всю кухню, двум просто трудно было в ней разминуться. А ведь в ней должны были орудовать повара, тысячи на две человек готовить. Далее еще горше. После достройки поставили техники котел для отопления водяного, провели пробу. Днем мы дежурили на стройке и в котельной, все шло гладко. Ночью во втором часу стучат мне в дверь:

— Брагина... вставай, Брагина... несчастье в доме...

— Горит?

— Лопнул котел.

Прибежали. Тьма. Вода в котельной. Свечками осветили: восемь секций взорвало. Кинулись к Зеленову. Он встал на стул, вышел к нам сердитый:

— Хоть бы вы ночью-то дали людям покой...

— Котел лопнул, восемь секций!

— Ничего удивительного: весьма слабый чугун... не выдержал давления...

Не выдержал давления... Ах, ты... Извините, я до сих пор волнуюсь, пусть Иван Тимофеевич дальше рассказывает...

Иван Тимофеевич Горюнов:

— Котел не выдержал давления... В этот период времени я был заведующим жилищным отделом фабрики. Кроме котла вышли из строя сорок две батареи. Система строительства, выражаясь по-русски, гробовая. Фабрика сдала подряд на работы Зеленову, он должен был всем и обеспечить строительство. Мы — только рабочий контроль. Но на деле обернулось по-другому: у Зеленова «объективные обстоятельства», он сам ни одного гвоздя не добыл, мы же оказались: и жнец, и швец, и в дуду игрец. Пришлось в самый разгар строительства в поздний след ставить новый котел. Мы взяли в левом крыле старой фабрики барабан от какой-то древней машины, поставили к нему дымогарные трубы, приварили крышку, сделали четыре трубы на муфтах, обложили котел обмундировкой — получилось неплохое сооружение.

Отопительную систему оборудовали техники кое-как. Трубы положили не по-зимнему, мелко (наш грунт требует ста восьмидесяти сантиметров), они замерзли, пришлось их опускать, утеплять. Морозы давили дикие. А надо сказать, пионеры строительства от нетерпения уже въехали в дом: думали, что самое главное — вода и отопление — есть и ближе к своему делу быть лучше. В комнатах вода замерзала. Детишки на постелях; навалят на них шуб, так из угрева не вылазят весь день. А нам-то каково?..

Брагина. Вокруг уж конечно шум: придумали себе фаланстеры каторгу. Мы-то при чем? Мы спрашивали стро-

ителей: можно въезжать? Говорят: раз отопление, то ясно можно...

Горюнов. Новый постройком выбрали: Курочкин, Шмаков, Михалевич, Гусев, Дернов, Хлопов, Буров и я занялись переделкой отопления. Полмесяца спали урывками: детишки перед глазами, ихние страдания. Невозможно же ехать обратно в седьмой корпус, там через минуту после отъезда все уже заняли...

У нас один дом на четыре подъезда, другой на три. Чем меньше дом, тем меньше диаметры труб. Строители поставили одинаковые котлы и одинаковые трубы. В большом доме воды для батарей нехватило, вода в них стыла, шла, как парное молоко. Котел работал наполовину невыгодно. Мы сменили трубы (все из старых материалов), начиная от пятой центральной линии и кончая третьей, дали другие расчеты колен, большой диаметр. У нас глаза слипались от бессонницы, даже на морозе, а подрядчик Зеленов нам говорит:

— Это ненужная затея. Я добьюсь технического совещания и докажу, что это не больше как подкоп, хотите подвести под вредительство.

Мы сами добились технической комиссии из инженеров. Показали старую систему в другом доме и новую, нашу, что дала в трубах нагрев в 60—65 градусов. Комиссия признала: строители поставили распределительные трубы не по плану. Но все это пустяки, а в том основное торжество: ребятишки выбрались из-под тулупов и расцвели.

Канализация тоже не работала. Мы ее вскрыли. Проложена на 65—70 сантиметров, а наш грунт, как я сказал, требует 180 сантиметров. (Эти данные взяты при изучении хозяйства нашего коммунального отдела, — почва у нас болотистая). Мы вызвали консультанта из отдела. На совещании в кабинете директора консультант отметил промашки: мал уклон, неправильно поставлены смотровые колодцы, получилась бы задержка исходящих вод, всю канализацию нужно углубить и отеплить. Но что другое и мог сказать консультант, раз трубы замерзли?.. Мы предложили подвести под трубы деревянные ящики, утеплить их орешком от хлопка. Главный механик Лепешкин согласился: дельное предложение. Директор Гайдамак нервничал (он человек горячий, несдержанный и видел тоже наши мучения), кричал на Зеленова, стучал кулаком по столу... Что же зря волноваться: оба и так сидели подавленные, — видно, выше курятников эти строители никогда не взлетали...

Мы обшарили всю фабрику и нашли тридцать труб, совершенно новых. Третью линию сменили, подложили ящики с орешком. По окончании работы пригласили коммун-

хозных инженеров-строителей — получили полное одобрение. Скоро стукнет второй год нашей жизни в доме,—порчи канализации не замечали...

Брагина. Недоразумения с канализацией были, и ты это, как председатель коллектива, Иван Тимофеевич, знаешь. Бросят что-нибудь в трубу — старый цветок или тряпку — и засорение...

Горюнов. Что об этом, это пустяки...

Брагина. Нет, не пустяки, Иван Тимофеевич. Не раз так было у нас... засорится канализация, выйдем мы все толпой, остановимся перед контрольным колодцем, откроем его, запустим туда слегу с зарубками, а никому не охота лезть в последнюю грязь...

Горюнов (сердито). Охота анекдоты рассказывать.

Брагина. Нет, не анекдоты. Сам же ты лазил, разве это анекдот? Скажет: «эх, чистюли! от этого дела отмыться вполне можно», — и лезет в колодец...

Горюнов. Просто я, как председатель, обязан показать пример. Вопрос стоит не в том. Чем мы руководствовались при заселении дома и как стали жить? Переживали спорные моменты. Ни один человек, как известно, не любит худшего. В комиссию по заселению выбрали пятерку: меня, Дегтева от фабкома, Климова от «Веретена», Брагину и Сорокина от постройкома. Взяли рулетку, обмерили квартиры (дома перестраивались много раз, по плану цифры не выходили), прикинули. На красную сторону, на солнечную, решили ставить хороших ударников, старых рабочих, на черную, на северную — молодых, живущих на вольных квартирах. Объявили: кто не въедет тридцатого апреля в шесть часов вечера, тот лишается квартиры,— мы так подгадали, чтобы открыть дом 1 мая.

Пошел в корпусах лом. Семьдесят пять квартир в доме, тысяча заявлений. Потянулись через Забелицы воза со скарбом. В корпусах происходили чуть не драки: из зависти, что один попал, а другой остался. И дележ: кому на красную, кому на черную сторону... Прибегает ко мне Данилов:

— Не желаю на черную сторону!

— Давай назад ордер.

— На, подавись! Своих людей тычете, а нас обносите.

Шваркнул ордер, ушел. В полночь грохот в мою дверь. Выхожу — жена Данилова, сама не своя:

— Голубчик, верни ордер, ради бога верни, с ума спятил мой дурак...

Успокоил, вернул.

Начинаем новую жизнь. Первое: сделали главный пункт устава:

Внешний вид домов первого коллектива

«Коллектив имеет целью организацию питания, чтобы оно вызвало меньше затраты сил и средств и наиболее полезно отвечало требованиям организма и указаниям медицины. Организованно воспитывать детей в соответствии с научно-коммунистическим принципом. Непрестанно повышать культурный уровень членов и всесторонне удовлетворять их запросы. Средства коллектива — из взносов в размере сорока процентов общего заработка семьи...» Это я из устава наизусть порю...

Брагина. Точно как в третьем доме советов в Ярославле.

Горюнов. Совершенно верно! Но 1 мая на носу, а к дому трудно подойти: тысячи кубометров мусора, холмы земли, щепы, битого кирпича, грязь непролазная. На кухне нет посуды, в совете ни рубля фондов. Второй-то дом только достраивался, я говорю только про первый. Собрали деньги, котлы, кастрюли, посуды нанесли своей. Но в транспорте по очистке двора нам отказали.

— В мешках повытаскаем! — кричали коллективники на собрании.

Партсекретарь Чесноков посоветовал нам добыть покуда тачки. У него был свой план: дома отстояли от центров снабжения далеко, километра на полтора, предстояло много трудностей. Начали долбить ломами, кирками слежные холмы мусора. Тачек нехватало, чередовались через каждые десять тачек. Заправлял у нас работой Егоров, он выработал свои обмеры:

— Нынче эта смена от угла до первого окна, завтра — от первого окна до двери.

Пятичасная работа земляная невыносима, если понять, что на фабрике человек уже свою смену провернул и нужно опять итти к машине со свежей головой. Явился к дому Чесноков с Гайдамаком, с помдиректора Каменским. Поглядел, как мы кайлим щебень все от мала до велика, принялся отчитывать директора:

— Куда годится? Какое может быть выполнение плана на фабрике? Транспорта нет, так дайте им по крайней мере узкоколейку.

— Есть у нас рельсы? — спрашивает Гайдамак у Каменского. — Отпусти, сколько понадобится, временно для вывозки земли.

— Почему временно? — спрашивает Чесноков. — А как же они для этой громады хлеб, продукты будут доставлять из лабазов? На горбах?

Комната ударника Горюнова в первом доме коллектива.

Иван Яковлевич всегда ходил со встречным планом ко всякому делу.

Выдали рельсы и шпалы. Укрепили мы узкоколейку и за пять дней вывезли три тысячи кубометров земли, провели узкоколейку до самого лабаза.

Я не особенно это расписываю; каждый понимает, что в пролетарском государстве на фабрике при всяких даже трудностях мы, рабочие, хозяева. Мы и землю под огородное хозяйство добывали с большим трудом, как добывала Брагина план в плановом, хотя от земли в тридцатом году забелицкие богатеи отказались: они перекинулись пролетариатом на фабрику, чтобы не попасть под удар борьбы с кулаком. Важнее в нашей работе, считаю, как мы с человеком боремся.

Расскажу пример о нашем коллективисте, чесальщике Петре Комарове, или, как мы его все зовем, Петя Комарик. Он — высшей квалификации чесальщик. Но ударился в пьянство непробудное. До крышки допился, разорил семью вчистую... Прибегают к нам забелицкие бабы летом:

— Идите, ваш коллективник голый на кладбище валяется!..

Пошли ребята — Сорокин, Кудряков, Ивличев. Лежит герой голый: спустил и дачку полмесячную и все с себя, проигрался в карты вдребезги. Принесли его на плечах, как покойника. Спал он часов пятнадцать кряду. Проснулся утром, хрипотливо спрашивает у жены:

— Шурка, где сапоги?

Она ему объяснила, как вчера при всем населении дома принесли его мертвецом с кладбища.

— Стало быть и штаны я проиграл?

Лежал он целый день (выходной был), отвернувшись к стенке. К вечеру попросил:

— Шурка, принеси мне покушать из столовой.

Жена молчит.

Пролежал еще день, уже прогульный. Опять тоскливо просит:

— Шурка, принеси хоть хлебца...

Та все молчит.

Четыре дня вылежал он голодный, все корки подобрал дома, но ни в столовую, ни на работу не казал глаз: фабрика ведь сейчас подденет на шпильку... а коллектив лежит как бы на совести человека. Заглядывает к нему вечерком друг его, слесарь Николай Заручейников, читает ему заметку в газете, где расхваливают, как мы едим.

— Едят, говорит газета, хлестко... Меню, говорит, на десятое сентября: в завтрак — пшенная бабка, в обед — щи мясные со сметаной, картофельная бабка, кофе с молоком... В ужин — суп с салом, рисовая каша... Да как вышло,—

спрашивает дополнительно, — что ты так расстрепался, Комарик?

За Николаем Заручейниковым тоже водился грешок, но выправился человек, и сильней его вряд ли найдется энтузиаст. Сверх всякой работы он еще чистит помойки по собственному желанию и не считает это для себя зазорным...

Комарик говорить с ним не стал. Не меню же ему, в самом деле, обсуждать?..

Вышли мы человек десять в тот же день чистить канализацию. Заручейников мне шепчет:

— Гляди, Иван Тимофеевич, Комарик в окно тайком подглядывает...

Подошел я к окошку, кричу:

— Эй, Петр Павлович, давай, выходи помогать!

Вышел он на работу и тихонько рассказал мне, как выпил, проиграл дачку, за дачкой — пиджак, потом сапоги, обидно стало — поставил штаны... Кончили работу в полдень. Вижу, Петя Комарик шатается, а не знал я, что он четыре дня ничего не ел.

— Теперь, говорю, пойдем, Петя, обедать.

— Не пойду... не знаю, как на народ смотреть.

— Чего же на него смотреть... вот же работал ты вместе с народом...

Пошли. Я и раньше еще рассказал все Чеснокову. Иван Яковлевич поддержал меня: не политика партии с плеча резать; раз он рабочий, не вор и не мошенник, надо исправлять. После обеда позвали мы его на парттройку, чистили как следует, на том и прикончили... Теперь жена его говорит:

— За всю жизнь не видала таким, каким стал. В рот водки не берет.

Но это лишь комарик, были же у нас и овода. Тяжелую политическую борьбу выдержали с Фомичевым. Этот человек, когда нам приходилось отдавать продукты на очаг и ясли, а самим иногда посидеть и на капусте, сыпал насмешки:

— Идите советскую потребулию кушать.

Но не насмешки важны. Мы отзывались на каждый призыв партии,— Фомичев называл нас: «замазыватели глаз».

— Это вы способны выполнять всякую ересь, на какую вас ни кликнут. Меня не подденешь...

Я считаю: это — противоположные люди. Мы их убеждали. Убеждали и Фомичева. Не помогло... пришлось выставить.

Весь коллектив (у нас триста двадцать взрослых) — люди дружные. Надо ли говорить, как мы спешно, в ночь, полночь, идем картошку грузить из баржей, что приходит в заморозки, — ведь это для себя. Но мы справляем всем до-

мом не только свою работу. Если где-нибудь крайность (на производстве у нас или в резинокомбинате, или у ляпинцев, на торфах, или в коммунхозе, на пригородном хозяйстве) мы проводим субботники. Мы гордимся, когда нам вслед смеются несознательные:

— Смотрите, словно каторжников под конвоем гонят.

Душевно восторгаюсь нашим делом и людьми! Мы знаем цену вещей, потому что сами производственники. Курочкин вскакивает с постели ночью только потому, что где-то на лестнице хлопнуло под ветром открытое окно. В три часа ночи он несется в подштанниках, закрывает окно и ворчит:

— Забыли, черти... а оно три с полтиной стоит.

Курочкин у нас ходит за кроликами, он убеждает каждого, идущего в лес гулять:

— Что тебе стоит для кролика принести пару веников.

Человеку, когда он гуляет, не хочется заботы, но приятно видеть радость Курочкина, — каждый охотно нарезает «для чудака Курочкина», как бы в подарок, пару веников, осиновых или березовых. Этим подарком «дяде Борису» забивается целый сарай,—так заготовляется десять, пятнадцать тысяч веников в зиму. Да что говорить... У нас люди не пройдут, не подняв по дороге щепку: для «титана» пригодится... Про Марасанова тоже вполне правильно написали в газете: «за каждый пустяк два фунта крови портит». Если он заметит — человек ушел за десять минут до окончания дежурства — у него в газете (он стенредактор) громовой заголовок: «Позор дезертирам труда».

Этот самый оппозиционер наш Фомичев, как-то в насмешку сказал:

— Вы те самые чистые сердцем, про которых в евангелии сказано: они бога узрят...

Что ж... язви нас, сколько влезет, но работай с нами! Знаем хорошо одно: не для «бога» мы, а для самого нынешнего часа.

В прошлую осень объявили общегородской субботник: полка общественного огорода. Случилось, приехала в Ярославль делегация рабочих: негры, англичане, французы, итальянцы, немцы, американцы. Мы пришли работать в сельхозкомбинат. Видим, ходят люди совсем отменные по ухваткам, по одежде — целая толпа иностранцев всех рас. Заведующий огородом познакомил нас с ними, и переводчик сказал:

— Приехавшие иностранцы вызывают вас на соревнование по полке.

Мы работали без всякого жара, как обыкновенно. Они взялись работать в другом конце. Сошлись при конце работы, сделали учет: иностранцы успели провернуть ровно по-

Возвращение рабочих-коллективистов с субботника на огороде

ловину того, что прошли у нас. Разумеется, они как гости постарались нам сделать приятное и отстать. Через переводчика деликатно говорят:

— Мы удивляемся вашей силе.

Мы ответили:

— Почитаем нашу силу единственным спасением страны.

Одна из германских работниц просидела в комнате ударницы-ткачихи Маруси (у нас в домах все — ударники) в нашем доме часа два. Известно: занавесочки, цветочки, кровать горой, дорожки на полу, картиночки на стенах—березки с водопадом,—это у нас любят. Выспрашивала: какая площадь на человека (площадь у нас небольшая, четыре с половиной — пять метров, но при яслях, при очаге, при сменах тесноты нет), какое меню в столовой и почему висят березовые банные веники в прихожей над умывальником.

Немка все восклицала: «Какие вы счастливые!»

Да, скажу: живем мы не худо.

Вот все покуда, что я могу сказать, остальное пусть пояснят другие... Вот товарищ Григорьев, он у нас—по хозяйству.

Григорьев. Я так складно не могу рассказать, как товарищ Горюнов, но хозяйство на моих руках. Животно-

водство поставлено с августа тридцать первого года. Год очень трудный продовольственно, и нашему коллективу окружные люди дали приговор:

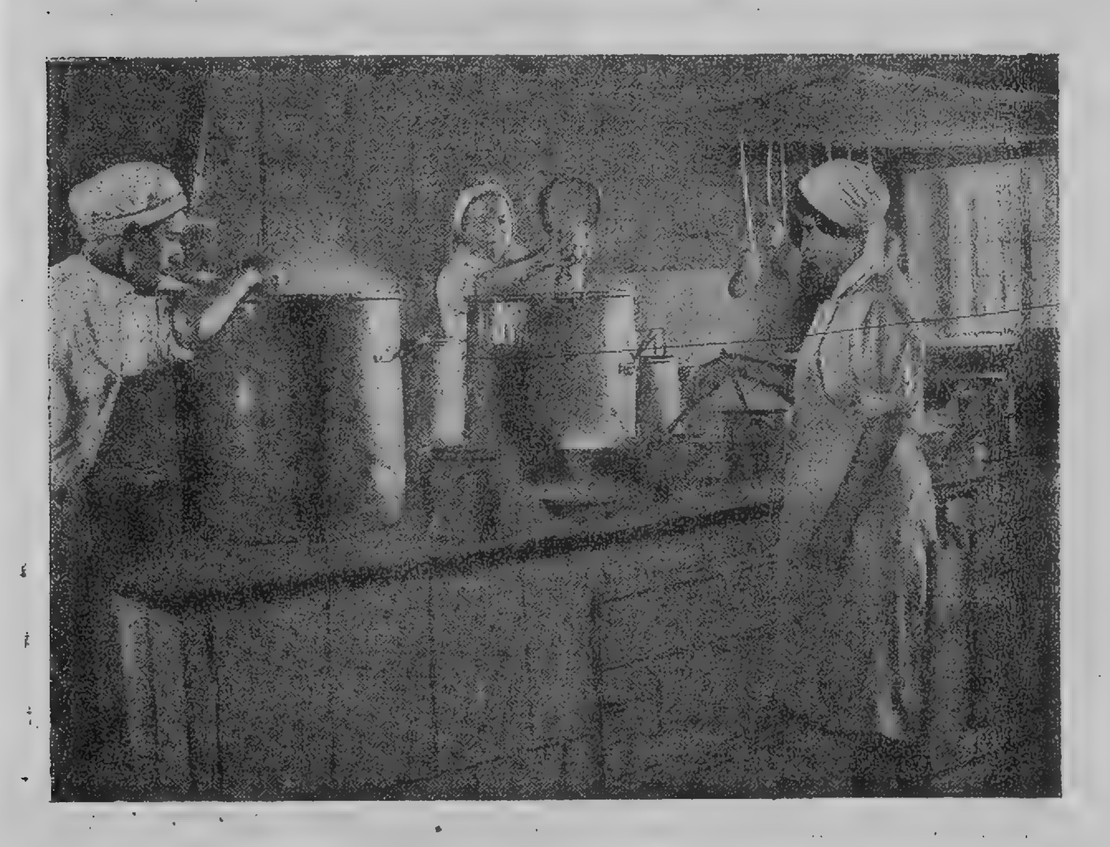
— А вы и собак пожрете. Монастырского повара поставили (у нас бывший монастырский повар, монах Овчинников, первейший ударник) — всех собак и кошек в машинку пропустит...

Мы купили двенадцать свиней (шесть маток), временно поместили их в прачечной и своими силами, четырьмя сотнями пар рук (работали даже малолетки), принялись строить свинарник. Построен неказисто, но крепко, крыт террофрезеритом, с варилкой для корнеплодов, стоит сейчас за забором лесного склада. Мы его приспособили на двести штук. Труда с ним и с крольчатником (тоже построили своими силами) положили много, но его считают лучшим в городе.

Неизвестно, почему мещанишки ополчились и на это:

— Ничего, все-таки с голоду все подохнете.

Стадо у нас умножилось: сто двадцать четыре свиньи, тридцать пять племенных маток. Завели кроликов — двести семьдесят штук, тройку лошадей, двенадцать штук рогатого скота. Сами закупали скот по деревням, вели меновую торговлю, главное на свиней. Далее слышим говорят окружные уже не о голоде, а много мягче:

Дежурство коллективисток на кухне

Дети очага первого дома коллектива во время игр

— Им плеснут в миску ложку похлебки, они и ворочают землю. Барщина!

Земли у нас сейчас около двенадцати га огородной да недавно с трудом отвоевали кулацкую землю пять га. Огород обеспечивает нас овощами. За две трудных последних зимы, когда мясо взвинтилось высоко, мы съели три тонны своей свинины. Вот зима кончилась, идет трудная весна, у нас в столовой такое меню на сегодня: в завтрак — картофель отварной; в обед — мясной суп, рисовая каша, яблочный кисель; в ужин — суп рыбный, творог с молоком. Хлеба без стеснения.

Был у нас и прорыв с питанием: в декабре и январе сидели на кислых щах. Но дети и тогда имели: молоко, масло, творог, рис, какао, чистоту и науку. Я считаю действительно, как говорил Иван Тимофеевич, живем мы не плохо. Но завистники и ненавистники обернули свои слова другим порядком:

— Почему им не жить,— дом коллектива — полная чаша!

Верно: полная чаша. Одного не могут сказать, что нас кто-нибудь подпирал, потому что сами видят, как работаем для себя и детей.

Хозяйство свое оцениваем в пятьдесят тысяч рублей.

Брагина. Теперь скажу как мать. Наших ребятишек в Забелицах кликали «каморочными заморышами». Ребята все

слабые, рахитичные. С руководительницами в первые месяцы было трудно. Ребята неохотно ходили, разбегались. Мы выхлопотали через гороно другую руководительницу, Пальмину. Работает год. У ребят трудовые процессы: они не только рисуют, либо вырезают, либо складывают из кубиков, но и с фуганком, и с долотом, и с молотком, и с пилой имеют дело. Вон ребятишки Жаровых, Беловых, Войновского до того хирели до коллектива, сядут в углу, пока не переведешь в другой, так и будут сидеть. От тесноты привычка. Теперь бегают, бойкие стали. Или Марасанова парнишка, первые дни ревьмя ревел в отчаянности... Орет, разливается в три ручья, а почему — непонятно... Через три месяца сделался здоровым и весельчаком.

Ясли на круглые сутки. Два раза в день, утром и в обед, перед уходом на работу матерей — прием. Раз в сутки, после вечернего чая и ужина, можно брать ребенка из яслей. Мы спокойны за ребят. Когда устраивали, бегали и в наш очаг «Зорька» за советами, и на детплощадку имени Емельяна Ярославского на Зеленцовской улице. Там особенно интересно: сами родители поставили очаг, отвоевали деревянный дом, устроили своими силами огород, цветник, вместе с детьми трудились и детей ведут сейчас краснощеко и умно.

Рабочая комната в очаге первого дома коллектива

Обед в очаге

Придешь с фабрики — чудно в квартире, тихо: ни детей, ни примуса с керосинкой. Уехала я учиться в Иваново на курсы. Вдруг пишут мне: муж упал, сломал ногу, положили в больницу. Я тогда задумалась: что со мною было бы, если б не очаг. Замоталась бы в страхе и беспокойстве: родных-то у нас никого, ни бабки, ни дедки... Но пусть скажут теперь рядовики-коллективисты.

Парфенова, банкаброшница:

— Первых трудностей в доме коллектива я не переживала, ничего и сказать не могу. Поселилась здесь с год. И случилось со мной так: отправили меня на курсы инструкторов банкаброшей. Муж оставался с детьми один. А детей-то трое: двое очаговцев, один ясельного возраста. Когда я приехала (все время на курсах думала: что с ними, не захворали ли голубчики мои), когда приехала, мне говорят: у нас комната для матери с машинками и закройщица хорошая Кокуева. Ни до чего мне дела не было, помчалась в очаг. Гляжу: ребята заняты, играют... Подбежала, приласкала я своих-то... а они тут же и опять от меня убежали. Комната великолепная, залы, полы блестят, музыка эта... ну как ее?.. да, рояль! Горка с цветами у широкого окна... Стою я: и радостно-то мне и обидно... Не по себе, что дети будто уже не мои, что я им уже и не нужна...

Жила я до того у матери в Забелицах. Теснота. Пьешь чай по очереди: один напьется, другой сядет. Ну, придет

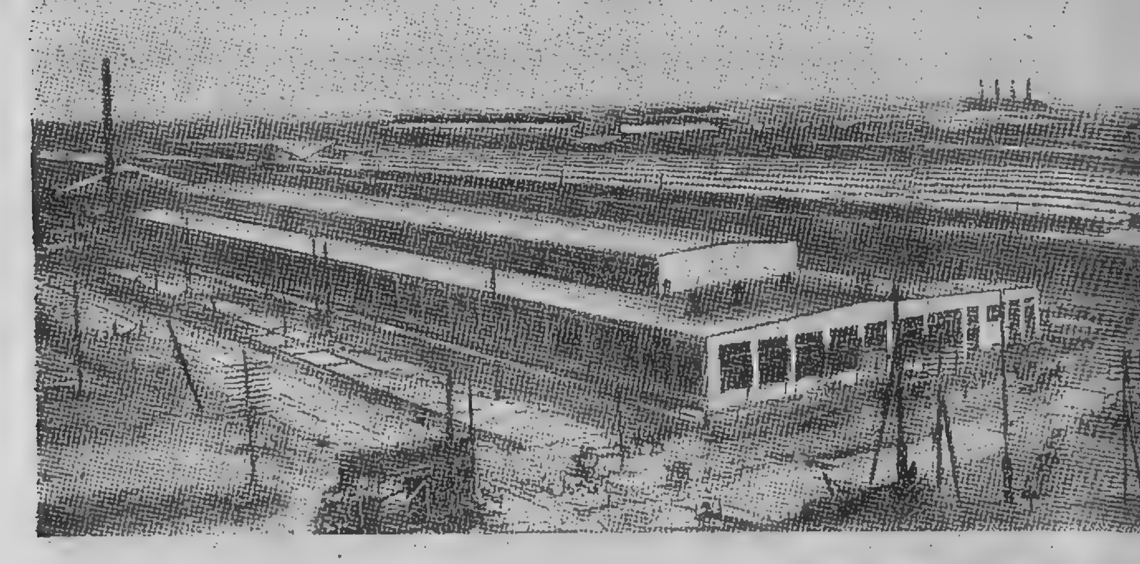
ли мне на ум проверять, что дают на завтрак, что на обед, что на ужин, ежели дети, как яблочко, и поют под музыку?.. В ясли побежала: ходит уже мой в загородке (манеж называется), цепляется за решетку так храбро. Воздух вольный, рубашки на ребятах чистые, постельки — как яичко.

Я не беру сосунка своего из яслей по месяцу, хотя правила такого и нет. Из очага ребята приходят в девять вечера — то песню принесут, то стишок, то рисунок.

— Это, мама, дирижабль.

Так твердо чудное слово говорят: дирижабль... Раздражения моего против ребят, изнурительной домашней работы, как вот говорит и Брагина, не стало. Слов нет, у нас субботники (мужчины не дают нам делать тяжелую работу), дежурства два раза в месяц в кухне по пяти человек в смене. Кухонное дело: картошку почистить, капусту, овощи порезать, вымыть посуду, столы, выдать еду коллективистам, подтопить «титан». Но разве это работа? Разве такая она была дома?.. Столовая у нас и кухня двусветные, цветы на столах, радио что-нибудь путное прогудит. На вечерах на наших посмеешься (мы ведь сами и актеры — из молодежи больше), на лекции подумаешь.

Я вполне теперь понимаю, что такое социализм.

Общий вид Сталинградского

ХРОНИКА СТАЛИНГРАДСКОГО ТРАКТОРНОГО ЗАВОДА

Эта хроника истории СТЗ, начиная с первых дней его проектировки и строительства, является канвой, по которой группируются очерки, статьи, документы и воспоминания заводских работников. Ее задача—хронологически закрепить наиболее важные события заводской жизни, расставить вехи, по которым будет написан основной том истории СТЗ.

1919 ГОД

Сражение с белыми армиями на месте нынешнего СТЗ. Ворошилов, Сергеев (нач. ОКСа), Букатин (склад) наступают на район заводской площадки. Федотов (РАТАП) копает окоп как раз на месте своего будущего дома, возле цирка. Летчик Бельц (библиотека) бросает бомбы, Левандовский (большой конвейер) ведет бронемашину.

1920 ГОД

Издается декрет о едином тракторном хозяйстве РСФСР.

1921 ГОД

На месте будущего СТЗ — деревня Журковка, Портянка, бахчи. Голодный год. В районе Поволжья сокращается запашка на 50%, огромная убыль рабочего скота. Нет тягловой силы.

тракторного завода в 1929 г.

1923 ГОД

При Госплане СССР организуется специальная тракторная комиссия. Разрабатываются типы тракторов, назначенных к производству. Комиссия останавливается на таких типах: колесный «Фордзон», гусеничный—«ВД» и «Холт»; об «Интернационале» еще ничего неизвестно, только в 1924 г. привозятся из Америки первые модели, пускаются в эксплоатацию.

1925 ГОД

Постановление Главметалла о постройке тракторного завода. Место завода еще не определено, тип трактора также неизвестен. Только решено, что трактор должен быть легкого типа и колесный, а не гусеничный. На новом заводе ориентироваться на масштабы производства 10—20 тысяч штук в год.

Весной на съезде советов Феликс Эдмундович Дзержинский произнес речь о путях развития отечественной промышленности, в которой поставил вопрос о советском тракторостроении на базе новейшей техники.

В сентябре 1925 г. организуется комиссия для выбора места постройки нового завода. Конкурируют города—Таганрог, Ростов, Запорожье, Воронеж, Челябинск, Харьков, Сталинград.

11 ноября 1925 г. комиссия высказывается за Сталинград. В этот день впервые определено конкретное место расположения будущего завода, все проекты получают свое постоянное наименование — «Проекты Сталинградского тракторного завода». Какие тракторы строить — неизвестно.

Вызывают к себе интерес 2 000 американских тракторов, находящихся в эксплоатации, новой малоизвестной марки «Интернационал» Мак-Кормика. Дают хорошие результаты. Есть также предложение выпускать шведский «Аванс», «Ойль-Пуль», «Фордзон».

СТО утверждает Сталинград как место постройки завода и создает специальную комиссию под председательством тов. Орджоникидзе для окончательного разрешения вопроса о типе трактора. 22 февраля комиссия намечает объектом производства «Интернационал» 12—20 сил с выпуском 10 000 в год, 16% запасных частей. Стоимость завода определена в 35 млн. руб.

1926 ГОД

В августе в Сталинграде была организована строительная контора. Управляющим Тракторостроем назначен тов. Ценципер, работавший до этого председателем Губсовнархоза. Одновременно в Ленинграде отделение Гипромеза выделяет специальный штат инженеров, техников, конструкторов для проектирования Сталинградского тракторного завода.

Начало работ по составлению проекта Ленинградским гипромезом. Формулируются принципы массового производства (из проекта первого варианта).

«Производство должно быть стандартным, взаимозаменяемым, массовым. Вся производственная жизнь завода массового производства должна быть строжайшим образом регламентирована до деталей и мелочей и сложиться в бесперебойную работу гигантского часового механизма. Строгая специализация должна быть произведена по отношению к живой силе, ко всем работникам завода.

Все лица как руководящего, так и исполнительного персонала должны быть поставлены на вполне определенную ограниченную в объеме работу, но требующую зато точного, правильного и своевременного исполнения.

Материалы должны быть односортные, регламентированных марок и стандартного качества. Потеря на материалах должна быть сведена к минимуму путем назначения наименьших припусков, уменьшения самой обработки и полного использования отходов. Уплотнение пространства должно быть проведено по отношению ко всему заводу как в процессе его распланировки в целом, так и по отношению к каждому цеху в отдельности. Процессы производства должны быть уплотнены до возможного предела. Работа должна итти на наивысших скоростях. Необходимо стремиться к наивысшему коэфициенту использования всего оборудования и всех работающих в производстве людей. Для этого должна быть составлена схема движения всех мате-

риалов, полуфабрикатов, фабрикатов и отходов по определенным линиям к определенным местам с определенной скоростью и по определенному расписанию. Такая схема должна сопровождаться подробным указанием о роли, месте и времени действия орудий, людей, вспомогательных и обслуживающих органов.

Надо стремиться по возможности к достижению непрерывного процесса в производстве, протекающего с ритмом или темпом, зависящим от количества произведенных деталей.

Следствием такой постановки дела должны явиться быстрота и простота всех процессов производства и следовательно быстрейший оборот капитала, что должно обеспечить максимально низкую себестоимость продукции».

1 мая. Закладка завода. Заложен первый камень. Закладка происходит не на месте нынешнего завода, а возле завода «Баррикады». Вскоре после этого приезжает тов. Межлаук. Он находит, что место никуда не годится, и переносит площадку на несколько километров дальше.

1927 ГОД

Мелкие строительные работы. Первый деревянный забор, срубы с барж для конторы прораба, палатки для строительных рабочих. Воды нет, нужно ставить временный водопровод с Волги. Усков (рем.-мех. цех) спускает на тросах с обрыва трактор и устанавливает двигатель для насоса.

Организуется сталинградский филиал Гипромеза, проектирование ведется в двух местах.

Летом пришли на площадку будущего завода первые строители. Они застали на этом месте богатый урожай арбузов и дынь. На площади 400 гектаров стояло около десятка шалашей, до сотни чучел, защищающих арбузы от грачей. Геологоразведочная партия прошла от завода «Баррикады» до реки Мечетки, тщательно исследовала грунт и окончательно установила место постройки завода: в двух километрах от места второй закладки на ровном пустыре.

На площадке началась постройка завода. Плотник Козлов вставал в 7 часов утра, тесал колышки для разметки будущего забора. Появились первые дощатые сараи для хранения инструмента и материала, ближе к Мечетке раскинулись огромные белые палатки. Первая железнодорожная ветка строилась от завода «Баррикады» до того места, где сейчас стоит главная контора завода. Все новые грузы шли из Сталинграда через завод «Баррикады». Рабочие, живущие на «Красном Октябре» и в городе, путь от «Баррикады» до тракторного проходили пешком. Ветка была закон-

чена 10 ноября. По ней прошел маленький паровозик, он притащил за собой две полуразрушенных платформы. До зимних холодов успели еще построить столовую, временный столярный цех и установить маленький двигатель.

1928 ГОД

23 апреля предварительный проект рассмотрен Гипромезом и утвержден. Возникает новый вариант расширения программы выпуска тракторов до 20 тысяч.

Весной в ленинградский порт прибыл от фирмы «Мак-Кормик» трактор типа «Интернационал». Работники ленинградского отделения Гипромеза Меламед и Дюфур проехали на нем по Невскому проспекту к проектировочной конторе на Старой Конюшенной и приступили к его изучению. К проектировке завода были привлечены в первую очередь специалисты «Красного путиловца».

В апреле на площадку завода снова вернулись строители. Число рабочих, занятых на строительстве, перевалило за 500. Закладывались новые подсобные предприятия — лесопильный завод, мастерская для выделки бетонированных камней, кирпичный завод.

Строилось восемь каменных жилых зданий типа Гипромеза—коттедж. Планов строительства рабочих поселков тогда еще не было. Каждый вновь закладываемый дом был не стандартным по своей архитектуре и обходился заводу минимум в 500 000 руб.

1929 ГОД

Альберт Кан, архитектор из Детройта, сообщил, что «фирма Кан составит проекты основных цехов завода и будет консультировать их постройку. В то время как у нас в стране (т. е. Америке) постройка такого завода потребовала бы 4 или 5 месяцев, предполагается, что ввиду трудностей подвоза материалов, недостатка квалифицированной рабочей силы постройка завода в южной России потребует около 18 месяцев».

«ВСЕ ПЛАНЫ СОКРАТИТЬ НА ГОД»

В мае же был объявлен приказ, положивший начало крутому повороту в темпах работы:

«Вследствие заказа железных конструкций для трех основных цехов в Америке и получения этих конструкций не позже августа с. г. приказываю внести в составленные планы объема работ, финансирования и календарных сроков изменения—сокращение сроков пуска завода на 6 месяцев, т. е. к октябрю 1930 г.». Приказ подписал начальник строительства Иванов.

Телеграммы Иванова Амторгу и главному инженеру тов. Коган, находящемуся в Америке: «Категорически, безоговорочно настаиваем на изменении сроков готовности здания с расчетом монтажных работ в апреле тридцатого года, пуск завода—октябрь тридцатого года. Все планы работ изменить в сторону сокращения на год. Пусть Альберт Кан телеграфирует своим инженерам».

14 молодых специалистов послали в редакцию газет письмо с жалобами на невыдачу подъемных, неаккуратную выплату жалованья, недостаточную кубатуру квартир. Писали, что принятые для стройки темпы нереальны, снимали с себя ответственность «за неизбежную катастрофу».

Общее собрание инженерно-технических работников в мае двадцать девятого года записало в своем постановлении: «Решительно осудить и отмежеваться от письма группы молодых специалистов в редакции газет, признать ненормальным и ошибочным сосредоточение всего внимания инженерно-технической общественности на материальных вопросах и считать необходимым переключить внимание инженерно-технических сил на моменты производственные».

5 мая приступили к постройке инструментального цеха и заводской лаборатории. В июне и в июле началась работа по постройке здания ФЗУ, пожарного депо, главного магазина.

ЗАКЛАДКА ОСНОВНЫХ ЦЕХОВ

Весной уточняется новый проект. Готовы ремонтно-механический и ремонтно-строительный цехи. В мае закладка основных цехов. В работу одновременно поступают все главные о б ъ е к т ы — литейный, кузница, механосборочный, теплосиловая.

Группа работников во главе с тов. Каганом едет в Америку для ознакомления с американскими заводами, консультации проекта и закупки оборудования. Комиссия осматривает автотракторные заводы Форда, Мак-Кормика, Додж, Клетрак и др. Знакомит американских консультантов с проектом. Они признают его передовым и отвечающим требованиям современной техники.

На строительство приезжает группа законтрактованных специалистов, только что окончивших высшие учебные заведения (Шейман, Кузьмин, Куксо, Зыбин). В мае был массовый отъезд молодых специалистов в Америку. Устанавливается непрерывная связь с Амторгом. Ранее выехавшие в Америку советские специалисты заключают с металлургическим заводом в Филадельфии договор на поставку железных конструкций. Знаменитая американская фирма «Альберт-Кан», строившая в свое время Фордовский завод,

соглашается консультировать строительство Сталинградского тракторного. Фирма посылает в Сталинград двух лучших специалистов — Калдера и Суваджана.

В одном из номеров американской газеты «Нью-Йорк Таймс» за май 1929 г. была напечатана корреспонденция о Тракторострое.

В ПАРТОРГАНИЗАЦИИ 100 КОММУНИСТОВ

На партконференции в июле 1929 г. секретарь окружкома тов. Птуха так характеризовал работу организации Сталинградского тракторостроя:

«Вместо того чтобы организовать массы и руководить ими, вести их на борьбу за ускоренный темп строительства, отдельные члены партии расценивают тракторный как дойную корову. Они плетутся в хвосте отсталой и рваческой массы, выступают в качестве недовольных заработком, расценками и т. д.

В июле на площадку строительства приехал новый секретарь партийной организации тов. Сучков. В 1919 г., во время обороны Царицына, Сучков работал в качестве секретаря Царицынского губкома партии, руководил мобилизацией рабочих города на защиту Царицына. Тов. Сучков происходит из крестьян села Средней Ахтубы, расположенной как раз против завода, на левом берегу Волги.

Партийная организация площадки к этому времени насчитывала в своих рядах около 100 коммунистов, из которых почти половина была «сослана» сюда за партийные проступки. Партийные ячейки заметной роли в строительстве в этот период не играли и основной своей работой считали борьбу с пьянством. Приезд тов. Сучкова совпал с чисткой партийной организации.

НАЧАЛО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ

Под руководством нового состава бюро партколлектива на строительстве развертывается социалистическое соревнование. Артель каменщиков Левушкина, работающая на кладке дома № 527, поднимает над лесами красный флаг, объявляет соревнование и переходит на кладку кирпича без лесов. Артель изменяет распределение заработной платы среди своих рабочих и переходит на сдельную оплату труда. Это вызывает сопротивление со стороны отсталой части строителей завода, привыкших работать артельно.

После реорганизации артелей в ударные производственные бригады резко повысилась производительность труда. Артель землекопов Ивантаева давала два кубометра, бригада землекопов Иголкина давала 6 кубометров.

Государственный подрядчик Госпромстрой на опыте строительства инструментального цеха показывает, что он не справляется ни с темпами, ни с качеством работы. Представители Госпромстроя выступают против сокращенных сроков строительства, Василий Иванов добивается решения о хозяйственном способе строительства.

В середине июля по строительству издается приказ: «Американского специалиста мистера Калдера назначить главным производителем работ по строительству завода. Его помощником утвердить мистера Суваджана».

24 июля издается новый приказ: «Предлагаю главному производителю работ инженеру Калдеру организовать участки работ по постройке основных цехов (механосборочного, литейного, кузнечного). Выделить для укомплектования аппарата участков лучших инженеров, техников и десятников, для выполнения работ выделить лучшие и наиболее дисциплинированные и сработавшиеся артели рабочих».

Инженер Шахт, инженер Пономарев, начальник геодезического отдела Серенко ведут среди инженерно-технических работников агитацию против американских специалистов. Часть ИТР (Герасимов, Горский) публикует в печати заявление о том, что несмотря на свой большой производственный опыт они идут на выучку к американским специалистам, к чему призывают и остальных инженерно-технических работников.

1929 г., август. Ремонтно-механический цех закончен. В декабре цех разворачивается в экспериментальную базу завода. Здесь и опытное тракторостроение, и школа подготовки рабочих, и обслуживание строительства. В будущем цех передает основным цехам рабочих, изготовляет все дефицитные детали до конца 1931 г. Только своей основной работой—ремонтом оборудования — долгое время не удается полностью овладеть.

«Тракторострою снабжение и грузить вне всякой очереди» — распоряжение Рухимовича.

Всем учреждениям давать заключение и ответы по всем вопросам, связанным с Тракторостроем, в трехдневный срок (постановление президиума ВСНХ, ноябрь).

К 12-й годовщине Октябрьской революции приезжают 2 000 колхозников «в гости».

Письма крестьян с просьбой ускорить строительство, поздравления. Колхозники Северного Кавказа присылают в подарок 20 вагонов гравия. Рабочие Детройта присылают строителям красное знамя.

Ноябрь. Исполком Коминтерна присылает письмо рабочим: «Коммунистический авангард всех стран с восторгом узнает о вашей пролетарской клятве выполнить директивы ленинской партии».

СТРОИТЬ ЗИМОЙ

Строить зимой—таково было решение управления строительством и партийной организации. Впервые в России приступали к такому крупному строительству в зимних условиях. Строители говорили: «Отцы и деды наши не строили зимой, и мы не будем строить». В бараках и палатках шли собрания, споры. Партийная, профессиональная и комсомольская организации агитировали строителей остаться на зиму.

Ушло около 200 строителей. Осталось 10 тысяч. В декабре подула поземка. Строительные леса были прикрыты брезентовыми тепляками.

Бригада Русакова превышает нормы клепки на 20%.

АМЕРИКАНСКИЙ СРОК—163 ДНЯ. ФАКТИЧЕСКИ—28 ДНЕЙ

Фирма «Альберт-Кан» на установку железных конструкций механосборочного цеха запроектировала 163 дня. Управление Тракторостроя снизило эту цифру до 52 дней. Котельщики Сталинграда, Москвы, Ростова собрали цех в 28 дней. Глава американской фирмы писал по этому поводу в ВСНХ Союза: «Откровенно говоря, я почти изумлен достигнутыми результатами. Рабочие и технический персонал в Сталинграде показывают такие результаты, которые никоим образом не могут быть достигнуты в нашей стране. Наш инженер Колдер сообщает мне, что сборочный цех полностью построен к 15 декабря, а по проекту он должен быть закончен лишь к 1 мая текущего года. Другими словами, этот цех закончен на 4½ месяца ранее намеченного срока. Мне остается только заявить, что в Америке неизвестен случай сооружения столь мощного цеха в такой короткий срок».

Самый сложный цех — литейный — был построен зимой. В литейном уложено 16 тысяч кубометров бетона и 42 миллиона кирпичей. Остекление механосборочного цеха производилось зимой.

Старые стекольщики отказывались в пургу стеклить механосборочный цех. Да их и нехватало. Молодая подносчица, бывшая батрачка Зозуля, организовала группу девушек, при помощи старых стекольщиков обучила их технике стекления, и молодые строители за 8 дней застеклили цех. Комсомолец Бердиков организует группу торцовщиков, никогда в жизни не слыхавших слова торец. В дыму, в копоти, при сплошных сквозных ветрах бригада Бердикова в 14 дней покрывает торцом пол механосборочного цеха.

1930 ГОД

Основные цехи заканчиваются. Механический и инструментальный готовятся к монтажу.

Март. Готов первый опытный трактор. На нем проверяются все чертежи для основного производства тракторов. К открытию завода решено выпустить три трактора.

Апрель-май. Начинается монтаж цехов. В конце мая прибывает основная масса оборудования первой очереди. Все, от инженера до чернорабочего, объявляют себя мобилизованными, объявляют себя ударниками. Люди проводят по две-три смены в цехах. К 15 июня завод должен быть пущен.

26 мая установлено 138 станков.

12 июня смонтировано 300 станков и два сборочных конвейера. Монтаж ведется в три смены.

Рапорт краевой партконференции:

«Заверяя, что принятые обязательства по пуску завода 15 июня будут выполнены, рабочие Тракторостроя обещают приложить все усилия к тому, чтобы заданную программу выпуска тракторов в первый год работы перевыполнить и дать стране не 25, а 35 тысяч тракторов».

Ручным способом, напильниками, сверлами, клещами, зубилами, молотками, при помощи циркулей и деревянного метра делается первый трактор.

НЕТ БОЛЬШЕ ТРАКТОРОСТРОЯ, ЕСТЬ ТРАКТОРНЫЙ ЗАВОД

Рапорт СТЗ в «Правде» 18 июня

«17 июня в 15 часов снят с конвейера первый сталинградский трактор к XVI партсъезду. 32 тысячи работников Тракторостроя — рабочие, инженерно-технический персонал, — спаянные одной волей довести начатое дело до конца, дают клятвенное обещание в первые 15 месяцев со дня снятия с конвейера первого трактора пустить на поля 37 500 тракторов. Обещаем нашими тракторами — снарядами — взрывать остатки буржуазного мира и строить социалистическое хозяйство».

Поздравительная телеграмма тов. Сталина.

Завод пущен. Но цехи недооборудованы. Механосборочный оборудован на 35%, линейный несколько меньше. Оборудование запаздывает.

ДЕТСКИЕ БОЛЕЗНИ ЗАВОДА

В третьем квартале (июль, август, сентябрь) план в 2 000 тракторов выполняется на полтора процента. Собрано 35 тракторов.

В сентябре прибывает новая партия оборудования. В октябре выпускается 211 тракторов, план выполняется на 18%.

Станочник Петров из механосборочного цеха стал на автокару и, совершенно не зная механизма, нажал на ручку. Автокара со всего размаха налетела на стенку. Автокару увезли в ремонт, Петрова — в больницу.

ТЭЦ почти не работает. Нехватает пара, электроэнергии, воды, сжатого воздуха. К ТЭЦ подкатывается паровоз, который поддерживает ее своим паром.

За один сентябрь поломано 150 станков.

В октябре освобожден от обязанностей директора завода Василий Иванов. Директором завода назначен тов. Мозголов.

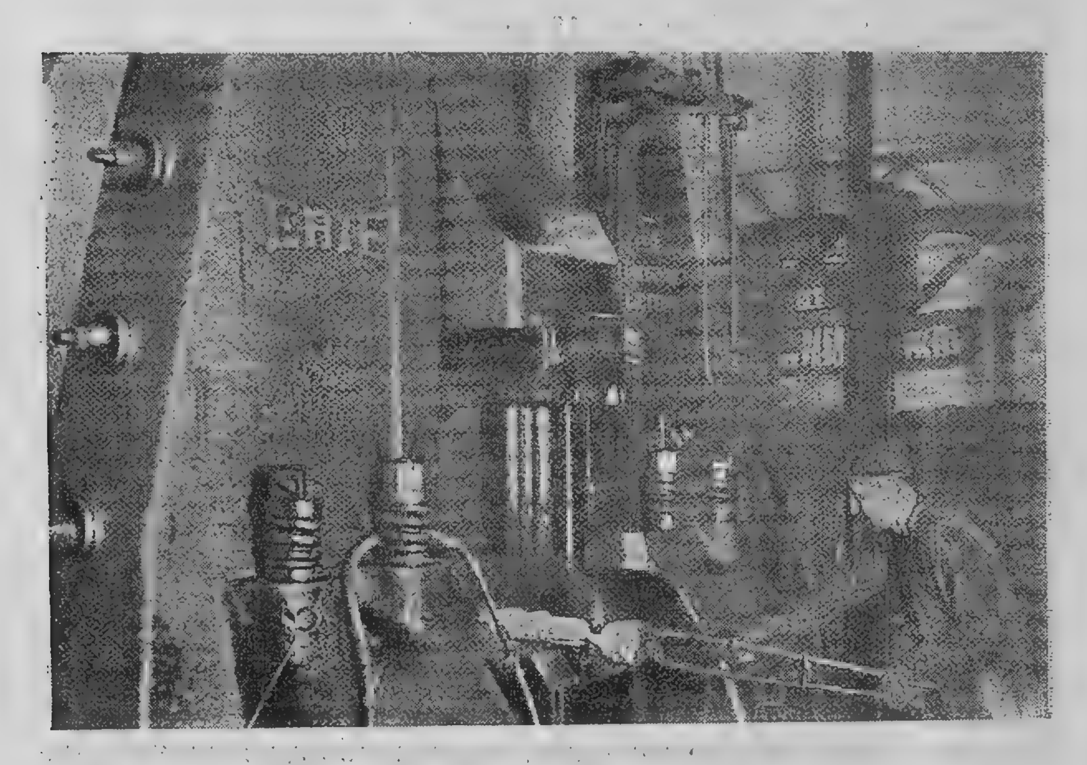
Прибывает оборудование второй и третьей очереди.

20 декабря на завод приезжает комиссия ВСНХ в составе тт. Жукова, Пудалова, Серенкова, Швана, Яроша и др. По докладу комиссии, обследовавшей завод, ВСНХ вынес специальное решение о СТЗ.

Постановление оговаривает месячный срок для перевода цеха на хозрасчет. Определяется программа на январь в 1 500 тракторов, включая запасные части и моторы. Подтверждается задание на 1931 г. в 42 000 тракторов.

1931 ГОД

В литейном ощущается нехватка воздуха. Земля замерзает. В первые дни января выпуск литья снижается по сравнению с последними числами декабря. Температура в шишельном отделении ниже 10 градусов.

Кузнечный цех СТЗ. Штампуется деталь на 12 000-пудовом молоте

В первую пятидневку января с большого конвейера снято 44 трактора вместо 143 по программе.

На завод назначен новый директор тов. Грачев.

Январь по постановлению партийного комитета объявляется «месячником социалистического сражения». Задача месячника — ликвидировать прорыв в выпуске тракторов. Радиаторное отделение дает менее 40 радиаторов в сутки. Запайка сот производится кустарным способом; с помощью примуса и керосиновой лампы.

Одна из смен колесного отделения перевыполняет программу. Руководитель смены мастер-рационализатор Фисун. Инструмента нехватает, пользование им обезличено. Соревнуясь с другой сменой, мастер Фисун прячет общий инструмент. Другая смена простаивает из-за этого каждый день час-два.

3 января бригада Есина, штампующая коленчатые валы, дала за смену 110 валов. Задание администрации—62 вала в смену. Американская норма, сниженная для русских условий,—105 коленчатых валов. На соседнем молоте бригада Кубасова 4 января отремонтировала 75 передних осей. Задание заводоуправления—52.

Есин премируется поездкой по заводам ВАТО. Вся бригада премируется двухнедельным заработком. Это первое премирование на заводе.

На завод прибывают инженеры тт. Макаровский, Скворцов, Машевский, Соколов.

МИТИНГИ, ШТУРМЫ, ПОХОДЫ

Январь-февраль. «Принять меры, чтобы в течение 10 дней полностью наладить учет склада».

Немедленно разработать систему технического планирования. Ввести поголовную техучебу рабочих. Обратить строжайшее внимание на рост поломок ценнейшего оборудования и принять решительные меры (из постановлений заводоуправления).

Рабочие бросают работу за 15—20 минут до гудка и становятся в очередь за обедом.

В механосборочном цехе у дверей столовых дежурят: секретарь парткомитета, председатель цехкома, начальник цеха, но порядка им установить не удается. Толпа рабочих оттесняет их и ломает двери в столовой.

Хлопкосоюз «Ислам-Терек» предъявляет претензии за плохое качество тракторов. Обнаружено, что подшипники не прошлифованы. В одной машине в коробке картера лежал осколок французского ключа.

В январе вместо 900 снято 707 тракторов.

Февраль объявляется продолжением месячника социалистического сражения.

Американский специалист Гильдебрант обвиняет инструментальщиков в том, что они изготовляют негодный инструмент. Около 80 инструментов, стоящих свыше тысячи золотых рублей, нельзя пустить в работу.

В механосборочном цехе на станках «Глиссон» в 3-м отделении и в 17-м пролете расход инструмента в три раза больше американских норм. Три комплекта сверл меняются в смену.

В 4-м пролете установка оправки производится ударом шатуна. Рабочий говорит: «что ж поделаешь, если она не входит». Приспособление для сборки шатуна лежит без движения, в то время как на сборке 50% брака.

Американцы работают в качестве консультантов. Американец Сиссон, специалист по наладке станков, обрабатывающих шатун, используется в качестве станочника.

Американец—работник инструментальной мастерской кузнечных штампов — Пантелло ночами работал над изготовлением патрона. Патрон готов. Пантелло ушел спать. На утро патрона в цехе не оказалось. Кто-то без всякой пользы для себя украл его.

«Я НАУЧИЛСЯ ЦЕНИТЬ КЛЕЩИ»

9 февраля в американской столовой проходит вечер передовых бригад по обмену опытом. Ударник Московченко рассказывает о том, как он научился у американцев ценить клещи. Сначала он пренебрежительно относился к тому, что американцы берегут клещи, внимательно ухаживают за ними. Он смеялся над ними. «Проработав пару месяцев, я убедился, — говорит Московченко, — что клещи, их состояние, решают вопрос о выполнении программы».

Сквозная по резцам делится опытом учета в бригаде. По каждой операции заведена ежедневная сводка. Бригада знает свои узкие места. Труд в бригаде диференцирован. Обработка резца не на одном, а на нескольких станках вдвое повысила производительность.

Бракованных шатунов дано вдвое больше, чем годных. Из 277 заформованных рам — 79 брак. Брак по ковкому чугуну превышает 50%.

Созывается 4-я заводская партийная конференция.

Секретарь завкома ВКП(б) Лапидус говорит в своем отчете на конференции:

— Никакой серьезной подготовки к пуску завода не было. Завод был пущен при наличии станков третьей очереди, но при отсутствии части оборудования первой очереди. Имевшиеся станки были неукомплектованными, к некоторым

нехватало приспособлений. Мало пригодным оказался аппарат строительства, переключенный на руководство производством. Заводское руководство не понимало и не учитывало всех трудностей, связанных с пуском завода. Месячные планы составлялись с самого начала в расчете на выпуск 100 тракторов в день.

23 февраля на завод приезжает специальная комиссия ВСНХ во главе с тов. Михайловым-Ивановым.

ЛИТЕЙНЫЙ СТОИТ

Нет кокса, чугуна, три дня стоит литейный цех. По специальному распоряжению правительственных органов маршруты кокса и чугуна отправлялись с фельдъегерями, пассажирской скоростью.

В литейном нехватает воздуха. Давление три атмосферы. Воздух просачивается через шланги, расходуется неэкономно. Многие рабочие сжатым воздухом чистят ботинки, костюмы, обдувают лицо.

Импортные карбюраторы закончились. Карбюраторы завода «Знамя труда» негодны и задерживают сборку.

20 февраля парткомитет созывает совещание ИТР, ездивших за границу. Выясняется: никто не сдавал отчета по поездке, никто отчета не спрашивал.

Разукрупнение столовых. Каждое отделение прикреплено к определенной столовой. Установлено, какая группа пролетов в какие 15 минут обедает.

Одна из бригад в обрубке в марте после введения сдельщины перевыполняет программу по раме и блоку. Начинает давать 8—9 рам в смену. Раньше давали максимум пять. Заработок обрубщика вырос с 120 руб. до 160—180 руб.

В механосборочном, уходя с работы, забывают выключать станки. Всю ночь 19 марта вхолостую работал станок № 146.

Дефицитен шатун. Нет вкладышей. Наладили поток вкладышей—не оказалось поковки. Пошла поковка, нет болтов.

Переход на диспансеризацию медицинского обслуживания. Начало работы единого диспансера.

ИЗ 626 КОММУНИСТОВ СОРЕВНУЮТСЯ 196

В апреле, после двухнедельника проверки участия коммунистов в соревновании, выясняется, что из 626 коммунистов сборочного цеха соревнуются 196. Такое же положение в других цехах. Апрель объявляется месячником укрепления соревнования.

При проверке шишельного отделения обнаружилось, что двухсот рабочих, номера которых висели на табельной доске, не оказалось на работе.

Завком ВКП(б) в постановлении о борьбе с текучестью рабочих говорит: «Возложить ответственность на начальников цехов в равной мере как за выполнение программы, так и за состояние цеховых столовых».

Задерживает заготовка металла для кузницы. Специально заказаны ножницы за границей. Ножницы успели привезти, а фундамент не подготовлен. Только тогда, когда прибыли ножницы, спешно начали возводить фундамент.

Очереди за хлебом вырастают. Целую ночь люди простаивают в очереди. Пекарня не справляется с выпечкой хлеба для растущего с каждым днем поселка.

Делегация СТЗ подписала договор социалистического соревнования с «Красным путиловцем». Оба завода обязуются дать в 1931 г. 70 000 тракторов. 100% коммунистов и комсомольцев, 90% всех рабочих охватить соревнованием.

Инженер Машевский с группой молодых инженеров проводит на ТЭЦ рационализаторское мероприятие — экранирование котлов. Выход пара увеличивается на 35%.

Две трети заводского парка электрокар постоянно находятся в ремонте.

В ЧЕМ КОРЕНЬ БЕД?

20 апреля в «Правде» № 107 на первой полосе появилась заметка: «Со Сталинградским тракторным неблагополучно». «Правда» пишет:

«В чем корень бед? Американские станки бессильны, когда система работ не пригнана к ним, когда мы дергаем их, не умея взять все, что станки могут и должны дать, 900 поломок ежемесячно — таков голос машин, ответное эхо на никуда не годные методы работы. Ударники говорят: «Техника у нас американская, а система обломовская».

22 апреля напечатана вторая заметка: «Бьем тревогу». Через несколько дней после этого появилось письмо краснопутиловцев к рабочим Сталинградского тракторного завода.

ПРИЕЗД тов. ОРДЖОНИКИДЗЕ

24 апреля на Тракторный приезжает тов. Орджоникидзе. В одном пролете механосборочного цеха тов. Орджоникидзе спрашивает у рабочего: «Где наладчик?» Рабочий ищет наладчика десять минут. У наладчика тов. Орджоникидзе спрашивает: «Где мастер?» Мастера пролета искали полчаса. На поиски начальника отделения потратили столько же.

Бюро завкома ВКП(б) с участием тов. Орджоникидзе решает направить 10 ответственных партийных работников для постоянной работы в литейную и кузницу.

В конце апреля на Тракторный приезжает специальная бригада «Правды». Бригада «Правды» совместно с заводской газетой издавала объединенную газету «Правда на Тракторном» и «Даешь трактор». Кроме этого издавались три печатных газеты в цехах: «Правда в литейном», «Правда в кузнечном», «Правда в механосборочном». Издавалась также «Правда на Верхнем поселке», посвященная бытовым вопросам.

В течение двух месяцев ежедневно на первой полосе «Правды» печатались сводки и телеграммы Сталинградского тракторного.

Поэт Безыменский организовал «Хождение верблюда» по цехам завода и по поселку. Верблюд на Тракторном стал символом отсталости, лодырничества, разгильдяйства.

Шишельному отделению литейного цеха, хуже всех работавшему, 12 мая 1931 г. вручен орден верблюда.

Металлург в литейном цехе приказывает засыпать в вагранку 95 килограммов кокса, его помощник—110, а Павел Артемьев, вагранщик, делает по-своему. Он не слушает ни металлурга ни его помощника.

На балансировке коленчатых валов достигли темпов Америки, а производительность в пять раз ниже. Приходится 6—8 раз перешлифовывать шейки коленчатых валов. Вместо снятия лишнего металла сверлом снимают его на-глазок наждаком.

Неправильно расположены станки в третьем пролете механосборочного цеха. Коленчатые валы приходится таскать на руках на расстоянии 12 метров.

ПРИКАЗ ВСНХ

Мобилизация 16 партработников в Сталинграде во главе с секретарем горкома ВКП(б) тов. Кучминым для работы на Тракторном.

Приказ ВСНХ, отменяющий бумажную непрерывку, порождающую обезличку. Зарплата повышается приказом до 40%, особенно для горячих цехов.

9 мая на завод прибыло 20 инженеров и 50 квалифицированных рабочих, мобилизованных по приказу тов. Орджоникидзе. Мобилизуемые получают квартиры. Срочно достраивается пять домов.

Получено 23 электрокары, 8 электрокар ВЭО прислано не на ходу и без аккумуляторов. ВСНХ объявляет выговор руководителям ВЭО.

Издается приказ по заводу: «За невыполнение распоряжений административно-технического персонала рабочие будут увольняться с завода». Это вызвано увеличением случаев недисциплинированности, прогулов даже среди коммунистов.

Американский специалист Холмс, анализируя причины прорыва в литейном, говорит: «Если рабочему или бригадиру кажется, что ему пришла в голову хорошая идея, которую он выкопал из книги или которую он от кого-то слышал, он немедленно изменяет методы своей работы в отношении песка, стояков и т. д., не консультируя по этому поводу и не уведомляя ответственное лицо. «Отчего у вас брак?» — он ничего не может на это ответить...»

Краник в ремонтно-механическом цехе стоит 60 руб. На рынке краник можно купить за 3 руб.

На совещании в заводоуправлении выясняется, что три месяца назад пропало два трактора. Комсомольцы собрали из дефектных частей трактор и увезли его куда-то в подшефное село, не сказав никому. Отдел сбыта не насчитывает у себя 25 тракторов.

Вода подается с перебоями. Единый водопровод не готов. Воду подают с временной заводской насосной станции с Волги, с большими перерывами. На верхнем поселке вода появляется только на несколько часов ночью. В поселке очереди за водой, с ведрами, с чайниками.

По инициативе «Правды» и заводского парткомитета с 21 по 23 мая проведена первая партконференция по освоению новой техники.

После открытого письма членов бригады «Правды» о плохой работе комсомола на СТЗ на завод приехала специальная комиссия ЦК ВЛКСМ во главе с тов. Косаревым.

Руководство комсомола сменено. Секретарем комсомола выдвинут член ЦК ВЛКСМ тов. Раскин. В течение 6 дней со дня приезда бригады в организацию влилось 1 500 новых комсомольцев.

ПЯТИТЫСЯЧНЫЙ ТРАКТОР

Перед снятием пятитысячного трактора в цехах большой недостаток рабочих. 24 и 25 мая ночью обходят комнаты дома приезжих и приглашают желающих отработать на малом конвейере для того, чтобы ускорить пуск пятитысячного. Выдвигается лозунг о заделе. В день выпуска пятитысячного создается задел в 40 комплектов.

В июне организуется резервный склад деталей для сборки. Оттуда можно брать детали только в крайнем случае с разрешения директора.

ПРИЕЗД КОМИССИИ ЦК

8 июня на завод прибыла комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) в составе тт. Косарева, Ягоды, Хлопянкина (зам. пред. Центросоюза), Волкова (зам. наркома снабжения) и Чаплина (председатель Всекоопита).

В течение двух дней организовано 20 киосков с фруктовой водой. В 10 дней отстроены два магазина на Верхнем поселке. Назначен комиссар чистоты для благоустройства поселка. Выделены специальные рабочие для прокладки асфальтовых дорожек, для озеленения поселка, для строительства стандартных домов. По распоряжению тов. Ягоды приступили к строительству яхт-клуба.

В эти же дни получена телеграмма от тов. Сталина с предложением в 30-дневный срок выстроить звуковое кино. Союзкино послало своего уполномоченного с чертежами. В 30 дней при 3-сменной работе выстроен звуковой кинотеатр на 1 200 мест. По распоряжению тов. Сталина на Сталинградский тракторный из Саратова переброшены 30 лодок.

Комиссия Политбюро оставила уполномоченных по проверке исполнения всех вынесенных решений.

16 июня заседание в ЦК. Доклад о Тракторном. Решено: отпустить 250 стандартных домов для Тракторного, дать 8 миллионов на жилстроительство, отпустить котлы для паросиловой станции, послать на завод 200 квалифицированных рабочих и инженеров.

НА ПУТИ К 100

В конце июля на пленуме заводского комитета партии обсуждался вопрос о проведении хозрасчета на заводе. «Отметить элементы правооппортунистического сопротивления проведению хозрасчета в отдельных звеньях заводоуправления».

Пленум парткомитета избирает тов. Трегубенкова секретарем парткома.

В постановлении пленума говорится: «Вместо четкого плана активного преодоления узких мест и ликвидации брака продолжается погоня за дефицитными деталями. Цехи по существу на хозрасчет не перешли. Имеются попытки подменить хозрасчет формальными договорами между цехами и заводоуправлением».

Через три недели после этого заседания 21 июля директор завода Грачев подал заявление об уходе. В конце июля директором завода назначен председатель ВАТО тов. Михайлов. В приказе ВСНХ сказано: «Навести порядок и довести выпуск до ста тракторов». Тов. Михайлов проводит твердую линию на наращивание выпуска по одному трактору в день.

На станках «Буллар» в зуборезном отделении механосборочного цеха обрабатывают в день 20 шестерен диференциала. Рабочие и техперсонал убеждены, что ни при каких условиях нельзя дать и 25 шестерен. Через три дня после

введения сдельщины эти же рабочие давали 30 шестерен в смену и вскоре довели выработку до 50 в день.

После введения сдельщины заработки слесарей поднялись с 140 до 280 руб. в месяц, наладчиков — с 140 до 200 руб. в месяц. Кузнецы Долотов и Кубасов зарабатывают до 500 руб.

Фабрика-кухня ежедневно отпускает 100 тысяч блюд и распродает 40 тысяч пирожных.

Освоено производство ковкого чугуна.

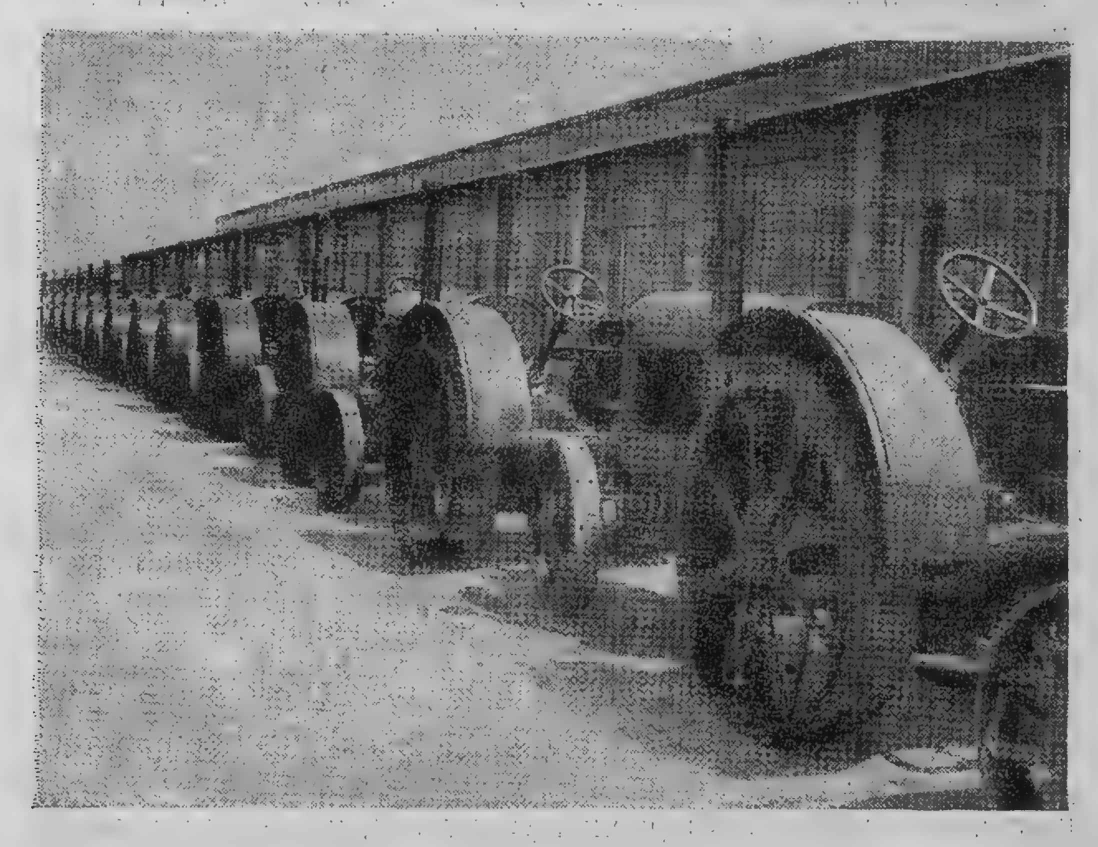
В цехах открываются свои ремонтные отделения. Основные цехи также начинают нести ответственность за состояние оборудования.

Инструментальный налаживает производство инструментов, которые до сих пор ввозились из-за границы: резцов «Глиссона», долбняков «Феллоу», больших брошей и т. д. Налажено производство фрез червячных, шлицевых, плашек «Марчея», наборных головок, разверток «Келли» и др.

К августу 70% рабочих переведены на сдельщину. На заводе 426 хозрасчетных бригад.

Хозрасчетный 19-й пролет механосборочного цеха в сентябре сэкономил 7 500 руб. Пролет вместо 28 рам пропускает в смену 45—50 рам.

В плавильном отделении, переведенном на хозрасчет, рационализирована подача шихты к вагранкам. Вместо 436 ра-

Колонна тракторов СТЗ, снятых с конвейера

бочих в отделении осталось 256, но выплавка вагранок поднялась. Начальник отделения Н. П. Анидалов в сентябре кроме основного оклада 384 руб. получил хозрасчетную премию в 200 руб.

24 сентября впервые с большого конвейера снято 100 тракторов.

Приложение 1

ИЗ ПИСЬМА тов. СТАЛИНУ

В письме к тов. Сталину в январе 1932 г. рабочие, специалисты и служащие СТЗ писали:

«Опыт пуска нашего завода сыграл колоссальную роль в освоении Советским союзом новых производств. На уроках нашего завода страна научилась сокращать пусковой период новых гигантов пятилетки. В частности Харьковский тракторный завод значительно быстрее налаживает выпуск тракторов, чем мы.

Как мы добились решающих успехов в борьбе за пуск завода? Почему в первом полугодии 1931 г. завод работал с огромными перебоями и дал только 5 722 трактора, а во втором полугодии мы в основном овладели производственным процессом и дали 12 686 тракторов?

В феврале 1931 г., в самый тяжелый момент в жизни завода, наша техническая неумелость и старые методы работы резко столкнулись с американской техникой. Машины производили гораздо меньше продукции, чем они должны были давать. Техника массового поточного производства не давалась нам. Завод не слушался наших хороших резолюций.

В эти дни появилась твоя речь на I Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности. В ней было определено главное звено: «Большевики должны овладеть техникой. Пора большевикам самим стать специалистами. Техника в период реконструкции решает все».

Шесть условий, выдвинутые во второй твоей речи — «Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства»,— научили нас, как овладеть техникой и наукой производства, как стать хозяевами дела...»

Приложение 2

НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ СТЗ

К началу первой пятилетки у нас в стране была одна Шевченковская машинно-тракторная станция и 25 миллионов мелких раздробленных крестьянских дворов. Каждый день при работе на полную проектную мощность Сталинградский тракторный завод выпускает шесть машинно-тракторных станций — 150 тракторов, дающих возможность реорганизовать земледелие в целом районе.

Год работы завода создает новые кадры сельскохозяйственного пролетариата в 90—100 тысяч человек.

40 тысяч тракторов — годовая продукция СТЗ — могут делать такую же работу, какую делает один миллион лошадей. Тракторы заменяют лошадей и волов и тем самым освобождают землю, на которой сейчас растут кормовые травы для рабочего скота. Каждый год работы Сталинградского тракторного освобождает 200 тысяч гектаров от посева кормовых трав.

Сталинградский тракторный завод и его тракторы в один год нормальной работы приносят народному хозяйству СССР добавочный доход в 350—400 млн. руб. Завод, на стройку которого затрачено 117 млн. руб., в один год нормальной работы дает стране средства, достаточные для постройки трех таких же заводов.

Годовой продукции Сталинградского тракторного при нормальной его работе было бы достаточно, чтобы тракторизовать всю Австрию, или половину Франции, или половину Германии.

Приложение 3

ТЕМПЫ НАРАСТАНИЯ ВЫПУСКА ТРАКТОРОВ

Дата	№ тракторов	Промежутки времени между выпуском каждых 5 тысяч тракторов
15 июня 1930 г.	1	
24 мая 1931 г.	5 000	11 месяцев 8 дней
28 августа 1931 г.	10 000	3 месяца 4 дня
3 ноября 1931 г.	15 000	2 месяца 6 дней
6 января 1932 г.	20 000	2 месяца 3 дня
29 февраля 1932 г.	25 000	1 месяц 23 дня

ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ ЗАВОДОВ

М. ГОРЬКИЙ. За большевистскую историю заводов. Статьи. М. 1932. (Биб-ка журнала „Рост“) 70 стр. Ц. 20 к. тир. 25.000 экз. (Распродано).

Библиографический указатель по истории фабрик и заводов. Книги и брошюры на русском языке. Под ред. и с предисл. библиографической комиссии по истории фабрик и заводов ин-та истории Комакадемии. М. 1932. 192 стр. Ц. 3 р. 50 к. Тир. 2 000 экз.

ИЗДАНИЯ ГОС. ИЗД-ВА „ИСТОРИЯ ЗАВОДОВ“

Рабочие пишут историю заводов. Сборник статей под ред. М. Горького и Л. Авербаха. Сост. И. Кубланов. М. 1933. 179 стр. Ц. 2 руб. Тир. 5 000 экз.

В сборник включены статьи об истории заводов, вошедшие в книгу М. Горького „За большевистскую историю заводов“.

„История заводов“. Сборники I, II, III (1932 г.) Сборники IV, V, VI (1933 г.)

Серия „В помощь авторскому коллективу“

Е. ГРЕКУЛОВ. Архивы как источник изучения истории заводов. М. 1932. 14 стр. Бесплатно. Тир. 250 экз.

М. АХУН и В. ЛУКОМСКИЙ. Выявление архивных материалов по истории фабрик и заводов (по фондам ленинградского отделения Центрального исторического архива). М. 1933. 8 стр. Бесплатно. Тир. 250 экз.

И. ТРЕТЬЯКОВ, М. ЛАВРОВ и Е. СУСЛОВА. О работе в архивах Ленинграда по истории заводов. М. 1933. 15 стр. Бесплатно. Тир. 300 экз.

М. РОЖКОВА. Как изучать заработную плату и положение рабочих в эпоху капитализма. М. 1933. 8 стр. Без цены. Тир. 300 экз.

М. РОЖКОВА. Об изучении труда и быта работниц (в капиталистическую эпоху). М. 1933. 7 стр. Бесплатно. Тир. 250 экз.

Программа по истории Октябрьских ж. д. М. 1933. 20 стр. Без цены Тир. 300 экз.

Программа по истории завода „Серп и молот“ (бывший „Гужон“). М. 1933. 27 стр. Бесплатно. Тир. 300 экз.

ИЗДАНИЯ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТНОЙ РЕДАКЦИИ „ИСТОРИИ ЗАВОДОВ“

Создадим историю заводов. Сборн. Л. 1933. 112 стр. Ц. 1 р. 50 к. Тир. 1 200 экз.

Партсовещание „Истории заводов“. Сборник под ред. Г. Зайделя, Я. Грузинского и Н. Попова. Л. 1933. 86 стр. Ц. 1 руб. Тир. 1 200 экз.

КНИГИ ПО ИСТОРИИ ЗАВОДОВ

Н. П. ПАЯЛИН. Завод им. Ленина. 1857 — 1918. Под. ред. П. С. Куделли. Предисл. Н. К. Крупской, М. и Л. Соцэкгиз. 1933. (Серия „История заводов“). 415 стр. Ц. 6 руб. Пер. 1 р. 75 к. Тир. 6 000 экз.

Люди Сталинградского тракторного. Сост. Я. Ильин. Редколлегия Л. Мехлис, Б. Галь, Я. Ильин, Б. Галин. М. Гос. изд-во „История заводов“. 1933. 461 стр. Ц. 5 руб., пер. 50 коп. Тир. 20 250 экз.

Путиловец в трех революциях. Сборник материалов по истории Путиловского завода. Сост. и подготовил к печати С. Д. Окунь. Предисл. И. И. Газа. Вступ. статья Н. Г. Попова. Гос. изд-во „История заводов“. 1933. 443 стр. Ц. 6 руб., пер. 50 коп. Тир. 10 000 экз.

ВЫХОДЯТ ИЗ ПЕЧАТИ

Сборник „Шестнадцать заводов“. Главы из истории фабрики „Красный Перекоп“, Трехгорной мануфактуры, заводов „Большевик“ Московского инструментального, Коломенского, „Серп и молот“ (б. „Гужон“) и др.

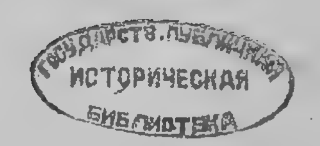
Сборники „История заводов“ № 7 и 8. С. Завьялов и Н. Иванов. История Ижорского завода. Том I.

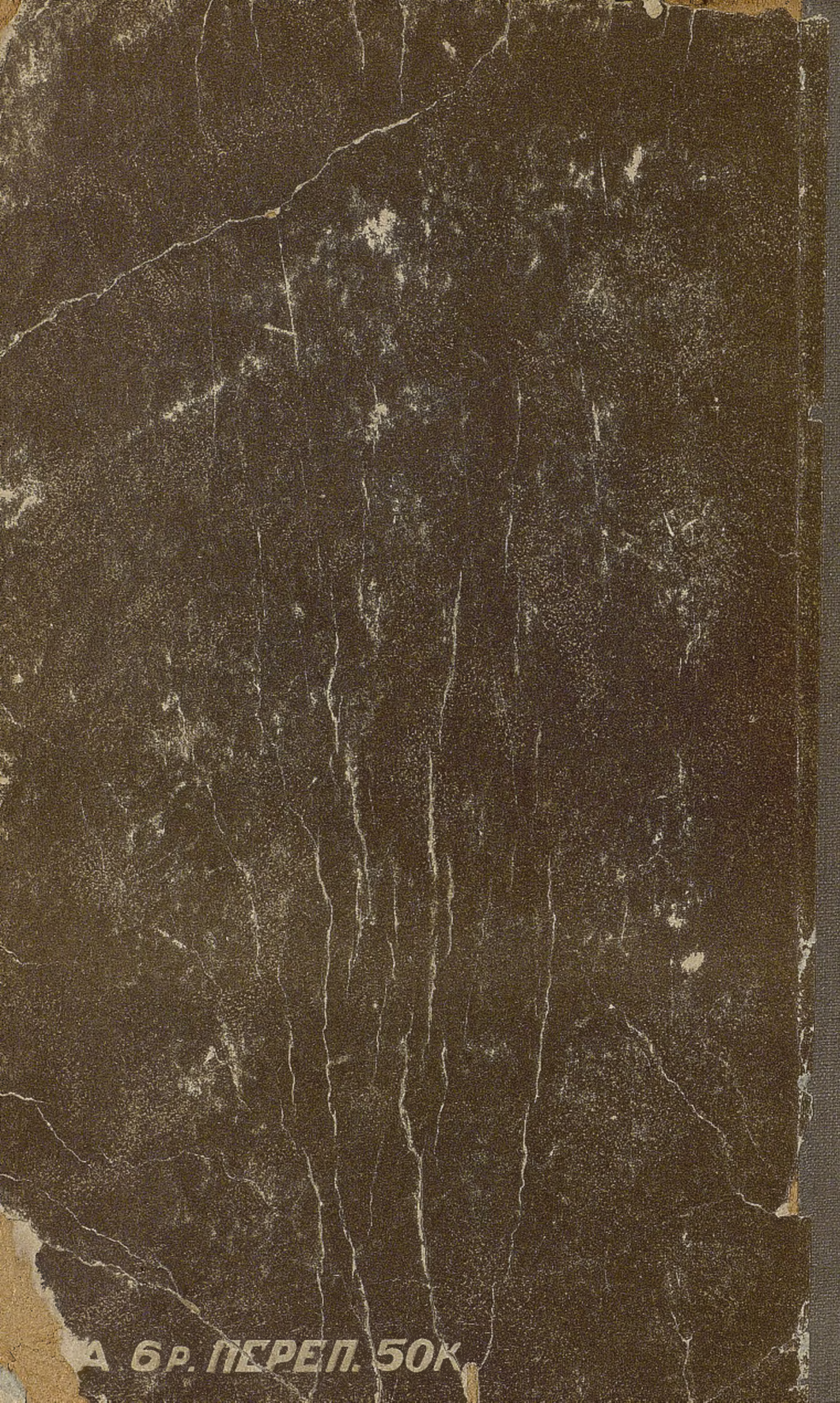
Беломорстрой. Очерки по истории строительства Беломорско-балтийского водного пути. Авторы: Б. Агапов, С. Алымов, А. Берзинь, С. Буданцев, Е. Габрилович, Н Гарнич Г. Гаузнер, С. Гехт, К. Горбунов, М. Горький, С Диковский, Н. Димитриев. К. Зелинский, М. Зощенко, Вс. Иванов, В. Инбер, В. Катаев, М. Козаков, Г. Корабельников, Б. Лапин, Б. Лебеденко, Л. Никулин, В. Перцов, М. Пришвин, Я. Рыкачев, Л. Славин, А. Толстой, К. Финн, В. Шкловский, А. Эрлих, Н. Юргин и Б. Ясенский. Под редакцией М. Горького, С. Фирина и Л. Авербаха.

СОДЕРЖАНИЕ

Техред. Н. Ловушкин. Выпуск. В. Голубков.
Уполномоченный Главлита № В-55795
Изд-во „История заводов"
Заказ № 1482. Тираж 10 000. Объем 37 печ. листов. Плотность набора 45 000 знаков в бум. листе. Сдано в набор 1/XII 1932 г. Подписано к печати 15 окт., выпущ. в свет 29 декабря 1933 г. Отпечатано в 7-й типографии „Искра революции" Мособлполиграфа. Арбат, Филипповск. пер., 13.

А 6 Р. ПЕРЕП. 50 К